

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 26. № 2

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 2

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**, **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
N.M. Vishnyakova, *Yu.I. Nedelkina*, *I.V. Smetanina*
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up: *M.Yu. Merkulova*
Technical editing: *M.Yu. Merkulova*, *E.S. Reshetnikova*

Relayed to print Febr. 25, 2021.

Date of publication May 14, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.7. Published pages 27.6.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–61). Order 77. «С» 7.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,
Н.М. Вишнякова, *Ю.И. Неделькина*, *И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Ю.В. Чемеетева*
Верстка *М.Ю. Меркуловой*

Техническое редактирование *М.Ю. Меркуловой*,
Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 25.02.2021 г.

Дата выхода в свет 14.05.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 27,6.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–61 экз.). Заказ 77. «С» 7.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного

университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

**ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

2021

Том 26. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

**HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS**

2021

Volume 26. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2021. Vol. 26. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* – Issue Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleymann* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Girya* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021. Т. 26. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И. О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В. А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е. В. Архипова* – редактор номера (г. Волгоград);
ст. преп. *П. И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М. А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т. В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А. Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С. И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И. Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С. И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е. В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А. С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А. И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А. И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А. П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н. Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А. А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю. Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е. Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С. В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С. А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е. Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И. И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И. И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И. П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А. В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б. А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М. А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н. Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А. Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С. А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А. А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

<i>Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Ельцов М.В.</i> Человек и степь в раннем железном веке. Итоги междисциплинарных исследований	6
<i>Выборнов А.А., Ставицкий В.В., Кулькова М.А.</i> О происхождении прикаспийской культуры	31
<i>Балабанова М.А.</i> Об антропологических связях скифов Северного Причерноморья и савромато-сарматского населения VI–III вв. до н. э.	38

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Блохин П.А.</i> Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: краткий проект	56
<i>Волвенко А.А.</i> «Новые» казацкие войска в правительственных проектах и чиновничьих записках 1860-х годов	68

ЦЕНТРАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Космовская А.А.</i> Фискальные функции воеводской канцелярии Прикамья в 1720–1780-х годах	80
<i>Морозан В.В.</i> Женский труд в Центральном управлении и в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка Российской империи в конце XIX – начале XX века	95
<i>Толмачева С.А.</i> Деятельность местных органов управления по реализации Столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси (1906–1914 гг.)	107

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

В 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

<i>Амбарцумян К.Р.</i> Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах	119
<i>Ерохина О.В.</i> Концессионная политика СССР в сельском хозяйстве: обзор новейшей историографии	133
<i>Данилов В.Н.</i> Финальные аккорды «детища» М.Н. Покровского: общество историков-марксистов в начале 1930-х годов	143
<i>Луночкин А.В., Фурман Е.Л.</i> Продовольственное снабжение жителей Сталинграда в период индустриализации (конец 1920-х – середина 1930-х гг.)	157

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Еремеева А.Н.</i> Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны	171
---	-----

<i>Федоров Р.Ю.</i> Традиционная одежда белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока: исходные особенности и трансформации	184
--	-----

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Базарова Т.А.</i> «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году	194
<i>Тюменцев И.О., Клейтман А.Л.</i> Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова). Часть 2	207
<i>Борщевский Г.А.</i> Внешнеполитическое планирование и оценка эффективности учреждений МИД России	215
<i>Бирюков С.В.</i> Россия – Китай: непростой путь к стратегическому партнерству (к 70-летию установления дипломатических отношений)	231

СОВРЕМЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

<i>Морозова Г.В., Фатыхова Д.Р., Зиятдинова Э.М.</i> Модели коммуникации органов местного самоуправления как субъекта современной российской политики (на примере органов местного самоуправления Республики Татарстан)	246
<i>Васильева Е.Н., Ростовская Т.К., Сулейманлы А.</i> Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019)	255

CONTENTS

INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN ARCHAEOLOGY

- Krivosheev M.V., Pererva E.V., Eltsov M.V.*
Human and Steppe in the Early Iron Age.
Results of Interdisciplinary Research 6
- Vybornov A.A., Stavitsky V.V., Kulkova M.A.*
On the Origin of the Caspian Culture 31
- Balabanova M.A.*
About Anthropological Connections
Between the Scythians of the Northern Black Sea
Region and the Sauromat-Sarmatian Population
of 6th – 3rd Centuries BC 38

POWER AND SOCIETY

- Blokhin P.A.* Two “Identical” Freiburg Charters
of 1275. Short Draft 56
- Volvenko A.A.* “New” Cossack Troops
in Government Projects
and Official Notes of the 1860s 68

CENTRAL AND LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

- Kosmovskaya A.A.* Fiscal Functions of the Voivodship
Office of Prikamye in the 1720s – 1780s 80
- Morozan V.V.* Female Labor in the Central Office
and in the Saint Petersburg Branch of the State Bank
of the Russian Empire
in the Late 19th – Early 20th Centuries 95
- Tolmacheva S.A.* Activities of Local Government
Institutions on the Stolypin Agrarian Reform
Implementation
in the Territory of Belarus (1906–1914) 107

SOVIET POWER IN THE 1920s – EARLY 1930s

- Ambartsumyan K.R.* Policy of Postponed Sovietization:
Russian Soviet Federative Socialist Republic
and Georgia in 1920–1921 119
- Erokhina O.V.* Concession Policy
of the Soviet Union in Agriculture:
A Review of the Recent Historiography 133
- Danilov V.N.* Final Chords of M.N. Pokrovsky’s
“Brainchild”: Society of Marxist Historians
in the Early 1930s 143
- Lunochkin A.V., Furman E.L.* Food Supply
to the Residents of Stalingrad During the Period
of Industrialization (Late 1920s – Mid-1930s) 157

HISTORY AND CULTURE

- Eremeeva A.N.* Practice of Memorialization
of the Anti-Soviet Movement in the South of Russia
During the Civil War 171

- Fedorov R.Yu.* Traditional Clothes of Belarusian Peasant
Migrants in Siberia and the Far East:
Original Features and Transformations 184

HISTORY OF DIPLOMACY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Bazarova T.A.* “Send for His Great Sovereign Affairs...”:
Embassy of D.M. Golitsyn to the Sublime Porte
in 1701 194
- Tyumentsev I.O., Kleitman A.L.* Military-Technical
Cooperation of the USSR and the CHSR in the 30s
of the 20th Century (According to the Memoirs
of Chief Designer of Artillery Weapons
of the Kirov Plant I.A. Makhanov). Part 2 207
- Borshchevskiy G.A.* Foreign Policy Planning
and the Effectiveness Evaluation
of the Russian Foreign Ministry’s Bodies 215
- Biryukov S.V.* Russia – China: A Difficult Way
to Strategic Partnership (To the 70th Anniversary
of the Establishment of Diplomatic Relations) 231

MODERN DOMESTIC POLICY OF RUSSIA

- Morozova G.V., Fatikhova D.R., Ziiatdinova E.M.*
Communication Models of Local Self-Government
as a Subject of Modern Russian Policy
(Based on Local Self-Government Bodies
of the Republic of Tatarstan) 246
- Vasilieva E.N., Rostovskaya T.K., Süleymanly E.*
Demographic Threats to National Security
in the Political Discourse
of the Russian Federation (1992–2019) 255

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.1>

UDC 903'1[683.3]
LBC 63.442.7

Submitted: 25.08.2020
Accepted: 15.01.2021

HUMAN AND STEPPE IN THE EARLY IRON AGE. RESULTS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH ¹

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maxim V. Eltsov

Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science, Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Recent archaeological studies deal with the integration of natural science disciplines. Such scientific interaction includes the reconstruction of climatic changes, human adaptation to the changing conditions of nature, study of sociocultural specifics in nomadic groups as well as rising archaeological cultures, with emphasis on the interconnection between the fluctuations of steppe environmental conditions and steppe populations. *Analysis.* The article presents the results of the carried out interdisciplinary analysis of classic and modern archaeological studies and natural science disciplines. This allows evaluating the specifics of different factors (paleoclimatic, sociocultural, etc.) influencing the “steppe-human” system in a new way. Such factors as registered climatic changes, spreading areas of archaeological cultures, mortuary funeral rites, results of paleoanthropological examination, written records and ethnographic data provide evidence to reconstructing different time-span events of early nomads’ history in one context. The reconstruction of historical reality shows quite strong correlation between the environment and specific features in the development of ancient steppe societies. Human has high adaptive abilities to changing factors. However, the steppe population mode of life is extremely conservative and it has practically never changed during the Sarmatian or Sauromatian history. Climate fluctuations over the steppe area influenced the demographic and social structure of nomadic society. During auspicious periods, nomadic communities became populous and active politically and military. If negative factors dominated, the population tended to decrease and the social structure tended to simplify. Critical indicators of aridization and humidization in Eurasian steppes are followed with the population outflow, which is evidenced by small amount of archaeological sites or even by vanishing of cultures. *Results.* Thus, the authors conclude that when studying archaeological sites of the Early Iron Age nomadic cultures, it is necessary to consider the steppe and human as a single organism responsive to changing and a strong impact of environmental and socio-cultural factors.

Key words: archaeology, anthropology, soil science, interdisciplinary research, climate, interconnections, nomads, Early Iron Age.

Citation. Krivosheev M.V., Pererva E.V., Eltsov M.V. Human and Steppe in the Early Iron Age. Results of Interdisciplinary Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 6-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.1>

ЧЕЛОВЕК И СТЕПЬ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ. ИТОГИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Максим Витальевич Ельцов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Аннотация. Современные археологические исследования невозможны без интеграции с естественно-научными направлениями. Взаимодействие между научными дисциплинами происходит в рамках проведения реконструкций климатических изменений, решения вопросов адаптации степного населения к изменяющимся природным условиям, изучения формирования социокультурных особенностей кочевых общностей и становления археологических культур, а также поиска взаимосвязи между флуктуациями природных условий в степи и живущими в ней человеческими популяциями. В представленной работе приведен анализ классических и перспективных исследований в области археологии и естественнонаучных дисциплин, что позволяет по-новому оценить характер взаимодействия различных палеоклиматических, социокультурных, политических и других факторов, влияющих на систему «степь – человек». Фиксируемые изменения климата в степи, ареалы распространения археологических культур, особенности погребального обряда, результаты палеоантропологических исследований, а также данные письменных источников и этнографии позволяют в едином контексте реконструировать события, характерные для различных периодов истории ранних кочевников. Реконструкция исторической действительности указывает на достаточно жесткую взаимосвязь природных условий и особенностей развития древних обществ, обитающих в степном пространстве. Человек обладает высокой степенью адаптации к меняющимся факторам. При этом общий хозяйственно-экономический уклад и быт степняков крайне консервативен и практически не менялся на протяжении всей савромато-сарматской истории. Колебания природных условий в степи влияли на демографические показатели и социальную структуру кочевого общества. В благоприятные периоды кочевые сообщества становятся многочисленными и активными в военно-политическом плане. При доминировании негативных факторов отмечается уменьшение населения и упрощение социальной структуры. При возникновении критических показателей аридизации или гумидизации в евразийских степях фиксируется отток населения, что подтверждается уменьшением количества археологических памятников и даже исчезновением культур. В результате можно заключить, что при изучении памятников кочевых культур раннего железного века необходимо воспринимать степь и человека как единый организм, чутко реагирующий на изменение и воздействие факторов среднего и социокультурного характера.

Ключевые слова: археология, антропология, почвоведение, междисциплинарные исследования, климат, взаимосвязи, кочевники, ранний железный век.

Цитирование. Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Ельцов М. В. Человек и степь в раннем железном веке. Итоги междисциплинарных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 6–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.1>

Введение. Урало-волго-донские степи являются уникальным регионом, где на протяжении без малого полувека ведется изучение археологических памятников раннего железного века при тесном сотрудничестве ар-

хеологов, антропологов и почвоведов. Накоплен беспрецедентный по своим масштабам и детализации научный материал, охватывающий особенности материальной культуры и погребального обряда кочевых культур, изме-

нения условий существования степного населения и его состав, динамику палеоэкологических условий. Археологические памятники являются единственным источником информации о культурах ранних кочевников. Степень проработанности этой информации только археологическими методами не соответствует требованиям, предъявляемым современной наукой. Приводимый в статье обзор современных методов междисциплинарных исследований археологических памятников, показывает сложную взаимосвязь кочевников с окружающей средой и позволяет говорить о системе «степь – человек», в которой каждая составляющая играет важную роль и влияет на функционирование системы.

В работе представлены основные направления междисциплинарной интеграции, получившие наибольшее развитие: археология, антропология, почвоведение. О каждом из них речь пойдет ниже.

Начало I тыс. до н. э. в степях Нижнего Поволжья ознаменовано возникновением у племен нового хозяйственного уклада в виде кочевого скотоводства – номадизма. Переход к полукочевому и кочевому образу жизни ряд историков связывают с климатическими изменениями, происходившими в восточноевропейских степях в виде нарастающих процессов аридизации. На территории Восточной Европы, как и практически на всей территории Евразии, наряду с экологическими и хозяйственными изменениями происходят и культурно-этнические трансформации, связанные с переходом от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Специфика археологического изучения памятников кочевого населения раннего железного века отражается в наличии исключительно погребальных памятников подкурганного типа. При крайней скудности письменных источников для этого периода исследования сосредоточены преимущественно в области создания относительной и абсолютной хронологических шкал культур, сменявших друг друга в степях Восточной Европы. Для большинства регионов разработаны локальные схемы, указывающие на преимущественно миграционный характер новых культур. Высокая дробность хронологических этапов истории кочевых народов раннего

железного века позволяет выстроить более точную модель изменений климата и интерпретировать трансформации в материальной культуре, социальной структуре общества и составе населения.

Общепринятая на данный момент схема хронологии кочевнических культур урало-волго-донских степей раннего железного века, без учета локальных особенностей, выглядит следующим образом: VIII–VII вв. до н. э. – киммерийский (предсавроматский) период; VI–IV вв. до н. э. – савроматский; IV–I вв. до н. э. – раннесарматский; I – сер. II в. н. э. – среднесарматский; сер. II – IV в. н. э. – позднесарматский.

На протяжении всей истории кочевников урало-волго-донских степей раннего железного века происходили события, связанные с климатическими изменениями в степи, миграционными процессами, деградацией, политическими факторами и т. д. Изучение и учет комплекса данных, получаемых при междисциплинарном подходе к исследованию археологических памятников, позволяют говорить о существовании системы «степь – человек» и реконструировать картину прошлого, выявляя и учитывая сложные взаимосвязи и закономерности этой системы.

Методы археологии. В конце 1940-х гг. в работах Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова [27; 80] был заложен фундамент археологии кочевников раннего железного века и установлена последовательность смены археологических культур. Устоявшиеся названия соответствовали хронологическим этапам, выделяемым в эпохе ранних кочевников: савроматская культура (VI–IV вв. до н. э.), раннесарматская (IV–I вв. до н. э.), среднесарматская (I – первая половина II в. н. э.), позднесарматская (вторая половина II – IV в. н. э.). В целом эпоха получила название савромато-сарматской.

В основе изучения археологического материала лежат традиционные для археологического исследования сравнительно-исторический и типологический методы, основанные преимущественно на визуально фиксируемых признаках, простых количественных показателях, доступных исследователю без применения специального оборудования.

В истории изучения савромато-сарматских древностей второй половины XX в. был

проделан огромный труд по систематизации всего массива данных археологического материала, известного на тот момент [87]. С 80-х гг. отмечается тенденция к появлению исследований, направленных на анализ локальных регионов [53; 57; 76].

В конце XX – начале XXI в. серьезный прорыв в археологическом изучении наметился с появлением работ, в которых были предложены четкие типологические схемы особенностей погребального обряда и инвентаря сарматских культур [76; 77]. Внедрение методики стандартизированного описания массового материала позволило структурировать понятийный аппарат в среде исследователей. Единая терминология описания кочевнических древностей урало-волго-донских степей стала основой дальнейшего поступательного движения в археологии регионов. А.С. Скрипкин в своих работах, посвященных позднесарматской [76], а затем ранне- и среднесарматской культурам [77], предложил типологические схемы, используемые и в настоящее время.

Дальнейшее развитие исследований, основанных на традиционных методах археологии, не обеспечивало необходимой динамики в развитии сарматской проблематики и могло быть связано лишь с экстенсивным расширением источниковой базы. Углубление интеграции с другими науками, методы которых позволяют раскрывать информационный потенциал археологических источников, стало не только перспективным направлением в савромато-сарматской археологии, но и общемировой тенденцией.

В связи с огромным интересом историков, археологов и этнографов к рассматриваемому периоду и региону возникает вопрос о том, какие источники имеются на вооружении ученых, для того чтобы разобраться в особенностях развития историко-культурного процесса на территории степной Евразии, который происходил на протяжении практически тринадцати столетий. Специфика древностей раннего железного века в степной полосе Восточной Европы обусловлена практически полным отсутствием памятников поселенческого типа. Это связано с кочевым образом жизни и скотоводческой основой экономики населения степей в эту эпоху, оставившего только погребальные памятники. Казалось бы,

однбокость таких источников, отсутствие многих элементов, позволяющих реконструировать «живую» культуру, должны привести к возникновению сложностей при попытках интерпретации исторических и социальных процессов. Однако именно специфика погребальных комплексов, связанная с их единовременной археологизацией, ограниченность круга источников в этих комплексах определили интенсивный путь развития методических подходов в изучении памятников этого периода.

Определенной вехой в развитии кочевнической археологии стали исследования в области применения статистической обработки крупных массивов данных. Результатом этих многолетних работ стала серия изданий под общим названием «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии» [83–86]. В этих книгах впервые информация о погребальных памятниках была представлена в виде закодированной базы данных, где каждому признаку присваивалось определенное значение. Количественные методы, примененные в данных работах, в том числе fuzzy-анализ, кластерный, факторный анализы, позволили выявить в погребальной обрядности ряд статистически значимых признаков. Комплекс таких исследований дал возможность определить и обосновать особенности формирования сарматских культур и специфику их развития в различных регионах.

В 90-х гг. прошлого века новым направлением в изучении кочевнических материалов стало развитие металлографических исследований. Технология производства и обработки черных металлов, особенности рецептуры, построенные на основе анализа внутреннего строения металлов и сплавов, позволили выяснить тенденции развития металлургии и металлообработки [66]. В некоторых случаях были получены результаты, которые серьезно изменили представление о традициях и вещах, используемых в погребальном обряде. Так, исследование показало, что мечи, помещенные в могилы, не могли использоваться в бою, поскольку клинки не были закаленными [39]. К сожалению, работа в этом направлении требует наличия специального оборудования и крайне трудоемка, что отрицательно сказалось на развитии металлографии как направления в провинциальных центрах.

Методы антропологии. Существует еще один вид источника, являющийся сопутствующим практически всем раскопкам могильных комплексов, который получают в результате археологических исследований погребальных памятников кочевников Евразии, – это палеоантропологический материал.

Научное изучение его было начато еще в 20-е гг. прошлого века и продолжается по настоящее время. На территории урало-волго-донских степей были собраны обширные костные коллекции кочевников раннего железного века, которые находятся сегодня в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Волгоград и Элиста.

Одно из первых исследований антропологических материалов, принадлежащих носителям сарматской культуры эпохи раннего железного века, было предпринято С.И. Руденко. Им были изучены костные останки 5 человек – двух мужчин и трех женщин, происходящие из прохоровских курганов Оренбургской области [74, с. 102].

Дальнейшее развитие антропологии кочевников евразийской степей, в так называемый советский период, было связано с двумя наиболее широко распространенными направлениями исследования: краниологией и в несколько меньшей степени – остеологией. Однако начиная с конца XX в. в отечественной физической антропологии активно начинают применять методы многомерной статистики, что облегчило исследователям проведение сравнительных анализов синхронных серий из различных территорий. Получило развитие такое направление, как палеодемография, а с начала XXI в. в отечественной науке активно начинают проводиться исследования в области палеогенетики, палеопаразитологии, изучения химического состава костных останков, что неопределимо для реконструкции особенностей образа жизни и характера питания кочевого населения урало-волго-донских степей. Широкое распространение в нашей стране получили такие научные направления, как палеопатология, палеофенетика, одонтология и многие другие. Все чаще начинают проводиться комплексные исследования отдельных памятников кочевников раннего железного века, что позволяет по-новому взглянуть на особенности жизни кочевников, специфику этногенети-

ческого развития и трансформации населения степного региона в раннем железном веке.

Начало изучению краниологии населения Нижнего Поволжья раннего железного века было положено в труде Г.Ф. Дебеца «Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье», опубликованном в 1936 году [30]. Впоследствии в 1948 г. свет увидел фундаментальный труд этого же исследователя «Палеоантропология СССР». Г.Ф. Дебеч впервые представил объемные результаты изучения Нижневолжских краниологических серий кочевников раннего железного века, на основе чего ученым было выделено два морфологических комплекса сарматов. Первый тип связан с андроновским населением эпохи бронзы, который у кочевников Поволжья появился в результате переселения сюда группы с территории Казахстана, а второй – брахикефальный европеоидный тип, происходящий от местного катакомбного населения [31, с. 170–171].

В дальнейшем изучение краниологических серий раннего железного века с территории Юга России проводилось такими исследователями, как Т.С. Кондукторова [48; 49], В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн [24; 25; 89], Н.М. Глазкова и В.П. Чтецов [26], М.С. Акимова [1], С.Г. Ефимова [36], Р.М. Юсупов [92], С.И. Круц [51], А.Н. Багашев [4; 5], Е.Ф. Батиева [15–17], Л.Т. Яблонский [93; 94], М.А. Балабанова [7; 14], Е.П. Китов [44] и др.

В целом исследования краниологических серий урало-волго-донских степей раннего железного века в последние десятилетия позволили ученым сделать вывод о полиморфности населения этого времени. Начиная со II в. до н. э. происходят существенные изменения в антропологическом облике людей степного региона, и прежде всего это касается мужской части населения [9, с. 75]. Миграции, начавшиеся в раннесарматское время (II–I вв. до н. э.), значительным образом изменили краниотипы местных групп. На территорию Нижнего Поволжья начинают проникать группы так называемых длинноголовых резкопрофилированных европеоидов, антропологический комплекс которых становится доминирующим в период со II по IV в. н. э. на территории восточноевропейских степей. Кроме этого, начиная с первых веков н. э. у степных кочевников начинает появляться монголоидная примесь [10, с. 33].

Таким образом, исследования краниологов указывают на сложность формирования этногенетической истории номадов степного региона, в то же время подтверждают предположения археологов о существенном влиянии миграционных процессов на облик носителей кочевых культур урало-волго-донских степей.

Что же касается остеологических исследований материалов эпохи раннего железного века, то они значительным образом уступают как в количественном отношении, так и по качеству. Первым обобщающим трудом по изучению остеологического материала сарматской эпохи является работа Б.В. Фирштейн [89]. Ученым исследованы серии северной части Заволжья Саратовской и Волгоградской областей. Изучение и анализ этих групп позволил Б.В. Фирштейн обнаружить некоторые морфологические особенности в телосложении кочевников, которые проявились в виде тенденции к уменьшению роста в позднесарматское время относительно носителей раннесарматской культуры [89, с. 146]. Исследователь предположила, что на раннем этапе длина костей верхних и нижних конечностей у сарматов была несколько больше, чем на последующих, и рост их поэтому был несколько выше. По абсолютным значениям размеров длинных костей посткраниального скелета сарматы, по мнению Б.В. Фирштейн, более сходны с населением срубной и андроновской культур. Длина тела сарматов несколько ниже, чем у населения эпохи бронзы [89, с. 145].

Важное значение для понимания специфики формирования телосложения и развития морфологии посткраниального скелета населения юга России раннего железного века имеют исследования ученых, которые занимались изучением остеологических серий синхронных археологических культур сопредельных территорий: скифов Украины [22; 49], скифов и населения хунно-сарматского круга Тувы [19; 69; 70], населения джетысарской и тагарской культур [54; 55], населения Алтая [75].

Из исследований в области остеологии сарматов следует также выделить работы Д.В. Пежемского и С.Ю. Фризена. Так, Д.В. Пежемский провел сравнительный анализ костных материалов Южного Приуралья позднесарматского времени (могильник Покровка) с синхронными группами с террито-

рии Нижнего Поволжья и Восточного Приуралья, установил их значительное отличие от популяций Зауралья [59, с. 166–167].

С.Ю. Фризен изучил костные останки из могильников раннего железного века Покровка-1, Покровка-2, Покровка-7, Покровка-8 и Покровка-10. Ученый установил, что сарматская серия из этих памятников характеризуется как относительно высокорослая с мезоморфным телосложением [90].

На этом исследования остеологических материалов степного региона эпохи раннего железного века ограничиваются. В связи с этим следует указать, что изучение сарматской остеологии сегодня является одним из наиболее актуальных направлений в палеоантропологии кочевого населения Юга России IX в. до н. э. – IV в. н. э.

Существенную информацию для понимания генезиса и стратегии выживания кочевого населения раннего железного века имеют работы, выполненные в области палеодемографии. Сегодня ни одно масштабное палеоантропологическое исследование не проводится без учета половозрастных особенностей популяций, большое внимание уделяется проблемам воспроизводства и продолжительности жизни древнего населения. Примечательно то обстоятельство, что в отношении сарматов впервые реконструкция численности степного населения Нижнего Поволжья на основе анализа половозрастных показателей и палеоэкологических данных была проведена археологами. Одним из ведущих специалистов по археологии волго-уральского региона Б.Ф. Железчиковым были опубликованы две работы, в которых автор указал на то, что для сарматских культур Волжского региона характерно преобладание мужских захоронений над женскими, в особенности в раннесарматское время. Ученый пришел к выводу, что сложившаяся ситуация объясняется активными миграционными процессами, в результате которых в степях Заволжья и междуречья Волги и Дона преобладало в основном мужское население [37; 38].

Существенное значение для понимания исторических процессов, происходящих в популяциях степного региона Поволжья, имеют исследования по палеодемографии населения Нижнего Дона IX в. до н. э. – IV в. н. э., про-

веденные Е.Ф. Батиевой [16; 17]. Проанализировав массивные выборки оседлого и кочевого населения Подонья, автор пришла к выводу, что в большинстве городских выборок III в. до н. э. – I в. н. э., а также в сериях скифского времени женщин и детей в погребениях больше, а также продолжительность жизни практически всех категорий населения выше, нежели в выборках кочевого населения Нижнего Дона. Данная ситуация, по мнению Е.Ф. Батиевой, складывается в результате того, что условия жизни в стационарных поселениях, скорее всего, были лучше. В заключительные столетия раннего железного века картина несколько меняется – половозрастные показатели в оседлых и кочевых могильниках по палеодемографическим параметрам нивелируются, что, по мнению исследователя, связано с проникновением кочевого населения в состав городского [17, с. 93].

Огромный интерес представляют палеодемографические исследования, проведенные М.А. Балабановой [8; 10; 52]. Ученым был установлен ряд важных особенностей, которые характерны для демографической структуры сарматского общества различных периодов. Так, выявлено существование определенного социального приоритета мужчин возмужалого и зрелого возраста в социуме сарматских кочевников. Существенно ограниченной социальной значимостью обладали дети младшего и старшего возраста, а также подростки. Реальное же место номада в половозрастной структуре кочевого общества, как считает М.А. Балабанова, было обусловлено личными физико-генетическими данными [65, с. 478].

В последние годы антропология кочевого населения Нижнего Поволжья раннего железного века расширилась еще несколькими направлениями.

Прежде всего, следует указать на палеопатологию – научную дисциплину, в рамках которой большое внимание уделяется изучению патологических отклонений на костных останках человека. Впервые изучение патологических состояний на костях сарматов было проведено Д.Г. Рохлиным. На ряде скелетов, которые исследованы ученым, было обнаружено большое количество дегенеративных изменений суставов, спондилезов, остеохондрозов, боевых ранений, а также два слу-

чая сифилитических и злокачественных изменений. Именно Д.Г. Рохлиным была описана первая удачно проведенная хирургическая операция – трепанация черепной коробки у сарматского мужчины [73, с. 195].

В дальнейшем исследования костных останков кочевого населения раннего железного века на основе анализа патологических состояний были проведены М.А. Финкельштейн [88], М.А. Балабановой и О.М. Цыгановой [6], Е.Ф. Батиевой [15], А.О. Афанасьевой [3], Е.В. Перервой [60–62; 64].

В начале XXI в. палеопатологические исследования ученых смещаются в область биоархеологии – научного направления, которое занимается изучением костных останков человека в целях реконструкции средовых и социальных факторов, обуславливающих образ жизни и стратегию выживания древних популяций [103, р. 1]. Идейным вдохновителем данного направления в нашей стране является академик, доктор исторических наук А.П. Бужилова, которая еще в 2005 г. в своей фундаментальной монографии «*Homo sapiens: история болезни*» большое внимание уделила проблемам, связанным с образом жизни, особенностями здоровья, социальным окружением, миграциями и травмами степного населения раннего железного века [21, с. 141–208]. В рамках данного направления следует также отметить работы Н.Я. Березиной [18], М.А. Соколовой [81], А.П. Бужиловой и И.С. Каменецкого [20], М.А. Балабановой [12; 13], Е.В. Перервы [64].

Исследования в области палеопатологии и биоархеологии населения урало-волго-донского региона раннего железного века сегодня показывают, что для кочевых культур IX в. до н. э. – IV в. н. э. определяющую роль играли природно-климатические условия, складывавшиеся на территории степной зоны, которые обуславливали особенности экономического уклада и социокультурного развития населения, определив специфику ведения хозяйства и образ жизни. Способ хозяйствования и особенности климата стимулировали формирование определенного палеопатологического профиля у кочевников степного Поволжья раннего железного века, который с незначительными изменениями проявляется у населения предсавроматского, савроматского, ран-

несарматского, среднесарматского и позднесарматского времени [63].

В настоящее время перспективными в палеоантропологии являются исследования в области генетики савромато-сарматских племен. К сожалению, таких трудов пока еще недостаточно. Начало работам в этом направлении было положено исследованиями в области палеофенетики. Так, А.Г. Козинцев в 2007 г., проведя сравнительный анализ степных и лесостепных скифов на краниологическом материале, высказал точку зрения о сходстве степных скифов с населением Окуневской культуры Тувы, что, по его мнению, указывает на центральноазиатское происхождение степных кочевников VII в. до н. э. [47].

Изучением частоты распространения дискретно-варьирующих признаков на краниологическом материале сарматов и скифов занималась А.А. Мовсеян. Исследователем были проанализированы серии кочевников раннего железного века из Волгоградской области и Южного Приуралья. Многомерный статистический анализ доказал генетическую близость сарматов Приуралья и Нижнего Поволжья, а последние, по мнению А.А. Мовсеян, приняли участие в метисации с праславянскими племенами [56, с. 45, 48].

Исследований в области палеофенетики кочевников раннего железного века также мало. Так, группой исследователей во главе с М. Антерляндером были изучены палеоматериалы раннесарматского времени из могильника Покровка Южного Урала [95]. Еще одна работа посвящена изучению генетических материалов причерноморско-каспийских степей эпохи бронзы и раннего железного века [96]. Оба вышеуказанных исследования доказывают существование определенного восточного компонента, повлиявшего на внутригрупповую неоднородность раннесарматского населения, а также принявшего участие в формировании населения среднесарматского и позднесарматского времени [29, с. 26–27].

Передовым исследованием в этой области в настоящий момент является работа, ведущаяся коллективом ученых во главе с А.С. Пилипенко и М.А. Балабановой, которые, сопоставляя данные палеофенетики и краниологии, пришли к выводу о том, что, с одной стороны, говорить о существенном влиянии на сарматский

генетический материал южносибирских групп преждевременно, а с другой – что кочевые группы Нижнего Поволжья раннего железного века обнаруживают большее генетическое сходство с саргатскими популяциями [29, с. 29].

Накопление палеоантропологических материалов раннего железного века и их изучение с использованием естественнонаучных направлений стимулировало развитие исследований в области реконструкции диеты при помощи анализа стабильных изотопов на сарматских костных материалах. Несмотря на то, что, как и в случае с палеофенетикой, работ в этой области не много, следует указать на перспективность подобного рода исследований, которые представляют огромный интерес как для историков, так и для археологов.

Так, Д.И. Ражевым при комплексном изучении антропологии саргатской культуры были привлечены данные показателей изотопного анализа соотношения С и N в костном коллагене палеоантропологических материалов раннего железного века, а именно ранних и поздних сарматов могильника Абганеро и ранних сарматов Покровки [71, с. 355]. В результате сравнительного анализа исследователем был сделан вывод о том, что диета населения саргатской культуры и сарматов была схожа. В рационе сарматов преобладали кисломолочные продукты, а также мясо домашних животных с большой долей «С4» – растений засушливых биотипов, употребляемых этими животными в пищу [71, с. 356].

При исследовании материалов могильника Клин Яр на территории Кисловодской котловины Северного Кавказа было установлено включение в трофическую цепь «старого углерода» при употреблении речной рыбы, речной и родниковой воды. Однако достоверных доказательств употребления рыбы в сармато-аланских сериях выявлено не было, поэтому авторы исследования сделали предположение, что использование в пищу рыбы у кочевников было обусловлено локально-средовыми условиями [101].

Поистине сенсационными являются исследования в области палеопаразитологии, которые предоставили уникальные сведения о характере питания и повседневном образе жизни сарматов-кочевников. Такая работа была проведена тюменскими и волгоградскими уче-

ными. При исследовании материалов из могильника Ковалевка у одного индивидуума были обнаружены яйца двух типов кишечных паразитов рода *Diphyllobothrium* sp. и рода *Trichuris*. Это позволяет сделать выводы как о плохом санитарно-гигиеническом состоянии кочевий, в которых возможно было заражение трихуриазом, так и о периодическом (эпизодическом) употреблении в пищу недостаточно термически обработанной рыбы [97, p. 5].

Методы почвоведения. Неотъемлемым и обязательным атрибутом современных обобщающих археологических работ стали результаты дисциплины, получившей название «археологическое почвоведение» [34]. Основными объектами исследования этой науки являются почвы, погребенные под грунтовыми насыпями курганов. Почва является биокосным телом, интегрально отражающим в себе через факторы почвообразования все природные условия региона. Основным природным фактором эволюции почв в голоцене является климат [2]. Одно из ведущих мест в жизни скотоводческих племен как прошлого, так и настоящего занимают почвы, свойства которых в первую очередь определяются продуктивностью естественных ландшафтов. При этом кочевое скотоводство, как одна из форм экстенсивного хозяйствования, относится к числу наиболее приспособленных к возможным кратковременным флуктуациям климата [91].

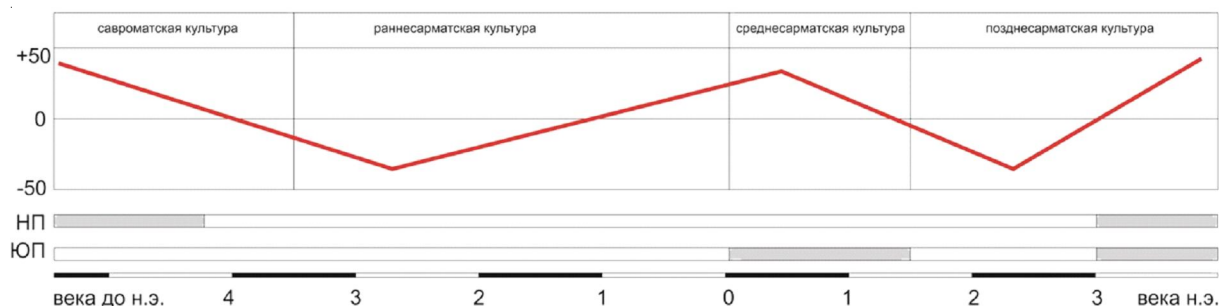
Регулярные почвенно-археологические исследования курганов раннего железного века начались на территории волго-уральских степей во второй половине XX века [28; 33; 40]. На сегодняшний день получены данные из 194 курганов в составе 40 могильников. Хронологический диапазон исследованных подкурганых почв охватывает кочевнические культуры савроматского – позднесарматского времени. Изученные курганные могильники расположены в разных природных районах и в целом приурочены к двум крупным макрорегионам волго-уральских степей: Нижнее Поволжье (Приволжская, Ергенинская возвышенности, Прикаспийская низменность) и Южное Приуралье (Западный Сырт, Подуральское плато, Зауралье). Анализ полученных показателей морфологических, физико-химических, химических, микробиологических, магнитных, изотопных свойств погребенных

и современных фоновых почв позволил дать оценку степени увлажненности климата исследованных хроноинтервалов [67].

Начало эпохи раннего железного века на территории волго-уральских степей соотносится с крупнейшим похолоданием в Северной Атлантике на рубеже суббореального – субатлантического периодов голоцена. Это время характеризуется заметным колебанием солнечной активности [99], понижением уровня мирового океана на несколько метров [100] и наступлением ледников практически во всех горных странах Европы [82; 102]. За ним последовал так называемый римский климатический оптимум (250 г. до н. э. – 400 г. н. э.), отмеченный максимумом солнечной активности в I в. н. э. с общим повышением среднегодовой температуры на 1–2 °C [41; 98].

Полученные почвенно-археологические данные дают основания считать, что вековая динамика климата волго-уральских степей в эпоху раннего железного века характеризовалась чередованием вековых гумидных и аридных этапов (см. рисунок). Продолжительность хроносрезов составляла: савроматский гумидный – не менее 150 лет; раннесарматский аридный – 300 лет; ранне-среднесарматский гумидный – 200 лет; позднесарматский аридный – 150 лет; позднесарматский гумидный – более 100 лет.

Показатели динамики количества осадков составляли ± 50 мм/год, что в целом соответствует многолетней изменчивости атмосферной увлажненности [72]. При этом гумидным климатическим периодам соответствовали процессы, обуславливающие понижение глубин залегания почвенных аккумуляций легкорастворимых солей и гипса. В аридные периоды происходило засоление почв, как грунтовое, так и в результате эолового переноса солей. Соответственно, глубина промачивания почвенной толщи в более влажные этапы достигала 150–200 см. Проникновение влаги на такую глубину в степной зоне возможно только в холодное время года (октябрь – март), когда расход влаги на испарение и транспирацию минимальный. Таким условиям соответствуют сезоны с устойчивым зимним покровом, когда во время весеннего снеготаяния происходит глубокая влагозарядка почвы, либо года с теплыми влажными зимами, без выраженного накопления снега. Летние осадки, как

Изменение атмосферной увлажненности (мм/год) на территории волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.):

НП – Нижнее Поволжье; ЮП – Южное Приуралье; [шaded box] – периоды со снежными зимами

Atmospheric humidity changes (mm per year) in the steppe zone between Volga and Urals during the Sauromatian and Sarmatian epoch (VI BC – IV AD):

НП – Lower Volga; ЮП – Southern Cis-Urals; [shaded box] – snowy winter periods

правило, не способствуют глубокому промачиванию почвенной толщи. Таким образом, гумидным этапам волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху соответствовали периоды с накоплением влаги в почве преимущественно в холодное время года. Этапам, обозначенным как аридные, соответствовали хроносрезы с преобладанием сухих малоснежных зим.

Отмеченные особенности динамики климата позволяют по-иному взглянуть на специфику расселения и миграции ранних кочевников в связи с изменением природных условий в волго-уральском регионе. Известно, что в условиях кочевого хозяйства при отсутствии запасов кормов выпас скота зимой зависит главным образом от мощности и выраженности снежного покрова [42]. Поэтому в снежные зимы, особенно сопровождающиеся бурями, часто происходит массовый падеж скота. Оттепели во время снежных зим приводят к образованию на поверхности почвы мощной ледяной корки, препятствующей добыче корма. Такие стрессовые ситуации у кочевников Средней Азии и Казахстана получили название «джут». Так, джут 1879–1880 гг. уничтожил до 80 % поголовья стада населения Тургайской области в Центральном Казахстане [23].

Преобладание снежных зим на территории Нижнего Поволжья в VI–V вв. до н. э., возможно, препятствовало заселению региона савроматскими племенами, чьи погребения преобладают в это время на территории Южного Приуралья. Преимущественно арид-

ные условия IV–I вв. до н. э. и II–III вв. н. э., с преобладанием малоснежных зим и, следовательно, возможностью круглогодичного выпаса скота, позволилиномадам расселиться по всей территории волго-уральских степей. Увеличение увлажненности климата в I в. н. э. на территории Нижнего Поволжья, вероятно вызванное усилением западного атмосферного переноса, характеризовалось преимущественно преобладанием теплых и влажных зим, что создало комфортные условия для проживания средних сарматов. Территория Южного Приуралья в это время, скорее всего, находилась под влиянием монгольского антициклона, что в сочетании с периодическим привносом влажного воздуха атлантическими циклонами обуславливало преобладание снежных зим с частыми оттепелями, способствующими образованию наледи. Подобные условия господствовали на всей территории волго-уральского степного региона и в IV в. н. э., что привело к кризису экономики местных кочевых племен [50].

Следует отметить, что предложенные схемы изменения природной среды, как и любые другие палеорекоkonструкции, носят гипотетический характер. Возможно, природный фактор в жизни кочевых племен раннего железного века не носил столь определяющее значение и на первое место часто выходили социально-экономические и политические условия. Так, интенсивный круглогодичный выпас скота способствует выраженному засолению и осолонцеванию почвенного покрова [43]. Это приводит к истощению па-

стбищ и соответствующей смене угодий. Вероятно, курганные могильники савромато-сарматского населения тяготели к местам зимних стойбищ. Топография их размещения может определяться как динамикой природной среды, так и политическими и экономическими факторами жизни древних социумов. В местах летних кочевий курганные могильники могли не создаваться.

В сферу изучения археологического почвоведения, помимо погребенных почв и задач реконструкции палеоклиматических изменений, входит также исследование частных особенностей и атрибутов погребального обряда.

Апробация метода определения содержания фосфатов в грунтовом заполнении глиняных сосудов из погребений ранне- и позднесарматского времени позволила провести реконструкцию содержимого сосудов, в которых, как предполагается, находилась погребальная пища. Треть сосудов (35 %) раннесарматского времени была с водой. Встречаемость мясного бульона и каши составляла 60 и 40 % соответственно. В раннесарматских курганах, в сосудах, расположенных у головы погребенного, в подавляющем большинстве случаев (80 %) была вода, в ногах – каша или бульон (90 %). Сосуды с водой в позднесарматских погребениях встречались реже, погребения этого времени в основном характеризовались наличием у головы горшка с бульоном и кувшина с молочной пищей [32]. Изучение атрибутов ритуального обряда позволило выявить широкое использование ранними кочевниками околородного растения рогоза (*Túrpha* sp) как строительного материала для перекрытия могильных ям и, возможно, набивного материала изделий из текстиля, используемых для погребального ложа [35].

Исследования последних лет показали, что в конструкции курганов савроматской и среднесарматской знати на территории Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Нижнего Дона использовались грунтовые блоки, представляющие собой вырезанные верхние гумусовые горизонты почвы в естественном сложении. Как правило, из подобных «кирпичей» размером примерно 30 × 15 × 20 см создавались сложные архитектурные надмогильные сооружения, которые перекрывались насыпями. Скорее всего, подобные конструкции возводились в весеннее время, оптималь-

ное для вырезки грунтовых блоков, когда после снеготаяния гумусовые горизонты почвы максимально влагонасыщены [104].

Анализ. Представленный выше обзор современных методов исследования кочевых обществ раннего железного века демонстрирует серьезный интерес к данной теме в исторической науке. Несмотря на сложность источниковой базы, ее однобокость в отражении жизни населения степного региона, интеграция классической археологии с естественнонаучными методами и современными научными направлениями, изучающими различные аспекты жизни кочевых обществ раннего железного века, имеет огромные перспективы.

Все очевиднее становится необходимость изучения археологических материалов через призму комплекса данных, предоставляющих палеоклиматологические, палеоантропологические, палеогенетические и многие другие исследования. Имеющиеся на настоящий момент сведения о кочевых культурах эпохи раннего железного века большинством исследователей рассматриваются в контексте системы «степь – человек», которая представляет собой единый организм. К характеристике изменения состояния степи нельзя подходить оценочно. Как среда обитания живых организмов, в том числе человека, степь живет в своем ритме и по собственным закономерностям. Задача современной исторической науки – определить характер взаимосвязей в системе «степь – человек», которые обусловлены природными флуктуациями, степенью общественного, технологического и духовного развития древних людей.

Реконструкция палеоклиматических данных демонстрирует динамику изменений увлажненности в различные периоды раннего железного века. Колебания количества осадков в холодное время года играли ключевую роль в системе кочевого скотоводства. Процессы аридизации становились причиной миграционных процессов, которые волнами накрывали пространства восточноевропейских степей.

Вероятнее всего, состояние экономики скотоводов и развитие демографических процессов напрямую зависело от факторов окружающей среды. Социальные изменения в обществе скотоводов, получавшие отражение на археологических материалах, выразились

в расслоении общества, появлении захоронений нобилитета, оформлении различных социальных институтов и групп.

Климатические колебания в степи приводили к изменениям в жизни людей, обитавших здесь. Так, для периодов климатических оптимумов отмечается увеличение поголовий скота, рост экономического благосостояния, основанного на получении натурального прибавочного продукта. Следствием этих факторов становился демографический рост, что отражалось на появлении большого количества захоронений, как, например, в раннесарматское время, когда наряду с погребениями взрослого населения появляются массовые отдельные захоронения детей и подростков. В это же время наблюдается формирование достаточно крупных кочевых объединений и активизация их на внешнеполитической арене, что связано с укреплением военной мощи, обеспеченной уверенным приростом населения.

Период становления кочевого скотоводства в начале I тыс. до н. э. и переход к этой форме хозяйствования связаны с предсавроматской эпохой. Экстраполяция тенденций зависимости климатических условий в степи, благоприятных для скотоводства, и количества погребений этого времени в урало-волго-донских степях позволяет предположить о наличии сложных природных условий в VIII–VII вв. до н. э., не обеспечивающих благоприятных факторов для экономического и демографического роста кочевого населения степи. Антропология культур этого периода изучена крайне слабо и практически не известна в связи с малочисленностью погребений этого периода в южнорусских степях. Внутригрупповая структура населения XI–VII вв. до н. э. неоднородна и складывалась из нескольких компонентов, предположительно состоявших из позднебронзового субстрата и этнических групп Центральной Азии.

Эпоха господства культур скифского круга, с которыми связаны известные названия крупных племенных объединений даев, савроматов в VI–IV вв. до н. э. в урало-волго-донских степях, демонстрирует утверждение кочевого скотоводства как экономической основы в регионе. Тенденция увеличения количества погребений к IV в. до н. э. может указывать на возрастание численности кочевников и нарастание благоприятных климатичес-

ких факторов в течение всего периода. В IV в. до н. э. фиксируется формирование высокоорганизованной социальной структуры и, как следствие, появление элитарных некрополей типа Филипповка в Южном Приуралье [68]. Возможно, именно благоприятной демографической ситуацией можно объяснить возросшую внешнеполитическую активность: участие в военных событиях на границах ахеменидского государства, экспансия в западном направлении и появление памятников приуральского типа на Нижнем Дону [79, с. 52–61].

К концу IV в. отмечается усиление континентальности климата, что, в свою очередь, обусловило активную миграцию раннесарматских племен из Южного Урала в западные районы в IV–III вв. до н. э. Целый комплекс факторов, в том числе экологический, связанный с резким нарастанием аридизационных процессов, приводит к изменениям в социальной структуре кочевого общества и распаду дахского племенного союза в Южном Приуралье. Любопытно, что аналогичные процессы отмечаются на западе скифского мира – в Северном Причерноморье, где в конце IV в. до н. э. происходит падение Великой Скифии. Синхронность процессов в Южном Приуралье и Северном Причерноморье, их последствия позволяют предположить, что они связаны с глобальными изменениями климатических условий в степи. В III в. до н. э. отмечается резкое сокращение населения в большей части Северного Причерноморья, о чем свидетельствует отсутствие здесь сарматских погребений этого времени. Такую ситуацию можно объяснить наступлением длительного неблагоприятного для кочевников климатического периода на территории от Южного Приуралья до Северного Причерноморья, продолжавшегося весь III в. до н. э., что привело к распаду союзов даев и скифов как политических образований, агрессивности формирующихся на осколках дахского союза сарматских объединений. Глубина климатических изменений не была равномерна для всех регионов восточноевропейской степи. Если в III в. до н. э. в степях Южного Приуралья и Поволжья население все же обитало, то на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье кочевнические памятники этого времени практически отсутствуют. Вероятно, эпицентр неблагоприятных условий был связан с доно-днепровским регионом.

Во II–I вв. до н. э. можно говорить об изменении ситуации, связанной с увеличением увлажненности, когда условия становятся настолько благоприятными, что кочевники начинают интенсивно осваивать ранее пустующие регионы степи: Нижний Дон, северопричерноморские степи. Этот период отмечен появлением в кочевой среде носителей краниологического комплекса, который включает в себя четыре морфотипа: первый – массивный – уходит истоками в эпоху бронзы; второй и третий – грацильные – происходят с территории Зауралья, Приуралья и Приаралья; место происхождения четвертого – длинноголового и широколицего – определить в настоящий момент не удастся. Количество погребений заметно возрастает, начинается формирование племенных союзов, способных выставить крупные воинские контингенты в качестве наемников: сираки, аорсы, верхние аорсы и т. д. В социальной структуре раннесарматского общества вновь выделяются вожди, формируются аристократические слои и отчетливо выкристаллизовывается воинское сословие [11; 45, с. 49; 46; 78, с. 74]. Сарматы активно участвуют в военных конфликтах на Боспоре. В антропологическом плане население этого времени характеризуется средневысокой мезобрахикранный черепной коробкой с мезоморфным лицом, которое достаточно сильно отличалось от своих предшественников IV–III вв. до н. э., что связано с приходом новых длинноголовых высокосводчатых, преимущественно мужских, групп.

Появление носителей среднесарматской культуры в I в. н. э. связано с приходом в южнорусские степи мигрантов – носителей мезокранного типа с умеренной горизонтальной профилировкой лица и средним углом выступания носа. Их происхождение и связь со среднеазиатским регионом практически не оспариваются. Среднесарматское время продемонстрировало разницу в региональных особенностях воздействия климатических условий в степи. Так, большое количество памятников, а следовательно и заселенность этих регионов демонстрируют Заволжье, волго-донские степи, Северное Причерноморье. При этом южноуральские степи, судя по насыщенности памятниками этого времени, оказываются слабо заселены [58, с. 22]. Одной из причин этого могло

стать ухудшение качества почвенного покрова в связи с интенсификацией процессов засоления и солонцеобразования.

Начинающийся во II в. н. э. период увлажненности позволил носителям позднесарматской культуры уверенно освоить практически не занятые степи Южного Приуралья и продвинуться в волго-донской регион. Мигранты обладали краниологическим типом южных европеоидов, сочетавшим массивную долихокранную высокосводчатую мозговую коробку с высоким, широким и резко профилированным лицом [7, с. 123–125].

К концу III столетия климатические изменения, связанные, вероятно, с процессами нарастания увлажненности до критических показателей, приводят к кризису экономики кочевников, что отразилось в оттоке населения в первую очередь из южноуральских степей [50]. В IV в. н. э. сильно сокращается население в Поволжье и в нижнедонских степях. Если следовать логике взаимозависимости климатических факторов и кочевого скотоводства как основы жизнедеятельности человека в степи, то тенденция нарастания неблагоприятных природных факторов вызывает сокращение населения и приводит к обезлюдению территорий.

Проецируя ситуацию финала раннего железного века на последующие события в степном регионе, связанные с нашествием гуннской орды, можно говорить о климатических факторах как одной из главных причин стагнации и исчезновения позднесарматской культуры в IV веке. К моменту прихода гуннов сарматское присутствие в степях Поволжья было минимальным и не представляло для орды серьезной проблемы. Вероятно, неблагоприятный климатический период продолжался достаточно долгое время и мог охватить эпоху Великого переселения народов. Крайне небольшое количество памятников этого времени в урало-волго-донских степях может указывать на невозможность ведения кочевого скотоводства в складывавшихся в тот период условиях. Известные нам маршруты движения гуннских отрядов по южным и северным границам степей Восточной Европы также могут подтверждать эту версию.

Выводы. Таким образом, приведенный перечень классических и перспективных направ-

лений изучения археологического материала и прикладных естественнонаучных дисциплин позволил установить сложную взаимосвязь между происходившими историческими событиями в степном регионе Восточной Европы раннего железного века. Это прежде всего обусловлено особенностями климатических, географических, социальных и политических условий, сложившихся в данном регионе.

Дальнейшее развитие представлений о взаимодействии древнего человека и окружающей среды в степной части Евразии ставит перед исследователями большое количество вопросов, на которые еще предстоит ответить. Накопление обширных археологических материалов, костных коллекций, а также использование точных современных научных методов – все это дает надежду на то, что существующие проблемы и лакуны в истории кочевых обществ будут решены и раскрыты.

Современная историческая наука находится на стадии дифференциации исследователей на региональном, методологическом и хронологическом уровнях, что, в свою очередь, дает возможность решить многие проблемы частного порядка и в конечном счете перейти к обобщающим исследованиям. В связи с этим будущее степной археологии – за исследованиями междисциплинарного характера, в которых исторические реконструкции базируются на гармоничном сочетании результатов в области археологии, почвоведения, демографии, истории, математики, медицины, лингвистики и многих других наук и научных направлений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50326.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-19-50326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, М. С. Антропология древнего населения Приуралья / М. С. Акимова. – М. : Наука, 1968. – 120 с.
2. Александровский, А. Л. Эволюция почв и географическая среда / А. Л. Александровский, Е. И. Александровская. – М. : Наука, 2005. – 223 с.
3. Афанасьева, А. О. Анализ случая комплексной травмы у кочевника III–IV вв. н. э. / А. О. Афанасьева // Вестник антропологии. – 2007. – № 15-1. – С. 309–313.
4. Багашев, А. Н. Материалы к краниологии сарматов / А. Н. Багашев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1997. – Вып. 1. – С. 65–74.
5. Багашев, А. Н. Антропология Западной Сибири / А. Н. Багашев. – Новосибирск : Наука, 2017. – 408 с.
6. Балабанова, М. А. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника / М. А. Балабанова, О. М. Цыганова // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – 1997. – Вып. 2. – С. 267–286.
7. Балабанова, М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век / М. А. Балабанова. – М. : Наука, 2000. – 133 с.
8. Балабанова, М. А. Демография поздних сарматов / М. А. Балабанова // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 201–208.
9. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 67–77.
10. Балабанова, М. А. Население восточноевропейских степей в первом тысячелетии / М. А. Балабанова // Природа. – 2010. – № 8 (1140). – С. 26–33.
11. Балабанова, М. А. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников / М. А. Балабанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2011. – Т. 16, № 1. – С. 6–12. – DOI : <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2011.1.1>.
12. Балабанова, М. А. К вопросу о преемственности населения сарматского времени восточноевропейских степей / М. А. Балабанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 25–39. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2>.
13. Балабанова, М. А. Стратегия выживания в кочевых обществах Восточной Европы в древности и в средневековье / М. А. Балабанова // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. / под ред. Н. П. Матвеевой. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2016. – С. 15–18.
14. Балабанова, М. А. Дифференциация антропологического типа сарматского населения восточноевропейских степей / М. А. Балабанова // Stratum plus. – 2018. – № 4. – С. 33–46.
15. Батиева, Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время / Е. Ф. Батиева // Антропология на

пороге III тысячелетия. Т. 1. / отв. ред. Т. И. Алексеева. – М. : Старый сад, 2003. – С. 250–267.

16. Батиева, Е. Ф. Динамика демографических и краниологических характеристик нижнедонских популяций раннего железного века / Е. Ф. Батиева // Современное состояние и пути развития Юга России (природа, общество, человек) / под ред. Г. Г. Матишова. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – С. 123–130.

17. Батиева, Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / Е. Ф. Батиева. – Ростов-н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 158 с.

18. Березина, Н. Я. Боевые столкновения: наконечники стрел в скелетах кочевников / Н. Я. Березина, Е. В. Перерва // Материалы Всероссийской научной конференции «Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики» (VI Алексеевские чтения) / отв. ред.: А. В. Громов, И. Г. Ширококов. – СПб. : Лема, 2015. – С. 20–21.

19. Богданова, В. И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Тувы / В. И. Богданова, А. Б. Радзюн // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1991. – Вып. 44. – С. 55–100.

20. Бужилова, А. П. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский-1) / А. П. Бужилова, И. С. Каменецкий // OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии. – 2004. – Вып. 3. – С. 208–213.

21. Бужилова, А. П. Homo sapiens : история болезни / А. П. Бужилова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.

22. Великанова, М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья / М. С. Великанова. – М. : Наука, 1975. – 284 с.

23. Гаель, А. Г. Облесение бугристых песков засушливых областей / А. Г. Гаель. – М. : Географгиз, 1952. – 218 с.

24. Гинзбург, В. В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана / В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1958. – Т. XVIII. – С. 390–427.

25. Гинзбург, В. В. Этнические связи древнего населения / В. В. Гинзбург // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 60. – С. 563–575.

26. Глазкова, Н. М. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции / Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1960. – № 78. – С. 285–292.

27. Граков, Б. Н. Γυναικωκρατοῦμενοι: пережитки матриархата у сарматов / Б. Н. Граков // Вестник древней истории. – 1947. – № 3. – С. 100–121.

28. Губин, С. В. Возможности и перспективы совместных почвенно-археологических исследований / С. В. Губин, В. А. Демкин // Почвоведение и агрохимия (проблемы и методы) : тез. докл. к V делегат. съезду всесоюз. о-ва почвоведов / отв. ред. И. В. Иванов. – Пушкино : ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1977. – С. 34–36.

29. Данные палеоантропологии и палеогенетики о наличии восточного компонента у ранних кочевников Нижнего Поволжья / М. А. Балабанова [и др.] // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). – 2019. – Т. 5. – С. 25–31.

30. Дебец, Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье / Г. Ф. Дебец // Антропологический журнал. – 1936. – № 1. – С. 65–80.

31. Дебец, Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 389 с.

32. Демкин, В. А. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии / В. А. Демкин, А. В. Лукашов, И. С. Ковалевская // Российская археология. – 1992. – № 4. – С. 43–49.

33. Демкин, В. А. Изменения почв и природной среды степного Предуралья во второй половине голоцена / В. А. Демкин, Я. Г. Рысков, А. М. Русанов // Почвоведение. – 1995. – № 12. – С. 1445–1452.

34. Демкин, В. А. Почвоведение и археология / В. А. Демкин. – Пушкино : ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1997. – 213 с.

35. Ельцов, М. В. Естественнонаучные исследования курганов среднесарматского времени на территории северных Ергеней / М. В. Ельцов, С. Н. Удальцов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. У. Ю. Кочкаров. – Карачаевск : Карачаевско-Черкес. гос. ун-т им. У.Д. Алиева, 2018. – С. 334–336.

36. Ефимова, С. Г. Антропологические данные к вопросу о территориальной дифференциации сарматских племен / С. Г. Ефимова // Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина за 1995–1996 гг. / отв. ред. В. П. Чтецов. – М. : Старый сад, 1997. – С. 69–75.

37. Железчиков, Б. Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным / Б. Ф. Железчиков // Древности Евразии в скифо-сарматское время / под ред. А. И. Мелюковой. – М. : Наука, 1984. – С. 65–68.

38. Железчиков, Б. Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов южного Приуралья / Б. Ф. Железчиков // Памятники кочевников Южного Урала / отв. ред. В. А. Иванов. – Уфа : БФАН СССР, 1984. – С. 3–17.

39. Железчиков, Б. Ф. Позднесарматские мечи Лебедевки : Опыт металлографического анализа

- / Б. Ф. Железчиков, В. Н. Порох // Хронология памятников Южного Урала / отв. ред. Б. Б. Агеев. – Уфа: УНЦ РАН, 1993. – С. 88–92.
40. Иванов, И. В. Почвоведение и археология / И. В. Иванов // Почвоведение. – 1978. – № 10. – С. 18–28.
41. Иванов, И. В. Сверхвековая периодичность солнечной активности и почвообразование / И. В. Иванов, Ф. Н. Лисецкий // Биофизика. – 1995. – Т. 40, вып. 4. – С. 905–910.
42. Иванов, И. В. Степи Западного Казахстана в связи с динамикой их покрова / И. В. Иванов. – Уральск: ОФ «Евразийский союз ученых», 2007. – 288 с.
43. Изменение структуры почвенного покрова сухой степи в зависимости от интенсивности пастбищной нагрузки / М. В. Ельцов [и др.] // Российский журнал прикладной экологии. – 2019. – № 1. – С. 21–25.
44. Китов, Е. П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) / Е. П. Китов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16, № 3 (2). – С. 611–616.
45. Клепиков, В. М. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья / В. М. Клепиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – Т. 20, № 5. – С. 46–52. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>.
46. Клепиков, В. М. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе) / В. М. Клепиков // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред.: Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 104–109.
47. Козинцев, А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение / А. Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (32). – С. 143–157.
48. Кондукторова, Т. С. Материалы по палеоантропологии Украины. Палеоантропологический материал сарматского времени / Т. С. Кондукторова // Труды Института этнографии им. Н.И. Миклухо-Маклая. – 1956. – Т. 33. – С. 166–203.
49. Кондукторова, Т. С. Антропология древнего населения Украины / Т. С. Кондукторова. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 156 с.
50. Кривошеев, М. В. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных кочевников в IV в. н.э. / М. В. Кривошеев, А. В. Борисов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 47–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
51. Круц, С. И. Антропологические материалы из сарматских погребений у с. Пороги / С. И. Круц // Симоненко, А. В. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н.э. / А. В. Симоненко, Б. И. Лобай. – Киев: Наук. думка, 1991. – С. 131–135.
52. Курганый могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований / М. А. Балабанова [и др.]. – Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – 360 с.
53. Медведев, А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А. П. Медведев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 220 с.
54. Медникова, М. Б. Древнее население Восточного Приаралья по данным остеометрии (по материалам из могильника Косасар-2) / М. Б. Медникова // Низовья Сырдарьи в древности. – 1995. – Вып. III, ч. 2. – С. 248–266.
55. Медникова, М. Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии / М. Б. Медникова. – М.: ИА РАН, 1995. – 216 с.
56. Мовсесян, А. А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики / А. А. Мовсесян // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2010. – № 4. – С. 43–49.
57. Мошкова, М. Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. / М. Г. Мошкова // Проблемы истории и культуры сарматов / под ред. А. С. Скрипкина. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 18–23.
58. Мошкова, М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья / М. Г. Мошкова // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар: Фирма НССб, 2004. – С. 22–44.
59. Пежемский, Д. В. Палеоантропология населения Южного Приуралья позднесарматского времени / Д. В. Пежемский, Л. Т. Яблонский, Н. А. Суворова // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3 / отв. ред. А. С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 143–183.
60. Перерва, Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона / Е. В. Перерва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – Т. 20, № 5. – С. 53–66. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.6>

61. Перерва, Е. В. Маркеры стресса у сарматов I–II вв. н.э. Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8 (112). – С. 218–230.
62. Перерва, Е. В. Поздние сарматы Нижнего Поволжья (по данным палеопатологии) / Е. В. Перерва // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. А. Д. Таиров. – Челябинск : [б. и.], 2017. – С. 111–122.
63. Перерва, Е. В. Антропология населения предсавроматского времени из подкурганых захоронений с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) / Е. В. Перерва // Genesis : исторические исследования. – 2018. – № 8. – С. 81–93.
64. Перерва, Е. В. Сарматы Нижнего Поволжья по данным палеопатологии (биоархеологический подход) / Е. В. Перерва // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Ю. Болотова. – Волгоград : ООО «Бланк», 2018. – С. 9–17.
65. Погребальная обрядность сарматского населения Нижнего Поволжья (половозрастной аспект) / М. А. Балабанова [и др.] // Археология Восточно-Европейской степи. – 2013. – Вып. 10. – С. 468–479.
66. Порох, А. Н. Металлографический метод исследования археологических находок : учеб.-метод. пособие / А. Н. Порох. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997. – 91 с.
67. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / В. А. Демкин [и др.]. – Пушкино : ИФХиБПП РАН, 2012. – 216 с.
68. Пшеничнюк, А. Х. Филипповка : некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале / А. Х. Пшеничнюк. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.
69. Радзюн, А. Б. Эпохальные вариации элементов посткраниального скелета у населения Забайкалья / А. Б. Радзюн // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1980. – Т. XXXVI. – С. 48–59.
70. Радзюн, А. Б. Остеологическая характеристика населения скифского времени из могильника Аймырлыг / А. Б. Радзюн, А. А. Казарницкий // Вестник антропологии. – 2011. – Вып. 19. – С. 130–138.
71. Ражев, Д. И. Биоантропология населения саргатской общности / Д. И. Ражев. – Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2009. – 492 с.
72. Роде, А. А. Многолетняя изменчивость атмосферных осадков и элементов водного баланса почв / Роде А. А. // Роде А. А. Избранные труды. Т. 4 / А. А. Роде. – М. : Почвенный ин-т им. В.В. Докучаева, 2009. – С. 479–578.
73. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологические изменения) / Д. Г. Рохлин. – М. ; Л. : Наука, 1960. – 302 с.
74. Руденко, С. И. Описание скелетов из прохоровских курганов / С. И. Руденко // Ростовцев, М. И. Курганные находки Оренбургской области. Эпоха раннего и позднего эллинизма / М. И. Ростовцев. – Петроград : [б. и.], 1918. – С. 84–102.
75. Рыкун, М. П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа: по материалам могильников Масляха 1, 2 / М. П. Рыкун // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1997. – Вып. 1. – С. 75–82.
76. Скрипкин, А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 151 с.
77. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 300 с.
78. Скрипкин, А. С. О политической организации сарматов на рубеже эр / А. С. Скрипкин // Stratum plus. – 2015. – № 4. – С. 73–83.
79. Скрипкин, А. С. Сарматы / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 293 с.
80. Смирнов, К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья / К. Ф. Смирнов // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. – 1947. – Вып. V. – С. 75–82.
81. Соколова, М. А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен / М. А. Соколова // Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева «Экология и демография человека в прошлом и настоящем». – М. : Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 188–190.
82. Соломина, О. Н. Климатические причины колебаний горных ледников в голоцене / О. Н. Соломина // Лед и снег. – 2010. – № 1. – С. 103–110.
83. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.) / отв. ред. М. Г. Мошкова. – М. : ИА РАН, 1994. – 224 с.
84. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / отв. ред. М. Г. Мошкова. – М. : ИА РАН, 1997. – 278 с.
85. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 3. Среднесарматская культура / отв. ред. М. Г. Мошкова. – М. : Вост. лит., 2002. – 143 с.
86. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура / отв. ред. И. М. Гарскова. – М. : Вост. лит., 2009. – 176 с.

87. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А. И. Мелюкова. – М. : Наука, 1989. – 464 с. – (Археология СССР).

88. Финкельштейн, М. А. Рентгенологические исследования палеопатологических материалов из могильников у сел Новоникольского и Верхнее погромное / М. А. Финкельштейн // Шилов, В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В. П. Шилов. – Л. : Наука, 1975. – С. 205–207.

89. Фирштейн, Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении / Б. В. Фирштейн // Тот, Т. А. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов : авары и сарматы / Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. – Л. : Наука, 1970. – С. 69–201.

90. Фризен, С. Ю. Остеологические (палеоантропологические) материалы из могильника Прохоровка / С. Ю. Фризен // Яблонский, Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский. – М. : Таус, 2010. – С. 313–323.

91. Хазанов, А. М. Социальная история скифов / А. М. Хазанов. – М. : Наука, 1975. – 260 с.

92. Юсупов, Р. М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир / Р. М. Юсупов // Материалы к антропологии уральской расы / отв. ред.: И. И. Гохман, Р. М. Юсупов. – Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992. – С. 51–59.

93. Яблонский, Л. Т. Антропологические данные к этногенезу народов Поволжья (по материалам Поволжской экспедиции) / Л. Т. Яблонский // Нижневолжский археологический вестник. – 2002. – Вып. 5. – С. 24–46.

94. Яблонский, Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10) / Л. Т. Яблонский. – М. : Вост. лит. РАН, 2008. – 366 с.

95. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe / M. Unterländer [et al.] // Nature Communications. – 2017. – Vol. 8. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (date of access: 02.06.2020). – Title from screen.

96. Ancient Genomes Suggest the Eastern Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads / M. Krzewicka [et al.] // Science Advances. – 2018. – Vol. 4, no. 10. – Electronic text data. – Mode of access: <http://advances.sciencemag.org/content/4/10/eaat4457> (date of access: 01.06.2020). – Title from screen.

97. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd–1st Centuries BCE, Russia / S. M. Slepchenko [et al.] // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2019. – Vol. 26. – P. 1–6. – DOI : <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.101874>.

98. Behringer, W. Kulturgeschichte des Klimas : Von der Eiszeit bis zur Globalen Erwärmung / W. Behringer. – München : C. H. Beck, 2007. – 352 S.

99. Climatic Change in Chile at Around 2700 BP and Global Evidence for Solar Forcing: a Hypothesis / B. Van Geel [et al.] // The Holocene. – 2000. – Vol. 10, № 5. – P. 644–659.

100. Fairbridge, R. W. Eustatic Changes in Sea Level / R. W. Fairbridge // Physics and Chemistry of the Earth. – 1961. – Vol. 4, no. 5. – P. 99–185.

101. Higham, T. Radiocarbon Dating, Stable Isotope Analysis, and Diet-derived Offsets in 14C Ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus / T. Higham [et al.] // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, no. 2. – P. 653–670. – DOI : <https://doi.org/10.1017/S0033822200045689>.

102. Holzhauser, H. Glacier and Lake-level Variations in West-central Europe over the Last 3500 Years / H. Holzhauser, M. Magny, H. J. Zumbuhl // The Holocene. – 2005. – Vol. 15. – P. 255–266.

103. Martin, D. L. Biarchaeology. An Integrated Approach to Working with Human Remains / D. L. Martin, R. P. Harrod, V. R. Perez. – New York : Springer. Science + Business Media, 2013. – xvii, 262 p.

104. «Sod blocks» in Kurgan Mounds : Historical and Soil Features of the Technique of Tumuli Erection / A. Borisov [et al.] // Journal of Archaeological Science : Reports. – 2019. – Vol. 24. – P. 122–131. – DOI : <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.01.005>.

REFERENCES

1. Akimova M.S. *Antropologiya drevnego naseleniya Priuralya* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 120 p.

2. Aleksandrovskiy A.L., Aleksandrovskaya E.I. *Evolyutsiya pochv i geograficheskaya sreda* [Soil Evolution and Geographic Environment]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 223 p.

3. Afanaseva A.O. Analiz sluchaya kompleksnoy travmy u kochevnika III–IV vv. n. e. [Case Analysis of Complex Trauma Among the Nomads of the 3rd–4th Centuries A.D.]. *Vestnik antropologii* [Anthropology Bulletin], 2007, no. 15-1, pp. 309-313.

4. Bagashchev A.N. Materialy k kraniologii sarmatov [Materials for the Craniology of the Sarmatians]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii*, 1997, iss. 1, pp. 65-74.

5. Bagashchev A.N. *Antropologiya Zapadnoy Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2017. 408 p.

6. Balabanova M.A., Tsyganova O.M. *Kraniologiya sarmatskogo naseleniya, ostavivshego kurgannye gruppy Abganerovskogo mogilnika* [Craniology of the Sarmatian Population That Left the Mound Groups of the Abganerovo Burial Ground]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzhe* [Historical and

Archaeological Research in the Lower Volga Region], 1997, iss. 2, pp. 267-286.

7. Balabanova M.A. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 133 p.

8. Balabanova M.A. Demografiya pozdnykh sarmatov [Demography of the Late Sarmatians]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, iss. 3, pp. 201-208.

9. Balabanova M.A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *Rossiyskaya archeologiya* [Russian Archaeology], 2010, no. 2, pp. 67-77.

10. Balabanova M.A. Naselenie vostochnoevropeyskikh stepey v pervom tysyacheletii [Population of the Eastern European Steppes in the First Millennium AD]. *Priroda* [Nature], 2010, no. 8 (1140), pp. 26-33.

11. Balabanova M.A. Khozyaystvenno-kulturnyy ukhad i obraz zhizni sarmatskikh plemen po dannym antichnykh pismennykh istochnikov [Antique Manuscripts on Sarmatian Groups' House Keeping and Way of Life]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2011, vol. 16, no. 1, pp. 6-12. DOI : <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2011.1.1>.

12. Balabanova M.A. K voprosu o preemstvennosti naseleniya sarmatskogo vremeni vostochnoevropeyskikh stepey [On the Succession of the Sarmatian Population in the Eastern European Steppes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 25-39. DOI : <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2>.

13. Balabanova M.A. Strategiya vyzhivaniya v kochevykh obshchestvakh Vostochnoy Evropy v drevnosti i v srednevekove [Survival Strategy in Nomadic Societies of Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages]. Matveeva N.P., ed. *Ekologiya drevnykh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf.* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Proceedings of the V International Scientific Conference]. Tyumen, Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, 2016, pp. 15-18.

14. Balabanova M.A. Differentsiatsiya antropologicheskogo tipa sarmatskogo naseleniya

vostochnoevropeyskikh stepey [Differentiation of the Anthropological Type of the Sarmatian Population in the Eastern European Steppes]. *Stratum plus*, 2018, no. 4, pp. 33-46.

15. Batieva E.F. Travmaticheskie porazheniya kostey skeleta u naseleniya Nizhnego Podonya v sarmatskoe vremya [Traumatic Lesions of the Bones of the Skeleton Among the Population of the Lower Don Region in the Sarmatian Era]. Alekseeva T.I., ed. *Antropologiya na poroge III tysyacheletiya. T. 1* [Anthropology on the Threshold of the 3rd Millennium. Vol. 1]. Moscow, Staryy sad Publ., 2003, pp. 250-267.

16. Batieva E.F. Dinamika demograficheskikh i kraniologicheskikh kharakteristik nizhnedonskikh populyatsiy rannego zheleznoogo veka [Dynamics of Demographic and Craniological Characteristics of the Lower Don Peoples of the Early Iron Age]. Matishov G.G., ed. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya Yuga Rossii (priroda, obshchestvo, chelovek)* [Contemporary State and Ways of Development of the South of Russia (Nature, Society, Man)]. Rostov-on-Don, Izd-vo UNTs RAN, 2007, pp. 123-130.

17. Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don in the 9th Century BC – the 4th Century AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, Izd-vo UNTs RAN, 2011. 158 p.

18. Berezina N.Ya., Pererva E.V. Boevye stolknoveniya: nakonechniki strel v skeletakh kochevnikov [Combat Clashes: Arrowheads in Nomad Skeletons]. Gromov A.V., Shirobokov I.G., eds. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Paleoantropologicheskie i bioarkheologicheskie issledovaniya: traditsii i novye metodiki» (VI Alekseevskie chteniya)* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Paleoanthropological and Bioarchaeological Research: Traditions and New Techniques" (6th Alekseev Readings)]. Saint Petersburg, Lema Publ., 2015, pp. 20-21.

19. Bogdanova V.I., Radzyun A.B. Paleoantropologicheskie materialy gunno-sarmatskogo vremeni iz Tsentralnoy Tuvy [Paleoanthropological Materials of the Hunno-Sarmatian Era from Central Tuva]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1991, iss. 44, pp. 55-100.

20. Buzhilova A.P., Kamenetskiy I.S. Sarmaty i boevye stolknoveniya (analiz cherepnykh travm na primere materialov iz mogilnika Sagvanskiy-I) [The Sarmatians and Combat Clashes (Analysis of Cranial Traumas on the Example of Materials from the Sagvanskiy-I Burial Ground)]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Studies on Archaeology], 2004, iss. 3, pp. 208-213.

21. Buzhilova A.P. *Homo sapiens: istoriya bolezni* [Homo Sapiens: Medical Report]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005. 320 p.
22. Velikanova M.S. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechya* [Paleoanthropology of Prut-Dniester Interfluve]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 284 p.
23. Gael A.G. *Oblesenie bugristykh peskov zasushlivykh oblastey* [Afforestation of Hilly Sands in Arid Areas]. Moscow, Geografiz Publ., 1952. 218 p.
24. Ginzburg V.V., Firshteyn B.V. Materialy k antropologii drevnego naseleniya Zapadnogo Kazakhstana [Materials for the Anthropology of the Ancient Population of Western Kazakhstan]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1958, vol. XVIII, pp. 390-427.
25. Ginzburg V.V. Etnicheskie svyazi drevnego naseleniya [Ethnic Ties of Ancient Population]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR], 1959, no. 60, pp. 563-575.
26. Glazkova N.M., Chtetsov V.P. Paleoantropologicheskie materialy Nizhnevolzhskogo otryada Stalingradskoy ekspeditsii [Paleoanthropological Materials of the Lower Volga Detachment of the Stalingrad Expedition]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR], 1960, no. 78, pp. 285-292.
27. Grakov B.N. Γυναικοκρατούμενοι: perezhitki matriarkhata u sarmatov [Gynaikokratoumenoi: Remnants of Matriarchy Among the Sarmatians]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1947, no. 3, pp. 100-121.
28. Gubin S.V., Demkin V.A. Vozmozhnosti i perspektivy sovmestnykh pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy [Opportunities and Prospects for Collaborative Soil and Archaeological Research]. Ivanov I.V., ed. *Pochvovedenie i agrokhimiya (problemy i metody): tez. dokl. k V delegat. syezdu vsesoyuz. o-va pochvovedov* [Soil Science and Agrochemistry (Problems and Methods). Abstracts of Reports for the 5th Delegate Congress of the All-Union Society of Soil Scientists]. Pushchino, ONTI NTsBIAN SSSR, 1977, pp. 34-36.
29. Balabanova M.A. et al. Dannye paleoantropologii i paleogenetiki o nalichii vostochnogo komponenta u rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzhya [Palaeoanthropological and Palaeogenetic Data on the Eastern Component Among the Early Nomads in the Lower Volga Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Crimea in the Sarmatian Era (the 2nd Century BC – the 4th Century AD)], 2019, vol. 5, pp. 25-31.
30. Debets G.F. Materialy po paleoantropologii SSSR. Nizhnee Povolzhe [Materials on Paleoanthropology of the USSR. Lower Volga Region]. *Antropologicheskiy zhurnal* [Anthropological Journal], 1936, no. 1, pp. 65-80.
31. Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. 389 p.
32. Demkin V.A., Lukashov A.V., Kovalevskaya I.S. Novye aspekty problemy paleopochvennogo izucheniya pamyatnikov arkheologii [Now Aspects of Paleosoil Study of Archaeological Sites]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1992, no. 4, pp. 43-49.
33. Demkin V.A., Ryskov Ya.G., Rusanov A.M. Izmeneniya pochv i prirodnoy sredy stepnogo Preduralya vo vtoroy polovine golotsena [Changes in Soils and Environment of the Steppe Pre-Urals Areas During the Second Half of the Holocene]. *Pochvovedenie* [Soil Science], 1995, no. 12, pp. 1445-1452.
34. Demkin V.A. *Pochvovedenie i arkheologiya* [Soil Science and Archeology]. Pushchino, ONTI NTsBIAN SSSR, 1997. 213 p.
35. Eltsov M.V., Udaltsov S.N. Estestvenno-nauchnyye issledovaniya kurganov srednesarmatskogo vremeni na territorii severnykh Ergeney [Natural Science Studies of Mounds of the Middle Sarmatian Era in the Territory of Northern Ergeni]. Kochkarov U.Yu., ed. *Kavkaz v sisteme kulturnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekoveye. XXX «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Caucasus in the System of Cultural Ties of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. The 30th “Krupnovsky Readings” on the Archaeology of the North Caucasus. Materials of the International Scientific Conference]. Karachayevsk, Karachaevo-Cherkesskiy gosudarstvennyy universitet im. U.D. Alieva, 2018, pp. 334-336.
36. Efimova S.G. Antropologicheskie dannye k voprosu o territorialnoy differentsiatsii sarmatskikh plemen [Anthropological Data on the Issue of Territorial Differentiation of the Sarmatian Tribes]. Chtetsov V.P., ed. *Kratkie soobshcheniya o nauchnykh rabotakh NII i Muzeya antropologii im. D.N. Anuchina za 1995–1996 gg.* [Brief Reports on the Scientific Work of the Research Institute and the Museum of Anthropology named after D.N. Anuchin for 1995–1996]. Moscow, Staryy sad Publ., 1997, pp. 69-75.
37. Zhelezchikov B.F. Veroyatnaya chislennost savromato-sarmatov Yuzhnogo Priuralya i Zavolzhya v VI v. do n.e. – I v. n.e. po demograficheskim i ekologicheskim dannym [The Probable Number of the Sauromatians-Sarmatians in the Southern Urals and Trans-Volga Regions in the 6th Century BC – the 1st Century AD on Demographic and Environmental Data]. Melyukova A.I., ed. *Drevnosti Evrazii v skifosarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Era]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 65-68.

38. Zhelezchikov B.F. Nekotorye voprosy razvitiya skotovodcheskogo khozyaystva sarmatov yuzhnogo Priuralya [Some Issues of the Development of the Cattle-Breeding Economy of the Sarmatians in the Southern Urals]. Ivanov V.A., ed. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the South Urals]. Ufa, BFAN SSSR, 1984, pp. 3-17.

39. Zhelezchikov B.F., Porokh V.N. Pozdnesarmatskie mechi Lebedevki: Opyt metallograficheskogo analiza [Late Sarmatian Swords of Lebedevka: Metallographic Analysis Experience]. Ageev B.B., ed. *Khronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala* [Chronology of the Monuments of the Southern Urals]. Ufa, UNTs RAN, 1993, pp. 88-92.

40. Ivanov I.V. Pochvovedenie i arkheologiya [Soil Science and Archaeology]. *Pochvovedenie* [Soil Science], 1978, no. 10, pp. 18-28.

41. Ivanov I.V., Lisetskiy F.N. Sverkhvekovaya periodichnost solnechnoy aktivnosti i pochvoobrazovanie [Manycentury Periodicity of Solar Activity and Soil Formation]. *Biofizika* [Biophysics], 1995, vol. 40, iss. 4, pp. 905-910.

42. Ivanov I.V. *Stepi Zapadnogo Kazakhstana v svyazi s dinamikoy ikh pokrova* [The Steppes of Western Kazakhstan in Connection with the Dynamics of Their Cover]. Oral, OF «Evraziyskiy soyz uchenykh», 2007. 288 p.

43. Eltsov M.V. et al. Izmenenie struktury pochvennogo pokrova sukhoy stepi v zavisimosti ot intensivnosti pastbishchnoy nagruzki [Change of the Soil Cover Structure of the Dry Steppe Cover Depending on the Intensity of Pasture Load]. *Rossiyskiy zhurnal prikladnoy ekologii* [Russian Journal of Applied Ecology], 2019, no. 1, pp. 21-25.

44. Kitov E.P. Naselenie pozdnesarmatskoy kultury Yuzhnogo Urala (po dannym antropologii) [The Late Sarmatian Population of South Ural (On the Anthropological Data)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 3 (2), pp. 611-616.

45. Klepikov V.M. K voprosu o vozmozhnostyakh sotsialnoy interpretatsii rannesarmatskogo obshchestva Nizhnego Povolzhya [The Possibilities of Social Interpretation of Early Sarmatian Society in the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, vol. 20, no. 5, pp. 46-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>.

46. Klepikov V.M. Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniya s dvumya mechami (k voprosu o sotsialnom statuse) [Early Sarmatian Male Burials with Two Swords (To the Question About Social Status)].

Yablonskiy L.T., Kraeva L.A., eds. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Konstantin F. Smirnov and Contemporary Problems of Sarmatian Archaeology. Proceedings of 9th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2016, pp. 104-109.

47. Kozintsev A.G. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhrupponnye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of the North Pontic Region: Between-Group Cranial Variation, Affinities, and Origins]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2007, no. 4 (32), pp. 143-157.

48. Konduktorova T.S. Materialy po paleoantropologii Ukrainy. Paleoantropologicheskiy material sarmatskogo vremeni [Materials on Paleoanthropology of Ukraine. Paleoanthropological Material of the Sarmatian Era]. *Trudy Instituta etnografii im. N.I. Miklukho-Maklaya*, 1956, vol. 33, pp. 166-203.

49. Konduktorova T.S. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy* [Anthropology of the Ancient Population of Ukraine]. Moscow, Izd-vo MGU, 1972. 156 p.

50. Krivosheev M.V., Borisov A.V. Klimaticheskiy optimum kak faktor krizisa ekonomiki stepnykh nomadov v IV v. n.e. [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>.

51. Kruts S.I. Antropologicheskie materialy iz sarmatskikh pogrebeniy u s. Porogi [Anthropological Materials from the Sarmatian Burials near the Village Porogi]. Simonenko A.V., Lobay B.I. *Sarmaty severozapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [The Sarmatians of the Northwestern Black Sea Region in the 1st Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 131-135.

52. Balabanova M.A. et al. *Kurgannyi mogilnik Peregruznoe I: rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [The Peregruznoe I Burial Ground: The Result of Interdisciplinary Research]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhGS, 2014. 360 p.

53. Medvedev A.P. *Sarmaty i lesostep (po materialam Podonya)* [The Sarmatians and Forest-Steppe (Based on Materials from the Don Region)]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1990. 220 p.

54. Mednikova M.B. Drevnee naselenie Vostochnogo Priuralya po dannym osteometrii (po materialam iz mogilnika Kosasar-2) [The Ancient

Population of the Eastern Aral Sea Region According to Osteometry Data (Based on Materials from the Kosasar-2 Burial Ground)]. *Nizovya Syrdari v drevnosti* [Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity], 1995, iss. III, pt. 2, pp. 248-266.

55. Mednikova M.B. *Drevnie skotovody Yuzhnoy Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii* [Ancient Pastoralists of Southern Siberia: Paleocological Reconstruction Based on Anthropological Data]. Moscow, IARAN, 1995. 216 p.

56. Movsesyan A.A. Pozdnie skify i sarmaty v svete dannykh paleofenetiki [Late Scythians and Sarmatians in the Light of Paleophenetic Data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya* [Moscow University Anthropology Bulletin], 2010, no. 4, pp. 43-49.

57. Moshkova M.G. K voprosu o dvukh lokalnykh variantakh ili kulturakh na territorii Aziatskoy Sarmatii vo II–IV vv. n.e. [On the Issue of Two Local Variants or Cultures on the Territory of Asian Sarmatia in the 2nd – 4th Centuries AD]. Skripkin A.S., ed. *Problemy istorii i kultury sarmatov* [Problems of the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1994, pp. 18-23.

58. Moshkova M.G. Srednesarmatskie i pozdnesarmatskie pamyatniki na territorii Yuzhnogo Priuralya [Middle Sarmatian and Late Sarmatian Monuments in the Territory of the Southern Urals]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii: dokl. k V Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, Firma NSS Publ., 2004, pp. 22-44.

59. Pezhemskiy D.V., Yablonskiy L.T., Suvorova N.A. Paleoantropologiya naseleniya Yuzhnogo Priuralya pozdnesarmatskogo vremeni [Paleoanthropology of the Population of the Southern Urals of the Late Sarmatian Era]. Skripkin A.S., ed. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov. Vyp. 3* [Formation and Development of Late Sarmatian Culture (According to Archaeological and Natural Science Data). Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians. Iss. 3]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 143-183.

60. Pererva E.V. K voprosu o paleopatologicheskikh osobennostyakh u sarmatov IV–I vv. do n.e. s territorii Nizhnego Povolzhya i Nizhnego Dona [On the Paleopathological Features of the Sarmatian Population of the Lower Volga and the Lower Don Regions in the 4th – 1st Centuries B.C.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*

[Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2015, vol. 20, no. 5, pp. 53-66. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.6>.

61. Pererva E.V. Markery stressa u sarmatov I–II vv. n.e. Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskii aspekt) [Markers of Stress of the Sarmatians in the I-II Centuries BC in the Lower Volga Region (Paleontological Aspect)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 8 (112), pp. 218-230.

62. Pererva E.V. Pozdnie sarmaty Nizhnego Povolzhya (po dannym paleopatologii) [Late Sarmatians of Lower Volga Region (According to Paleopathological Data)]. Tairov A.D., ed. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urals. Sarmaty i ikh okruzheniye: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiyem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the South Urals. Sarmatians and Their Environment. Proceedings of the 7th All-Russian (With International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, [s. n.], 2017, pp. 111-122.

63. Pererva E.V. Antropologiya naseleniya predsavromatskogo vremeni iz podkurgannykh zakhoroneniya s territorii Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskii aspekt) [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatian Era from Burials under Kurgans from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 8, pp. 81-93.

64. Pererva E.V. Sarmaty Nizhnego Povolzhya po dannym paleopatologii (bioarkheologicheskii podkhod) [The Sarmatians of the Lower Volga Region According to Paleopathology Data (Bioarchaeological Approach)]. Bolotova E.Yu., ed. *Nizhnee Povolzhye i Volgo-Donskoe mezhdurechye na perekrestke tsivilizatsiy, kultur, istoricheskikh alternativ i prirodnykh landshaftov: sb. nauch. tr.* [The Lower Volga Region and the Volga-Don Interfluvium at the Crossroads of Civilizations, Cultures, Historical Alternatives and Natural Landscapes. Collection of Scientific Papers]. Volgograd, OOO «Blank», 2018, pp. 9-17.

65. Balabanova M.A. et al. Pogrebalnaya obryadnost sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya (polovozrastnoy aspekt) [Burial Rituals of the Sarmatian Population of the Lower Volga Region (Sex and Age Aspect)]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of the East European Steppe], 2013, iss. 10, pp. 468-479.

66. Porokh A.N. *Metallograficheskii metod issledovaniya arkheologicheskikh nakhodok: ucheb.-metod. posobie* [Metallographic Method for the Study of Archaeological Finds: Training Guide]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997. 91 p.

67. Demkin V.A. et al. *Prirodnaya sreda volgo-uralskikh stepey v savromato-sarmatskuyu epokhu (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Natural Environment of the Volga-Ural Steppes in the Sauromatian-Sarmatian Era (6th Century BC – 4th Century AD)]. Pushchino, IFKHiBPP RAN, 2012. 216 p.

68. Pshenichnyuk A.Kh. *Filippovka: nekropol kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. The Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals]. Ufa, IYaL UNTS RAN, 2012. 280 p.

69. Radziun A.B. Epokhalnye variatsii elementov postkranialnogo skeleta u naseleniya Zabaykalya [Epochal Variations in the Elements of the Postcranial Skeleton in the Population of Transbaikalia]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], 1980, vol. XXXVI, pp. 48-59.

70. Radziun A.B., Kazarnitskiy A.A. Osteologicheskaya kharakteristika naseleniya skifskogo vremeni iz mogilnika Aymyrlyg [Osteometric Characteristic of Burial Population from the Aymyrlyg Burial Ground in Scythian Age]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2011, iss. 19, pp. 130-138.

71. Razhev D.I. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti* [Bioanthropology of the Population of the Sargat Community]. Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 2009. 492 p.

72. Rode A.A. Mnogoletnyaya izmenchivost atmosferykh osadkov i elementov vodnogo balansa pochv [Long-Term Variability of Atmospheric Precipitation and Elements of Soil Water Balance]. Rode A.A., ed. *Izbrannye trudy. T. 4* [Selected Works. Vol. 4]. Moscow, Pochvennyy institut im. V.V. Dokuchaeva, 2009, pp. 479-578.

73. Rokhlin D.G. *Bolezni drevnikh lyudey (kosti lyudey razlichnykh epokh – normalnye i patologicheskie izmeneniya)* [Diseases of Ancient People (Bones of People from Different Eras – Normal and Pathological Changes)]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1960. 302 p.

74. Rudenko S.I. Opisanie skeletov iz prokhorovskikh kurganov [Description of Skeletons from the Prokhorovka Burial Mounds]. Rostovtsev M.I. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoy oblasti. Epokha rannego i pozdnego ellinizma* [Barrow Finds of Orenburg Oblast. The Early and Late Hellenism Era]. Petrograd, [s. n.], 1918, pp. 84-102.

75. Rykun M.P. K antropologii naseleniya lesostepnogo Altaya v epokhu rannego zheleza: po materialam mogilnikov Maslyakha 1, 2 [Anthropology of the Population of the Forest-Steppe Altai in the Early Iron Age: Based on Materials from the Maslyakha Burial Grounds 1, 2]. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*, 1997, iss. 1, pp. 75-82.

76. Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzhe v pervyye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First

Centuries AD]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1984. 151 p.

77. Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1990. 300 p.

78. Skripkin A.S. O politicheskoy organizatsii sarmatov na rubezhe er [On Political Organization of Sarmatians Between Two Eras]. *Stratum plus*, 2015, no. 4, pp. 73-83.

79. Skripkin A.S. *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 293 p.

80. Smirnov K.F. Sarmatskie kurgannye pogrebeniya v stepyakh Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya [Sarmatian Burial Mounds in the Steppes of the Volga Region and the Southern Urals]. *Doklady i soobshcheniya istoricheskogo fakulteta MGU* [Reports and Messages of the Faculty of History, Moscow State University], 1947, iss. V, pp. 75-82.

81. Sokolova M.A. Obraz zhizni i gormonalnye narusheniya na primere sarmatskikh plemen [Lifestyle and Hormonal Disorders on the Example of the Sarmatian Tribes]. *Tretyi antropologicheskie chteniya k 75-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.P. Alekseeva «Ekologiya i demografiya cheloveka v proshlom i nastoyashchem»* [The Third Anthropological Readings for the 75th Anniversary of the Birth of Academician V.P. Alekseev “Human Ecology and Demography in the Past and Present”]. Moscow, Entsiklopediya rossiyskikh dereven Publ., 2004, pp. 188-190.

82. Solomina O.N. Klimaticheskie prichiny kolebaniy gornyykh lednikov v golotsene [Climatic Causes of Mountain Glacier Fluctuations in the Holocene]. *Led i sneg* [Ice and Snow], 2010, no. 1, pp. 103-110.

83. Moshkova M.G., ed. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. 1. Savromatskaya epokha (VI–IV vv. do n.e.)* [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Iss. 1. The Sauromatian Era (6th – 4th c. BC)]. Moscow, IARAN, 1994. 224 p.

84. Moshkova M.G., ed. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. 2. Rannesarmatskaya kultura (IV–I vv. do n.e.)* [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Iss. 2. Early Sarmatian Culture (4th – 1st c. BC)]. Moscow, IARAN, 1997. 278 p.

85. Moshkova M.G., ed. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. 3. Srednesarmatskaya kultura* [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Iss. 3. Middle Sarmatian Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 143 p.

86. Moshkova M.G., ed. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. 4. Pozdnesarmatskaya kultura*

[Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Iss. 4. Late Sarmatian Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 176 p.

87. Melyukova A.I., ed. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Era]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 464 p. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR]).

88. Finkelshteyn M.A. Rentgenologicheskie issledovaniya paleopatologicheskikh materialov iz mogilnikov u sel Novonikolskogo i Verkhnee pogromnoe [X-Ray Studies of Paleopathological Materials from Burial Grounds near the Villages of Novonikolskoye and Verkhneye Pogromnoye]. Shilov V.P. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzhya* [Essays on the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 205-207.

89. Firshteyn B.V. Sarmaty Nizhnego Povolzhya v antropologicheskom osveshchenii [The Sarmatians of the Lower Volga Region in Anthropological Coverage]. Tot T.A., Firshteyn B.V. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov: avary i sarmaty* [Anthropological Data on the Issue of the Great Migration: The Avars and Sarmatians]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 69-201.

90. Frizen S.Yu. Osteologicheskie (paleoantropologicheskie) materialy iz mogilnika Prokhorovka [Osteological (Paleoanthropological) Materials from the Prokhorovka Burial Ground]. Yablonskiy L.T. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka. At the Origins of Sarmatian Archaeology]. Moscow, Taus Publ., 2010, pp. 313-323.

91. Khazanov A.M. *Sotsialnaya istoriya skifov* [Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 260 p.

92. Yusupov R.M. Ob uraloidnom komponente v antropologicheskom tipe bashkir [On the Uraloid Component in the Anthropological Type of the Bashkirs]. Gokhman I.I., Yusupov R.M., eds. *Materialy k antropologii uralskoy rasy* [Materials for the Anthropology of the Ural Race]. Ufa, BNTs UrO RAN, 1992, pp. 51-59.

93. Yablonskiy L.T. Antropologicheskie dannye k etnogenezu narodov Povolzhya (po materialam Povolzhskoy ekspeditsii) [Anthropological Data on the Ethnogenesis of the Peoples of the Volga Region (Based on Materials from the Volga Expedition)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2002, iss. 5, pp. 24-46.

94. Yablonskiy L.T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuralya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogilnika Pokrovka 10)* [The Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Era (Based on Materials from the Pokrovka 10 Burial Ground)]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN, 2008. 366 p.

95. Unterländer M. et al. Ancestry and Demography and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*, 2017, vol. 8. URL: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (accessed 2 June 2020).

96. Krzewicka M. et al. Ancient Genomes Suggest the Eastern Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads. *Science Advances*, 2018, vol. 4, no. 10. URL: <http://advances.sciencemag.org/content/4/10/eaat4457> (accessed 1 June 2020).

97. Slepchenko S.M. et al. Archaeoparasitological Analysis of Soil Samples from Sarmatian Burial Ground Kovalevka I, 2nd – 1st Centuries BCE, Russia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2019, vol. 26, pp. 1-6. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.101874>.

98. Behringer W. *Kulturgeschichte des Klimas: Von der Eiszeit bis zur Globalen Erwärmung*. München, C.H. Beck, 2007. 352 S.

99. Van Geel B. et al. Climatic Change in Chile at Around 2700 BP and Global Evidence for Solar Forcing: A Hypothesis. *The Holocene*, 2000, vol. 10, no. 5, pp. 644-659.

100. Fairbridge R.W. Eustatic Changes in Sea Level. *Physics and Chemistry of the Earth*, 1961, vol. 4, no. 5, pp. 99-185.

101. Higham T. et al. Radiocarbon Dating, Stable Isotope Analysis, and Diet-Derived Offsets in 14C Ages from the Klin-Yar Site, Russian North Caucasus. *Radiocarbon*, 2010, vol. 52, no. 2, pp. 653-670. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033822200045689>.

102. Holzhauser H., Magny M., Zumbuhl H.J. Glacier and Lake-Level Variations in West-Central Europe over the Last 3500 Years. *The Holocene*, 2005, vol. 15, pp. 255-266.

103. Martin D.L., Harrod R.P., Perez V.R. *Biarchaeology. An Integrated Approach to Working with Human Remains*. New York, Springer. Science+Business Media, 2013. xvii, 262 p.

104. Borisov A. et al. «Sod Blocks» in Kurgan Mounds: Historical and Soil Features of the Technique of Tumuli Erection. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2019, vol. 24, pp. 122-131. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.01.005>.

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Maksim V. Eltsov, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science, Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Максим Витальевич Ельцов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, m.v.eltsov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7886-8131>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.2>

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 27.12.2019
Accepted: 24.02.2020

ON THE ORIGIN OF THE CASPIAN CULTURE

Aleksandr A. Vybornov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Vladimir V. Stavitsky

Penza State University, Penza, Russian Federation

Marianna A. Kulkova

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The territory of Lower Volga occupies a special place in studying the cultural genesis of Eastern Europe. Prominent cultures of the Eneolithic and Early Bronze Age were formed there and played an important role in the formation of the Volga-Ural hearth of cultural genesis. Equally important is the problem of the origin of the Caspian culture, with which researchers associate the beginning of the spread of cattle breeding and the emergence of the first copper products in the Volga steppe. *Methods and discussion.* The researchers expressed quite similar views on this issue. The process of Caspian culture origin in the Lower Volga region was considered as autochthonous with the participation of northern components. The substrate basis was the Oryol culture, and the superstrate was the societies of the Volga region forest-steppe. The comprehensive analysis of Volga steppe materials allows offering an alternative view of the Caspian culture genesis. The appearance of several features (collar-like thickening, a combed stamp, the technique of increased spin, producing economy, the dominance of quartzite raw materials for the manufacture of tools, the technique of forced squeezing in the receipt of logs, the emergence of producing farming in the form of cattle breeding, etc.) is associated not with the northern forest-steppe and forest-steppe, but with western components. The comparative analysis of radiocarbon dates of the forest-steppe and steppe Volga, Northern Caspian Sea and Don area supports this version. The chronological priority is fixed for materials of the Don area and Azov region. It is in these areas that the leading features characteristic of the Caspian culture appeared earlier. *Results.* The earlier complexes of the Caspian culture were formed in the Northern Caspian about 5700 BC. Later its penetration into the Lower and forest-steppe Volga Basin was recorded.

Key words: Lower Volga, Neolithic, Oryol culture, Caspian culture, Tentexor type, quartzite industry, collar ceramics.

Citation. Vybornov A.A., Stavitsky V.V., Kulkova M.A. On the Origin of the Caspian Culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 31-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.2>

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 27.12.2019
Дата принятия статьи: 24.02.2020

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Александр Алексеевич Выборнов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Владимир Вячеславович Ставицкий

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

Марианна Алексеевна Кулькова

Российский государственный педагогический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Территория Нижнего Поволжья занимает особое место в изучении культурогенеза Восточной Европы. Здесь сформировались яркие культуры энеолита и раннего бронзового века, которые сыграли важную роль в сложении волго-уральского очага культурогенеза. Не менее значима проблема происхождения прикаспийской культуры, с которой исследователи связывают начало распространения в степном Поволжье скотоводства и фиксируют первые медные изделия. *Методы и дискуссия.* По данному вопросу высказывались достаточно сходные точки зрения. Процесс происхождения прикаспийской культуры в Нижнем Поволжье рассматривался исследователями как автохтонный при участии северных компонентов. Субстратной основой являлась орловская культура, а суперстратом выступали социумы лесостепного Поволжья. Всесторонний анализ материалов степного Поволжья позволяет предложить альтернативную точку зрения на генезис прикаспийской культуры. Появление ряда существенных признаков (воротничок на внешней стороне сосуда, гребенчатый штамп для орнаментации посуды, доминирование кварцитового сырья для изготовления орудий труда, техника усиленного отжима при получении заготовок, производящее хозяйство в виде скотоводства и др.) связано не с северными лесостепными и лесными, а с западными компонентами. В пользу этой версии свидетельствует сравнительный анализ радиоуглеродных дат лесостепного и степного Поволжья, Северного Прикаспия и Подонья. Хронологический приоритет фиксируется для материалов Подонья и Приазовья. Именно в этих областях раньше появляются ведущие признаки, характерные для прикаспийской культуры. *Результаты.* Наиболее ранние комплексы прикаспийской культуры складывались в Северном Прикаспии около 5700 лет до н. э. В дальнейшем фиксируется ее проникновение в степное и лесостепное Поволжье.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, неолит, орловская культура, прикаспийская культура, тентексорский тип, кварцитовая индустрия, воротничковая керамика.

Цитирование. Выборнов А. А., Ставицкий В. В., Кулькова М. А. О происхождении прикаспийской культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 31–37. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.2>

Introduction. The interest of researchers in the study of the archaeological cultures genesis is attributed to the undoubted scientific relevance of the issue for any territory. One of them is the Lower Volga region, which includes the semi-desert Northern Caspian region and the steppe Volga region. According to experts, this region is of paramount importance for the development of solutions for problems of cultural genesis. Researchers state the emergence of cattle breeding for the Eneolithic [3; 27]. They attribute the Caspian culture in the Lower Volga region to this period. Despite the limited range of sources in the early 1980s, the question of its genesis was legitimately put on the agenda. The process represented an interaction of the steppe Seroglazovskaya and forest-steppe Middle Volga Neolithic cultures [2, pp. 19–21]. A special publication and a chapter in the monograph by A.I. Yudina are dedicated to the origins of the formation of the Eneolithic in the steppe Volga region in which the author comprehensively substantiates the autochthonous version: the

Caspian culture is formed on the basis of the local Oryol and foreign forest-steppe Neolithic cultures [30, pp. 97–104; 31, pp. 69–73]. N.L. Morgunova considers the mechanism of formation of the Caspian culture as a result of the synthesis of the Oryol and Samara cultures [22, p. 46]. In a preliminary plan, a version of the western component in its genesis was expressed [9, pp. 57–62]. It should also be noted that a number of controversial provisions of the autochthonous concept were criticized by V.V. Stavitsky in a review of the monograph by N.L. Morgunova [26].

Methods and discussion. When developing an autochthonous version of the appearance of the Eneolithic Caspian culture, researchers operate with the corresponding features of artifacts. Firstly, this is a collar thickening on the outer side of the vessel rim. Its appearance is convergent from Late Neolithic rims with an influx on the inside of the vessel [28, p. 32]. However, without denying the possibility of this option, a number of observations should be made. A similar model of the appearance of collar rims was recorded only for the ceramic

complexes of the Lower Don culture by N.S. Kotova [18, pp. 26–27]. A similar transformation of inside influxes into external collars does not occur on the materials of the Azov-Dnieper and Samara cultures. If this process is inherent in the Lower Volga region, then why did not a similar change take place in the Kama and Koshkino cultures, where vessels are characterized by influxes on the inner side? Is such a technological chain realistic from the point of view of the specialists studying directly the technology of ceramic making? As an evidence of the autochthonous nature of this innovation, experts cite as an argument the presence of a rim with a collar, and the ornament is applied using the retreating pin technique [16, p. 321; 30, p. 94]. But there is another interpretation, according to which the singularity of a rim of this type in layer 2A of the Varfolomeevskaya site may indicate episodic contacts with foreigners that did not affect the qualitative change in the local culture [25, p. 20]. There is a similar situation with the same rim sample from the upper layer of the Dzhangar settlement in the North-Western Caspian region, which was found there together with shards of the Neolithic and Eneolithic times. This may indicate the interaction of their carriers, that is, synchronicity rather than continuity. There is a similar picture with a single find of a rim at the Zhekalgan site in the Northern Caspian region [1, pp. 68–70]. The nature of this phenomenon is reminiscent of the Cherkassky type of ceramics of the Middle Don region, which appeared as a result of the interaction of the local Middle Don Neolithic culture and the new Lower Don Eneolithic culture. Moreover, the fact of the coexistence of Oryol and Caspian ceramics at the Varfolomeevskaya site is also recognized by A.I. Yudin [29, p. 216], which contradicts the unambiguous statement about their genetic continuity.

Secondly, this is the change of the system from prick to the comb ornamentation of the Neolithic ceramics, which goes back to the forest-steppe Middle Volga or Samara cultures. In order to analyze this aspect, it is necessary to clarify the chronological positions of these complexes. There are dates on collar ceramics for the burial ground near the village Syezzheye of the Samara culture: 6580 ± 100 BP (5674–5338 cal BC) and 5890 ± 90 BP (4989–4544 cal BC) [9, p. 138].

The first date was obtained for a vessel, which is identical not only in typology, but also in technology to the ceramics of the Caspian culture [6, pp. 200–201]. And the second vessel, according to typology, is a hybrid of the Caspian and Middle Volga cultures, which is also recorded at the level of technology. In such a situation, there is an option to consider not the penetration of the carriers of the Samara culture to the south, but, on the contrary, the advance of representatives of the Caspian culture to the north into the forest-steppe Volga region. This is confirmed by the date for the site of the Caspian culture Burovaya 41 – 6790 ± 80 BP (5870–5550 cal BC) [10, p. 192]. As for the appearance of the comb stamp ornamentation in the forest-steppe Volga region, today the earliest dates for the Middle Volga Neolithic ceramics decorated with a long comb stamp are known from the Lebyazhinka IV site: 5420 ± 80 BP (4446–4046 cal BC) and 5360 ± 90 BP (4350–3988 cal BC) and Lesnoye Nikolskoye 3: 5400 ± 90 BP (4446–3997 cal BC) [8, pp. 62–63]. The source of borrowing this ornament could be the Kama ceramics from the Ziarat site (6110 ± 80 BP – 5290–4810 cal BC; 6323 ± 43 BP – 5463–5214 cal BC) or Podlesnoye III site (6110 ± 80 BP – 5290–4810 cal BC) [9, Table 1]. It turns out that comb ceramics in the Middle Volga culture could appear as a result of the influence of the Caspian culture, but not vice versa. There are dates for the Kurpezhe-moll site are 6050 ± 80 BP (5212–4782 cal BC), and for the Caspian sites of the steppe Volga region 5806 ± 26 BP (4724–4557 cal BC) [20, p. 22].

Since the discovery of the Caspian culture, experts record the predominance of quartzite raw materials in its stone tools [21]. If we turn to the Caspian sites with rather homogeneous complexes [12, pp. 219–221], then the dominant quartzite raw material suggests two explanations: either the sources of flint dried up at the end of the Neolithic, which is unlikely, or a population that did not know these sources came to this territory. The second explanation is more acceptable for two reasons. First, in the complexes of the Caspian culture, flint products are although represented by an insignificant percentage, but the raw material itself differs from the Oryol and Tentexor ones. Secondly, in addition to raw materials in the Caspian materials, the blanks for obtaining tools are dramatically changing: they are obtained using

the technique of forced pressing, the origins of which cannot be traced in the previous time. One cannot but pay attention to one more essential detail. The Caspian industry is characterized not only by massive products, but also by inserts on knife-like rectangular plates, which are not characteristic of the Late Neolithic complexes of the territory of interest. There are no trapezia with a planed back in the Caspian complexes, which are so characteristic of Tentexor and Late Oryol materials [4; 27].

The similarity of the technology of making their ceramics can be considered as one of the arguments in favor of the continuity of the bearers of the Oryol and Caspian cultures [5]. Without denying this, one should nevertheless note the opinion of experts in the field of technical and technological analysis of ancient ceramics that this method works mainly to distinguish between cultural traditions.

Another sign of the Caspian Eneolithic traditions formation on the materials of the Varfolomeevskaya site A.I. Yudin counts bone figurines of animals (horses) found in layer 2A [30, pp. 99–104]. However, this layer belongs to the final period of the existence of the Neolithic Oryol culture. The discovery of a bone figurine at the Razdorskaya site also belongs to the pre-Mariupol time, which was found in the second layer of this monument, where collars have not yet appeared on the rims of the vessels, and pricked motifs predominated in the ornamentation of vessels [13]. No such figurines were found on the Caspian sites of the steppe zone; therefore, their appearance in the Varfolomeevskaya layer 2A is in no way connected with the formation of the traditions of the Caspian culture.

If we take an autochthonous position about the transition from the Neolithic to the Caspian culture, then its nature implies that the emergence of a producing economy was the result of the activities of the Tentexor or Oryol population. However, two points contradict this. First, no reliably domesticated species were identified at Late Neolithic sites [24, pp. 9–10]. As for the “pure” complexes of the Samara culture, the bones of domestic animals have not been found in its materials yet [17]. The appearance of the domestic sheep cannot be associated with the activities of the bearers of the Oryol or Middle Volga cultures. According to archaeozoologists,

this animal does not occur in the wild either in the steppe or forest-steppe Volga region.

As for the innovations that appeared in the materials of the Lower Volga region, attention should be paid to a number of complexes. Thus, a group of ceramics is distinguished at the Kombakte site, in addition to the Khvalynsk and Caspian complexes, which does not have a collar thickening on the outer side of the rim, but is ornamented with horizontal rows of tightly set medium-toothed stamp imprints [20]. The search for analogies leads not to the north, but to the west. These are vessels of the period 1a of the Azov-Dnieper culture [18, p. 187, Fig. 63, 1] and of the first period of the Lower Don culture [13; 14; 18, p. 195, Fig. 71, 45, 48; 72, 1–2]. At the same time, the early radiocarbon dates of the 1st period of the Azov-Dnieper culture obtained from the bone from the Chapaevka settlement 7030 ± 70 BP (6022–5752 cal BC), 6910 ± 60 BP (5972–5674 cal BC) and from the 5th Vasilievsky burial ground 6810 ± 90 BP (5896–5556 cal BC), 6835 ± 60 BP (5843–5629 cal BC) and dates of the early stage of the Lower Don culture from the Mariupol burial ground 6645 ± 70 BP (5700–5477 cal BC) and from the settlement of Razdolnoye 6550 ± 80 BP (5633–5362 cal BC) [18, pp. 95, 97, Table 1, 3] correspond to the earliest dates of the Caspian culture and materials from the Syezzheye burial ground.

It is noteworthy that similar pottery is also represented in the upper layer of the Dzhangar settlement. Moreover, the author of the excavations draws attention to the fact that it differs from the crockery with pricks also by technology [16, p. 321]. It is very important that the technique of forced pressing and tools made on massive blanks are already characteristic of the stone industry of these complexes at this stage [13; 14; 18, p. 187, Fig. 63, 2, 4–10, 14; p. 195, Fig. 71, 51–52]. The insert technique also inherent to them. No less interesting is the collection of the Zhe-kalgan I site, where specific vessels were found, in addition to typical Tentexor ceramics. There is an influx on the inner side of the rim, and the surface is ornamented with a toothed stamp [15, p. 12, Fig. 2, 2]. The percentage of quartzite products is increasing. In other words, this is evidence of the interaction of the local Neolithic and newcomers. The time of these contacts can be determined by the date – 6566 ± 120 BP (5711–5316 cal BC) [23]. This value is much older than

the age of the comb system of ornamentation in the forest-steppe. Researchers note that quartzite raw materials are used earlier than in the Caspian time, and more massively in the Don region in comparison with the Volga region [25, p. 25]. In the western regions the collar design of the rim is recorded both in the Azov-Dnieper and in the Lower Don cultures of 6800 BP (5700 BC) [18]. This is somewhat earlier than the time of the Burovaya 41 site in the Northern Caspian region. The systemic combination of collars and rows of a walking comb, framed by dashes, is quite clearly manifested at the second stage of the Lower Don culture [13, p. 91, Fig. 5] and is recorded at 6700–6200 BP (5600–5100 BC) [18]. This time is similar to the age of the Burovaya 41 site, where quartzite objects were found on massive blanks. It should also be borne in mind that the system of ornamentation of the Caspian monuments of the Volga steppe, which is characterized by the predominance of compositions in the prick technique of execution, is synchronized with the existence of the second stage of the Azov-Dnieper antiquities, and their appearance here may be associated with the second wave of migration of the population from the Dnieper-Donskoy interfluvium. N.S. Kotova also notes the presence of Western influence in the materials of the Oryol, Caspian and Samara cultures, which is reflected in certain forms of ceramics (bowls with a rib, a bowl with protrusions on the rim) and decorative elements (ribbon and roller ornament) [19, p. 65].

Regarding the production economy, it can be stated that in the regions west of the Volga region, it appears already in the Neolithic [18, p. 114], while in the Northern Caspian region, sheep bones were found at the Kurpezha-molla site of the Caspian culture [7] around 6100 BP (5000 BC), and at Oroshayemoye I – 5800 BP [11] (4650 BC). Until now, there are no known monuments of the Caspian type in the steppe Volga region older than 5800 BP (4650 BC). It is these radiocarbon data that make it possible to additionally link the process of the emergence of the Caspian culture not on the territory of the steppe Volga region, but in the Northern Caspian region.

Results. Thus, the processes associated with the penetration of certain groups of bearers of the Lower Don and Azov-Dnieper cultures into this territory from the Dnieper-Don interfluvium at the first stage of their development are traced in

the Northern Caspian region during the period 6700–6500 BP (5600–5450 BC). There are signs of their interaction with the societies of the local Neolithic culture (Tentexor). Subsequent impulses lead to the formation of the entire set of features of the Caspian culture.

REFERENCES

1. Barynkin P.P., Vasil'ev I.B. *Novye eneoliticheskie pamyatniki Severnogo Prikaspiya* [New Eneolithic Settlements of the Northern Caspian Region]. *Arheologicheskie pamyatniki na evropejskoj territorii SSSR* [Archaeological Settlements on the European Territory of the USSR]. Voronezh, VGPI, 1985, pp. 58-73.
2. Vasil'ev I.B. *Eneolit Povolzh'ya. Step' i lesostep'* [Eneolithic Volga Region. Steppe and Forest-Steppe]. Kujbyshev, KGPI, 1981. 130 p.
3. Vasil'ev I.B., Sinyuk A.T. *Eneolit Vostochno-Evropejskoj lesostepi* [Eneolithic of the East European Forest-Steppe]. Kujbyshev, KGPI, 1985. 117 p.
4. Vasil'ev I.B., Vybornov A.A., Kozin E.V. *Pozdneeneoliticheskaya stoyanka Tenteksor v Severnom Prikaspii* [The Late Neolithic Site of Tenteksor in the Northern Caspian]. *Drevnie kul'tury Severnogo Prikaspiya* [Ancient Cultures of the Northern Caspian]. Kujbyshev, KGPI, 1986, pp. 6-31.
5. Vasileva I.N. *Itogi tekhniko-tehnologicheskogo analiza keramiki stoianok Algai i Oroshaemoe* [Technical and Technological Analysis of Ceramics' Results of Algai and Oroshaemoe Settlements]. *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie* [XXI Ural Archaeological Congress]. Samara, SGSPU, 2018, pp. 13-16.
6. Vasil'eva I.N. *Tekhnologiya keramiki mogil'nika u s. S'ezzhee* [Pottery Technology of a Burial Ground Near the Village of Syezheye]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya. Vyp. III* [Archaeological Settlements of Orenburg. Iss. III]. Orenburg, OGPI, 1999, pp. 191-216.
7. Vybornov A.A., Kosintsev P.A., Kulkova M.A., Doga N.S., Platonov V.I. *Vremia poiavleniya proizvodivshchego khoziaistva v Nizhnem Povolzhe* [Appearance Time of the Producing Farm in the Lower Volga Region]. *Stratum plus*, 2019, no. 2, pp. 359-368.
8. Vybornov A.A., Kovalyuh N.N., Skripkin V.V. *K radiokarbonovoj hronologii neolita Srednego Povolzh'ya: vostochnyj region* [On Radiocarbon Chronology of the Neolithic Middle Volga Region: The Eastern Region]. *Rosyskaya arkheologiya*, 2009, no. 3, pp. 58-65.
9. Vybornov A.A. *Neolit Volgo-Kam'ya* [Neolithic of Volga-Kama]. Samara, SGPI, 2008. 490 p.

10. Vybornov A.A., Kovalyuh N.N., Skripkin V.V. O korektyrovke absolyutnoj hronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [On the Adjustment of the Absolute Chronology of the Neolithic and Eneolithic of the Northern Caspian Sea]. *Trudy II (18) Vserossijskogo arheologicheskogo syezda v Suzdale* [Proceedings II (18) of the All-Russian Archaeological Congress in Suzdal]. Moscow, IA RAN, 2008, vol. 1, pp. 19-193.
11. Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasil'eva I.N., Kosincev P.A., Kul'kova M.A., Doga N.S., Popov A.S. Issledovaniya poseleniya Oroshaemoe v Nizhnem Povolzh'e [Studies of the Oroshayemoye Settlement in the Lower Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 18, no. 3, pp. 140-145.
12. Vybornov A.A., Yudin A.I., Vasil'eva I.N., Kosincev P.A., Doga N.S., Popov A.S., Platonov V.I., Roslyakova N.V. Novye rezul'taty issledovaniy poseleniya Oroshaemoe v Nizhnem Povolzh'e [New Research Results of the Oroshayemoye Settlement in the Lower Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 215-222.
13. Kiyashko V.Ya. *Mezhdru kamnem i bronzoy* [Between Stone and Bronze]. Azov, 1994. 132 p.
14. Kiyashko V.Ya. Mnogoslojnoe poselenie Razdorskoe I [Multilayered Settlement Razdorskoe I]. *KSIA*, 1987, vol. 192, pp. 73-80.
15. Kozin E.V. Novye materialy po neolitu Severnogo Prikaspiya [New Materials on the Neolithic of the Northern Caspian Sea Region]. *Problemy arheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoj lesostepi* [Problems of the Archaeological Study of the Don-Volga Forest-Steppe]. Voronezh, VGPI, 1989, pp. 9-14.
16. Koltsov P.M. *Mezolit i neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya* [Mesolithic and Neolithic of the North-West Caspian Sea Region]. Moscow, Voskresenye Publ., 2005. 352 p.
17. Kosintsev P.A., Varov V.I. Rannie etapy zhivotnovodstva v Volgo-Ural'skom regione [The Early Stages of Animal Husbandry in the Volga-Ural Region]. *Vzaimodejstvie cheloveka i prirody na granice Evropy i Azii* [The Interaction of Man and Nature on the Border of Europe and Asia]. Samara, SamVen, 1996, pp. 29-31.
18. Kotova N.S. *Neolitizaciya Ukrainy* [Neolitization of Ukraine]. Lugansk, Shlyah Publ., 2002. 268 p.
19. Kotova N.S. Perekhod ot neolita k eneolitu v stepyakh Vostochnoi Evropy i svyazannye s nim innovatsii [Transition from Neolithic to Eneolithic in the Eastern European Steppes and Related Innovations]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2014, no. 3 (8), pp. 65-75.
20. Vybornov A.A., Doga N.S., Popov A.S., Filippsen B. Materialy stoiarki Kombakte v Severnom Prikaspii [Materials of Kombakte Settlement in the Northern Caspian Sea Region]. *Problemy arheologii Nizhnego Povolzhia* [Problems of Archeology in the Lower Volga Region]. Elista, KalmGU, 2016, pp. 20-24. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.3.1.
21. Melentiev A.N. Pamyatniki neolita Severnogo Prikaspiya (pamyatniki prikaspijskogo tipa) [Neolithic Settlements of the Northern Caspian Sea Region (Settlements of the Caspian Type)]. *Problemy arheologii Povolzh'ya i Priural'ya* [Problems of Archeology of the Volga Region and Cis-Urals]. Kujbyshev, KGPI, 1976, pp. 13-14.
22. Morgunova N.L. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya* [Eneolithic of the Volga-Ural Interfluve]. Orenburg, OGPU, 2011. 220 p.
23. Andreev K.M., Barackov A.V., Vybornov A.A., Kul'kova M.A., Ojnonen M., Possnert G., Medouz D., van der Pliht J., Filippsen B. Novye radiouglerodnye daty neoliticheskikh i eneoliticheskikh pamyatnikov Povolzh'ya i Podon'ya [New Radiocarbon Dates of the Neolithic and Eneolithic Settlements of the Volga Region and Don Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 18, no. 3 (2), pp. 155-163.
24. Vybornov A.A., Ojnonen M., Doga N.S., Kul'kova M.A., Popov A.S. O hronologicheskom aspekte proiskhozhdeniya proizvodnyashchego hozyajstva v Nizhnem Povolzh'e [On the Chronological Aspect of the Producing Economy's Origin in the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 3, pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.1>.
25. Stavitsky V.V. *Neolit, eneolit i rannij bronzovyy vek Sursko-Okskogo mezhdurech'ya i Verhnego Prihoper'ya: dinamika vzaimodejstviya kul'tur severa i yuga v lesostepnoj zone: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Neolithic, Eneolithic and Early Bronze Age of the Sura-Oka Interfluve and the Upper Khopyor Area: Dynamics of the Interaction of Northern and Southern Cultures in the Forest-Steppe Zone. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, UdGU, 2006. 46 p.
26. Stavitskii V.V. Rets.: Morgunova N.L. Eneolit Volgo-Uralskogo mezhdurech'ya. Orenburg, 2011. 220 p. [Review: Morgunova N.L. Eneolithic of the Volga-Ural Interfluve. Orenburg, 2011. 220 p.]. *Povolzhskaya Arkheologiya*, 2013, no. 3 (5), pp. 200-208.
27. Yudin A.I. *Varfolomeevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya* [Varfolomeyevskaya Site and the Neolithic of the Steppe Volga Region]. Saratov, Izd-vo SGU, 2004. 200 p.

28. Yudin A.I. *Kul'turno-istoricheskie processy v epohi neolita i eneolita na territorii Nizhnego Povolzh'ya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Cultural and Historical Processes in the Neolithic and Eneolithic Epochs in the Lower Volga Region. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, UdGU, 2006. 46 p.

29. Iudin A.I. Orlovskaya kultura v svete novykh dannykh po khronologii neolita stepnogo Povolzhia [Orlov Culture in the Light of the New Data on the Volga Steppe Neolithic Chronology]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2014, no. 3 (8), pp. 215-220.

30. Yudin A.I. Orlovskaya kul'tura i istoki formirovaniya stepnogo eneolita Zavolzh'ya [Orlovskaya Culture and the Origins of the Formation of the Steppe Aeneolith of the Trans-Volga Region]. *Problemy drevnej istorii Severnogo Prikaspiya* [Problems of the Ancient History of the Northern Caspian Sea Region]. Samara, SGPU, 1998, pp. 83-105.

31. Yudin A.I. *Poselenie Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ya* [The Settlement of Kumyska and the Eneolithic of the Steppe Volga Region]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2012. 212 p.

Information About the Authors

Aleksandr A. Vybornov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History and Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Vladimir V. Stavitsky, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of General History and Social Studies, Penza State University, Krasnaya St, 40, 440026 Penza, Russian Federation, stawiczky.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>

Marianna A. Kulkova, Candidate of Sciences (Geology and Mineralogy), Associate Professor, Department of Geology and Geoecology, Herzen State Pedagogical University, r. Moyki Emb., 48/1, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

Информация об авторах

Александр Алексеевич Выборнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Владимир Вячеславович Ставицкий, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет, ул. Красная, 40, 440026 г. Пенза, Российская Федерация, stawiczky.v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>

Марианна Алексеевна Кулькова, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии, Российский государственный педагогический университет, наб. р. Мойки, 48/1, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kulkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9946-8751>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.3>

UDC 94(470).01:572
LBC 63.3(2)2-9

Submitted: 18.01.2021
Accepted: 19.02.2021

**ABOUT ANTHROPOLOGICAL CONNECTIONS
BETWEEN THE SCYTHIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION
AND THE SAUROMAT-SARMATIAN POPULATION OF 6th – 3rd CENTURIES BC ¹**

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article discusses the issue of possible connections of the Sauromat-Early Sarmatian population of the 6th – 3rd centuries BC of the Southern Urals, the Lower Volga region and the Lower Don with the synchronous groups of the Northern Black Sea region according to physical anthropology. This problem is directly related to the origin of the Scythians, which still remains controversial. The review of scientific literature has shown that the problem of anthropological relationships between these two groups of early nomads in Eastern Europe has not yet been considered. *Methods and materials.* Testing for the existence of models of ethnogenetic relationships was carried out using intergroup comparisons of craniometric data. Mass material on the early nomads of the Sauromat-Early Sarmatian period of the Southern Urals, the Lower Volga region, the Lower Don and the steppe Scythians of the Northern Black Sea region was processed by the canonical method, followed by the consideration of the proximity of Mahalanobis. For this, digital information on 48 male and 30 female craniological series was used. *Results.* The greatest morphological similarity with the eastern Sauromat-Early Sarmatian populations is possessed by an elite group from the royal kurgans (Aleksandropol and Zheltokamenka), as well as local groups from the Sivash and Nosak regions. In all compared groups, the type of ancient Eastern Caucasians prevails, which combined mesobranchicrania with a weakened horizontal facial profile at the upper level. Thus, the results of the study showed the presence of ethnogenetic relationships in the studied early nomads, which either confirms the hypothesis about the possible influence of the Sauromat-Early Sarmatian component on changes in the intragroup structure of the Northern Black Sea populations, or indicate the presence of a single genetic substrate of South Siberian origin.

Key words: Scythians, Sarmatians, Sauromats, craniological type, canonical vectors, Alexandropolskiy kurgan, Sivash region, West Eurasian haplogroups, ethnogenetic connections.

Citation. Balabanova M.A. About Anthropological Connections Between the Scythians of the Northern Black Sea Region and the Sauromat-Sarmatian Population of 6th – 3rd Centuries BC. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 38-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.3>

УДК 94(470).01:572
ББК 63.3(2)2-9

Дата поступления статьи: 18.01.2021
Дата принятия статьи: 19.02.2021

**ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
СКИФОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И САВРОМАТО-САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ VI–III вв. до н. э. ¹**

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье обсуждается вопрос о возможных связях савромато-раннесарматского населения VI–III вв. до н. э. Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона с синхронными группами Северного Причерноморья по данным физической антропологии. Эта проблема имеет прямое отношение к происхож-

дению скифов, которая до сих пор остается дискуссионной. Обзор публикаций научной литературы показал, что проблема антропологических соотношений этих двух групп ранних кочевников Восточной Европы еще не рассматривалась. *Материал и методика.* Проверка на существование моделей этногенетических связей была проведена с помощью межгрупповых сопоставлений краниометрических данных. Массовый материал по ранним кочевникам савромато-раннесарматского времени Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и степным скифам Северного Причерноморья обрабатывался каноническим методом с последующим рассмотрением расстояний близости Махаланобиса. Для этого использовалась цифровая информация по 48 мужским и 30 женским краниологическим сериям. *Анализ.* Наибольшим морфологическим сходством с восточными савромато-раннесарматскими популяциями обладает элитная группа из царских курганов (Александропольский и Желтокаменка), а также локальные группы из Присивашья и Носак. Во всех сравниваемых группах преобладает тип древних восточных европеоидов, который сочетал мезобрахикранию с ослабленной горизонтальной профилировкой лица на верхнем уровне. *Результаты.* Таким образом, результаты исследования показали наличие этногенетических связей у исследуемых ранних кочевников, которые либо подтверждают гипотезу о возможном влиянии савромато-раннесарматского компонента на изменение внутргрупповой структуры северо-причерноморских популяций, либо указывают на наличие единого генетического субстрата южно-сибирского происхождения.

Ключевые слова: скифы, сарматы, савроматы, краниологический тип, канонические вектора, Александропольский курган, Присивашье, западно-евразийские гаплогруппы, этногенетические связи.

Цитирование. Балабанова М. А. Об антропологических связях скифов Северного Причерноморья и савромато-сарматского населения VI–III вв. до н. э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 38–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.3>

Введение. Исторический обзор антропологических литературных источников показывает, что у европейских скифов практически отсутствует связь с их восточными соседями – населением савромато-раннесарматского времени VI–III вв. до нашей эры. Тем не менее материалы элитного Александропольского кургана демонстрируют определенное сходство с синхронными кочевыми группами Нижнего Поволжья и Нижнего Дона [51, с. 76; 8, с. 42; 32, с. 150]. В статье А.Г. Козинцева [32, с. 150] и в недавно опубликованной монографии С.И. Круц [38, с. 47] фигурируют и серии из других районов Северного Причерноморья, которые демонстрируют определенное морфологическое сходство с савромато-раннесарматскими группами. Кроме того, есть и результаты исследования палеогенетики, также свидетельствующие о значительном сходстве этих двух групп ранних кочевников Восточной Европы [64; 28, с. 26].

Данная проблема напрямую связана с проблемой происхождения скифов, которая трактовалась с двух позиций – автохтонной и миграционной. Первая концепция восходит к двум генеалогическим легендам, приведенным в IV книге Геродотом [17, с. 5–11]. В одном случае происхождение скифов трактуется от связи местной «дамы» (дочери Борисфена) и Зевса, в другом – от полуженщины-полузмеи и Геракла.

Вторая миграционная концепция также связана с информацией Геродота, по которой кочевые скифы, жившие в Азии, будучи тесными войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс (Сырдарья?) и удалились в Киммерийскую землю.

Данные гипотезы с некоторыми вариациями разрабатывались и в археологической науке. Сторонником автохтонной теории сначала выступал Б.Н. Граков [19]. Он считал, что прямыми предками скифов являлись полуоседлые пастушеские племена срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, проникшие в Северное Причерноморье из Поволжья.

М.И. Артамонов [4, с. 44, 46, 47] отстаивал миграционную теорию, предполагающую приход скифов в Северное Причерноморье из Передней Азии. Другую территорию исхода предлагает А.И. Тереножкин [49, с. 20–23]. Его версия связана с переселением групп в Северное Причерноморье из Центральной Азии (Монголия, Алтай, Восточный Казахстан) в уже культурно-оформленном виде. При этом оба эти автора говорят об отсутствии культурной преемственности причерноморских скифов и предшествующего срубного населения.

Наибольшую дискуссию вызывает миграционная теория в своем последнем варианте, центрально-азиатского происхождения ски-

фов, которую продолжает разрабатывать ряд исследователей. Тем не менее, несмотря на накопление массовых материалов, в том числе и из элитных курганов, проблема происхождения скифов до сих пор остается открытой [39, с. 4; 5, с. 309]. Специфика споров и их развитие были описаны разными учеными [44; 58]. В их работах называются и наиболее дискуссионные проблемы скифоведения: этнос, происхождение, социально-экономический строй, организация общества и идеология.

В рамках данного исследования, источником которого является антропологический материал, нас в первую очередь интересует проблема происхождения. Я.А. Шер [58, с. 21], подводя итоги анализа исследований по проблеме происхождения скифов, приходит к мнению о том, что во всех работах наблюдается «несомненный приоритет миграционной гипотезы», но в связи с последними палеогенетическими исследованиями указывает на возврат к автохтонной концепции. Это связано с тем, что западно-евразийские гаплогруппы, обнаруженные во всех сериях скифского времени Евразийской степи, имеют единое происхождение ямно-афанасьевского субстрата. Таким образом, гипотеза происхождения скифов Северного Причерноморья переходит на новый междисциплинарный уровень.

Одной из главных междисциплинарных составляющих является палеоантропология. В связи с этим становится понятной и дискуссия о происхождении причерноморских скифов, которую развернули между собой и антропологи в последние два десятилетия [24; 25; 60; 61; 62; 31; 32; 33; 38].

Следует отметить, что сначала все советские антропологи, анализирующие материалы по европейским скифам, предоставляли доказательства, подкрепляющие концепцию формирования скифского населения на основе степных групп Восточной Европы эпохи поздней бронзы, срубной культурно-исторической общности [20; 21; 35; 27; 14, 3; 42]. Это единодушие нарушилось где-то в конце 90-х – начале 2000-х гг. и связано было с накоплением антропологических материалов по скифским могильникам. Дискуссия между антропологами теперь была связана с проблемой внутригрупповой антропологической однородности серий [24; 59, с. 42, 43; 61, с. 77; 31; 32; 33].

Что касается вопроса о связях скифов с савромато-сарматским населением, то он решается неоднозначно. А.Г. Козинцев определяет ее с группой из Александропольского кургана [32, с. 149], а С.Г. Ефимова [24], решая этот вопрос, ключевую роль отводит микроэволюционным процессам.

Результаты изучения новых материалов V–III вв. до н. э. главного специалиста в этой области – антрополога С.И. Круц [38, с. 43–49, 73] также показали более сложную картину соотношения скифского населения Северного Причерноморья. Этот автор, как и его предшественники, отмечает, что «подавляющее большинство причерноморских серий, действительно очень близки между собой» и характеризуются сочетаниями признаков, определяющих средиземноморский тип. Несмотря на это, внутригрупповая дифференциация исследуемого населения направлена на наличие у ряда серий сдвига в сторону монголоидной примеси, сочетающейся с брахицефализацией, которую С.Г. Ефимова [24, с. 43] объясняет эпохальной изменчивостью.

Проведенный С.И. Круц [38, с. 49, 50] межгрупповой анализ относительно синхронных серий с обширной территории евразийских степей показал, что крайние варианты у скифского населения занимают типы:

1) долихокранный с относительно узким хорошо профилированным лицом, так называемый средиземноморский (саки Восточного Памира, Самтавро, Мингечаур, скифские серии из Каховки, Медвина, Триполье, Посулье и др.);

2) тип, характеризующийся мезобрахикранией в сочетании с низким сводом, широким лицом, у которого горизонтальная профилировка ослаблена (саки Северного и Восточного Казахстана, тувинские серии, скифские серии из Никополя, Кута, Александрополя и особенно в серии из Присивашья) [8, с. 48; 10, с. 71; 38, с. 47].

Таким образом, последнее морфологическое сочетание, которое определяется мною как тип древних восточных европеоидов, имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, так как доминирует в савромато-раннесарматских сериях и его специфика формировалась на основе карасукского и восточно-андроновского населения [8; 9].

Что касается результатов палеогенетического анализа, то они демонстрируют пре-

обладание западно-евразийских типов гаплогрупп над восточно-евразийскими как при анализе скифского материала, так и савромато-раннесарматского [64; 28, с. 28]. Кроме того, данные исследования выявили независимость сценариев формирования генетического состава западной и восточной части ранних кочевников степей Евразии «мультирегиональное происхождение». Тем не менее между ними не исключается обмен генами в процессе многочисленных контактов. Этим исследователи объясняют наличие у западной части скифов восточно-евразийских гаплогрупп, подтверждая высокую мобильность кочевого населения степей скифской эпохи. При сравнении данных палеогенетики савромато-сарматские группы демонстрируют большее сходство с группами классических скифов Северного Причерноморья, чем со скифо-сибирскими группами степной и лесостепной зоны Западной и Южной Сибири (носители тагарской, пазырыкской и алдыбельской культур). При этом сходство с причерноморскими скифами не является близким. Картографирование популяций ранних кочевников степной Евразии по данным палеогенетики в основном соотносится с их географическим положением, за исключением тагарской группы Минусинской котловины. Корреляция связана с наличием общих черт структуры мтДНК, сочетанием доли вариантов мтДНК восточно-евразийского и западно-евразийского происхождения в их генофондах [28, с. 25].

Следует отметить, что данные результаты исследования основаны на анализе мтДНК, то есть материнской линии. Что покажут результаты исследования Y-хромосомного анализа, то есть отцовской линии, будет известно со временем, так как данный тип исследования только начат. Это ожидание имеет и свой интерес, учитывая легенду происхождения савроматов от амазонок и скифских юношей, приведенную Геродотом [17, с. 110–117].

Подводя итоги анализу специальной литературы, посвященной как проблеме происхождения скифов, так и проблеме их соотношения с савромато-сарматским населением, можно отметить следующее. Антропологические параллели с соседними группами (савроматским, сакским) немногочисленны и несопоставимы с «дальними» (центрально-азиатскими) параллелями и данные по анализу

мтДНК частично согласуются с антропологическими данными по вопросу этногенетических связей скифских и савромато-раннесарматских популяций.

В связи с тем, что никогда специально не рассматривался вопрос антропологических соотношений кочевников савромато-раннесарматского облика и скифского, а также с накоплением значительных материалов по скифским и савромато-раннесарматским культурам (особенно по Южному Приуралью и Нижнему Дону), которые не использовались в межгрупповых сопоставлениях, цель данного исследования становится вполне обоснованной.

Материал и методика исследования.

Для определения антропологических связей скифского и савромато-раннесарматского населения проводился сравнительный анализ между материалами ранних кочевников Северного Причерноморья (19 мужских и 12 женских серий) и ранних кочевников (VI–III вв. до н. э.) Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (савроматского времени – 15 серий: 10 мужских и 5 женских; раннесарматского времени – 25 серий: 14 мужских и 11 женских). Кроме того, были использованы и серии по синхронным группам населения Нижнего Дона (4 разнополых серии из могильника Елизаветовского городища и Беглицкого некрополя). Еще три мужские серии составили материалы из захоронений предшествующего, предскифского и предсавроматского времени (1 серия черногоровского этапа Украины и 2 серии из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: серии из погребений с вытянутыми и скорченными костяками). Из анализа были исключены скифские серии из лесостепных могильников. Перечень антропологического материала, используемого в работе, приведен в таблице 1, а картографирование памятников – на рисунке 1. В общей сложности для интерпретации межгрупповых сходств / различий использовался множественный дискриминантный анализ по 48 мужским и 30 женским группам. В результате обработки цифровой информации по 14 краниологическим признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 54, 55, 51, 52, SS:SC, 77, <zm', 75-1) были выделены канонические векторы, которые определяют уровень межгрупповой изменчивости. Элементы канонических векторов приведены в таблице 2.

Таблица 1. Краниологические серии, используемые для межгруппового анализа

Table 1. Craniological series used for the intergroup analysis

№ п/п	Серии	Автор публикации
1	Предсавроматское время (вытянутые костяки), могильник Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Балабанова [9]; Батиева [12]
2	Предсавроматское время (скорченные костяки), могильник Нижнего Поволжья и Нижнего Дона	Балабанова [9]; Батиева [12]
3	Черногородовский этап, могильники Украины	Круц [36; 38]
4	Елизаветовское гор.	Батиева [12]
5	Беглицкий некрополь	Батиева [12]
Степные скифские серии Украины		
6	Александропольский курган	Бэр [13]; Фирштейн [51]; Кондукторова [35]; Ефимова [24] Круц [38]; Козак [30]
7	Гайманово поле	Ефимова [24]; Круц [38]
8	Носаки	Круц [38]
9	Златополь	Круц [38]
10	Присивашье	Круц [38]
11	Каховка	Круц [38]
12	Привольное	Круц [38]
13	Широкое	Круц [38]
14	Выше-Тарасовка	Круц [38]
15	Ингулецкая гр.	Круц [38]
16	«Знать-1»	Круц [37; 38]
17	«Знать-2»	Круц [37; 38]
18	«Знать-3»	Круц [37; 38]
19	Николаевка	Великанова [14]
20	Мамай-Гора	Литвинова [40]
21	Причерноморские степи	Кондукторова [35]
22	Среднее Приднепровье	Кондукторова [35]
23	Фронтное-1	Круц [37; 38]
24	могильники С-3 Причерноморья	Круц [38]
Раннесарматские серии (IV–II вв. до н. э.)		
25	Мечет-Сай	Акимова [2]
26	Лебедевка	Ефимова [26]
27	Прохоровка 1	Фризен, Яблонский [54]; Фризен, [53]
28	Новый Кумак	Кондукторова [34]; Акимова [1; 2]
29	Старые Киишки	Акимова [1; 2]
30	Кардаилово-Черная 2	Багашев [6]
31	Новорский	Хохлов, Фризен [56], Балабанова, Перерва [11]
32	Могильники Западного Казахстана	Фризен [54]
33	Заволжская гр.	Гинзбург [18]; Фирштейн [52]; Балабанова [8]
34	Правобережная гр.	Балабанова [8]
35	Волго-Ахтубинская гр.	Балабанова [8]
36	Западный Казахстан и Волго-Уральский регион	Китов, Мамедов [29]
37	Донская гр.	Батиева [12]
38	Шумеевские курганы	Хохлов [55]
Савроматские серии (VI–IV вв. до н. э.)		
39	Заволжская гр.	Гинзбург [18]; Фирштейн [50]; Балабанова [8]
40	Волго-Донская гр.	Балабанова [8]
41	Калмыцкая гр.	Балабанова [8]
42	Новокумакская гр.	Кондукторова [34]; Акимова [2]; Фризен [53]
43	Мечетсайская гр.	Акимова [2]
44	Группа Астраханского правобережья	Балабанова [8]
45	Филипповка	Яблонский [63]
46	Лебедевка	Ефимова [26]
47	Западный Казахстан и Волго-Уральский регион	Китов, Мамедов [29]
48	Казыбаба	Багдасарова [7]

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников раннего железного века, антропологический материал которых использовался в межгрупповом анализе (номера групп на рисунке 1 совпадают с номерами в таблице 1):

- a* – серии скифского времени Нижнего Дона; *б* – скифские серии Северного Причерноморья;
- в* – серии савроматского времени Южного Приуралья и Нижнего Поволжья;
- г* – серии раннесарматского времени (IV–III вв. до н. э.) Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона;
- д* – серии из могильников предсавроматского и предскифского времени Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Украины;
- е* – ориентировочная область расположения памятников суммарных групп

Fig. 1. Schematic map of the location of archaeological sites of the Early Iron Age, the anthropological material of which was used in the intergroup analysis (the group numbers in Figure 1 are the same as those in Table 1):

- a* – series of the Scythian period of the Lower Don; *б* – Scythian series of the Northern Black Sea region;
- в* – series of the Sauromat time of the Southern Urals and the Lower Volga region;
- г* – series of the Early Sarmatian time (4th – 3rd centuries BC) of the Southern Urals, Lower Volga and Lower Don region;
- д* – series from burials of the pre-Sarmatian and pre-Scythian time of the Lower Volga, Lower Don and the Ukraine;
- е* – approximate area of location of sites of total groups

Таблица 2. Элементы первых трех канонических векторов для 43 мужских и 26 женских серий раннего железного века

Table 2. Elements of the first three canonical vectors for 43 male and 26 female series of the Early Iron Age

№ по Мартину и др.	Мужчины			Женщины		
	КВ I	КВ II	КВ III	КВ I	КВ II	КВ III
1	-0.582	-0.057	0.548	-0.763	-0.009	-0.238
8	0.740	-0.174	-0.049	0.831	-0.018	-0.297
17	-0.361	0.463	-0.780	-0.192	-0.173	0.373
9	-0.259	-0.186	0.115	-0.204	-0.385	0.470
45	0.199	-0.418	0.102	0.001	0.338	0.316
48	-0.145	-0.399	0.297	0.403	0.422	0.136
55	0.085	0.549	-0.389	-0.282	-0.164	-0.494
54	-0.031	0.084	-0.003	0.219	-0.207	0.218
51	0.362	0.961	0.370	0.299	0.440	-0.202
52	0.005	-0.217	0.056	0.030	-0.461	0.035
77	0.117	0.386	0.125	-0.054	0.226	0.152
<zm'	0.136	0.062	-0.220	0.222	0.145	-0.076
SS:SC	0.244	-0.171	-0.156	0.242	-0.483	0.675
75-1	-0.383	0.196	0.503	-0.306	0.812	0.261
Собственные числа	18.686	6.096	4.402	19.858	4.921	3.512
% дисперсии	39.957	13.034	9.413	50.036	12.399	8.850

В процессе изучения результатов анализа рассматривались уровни дисперсий, выпадающие на каждый канонический вектор, изучалась матрица расстояний близости по Махаланобису. Для группировки сравниваемых данных на основе сходства / различия матрица расстояний близости обрабатывалась кластерным анализом [22; 23].

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из результатов антропологической реконструкции является воссоздание событий и процессов, которые предполагают декодирование информации, содержащейся в результатах статистического анализа. Весь процесс исследования предполагает создание события, явления, восстанавливающего и/или воспроизводящего его свойства, позволяющего исследовать его морфологию, свойства, генетику, контекстуальное окружение и т. д. с последующей интерпретацией. Для получения информации и последующей ее интерпретации в результате сравнения было извлечено 11 векторов с собственными числами больше 1,0 при анализе мужских серий и 9 векторов – при анализе женских. Наиболее значимыми являются первые два вектора, так как на них приходится более 50,0 % межгрупповой изменчивости (см. табл. 2).

Первый канонический вектор отражает 40,0 % общей межгрупповой изменчивости при анализе мужской совокупности и 50,0 % – женской (см. табл. 2). Согласно результатам анализа разнополюх групп распределение изменчивости по первому каноническому вектору (далее – КВ) приходится на одни и те же признаки. Значимую корреляцию с этим вектором имеют два тотальных размера мозговой коробки: продольный и поперечный диаметры (1 и 8 размеры по Мартину). Несмотря на это, данная переменная не является размерной, а выделяет на полюсах изменчивости, с одной стороны, серии с коротким и широким черепом, а с другой – с длинным и узким. Первый морфологический комплекс является доминантой савромато-прохоровских серий, а второй – причерноморских скифов. При этом на положительный полюс изменчивости выходят самые восточные мужские и женские группы из могильников савроматского и раннепрохоровского времени Южного Приуралья (Филипповка, Лебедевка, Кардаи-

лово-Черная 2, Мечет-Сай и др.), а на отрицательный – в обоих случаях скифские серии из Златополя, Каховки, Выше-Тарасовки и др.

На второй канонический вектор приходится около 13,0 % изменчивости при анализе мужских серий и 12,4 % – при анализе женских. По этой переменной наблюдаются различия в распределении изменчивости на признаки у мужчин и женщин. В результате анализа мужских серий средний уровень корреляции положительный по знаку, выпадает на высоту носа (55-й признак), а высокую положительную корреляцию с этой переменной имеет ширина глазницы (51-й признак). Согласно этим данным максимальные положительные значения имеют серии, у которых высокий нос и широкая глазница. Наиболее широкую глазницу в сочетании с высоким носом имеют раннепрохоровская группа из могильников Волго-Ахтубинской поймы, савроматского времени из могильников Калмыкии и скифские группы «Знать-3» и из Александропольского кургана. Альтернативные сочетания имеют в основном серии савроматского и раннепрохоровского времени из могильников Южного Приуралья.

При анализе распределения изменчивости КВ II женских серий высокая корреляция выпадает на два признака носовой области: симметрический указатель и угол профиля носа (SS:SC и 75-1). Таким образом, данная дискриминанта разводит на полюсах своей изменчивости, с одной стороны, серии, сочетающие низкое переносье и резко выступающий нос (положительный полюс изменчивости), а с другой – серии с относительно высоким переносьем и умеренно выступающим носом (отрицательный полюс). Первый морфологический комплекс встречается в скифских сериях из могильников Фронтное 1, Златополь, Каховка и Носаки, а второй – в раннесарматской серии из Прохоровки 1, серии из Елизаветовского городища, в скифских сериях из могильников Среднего Приднепровья, Ингулецкой гр. и др.

Третий канонический вектор отражает в обеих разнополюх группах около 9,0 % межгрупповой изменчивости. При анализе мужских групп высокая нагрузка этого дискриминатора падает на продольный и высотный диаметры мозговой коробки и на угол профиля носа. Наиболее длинноголовые мужские серии

оказываются с низким сводом и сильно выступающим носом, и наоборот, короткоголовые – с высоким сводом и умеренно выступающим носом. Самыми низководчатыми являются группы савромато-раннесарматского времени из могильников Южного Приуралья (прохоровская серия из Нового Кумака, обе мечетсайские серии из погребений савроматского и раннепрохоровского времени, а также скифские серии из Каховки и Златополя). Альтернативный набор признаков встречается в донских сериях скифского времени (Елизаветовское гор. и Беглицкий некрополь) и др. У них высотный диаметр от базион-брегма в пределах 145 и 149 миллиметров. В данном случае приуральские серии являются самыми низководчатыми, а скифские – самые длинноголовые.

Согласно данным статистического анализа женских групп высокие нагрузки на III KV выпадают также на два носовых признака: высота носа и симотический указатель (55; SS:SC). Для обоих признаков характерен средний уровень связи, в пределах 0,5–0,7. При этом высокие положительные значения имеет, прежде всего, серия из погребений раннесарматского времени из могильников Волго-Донского междуречья и Заволжья, а высокие отрицательные зна-

чения имеют скифские серии из Каховки и Причерноморских степей.

В связи с тем, что наибольшую дифференцирующую роль выполняют I и II канонические вектора, был построен график взаимного расположения серий в их пространстве (рис. 2 и 4). Судя по распределению нагрузок на первую переменную, на правой половине обоих графиков расположились серии, у которых короткая и широкая мозговая коробка, а на левой – серии с длинной и узкой мозговой коробкой. Причем правую половину графика занимают в основном серии из могильников савроматской и раннесарматской культур, а левую – серии из скифских могильников Украины. Первый тип по максимуму выражен на мужских черепах из Филипповки: продольный диаметр – 184,7 мм, а поперечный – 155,5 миллиметра. Второй тип представлен на черепах из Беглицкого некрополя, 190,3 мм и 137,7 мм, соответственно. На женском графике наиболее отдаленными оказались серия из скифского могильника Златополь с продольным диаметром в пределах 184 мм и поперечным – в пределах 136,5 миллиметра. Ей противостоит серия из Филипповки с размерами 170,3 мм и 147,4 миллиметра.

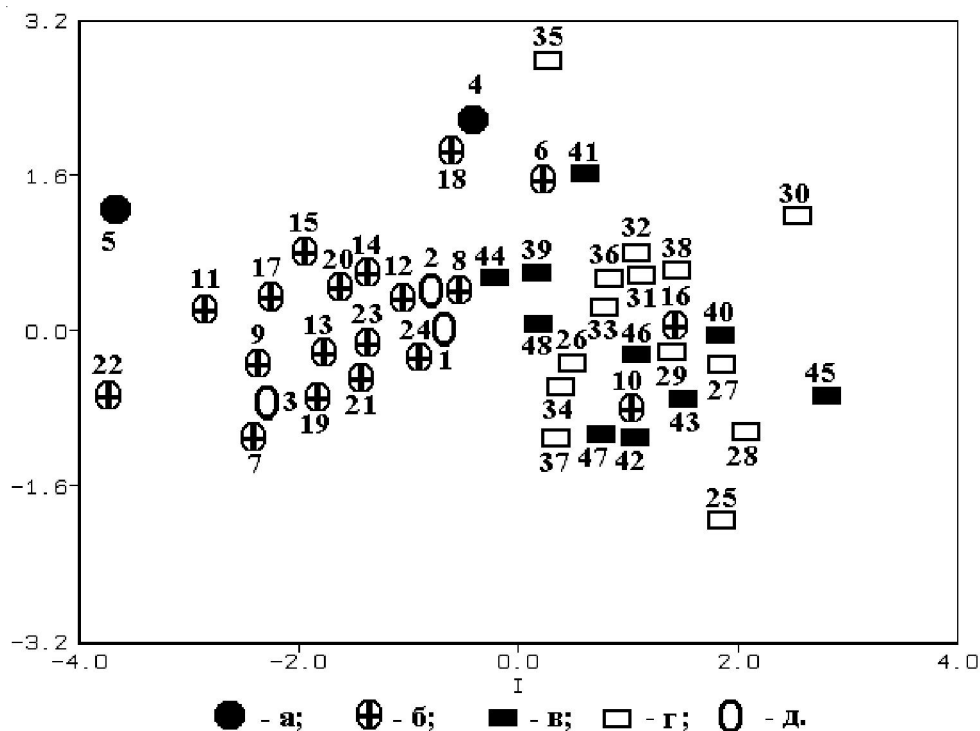

Рис. 2. Расположение 48 мужских серий в графическом пространстве I и II канонических векторов

Fig. 2. Location of 48 male series in the graphic space of canonical vectors I and II

Таким образом, четырехпольные графики демонстрируют резкое отличие двух групп ранних кочевников: западной локализации (скифские серии Причерноморья и некрополи скифского времени Нижнего Дона) и восточной (савромато-раннесарматские серии Нижнего Дона, Нижнего Поволжья и Южно-го Приуралья).

Тем не менее на графике, отражающем положение мужских групп в пространстве I и II канонических векторов, хорошо видно, что между савромато-раннесарматскими сериями вклиниваются некоторые скифские серии. Для того чтобы разобраться в этом, был проведен кластерный анализ матрицы расстояний близости по Махаланобису (рис. 3). В результате этого были получены кластеры, в которых отражены морфологические связи отдельных савромато-раннесарматских и скифских групп. В первой связке оказались скифские серии из могильников Носаки, Николаевка, Причерноморские степи, обе предсавроматские серии из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (группы из комплексов с вытянутыми и скорченными костяками) и серия савроматского времени из могильников Астраханского правобережья (1, 2, 19, 21, 20, 8 и 44 номера на рисунке 2). Причем наибольшее сходство у скифской серии из Носаки наблюдается не с сериями предсавроматского времени, а с савроматской группой. Как отмечает С.И. Круц [38, с. 37], она характеризуется мезобрахикрацией в сочетании с широким и высоким лицом. Аналогичное сочетание признаков присутствует и в сериях из этого кластера предсавроматского и савроматского времени.

Вторую группу образует скифская серия, у которой уже не раз отмечали сходство с савромато-раннесарматским населением, это серия из Александропольского кургана (рис. 3)². Вместе с ней в этот кластер попала еще одна скифская элитная группа «Знать-1», которую образовали черепа из Александропольского и Желтокаменского курганов. Из савроматских серий здесь оказались группы из Казыбаба и из могильников Заволжья и Калмыкии, а из серий раннесарматского времени группа из могильников Заволжья и Новоорская (6, 16, 33, 39, 48, 31 и 41 номера на рисунке 2). Все се-

рии из этого кластера отличаются мезокрацией в сочетании с низким сводом.

Еще одна скифская группа из могильников Присивашья также имеет сходство с савромато-раннесарматскими сериями. Это прежде всего серии из Филипповки, Кардаилово-Черная 2 (10, 45 и 39 номера на рисунке 2). В этой связке оказались серии с брахикранной формой мозговой коробки в сочетании с умеренной профилировкой лица на обоих уровнях.

В связи с полученными результатами статистического анализа следует обратить внимание на информацию, содержащуюся в античных письменных источниках, о завоевании Скифии сарматами и о появлении сарматов на территории Скифии в VI–III вв. до н. э. Прежде всего интерес вызывают выявленные морфологические параллели савромато-раннесарматских групп с сериями из Присивашья и «царских скифов» Александропольского и Желтокаменского курганов. Д.А. Мачинский [40, с. 46], интерпретируя данные Гераклида о появлении сарматов в IV в. до н. э., располагает их в самом центре территории «царских скифов», у Сиваша и Перекопа. Кроме данных Гераклида на III в. до н. э. приходится легенда о сарматской царице Амаге, которую описывает Полиен. У многих исследователей не вызывает сомнений исторический факт, который имел место. Данные сведения, по мнению Д.А. Мачинского [41, с. 46], указывают на то, что центр зимних кочевий сарматов должен был находиться примерно в 75 км к западу от берега Сиваша. Таким образом, вышеприведенные савромато-сарматские и скифские соответствия подкрепляются данными письменных источников. Что касается гипотезы о завоевании сарматами Скифии, то она построена на сведениях, приведенных Диодором, а события относятся к IV–III вв. до н. э. [41, с. 42–54]. Его информация, а также данные из ольвийского декрета в честь Протогена привели к активной полемике в советской и российской археологической науке, которая не затихает до сих пор [15; 47; 48; 16; 43; 46]. Дискуссия связана с вопросом, была ли завоевана Скифия сарматами, что привело к ее гибели, или же нет? Не вдаваясь в подробности полемики по этому вопросу, отметим, что многие исследователи отрицают существенную роль сарматов в гибели Скифии.

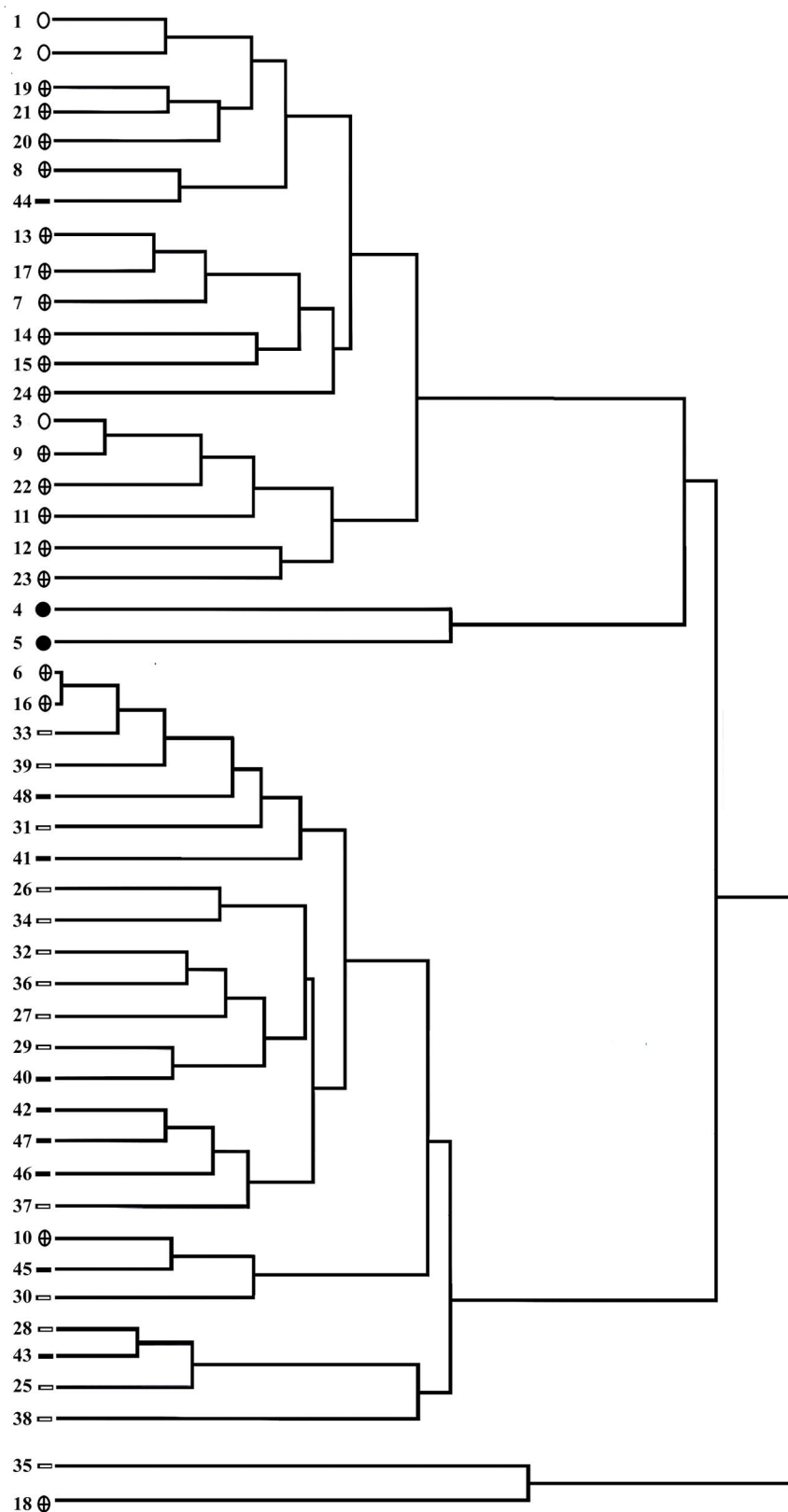

Рис. 3. Дендрограмма кластерного анализа расстояний близости по Махаланобису 48 мужских групп (нумерация групп на рисунках 1–3 совпадает с нумерацией в таблице 1)

Fig. 3. Dendrogram of the cluster analysis of proximity distances by Mahalanobis of 48 male groups (the group numbers in Figures 1–3 are the same as those in Table 1)

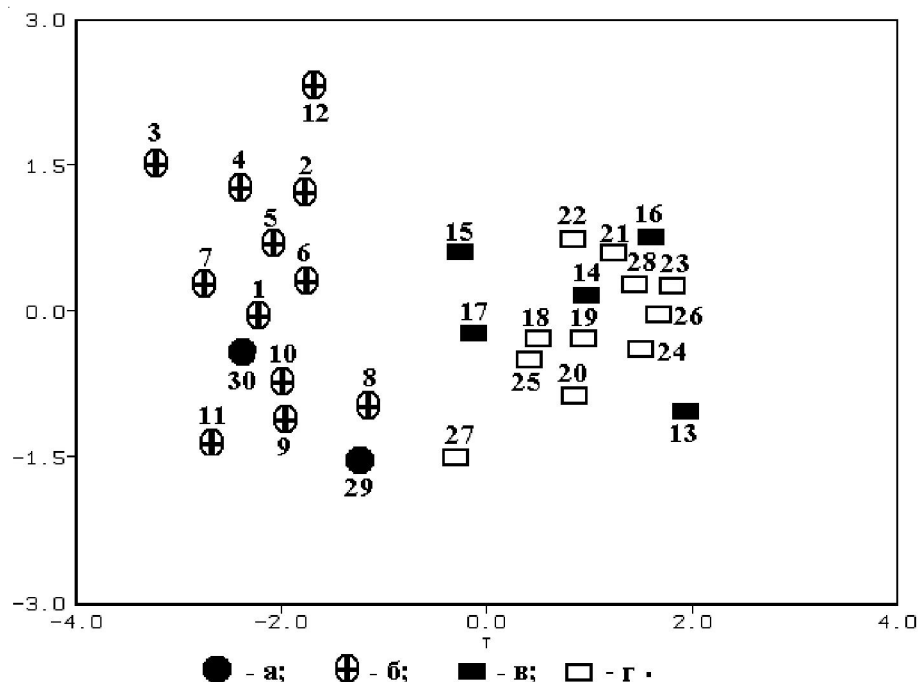

Рис. 4. Расположение 30 женских серий в графическом пространстве I и II канонических векторов (обозначения на рисунках 1–4 совпадают):

Скифские серии Северного Причерноморья: 1 – Гайманово поле; 2 – Носаки; 3 – Златополь; 4 – Каховка; 5 – Привольное; 6 – Широкое; 7 – Выше-Тарасовка; 8 – Ингулецкая группа; 9 – Николаевка; 10 – Причерноморские степи; 11 – Среднее Приднепровье; 12 – Фронтвое 1.

Савроматские серии Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: 13 – Филипповка; 14 – Западно-казахстанская и Волго-Уральская группа [29]; 15 – Нижневолжская группа; 16 – Новорская группа; 17 – Казыбаба.

Раннесарматские серии (IV–III вв. до н. э.): 18 – Заволжская группа; 19 – Астраханская группа; 20 – Волго-Донская группа; 21 – Старые Киишки; 22 – Мечет-Сай; 23 – Кардаилово-Черная 2; 24 – Лебедевка; 25 – Шумаевские курганы; 26 – Западно-казахстанская и Волго-Уральская группа [29]; 27 – Прохоровка 1; 28 – Нижнедонская группа.

Серии скифского времени Нижнего Дона: 29 – Елизаветовское городища; 30 – Беглицкий некрополь

Fig. 4. Location of 30 female series in the graphic space of canonical vectors I and II (symbols in Figures 1–4 are the same):

Scythian series of the Northern Black Sea region: 1 – Gaimanovo pole; 2 – Nosaki; 3 – Zlatopol; 4 – Kakhovka; 5 – Privolnoye; 6 – Shirokoe; 7 – Vyshe-Tarasovka; 8 – Ingulets group; 9 – Nikolaevka; 10 – Black Sea steppes region; 11 – Middle Dnieper region; 12 – Frontovoje 1.

Sauromat series of the Southern Urals and Lower Volga region: 13 – Filippovka; 14 – West Kazakhstan and Volga-Ural group [29]; 15 – Lower Volga group; 16 – Novorskaya group; 17 – Kazybaba.

Early Sarmatian series (4th – 3rd centuries BC): 18 – Zavolzhskaya group; 19 – Astrakhan group; 20 – Volga-Don group; 21 – Starye Kiishki; 22 – Mechet-Sai; 23 – Kardailovo-Chernaya 2; 24 – Lebedevka; 25 – Chumaev mounds; 26 – West Kazakhstan and Volga-Ural group [29]; 27 – Prokhorovka 1; 28 – Lower Don group.

Series of the Scythian time of the Lower Don region: 29 – Elizabethan settlement; 30 – Beglitsky necropolis

Анализ археологических комплексов IV–III вв. до н. э. с территории Северного Причерноморья показал, что достоверно датированных сарматских памятников этого времени на указанной территории практически нет, а есть единая сарматская культура Северного Причерноморья, укладывающаяся во временные рамки II в. до н. э. – середина II в. н. э. [45, с. 134–173; 57, с. 314–317; 43, с. 237]. Несмотря на то что традиционно группу из царского Александропольского кургана связывают с сарматским влиянием, археологические

материалы кургана также не дают возможность утверждать это. Из вышесказанного следует, что нет массовых археологических данных, которые свидетельствовали бы о более или менее представительном присутствии сарматов в Северном Причерноморье ранее II в. до н. э. В связи с этим вопрос о каких-либо значительных этногенетических связях савромато-раннесарматского и скифского населения остается открытым.

Заключение. Таким образом, хотелось бы отметить, что поиски связей савромато-

раннесарматского населения Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и скифского Северного Причерноморья как подтвердили ряд известных уже положений, так и позволили сформулировать новые:

1) наблюдается определенное подобие части савромато-раннесарматских групп скифским, что свидетельствует о сходных компонентах, которые формировали облик населения (VI–III вв. до н. э.);

2) несмотря на морфологическую близость этих групп ранних кочевников, сложно интерпретировать ее только как результат этнических и культурных контактов, в том числе и брачных;

3) «восточный компонент», предположительно с мезобрахикранным комплексом в сочетании с умеренной горизонтальной профилировкой лица, мог как попасть в среду Причерноморских скифов в процессе их контактов с савромато-раннесарматским населением, так и иметь единую генетическую основу (карасукско-восточно-андроновскую), свидетельствующую о миграционной центрально-азиатской концепции происхождения части скифов;

4) в связи с морфологическими параллелями между скифской группой из курганов Александрополь-Желтокаменка и савромато-сарматской группой из Филипповки можно предположить династические браки между достаточно отдаленными группами ранних кочевников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00471А «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

The research was supported by RFBR grant №19-09-00471А “Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)”.

² Серия из этого кургана была дополнена еще двумя мужскими черепами, измерения которых взяты из работы А.Д. Козак [30, с. 669].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, М. С. Антропология древнего населения Приуралья / М. С. Акимова. – М. : Наука, 1968а. – 119 с.

2. Акимова, М. С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала / М. С. Акимова // Археология и этнография Башкирии. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1968б. – Т. 3. – С. 391–426.

3. Алексеев, В. П. Историческая антропология и этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1989. – 445 с.

4. Артамонов, М. И. К вопросу о происхождении скифов / М. И. Артамонов // ВДИ. – № 2. – 1950. – С. 37–47.

5. Археология : учебник / под ред. В. Л. Янина. – М. : Изд-во МГУ, 2012. – 608 с.

6. Багашев, А. Н. Материалы к краниологии сарматов / А. Н. Багашев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 1997. – № 1. – С. 65–74.

7. Багдасарова, Н. А. Савроматы Юго-Западного Приуралья по материалам могильника Казыбаба / Н. А. Багдасарова // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. – М. : Старый сад, 2000. – Вып. 2. – С. 78–112.

8. Балабанова, М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век / М. А. Балабанова. – М. : Наука, 2000. – 135 с.

9. Балабанова, М. А. Антропология населения Восточноевропейских степей в предскифское время / М. А. Балабанова // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ. – М. : ГИМ Москва, 2005. – Вып. 145. – С. 156–170.

10. Балабанова, М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов / М. А. Балабанова // РА. – 2010. – № 2. – С. 67–77.

11. Балабанова, М. А. Краниологические материалы из могильников в районе г. Орска / М. А. Балабанова, Е. В. Перерва // Нижневолжский археологический вестник. – 2008. – Вып. 9. – С. 137–154.

12. Батиева, Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование) / Е. Ф. Батиева. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160 с.

13. Бэр, К. М. Описание черепов, вырытых из Александропольского кургана / К. М. Бэр // Древности Геродотовой Скифии. – СПб. : Типография Имп. Академии наук, 1866. – Вып. 1. – С. I–XVI.

14. Великанова, М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья / М. С. Великанова. – М. : Наука, 1975. – 284 с.

15. Виноградов, Ю. А. О двух волнах сарматских миграций в Причерноморских степях доримского времени / Ю. А. Виноградов // Херсонский сборник. – 2004. – Вып. XIII. – С. 20–28.

16. Виноградов, Ю. А. Северное Причерноморье в III в. до н.э. (взгляд из греческих государств) / Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко // Археологические вести. – 2014. – Вып. 20. – С. 143–164.

17. Геродот. История / Геродот ; пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – М. : Аст, 2008. – 699 с.
18. Гинзбург, В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По материалам Калиновского могильника) / В. В. Гинзбург // МИА. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 1, № 60. – С. 524–594.
19. Граков, Б. Н. Скифы / Б. Н. Граков. – Киев : [б. и.], 1947. – 95 с.
20. Дебец, Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец // ТИЭ. Нов. сер. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 4. – 392 с.
21. Дебец, Г. Ф. О физических типах людей скифского времени / Г. Ф. Дебец // Проблемы скифской археологии. МИА. – М. : Наука, 1971. – № 177. – С. 8–10.
22. Дерябин, В. Е. Многомерная биометрия для антропологов / В. Е. Дерябин. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 227 с.
23. Дерябин, В. Е. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии / В. Е. Дерябин // Вестник антропологии. Научный альманах. – 1998. – Вып. 4. – С. 30–68.
24. Ефимова, С. Г. Соотношение лесостепных и степных групп населения Европейской Скифии по данным краниологии / С. Г. Ефимова // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М. : ИА РАН, 2000. – С. 39–44.
25. Ефимова, С. Г. Антропологический состав европейских скифов и проблема существования скифо-сибирской общности / С. Г. Ефимова // Восточные славяне. Антропология и этническая история / под ред. Т. И. Алексеевой. – М. : Научный мир, 2002. – С. 292–298.
26. Ефимова, С. Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса / С. Г. Ефимова // Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.) / Б. Ф. Железчиков, В. М. Клепиков, И. В. Сергацков. – М. : Восточная литература, 2006. – С. 133–148.
27. Зиневич, Г. П. Очерки палеоантропологии Украины / Г. П. Зиневич. – Киев : Наук. думка, 1967. – 223 с.
28. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) / А. С. Пилипенко [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 4. – С. 17–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>.
29. Китов, Е. П. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке / Е. П. Китов, А. М. Мамедов. – Астана : Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 352 с.
30. Козак, А. Д. Сопровождающие погребения в тризне Александропольского кургана. К антропологии скифского времени / А. Д. Козак // Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье / С. В. Полин, А. Ю. Алексеев. – Киев ; Берлин : Видавець Олег Філюк, 2018. – С. 632–673. – (Серия «Курганы Украины», т. 6).
31. Козинцев, А. Г. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов / А. Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 145–152.
32. Козинцев, А. Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение / А. Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 143–157.
33. Козинцев, А. Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов / А. Г. Козинцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 140–144.
34. Кондукторова, Т. С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области / Т. С. Кондукторова // Вопросы антропологии. – 1962. – Вып. 11. – С. 43–57.
35. Кондукторова, Т. С. Антропология древнего населения Украины (I тысячелетие до н.э. – середина I тысячелетия н.э.) / Т. С. Кондукторова. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 156 с.
36. Круц, С. І. Антропологічні дані до кімерійської проблеми / С. І. Круц // Археологія. – 2002. – № 4. – С. 13–29.
37. Круц, С. И. Приложение № 2. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья / С. И. Круц // Курганы скифского Героса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы) / Б. Н. Мозолевский, С. В. Полин. – Киев : Стило, 2005. – С. 459–501.
38. Круц, С. И. Скифы степей Украины по антропологическим данным / С. И. Круц. – Киев ; Берлин : Видавець Олег Філюк, 2017. – 202 с. – (Серия «Курганы Украины», т. 5).
39. Кулланда, С. В. Скифы: язык и этногенез / С. В. Кулланда. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 232 с.
40. Литвинова, Л. В. О населении Европейской Скифии (по археологическим материалам могильника Мамай-Гора) / Л. В. Литвинова // РА. – 2002. – № 3. – С. 39–45.
41. Мачинский, Д. А. О времени активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников / Д. А. Мачинский // Археологический сборник. – 1971. – Вып. 3. – С. 30–54.
42. Мартынов, А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира : учеб. пособие / А. И. Мартынов, В. П. Алексеев. – Кемерово : КемГУ, 1986. – 144 с.

43. Полин, С. В. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) / С. В. Полин // Древности. Исследования. Проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н. П. Тельнова. – Кишинев ; Тирасполь : Б-ка Stratum. – 2018. – С. 267–288.
44. Раевский, Д. С. Об историографии скифской проблемы в современном освещении (некоторые замечания к дискуссии) / Д. С. Раевский // РА. – 2003. – № 2. – С. 64–71.
45. Симоненко, А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья / А. С. Симоненко // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и культуры». – Краснодар : [б. и.], 2004. – С. 134–173.
46. Симоненко, А. В. О сарматском завоевании Скифии / А. В. Симоненко // Нижневолжский археологический вестник. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 27–49. – DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.2>.
47. Скрипкин, А. С. К событиям IV в. до н.э. на восточных границах Причерноморской Скифии / А. С. Скрипкин // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М. : Таус, 2010. – С. 184–191.
48. Скрипкин, А. С. Сарматы / А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 293 с.
49. Тереножкин, А. И. Скифская культура / А. И. Тереножкин // Проблемы скифской археологии // МИА. – 1971. – № 177. – С. 15–24.
50. Фирштейн, Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) / Б. В. Фирштейн // ТИЭ. Новая серия. Антропологический сборник. – М. : Институт этнографии АН СССР, 1961. – Т. LXXI. – С. 53–97.
51. Фирштейн, Б. В. Черепа из Александропольского скифского кургана / Б. В. Фирштейн // Вопросы антропологии. – 1966. – Вып. 22. – С. 62–76.
52. Фирштейн, Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении / Б. В. Фирштейн // Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы / Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. – Л. : Наука, 1970. – С. 69–201.
53. Фризен, С. Ю. Население степей Южного Приуралья в раннесарматское время : дис. ... канд. ист. наук / Фризен Сергей Юрьевич. – М., 2011. – 240 с.
54. Фризен, С. Ю. Краниологические материалы из могильника у д. Прохоровка / С. Ю. Фризен, Л. Т. Яблонский // Вестник Антропологии. – 2006. – № 14. – С. 160–167.
55. Хохлов, А. А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов / А. А. Хохлов // Шумаевские курганы / Н. Л. Моргунова [и др.]. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 275–292.
56. Хохлов, А. А. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени / А. А. Хохлов, С. Ю. Фризен // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара : [б. и.], 2004. – Вып. 2. – С. 257–266.
57. Храпунов, И. Н. Сарматы в Крыму по данным археологии / И. Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – II в. н.э.) : V материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. И. Н. Храпунов. – Симферополь : «Салта» ЛТД, 2019. – С. 314–320.
58. Шер, Я. А. Угасает ли дискуссия о происхождении скифов, скифской культуры и скифского звериного стиля? / Я. А. Шер // КСИА. – 2017. – Вып. 247. – С. 15–27.
59. Яблонский, Л. Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне / Л. Т. Яблонский // РА. – 1998. – № 4. – С. 35–49.
60. Яблонский, Л. Т. Еще раз о происхождении скифской культуре Причерноморья по данным антропологии / Л. Т. Яблонский // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. – М. : [б. и.], 1999. – С. 141–143.
61. Яблонский, Л. Т. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии / Л. Т. Яблонский // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология : материалы Междунар. конф. «Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. : проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии». – М. : Изд-во ИА РАН, 2000. – С. 73–79.
62. Яблонский, Л. Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века / Л. Т. Яблонский // РА. – 2001. – № 1. – С. 56–65.
63. Яблонский, Л. Т. На востоке скифской ойкумены / Л. Т. Яблонский. – М. : Грифон, 2017. – 400 с.
64. Ancestry, Demography, and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe / M. Unterlander [et al.] // Nature Communications. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (date of access: 12.11.2020). – DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>.

REFERENCES

1. Akimova M.S. *Antropologiya drevnego naseleniya Priuralya* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1968a. 119 p.
2. Akimova M.S. *Materialy k antropologii drevnego naseleniya Yuzhnogo Urala* [Materials on Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii*

[Archaeology and Ethnography of Bashkiria]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izd-vo, 1968b, vol. 3, pp. 391-426.

3. Alekseev V.P. *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnogenesis]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 445 p.

4. Artamonov M.I. K voprosu o proiskhozhdenii skifov [On the Question of the Origin of the Scythians]. *VDI* [Bulletin of Ancient History], 1950, no. 2, pp. 37-47.

5. Yanina V.L., ed. *Arheologiya. Uchebnik* [Archaeology. Textbook]. Moscow, Izd-vo MGU, 2012. 608 p.

6. Bagashev A.N. Materialy k kranologii sarmatov [Materials for Sarmatian Craniology]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 1997, no. 1, pp. 65-74.

7. Bagdasarova N.A. Savromaty Yugo-Zapadnogo Priaral'ya po materialam mogil'nika Kazybaba [Sauromats of the South-Western Aral Sea Region Based on the Materials of the Kazybaba Burial Ground]. *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Srednej Azii* [Anthropological and Ethnographic Data of the Population of Central Asia]. Moscow, Stary Sad Publ., 2000, iss. 2, pp. 78-112.

8. Balabanova M.A. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 135 p.

9. Balabanova M.A. Antropologiya naseleniya Vostochnoevropejskikh stepej v predskifskoe vremya [Anthropology of the Population of the Eastern European Steppes in the Pre-Scythian Time]. *II Gorodcovskie chteniya: materialy nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodcova v GIM. Trudy GIM* [II Gorodtsov Readings. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of V.A. Gorodtsov's Activity in the State Historical Museum. Proceedings of the State Historical Museum]. Iss. 145. Moscow, GIM, 2005, pp. 156-170.

10. Balabanova M.A. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov [New Data on the Anthropological Type of the Sarmatians]. *RA* [Russian Archaeology], 2010, no. 2, pp. 67-77.

11. Balabanova M.A., Pererva E.V. Kranologicheskie materialy iz Mogil'nikov v rajone g. Orska [Craniological Materials from Burial Grounds in the Area of Orsk]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2008, iss. 9, pp. 137-154.

12. Batieva E.F. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)* [The Population of the Lower Don in the 9th Century BC – 4th Century AD (Paleoanthropological Study)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 160 p.

13. Ber K.M. Opisanie cherepov, vrytyh iz Aleksandropol'skogo kurgana [Description of Skulls Dug from the Alexandropol Kurgan]. *Drevnosti Gerodotovoj Skifii* [Antiquities of Herodotus' Scythia]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1866, iss. 1, pp. I–XVI.

14. Velikanova M.S. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya* [Paleoanthropology of the Prut-Dniester Interfluvium]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 284 p.

15. Vinogradov Yu.A. O dvuh volnah sarmatskikh migracij v Prichernomorskih stepyah dorimskogo vremeni [On Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes of the Pre-Roman Period]. *Hersonskij sbornik* [Kherson Collection], 2004, iss. XIII, pp. 20-28.

16. Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K. Severnoe Prichernomor'e v III v. do n.e. (vzglyad iz grecheskikh gosudarstv) [The North Pontic Region in the 3rd c. BC (The Outlook from the Greek States)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2014, iss. 20, pp. 143-164.

17. Gerodot. *Istoriya* [History]. Moscow, Ast Publ., 2008. 699 p.

18. Ginzburg V.V. Etnogeneticheskie svyazi drevnego naseleniya Stalingradskogo Zavolzhya (Po materialam Kalinovskogo mogil'nika) [Ethno-Genetic Connections of the Ancient Population of the Stalingrad Volga Region (Based on Materials of the Burial Mound Kalinovskiy)]. *MIA* [Materials and Research on Archaeology]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1959, vol. 1, no. 60, pp. 524-594.

19. Grakov B.N. *Skifi* [Scythians]. Kiev, [s. n.], 1947. 95 p.

20. Debec G.F. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. *TIE. Nov. ser. T. 4* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. 4]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1948. 392 p.

21. Debec G.F. O fizicheskikh tipah lyudej skifskogo vremeni [On the Physical Types of People of the Scythian Time]. *Problemy skifskoj arheologii. MIA* [Problems of Scythian Archeology. Materials and Research on Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., 1971, no. 177, pp. 8-10.

22. Deryabin V.E. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov* [Multidimensional Biometrics for Anthropologists]. Moscow, Izd-vo MGU, 1983. 227 p.

23. Deryabin V.E. O metodikah mnogomernogo taksonomicheskogo analiza v antropologii [On Methods of Multidimensional Taxonomic Analysis in Anthropology]. *Vestnik antropologii. Nauchnyj al'manah* [Bulletin of Anthropology. The Scientific Almanac], 1998, iss. 4, pp. 30-68.

24. Efimova S.G. Sootnoshenie lesostepnyh i stepnyh grupp naseleniya Evropejskoj Skifii po dannym kranologii [Correlation of Forest-Steppe and Steppe Population Groups of European Scythia

According to Craniology Data]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya* [Scythians and Sarmatians in the 7th – 3rd Centuries BC: Palaeoecology, Anthropology and Archaeology]. Moscow, IA RAN, 2000, pp. 39-44.

25. Efimova S.G. Antropologicheskij sostav evropejskih skifov i problema sushchestvovaniya skifo-sibirskoj obshchnosti [Anthropological Composition of the European Scythians and the Problem of the Existence of the Scythian-Siberian Community]. Alekseeva T.I., ed. *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya* [Eastern Slavs. Anthropology and Ethnic History]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2002, pp. 292-298.

26. Efimova S.G. «Savromaty» i rannie sarmaty po antropologicheskim materialam iz Lebedevskogo kurgannogo kompleksa [“Sauromats” and Early Sarmatians Based on Anthropological Materials from the Lebedev Kurgan Complex]. Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergackov I.V. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (VI–II Centuries BC)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006, pp. 133-148.

27. Zinevich G.P. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy* [Essays on Paleoanthropology of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1967. 223 p.

28. Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Balabanova M.A., Pristiyazhnyuk M.S., Zhuravlev A.A. K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya (dannye paleogenetiki) [On the Issue of the Sarmatian Population Genetic Composition in the Lower Volga Region (Paleogenetic Data)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 17-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>.

29. Kitov E.P., Mamedov A.M. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The Nomadic Population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age]. Astana, Izdatelskaya gruppa FIA im. A.Kh. Margulana v g. Astana, 2014. 352 p.

30. Kozak A.D. Soprovozhdayushchie pogrebeniya v trizne Aleksandropol'skogo kurgana. K antropologii skifskogo vremeni [Accompanying Burials in the Trizna of the Alexandropolsky Kurgan. To the Anthropology of the Scythian Time]. Polin S.V., Alekseev A. Yu. *Skifskij carskij Aleksandropol'skij kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e* [Scythian Royal Alexandropolsky Mound of the IV Century BC in the Lower Dnieper]. Kiev, Berlin, Vidavets Oleg Filyuk, 2018, pp. 632-673. (Seriya «Kurgany Ukrainy» [Mounds of Ukraine], vol. 6).

31. Kozincev A.G. Ob antropologicheskikh svyazyah i proiskhozhdenii prichernomorskih skifov [On Anthropological Connections and the Origins of

Pontic Scythians]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], 2000, no. 3, pp. 145-152.

32. Kozincev A.G. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhhgruppovye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of the Northern Pontic Zone: Intergroup Differences, External Relations, Origins]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], 2007, no. 4, pp. 143-157.

33. Kozincev A.G. Tak nazyvaemye sredizemnomorcy Yuzhnoj Sibiri i Kazakhstana, indoevropejskie migracii i proiskhozhdenie skifov [So-called Mediterraneans of South Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations and Origins of Scythians]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], 2008, no. 4 (36), pp. 140-144.

34. Konduktorova T.S. Antropologicheskie dannye po drevnemu naseleniyu Orenburgskoj oblasti [Anthropological Data on the Ancient Population of the Orenburg Region]. *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1962, iss. 11, pp. 43-57.

35. Konduktorova T.S. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy (I tysyacheletie do n.e. – seredina I tysyacheletiya n.e.)* [Anthropology of the Ancient Population of Ukraine (I Millennium BC – Mid-I Millennium AD)]. Moscow, Izd-vo MGU, 1972. 156 p.

36. Kruc S.I. Antropologicheskie dannye k kimmerijskoj probleme [Anthropological Data on the Cimmerian Problem]. *Arheologiya* [Archaeology], 2002, no 4, pp. 13-29.

37. Kruc S.I. Novye antropologicheskie materialy iz kurganov skifskoj znati Severnogo Prichernomor'ya [New Anthropological Materials from the Mounds of the Scythian Nobility of the Northern Black Sea Region]. Mozolevskij B.N., Polin S.V. *Kurgany skifskogo Gerosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva Mogily)* [Mounds of Scythian Heros IV century BC (Babin, Vodyan and Sobolev Graves)]. Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 459-501.

38. Kruc S.I. *Skify stepej Ukrainy po antropologicheskim dannym* [Scythians of the Steppes of Ukraine According to Anthropological Data]. Kiev, Berlin, Vidavets Oleg Filyuk, 2017. 202 p. (Kurgany Ukrainy [Mounds of Ukraine], vol. 5).

39. Kullanda S.V. *Skify: yazyk i etnogenez* [Scythians: Language and Ethnogenesis]. Moscow, Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 232 p.

40. Litvinova L.V. O naselenii Evropejskoj Skifii (po arheologicheskim materialam mogil'nika Mamaj-Gora) [On the Population of European Scythia (According to the Archaeological Materials from Mamai Hora Cemetery)]. *RA* [Russian Archaeology], 2002, no. 3, pp. 39-45.

41. Machinskij D.A. O vremeni aktivnogo vystupleniya sarmatov v Podneprov'e po svidetel'stvam antichnyh pis'mennyh istochnikov [About the Time of Active Performance of the Sarmatians in the Dnieper Region According to the Evidence of Ancient Written Sources]. *Arheologicheskij sbornik* [Archaeological Collection], 1971, iss. 3, pp. 30-54.
42. Martynov A.I., Alekseev V.P. *Istoriya i paleoantropologiya skifo-sibirskogo mira* [History and Paleoanthropology of the Scythian-Siberian World]. Kemerovo, KemGU, 1986. 144 p
43. Polin S.V. Sarmatskoe zavoevanie Severnogo Prichernomor'ya (sovremennoe sostoyanie problemy) [The Sarmatian Conquest of Northern Pontic Region (The Current State of the Problem)]. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy: sb. st. v chest' 70-letija N.P. Telnova* [Antiquities. Researches. Problems: Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov] Kishinev, Tiraspol, Biblioteka Stratum, 2018, pp. 267-288.
44. Raevskij D.S. Ob istoriografii skifskoj problemy v sovremennom osveshchenii (nekotorye zamechaniya k diskussii) [On the Historiography of the Scythian Problem in Modern Light (Some Comments on the Discussion)]. *RA* [Russian Archaeology], 2003, no. 2, pp. 64-71.
45. Simonenko A.V. Hronologiya i periodizaciya sarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noj hronologii: dokl. k V Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i kul'tury»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology: Proceedings of the V International Conference "Problems of Sarmatian Archeology and Culture"]. Krasnodar, [s. n.], 2004, pp.134-173.
46. Simonenko A.V. O sarmatskom zavoevanii Skifii [On the Sarmatian Conquest of Scythia]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 27-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.2>.
47. Skripkin A.S. K sobytiyam IV v. do n.e. na vostochnyh granicah Prichernomorskoj Skifii [To the Events of the IV Century BC on the Eastern Borders of the Black Sea Scythia]. *Arheologiya i paleoantropologiya evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., 2010, pp. 184-191.
48. Skripkin A.S. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2017. 293 p.
49. Terenozhkin A.I. Skifskaya kul'tura [Scythian Culture]. *Problemy skifskoj arheologii. MIA* [Problems of Scythian Archeology. Materials and Research on Archaeology], 1971, no. 177, pp. 15-24.
50. Firshtejn B.V. Savromaty Nizhnego Povolzh'ya (po antropologicheskim materialam iz raskopok v nizov'yah r. Eruslan Stalingradskoj oblasti [Sauromats of the Lower Volga Region (According to Anthropological Materials from Excavations in the Lower Reaches of the Yeruslan River in the Stalingrad Region)]. *TIE. Novaya seriya. Antropologicheskij sbornik* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Anthropological Collection]. Moscow, Institut etnografii AN SSSR, 1961, vol. LXXI, pp. 53-97.
51. Firshtejn B.V. Cherepa iz Aleksandropol'skogo skifskogo kurgana [Skulls from the Alexandropolsky Scythian Mound]. *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1966, vol. 22, pp. 62-76.
52. Firshteyn B.V. Sarmaty Nizhnego Povolzhya v antropologicheskom osveshchenii [Sarmatians of the Lower Volga Region in the Anthropological Illumination]. Tot T.A., Firshteyn B.V. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty* [Anthropological Data on the Peoples' Great Migration. The Avars and the Sarmatians]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 69-201.
53. Frizen S.Yu. *Naselenie stepej Yuzhnogo Priuralya v rannesarmatskoe vremya: dis. ... kand. ist. nauk* [Population of Steppes of the Southern Urals in the Early Sarmatian Period. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2011. 240 p.
54. Frizen S.Yu., Yablonskij L.T. Kraniologicheskie materialy iz mogil'nika u d. Prohorovka [Craniological Materials from the Burial Ground near the Village of Prokhorovka]. *Vestnik Antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2006, no. 14, pp. 160-167.
55. Hohlov A.A. Antropologicheskij material iz pogrebenij Shumaevskih kurganov [Anthropological Material from the Burials of Shumaev Mounds]. Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Meshcheryakov D.V., Tureckij M.A., Halyapin M.V., Hohlova O.S. *Shumaevskie kurgany* [Shumaev Mounds]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2003, pp. 275-292.
56. Hohlov A.A., Frizen S.Yu. Novye kraniologicheskie materialy Yuzhnogo Urala savromatskogo vremeni [New Craniological Materials of the Southern Urals of the Sauromatian Time]. *Voprosy arheologii Urala i Povolzh'ya* [Questions of Archeology of the Urals and the Volga Region], 2004, iss. 2, pp. 257-266.
57. Hrapunov I.N. Sarmaty v Krymu po dannym arheologii [The Sarmatians in the Crimea According to Archeology Data]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): V materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii»* [Crimea in the Sarmatian Era (II Century BC – II Century AD). V Materials of the X International Scientific Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History"]. Simferopol, Salta LTD, 2019, pp. 314-320.

58. Sher Ya.A. Ugasaet li diskussiya o proiskhozhdenii skifov, skifskoj kul'tury i skifskogo zverinogo stilya? [Is the Debate About Origin of the Scythians, Scythian Culture and Scythian Animal Style Dying Out?]. *KSIА* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2017, iss. 247, pp. 15-27.

59. Yablonsky L.T. Model' rannego etnogeneza v skifo-sakskoj kontaktnoj zone [Model of Early Ethnogenesis in the Scythian-Saka Contact Zone]. *RA* [Russian Archaeology], 1998, no. 4, pp. 35-49.

60. Yablonskij L.T. Eshche raz o proiskhozhdenii skifskoj kul'tury Prichernomor'ya po dannym antropologii [Once Again on the Origin of the Scythian Culture of the Black Sea Region According to Anthropology]. *Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII-IV vv. do n.e.* [Scythians of the Northern Black Sea Region in the 7th – 4th Centuries BC]. Moscow, [s. n.], 1999, pp. 141-143.

61. Yablonskij L.T. O proiskhozhdenii skifskoj kul'tury Prichernomor'ya po dannym sovremennoj paleoantropologii [On the Origin of the Scythian Culture of the Black Sea Region According to Modern Paleoanthropology]. *Skify i sarmaty v VII-III vv. do n.e. Paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya: materialy Mezhdunar. konf. «Skify Severnogo Prichernomor'ya v VII-IV vv. do n.e.: problemy paleoekologii, antropologii i arkheologii»*

[Scythians and Sarmatians in the 7th – 3th Centuries BC. Paleocology, Anthropology and Archaeology. Materials of the International Conference “Scythians of the Northern Black Sea Region in the 7th – 4th Centuries BC: Problems of Paleocology, Anthropology and Archeology”]. Moscow, Izd-vo IA RAN, 2000, pp. 73-79.

62. Yablonsky L.T. Skify, sarmaty i drugie v kontekste dostizhenij otechestvennoj arheologii XX veka [The Scythians, Sarmatians and Others in the Context of Achievements of Russian Archeology of the 20th Century]. *RA* [Russian Archaeology], 2001, no. 1. pp. 56-65.

63. Yablonsky L.T. *Na востоке skifskoj ojkumeny* [On the East of the Scythian Populated Universe]. Moscow, Gryphon Publ., 2017. 400 p.

64. Unterlander M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanova Z., Groß M., Sell C., Blocher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry, Demography, and Descendants of Iron Age Nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*. URL: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (accessed 12 November 2020). DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms14615>.

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History and Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.4>

UDC 94(3+430)“1275”
LBC 63.3(0)4

Submitted: 27.02.2020
Accepted: 14.05.2020

TWO “IDENTICAL” FREIBURG CHARTERS OF 1275. SHORT DRAFT

Pavel A. Blokhin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. Introduction. In 1275, two drafts of town law of Freiburg im Breisgau were created. This article presents an analysis of one of these texts, namely the short draft. *Methods and materials.* The main research method is comparative historical analysis. The contents of two charters are compared, namely the 1218 Rodel draft and the short draft of 1275. *Analysis.* There are 6 thematic clusters uniting the laws by branches of law: 1) privileges of citizens and rights of the Town Lord; 2) criminal procedure law; 3) civil law; 4) town administration; 5) trade law; 6) various laws. The first part of the laws from the short draft is a translation of the Rodelian laws, the second one represents reformulated Rodelian norms, while the last one contains new laws in the legislation of Freiburg. *Results.* Though the document did not become an official town charter, it manifested the changes in the town law of the 13th century, compared to the previous 1218 Town Charter. In addition, the laws in the draft reflected the political struggle for power between the Town Lord of Freiburg, the City Council of 24 and the town community. The Town Lord regained his previously lost rights, in particular the legislative initiative. However, at the same time, the short draft significantly limited Lord’s arbitrariness towards the property of citizens as well as Freiburg citizens themselves. According to the short draft, the City Council of 24 strengthened and expanded its power in the town, becoming a full-fledged legislative and executive body of the town administration. The town community, on the other hand, was losing its privileges and rights, for example, it lost the opportunity to elect some of the civil servants and members of the Council of 24.

Key words: Freiburg im Breisgau, medieval town law, short draft of 1275, Rodel, town community.

Citation. Blokhin P.A. Two “Identical” Freiburg Charters of 1275. Short Draft. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 56-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.4>

УДК 94(3+430)“1275”
ББК 63.3(0)4

Дата поступления статьи: 27.02.2020
Дата принятия статьи: 14.05.2020

ДВЕ «ОДИНАКОВЫЕ» ФРАЙБУРГСКИЕ ХАРТИИ 1275 г.: КРАТКИЙ ПРОЕКТ

Павел Александрович Блохин

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В 1275 г. были созданы 2 проекта городского права Фрайбурга в Брайсгау. Данная статья представляет анализ одного из этих текстов – краткого проекта. *Методы и материалы.* Основным методом исследования является сравнительно-исторический анализ. Сравняется содержание двух хартий: Роделя – сборника законов городского права, созданного в 1218 г., и краткого проекта 1275 года. *Анализ.* Выделяются 6 тематических блоков, объединяющих законы по отраслям права: 1) привилегии горожан и права сеньора; 2) уголовно-процессуальное право; 3) гражданское право; 4) муниципальное управление; 5) торго-

вое право; 6) разные законы. *Результаты.* Документ, несмотря на то что он не стал официальной хартией, зафиксировал изменения, произошедшие в городском законодательстве в XIII в. по сравнению с предыдущей фрайбургской городской хартией 1218 года. Кроме того, в законах проекта отразились стороны политической борьбы, происходившей между сеньором Фрайбурга, городским Советом 24-х и общиной города.

Ключевые слова: Фрайбург в Брайсгау, средневековое городское право, краткий проект 1275 г., Родель, городская коммуна.

Цитирование. Блохин П. А. Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: краткий проект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 56–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.4>

Введение. Во второй половине XIII – начале XIV в. коллекция фрайбургских юридических документов пополнилась новыми текстами. Это два проекта городских хартий 1275 г. (краткий проект [5, Vd. II, S. 656–671] и пространный проект [10, S. 74–87]), официальная фрайбургская хартия 1293 г. [10, S. 123–139], соглашение графа Конрада с горожанами 1316 г. [10, S. 208–210].

В 1275 г. были созданы два проекта городских хартий, которые не получили официальный статус, то есть не были приняты и не имели хождения в городе. Оба документа так и остались проектами, поскольку в это время основные стороны, заинтересованные в появлении новой хартии – горожане и городской сеньор – не смогли договориться о наиболее важных для них нормах [5, Vd. I, S. 219–293].

Работа с немецкоязычными проектами предполагает объемный анализ. Настоящая статья – это вторая часть большого трехчастного исследования. Первая часть была опубликована в виде моей статьи «Две “одинаковые” фрайбургские хартии 1275 г.: cui bono?» в сборнике «Средние века» [1]. В этой работе анализируется проблема возможного авторства проектов, дается общая характеристика текстов 1275 г. в сравнении с предыдущими сборниками законов Фрайбурга (начиная с 1275 г.), делается попытка определить причины, по которым проекты так и не стали официальными городскими хартиями и т. п. Оба проекта создавались в условиях борьбы трех политических сил: городского сеньора, старшего и младшего Советов 24-х – органов городского управления. Интересы двух из них – сеньора и старшего Совета – совпадали, и в случае, если проекты были бы приняты, властные полномочия могли быть распределены между ними. Однако и сеньору, и старшему Совету противостоял младший Совет 24-х – контролирую-

щий орган власти во Фрайбурге, возникший в 1248 г., которому было невыгодно появление новых сборников законов в том варианте, как они были представлены в проектах 1275 года. Создание немецкоязычных проектов городских законов, а также то, что они не стали официальными фрайбургскими хартиями, является продолжением затяжного политического конфликта между городом и сеньором, с одной стороны, и между различными социально-политическими группировками в городе – с другой. В 1275 г. в политической жизни города сложилась патовая ситуация, требовавшая дальнейшего политико-правового разрешения.

В третьей части исследования будет сделана попытка рассмотрения пространного проекта в сравнении с текстом краткого проекта, характеристика и анализ которого представлены в настоящей статье.

Методы и материалы. Несмотря на то что оба проекта не стали официальными сборниками фрайбургских законов, содержание этих документов представляет интерес, поскольку, с одной стороны, показывает эволюцию правовой системы в средневековом Фрайбурге, а с другой – отражает изменения, произошедшие в социально-экономической и политической жизни города между 1218 г. (временем принятия предыдущей фрайбургской хартии) и 1275 г., зафиксированные в законах. В связи с этим в данной статье основным методом исследования будет выступать сравнительно-исторический анализ. Основное сравнение содержательной части краткого проекта будет проведено с так называемым Штадтроделем (или просто – Роделем) – предыдущей фрайбургской хартией.

В 1218 г. городу была представлена хартия, получившая официальный статус – Родель. Г. Шрайбер в 1828 г. издал полный вариант документа, снабдив латинский текст

немецким переводом. Он же разбил сплошной текст на 80 параграфов + Пролог [10, S. 3–25; 3, с. 15–16; 4, с. 15–45].

Исследования Роделя сводились в основном к установлению даты создания текста и определению подлинности документа. Шрайбер на первых порах полагал, что документ написан в 1120 г., поскольку в тексте имеется указание, что Бертольд герцог фон Церинген основал город в 1120 году. Ритшель посчитал, что Родель был написан в период между 1272 и 1275 гг., во время, когда обострилась борьба за наследство двух братьев – графов фон Фрайбургов [8, S. 29]. Исследователь полемизирует в данном случае с Г. Фламмом, который настаивал на том, что текст был создан в 1218 г., в момент смены династий [8, S. 25–29]. Палеографические исследования Рерига [9] и Лаузена [7], сравнивавших стиль письма Роделя и иных фрайбургских источников XIII в., отнесли время создания текста к периоду между 1217 и 1247 годами. Точку в споре поставил Ганемайер [6], проведя тщательное палеографическое исследование и доказав, что дата создания источника – 1218 год.

Родель написан на латыни, включает в свой состав Пролог и 80 параграфов. Документ имеет ряд новых законов по сравнению с юридическими текстами XII – начала XIII века. Примечательно, что все новые нормы отражают интересы горожан, то есть они были написаны либо в интересах и для блага городской общины, либо ограничивали права сеньора.

Краткий проект 1275 г. был опубликован в 1995 г. [5, Vd. II, S. 656–671]. Источник практически «выпал» из исследовательского пространства фрайбургской историографии. Характеристику проекту дала М. Блаттманн, однако таковая была, по словам историка, «технической», то есть содержательная сторона документа, его влияние на политико-правовую систему города во второй половине XIII в. историком практически не учитывались [5, Vd. I, S. 285].

Краткий проект написан на *Mittelhochdeutsch*, имеет 81 параграф, Пролог и Эпилог. Законы по сравнению с ранними фрайбургскими хартиями упорядочены и приведены в определенную систему: нормы объединены в отраслевые блоки. На документе, в

силу того что текст проекта не стал официальной хартией, нет и никогда не было печатей сеньора города и самого города, не стоят подписи под текстом. Краткий проект написан от имени сеньора города – графа Эгона (Эгино) II фон Фрайбурга (1271–1316).

Анализ. Из краткого проекта «исчезли» три нормы, присутствующие в Роделе: § 70 – закон о запрете строительства дома на средства иногороднего, § 80 – установление о лишении сеньора города законодательной инициативы и § 75 – норма о расследовании уголовного преступления – ранения.

§ 80 вместе с § 4 (закон о наследовании Фрайбурга старшим сыном сеньора) Роделя стали самыми важными в политике ограничения городом сеньориальной власти. Фактически § 4 запрещал свободное распоряжение Фрайбургом сеньору. Город отныне становился для новой сеньориальной семьи собственностью, которой последние не могли распоряжаться в полной мере. Любая форма отчуждения Фрайбурга, за исключением наследования старшим сыном, была для сеньоров недоступна. Это была важная победа горожан, обезопасивших себя от возможных неприятностей, связанных с феодальными усобицами и борьбой феодальных групп за Фрайбург. Краткий проект (§ 1) повторяет роделевский закон, прибавляя, что если сыновей у сеньора нет, то наследовать власть над городом должна старшая дочь.

§ 80 также состоит из двух законов. В первой и третьей частях параграфа (§ 80 ч. 1 и § 80 ч. 3) устанавливалась ответственность сеньора перед законом: нарушение сеньором городских норм означало, что он «игнорирует право города». В подобном случае сеньориальное правонарушение не отменяло закон как прецедент, но, наоборот, установление городских властей «сколько раз [сеньор такое решение] нарушит, столько раз [оно будет заново] приниматься». Вторая часть параграфа (§ 80 ч. 2) отнимает законодательную инициативу у господина города. Указано, что всякое новое постановление городских властей должно быть утверждено в обязательном порядке: «...решение, [что] будет сделано, также [господину] надлежит принять». По сути, сеньоры лишились законодательной власти в городе. Они могли отныне только

регистрировать закон, принятый городскими властями. В случае же, если сеньор и намеревался издать норму, которая могла быть негодна фрайбургскому муниципальному управлению, такой закон отклонялся. Права сеньоров в городе были ограничены. Краткий проект не имеет подобного закона в своем составе. Граф Эгон II решил взять своеобразный реванш за вынужденное умаление власти, случившееся в начале правления его деда графа Эгона I (1218–1237).

Пролог краткого проекта 1275 г. заметно отличается от Пролога Роделя. В последнем использовалась формула, появившаяся еще во Фрайбургской учредительной привилегии 1120 г. [2, с. 71–85; 5, Bd. II, S. 531–533]: каждый новый законодатель указывал, что он предоставляет хартию городу, который он же основал в 1120 г., а законы в этой хартии базируются на так называемом кельнском праве. Пролог же краткого проекта ссылается на предыдущую хартию, написанную от имени герцога Бертольда V Церингена (сеньора Фрайбурга в 1186–1218 гг.), основанную на кельнском праве и подтвержденную императором и его прямыми вассалами. В качестве причины создания нового правового документа указывалось физическое обветшание старой хартии.

В Роделе нет Эпилога. В кратком же проекте он содержит клятву графа Эгона II, что он будет соблюдать положения новой хартии, указания, что документ запечатан графской печатью (хотя, как было сказано выше, проект не имел печатей).

Таким образом, граф Эгон II доказывал свою легитимность как законодателя, а ссылка на раннюю хартию придавала новому документу дополнительную значимость и указывала преемственность власти для графского рода от предыдущих сеньоров Фрайбурга – герцогов Церингенов.

Остальные нормы, по примеру создателей краткого проекта, будут разбиты на блоки. Их 6, выделенных по отраслям права: 1) привилегии горожан и права сеньора §§ 1–8, 24–29, 51; 2) уголовно-процессуальное право §§ 9–19, 23, 30–33, 35–37, 50, 59, 61–64; 3) гражданское право §§ 20–22, 34, 38–49, 52; 4) муниципальное управление §§ 55–58, 65; 5) торговое право §§ 71–81; 6) разные законы §§ 60, 66–70.

Первый блок – привилегии горожан и права сеньора. 5 параграфов краткого проекта содержат прямой перевод 6 параграфов Роделя: § 4 (=§ 5 Роделя) – закон о защите прибывающих во Фрайбург; § 5 (=§ 7 Роделя) – право свободно и безопасно навсегда покинуть город для фрайбуржца; § 24 (=§ 51 Роделя) – разрешение лично зависимому поселиться во Фрайбурге и право господина возратить такого зависимого; § 25 (=§ 52 Роделя) – право «года и дня» для новопоселенца; § 51 (=§§ 64–65 Роделя) – наказание за преступление против фрайбуржца, совершенное во время военного похода, и наказание за отказ от участия в военном походе, объявленном сеньором.

9 параграфов отличаются от имеющихся в Роделе (о законе 1-го параграфа см. выше). § 2 (изм. § 2 Роделя) содержит нормы о размере участка для постройки дома для фрайбуржца и о сумме чинша сеньору за такой участок. В Роделе установлен срок уплаты чинша – день св. Мартина (11 ноября), а его сумма устанавливалась в 12 денариев. В кратком проекте чинш определялся в один шиллинг пфеннигами (*einin Schilling pfennige*). Составители проекта просто заменили латинский денарий на немецкоязычный шиллинг пфеннигами, а сумма выплаты не изменилась. И это при том, что в том же самом проекте, но в других законах, используются латинские номиналы – денарий и обол (§ 75) [5, Bd. II, S. 668–669]. Изменилось время внесения шиллинга в казну. Теперь горожанин был обязан платить в период от дня св. Мартина до Рождества. По всей видимости, не все горожане успевали вовремя заплатить либо некоторые из них не платили положенный чинш, мотивируя свой отказ сжатыми сроками выплаты и, соответственно, нехваткой времени, и законодатель увеличил время чиншевого сбора почти на полтора месяца – с 11 ноября по 25 декабря.

§ 3 (изм. § 63 Роделя) дополняет закон о военной службе горожан в пользу сеньора. Как и в Роделе, в кратком проекте было указано, что горожане выступают в составе армии сеньора на время «одного дня пути» (от Фрайбурга). Как дополнение выступает положение о защите жизни и имущества горожанина, вероятно, во время несения им военной службы.

§ 6 (изм. § 8 Роделя) – закон о выборе городского священника. В Роделе устанавливалось, что городская община выбирает для себя священника. Однако, как указывает краткий проект, сеньор города, по всей видимости, посчитал такую привилегию излишней и присвоил право выбора себе. Скорее всего, графу нужна была дополнительная поддержка в городе, поэтому он предпочел в качестве священника иметь верного себе человека. Все же в том же законе указывается, что пономари (министранты – *sigristen*) должны быть выбраны горожанами.

§ 7 (изм. § 10 Роделя) по новому определял выборы шультгейса (*schultheizen*) – верховного городского судьи по гражданским и уголовным делам. В Роделе такой выбор принадлежит горожанам. В кратком проекте Сеньор города утверждает шультгейса «от 24-х» – городского Совета. В данном случае не вполне ясно, был ли новый шультгейс избран советниками либо же он избирался из состава самого Совета. Как бы то ни было, данная норма укрепляла позиции городского Совета и ущемляла права городской общины.

Фрайбургский Совет 24-х – орган муниципального управления, возникает еще в 1120 г. как коллегия присяжных, занимающаяся вопросами функционирования рынка. В 1120 г. число присяжных еще не определено [5, Vd. II, S. 531–532]. В дальнейшем коллегия присяжных получает дополнительные властные prerogatives, постепенно превращаясь в полноценный городской Совет, состоящий из 24-х членов.

§ 8 продолжает изменения в законе о выборах городских служащих (§ 10 Роделя). Кроме шультгейса горожане, по закону Роделя, избирали стражников (*lictiores*) и пастухов (*pastores*). В новом законе горожане выбирали надзирателя (*stokwertir*) и пастуха (*herter*). Сложность идентификации латинского *lictior* позволяет предположить идентичность должностей стражника и надзирателя, хотя такое предположение лишено документального подтверждения. Однако в новом законе существует различие. В Роделе должностных лиц избирали ежегодно, в кратком проекте – «когда угодно». Это обеспечивало частую сменяемость неугодных для горожан должностных лиц.

§ 26 (изм. § 61 Роделя) указывает, что после смерти фрайбуржца, бывшего при жизни зависимым и признававшим свою зависимость, наследство покойного не доставалось бывшему господину. В старом законе говорилось, что вдова зависимого бывшего господина ее покойного мужа «ничего не дает». Таким образом, из закона Роделя исключались ситуации, когда жена умирала раньше мужа и после смерти мужчины оставались другие наследники, например дети. Краткий проект исправил этот случай.

§ 27 (изм. § 23 Роделя) меняет основное условие включения жителя Фрайбурга в состав городской общины. Родель определял таким условием владение недвижимостью в городе стоимостью в 1 марку. Краткий проект смягчал такое условие: полноправным горожанином мог стать любой, кто владел 1/8 частью дома, который стоит 2 марки. Особо указывалось, что такой дом не должен быть ветхим. Новый закон увеличивал число полноправных горожан – членов городской общины.

§ 29 (изм. § 36 Роделя) конкретизирует норму о запрете людям сеньора города становиться горожанами. В Роделе такими людьми названы *hominum uel ministerialium domini* – «люди или министериалы господина». Краткий проект указывает, что это «собственные люди господина» (*herrin eigin lût...* Вариант перевода – «родня господина»), «люди его фогта» – верховного судьи сеньориальной администрации (*siner vogt lût*) и «служилые люди» (*dienest mañe*). Таким образом, в круг лиц, которым был запрещен допуск в городскую общину, были добавлены служащие при господском фогте. Все они, как указано в обоих документах, могли стать свидетелями против горожан, что делало судопроизводство предвзятым. Отсюда – жесткий запрет группе лиц становиться горожанами Фрайбурга, за исключением случая, когда сеньор не освобождал бы их от своих обязанностей.

Наконец, один параграф является новым для фрайбургского законодательства. § 28 развивает закон об условии включения в состав городской общины (см. выше, § 27). Новая норма постановляет, что дети покойного горожанина, владевшего 1/8 частью дома, становились полноценными горожанами «как много бы их ни было» (*swie vil der ist*). Одна-

ко если такой наследник потеряет право владения отцовским наследством, то он лишается возможности стать полноценным членом городской общины. Вернуть право наследования надлежало в течении года.

Законы 1-го блока имеют два основных вектора: во-первых, прослеживаются тенденции к усилению сеньориальной власти и расширению полномочий Совета. Во-вторых, обнаруживается направленность к дополнительному привлечению новопоселенцев в город. Законы, облегчающие положение зависимых горожан, упрощающие получение допуска в городскую общину, должны были привлечь в город новых жителей.

Второй блок – уголовно-процессуальное право. 11 параграфов являются прямым переводом норм Роделя: § 13 (=§ 46 Роделя) разграничивал полномочия судебной власти сеньора и шультгейса: во власти господина города были дела против согорожан о вырывании волос, побоях, проникновении с преступными намерениями в дом, пленении и соучастии в пленении. Наказание за такое преступление – лишение покровительства сеньора. Остальные уголовные дела, случившиеся между горожанами, находились в компетенции шультгейса; § 14 (=§ 47 ч. 1 Роделя) – норма о наказании зачинщика драки между горожанами; § 16 (=§§ 48–50 Роделя) – закон о наказаниях за ссору и вражду горожан вне стен Фрайбурга; § 17 (=§ 53 Роделя) – установление наказания за вооруженное участие в мятеже; § 18 (=§ 54 Роделя) – норма о наказании за иск против согорожанина в нефрайбургском суде; § 23 (=§ 60 Роделя) запрещает произвольные задержания фрайбуржцев без судебного решения. Исключение делается для фальшивомонетчиков и грабителей (вероятно, застигнутых на месте преступления); § 30 (=§ 38 Роделя) – запрет иногороднему свидетельствовать против фрайбуржца; § 32 (=§ 37 ч. 3 Роделя) – наказание свидетелям тайного примирения тяжущихся горожан; § 36 (=§ 32 Роделя) – закон о невозможности несовершеннолетнему распоряжаться имуществом родителей, разрешение родителям несовершеннолетнего не возвращать долги своего ребенка; § 62 (=§ 43 Роделя) запрещал проводить судебный поединок негорожанина с горожанином, если последний

не хотел его проведения; § 64 (=§ 40 Роделя) определял Кельн как город, где был арбитражный суд для Фрайбурга, и назначал комиссию для отправки в Кельн за решением.

11 параграфов отличаются от имеющихся в Роделе. § 9 (изм. § 62 Роделя) дополняет норму о судьбе горожанина, потерявшего милость сеньора. Старый закон устанавливал, что такому горожанину разрешено в течении 6 недель проживать в городе и за его пределами и пользоваться собственностью. Движимость и недвижимость (городской дом указывался особо, потому что владение им было обязательным условием включения в городскую общину) запрещалось продавать и закладывать. Если за полтора месяца горожанин не вернет милость господина, то все его имущество (включая городской дом) доставалось сеньору. Особым пунктом указывалось, что если господин «ушел за гору» – *ultra montana transieret* (чит. за пределы городской округи), то для исполнения закона надлежало дожидаться его возвращения.

В новом законе говорится также, что потерявшему покровительство горожанину давался срок в полтора месяца для того, чтобы исправить ситуацию. Также разрешалось свободно пользоваться имуществом, однако снималось запрещение продавать и закладывать собственность в городе и за его стенами. Исключение делалось для городского дома, которым горожанин распоряжаться не мог, так как «он уже не горожанин». Изменялось наказание не сумевшему в 6 недель вернуть себе покровительство сеньора горожанину. Теперь господин мог изгнать его из города, но имущество при этом сохранялось за горожанином. Сеньор гарантировал безопасность жизни и сохранность имущества изгнанному, ему же разрешалось свободно проживать за городом. Такое дополнение стало важным для горожан и ограничило возможность городскому сеньору пополнять свою казну за счет фрайбуржцев, совершивших преступления. Преступник изгонялся, но его собственность (кроме городского дома) теперь переходила наследникам изгнанного. Кроме того, норма продемонстрировала правило, что за преступление, совершенное во Фрайбурге, полагалось исполнять наказание только внутри городских стен. Фрайбургский преступник вне

города не считался таковым. Закон устанавливал также, что сеньор мог «простить» правонарушителя, тогда тот имел право свободно проживать в городе «пока господин захочет его охранять».

Далее новая норма изымала туманное – сеньор ушел «за гору». Если господин находился «за пределами земли» – *ussirthalp landes* – то после его возвращения начинался срок в 6 недель, в течение которого горожанин должен был вернуть милость сеньора. Старый закон назначал срок в 6 недель сразу по решению суда, и если сеньор отсутствовал во Фрайбурге, то горожанину вернуть его покровительство было весьма проблематично.

По истечении полутора месяцев, если сеньор заявит, что горожанин его покровительства не вернул, а горожанин станет утверждать обратное, то фрайбуржец может предоставить двух свидетелей и доказать свою правоту. Таким образом, горожане пытались обезопасить себя от сеньориального судебного произвола и от необходимости дважды платить за одно и то же правонарушение.

Наконец, в течение 6 недель от вынесения приговора преступник мог свободно покинуть Фрайбург и пределы сеньориальных владений (указывались географические пределы его владений). Во время такого исхода сеньор обязан был защищать жизнь и собственность бывшего фрайбуржца.

§ 10 (изм. § 37 ч. 1–2 Роделя) указывает, что ни согорожане, ни шультгейс не имеют права заставлять поссорившихся фрайбуржцев подавать друг на друга жалобу (в Роделе нет конкретизации, к кому относился этот запрет, но в старом законе есть замечание, что сеньор и городской судья – *iudex ciuitatis* – не имеют право вести расследование по такому делу). В кратком проекте указывалось далее, что если иск все-таки попадал в суд, а тяжущиеся примирятся, и в этот момент кто-либо из них будет ранен другим, то сеньору или шультгейсу необходимо дело довести до конца. В Роделе же судьями, имевшими полномочия вести такое дело, по-прежнему указывались господин города и городской судья, а о ранении не упоминалось.

§ 11 (изм. § 44 Роделя) устанавливал наказание за побои, нанесенные согорожанину; за его смерть, вызванную такими побоя-

ми (устанавливалось особое наказание за подобные преступления, совершенные ночью или в пьяном виде). Однако наказание следовало только если факт преступления подтверждали свидетели (в Роделе указывалось, что должно быть два достойных свидетеля – *duobus idoneis testibus*). Наконец, если ответчик не был согласен с обвинением, он имел право вступить в поединок с жалобщиком или с одним из свидетелей (в Роделе только с одним из свидетелей).

§ 12 (изм. § 45 Роделя) постановляет разрушить дом бежавшего из Фрайбурга убийцы. Наследники могли восстановить стены дома только через год, уплатив шультгейсу 60 шиллингов (в Роделе – солидов). Преступника, вернувшегося назад в город, ждало положенное наказание. В кратком проекте устанавливалось дополнение, что наследники могли отказаться от восстановления дома, но также обязаны были уплатить шультгейсу судебную выплату – 60 шиллингов.

§ 15 (изм. § 47 ч. 2 Роделя) определяет наказание за избивание иногороднего фрайбуржцем. Новый закон устанавливает дополнение: за такое же преступление, но совершенное иногородним в отношении горожанина. В первом случае полагался штраф в размере 60 шиллингов (в Роделе – солидов), во втором – острижение волос преступнику на «два пальца» (*zweier vinger*). В новом законе как правонарушение сохранилось только избивание, но исчезло прописанное в Роделе: «лишить волос» (*depilauerit*).

§ 19 (изм. § 55 Роделя) гарантирует наказание иногороднему, преследующему фрайбуржца вне стен города. Горожанин, вернувшись во Фрайбург, должен был рассказать о возникшей ситуации шультгейсу, а затем, если иногородний приезжал во Фрайбург, то горожанин мог поступить со своим обидчиком как угодно. В новом законе, помимо «преследования» (*iagen*) указано «ранение» (*wunden*) как преступление, за совершение которого полагалось такое же наказание.

§ 33 (изм. § 39 Роделя) уточняет закон о свидетельских показаниях. В Роделе было указано, что в любом деле должны присутствовать два свидетеля, видевших и слышавших обстоятельства произошедшего. В кратком проекте уточнялось, что такие свидете-

ли необходимы при расследовании дел об ограблении, когда сами они не просто «видели и слышали», но и могут опознать преступника.

§ 35 (изм. § 33 Роделя) устанавливает минимальный возраст правоспособности фрайбуржца: в кратком проекте – 12 лет, в Роделе – 14.

§ 59 (изм. § 72 Роделя) определял штраф в 3 шиллинга за нападение на проникшего в дом горожанина посетителя, которому вход в этот дом был запрещен. В Роделе штраф не полагался.

§ 61 (изм. § 42 Роделя) устанавливал, что со злоумышленником, который проник в жилище горожанина, можно было поступать как угодно. В Роделе конкретизировалось, что злоумышленник напал на горожанина в его доме или пленил его.

§ 63 (изм. § 74 Роделя) определял основания для проведения судебного поединка. В кратком проекте это «удар до крови», в Роделе – кровопролитие, кража и убийство.

3 параграфа являются новыми для фрайбургского законодательства. § 31 содержит две нормы. Первая предусматривает, что горожанину и сеньору запрещается свидетельствовать друг против друга, за исключением дел о невыплате чинша и о тайном примирении ранее тяжущихся сторон. Закон явно ограничивал возможности господина города оказывать давление на местное судопроизводство. Вторая норма устанавливала возможность горожанину вернуть свое имущество, которое в свое время сеньор у него одолжил, но «забыл» (*vergessin*) вернуть. Вновь закон ограничивает возможность сеньора иметь право свободных реквизиций у горожан, защищает имущество горожан от непомерной жадности городского господина.

§ 37 продолжает норму 36-го параграфа (см. выше) о защите семейного имущества. Такие же ограничения в распоряжении собственностью налагались на жену фрайбуржца. Исключение делалось для семейных пар, которые были торговцами.

§ 50 продолжает закон об ограничениях возможностей сеньора присваивать имущество горожан (см. выше, § 31 ч. 2). Устанавливалось, что если господин возьмет что-либо у горожанина, то 24-ре должны были уговаривать сеньора вернуть горожанину его добро.

Если увещания не помогут, то пострадавший и 24-ре объявляли о произошедшем во всеуслышание и тогда горожане получали возможность «не исполнять права перед господином» – *dem herrin enhein reht tûie* (чит.: не подчиняться сеньору), пока тот не возвратит захваченную собственность.

Уголовное и процессуальное право во Фрайбурге во второй половине XIII в. претерпевало изменения. Эти изменения были в пользу горожан и ограничивали возможности чужаков (негорожан, сеньора и сеньориальной администрации) влиять на городское судопроизводство, иметь преференции в суде по сравнению с членами городской общины.

Третий блок – гражданское право. 8 параграфов являются прямым переводом норм Роделя: § 21 (=§ 57 Роделя) гарантирует необратимость законной сделки с имуществом; § 22 (=§§ 58–59 Роделя) постановляет законность продажи имущества и устанавливает ответственность за продажу краденного; § 34 (=§ 24 Роделя) определяет судьбу выморочного наследства; определяет права наследования родительского имущества детьми покойных; § 38 (=§§ 25–26 Роделя) устанавливает партнерские отношения мужа и жены в семейном предприятии (вероятно, в торговле) и в праве наследования; § 40 (=§ 29 Роделя) устанавливает право наследования в семье, когда умер один из супругов и один из детей; § 41 (=§ 31 Роделя) устанавливает право наследования детьми материнского имущества, если отец ранее женился несколько раз; § 43 (=§ 35 Роделя) определяет штраф за оскорбление фрайбуржки; § 44 (=§ 71 Роделя) запрещает принуждение вдовы к повторному браку или отказу от такового.

4 параграфа отличаются от имеющихся в Роделе. § 20 (изм. § 56 Роделя) устанавливает правило взыскания долга с иногороднего. В Роделе было указано, что должника-негорожанина необходимо привести в суд, а судья должен заключить такого должника под стражу на 6 недель. Содержать его в заключении надлежало за счет кредитора, если у самого иногороднего не было собственных средств. По прошествии срока должник передавался кредитору, который мог отныне самостоятельно взыскать долг (вероятно за счет имущества задолжавшего). Кредитору

же полагалось заплатить судебную пошлину в 3 солида и дать гарантию, что должнику не будет причинен вред.

Краткий проект делает дополнение, что, после того как должника передадут кредиторы, первый должен постоянно находиться в городе так, «чтобы мог он солнце видеть», его надлежало хорошо кормить и регулярно предоставлять суду и 24-м для того, чтобы власти убедились в надлежащем обращении с задержанным. В данном случае закон дает дополнительную защиту иногородним, вероятнее всего купцам, для того, чтобы не нарушить торговые связи Фрайбурга с другими регионами, чтобы не «отпугнуть» иногородних купцов от городского рынка.

§ 39 (изм. §§ 27–28 Роделя) устанавливает право мужчине свободно распоряжаться семейной собственностью. После смерти одного из супругов и при наличии детей (в Роделе о детях не говорится) в семье вдовец или вдова теряют право свободного отчуждения имущества. Исключение делается для случаев, когда такая семья крайне обнищает и станет голодать. Тогда необходимо принести клятву, а члены семьи получают возможность свободного распоряжения имуществом. В кратком проекте вводится еще одно условие: факт бедственного положения семьи должны подтвердить 24-ре. Таким образом, устанавливались дополнительные меры защиты семейной собственности.

§ 42 (изм. § 34 Роделя) дополняет старый закон об опеке. Норма устанавливает наказание за вред, причиненный опекаемым детям, совершенный из корыстных побуждений. В кратком проекте дополнительно устанавливается, что дочь горожанина, находящаяся под опекой, не может «навредить себе» (речь, вероятнее всего, идет о возможности распоряжения имуществом), даже если опекун заботится о своей опекаемой недобросовестно.

§ 52 (изм. § 66 Роделя) меняет формулировку в законе о залоге собственности. В Роделе было установлено, что получивший в залог наследственное имущество пользуется им, пока не будет принесена клятва (речь идет о судебном заседании, в ходе которого наследственная собственность переходила другому владельцу). Если кто-либо отказывался принести клятву, то собственность «возвращается

под власть господского права» (*in domini iure re dit potestatem*). В этом случае с определенной степенью уверенности можно говорить о расторжении залоговой сделки участников.

Краткий проект настолько изменил сложные для восприятия формулировки Роделя, что, по сути, создал новый закон: в документе указывается, что отдавший в залог наследственную собственность обязан платить за нее чинш сеньору города. Если этого не происходит, то собственность не возвращается бывшему владельцу.

5 параграфов являются новыми для фрайбургского законодательства. § 45 устанавливает право овдовевшего родителя проживать у детей. Это право гарантируется городской общиной.

§ 46 постановляет, что если горожанин использует имущество своих детей, но потом «изменится его жизнь без его ведома» – *wandilot daz denne sin lebin ane sine wissende* (в данном случае речь идет об утрате такого имущества либо его части детьми), то такой случай (в этой части закона он уже определен конкретнее как «дар» – *gift*) не будет иметь законной силы, так как произошел не по воле отца.

§ 47 устанавливает возможность отцу передавать при своей жизни любому из детей часть своего имущества. Однако далее оговаривается ситуация, в которой получивший такую собственность ребенок умирает. В таком случае отец должен разделить такое имущество между оставшимися детьми: большую часть отдать одному из детей по своему выбору, а меньшую часть разделить между остальными.

§ 48 разрешает ситуацию, которая возникла после смерти горожанина-должника не имевшего наследников, но у которого при жизни был поручитель. Имущество покойного доставалось поручителю, а последний был должен выплатить долг из полученного наследства.

§ 49 нормирует случай, когда горожанин имел собственность в деревне, которая была под залогом, но эта собственность сгорела. В таком случае он имел возможность сохранить за собой землю, на которой ранее стояло строение.

Законы гражданского права защищают семью и семейное имущество горожан, развивают наследственное право и, кроме того, совершенствуют нормы о взаимоотношениях с иногородними в рамках гражданско-правовых законов.

Четвертый блок – муниципальное управление. 2 параграфа являются прямым переводом норм Роделя: § 55 (=§ 76 Роделя) разрешал членам Совета 24-х не платить чинш (в этом параграфе, как и в Роделе, суммой чинша называют 12 денариев, а в § 2 – 1 шиллинг пфеннигов) сеньору за свой домовый участок, а также не являться в суд по какому-либо иску против себя, если советника за день не предупредили о заседании или же если он нарушил городское право; § 56 (=§§ 77–78 Роделя) говорит о рабочих местах советников для исполнения своих обязанностей.

2 параграфа отличаются от имеющихся в Роделе. § 57 (изм. § 20 Роделя) устанавливает, что все меры веса (в Роделе – меры измерения для вина, зерна и веса для золота и серебра) находятся под контролем 24-х. Точные меры должны выдаваться горожанам бесплатно (в Роделе после установления эталонных мер советники передавали их горожанину, которого считали достойным). Пользование неэталонными мерами в городской торговле приравнивалось к краже.

§ 58 (изм. § 79 Роделя) определяет полномочия Совета 24-х. В Роделе указывается, что в круге полномочий консулов лежат дела о регулировании правил торговли на рынке продовольственными товарами. В § 58 краткого проекта это положение отсутствует. Полномочия 24-х к 1275 г. значительно расширились, и это видно из содержания предыдущих параграфов (см., напр. § 20, § 50 и др.), и не ограничивались более рыночными делами. Также Родель постановляет, что нарушивший клятву советник лишался имущества в городе. Краткий проект только лишь отменял незаконные постановления советников, но никак не наказывал нерадивых членов Совета. Кроме того, § 58 утверждал, что постановления советников являются законом, неисполнение которого лишает нарушителя права города.

Один параграф является новым для фрайбургского законодательства. § 65 определял, что после смерти члена Совета 24-х, «другие и не обычные» (*andirn / unde nüt mænlich*) горожане (вероятнее всего, остальные члены Совета) выбирают нового советника и приводят его к присяге.

Законы блока «муниципальное управление» показывают, что полномочия Совета в

городе значительно расширились. Сам Совет 24-х превращается в полноценный законодательный и исполнительный орган муниципальной власти.

Пятый блок – торговое право. Все 11 параграфов являются прямым переводом норм Роделя: § 71 (=§ 11 Роделя) обязывает сборщика податей [в кратком проекте – *der zolner*, в Роделе – телонеарий (*thelonearius*)] содержать в порядке мосты и возмещать убытки за падеж скота на неисправных мостах; § 72 (=§ 12 Роделя) устанавливает суммы торговых пошлин за проданные товары (по списку); § 73 (=§ 12, § 6 Роделя) освобождает горожан от уплаты пошлины, устанавливает обязанность негорожан платить полную пошлину; § 74 (=§ 30 Роделя) разрешает чужаку, купившему товар у горожанина, платить половину пошлины; § 75 (=§ 15 ч. 1 Роделя) устанавливает обязанность хранителя общественных мер веса выдавать их горожанину в прокат под залог 3 шиллингов (в Роделе 3 солидов); § 76 (=§ 15 ч. 2–5 Роделя) устанавливает ответственность за отказ выдать общественные меры веса и за выдачу неверных мер; § 77 (= § 16 Роделя) определяет наказание за взимание платы за выдачу общественных мер веса; § 78 (= § 17 Роделя) обязывает негорожанина платить обол за каждый взвешенный на общественных весах центнер; § 79 (= § 14 Роделя) освобождает монахов, священников и служилых людей [*dienestman*, в Роделе – министерялов (*ministeriales*)] сеньора от выплат торговых пошлин; § 80 (= § 18 Роделя) позволяет горожанам иметь эквивалент эталонных мер, с помощью которых можно торговать только с согорожанами; § 81 (= § 19 Роделя) устанавливает обязанность торговать с негорожанами только при использовании общественных мер веса.

Торговое право не претерпело изменений по сравнению с Роделем и по-прежнему регулировало правила взимания торговых пошлин.

Шестой блок – разные законы. 2 параграфа являются прямым переводом норм Роделя: § 60 (=§ 73 Роделя) устанавливает возможность принудить к браку молодых, вступивших в интимную связь; § 66 (=§ 21 Роделя) разрешает горожанину пользоваться любой недвижимостью, не платя фогту (верховному судье сеньориальной администрации) подати.

1 параграф отличается от имеющегося в Роделе – § 67 (изм. § 22 Роделя). В старом

законе указывалось, что за две недели до и за две недели после праздника св. Мартина (11 ноября) мясникам запрещалось покупать коров и свиней, если только животных не приготовили для убоя ради продажи мяса на вес. В кратком проекте особо устанавливалось, что мясо должно было доставаться и богатым, и бедным, а если мясник не исполнял этого закона, то должен был отвечать перед коллегией 24-х.

3 параграфа являются новыми для фрайбургского законодательства. § 68 постановлял, что купивший во Фрайбурге монету или владеющий ею должен был предоставить ее на контроль 24-м и горожанам. Этот закон был предназначен для контроля над чеканщиками монеты и недопуска в оборот фальшивых монет.

§ 69 устанавливал, что в случае неяви горожанина в суд сеньора назначался штраф в 60 шиллингов. Тот же параграф указывал, что членов Совета 24-х надо было вызывать в господский суд каждого по отдельности.

§ 70 определял минимальный штраф в пользу сеньора – 60 шиллингов.

Результаты. Краткий проект 1275 г. не стал официальной фрайбургской хартией. Однако это не умаляет его значения как ценного исторического источника по истории средневекового Фрайбурга. Документ, с одной стороны, отражал изменения, произошедшие в городском законодательстве с 1218 по 1275 гг., а с другой – показывал стороны политической борьбы, происходящей между городским (старшим) Советом 24-х, сеньором Фрайбурга и городской общиной.

На первый взгляд, краткий проект содержит большое количество норм, «не выгодных» сеньору [5, Bd. I, S. 293]. Это и ограничение господского произвола в отношении имущества горожан, и уменьшение влияния самого сеньора и его администрации в городском суде, при управлении городом и т. п. Но, несмотря на это, краткий проект без сомнения укреплял власть графов фон Фрайбургов в городе. Сеньор вновь должен был получить законодательную инициативу, вернуть себе возможность издавать законы во Фрайбурге, контролировать местные приходы.

Несомненные выгоды получал Совет 24-х. Краткий проект превращал надзорную

рыночную коллегию муниципального управления в полноценный законодательный и исполнительный орган власти. Постановления Совета приравнялись к закону, советники принимали участие в судебных заседаниях, решали важные для города проблемы.

Городская община, напротив, теряла привилегии, полученные ранее. Горожане теперь не выбирали городского священника, шультгейса, а выборы членов Совета 24-х проходили уже без широкого участия городских жителей.

Вполне определенно можно сказать, что изменения в уголовном, процессуальном, гражданском праве, зафиксированные в кратком проекте 1275 г., отражали реально существовавшее законодательство Фрайбурга. Большинство норм, и об этом можно говорить с определенной долей вероятности, уже были введены в городе казуальными судебными решениями, постановлениями Советов и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин, П. А. Две «одинаковые» фрайбургские хартии 1275 г.: *cui bono?* / П. А. Блохин // Средние века. – 2020. – Вып. 81 (2). – С. 92–110. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S013187802002004X>.
2. Блохин, П. А. К вопросу о причинах создания фрайбургской учредительной привилегии / П. А. Блохин // Право в средневековом мире : сб. ст. / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. – М. : ИВИ РАН, 2007. – С. 71–85.
3. Блохин, П. А. Эволюция фрайбургского городского права в XII – первой половине XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Блохин Павел Александрович. – М. : ИВИ РАН, 2014. – 20 с.
4. Городское право Фрайбурга // Средневековый город : прил. к ежегоднику «Средние века». – М. : ИВИ РАН, 2006. – Вып. 1. – С. 15–42.
5. Blattmann, M. Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer / M. Blattmann. – Freiburg ; Würzburg : Verlag Ploetz, 1995. – Bd. I–II. – 791 S.
6. Heinemeyer, W. Der Freiburger Stadtrodel. Eine paläographische Betrachtung / W. Heinemeyer // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. – 1996. – 83. – S. 116–126.
7. Lahusen, I. Besprechung zu F. Beyerle (1910) / I. Lahusen // Göttingenische gelehrte Anzeigen. – 1912. – 2. – S. 122–128.
8. Rietschel, S. Neue Studien über die älteren Stadtrechte von Freiburg im Breisgau mit einer vergleichenden Ausgabe der lateinischen Stadtrechtstexte des 13. Jahrhundert / S. Rietschel

// Festgabe für Friedrich Thudichum. Tübingen, 1907. – S. 3–45.

9. Rörig, F. Nochmals Freiburger Stadtrodel, Stadtschreiber und Beischpruchsrecht / F. Rörig // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. – 1912.–66, NF 27. – S. 16–32.

10. Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau / hrsg. von H. Schreiber. – Freiburg, 1828. – Bd. I, Abt. 1. – 224 S.

REFERENCES

1. Blokhin P.A. Dve «odinakovye» frajburgskie hartii 1275 g.: cui bono? [Two «Identical» Freiburg Charters of 1275. Cui Bono?]. *Srednie veka* [Middle Ages], 2020, iss. 81 (2), pp. 92-110. DOI: <https://doi.org/10.7868/S013187802002004X>.

2. Blokhin P.A. K voprosu o prichinakh sozdaniia fraiburgskoi uchreditelnoi privilegii [To the Question of the Reasons for the Establishment of the Freiburg Constitutional Privilege]. *Pravo v srednevekovom mire: sb. st.* [Law in the Medieval World. Collection of Articles]. Ed. by I.I. Variash, G.A. Popova. Moscow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 2007, pp. 71-85.

3. Blokhin P.A. *Evolutsiia fraiburgskogo gorodskogo prava v XII – pervoi polovine XIII vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evolution of Freiburg

Town Law in the 12th – First Half of 13th Centuries: Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 2014. 20 p.

4. Gorodskoe pravo Fraiburga [Freiburg Town Law]. *Srednevekovi gorod: pril. k ezhegodniku «Srednie veka»* [Medieval Town. Annex to Journal “Middle Ages”]. Moscow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences, 2006, iss. 1, pp. 15-42.

5. Blattmann M. *Die Freiburger Stadtrechte zur Zeit der Zähringer*. Freiburg; Würzburg, Verlag Ploetz, 1995, Bd. I-II. 791 S.

6. Heinemeyer W. Der Freiburger Stadtrodel. Eine paläographische Betrachtung. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung*, 1996, 83, S. 116-126.

7. Lahusen I. Besprechung zu F. Beyerle (1910). *Göttingenische gelehrte Anzeigen*, 1912, 2, S. 122-128.

8. Rietschel S. Neue Studien über die älteren Stadtrechte von Freiburg im Breisgau mit einer vergleichenden Ausgabe der lateinischen Stadrechtstexte des 13. Jahrhundert. *Festgabe für Friedrich Thudichum*. Tübingen, 1907, S. 3-45.

9. Rörig F. Nochmals Freiburger Stadtrodel, Stadtschreiber und Beischpruchsrecht. *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, 1912, 66, NF 27, S. 16-32.

10. *Urkundenbuch der Stadt Freiburg im Breisgau*. Hg. von Schreiber H. Freiburg, 1828, Bd. I, Abt. 1. 224 S.

Information About the Author

Pavel A. Blokhin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History & Regional Studies, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, pavelblochin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5104-755X>

Информация об авторе

Павел Александрович Блохин, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, pavelblochin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5104-755X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.5>

UDC 94(470+571)
LBC 63.3(2)522

Submitted: 05.11.2019
Accepted: 03.06.2020

“NEW” COSSACK TROOPS IN GOVERNMENT PROJECTS AND OFFICIAL NOTES OF THE 1860s

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSUE (RINH), Taganrog, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the government policy for the Cossacks in the 1860s. During this period, the processes of organization/reorganization of the Cossack troops were most brightly shown. These processes were developed against the background of discussions between imperial officials about the roles and values of the Cossacks from the point of view of his military and colonization potential. Only the Semirechensky (Almaty) army created in 1867 was a “new” Cossack army for the empire. *Methods and materials.* As the main material for writing the article the contemporary records found in the 330th fund of the Russian state military and historical archive (Moscow) and the Historical archive of Omsk region (Omsk) served. The note of the chief of Tersky region in 1863–1875 M.T. Loris-Melikov “About education of the Transcaucasian Cossack army”, prepared in December, 1868, is of particular importance. The specifics of the sources attracted required the use of methods of source studies in accordance with the type of documents under consideration, followed by the structural analysis of the identified data based on the systematic approach. *Discussion.* The announced subject is poorly developed in historical literature, and only the studying of Semirechensky Cossack army history has a long tradition. Separately, the question of the place of the Cossacks in the projects for the administrative structure of the Central Asian possessions of the empire and plans for the training of new troops, except for Semirechensk, has not yet been considered in historiography. *Analysis.* At the initiative of the governor general of Western Siberia A.P. Khrushchov in 1867–1868, projects on the organizations of the Irtysh, Akmola, Semipalatinsk Cossack troops, as well as plans for the resettlement of the Cossacks to the lands bordering Western China, were prepared. Despite the support of the initiatives of A.P. Khrushchov from the Minister of War D.A. Milyutin and the Steppe commission, the projected Cossack troops nevertheless were not created, and the Cossack colonization of border territories did not take place. The negative decision of the authorities was also made on the note of the chief of Tersky region M.T. Loris-Melikov “About education of the Transcaucasian Cossack army” (1868). *Conclusions.* The article examines the reasons why colonization plans and projects for the creation of new Cossack troops were unclaimed in the 1860s.

Key words: Empire, government policy, colonization, Cossacks, projects, Irtysh, Akmola, Semipalatinsk, Transcaucasian and Semirechensky (Almaty) Cossack troops, A.P. Khrushchov, Steppe commission, M.T. Loris-Melikov.

Citation. Volvenko A.A. “New” Cossack Troops in Government Projects and Official Notes of the 1860s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 68-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.5>

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)522

Дата поступления статьи: 05.11.2019
Дата принятия статьи: 03.06.2020

«НОВЫЕ» КАЗАЧЬИ ВОЙСКА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРОЕКТАХ И ЧИНОВНИЧЬИХ ЗАПИСКАХ 1860-х ГОДОВ

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается правительственная политика в отношении казачества в 1860-х годах. В эти годы наиболее ярко проявились процессы организации/реорганизации казачьих войск. Данные процессы развертывались на фоне дискуссий между имперскими чиновниками о роли и значении казачества с точки зрения его военного и колонизационного потенциала. «Новым» казачьим войском для империи оказалось лишь Семиреченское (Алматинское) войско, созданное в 1867 году. По инициативе генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова в 1867–1868 гг. были подготовлены проекты по организации Иртышского, Акмолинского, Семипалатинского казачьих войск, а также планы по переселению казаков на приграничные с Западным Китаем земли. Несмотря на поддержку инициатив А.П. Хрущова со стороны военного министра Д.А. Милютина и Степной комиссии, проектируемые казачьи войска все же созданы не были, также не состоялась и казачья колонизация приграничных территорий. Отрицательное решение властей последовало и по записке начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова «Об образовании Закавказского казачьего войска» (1868). В статье разбираются причины, по которым колонизационные планы и проекты по созданию новых казачьих войск оказались неостребованными в 1860-х годах.

Ключевые слова: Империя, правительственная политика, колонизация, казачество, проекты, Иртышское, Акмолинское, Семипалатинское, Закавказское и Семиреченское (Алматинское) казачьи войска, А.П. Хрущов, Степная комиссия, М.Т. Лорис-Меликов.

Цитирование. Волвенко А. А. «Новые» казачьи войска в правительственных проектах и чиновничьих записках 1860-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 68–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.5>

Введение. История казачества, отдельных казачьих войск является неотъемлемой частью имперского нарратива. Кавказская война вряд ли может быть рассмотрена без участия в ней полков Кубанского (Черноморского), Терского (Кавказского линейного), Донского войск, освоение Сибири и присоединение Средней Азии в основном легло на плечи казачества Азиатской части России, наконец, практически ни одна из войн XVIII – начала XX в. не обошлась без наличия казаков в составе действующей русской армии. Наряду с так называемыми «природными» казачьими войсками, созданными с минимальной поддержкой со стороны государства, существовали и такие казачьи сообщества, которые своим рождением были полностью обязаны имперскому центру. Условная номенклатура войск и частей не являлась постоянной, она могла как пополняться новыми участниками, так и сокращаться за счет реорганизованных ее членов. В данной статье мы акцентируем внимание на 1860-х гг., отличающихся активной правительственной политикой в отношении казачества. Именно в эти годы, на наш взгляд, процессы организации/реорганизации казачьих войск проявились наиболее ярко. Ведущиеся в 1860-х гг. дебаты о функциональных качествах казаков косвенно способствовали появлению радикальных планов по организации новых войск, переселению казаков,

переброске их ближе к границам других государств и пр. Основное внимание будет уделено образованию Семиреченского (Алматинского) казачьего войска, свидетельствующее о сохранении актуальности для имперских властей опыта по использованию пограничных и колонизационных функций казачества. Кроме того, анализ содержания планов по устройству Иртышского, Акмолинского, Семипалатинского и Закавказского казачьих войск, в итоге так и нереализовавшихся на практике, покажет неоднозначное отношение к казачеству со стороны различных высших чиновников и ведомств, включая «профильное» для казаков Главное управление иррегулярных войск (далее – ГУИВ).

Методы и материалы. Основным материалом для написания статьи послужили архивные данные, обнаруженные в 330-м фонде Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) и Историческом архиве Омской области (г. Омск). В их число входит переписка чиновников Главного управления иррегулярных войск (далее – ГУИВ) с генерал-губернатором Западной Сибири А.П. Хрущовым по его предложениям по организации Иртышского, Акмолинского и Семипалатинского казачьих войск, письма военного министра Д.А. Милютина к различным должностным лицам по казачьим вопросам, проекты положений о хозяй-

ственном правлении и военных округах Акмолинского и Семипалатинского войск и пр. [17; 18; 20]. Отдельную ценность представляет собой записка начальника Терской области в 1863–1875 гг. М.Т. Лорис-Меликова «Об образовании Закавказского казачьего войска», подготовленная в декабре 1868 г. и прочитанная лично Александром II [19]. Она была опубликована нами в 2009 г., с небольшим разъясняющим введением, но без подробных комментариев и критики ее содержания [7]. Привлекаемые архивные источники рассматриваются с учетом их видовых особенностей, с последующим структурным анализом выявленных сведений на основе системного подхода. Такой подход позволил раскрыть взаимосвязь между полемикой представителей имперского центра и генерал-губернаторами окраинных земель о способах освоения завоеванных пространств и содержанием проектов по использованию казачества и его войсковых структур в качестве важного колонизационного ресурса, а также ответить на вопрос – почему организация новых казачьих войск в 1860–1870-х гг. так и осталась в планах высшей власти.

Обсуждение. Заявленная нами тема в исторической литературе разработана слабо. Пожалуй, только изучение истории Семиреченского казачьего войска имеет свою давнюю традицию. Благодаря трудам М.П. Хорошкина, коллектива авторов 11 тома «Столетия Военного министерства», посвященного казачьим войскам России [25], и особенно книги Н.В. Леденева «История Семиреченского казачьего войска» [13], была зафиксирована основная событийная канва исторического пути, пройденного войском до 1917 года. В советское время упоминание о семиреченских казаках делалось эпизодически и, как правило, в контексте завоевания Средней Азии, колониальной политики самодержавия и охраны государственной границы. Редкие издания казаков-эмигрантов не внесли ничего принципиально нового в картину жизни Семиреченского войска, созданную еще в дореволюционный период. Известные события 1990-х гг. актуализировали интерес к истории казачества, в том числе семиреченского, причем не только в России, но и Казахстане, Кыргызстане, на территории которых оказались бывшие земли Се-

миреченского войска. В публикациях и диссертационных исследованиях М.Ж. Абдирова [1; 2], З.С. Ақтамбердиевой [3], И.В. Анисимовой [4], Е.Н. Лещева [14], Т.Б. Митропольской [16], Д.А. Сапунова [23], Л.М. Сатановой [24], А.П. Яркова [26] и других отражены различные аспекты жизнедеятельности семиреченского казачества как организованного войскового сообщества. Однако в осмыслении вопроса – каков был механизм непосредственного образования Семиреченского войска в 1867 г., кто его запустил и какие дискуссии этому сопутствовали упомянутые авторы в основном опирались на достижения дореволюционной историографии. Отдельно следует отметить публикации современных исследователей, которые занимаются изучением административной политики самодержавия в Степном крае в XIX в., деятельности Степной комиссии, образования Туркестанского генерал-губернаторства и пр. В работах представителей данного направления (Е.В. Безвиконной [5], Д.В. Васильева [6], А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой [21] и др.) тема казачества занимает далеко не первое место, однако казаки, так или иначе, фигурируют в привлекаемых для исследования документах, в которых им отводятся различные роли в покорении, заселении и колонизации Степного края. Таким образом, отдельно вопрос о месте казачества в проектах по административному устройству среднеазиатских владений империи и планах по образованию новых войск, за исключением Семиреченского, в историографии еще не рассматривался. Что касается планов по созданию Закавказского казачьего войска, то, как уже было отмечено выше, в 2009 г. мы опубликовали соответствующую записку М.Т. Лорис-Меликова по этому поводу. Ее использовал О. Кузнецов в статье «Закавказское казачье войско: три несостоявшихся проекта» [12]. Основной упор он сделал на анализе инициатив властей по организации казачьих войсковых структур в Закавказье I половины XIX века. Разбирая же предложение Лорис-Меликова, Кузнецов ограничился замечанием об этно-конфессиональной подоплеке планируемого переселения казаков на приграничные с Османской империей земли. По его мнению, неудача проектов по образованию Закавказского казачьего войска свя-

зна с тем, что «все они были продиктованы выгодами и интересами отдельных высокопоставленных государственных чиновников и стоявших за ними региональных элит. Ни один из этих проектов не учитывал интересов всех сил, представляющих власть и общество в Закавказье» [12, с. 27]. Как нам представляется, данное объяснение вряд ли можно признать исчерпывающим.

Анализ. В 1860-е гг. дискуссии о роли и значении казачества, ведущиеся в периодической печати, на заседаниях различных комиссий и комитетов центральных и местных органов власти, становятся более активными и насыщенными. В это время встречаются разные оценки казачества, но все же доминирующим оставалось мнение, зафиксированное во Всеподданнейшем отчете Управления иррегулярных войск за 1859 год. В отчете утверждалось, что назначение казачества «состоит, с одной стороны, в непосредственном охранении границ империи от враждебных племен и сохранении порядка и спокойствия между кочующими на юго-восточных пределах оной инородцами, не вполне еще усвоивших себе условия гражданского быта, с другой же – в содействии военному и гражданскому ведомствам в содержании таможенной и полицейской стражи на других пунктах государства и для усиления, на случай войны, регулярных войск легкою конницею и конною артиллерию» [9, с. 239]. Позднее эта мысль была более конкретизирована в сторону раскрытия именно пограничных и колонизационных функций казачьих войск. Так, в Высочайшем рескрипте Александра II от 24 июня 1862 г. казакам отводилась следующая роль – «казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы Империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли» [25, с. 372]. Такой акцент, впрочем, объясняется содержанием рескрипта, который за счет предоставляемых льгот был призван успокоить кубанских казаков, выступивших против правительственных планов по их переселению в предгорные районы Западной части Кавказского хребта. Одновременно он напоминал казакам об их предназначении в интерпретации самого монарха. Нельзя сказать, что вышеприведенные слова

рескрипта звучали как-то принципиально поновому. Однако способ использования казачества, изложенный в упомянутых двух документах, актуализировался с окончанием Кавказской войны и «замирением» степи. Такой подход приносил соответствующие плоды, в том числе и негативного для казачества характера. В начале 1860-х гг. под реорганизацию попали Черноморское и Кавказское линейное казачьи войска (на их основе появились Кубанское и Терское войска), были ликвидированы Азовское (1865) и Новороссийское (1868) войска как лишившиеся пограничного статуса (местные казаки переводились в податное сословие или переселялись на Кавказ для усиления «русского» элемента), перестало существовать иррегулярное Башкирское войско (1865), о необходимости упразднить Оренбургское войско, оказавшееся уже не на передних рубежах обороны от кочевников и «утратившее воинственность», открыто говорил Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.П. Безак [8, с. 38] и пр. Создание же Семиреченского войска в июле 1867 г. является примером правительственной политики в отношении казачества, подчеркивающим важность пограничных и колонизационных функций казачества. И в этом случае вряд ли был точен Н.В. Леденев, который в возникновении Семиреченского войска увидел «стечение чисто случайных обстоятельств» [13, с. 199]. Под ними он понимал последствия от образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства из Сыр-Дарьинской и части Семипалатинской областей. Сибирское казачье войско, станицы которого располагались в Семипалатинской области, оказывалось бы разделенным на две части с подчинением разным властям – новым Туркестанским и прежнему – Западно-Сибирскому генерал-губернатору. По мнению Н.В. Леденева: «Для устранения такого затруднения... оставалось одно средство – выделить сибирские поселения, отходящей к Туркестанской части Семипалатинской области, в особое от Сибирского самостоятельное казачье войско» [13, с. 199]. Это верное в целом наблюдение Н.В. Леденева выглядит все же явным упрощением. Безусловно, образование Семиреченского войска следует отнести к косвенным результатам процесса административного переустройства

Степного края. Как известно, этот процесс был инициирован совместным заявлением МИД, МВД и Военного министерства в виде записки «О преобразовании Азиатской России» от 19 февраля 1863 г., а также замечанием Александра II о том, что «разделение степи между Оренбургом и Омском не соответствует нынешним видам правительства» [17, л. 1]. Причем первоначальная административная конфигурация среднеазиатских владений виделась императору следующим образом: «соединить и подчинить одному начальнику – области Оренбургских и Сибирских киргизов, Семипалатинскую, Сыр-Дарьинскую линии, Туркестан и прочие вновь покоренные части, казачьи войска Уральское, Оренбургское и Сибирское, Оренбургскую губернию, все войска в этой местности» [17, л. 2]. Реализовать императорскую инициативу планировалось к лету 1865 года. Однако она потребовала более глубокой проработки. В связи с этим были начаты дискуссии среди представителей высшего чиновничества как в имперском центре, так и на местах, в том числе и по таким проблемам, которые имели секретный характер даже для некоторых генерал-губернаторов. Идущие дискуссии подкреплялись результатами проектной деятельности местных администраций. Поступающие предложения рассматривались на заседаниях работавшей с июля 1865 г. «Степной комиссии», которая должна была выработать оптимальный вариант будущего административного и судебного переустройства степных территорий. Именно в рамках этой деятельности тема казачества неоднократно поднималась в различных проектах, авторы которых с легкостью создавали на бумаге новые казачьи войска, меняли прежние их названия, места дислокации, переводили казаков в разряд гражданского (податного) населения и пр. Такое «легкое» отношение к переустройству казачества Азиатской части империи К. Мацузато объяснял тем, что «исторически сложившееся казачество – донское и уральское – пользовалось определенным уважением государственной администрации, а казачьи войска, созданные правительством, вызывали крайнее пренебрежение у чиновников» [15, с. 96]. О подобной тенденции, только с упором на анализе критических замечаний современников по

поводу низкой эффективности колонизаторского потенциала казачества, писали в 2011 г. А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова [22]. Конечно, можно задаться вопросом – а насколько упомянутые современными историками мнения о казачестве были доминирующими и влиятельными в казачьем дискурсе 1860-х гг., насколько они учитывались при формировании казачьей правительственной политики? Как нам представляется, данный вопрос остается открытым. Тем не менее все же следует признать, что в 1860-х гг., в том числе с подачи военного министра Д.А. Милютина, имперский центр исповедовал инструменталистский подход к оценке и использованию казачества. Этот подход подразумевал игнорирование истории, традиций, былых заслуг казачества, если необходимо было результативно, с точки зрения властей, решить актуальные государственные задачи во внешней и внутренней политике империи. Таким образом, образование Семиреченского войска необходимо рассматривать с учетом проводимого курса в отношении казачьих войск в 1860-х годах.

Официальная история Семиреченского войска ведется с июля 1867 года. Но старшинство семиреченские казаки сохранили с 1582 года. Таким образом, подчеркивалась их «родовая» связь с Сибирским казачьим войском. Напомним, что Семиреченское войско образовалось из бывших 9-го и 10-го полковых округов Сибирского войска, соответствовавших Алатавскому и Сергиопольскому округам Семипалатинской области, которые летом 1867 г. вошли в состав нового Туркестанского военного округа (генерал-губернаторства). До апреля 1867 г. в документах Военного министерства фигурировало название «Алматинское» для нового казачьего войска, но уже с мая в проектах и переписке чиновников утверждается привычное наименование «Семиреченское» [18, л. 132]. Войско, в начале своего пути насчитывавшее 7 484 души мужского пола для комплектования 2 конных полков, управлялось на основе «временных начал», взятых из положения о Сибирском казачьем войске. Однако на перспективу Военный Совет «признал возможным военно-административную и хозяйственную части войска, а также станичный суд устроить на основаниях, действующих в Оренбургском казачьем

войске, и, кроме того, подчинить это войско, по примеру Оренбургского же, в административном, полицейском и судебном отношениях общим в области административным, полицейским и судебным властям» [25, с. 383]. Туркестанский генерал-губернатор как командующий войсками всего военного округа осуществлял свои властные функции по отношению к семиреченским казакам через наказного атамана, который, в свою очередь, являлся военным губернатором и командующим войсками Семиреченской области [25, с. 384].

Разделение Сибирского казачьего войска и планы по административно-территориальной перекройке степных областей способствовали появлению новых инициативных проектов со стороны местных администраций с их видением будущей конфигурации подвластных земель. Один из таких проектов связан с именем генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова (1866–1874). Летом 1867 г. он предложил из оставшейся части Семипалатинской области и Области Сибирских киргизов образовать отдельную Иртышскую область с центром в г. Омске. Ее военный губернатор должен был взять на себя управление Сибирским казачьим войском в качестве наказного атамана, а само войско, в свою очередь, должно было переименоваться в «Иртышское» [20, л. 9–10]. План Хрущова обсуждался в различных высших инстанциях, но реализован все же не был. Дело в том, что Степная комиссия признала необходимость сохранения Семипалатинской области даже в «урезанном» виде с прежним ее подчинением Западно-Сибирскому генерал-губернатору [20, л. 140–167]. Данное решение, поддержанное императором, не остановило желание Хрущова реорганизовать Сибирское казачье войско. В связи с образованием новой Акмолинской области Хрущов предложил сибирских казаков разделить на две части или на два войска. Причем это была не просто брошенная фраза в очередном генерал-губернаторском отчете, а подкрепленный соответствующими документами проект о создании Акмолинского и Семипалатинского казачьих войск (первоначально в названии каждого войска присутствовало слово «Сибирско-»). О серьезности намерений Хрущова свидетельствуют составленная ведомость «упраздняемым местам и лицам в Сибирском

казачьем войске», подготовленные штаты хозяйственных правлений и положения о военных округах новых казачьих войск, а также «расписание станиц и выселков Сибирского войска», которые должны были поступить в Акмолинское и Семипалатинское казачьи войска [20, л. 217–222]. Члены Степной комиссии также высказались в пользу фактической ликвидации Сибирского войска [20, л. 267 об.]. В марте 1868 г. по этому вопросу выразил свою точку зрения и военный министр Д.А. Милютин. По его мнению, предложение Хрущова вполне могло быть воплощено в жизнь, но «на началах, принятых для Оренбургского войска, а устройство штабов в Области Семипалатинской и Акмолинской необходимо всего ближе согласовать с устройством военных управлений в Областях – Кубанской и Терской, а также в Семиреченской и Сыр-Дарьинской» [20, л. 246]. Результаты работы Степной комиссии, а также различные проекты, так или иначе связанные с ее деятельностью, но подготовленные местными властями, в том числе и желание Хрущова разделить Сибирское войско, обсуждались на заседаниях особого комитета при Военном министерстве весной – летом 1868 года. Однако и в этот раз инициатива Хрущова не была поддержана. Комитет признал необходимым Сибирское казачье войско «включить в состав Семипалатинской и Акмолинской областей, не образовывая из этих частей особых казачьих войск с новыми названиями, причем генерал-губернатору Западной Сибири присвоить звание войскового атамана Сибирского войска, а военным губернаторам Семипалатинской и Акмолинской областей права и обязанности наказных атаманов» [20, л. 271–271 об.]. Как нам представляется, очередная неудача Хрущова была обусловлена позицией ГУИВ по отношению к вопросу о разделении Сибирского войска. Выделим наиболее существенные замечания ГУИВ по Хрущовскому проекту. Так, например, для новых казачьих войск Хрущов планировал создать «только одни военно-окружные управления, не учреждая никакого центрального или войскового органа управления». По мнению же чиновников ГУИВ, «при таком порядке едва ли можно ожидать какого-либо единства в действиях военной администрации новых казачьих

войск» [20, л. 261 об.]. В связи с этим ГУИВ признало необходимым учредить «если не постоянные центральные военно-административные учреждения, то, по крайней мере, по одному военно-административному отделению при войсковых хозяйственных управлениях» [20, л. 261 об.]. Несмотря на то что обнаружить полностью отрицательного заключения на предложение Хрущова нам не удалось, тем не менее, у нас сложилось твердое убеждение, что именно чиновники ГУИВ, имея уже представление об объеме работ по организации Семиреченского войска, сделали все возможное для предотвращения появления еще двух новых казачьих войск. Очевидно, что данный процесс вел к неминуемой интенсификации деятельности ГУИВ и тем самым мог не соответствовать чиновничьим интересам. Иначе говоря, Сибирское казачье войско осталось существовать по причинам бюрократического характера, а не эмоционально-символическим, связанным, например, с сохранением исторического наследия эпохи покорения Сибири или уважением к казачьим традициям.

Об истинных мотивах проектной деятельности Хрущова по отношению к Сибирскому казачеству можно только догадываться, но то, что он мыслил в духе основных предложений Степной комиссии, – это несомненно. На наш взгляд, именно Степная комиссия в середине 1860-х гг. наиболее критично подошла к оценке роли и значения казачьих войск, по крайней мере, в колонизации среднеазиатских владений. По мнению комиссии, казачьи поселения в степи первоначально устраивались «для установления тишины и порядка в крае», а не для его экономического освоения. И в этом смысле казаки свою роль уже исполнили. Замкнутость казачьего сословия, предоставленные казакам привилегии и обязательная военная служба, отрывающая их от домашних занятий, «не могут не вредить правильному развитию хозяйства и земледелия, и оказывают неблагоприятное влияние на экономическое развитие страны». Таким образом, «продолжение колонизации этим (казачьим. – А. В.) способом не принесет ожидаемой пользы», но и отказываться от нее нельзя. Комиссия пришла к убеждению, что «для водворения русского населения в крае остается только свободная колонизация, которая может

быть земледельческая или промышленная» [20, л. 162.]. Тем не менее комиссия все же не списала казачество окончательно со счетов. В одном из ее заключений утверждалось следующее: «Если колонизация казачьим сословием внутри степи отжила свой век, то нельзя не признать ее не только полезной, но даже необходимой на окраинах государства, здесь казаки, исполняя свое историческое призвание – охранять границы Империи, будут полезны и в киргизских степях» [20, л. 162]. Такой взгляд на предполагаемую «новую» роль казачества разделял и А.П. Хрущов. Он был одним из инициаторов предложения заселить казаками территории, непосредственно граничащие с Западным Китаем. К рассмотрению этого вопроса весной 1868 г. ГУИВ подошел отдельно. Согласно его экспертному мнению возможное переселение казаков на китайскую границу должно «исходить из порядка, примененного к азовским казакам при заселении предгорий Западного Кавказа, то есть переселение не должно быть обязательным: тот, кто желает оставаться в казачьем сословии, обязан переселиться, не желающий... должен подлежать обращению в гражданское состояние» [20, л. 262–262 об.]. Надо сказать, что и эта идея Хрущова / Степной комиссии в конце 1860-х гг. поддержана не была. К ней вернулись, но уже в несколько ином виде, на закате XIX века. На наш взгляд, главную роль в отсрочке решения казачьего переселенческого вопроса вновь сыграло ГУИВ. Точнее, полученный им негативный опыт при организации без должной подготовки переселения части казаков Кубанского войска на предгорные и горные пространства Западного Кавказа в начале 1861 года. Тогда казаки Хоперского полка и Ейского округа отказались участвовать в колонизации закубанских земель, сославшись на «разорительные» условия переселения [11]. Почти такие же обстоятельства с проявлением открытого недовольства сложились и с казачьими переселенцами из упраздняемого Азовского войска [10, с. 29–32]. Для усмирения казаков были направлены регулярные войска, произведены аресты зачинщиков протестных акций, но и властям пришлось пойти на определенные уступки. Одной из целей поездки Александра II в 1861 г. на Кавказ являлась демонстрация

личного участия императора в деле колонизации завоеванных территорий. Последующая серия мероприятий, закрепляющая вольный характер переселения (и не только казаков) с предоставлением ряда льгот, заложила основы прочной колонизации Кавказа. Мы уверены в том, что в случае с заселением приграничных территорий с Западным Китаем ГУИВ не хотело повторения ситуации с возникновением массового казачьего недовольства, только недавно купированного с помощью авторитета монарха. Более того, ссылку в заключении ГУИВ на принцип добровольности участия азовских казаков (с сохранением своего статуса) в переселении мы интерпретируем как сознательный чиновничий ход. Он подводил возможную реализацию инициативы Хрущева / Степной комиссии под заранее неопределенный результат, так как нужного количества казаков, согласившихся остаться таковыми и быть переселенными на необжитые, приграничные земли, вряд ли бы набралось, по крайней мере в конце 1860-х годов.

Как нам представляется, причины подобного характера повлияли на то, что в целом одобренная Александром II записка начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова «Об образовании Закавказского казачьего войска» все же не была реализована на практике.

Подготовленная М.Т. Лорис-Меликовым в декабре 1868 г. записка была прочитана императором только в январе 1870 года. Коротко напомним ее содержание. Лорис-Меликов начинает свою записку с констатации очевидного для него факта – «изменения значения Кубанского и Терского казачьих войск как элемента колонизации и местной военной силы». И хотя он признает, что казаки являются «лучшим залогом сохранения спокойствия на Северном Кавказе», тем не менее, в записке говорится о том, что «активная роль казачества уже едва ли окажется здесь необходимою». По мнению Лорис-Меликова, казаки стали нести «скорее полицейскую, чем военную службу; прежняя же внешняя служба в составе действовавших против горцев отрядов заменилась кордонными обязанностями на Персидско-Турецкой границе». То есть Кубанское и Терское войска становятся похожими на Донское войско, «приобретая... значение войск внутренних». Лорис-Меликов упоминает о правитель-

ственном курсе по отношению к казачеству, проводимом с упором на развитие, прежде всего, его гражданской сферы. Мероприятия, реализуемые в рамках данного курса, как считает начальник Терской области, «вызуют в некоторой части казачьего населения скорее противодействие, нежели поддержку». Лорис-Меликов неоднократно возвращается к мысли о том, что если такому «противодействию... не будет дано естественного исхода, то проявлениями своими оно может вредно повлиять на успешное приведение и дальнейшее развитие начал гражданственности в остальной части населения предкавказского края». В то же время закавказские земли представляют собой «свободную и удобную» территорию, открытую для переселения «недовольных» казаков, которые могут стать надежным «прикрытием границ с Турцией и Персией и упрочить нравственное влияние наше за Кавказом». Лорис-Меликов отдельно останавливается на «мусульманском» факторе, то есть, в его понимании, на присутствии «миллионного фанатического и еще вооруженного мусульманского населения Закавказских провинций, непосредственно примыкающего к почти полумиллионному мусульманскому же населению Дагестана», которые, в свою очередь, на русское владычество до сих пор смотрят как на временное явление. Поэтому начало военных действий с Османской империей, в описании Лорис-Меликова, постоянно сопровождается «грабежами и разбоями в пограничных мусульманских провинциях», а также «вторжением значительных хищнических партий... воинственных племен курдов и аджарцев, которые нападают на пограничные русские и армянские деревни и распространяют панику в мирном населении...» [7]. Таким образом, создание нового Закавказского казачьего войска, по мнению Лорис-Меликова, решит несколько проблем. Во-первых, позволит провести необходимые реформы среди «внутренних» казачьих войск, во-вторых, даст толчок «для естественного развития всех качеств казачества», и в-третьих, обеспечит безопасность для населения русско-турецкой границы. Завершая записку, Лорис-Меликов делает акцент на последней проблеме, по сути предсказывая ситуацию начала XX в., приведшую к трагедии армянского народа в

1915 году. «Я позволяю себе обратить внимание Вашего Высочества, – писал в заключении Лорис-Меликов, почти взывая к Александру II, – на то особое значение, какое получит Закавказское казачье войско в весьма, может быть, недалеком будущем, когда племя Османлы окончит свое политическое существование в Европе и станет искать опоры и силы в воинственных и полудиких племенах Малой Азии, чтобы, развив здесь новый центр мусульманского владычества, возобновить борьбу с Христианским миром, уже конечно при иных условиях, чем в Европе. Движимое мщением по самому духу религиозного учения своего, оно всею тяжестью фанатизма обрушится на значительные по численности, но неспособные к самостоятельному отпору христианские поселения Анатолии¹, между которыми уже и теперь проявляется сознание конечной в таком случае гибели, если Правительство наше не откроет им приюта и спасения в Закавказском крае» [7, с. 152]. Этими словами Лорис-Меликов, армянин по происхождению, обнажил личные этноконфессиональные предпочтения, демонстрируя заинтересованность в казачестве как в средстве достижения важных для себя и своего народа целей. Александр II после прочтения записки собственноручно оставил на ней надпись и дату: «Мысль эту Я предварительно одобряю, но необходимо представить соображения, с исчислением нужных для того сумм. 15 января 1870 г.». Уже на следующий день военный министр Д.А. Милютин обратился в ГУИВ с поручением о необходимости подготовки письма на имя Наместника Кавказа и командующего Кавказской армией Великого князя Михаила Николаевича с изложением содержания записки и императорской резолюции. Министр также призвал включить в послание и «некоторые другие соображения», в том числе имея в виду «водворение в Закавказье русских сектантов». 28 января 1870 г. ГУИВ отправило соответствующее письмо Великому князю и запросило «подробных предложений... причем, конечно, – говорилось в послании, – будет принят за основание тщательный осмотр и выбор тех местностей, которые могут иметься в виду для водворения казачьего населения, так как необходимо избежать местностей как весьма гористых, так и низменных, отличающихся вредным климатом» [19, л. 2, 20–20 об.].

Однако были ли проведены подобные работы, – неизвестно. Закавказское казачье войско образовано не было.

Таким образом, современный историк О. Кузнецов явно ошибался в своем утверждении: «К счастью, Александр II понял этот подтекст² (то есть защита интересов армянского народа. – А. В.) докладной записки и оставил ее без высочайшего внимания» [12, с. 27]. Более того, очевидно, что допущенное Кузнецовым явно эмоциональное высказывание определено местом его публикации – в азербайджанском журнале «IRS Наследие» и относится скорее к проявлению исторической политики. Однако вряд ли упомянутый подтекст был доминирующим в принятии предполагаемого решения по «заморозке» предложений Лорис-Меликова. Как и в случае с несостоявшимся переселением казаков на западно-китайскую границу, отказ от создания отдельного казачьего войска в Закавказье, на наш взгляд, был обусловлен в первую очередь нежеланием властей вновь получить казачий протест. В том, что он произошел бы, если записке Лорис-Меликова был бы дан ход, у нас нет никаких сомнений.

Выводы. Составление в 1860-х гг. различных чиновничьих записок и проектов, в которых в качестве активных агентов фигурировали казачьи войска, это не уникальное явление в правительственной политике. Подобные документы разрабатывались и ранее как в центре, так и на местах. Окончание Кавказской войны и экспансия Российской империи в Средней Азии послужили мощным толчком для активного пересмотра в среде высшей бюрократии места и значения казачества как эффективной военной силы и колонизационного ресурса. Именно эти факторы (но не единственные) сделали 1860-е гг. периодом наиболее интенсивного обсуждения казачьего вопроса. В итоге часть войсковых казачьих структур подверглась реорганизации, появилось новое Семиреченское войско, а также были подготовлены проекты и записки по созданию еще новых войск и планов по переселению казаков на приграничные территории. Столкнувшись с казачьим сопротивлением при осуществлении колонизации Кавказа, власть, допуская в дальнейшем дискуссии на заседаниях различных комиссий и выражения мнения высокопоставленных чиновников по по-

воду способов использования казачества, на практике крайне осторожно подходила к реализации подобных идей, предпочитая «замораживать» их на проектной стадии. Как нам представляется, ответственным за формирование такой стратегии было ГУИВ, которое имело максимально полную информацию о состоянии дел в казачьих войсках, а также преследовало свои узковедомственные интересы. В разработке проектов по образованию новых войск и колонизационных планов принимало участие не только Военное министерство, но и другие ведомства, а также представители генерал-губернаторского корпуса. Этот факт можно расценить как сигнал, свидетельствующий о нарастающей утрате монополии Военного министерства по формированию казачьей политики в империи. Стоит также обратить более пристальное внимание на финансовые издержки при переселении казаков или образовании новых казачьих войск (о чем недвусмысленно писал сам Александр II). Возможно, именно необходимость нести дополнительные затраты со стороны государственной казны останавливала имперские власти в шаге от положительного решения казачьего вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду христианское население Османской империи (в основном греки и армяне), проживающие в Анатолии на территории шести восточных вилайетов, то есть османских административных единиц – провинций.

² Дословно об этом «подтексте» О. Кузнецов написал так: «...проект М.Т. Лорис-Меликова означал буквально следующее: переселяемые в Закавказье кубанские и терские казаки должны согнать с мест своего обитания полукошачьи кавказские мусульманские народы, оттеснив их в Турцию и Персию. На освободившиеся земли из Османской империи начнут усиленно переселяться армяне, после чего в Закавказье они станут доминирующей этнической группой, и через несколько десятилетий закавказские православные казаки станут охранять их экономические и религиозные интересы» [12, с. 27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров, М. Ж. История казачества Казахстана / М. Ж. Абдиров. – Алматы : Изд-во «Казахстан», 1994. – 161 с.

2. Абдиров, М. Ж. Семиреченское казачье войско: из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867–1917 гг. / М. Ж. Абдиров, З. С. Ақтамбердиева. – Алматы : Изд-во Казах. нац. ун-та им. аль-Фараби, 2011. – 362 с.

3. Ақтамбердиева, З. С. История Семиреченского казачьего войска (1867–1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ақтамбердиева Зауре Салкеевна. – Алматы, 2007. – 24 с.

4. Анисимова, И. В. Роль Сибирского и Семиреченского казачьих войск в решении геополитических задач России в Центральной Азии / И. В. Анисимова // Востокведческие исследования на Алтае. – Барнаул, 2016. – Вып. 10. – С. 72–75.

5. Безвиконная, Е. В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20–60-е гг. XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук / Безвиконная Елена Владимировна. – Омск, 2002. – 332 с.

6. Васильев, Д. В. Время империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д. В. Васильев. – М. : Полит. энцикл., 2018. – 638 с.

7. Волвенко, А. А. «...роль и задача казачества на Северном Кавказе уже окончены...». Записка М.Т. Лорис-Меликова об образовании Закавказского казачьего войска / А. А. Волвенко // Восток: история, политика, культура. Научные труды Института бизнеса и политики. Вып. 4. – М. : Изд-во Ин-та бизнеса и политики, 2007. – С. 140–152.

8. Волвенко, А. А. Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг. / А. А. Волвенко // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 36–45.

9. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 год. – СПб., 1862. – 443 с.

10. Гаденко, А. П. Азовское казачье войско (1830–1865 гг.) / А. П. Гаденко. – Кашира : Тип. В.А. Третьякова, 1912. – 54 с.

11. Короленко, П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. / П. П. Короленко // Кубанский сборник. Т. XVI. – Екатеринбург, 1911. – С. 311–316.

12. Кузнецов, О. Закавказское казачье войско: три несостоявшихся проекта / О. Кузнецов // IRS Наследие: международный азербайджанский журнал. – 2013. – № 2 (62). – С. 22–27.

13. Леденев, Н. В. История Семиреченского казачьего войска / Н. В. Леденев. – Верный : Тип. Семиреч. обл. правления, 1909. – 834 с.

14. Лещев, Е. Н. Охрана государственной границы Российской Империи Семиреченским казачьим войском (1867–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Лещев Евгений Николаевич. – М., 2004. – 189 с.

15. Мацузато, К. Генерал-губернаторства Азиатской России: геополитика и территориальное управление / К. Мацузато // Личность, общество и власть в истории России : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишки-

на. – Новосибирск : Изд-во Сибир. отд-ния РАН, 2018. – С. 74–103.

16. Митропольская, Т. Б. Из истории Семиреченского казачества / Т. Б. Митропольская. – Алматы : ЭдiletПресс, 1997. – 90 с.

17. О преобразовании управления сибирскими киргизами и переводе ГУЗС в г. Томск (1864 г.) // Исторический архив Омской области. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 5650. – 410 л.

18. О Семиреченском казачьем войске // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 330. – Оп. 11. – Д. 25. – 187 л.

19. Об образовании Закавказского казачьего войска // РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 1. – Д. 131. – 20 л.

20. Проект положения об Уральском казачьем войске // РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 1. – Д. 84. – 306 л.

21. Ремнев, А. В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск : Наука, 2013. – 246 с.

22. Ремнев, А. В. На фронтах империи. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // *Tartaria Magna*. – 2011. – № 1. – С. 16–36.

23. Сапунов, Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40–90-е гг. XIX века) : дис. ... канд. ист. наук / Сапунов Дмитрий Александрович. – Челябинск, 2001. – 255 с.

24. Сатанова, Л. М. Правовой статус Семиреченского казачьего войска (середина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сатанова Л. М. – Алматы, 2006. – 34 с.

25. Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. – СПб. : Синод тип., 1902. – Т. 11. – Ч. 1. – 900 с.

26. Ярков, А. П. Казаки в Кыргызстане / А. П. Ярков. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. – 77 с.

REFERENCES

1. Abdirov M.Zh. *Istoriya kazachestva Kazahstana* [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty, Kazahstan Publ., 1994. 161 p.

2. Abdirov M.Zh., Aktamberdieva Z.S. *Semirechenskoe kazach'e vojsko: iz istorii voenno-kazach'ej kolonizacii Zhetysu 1867–1917 gg.* [Semirechenskoye Cossack Army: From History of the Military-Cossack Colonization Zhetys of 1867–1917]. Almaty, Kazahskij nacional'nyj universitet im. al'-Farabi, 2011. 362 p.

3. Aktamberdieva Z.S. *Istoriya Semirechenskogo kazach'ego vojska (1867–1920 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [History of Semirechensky Cossack Army (1867–1920): The abstract of the thesis for a degree of the candidate of historical sciences]. Almaty, 2007. 24 p.

4. Anisimova I.V. *Rol' Sibirskogo Semirechenskogo kazach'ih vojsk v reshenii geopoliticheskikh zadach Rossii v Central'noj Azii* [A Role of the Siberian and Semirechensky Cossack Troops in the Solution of Geopolitical Problems of Russia in Central Asia]. *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. Barnaul, 2016, no. 10, pp. 72–75.

5. Bezikonnaya E.V. *Administrativnaya politika samodержaviya v Stepnom krae (20–60-e gg. XIX v.): dis. ... kand. ist. nauk* [Administrative Policy of Autocracy in Steppes (20–60th of the 19th Century). Cand. hist. sci. diss.]. Omsk, 2002. 332 p.

6. Vasil'ev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Central'noj Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [Empire Burden. Administrative Policy of Russia in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya Enciklopediya Publ., 2018. 638 p.

7. Volvenko A.A. «...rol' i zadacha kazachestva na Severnom Kavkaze uzhe okoncheny...». *Zapiska M.T. Loris-Melikova ob obrazovanii Zakavkazskogo kazach'ego vojska* [“...the role and a task of the Cossacks in the North Caucasus are already ended...”. M.T. Loris-Melikov's Note About Education of the Transcaucasian Cossack Army]. *Vostok: istoriya, politika, kul'tura. Nauchnye trudy Instituta biznesa i politiki*. Moscow, Izd-vo In-ta biznesa i politiki, 2007, no. 4, pp. 140–152.

8. Volvenko A.A. *Kazachestvo i konskripciya v 1860–1870-e gg* [The Cossacks and a Konskription in the 1860–1870th]. *Rossijskaya istoriya*, 2018, no. 5, pp. 36–45.

9. *Vsepoddannejšij otchet o dejstviyah Voennogo ministerstva za 1859 god* [The Vsepoddannejšy Report on Actions of the Ministry of Defence for 1859]. Saint Petersburg, 1862. 443 p.

10. Gadenko A.P. *Azovskoe kazach'e vojsko (1830–1865 gg.)* [Azov Cossack Army (1830–1865)]. Kashira, Tipografiya V.A. Tret'yakova, 1912. 54 p.

11. Korolenko P.P. *Pereselenie kazakov za Kuban' v 1861 g* [Resettlement of Cossacks for Kuban in 1861]. *Kubanskij sbornik*. Ekaterinodar, 1911, no. XVI, pp. 311–316.

12. Kuznecov O. *Zakavkazskoe kazach'e vojsko: tri nesostoyavshihся proekta* [Transcaucasian Cossack Army: Three Cancelled Projects]. *IRS Nasledie: mezhdunarodnyj azerbajdzhanski jzhurnal*, 2013, no. 2 (62), pp. 22–27.

13. Ledenev N.V. *Istoriya Semirechenskogo kazach'ego vojska* [History of Semirechensky Cossack army]. Vernyj, Tip. Semirech. obl. pravleniya, 1909. 834 p.

14. Leshchev E.N. *Ohrana gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Imperii Semirechenskim kazach'im vojskom (1867–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Protection of Frontier of the Russian Empire by Semirechensky Cossack Army (1867–1917). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2004. 189 p.

15. Macuzato K. General-gubernatorstva Aziatskoj Rossii: geopolitika iterritorial'noe upravlenie [Governorate-Generals of Asian Russia: Geopolitics and Territorial Department]. *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sb. nauch. st., posvyashch. 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V.I. Shishkina*. Novosibirsk, Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2018, pp. 74-103.

16. Mitropol'skaya T.B. *Iz istorii Semirechenskogo kazachestva* [From History of the Semirechensky Cossacks]. Almaty, EdiletPress, 1997. 90 p.

17. O preobrazovanii upravleniya sibirskimi kirgizami i perevode GUZS v g. Tomsk (1864 g.) [About Transformation of Management of the Siberian Kyrgyz and Transfer of GUZS to Tomsk (1864)]. *Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti*, f. 3, op. 4, d. 5650. 4101.

18. O Semirechenskom kazach'em vojske [About Semirechensky Cossack Army]. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)*, f. 330, op. 11, d. 25. 1871.

19. Ob obrazovanii Zakavkazskogo kazach'ego vojska [On the Formation of the Transcaucasian Cossack Troops]. *RGVIA*, f. 330, op. 1, d. 131. 201.

20. Proekt polozheniya ob Ural'skom kazach'em vojske [Draft of the Provision on the Ural Cossack Army]. *RGVIA*, f. 330, op. 1, d. 84. 3061.

21. Remnev A.V., Suvorova N.G. *Kolonizaciya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional'nye scenarii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Colonization

of Asian Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of XIX – the Beginning of the 20th Century]. Omsk, Nauka Publ., 2013. 246 p.

22. Remnev A.V., Suvorova N.G. Na frontirah imperii. Kazachestvo v kolonizacionnyh processah konca XIX – nachala XX veka [On the Frontirakh of the Empire. The Cossacks in the Kolonizatsionnykh Processes of the End of XIX – the Beginnings of the 20th Century]. *Tartaria Magna*, 2011, no. 1, pp. 16-36.

23. Sapunov D.A. *Uchastie kazachestva Urala i Sibiri v prisoedinenii Srednej Azii k Rossii (40–90-e gg. XIX veka): dis. ... kand. ist. nauk* [Participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in Accession of Central Asia to Russia (40–90th of the 19th Century). Cand. hist. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2001. 255 p.

24. Satanova L.M. *Pravovoj status Semirechenskogo kazach'ego vojska (seredina XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Status of Semirechensky Cossack Army (Middle the XIX Beginning of the 20th Century of Century). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Almaty, 2006. 34 p.

25. *Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk* [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902. Head Department of the Cossack Troops. Historical Sketch.]. Saint Petersburg, Sinod. tip., 1902. vol. 11, pt. 1. 900 p.

26. Yarkov A.P. *Kazaki v Kyrgyzstane* [Cossacks in Kyrgyzstan]. Bishkek, KRSU, 2002. 77 p.

Information About the Author

Alexey A. Volvenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Deputy Director for Scientific Affairs, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) RSUE (RINH), Initsiativnaya St, 48, 347936 Taganrog, Russian Federation, avolvenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6932-5976>

Информация об авторе

Алексей Александрович Волвенко, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), ул. Инициативная, 48, 347936 г. Таганрог, Российская Федерация, avolvenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6932-5976>

www.volsu.ru

ЦЕНТРАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.6>

UDC 908(470+571)

LBC 63.3(2)51

Submitted: 04.09.2019

Accepted: 08.04.2020

FISCAL FUNCTIONS OF THE VOIVODSHIP OFFICE OF PRIKAMYE IN THE 1720s – 1780s ¹

Anna A. Kosmovskaya

Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation;
Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the fiscal policy of the voivodship office of Prikamye in the 1720s – 1780s. The financial aspects of the activities of local institutions in the Russian state in the 18th century were considered by historians from different points of view (a poll tax reform, the impact of taxes on the development of economy, an increase in the arrears). The problem of the functioning of the voivodship office of Prikamye in the collection of tax arrears in this territory has not yet received consideration in historiography. *Methods and materials.* The problematic chronological method made it possible to identify the main problems in the process of implementing the fiscal functions of the voivodship power and administration and to trace them in dynamics. The method of comparative analysis was used when comparing the information on income books. *Analysis.* During the study period, the local office was experiencing a shortage of personnel and faced resistance from the local population in performing its tax functions. The author analyzed such methods of collecting taxes on core fees, such as sending decrees and reminders of debts, maintaining soldiers and staff to work with taxpayers in different parts of the study area, as well as pressure on worldly elected people to collect arrears. *Results.* Despite the shortage of personnel in the staff of the office, local governors actively collected taxes and arrears, and also participated in the increase in the number of taxpayers (recorded salary) and, accordingly, state revenues. Analyzing the materials of the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of Perm Region, the author of the article comes to the conclusion that the voivodship office of Prikamye effectively performed its fiscal functions as a whole.

Key words: Prikamye, 18th century, voivodship office, fiscal policy, tax levies, prevention of arrears.

Citation. Kosmovskaya A.A. Fiscal Functions of the Voivodship Office of Prikamye in the 1720s – 1780s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 80-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.6>

УДК 908(470+571)

ББК 63.3(2)51

Дата поступления статьи: 04.09.2019

Дата принятия статьи: 08.04.2020

ФИСКАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ВОЕВОДСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПРИКАМЬЯ В 1720–1780-х ГОДАХ ¹

Анна Алексеевна Космовская

Пермский государственный институт культуры, г. Пермь, Российская Федерация;
Пермская государственная фармацевтическая академия
Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Пермь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена фискальная политика воеводской канцелярии Прикамья в 1720–1780-х годах. Финансовые аспекты деятельности местных учреждений в Российском государстве исследовались историками с различных точек зрения (подушная реформа, влияние налогов на развитие экономики, рост недоимочности). Проблема функционирования воеводской канцелярии Прикамья при взыскании недоимок по налогам на указанной территории еще не получила рассмотрения в историографии. Проанализированы такие способы взыскания налогов по основным сборам, как присылка указов и напоминаний о долгах, содержание солдат и штатной команды для работы с налогоплательщиками в различных частях исследуемой местности, а также давление на мирских выборных людей с целью взимания недоимок. На протяжении исследуемого периода местная канцелярия испытывала недостаток кадрового состава и сталкивалась с сопротивлением местного населения при выполнении налоговых функций. Несмотря на нехватку сотрудников в штате канцелярии, местные воеводы активно собирали налоги и недоимки, а также записывали в оклад налогоплательщиков. Анализируя материалы фондов Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Пермского края, автор статьи приходит к выводу о том, что воеводская канцелярия Прикамья успешно выполняла свои фискальные функции.

Ключевые слова: Прикамье, XVIII в., воеводская канцелярия, фискальная политика, налоговые сборы, борьба с недоимкой.

Цитирование. Космовская А. А. Фискальные функции воеводской канцелярии Прикамья в 1720–1780-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 80–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.6>

Введение. Проблема своевременного сбора налогов всегда была актуальной как в отечественной, так и мировой истории. В современный период своего существования Российское государство также сталкивается с задержками уплаты налогов. Анализ исторического опыта работы воеводских канцелярий по сбору налогов на региональном уровне дает возможность исследовать способы борьбы государства с уклонением от обязательных выплат. Выбранный хронологический период обусловлен тем, что в 1720-е гг. была проведена Петровская подушная реформа, которая систематизировала механизм налоговых выплат. В это же время было восстановлено воеводское управление, которое сочетало в себе традиции прошлого столетия и новые реалии XVIII века. В отличие от предшествующего периода, служебная деятельность воевод XVIII в. была очерчена инструкциями, регламентами, наказами, в основе которых лежали общие для всей России принципы управления. В Прикамье уездные администраторы в лице воевод вновь появляются в документах с начала 1720-х годов. Благодаря Петровским преобразованиям сложилась единая система сбора налогов на территории государства, получили распространение унифицированные формы финансовой отчетности, были систематизированы данные о численности населения, что позволяет анализировать налоговые поступления и особенности рабо-

ты воеводских канцелярий с налогоплательщиками на региональном уровне. Применительно к предыдущему столетию аналогичные данные отсутствуют. Материалы архивных фондов XVIII в. (РГАДА и ГАПК) с региональной спецификой позволяют делать выводы о количестве недоимок и налоговых поступлений на территории трех уездов Прикамья (Соликамский, Чердынский и Кунгурский). Верхняя хронологическая граница исследования связана с датой вхождения Пермской провинции Казанской губернии в состав созданного Пермского наместничества (27 января 1781 г.).

Дискуссия. Вопросы работы уездных канцелярий при сборе налогов частично затронуты в историографии на общероссийском материале. В частности, фискальную политику Российского государства с середины 1720-х до конца 1760-х гг. изучал С.М. Троицкий. Необходимость анализа налоговой политики он видел в том, что она либо облегчает создание благоприятных условий для экономического развития государства, либо замедляет или тормозит рост отраслей народного хозяйства [29, с. 3]. Автор рассматривал налоговые сборы Российского государства с позиции влияния налогообложения на экономический рост.

Е.В. Анисимов исследовал подготовку и содержание подушной реформы в 1720-е гг. [2]. Подушная подать сравнивается автором с

тяглом, при этом делается вывод о платежеспособности населения Российской империи после введения подушной реформы (в отличие от прежней историографической традиции, представленной, в частности, работой П.Н. Милюкова, который считал, что население повсеместно не справлялось с выплатами [17]).

Косвенные свидетельства о платежеспособности населения Прикамья также имеют значение. Л.В. Милов приводил данные об успешной сельскохозяйственной деятельности жителей региона, делая вывод, что район обеспечивал бы продовольствием сам себя, если бы не наличие заводской промышленности [16]. Таким образом, в XVIII в. собираемость налогов и, соответственно, эффективность функционирования воеводского аппарата были стабильными.

Воеводское управление в XVIII в. получило рассмотрение в монографии Д.А. Ананьева на сибирском материале. Автор, связывая деятельность воевод с формированием бюрократического управления, исследует проблемы воеводской власти в Сибири в XVIII в. [1]. Отдельные положения обозначенной работы о функционировании воеводских канцелярий на окраинных территориях применимы к Прикамью. Рассматривая фискальные функции воевод Сибири, Д.А. Ананьев отмечает типичные проблемы администраторов при сборе налогов – нехватку кадрового состава канцелярий, отсутствие должного финансирования местных учреждений, а также обращает внимание на факты недоимочности.

В исследованиях Е.П. Кузьмина на основе архивного материала рассмотрены различные виды налогов, трудовые мобилизации, рекрутские и другие повинности в Марийском крае, а также прочие аспекты взаимодействия воевод и ясачных марийцев в XVIII веке. На воевод возлагались обязанности по сбору государственных налогов, недоимок с должников, но при этом зачастую в финансовой деятельности воеводы выполняли такие функции, которые взаимоисключали друг друга: сбор налогов и податей, казначейское дело, контроль над сборами. Такой контроль собственной деятельности приводил к злоупотреблениям [15]. А.Г. Иванов анализирует налогообложение ясачных марийцев и приходит к

выводу о тяжести налогового бремени [11]. Региональные исследования подушной подати представлены в работах Е.С. Корчминой [13].

В зарубежной историографии проблемы фискального принуждения в Российской империи детально не изучались. Ч. Тилли пишет о стремлении Петра I бороться с сепаратизмом и о попытках подчинить все части империи (и получаемые там доходы) нормам, установленным в Москве, и центральной администрации [28, с. 208]. Р. Хелли ограничивается общей характеристикой фискальной деятельности Российского государства [35].

Проблемы недоимочности на территории Прикамья в указанный хронологический период проанализированы автором настоящей статьи. Данное исследование является продолжением работы по изучению эффективности налоговой политики местной администрации в Прикамье в ходе проведения подушной реформы и ревизий населения XVIII в. [14].

Собранные автором материалы позволяют решить поставленную цель исследования – проанализировать функционирование воеводской канцелярии при сборе податей и недоимок в Прикамье.

Методы и материалы. Автором была отобрана и проанализирована значительная часть документации Ф. 439, 576, 955 РГАДА и 86, 651 ГАПК (данные по Кунгурскому, Соликамскому и Чердынскому уездам), относящаяся к проблеме исследования. Основные материалы представлены в РГАДА (Российский государственный архив древних актов) и ГАПК (Государственный архив Пермского края). В ходе анализа использовались отчеты, рапорты, промемории, окладные книги и прочая документация воеводских канцелярий 1720–1780-х годов.

Ценным источником при исследовании разных видов налоговых поступлений являются тетради выборных лиц, куда записывались принятые средства от сборщиков. Налоги собирались с податных категорий населения и перечислялись в книгах местной канцелярии, посвященных приходу и расходу «разных сборов денежной и ясачной казны» [24]. Привлекались и дополнительные материалы, в частности, выписки из документации воеводских учреждений о числен-

ности населения и его перемещении [26]. В 1778 г., ссылаясь на результаты третьей ревизии, воеводский поверенный из Соликамской воеводской канцелярии занимался анализом изменений численности населения Строгановской вотчины. В выписке Соликамской воеводской канцелярии представлено общее число душ мужского пола – 6 681 для целей налогообложения [3, л. 5].

Особенности источниковой базы исследования определили выбор методов. Описательный метод, использованный при изложении фактического материала, позволил рассмотреть финансовую деятельность воеводской канцелярии как единую целостность, находящуюся в динамике и развитии, очертить различные стороны деятельности администраторов, выявить принципы взаимоотношений воевод с центральными органами власти. Наличие финансовых материалов дает возможность при помощи сравнительного анализа изучить структуру налоговых поступлений. Проблемно-хронологический метод позволил обозначить основные проблемы в процессе осуществления фискальных функций воеводской власти и проследить их в динамике.

Анализ. Положение Прикамья «на путях в Сибирь» и богатство края объясняли внимание правительства к ситуации с налогами в уездах. Развитая солеваренная промышленность, Строгановские владения, богатство Кунгура, необходимость обеспечения Сибири – далеко не полный список причин, по которым Прикамье (в составе Чердынского, Соликамского и Кунгурского уездов) в XVIII в. являлось стратегически важной территорией Российской империи. Уездный администратор находился в Соликамске, управляя всеми уездами (1720–1730-е гг.). В 1737 г. провинциальное управление Прикамья перевели в город Кунгур из Соликамска.

Воеводская канцелярия в исследуемый период (1720–1780-е гг.) в Прикамье (как и в Сибири) возглавлялась воеводой (зачастую не одним). В ходе Петровских реформ, вместе с административными проектами, разрабатывались нормативно-правовые нормы для управления на местах. Согласно вышедшему 12 сентября 1728 г. «Наказу губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они

должны поступать» [18], губернатор руководил деятельностью канцелярии в части распределения работы между «столами» и канцелярскими служащими, а также имел право не только контролировать деятельность воевод в сборе денег и рекрутов, но и назначать администраторов на должности. Местные воеводы находились в подчинении у губернатора Казанской губернии. Соликамская (с 1737 г. – Кунгурская, с 1766 г. – Пермская) провинция Казанской губернии 27 января 1781 г. была включена в Пермское наместничество. В состав канцелярии входили штатные сотрудники (канцеляристы, подканцеляристы и т. п.). Сбор налогов осуществлялся выборными людьми – например, целовальниками, которых выдвигали местные жители, а утверждали в канцелярии. Для сбора недоимок, особенно по подушной подати, которая шла на нужды содержания армии, на места выезжали солдаты и нарочные.

С.М. Троицкий предлагал следующую структуру налоговых сборов Российской империи XVIII в.: подушная подать, соляной сбор, винная монополия, торговля и промышленность, ясак, доходы от торговли с другими странами, канцелярские сборы [29]. В качестве основного налога в XVIII в. анализируется подушная подать, которая предполагала замену многочисленных налогов прошлого.

С начала подушной реформы на Урале (1720-е гг.) правительство не изменило своей апробированной веками тактике облагать все возможные угодья оброком. Воеводы были проводниками такой политики на местах. Для каждого отчетного периода оформлялась окладная книга, в которой фиксировались все поступления. Подушная подать делилась на три вида: семигривенный платеж (70 коп.), который собирался со всех крестьян; четырехгривенный платеж, который дополнительно брался с государственных крестьян (40 коп.); сорокоалтынный платеж платили купцы, мещане и прочие жители городов. Категории крестьян – плательщиков подушной подати (частновладельческих и государственных) могли быть учтены в документах отдельно или вместе [13, с. 8].

Распоряжения правительства на территории Прикамья доводились до воеводской администрации с помощью указов и проме-

морий. В 1720-е гг. в Соликамскую воеводскую канцелярию из камерирской конторы приходили промемории о необходимости контролировать использование различных угодий. 11 декабря 1723 г. в письме воеводам указали, что в имениях баронов Строгановых «доходные бани, мельницы, рыбные ловли и пчелные борти ульи которые были неросписные и збору с них в казну не бывало» следует описать «положенным по оброку и указу и отдать на откуп охочим людям из наддачи с публичного торгу» [32, л. 35].

4 апреля 1724 г. в канцелярию был направлен указ о приеме медных денег за всякие сборы (кабацкие, таможенные и прочие, кроме подушной подати), выпущенных с 1700 по 1724 г. для отправки в Москву с целью «переделу на денежные дворы медных денег» [30, л. 2]. Тем же числом датирован указ из штатс-конторы «о зборе с железных заводов и с ручных домен вместо десятой доли в казну во всех губерниях с наличного чугуна по копейке, а с ручных домен по деньге с пуда» [30, л. 2].

Наиболее частой практикой становится упоминание руководителя канцелярии в начале книг, посвященных налоговым сборам. Например, мы знаем, что воевода-полковник князь Никита Матвеевич Вадбальский в 1723 г. выполнял фискальные функции, но данные об участии руководителя воеводской канцелярии в финансовой деятельности в дальнейшем уже не отмечаются [32, л. 11 об.]. Прочие канцелярские документы посвящены представлению сведений о количестве собранных средств от выборных людей и солдат.

Документы уездных канцелярий показывают порядок выбора лиц для сбора подушной подати. В ордере 1777 г., отправленном сотнику Губдорского стана Андрею Щетинину, представлены требования к выборным, занимающимся сбором налогов. «Выбрать вновь одного сотника, который бы имел наряд в работе и отвод крестьян... дело отправлял, другой всегда б в доме у мирских дел. Да для роскладки окладчиков трех... Для приводу к присяге объявив здесь в городе Соли Камской немедленно також где крестьянам... учинить будет способнее, здесь ли в городе Соли Камской или у них в станах, о том пере-

говорить с ними сотникам и окладчикам и где условятся...» [33, л. 12]. Отметим, что власть идет на уступки, когда дело касается сбора недоимок с крестьян. Учитывается тот факт, что крестьянам было удобнее платить у себя в станах, особенно в период летних работ.

Многие вопросы, связанные с очередными окладными и неокладными сборами, обычно решались через выборных людей. В мае 1728 г. полковник и воевода князь Семен Михайлович Козловский «с товарищи» (формула, которая в документах после 1720-х гг. почти не появляется) приказал отправить соляной сбор «от Соли Камской... Камер-коллегии в соляную контору Кунгурскую с кунгурцами, а Соли Камской и Чердынскую и прочие мест с чердынскими выборными крестьянами и с усольскими и с кунгурскими ж розсылщики и выборными... чтоб в отдаче оной казны привести им посыльщиком квитанции» [12, л. 20]. Выборные местные жители принимали активное участие в отправке соляных денежных сборов, а также отчитывались в своих действиях в канцелярии.

Если обратиться к отпискам самих выборных должностных лиц, то становится ясным механизм их взаимодействия с воеводской канцелярией. Для примера можно рассмотреть доношение, которое было отправлено 30 апреля 1735 г. в провинциальную канцелярию Соликамска из ратуши. В документе, поданном земским старостой Никитой Осинцовым, содержалась следующая информация: «собрано де Соли Камской с посадских людей на сей 1735 г. в первую генварную треть в канцелярской збор, а имянно з домовых бань, что по рублю з бани семь рублей три копейки сребрянными рублевыми монетами, которые денги у Соликамской в ратуше приняты» [25, л. 156]. Поступившие средства были записаны в приход и отправлены с целовальником Петром Колмогоровым. В доношении земский староста просил о приеме денег в ратушу и подтверждении поступления средств резолюцией [25, л. 156–156 об.].

Кто помогал воеводской канцелярии со сборами, помимо выборных мирских людей? Солдаты, офицеры и прочие сотрудники военных ведомств, поскольку самые значительные суммы налогов относились к обеспечению армии. Например, поручик Федор Теряев каж-

дый месяц обращался в Соликамскую канцелярию для обеспечения его подчиненных (8 солдат и 1 денщик) средствами. Требование Федора Теряева составлялось по всем правилам. «Подано 31 января 1743 г. в Соликамскую канцелярию воеводского правления Казанского гарнизона Свияжского полку от поручика Федора Теряева» [23, л. 7–7 об.].

Провиант поручик Теряев восполнял каждый месяц. 26 февраля 1743 г. его доклад о нехватке провизии выслушал соликамский воевода. Разобравшись в проблеме, соликамские власти пришли к следующему вердикту: «на оную команду вместо провианта выдать деньгами понеже в ведомстве у Соли Камской казенного магазина и провианта не имеется» [23, л. 24].

Воеводская канцелярия выдавала денежные средства не только небольшим группам офицеров. В городе могла находиться сыскная команда, которую содержала местная канцелярия – такие группы состояли из военных, и в основном разыскивали преступников [20, л. 26]. В требовании поручика Оренбургского гарнизона Казанского драгунского полка Стригина заявлена выдача финансовых средств за провиант. Численность сыскной команды поражает: «вахмистром 2, подпрапорщику 1, капралам 4, писарям 2, цирюльнику 1, барабанщиком 2, драгунам 42, слесарю 1, извозчикам 2, денщикам из собственных людей 3, из рекрутов 1. Итого на 61 человека на пребудущий февраль месяц провианта на каждого мука по два четверика круп по одному гарницу...» [20, л. 26]. Содержание сыскной команды дорого обходилось соликамской воеводской канцелярии.

В случае возникновения недоимочности, на места выезжали солдаты для оптимизации сборов, но это не всегда помогало, особенно в начале 1720-х гг., когда подушная реформа была в стадии внедрения. В 1723 г. в канцелярию был отправлен солдат для сбора средств на 1719–1722 гг., чтобы «не выключая пустоты и не имея никаких отговорок и собирая оные деньги отсылал на указные сроки» [32, л. 11 об.]. Судя по всему, сроки отправки средств периодически нарушались, поэтому на отдельные траты, например, «на канальное дело» (строительство Ладожского канала) денег периодически не хватало. О том, что реформа пока проходила апробацию, свиде-

тельствует и тот факт, что список налоговых поступлений отличался от более поздней документации 1720-х годов.

Некоторые замечания можно сделать о том, как вообще осуществлялось формирование отчетности о сборе подушных денег и недоимки. Год обычно делился на трети, в каждую из которых собиралась третья часть налоговых поступлений.

Рассмотрим типичное содержание окладной приходной книги по всем сборам. В окладной приходной Соликамской канцелярии «кабацким канцелярским и протчим сборам, денежной ясашной казны 1755 г.» представлены категории сборов (конские, кабацкие и т. д. по разным территориям уезда), далее записаны суммы оклада и прихода в казну. Год разделен на три периода, конский сбор, к примеру (по окладу – 66,88 руб.), поступал суммами по 22,29 руб. Кабацкий сбор фиксируется десятки раз. В книге нет третьей контрольной даты (поступления остатка сбора), что является обычным делом. Это не значит, что налог не был собран, напротив, основные денежные средства поступали позже. По документу не наблюдается дефицита по сборам. Как правило, большая часть суммы собиралась в декабре текущего года или в январе следующего [21].

В счете 1735 г. Соликамской провинциальной канцелярии «сколько каких доходов денежной казны во оном году имелось в приходе и с того числа куда в расход и затем в остатке» местный канцелярист записал, что сумма прихода за текущий год составила 32 232,8075 руб., израсходовано было 25 965,5775 руб., а в остатке на 3 января 1736 г. числилось 6 267,23 руб. [21, л. 48 об.–49].

Суммы недоимки, которые должны были собираться в бюджет Соликамской канцелярии, фиксировались и в окладных, и в доимочных книгах. В приходно-расходных книгах денежной казны подушный сбор, по которому возникали недоплаты, обычно не учитывался. В таблице 1 представлена доимка по подушному сбору. Именно эти суммы недоплатили жители Чердынского уезда во второй половине 1756 года.

Как видно из таблицы 1, суммы недоплаты относительно поступающих в канцелярию средств невелики. На 1755 г. в приходе

было записано 20 485,89875 руб., а в расходе – 13 076,4375 руб. Остаток на начало 1756 г. составил 7 409,26125 руб. [27, л. 67 об.–68]. На отдельных территориях количество неплательщиков, судя по суммам, доходило до 60 человек. При этом следует учитывать, что сборщики могли не добраться до отдаленных территорий Чердынского уезда. И недоимка естественным способом погашалась в следующем налоговом периоде. Отдельно в том же документе отмечено, что в Чердыни необходимо взыскать с посадского Ивана Оболенского за работника его Чердынского уезда Чигиринского стану «крестьянина Захара Телятникова с братьями з двух душ 1,64 руб.». Для

унификации процесса поступления средств в канцелярии составлялся «Наряд о сборе подушных денег и протчем». Обычно документ датировался текущим годом.

В начале года, 29 января 1757 г., солдат Софон Ульянов «по общему согласию» был назначен в счетчики с прочими перечисленными в документе лицами. Они должны были собрать подушную подать на первую половину 1757 г. «а ежели паче чаяния какой... (на чем) несмотрения и оплошную учинится, то оной повин и сплатить все обще неотменно из заслуженного своего жалованья» [19, л. 1].

В документе дается подробная инструкция выбранным солдатам. Необходимо

Таблица 1. Доимка 1756 г. по подушному окладу

Table 1. Per capita salary arrears of 1756

Местность	Сумма доимки, руб.
Города Чердыни купечества	130,21
Анимисовский стан	65,9
Бондюжинский стан	34,14
Кольчужский стан	64,47
Кушмангорский стан	25,59
Ужгинский стан	38,83
Деревни Аникиевской	5,10
Деревни Долдь	5,73
Деревни Лекмартово	20,15
Деревни Чемуш	15,87
Погоста Чигимера	19,73

Примечание. Составлено по данным: [19].

Таблица 2. Сборы в 1757 г. (фрагмент, округлено до копеек)

Table 2. Levies in 1757 (fragment, rounded to kopecks)

Соликамский уезд, станы, руб.	
Городищенский	34,58
Запотьмский	11,53
Половодовский	46,12
Чердынский уезд, станы и деревни, руб.	
Анимисовский	92,23
Бондюжинский	46,11
Бугчинский	34,51
Верх-Язвенский	11,12
Губдорский	46,11
Камышинский	11,53
Косинский	11,53
Кушмангорский	46,11
Чигимерский	11,53
Янидорский	23,06
Деревни Гаревой	11,53
Деревня Лекмартово	23,06

Примечание. Составлено по данным: [19].

привозить собранные денежные средства «без задержания во объявленные сроки» в Пермскую провинциальную канцелярию. Упоминаемый выше Софон Ульянов собирал деньги с Косинского стана (см. табл. 2).

Сравнивая таблицы 1 и 2, можно обратить внимание на следующее обстоятельство. Недоимки на некоторых территориях были погашены в 1757 г., а в отдельных станах и деревнях они либо сократились, либо незначительно выросли (Анимисовский, Бондюжинский, Кушмангорский станы). Возможно, к моменту приезда Софона Ульянова местные жители были готовы их погасить за 1756 г. и текущий период 1757 года. Уплата сборов в следующем году была распространенной практикой.

Отдельную категорию дел воеводской канцелярии составляют тетради записные «взысканным из доимки за прошлые годы» (например, 1758, 1759, 1769 гг.) подушных и двухкопеечных денег. Такая тетрадь 1761 г. представляет собой роспись поступлений [10]. Например, 31 января было принято от «господина барона Николая Григорьевича Строганова с 18 125 руб. на вторую... половину семигривенных... в уплату 2 900 руб. Итого в январе в приходе оказалось 5 539 руб. 31,25 коп.» [10, л. 12–12 об.].

Черновое расписание о расположении заводских работников на вторую половину 1760 г. содержит данные о том, как контролировались те налогоплательщики, которые работали на заводах. Например, в Губдорском стане Чердынского уезда в погосте Губдор их было 152 человека, после ревизии к ним причислили еще 5 человек. В деревнях рядом было еще 73 плательщика подушного оклада. За «теми душами» числилось 129,8 руб. В Чигиринском стане душ было 152 человека. Они должны были выплатить 85,31 руб. [7, л. 13].

Обычно сами суммы сборов с сельских жителей составляли в среднем 1–3 руб. Например, «принято Половодовского стану у сборщика Дмитрия Зыкова сборные его мирских денег рублей пять десять копеек, в том ему расписка дана». Запись в тетради Соликамского уезда 1763 г. гласит: «Еще принято у него ж Зыкова рубль десять копеек» [7, л. 5].

Способом борьбы с недоимкой, помимо отправки выборных людей, солдат и сыскной команды, были и регулярные напомина-

ния. Так, в Соликамский магистрат в конце 1770-х гг. регулярно отсылались промемории о понуждении последнего в скорейшей присылке налоговой недостачи. Предварительно туда был направлен прапорщик Марк Немцов из соликамской штатной команды. Но соликамские чиновники все равно не присылали задолженности в размере 506,31 руб. [3, л. 5].

В 1770–1780 гг. приход подушных сборов и денежной казны учитывался более точно, по сравнению с 1720–1750 годами. С 1779 г. окладных сборов оставалось 12 138 руб. 24,25 коп., неокладных – 18 733 руб. 81 коп. [5, л. 1 об.]. Совокупный остаток составил 30 872 руб. 5,25 коп. По реестрам окладных сборов на 1780 г. числилось 84 229 руб. 51,25 коп., а доимки вообще не указаны. Как видим, уже в 1779–1780 гг. недоимочность по окладным и неокладным сборам почти не фиксируется [6, л. 4 об.]. Согласно реестру о приходе подушных сборов и денежной казны 1780 г., более всего средств поступило в марте (27 983,8075 руб.) и декабре 1780 г. (28 080,405 руб.) [22].

Воеводская канцелярия часто присылала в ратуши городов промемории о необходимости скорейшей отправки казны и сбора штрафных денег. Местные воеводы не могли годами ссылаться на отсутствие средств, проблемы с местными выборными и игнорировать многочисленные послания центральных ведомств. Улучшение транспортной доступности, усиление контроля и возможность реального наказания (особенно после 1728 г.) создавали проблемы уездным администраторам. Наличие реальных (не собиравшихся годами) и номинальных («взятых» в начале следующего года) недоимок провоцировало местные канцелярии на различные меры.

По тону указов Соликамской воеводской канцелярии понятно, что недостаточные поступления средств в течение календарного года беспокоили местных чиновников, и последние прилагали все усилия, чтобы напомнить о необходимости скорейшего сбора выборным людям. Особенно это касалось подушных денег. В случае возникновения недоимочности предполагалось приказчиков и старост и выборных нещадно наказывать батогами и «подушные деньги взыскивать без послабления» [7, л. 25].

В свою очередь, многие крестьяне и прочие налогоплательщики не только саботировали оплату налогов и прятались от приезда выборных сборщиков. В сентябре 1760 г. приписные крестьяне, отданные для работы на медеплавильном заводе на реке Бабке, «не хотя зарабатывать подушные деньги» [7, л. 14], стали отказываться от работы. У них появился свой лидер Иван Пономарев, который, по мнению чиновников, вносил смуту в ряды крестьян. Во избежание распространения недовольства у арестованного Ивана Пономарева разрушили избу, а также амбар, хлев и весь двор до основания. При этом было велено «пожитки и жену его с детьми и всех домашних отдать десятнику на сбереженье до решения дела» [7, л. 14–15]. Сотника и рассыльщиков пороли и допрашивали. Прочих крестьян, которые участвовали в сходке, рассматривающий дело граф Иван Григорьевич Чернышев «на первый случай» простил, «однако с тем, чтоб они впредь такого возмутительного собрания... не чинили» [7, л. 15].

Правительство не церемонилось с налогоплательщиками и всеми способами стремилось уменьшить недоимки и во второй половине XVIII века. В Петровскую эпоху приемы борьбы с недоборами, рассмотренные С.М. Троицким [29] и Е.В. Анисимовым [2], были еще более жестокими (аресты, физические наказания, праваж). Более того, могли понести ответственность и сами сборщики, хотя по приезду на место сбора они сталкивались с сопротивлением и отсутствием на месте крестьян-плательщиков. К примеру, «у взыскания оных (домен и печей) от Соликамской воеводской канцелярии находятся нарочные... с некоторых взыскивают, а с иных за отлучкою и с доимок неведому куда скорейшего взыскания учинить не с кого и на то оным посланным ордерами подтверждено, чтоб оные старались как можно тех отлучных сыскивать и с них взыскание тем деньгам в скорости» [3, л. 6].

После возникновения неплатежей на места сначала активно присылались указы. В Чердынской ратуше за 1753–1759 гг. по кабацкому сбору накопилась недоимка в размере 8 056,87 рублей. Это крупная по тем временам недостача возникла из-за откупной системы. Вино, поставленное в кабаки, оказа-

лось нераспроданным. В указе Пермской канцелярии возникновение недоимки объяснили следующим образом: «оная доимка воследовала от неросходу против прошлых лет в городе Чердыни и в Чердынском уезде с кабаков продажею вина» [4, л. 1]. Крестьянство Чердынского уезда «за недачею от пермских соляных промышленников в зделку и к сплаву соли людей и каюков и в поставку и промыслам варнишных дров» перестало получать деньги. Местным жителям пришлось расходиться в другие уезды наниматься в работу на заводы. Тем не менее Пермская канцелярия хотела получить деньги с местных откупщиков. В Чердынь был послан нарочный, который, ссылаясь на указы от 5 августа, 25 мая, 18 октября 1759 г., 18 января 1760 г. и инструкцию, начал насильственными способами взыскивать недоимку.

По инструкции было велено, пока недоимка не будет заплачена, «...до того времени той ратуши присутствующих и лучших купеческих людей держать в ратуше под караулом без выпуска». Все это было «подтверждено строгими указами, а о принуждении к платежу Чердынскую ратушу в Кунгурский провинциальный магистрат писано промемориями и в государственные Камер- и Адмиралтейскую коллегия, в Штатс-контору и в Казанскую губернскую канцелярию 15 октября 1759 г. репортовано» [4, л. 1]. Несмотря на объективные проблемы продажи вина, связанные с оттоком крестьянства, вышестоящие инстанции предпочли репрессивные меры. Во все основные инстанции были отправлены промемории о том, что задолженность пытаются взыскать.

В дальнейшем, после расследования, в канцелярии учитывали невозможность уплаты налога, и недоимка списывалась. Так произошло с картяным сбором, задолженность по которому долго копилась после запрещения играть в карты в правление Анны Иоанновны в 1733 году.

Картяных сборов с Кунгурского провинциального магистрата на 1744–1759 гг. было недоплачено на общую сумму 105,6 руб. (по 6,6 руб. в год).

Канцелярия отчиталась, что «показанные картяные деньги состоят в доимке за запрещением по силе указов картяной игры» [4, л. 1 об.]. Указами из Камер-коллегии от 17 ав-

густа 1756 г. и 14 апреля 1758 г. было велено о картяном окладе отдать в приказной стол ведомость и после сбора информации удалить «оный сбор из окладу» [4, л. 1 об.].

Картяной сбор и недоимка с Чердынской ратуши не были взысканы, а оклад из доимки исключался. Так Пермская канцелярия поступила после определения невозможности получить недоплаты по налогам.

Правительство тщательно выясняло причины неплатежей («по каким обстоятельствам еще не взысканы в узаконенное время» [3, л. 5]). В доношениях и рапортах часто расписано, что случилась недоимка по причине смерти некоторых душ («взыскать никак невозможно»). Например, сборщик (в нашем случае – Семен Башкирцев) прилагал подробный реестр с фамилиями, где, подводя итоги, писал о конечной недоплате – 57,4425 руб. Здесь речь шла о Кольчужском стане Чердынского уезда [19, л. 24–25].

Вообще все суммы, которые не платили крестьяне, обычно составляли до 1 рубля. Редкий случай – Семен Полин – 3 руб. 3 коп. [19, л. 28]. Возможно, к 1756–1757 гг. (датировка документов) Семена Полина уже несколько лет не было в живых.

Обратимся к региональным исследованиям для проведения некоторых параллелей с фискальной политикой в Прикамье. Е.П. Кузьмин отмечает, что основное место среди документов воеводской канцелярии занимали напоминания, регламентация способов и путей сборов налогов, а также выбивание недоимок и прямые угрозы представителям местного управления [15]. В Марийском крае податное население терпело значительные убытки, хроническими становились недоимки по платежам. Убыль местного населения в первой четверти XVIII в. в разных уездах составила от одной четверти до двух третей учтенных во время переписей ясачных дворов и жителей Марийского края. «Непосильные казенные подати и повинности явились важнейшей причиной того, что ясачная марийская деревня в первой четверти XVIII в. была разорена» [11, с. 109].

В Прикамье и отдельных центральных уездах ситуация складывалась иначе. Как показывают исследования автора статьи, на территории Прикамья недоимочность не пре-

вышала 10 % от всей суммы сборов [14, с. 85]. По данным Е.С. Корчминой, система сбора недоимок «строилась не на насилии, а в первую очередь на угрозе насилия, поскольку посылки солдат положительно сказывались на уплате недоимок», а тяжесть подушной подати в России по сравнению с прямым налогом обложением в Англии и Франции была значительно (11 %), но на протяжении 1732–1754 гг. сохранялся высокий процент ее уплаты [13, с. 21].

С позиции рассмотрения указанных фискальных процессов как результата формирования российского военно-фискального государства в XVIII в., можно обнаружить сходство финансовых механизмов Российской империи и европейских стран. Это появление чрезвычайных налогов, рост косвенных сборов в соотношении с прямыми налогами, использование кредитов и увеличение доли военных расходов в бюджете страны [9, с. 70]. Подушная подать явилась в данном случае следствием необходимости увеличения сборов за счет привлечения всех налогово-финансовых ресурсов и установления для большинства налогоплательщиков единой окладной единицы. Данная фискальная система вполне себя оправдала, если судить об ее эффективности по выигранным войнам.

На протяжении XVIII в. не происходило резких изменений социальной структуры населения Соликамского, Кунгурского и Чердынского уездов. Зачастую у местного населения (независимо от социального статуса) не было намерения и возможности платить абсолютно все сборы вовремя. Несмотря на недовольство населения и задержки с уплатой налогов, предпринятые воеводами меры обычно давали результаты – окладные и неокладные сборы поступали в казну вовремя (об этом свидетельствует сбор большей части налогов) [14, с. 85].

В указе Соликамской воеводской канцелярии от 9 января 1762 г. о взыскании государственной подушной недоимки на 1760 г. упоминаются невыплаты черносошных, монастырских и помещичьих (в данном случае Строгановских) крестьян, а также необходимость «особливо с купечества сорокоалтынные и с них накладные двукопеечные деньги собирать, а именно на первую в январе,

феврале и марте половину, на вторую половину с сентября по декабрь месяц недоимки» [7, л. 2]. Составители документа требовали, «собрав те деньги, отсылать в провинциальную канцелярию», но их настойчивые просьбы были проигнорированы.

Помимо обязательных налогов, местное население страдало от многочисленных негласных сборов – так называемых кормлений, которые платились еще до петровских реформ. Записи в Соликамской тетради выборных сборщиков наводят на размышления о том, что «почести» для руководства и во второй половине XVIII в. были делом привычным. Между сообщениями о собранных недоимках и мирских деньгах появляется запись: «Еще снесено господину прапорщику в почесть на Половодове рубль» [7, л. 5]. Аналогичная запись появляется в тетради расходов [7, л. 19].

Помимо недовольства населения, воеводы сталкивались и с такой распространенной в прошлом проблемой, как нехватка кадрового состава [8, с. 47]. Для обеспечения сбора налогов на большой территории Прикамья и своевременного представления отчетности этих кадров – даже с учетом выборных людей, бывало недостаточно. В архивах имеются документы с жалобами на увеличение объема приказных дел и несоответствие ему числа подьячих в избах. К жалобам воевод иногда присоединялось местное население с просьбой о назначении сотрудника в штат [34, л. 1].

Результатом становились директивные распоряжения канцелярии о присылке новых подканцеляристов. Недостаток численности местная канцелярия восполняла, отправляя запросы на перевод новых сотрудников в свой штат. Из рапорта Уфимской провинциальной канцелярии, пригорода Осы, стало известно, что подканцелярист Иван Зинов 5 сентября 1777 г. умер, а «в производстве письменных дел учинилась остановка» [33, л. 28]. На его место попросили нового специалиста из Мензелинска, потому что там трудилось два канцеляриста, Василий Суворов и Никита Пилецкий, «и еще копеист один». В результате Никита Пилецкий был отправлен «для исправления дел по получении того указа немедленно и не принося никаких отговорок и которые ни по чему приняты не будут в Осинскую вое-

водскую канцелярию» и определен к делам с распиской [33, л. 28].

Впрочем, традиционная проблема нехватки средств для жалования служащим существовала не только на территории Урала. В Сибири в XVIII в. дела с выплатой заработной платы сотрудникам канцелярии также обстояли не лучшим образом. Д.А. Ананьев пишет о том, что жалования традиционно не хватало, а «кормление от дел» вызывало недовольство местного населения [1, с. 167].

Воеводская администрация стремилась увеличить число налогоплательщиков за счет записи в подушный оклад. В указе уже упомянутому поручику Теряеву, который ведал подушным сбором в 1741 г., было записано следующее: «Села Карагайского Тихоновской церкви престарелого попа Павла внука ево Матвея Савина сына... которые у присяги не были писать в подушный оклад и платежом того окладу причислить уездных вотчинам где кто жительство имеет или в других куда пожелает, а городские к посадам и с детьми» [31, л. 9]. Церковников в итоге записали в подушный оклад. Далее в документе упоминается и соседний Кунгур. Некий Матвей Бельтюков был «смотрен» на военную службу. Оказалось, что он «за тупостью негоден» [31, л. 9 об.], поэтому его записали с сыновьями в подушный оклад. Так местные воеводы участвовали в увеличении численности налогоплательщиков и, соответственно, доходов государства.

Результаты. Воеводская канцелярия местных уездов практиковала различные способы борьбы с недоплатой налогов в Прикамье. Местные воеводы были вынуждены проводить строгий учет финансовых поступлений, поскольку воеводский наказ 1728 г. обращал особое внимание уездных администраторов на сбор и доставку денежных средств, а также натурального налога. Воеводы Соликамской, а впоследствии Пермской канцелярии понимали, что отсутствие строгой отчетности по налогам и неприсылка денежных сборов будет поставлена им в вину. Богатая территория с различными категориями податного населения, заводской промышленностью и развитыми соляными промыслами приковывала внимание вышестоящей канцелярии в Казани. Конфликтовать с губернаторским началь-

ством по поводу невыполнения собственных обязанностей было для воевод не лучшим вариантом (в том числе и для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице). Поэтому уездные администраторы в рамках ответственных им полномочий прилагали все возможные усилия для своевременного сбора и отправки налоговой отчетности и денежных средств. По сравнению с другими территориями в составе Российской империи (например, марийские земли), местное население оказывалось вполне платежеспособным. Если происходил сезонный отток крестьян в силу естественных причин (найм в работу) и часть вина не распродавалась, уездная канцелярия после многочисленных расследований могла пойти навстречу налогоплательщикам и списать недоимку через обращение в вышестоящие органы. В ходе исследования были выделены и раскрыты наиболее распространенные способы взыскания налогов:

– давление на мирских выборных людей с целью более оперативного и полного взыскания недоимок и сборов по основным налогам. В случае отсутствия должников канцелярия могла «доправить» платежи на сборщиках. Это не распространялось на крупные суммы (например, долги солепромышленников исчислялись тысячами);

– содержание под стражей до выплаты денежных средств. На такие меры воеводская канцелярия обычно шла после неоднократных напоминаний о скорейшей присылке штрафных денег;

– направление нарочных на конкретные территории. Нарочные обладали инструкциями, по которым могли «лучших людей держать под караулом» до выплаты последними недостающих денег или штрафов;

– присылка солдат и команды для взысканий. В первом случае население могло не подвергнуться наказанию. В случае сопротивления властям, как показала практика, применялись насильственные действия;

– самым простым способом, которым пользовались и вышестоящие органы (канцелярия в Казани), была присылка указов и промеморий с напоминаниями и угрозами. Зачастую это оказывалось бесполезным.

Таким образом, методы борьбы с неплатежами были очень разнообразными. Это по-

зволяло местным канцеляриям работать с неплательщиками и пополнять уездную казну за счет постоянных налогов и штрафов, налагаемых на налогоплательщиков в случае недоимочности или несвоевременной отправки налоговой отчетности. В итоге местные воеводские канцелярии в исследуемом периоде справлялись со сбором налогов и взысканием недоимок по основным статьям доходов государства, применяя различные доступные способы давления на налогоплательщиков.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007 («Эффективность финансовой политики воеводской администрации Прикамья в XVII–XVIII вв.»).

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-60007 (“The effectiveness of the financial policy of the county administration of Prikamye in the 17th–18th centuries”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. / Д. А. Ананьев. – Новосибирск : Сова, 2005. – 264 с.
2. Анисимов, Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. / Е. В. Анисимов. – Л. : Наука, 1982. – 296 с.
3. Ведомость, составленная в Соликамской воеводской канцелярии по приказу Пермской провинциальной канцелярии о взыскании недоимок и недобора по городу Соликамску и уезду // Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. 651. – Оп. 1. – Д. 1. – 15 л.
4. Ведомость, учиненная в Пермской провинциальной канцелярии о недоимках по кабацким и канцелярским сборам за 1760 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 141. – 4 л.
5. Годовой рапорт за 1776 г. // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 510. – 41 л.
6. Годовой рапорт за 1780 г. // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 511. – 33 л.
7. Дело о взыскании государственной подушной недоимки // ГАПК. – Ф. 651. – Оп. 1. – Д. 2. – 60 л.
8. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М. : Наука, 1987. – 230 с.

9. Дмитриева, З. В. История российского налогообложения в XVI–XVIII вв. в контексте проблемы «налоги – войны» / З. В. Дмитриева, С. А. Козлов // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 62–74.

10. Записная тетрадь сбора недоимки по подушному окладу 1758–1759 гг. // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 502. – 12 л.

11. Иванов, А. Г. Государственные подати и повинности ясачных марийцев в конце XVII – первой четверти XVIII века / А. Г. Иванов // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 106–110.

12. Книга о приходе денежной казны Соликамскогобору // РГАДА. – Ф. 444. – Оп. 1. – Д. 28. – 26 л.

13. Корчмина, Е. С. Подушная подать: микроисследование по материалам Переславль-Рязанского уезда в середине XVIII века / Е. С. Корчмина // Экономическая история. – 2015. – № 2 (29). – С. 8–23.

14. Космовская, А. А. Эффективность налоговой политики Российского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII веках) / А. А. Космовская // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 4 (43). – С. 77–87. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87.

15. Кузьмин, Е. П. Воеводская власть и управление в Марийском крае в XVIII веке / Е. П. Кузьмин. – Saarbrücken : lap Lambert academic publishing, 2014. – 264 с.

16. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 573 с.

17. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб. : Книгоиздательство М. В. Пирожкова : Типография М. М. Стасюлевича, 1905. – 688 с.

18. Наказ губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. – 1728. – Т. 8, № 5333. – С. 94–112.

19. Наряд о сборе подушных денег // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 195. – 135 л.

20. О приходе, расходе и остатке денежной казны // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 238. – 95 л.

21. Окладная приходная кабацким и канцелярским сборам // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 158. – 88 л.

22. Приходная книга подушного и прочегобору // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 415. – 101 л.

23. Разные бумаги Соликамской провинциальной канцелярии // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 28. – 144 л.

24. Рапорт канцелярии о приходе и расходе разных сборов денежной казны // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 72. – 25 л.

25. Расходная книга Соликамской провинциальной канцелярии 1735 г. // РГАДА. – Ф. 444. – Оп. 1. – Д. 115. – 160 л.

26. Сведения о числе умерших душ мужского пола, состоящих в подушном окладе по переписи 1762 г. в вотчине Г.Н. Строганова, представленные в канцелярию воеводским поверенным // ГАПК. – Ф. 651. – Оп. 1. – Д. 4. – 7 л.

27. Счет о приходе и расходе денежной казны // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 160. – 72 л.

28. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тилли ; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.

29. Троицкий, С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1966. – 272 с.

30. Указы // РГАДА. – Ф. 955. – Оп. 1. – Д. 13. – 17 л.

31. Указы, доношения и дела о сборе подушных денег // РГАДА. – Ф. 576. – Оп. 1. – Д. 445.

32. Указы, промемории // РГАДА. – Ф. 955. – Оп. 1. – Д. 3. – 36 л.

33. Указы Чердынской воеводской канцелярии в Осинскую воеводскую канцелярию // ГАПК. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 2. – 36 л.

34. Царская грамота в Кунгур стольнику и воеводе Федору Ивановичу Сухотину об утверждении сына бывшего подьячего кунгурской приказной избы Федора Медведевского в должности, которую занимал его отец // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 152. – 2 л.

35. Hellie, R. Russia, 1200–1815 / R. Hellie // The Rise of the Fiscal State in Europe, Circa 1200–1815. – Oxford : Oxford University Press, 1999. – P. 481–506.

REFERENCES

1. Anan'ev D.A. *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [Voevod Office of Siberia in the XVIII Century]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005. 264 p.

2. Anisimov E.V. *Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoy podati v Rossii, 1719–1728 gg.* [Subsequent Reform of Peter I. Introduction of the Poll Tax in Russia, 1719–1728]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 296 p.

3. *Vedomost, sostavlennaiia v Solikamskoi voevodskoi kantseliarii po prikazu Permskoi provintsialnoi kantseliarii o vyzskanii nedoimok i nedobora po gorodu Solikamsku i uезду* [A Statement Compiled in the Solikamsk Voivodship Office on the Orders of the Perm Provincial Office on the Recovery of Arrears and Shortages in the City of Solikamsk and

the County]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia* (GAPK) [Perm State Archives], f. 651, op. 1, d. 1. 15 l.

4. Vedomost, uchinennaia v Permskoi provintsialnoi kantseliarii o nedoimkakh po kabatskim i kantseliarskim sboram za 1760 g. [A Statement Compiled in the Perm Provincial Chancellery on Arrears of Wine and Clerical Fees for 1760]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 439, op. 1, d. 141. 4 l.

5. Godovoi raport za 1776 g. [Annual Report for 1776]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 510. 4 l.

6. Godovoi raport za 1780 g. [Annual Report for 1780]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 511. 3 l.

7. Delo o vyzskanii gosudarstvennoi podushnoi nedoimki [The Case of the Recovery of State Per Capita Arrears]. *GAPK* [Perm State Archives], f. 651, op. 1, d. 2. 60 l.

8. Demidova N.F. *Sluzhilaia biurokratiia v Rossii XVII v. i ee rol v formirovanii absolutizma* [Serving Bureaucracy in Russia XVII Century and Its Role in the Formation of Absolutism]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 230 p.

9. Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Istorija rossijskogo nalogooblozhenija v XVI–XVIII vv. v kontekste problemy «nalogi – vojny» [The History of Russian Taxation in the XVI–XVIII Centuries in the Context of the «Taxes – War» Problem]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 3, pp. 62–74.

10. Zapisnaia tetrad sbora nedoimki po podushnomu okladu 1758–1759 gg. [Notebook for Collection of Arrears in the Salary of 1758–1759]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 502. 1. 12.

11. Ivanov A.G. Gosudarstvennye podat' i povinnosti jasachnyh marijcev v konce XVII – pervoj chetverti XVIII veka [State Taxes and Duties of the Yasak Mari in the Late XVII – First Quarter of the XVIII Century]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 106–110.

12. Kniga o prikhode denezhnoi kazny Solikamskogo sboru [A Book About the Arrival of the Monetary Treasury of the Solikamsky Collection]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 444, op. 1, d. 28. 26 l.

13. Korchmina E.S. Podushnaia podat': mikroissledovanie po materialam Pereslavl'-Riazanskogo uezda v seredine XVIII veka [The Poll Tax: Microanalysis on the Materials of the Pereslavl'-Ryazansky County in the Middle of the XVIII]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2015, no. 2 (29), pp. 8–23.

14. Kosmovaia A.A. Effektivnost' nalogovoi politiki Rossijskogo gosudarstva (problemy

nedoimochnosti v Solikamskom uezde v XVII–XVIII vekakh) [Effectiveness of Russian Tax Policy (the Problem of Tax Arrears in Solikamsk Uezd in the 17th and 18th Centuries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 2018, no. 4 (43), pp. 77–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87.

15. Kuz'min E.P. *Voevodskaja vlast' i upravlenie v Marijskom krae v XVIII veke* [Voivodeship Power and Management in the Mari Territory in the 18th Century]. Saarbrücken, Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 264 p.

16. Milov L.V. *Velikorusskii pakhar i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 573 p.

17. Milyukov P.N. *Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [State Economy of Russia in the First Quarter of the XVIII Century and the Reform of Peter the Great]. Saint Petersburg, Knigoizdatel'stvo M.V. Pirozhkova; Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1905. 688 p.

18. Nakaz gubernatoram i voevodam i ih tovarishham, po kotoromu oni dolzhny postupat' [The Order to Governors and Governors and Their Comrades, According to Which They Must Act]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Meeting], 1728, vol. 8, no. 5333, pp. 94–112.

19. Nariad o sbore podushnykh deneg [Outfit on Collecting Per Capita Money]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 195. 135 l.

20. O prikhode, raskhode i ostatke denezhnoi kazny [On the Income, Expense and Balance of the Money Treasury]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 238. 95 l.

21. Okladnaia prikhodnaia kabatskim i kantseliarskim sboram [Payroll Book for Wine Taxes and Clerical Taxes]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 158. 88 l.

22. Prikhodnaia kniga podushnogo i prochego sboru [The Entry Book of the Poll and Other Collection]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 415. 101 l.

23. Raznye bumagi Solikamskoi provintsialnoi kantseliarii [Various Papers of the Solikamsk Provincial Office]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 28. 144 l.

24. Raport kantseliarii o prikhode i raskhode raznykh sborov denezhnoi kazny [The Report of the Chancellery on the Income and Expenditure of Various Fees of the Money Treasury]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 72. 25 l.

25. Raskhodnaia kniga Solikamskoi provintsialnoi kantseliarii 1735 g. [The Account Book of the Solikamsk

Provincial Office of 1735]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 444, op. 1, d. 115. 160 l.

26. Svedeniia o chisle umershikh dush muzhskogo pola, sostoiashchikh v podushnom oklade po perepisi 1762 g. v votchine G.N. Stroganova, predstavlennye v kantseliarii vovodskim poverennym [Information on the Number of Deceased Male Souls, Consisting of a Capitation Salary According to the Census of 1762 in the Estate of G.N. Stroganov, Presented to the Office of the Voivode Attorney]. *GAPK* [Perm State Archives], f. 651, op. 1, d. 4. 71.

27. Schet o prihode i rashode denezhnoj kazny [Account on the Income and Expenditure of the Money Treasury]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 160. 72 l.

28. Tilli Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992]. Moscow, Izdatelskii dom «Territoria budushchego», 2009. 328 p.

29. Troitskii S.M. *Finansovaia politika russkogo absolutizma v XVIII veke* [The Financial Policy of Russian Absolutism in the 18th Century], Moscow, Nauka Publ., 1966. 272 p.

30. Ukazy [Decrees]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 955, op. 1, d. 13. 17 l.

31. Ukazy, donosheniia i dela o sbore podushnykh deneg [Decrees, Reports and Cases on

the Collection of Per Capita Money]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 576, op. 1, d. 445.

32. Ukazy, promemorii [Decrees, Promemorii]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], F. 955, Op. 1, D. 3. 36 l.

33. Ukazy Cherdynskoi vovodskoi kantseliarii v Osinskuiu vovodskuiu kantseliarii [Decrees of the Cherdynskoye Voivodship Office to the Osinskaya Voivodship Office]. *GAPK* [Perm State Archives], f. 86, op. 1, d. 2. 36 l.

34. Carskaja gramota v Kungur stol'niku i vovode Fedoru Ivanovichu Suhotinu ob utverzhdenii syna byvshego pod'jachego kungurskoj prikaznoj izby Fedora Medvedevskogo v dolzhnosti, kotoruju zanimal ego otec [The Royal Letter to Kungur to the Stolnik and Governor Fedor Ivanovich Sukhotin on the Approval of the Son of the Former Clerk of the Kungur Order Hut Fedor Medvedevsky in the Post Held by his Father]. *Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk (NIA SPbII RAN)* [Scientific-Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 75, op. 1, d. 152. 21.

35. Hellie R. Russia, 1200–1815. *The Rise of the Fiscal State in Europe, Circa 1200–1815*. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 481–506.

Information About the Author

Anna A. Kosmovskaya, Candidate of Sciences (History), Researcher, Perm State Institute of Culture, Gazety «Zvezda» St, 18, 614000 Perm, Russian Federation; Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Perm State Pharmaceutical Academy, Polevaya St, 2, 614990 Perm, Russian Federation, akosmovskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

Информация об авторе

Анна Алексеевна Космовская, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Пермский государственный институт культуры, ул. Газеты «Звезда», 18, 614000 г. Пермь, Российская Федерация; доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермская государственная фармацевтическая академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, ул. Полевая, 2, 614990 г. Пермь, Российская Федерация, akosmovskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.7>

UDC 94(47).930.25
LBC 63.3(2)5

Submitted: 27.10.2019
Accepted: 09.04.2020

**FEMALE LABOR IN THE CENTRAL OFFICE
AND IN THE SAINT PETERSBURG BRANCH OF THE STATE BANK
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Vladimir V. Morozan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to a topic that has been insufficiently studied in Russian historiography – female labor in state institutions of Russia in the late 19th – early 20th centuries. The reader will find out how difficult it was to get into the ranks of the bank employees, what requirements were put forward by the leadership of this institution for candidates for a position at the Central Office and Saint Petersburg branch. *Methods and materials.* Based on archival materials the author examines the practice of recruiting women for service in the Central Office of the State Bank and its metropolitan branch. The author applies traditional methodological foundations: scientific objectivity, the systematic approach and historicism, as well as the general scientific method of structural and functional analysis. *Analysis.* The article focuses on the working conditions of women and their wages. It also provides some information about the social origin of women employees in the bank, their educational level. The author dwells on the changes in the practice of recruiting women in the early 20th century, especially during the First World War. It is important to note that the bank leadership's requirements for women employed have undergone tangible changes over the thirty years since their first recruitment. If at the first stage relatives of bank officials were mainly recruited into the main credit institution of the country, then by the First World War these conditions had substantially softened. The defining requirements were the educational level, personal qualities and discipline of persons who were members of the bank staff. It was these qualities that convinced the bank leadership of the equivalence of female labor in relation to male labor, especially after the mass recruitment of the latter into the army. *Results.* The processes of staffing the State Bank by women employees, considered in the article, convincingly indicate a gradual revision of the relationship traditionally seen in Imperial Russia to women as subjects of socio-economic life in society. It is important to note that these changes largely occurred not due to the struggle of women for their rights, but as a result of the economic development of the country, in which labor resources of the male part of the empire were more and more exhausted. This factor played a key role in attracting women to public service.

Key words: public service, State Bank, female labor, employees, officials.

Citation. Morozan V.V. Female Labor in the Central Office and in the Saint Petersburg Branch of the State Bank of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 95-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.7>

УДК 94(47).930.25
ББК 63.3(2)5

Дата поступления статьи: 27.10.2019
Дата принятия статьи: 09.04.2020

**ЖЕНСКИЙ ТРУД В ЦЕНТРАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ
И В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Владимир Васильевич Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученной в отечественной историографии теме – женскому труду в государственных учреждениях России в конце XIX – начале XX века. Автор на архивных материалах рассматривает практику приема на службу женщин в Центральное управление Государственного банка и его столичную контору. Особое внимание уделяется тому, как непросто было попасть в число служащих банка, какие требования выдвигались руководством этого учреждения к кандидатам на место в Центральном учреждении и Санкт-Петербургской конторе. В статье уделено внимание условиям труда женщин и их заработной плате. В ней также приводятся некоторые сведения о социальном происхождении служащих в банке женщин, их образовательном уровне. Автор рассматривает изменения в практике приема на службу женщин, происходившие в начале XX в., в особенности в годы Первой мировой войны. Важно отметить, что требования руководства банка к принимаемым на работу женщинам претерпели за тридцать лет с момента первого их набора ощутимые перемены. Если на первом этапе в состав главного кредитного заведения страны рекрутировались в основном родственницы чиновников банка, то к Первой мировой войне эти условия существенно смягчились. Определяющими требованиями стали образовательный уровень, личные качества и дисциплинированность лиц, вошедших в состав служащих банка. Именно эти качества убедили руководство банка в равноценности женского труда по отношению к мужскому, в особенности после массового призыва последних в действующую армию. Их уход вынудил Министерство финансов разрешить заменять ушедших на фронт мужчин женщинами не только во вспомогательных подразделениях, но и в операционных. Благодаря этому они стали занимать места в кассовом, учетно-ссудном и других подразделениях, где до войны могли служить исключительно мужчины.

Ключевые слова: государственная служба, Государственный банк, женский труд, служащие, чиновники.

Цитирование. Морозан В. В. Женский труд в Центральном управлении и в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 95–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.7>

Введение. Произошедшие за последние полтора столетия изменения в положение женщин в обществе, в частности в сфере труда, не могут быть незамеченными. Однако, вопреки переменам, равенство женщин и мужчин в разных отраслях народного хозяйства в полной мере еще не достигнуто. В частности, на это обратила внимание О.Ю. Голодец на открытии форума «Роль женщин в развитии промышленных регионов» в Новокузнецке: «Процент занятости женщин высок, но если говорить о заработной плате, то зарплата женщин в РФ составляет 70 % от средней заработной платы мужчин» [17]. В этой связи изучение правового и действительного положения женщин на государственной службе является актуальной и важнейшей задачей современной историографии. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть практику приема женщин на службу в Государственном банке, а также условия их труда. Происходившие в России в конце XIX – начале XX в. социально-экономические перемены требовали от царских властей привлекать к государственной службе все большее число образованных людей. Однако мужская часть общества не могла удовлетворить в полной мере эти тре-

бования, что вынуждало правительство принимать на службу женщин. Особенно сильно этот процесс ускорился в годы Первой мировой войны. Объективно именно эти факторы играли определяющую роль в смене кадровой политики государства. Женское же движение за свои права еще не достигло в конце XIX – начале XX в. в России такого масштаба и влияния, чтобы существенно влиять на правительственную политику в этой сфере.

Историография и источники. Отметим, что отечественная историография богата историко-экономической литературой. Не обделено вниманием исследователей и банковское дело, учитывая исключительную роль этой отрасли в развитии народного хозяйства Российской империи [2; 8]. Вместе с тем интерес к истории кредитных учреждений всегда был односторонним, сосредоточенным на динамике развития этой отрасли, ее месте в общеэкономическом пространстве страны, политике правительства в этой сфере. В большом массиве литературы мы не найдем сколько-нибудь достаточных сведений о внутреннем устройстве отдельных банковских заведений, функциональных обязанностях их отдельных подразделений, составе их

служащих, условиях их труда, в том числе и женского.

Между тем тема женского труда в Российской империи освещена во многих отечественных исследованиях. В дореволюционные годы эта проблематика рассматривалась в основном в социально-экономическом и юридическом аспектах, являясь частью так называемого большого «женского вопроса». Впрочем, говоря о женском труде в императорской России, исследователи предпочитали анализировать правовые основы регламентации женского труда, степень его правовой защищенности. При этом отмеченный анализ, как правило, касался занятости женщин в фабрично-заводской среде [10; 12]. Служба же в государственных учреждениях редко входила в круг интересов исследователей. К примеру, книга А.М. Полянского содержала в себе лишь выдержки из различных законодательных актов о регламентации государственной службы женщин [15]. В советской историографии роль женщины-рабочей была куда более важной, нежели положение женщины-служащей. Таким образом, трудовое участие этой части российского населения в государственных учреждениях страны оставалось крайне слабо изученным до недавнего времени. С выходом в свет в последние десятилетия ряда работ по выбранной нами теме наметился определенный прогресс в изучении женского труда в государственных учреждениях [20–22]. Среди многочисленных исследований начала XXI в. встречаются как сочинения общего характера о государственной службе женщин, так и работы, освещающие деятельность дам в отдельных казенных заведениях империи [3; 6; 7; 23].

Примечательно, что в перечне исследований о службе женщин есть и сочинение об их работе в Государственном банке [9]. Справедливости ради надо отметить, что автор лишь вскользь касается дореволюционного периода, акцентируя основное внимание на советском периоде. При этом у читателя создается впечатление, что женщины не служили в Государственном банке до 1911 года.

Методы. Автор не ставил перед собой конкретную задачу противопоставлять «мужское» и «женское» в банковском деле России конца XIX – начала XX века. Однако, иссле-

дуя социальные и экономические проблемы женщин, историк неизбежно противопоставляет их тем же проблемам мужчин. Тем не менее автор не является сторонником гендерного метода, основывая свои исследования на традиционных методах – объективном и системном анализе конкретно-исторических процессов в российском обществе отмеченного периода. В настоящей работе были использованы законодательные и нормативные акты, регламентировавшие правила приема на службу женщин. Основой же статьи стали архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива, в частности делопроизводственные документы Центрального управления Государственного банка (фонд 587) и Санкт-Петербургской конторы того же банка (фонд 588). Привлеченные материалы убедительно доказывают, что женщины стали частью личного состава банка задолго до указанного года.

Анализ. Среди многочисленных ведомств Российской империи конца XIX в. только немногим было предоставлено право принимать на службу женщин. Государственный банк был одним из таких привилегированных в этом отношении казенным заведением, в котором женщинам можно было занимать должности с правом государственной службы, хотя эти должностные права на самих женщин до 1916 г. не распространялись. Согласно решению Совета министров, женщинам, служившим в государственных учреждениях, было предоставлено право государственной службы без чинопроизводства. Это решение позволило государственным институтам более широко использовать женский труд. Однако в конце XIX в. к числу тогда еще немногочисленных ведомств с правом найма женщин на службу относились Государственный контроль и Департамент таможенных сборов. Отметим, что российское законодательство начала XX в. не предоставляло женщинам право занимать штатные должности в государственных учреждениях, а лишь допускала их прием по вольному найму. Они также были лишены возможности до 1916 г. получать пенсию после завершения службы. С учреждением Государственной думы вопрос о правах женщин рассматривался неоднократно, однако принципиальных решений по этому вопро-

су так и не было принято. Лишь в 1915 г. Совет министров своим постановлением от 12 февраля разрешил предоставлять женщинам права государственной службы.

Отметим, что Государственный банк в начале XX в. стал активно расширять перечень профессий, которые могли осваивать женщины. Особенно охотно они стали приниматься на службу в банк после 1911 года. С изданием циркуляра № 13 от 20 января отмеченного года глава Государственного банка расширил возможности женщин занимать различные должности как во вспомогательных подразделениях, так и в операционных [18]. Однако, как отмечалось выше, права государственной службы на них не распространялись. Они продолжали занимать различные места в этом учреждении как вольнонаемные работницы. Чаще всего женщины относились к вспомогательному персоналу, находясь в должности грифовальщиц, машинисток, счетчиков. Во втором десятилетии XX в. их охотно принимали на должности по оплате облигационных купонов или в кладовые для пересчета денежных купюр, кассирами. Однако основная масса женщин работала в Грифовальном отделении: занимались проставлением номеров в кредитных билетах и наносили вторую факсимильную подпись с помощью станков.

В целом Государственный банк не испытывал острого недостатка в наборе новых служащих. Желающих работать в этом учреждении как мужчин, так и женщин было немало. Однако большинство просителей не имело достаточной подготовки для работы в Государственном банке. Возможно, по этой причине многие пользовались рекомендательными письмами, чтобы убедить руководство этого учреждения в их способности освоить новую профессию. Как правило, в этих рекомендательных записках перечислялись основные достоинства и качества претендентов на службу в банке. При этом рекомендациями пользовались как те, кто претендовал на должность с высоким разрядом, так и те, кто хотел занять скромные места в отмеченном заведении. В частности, в октябре 1897 г. к управляющему С.-Петербургской конторы обратился управляющий Конторой двора великого князя Владимира Александровича М.Ф. Соловьев с просьбой принять на служ-

бу вдову коллежского асессора Анну Васильевну Баранову. Соловьев ходатайствовал перед руководством конторы от имени великой княгини Марии Павловны. На эту просьбу А.Р. Вернандер ответил, что вакансий в его подразделении банка нет, что к 15 октября 1897 г. в конторе уже лежали 400 прошений от женщин о приеме на службу. Всего же в этом филиале было 18 должностей, где могли служить женщины. По этой причине он мог ее зачислить лишь кандидаткой на службу [1].

Впрочем, было Грифовальное отделение, которое относилось к ведомству Экспедиции заготовления государственных бумаг. В этом подразделении служили несколько десятков женщин, статус которых четко не был определен. Формально эта категория служащих относилась к вышеупомянутой Экспедиции, которая была командирована в распоряжение Государственного банка. Однако сам персонал отделения принимался на службу руководством банка и жалование получал также в нем. Фактически Грифовальное отделение относилось к числу самых старых подразделений банка с женским персоналом. Массовый набор женщин в нем стал производиться в 1887 году. Так, по словам директора Отдела кредитных билетов, в Грифовальном отделении по штату должны были работать в 1909 г. 82 служащих женского пола (в действительности служили 79 женщин при 3 вакансиях). Еще 35 человек были счетчиками и 98 командированными из Экспедиции заготовления государственных бумаг. Всего свыше 200 человек (мужчин и женщин) служили под началом бригадирши-контролера Софии Ивановны Вильчевской [5]. Она работала в должности заведующего отделением с 4 ноября 1887 г., к моменту приема на службу была вдовой чиновника Государственного банка. В 1916 г., согласно положению Совета министров от 12 февраля 1915 г., С.И. Вильчевская получила право государственной службы. За долгие годы в Грифовальном отделении она потеряла здоровье и 1 апреля 1917 г. по прошению была уволена. Примечательно, что в своем прошении об увольнении она просила предоставить ей пенсию за многолетнюю службу. Однако в пенсии ей было отказано по причине отсутствия полного среднего образования [11]: она училась в Мариинской женской гимназии,

но ее не окончила. Интересно и то, что в банке долгое время служебные квартиры предоставлялись исключительно мужчинам. Однако в 1909 г. по просьбе директора Отдела кредитных билетов С.И. Вильчевская смогла поселиться в отдельную квартиру в здании банка.

Впрочем, еще в 1908 г. в угловом доме банка в квартиру № 50, которая временно была свободна, поселили кассиршу С.-Петербургской конторы и прачку при столовой Государственного банка. Квартира состояла из 4 комнат и маленькой кухни. Всего 25 кв. саж. Позднее, когда потребовалась отмеченная квартира для одного из чиновников конторы, кассиршу Н.Н. Глушкову переселили в казарменный корпус, где ей отвели 2 комнаты в помещении № 12. Должность же прачки, по исключительно экономическим причинам, и вовсе было решено упразднить. Формально вопрос об упразднении должности прачки возник в связи с надобностью в 3 комнатах для нужд электростанции. Однако, подсчитав расходы на стирку, Хозяйственный комитет решил сэкономить на прачечном деле. Так, вся стирка столового белья состояла из 200 пудов в год. Она обходилась банку в 1 200 руб. в год, или около 6 руб. за пуд. По расчетам же руководства хозяйственной частью, пользоваться сторонними услугами по стирке белья было выгоднее. В частности, такие заказы могли поручить Убежищу имени Е.М. Ольденбургской «Гигиена», которое брало за пуд белья 2 рубля. Прачка же получала по 30 руб. в месяц, занимая в банковском доме 2 комнаты и кухню. На ее работу уходило до 4 саж. дров в месяц по 6 руб. 25 коп., кроме того, на электрическое освещение уходило до 5 руб. в месяц [25].

В первое время при приеме женщин на службу руководство банка отдавало предпочтение родственникам чиновников этого заведения, в основном их вдовам и дочерям. На это, в частности, обращал внимание Э.Д. Плеске в своем ответе товарищу министра народного просвещения князю М.С. Волконскому. Князь просил принять на службу воспитанниц Елизаветинского института Марию Александрову и Елену Некрасову. Однако управляющий ответил, что банк «оказывал предпочтение вдовам, дочерям и сиротам служащих банка, по сему, хотя гг. Александрова и Некрасова и включе-

ны в список кандидаток, но я, к крайнему сожалению, не могу и приблизительно определить время, когда буду в состоянии исполнить ваше, милостивый государь, желание» [27].

В действительности «барышням», как их было принято называть в банке, войти в состав служащих этого учреждения было крайне сложно. Желающих было чрезвычайно много, а мест, куда определяли женщин, было мало. Родственницы чиновников банка ждали месяцами вакансий, порой более года, нередко их ожидание было напрасным. Так, 6 июля 1892 г. к управляющему банка обратилась вдова надворного советника Каэтана Осиповича Адамовича с просьбой принять на службу ее дочь Викторию. «Муж мой... – писала просительница, – служил 35 лет в Государственном банке чиновником особых поручений. После его смерти я осталась без средств и получаю пенсию 250 руб. в год. При мне осталась дочь девица Виктория Каэтановна. При нынешней дороговизне не мыслю существовать на такие средства, поэтому и обращаюсь к вашему превосходительству с нижайшей просьбой, не найдете ли вы возможность принять дочь мою на службу в Грифовальный отдел» [16]. Управляющий наложил на прошение резолюцию – «Записать кандидатом». Однако из архивных документов следует, что Виктория Адамович так и не поступила на службу в банк.

Для поступления на службу женщинам нужно было иметь среднее или высшее образование. В таблице 1 приводится список лишь части тех женщин, которые обратились в 1896–1901 гг. в Государственный банк с просьбой зачислить их в состав служащих С.-Петербургской конторы. Перечисленные фамилии дают представление о разнообразии социальных статусов женщин, подавших прошения о приеме на службу в столичное подразделение банка.

Примечательно, что с началом XX в. в различных подразделениях С.-Петербургской конторы Государственного банка стали образовываться Женские отделы, куда принимали исключительно дам. Отмеченные отделы носили в основном вспомогательный характер и были предназначены облегчить труд чиновников-мужчин, которые в производстве отдельных операций были менее внимательные и добросовест-

ные. Так, в Женском отделе (его еще называли Купонным отделом) Отделения вкладов на хранение работали 43 женщины. В таком составе он действовал с 1 января 1911 г., занимаясь пробивкой (аннулированием) платежных документов и заделкой купонов. Объемы производимых работ были столь велики в этом подразделении, что число служивших в нем лиц постоянно увеличивалось, в частности: в 1909 г. – на 4 человека; в 1911 г. – на 4 человека. До организации этого отдела резкой купонов от вкладов на особых основаниях занимались мужчины-артельщики при кладовой Отделения вкладов на хранение. Впрочем, артельщики продолжали служить в этом подразделении в числе 13 чело-

век и после приема женщин. При этом они осуществляли эту операцию по вечерам, в сверхурочное время и за особую плату. В таблице 2 приведен штат Женского отдела с указанием общего расхода по его содержанию. К примеру, 1 января 1909 г. в Отделении вкладов на хранение служили 183 чиновника, среди них 35 женщин. К началу же Первой мировой войны в нем были заняты около 600 человек, среди которых 50 женщин в Отделе оплаты купонов, еще 50 артельщиков занимались кассовой работой, охраной кладовых и хранением вкладов. Женщины в отделе занимались перечетом и сортировкой разменных марок и казначейских знаков.

Таблица 1. Перечень женщин, подавших прошение о приеме на службу или переводе на другие должности в 1896–1901 гг.

Table 1. List of women who applied for recruitment or reassignment in 1896–1901

№ п/п	Год подачи прошения	Просительницы
1	1896	Жена коллежского секретаря Анисья Павловна Анохина
2	1896	Дочь умершего 28 марта 1896 г. старшего врача Охтинского порохового завода Любовь Александровна Бертельс
3	1897	Дочь крестьянина Надежда Петровна Абакумова
4	1897	Дочь потомственного дворянина Таисия Васильевна Александрова. Окончила в 1897 г. полный курс Мариинского института
5	1897	Евдокия Александровна Алексеева
6	1897	Дочь коллежского асессора Вера Ахапкина. Окончила гимназию
7	1897	Дочь действительного статского советника София Александровна Баландина
8	1897	Вдова коллежского асессора Анна Васильевна Баранова
9	1897	Дочь титулярного советника Конкордия Михайловна Барт. Служила в главной бухгалтерии Николаевской железной дороги
10	1897	Вдова штабс-капитана Ольга Васильевна Бернад. Осталась с пятью малолетними детьми от 1 до 8 лет. Муж прослужил в банке всего 17 лет. Получала небольшую пенсию
11	1897	Дочь статского советника Лидия Адольфовна фон-Бодунген. Окончила с золотой медалью гимназию Ставиского
12	1897	Дочь подполковника Глафира Бажанова
13	1898	Дочь чиновника особых поручений Министерства финансов, статского советника Елизавета Александровна Александрова. Окончила гимназию. Состояла на службе в кредитном отделении Государственного банка четвертый год в должности грифовщицы. Отмеченная работа требовала значительную физическую силу и была крайне вредна для здоровья. Просили перевести на должность счетчицы того же отделения
14	1898	Мария Порфирьевна Барыкова. Служила несколько лет в конторе Балтийско-Псковско-Рижской железной дороги и в правлении Общества Глебовских металлургических заводов (с 9 октября 1895 г. по 15 августа 1897 г.). Занималась техническими переводами с французского и английского языков
15	1898	Мария Петровна Бобровская, домашняя учительница
16	1899	Вдова инженера-технолога Вера Николаевна Бернадская, урожденная Тройницкая. Имела двух малолетних детей
17	1899	Дочь надворного советника Евгения Петровна Александрова. Окончила Петербургскую Литейную гимназию в 1892 году. Служила до этого в управлении Балтийско-Псковско-Рижской железной дороги

Примечание. Источник: [19].

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Год подачи прошения	Просительницы
18	1899	Дочь столоначальника Гродненской казенной палаты Вера Евдокимовна Андриевская (отец – статский советник Евдоким Павлович). Окончила гимназию. Поступила на службу в Экспедицию заготовления государственных бумаг. В течение 6 лет командирована в Государственный банк на должность грифовальщицы с жалованием в 25 руб. в месяц. Просила принять на службу кассиршей или счетчицей с жалованием 40 руб. в месяц. Просил о ней начальник ее отца, Иван Рыхлевский
19	1900	Дочь генерал-лейтенанта Ольга Ивановна Боголюбова. 5 лет служила в Центральном статистическом комитете МВД в переписной комиссии. Была уволена по сокращению штатов. Жила в Пскове
20	1900	Дочь надворного советника Нина Владимировна Авенариус. Окончила Петербургскую Коломенскую женскую гимназию
21	1900	Вдова подполковника Вера Николаевна Алымова
22	1900	Уроженка г. С.-Петербурга Юлия Александровна Андреева. Окончила Покровскую женскую гимназию в 1900 году
23	1900	Дочь священника Юлия Игнатъевна Анненская. Имела диплом домашней учительницы
24	1900	Вдова потомственного почетного гражданина Оттилия Георгиевна Анопова. Муж Александр Алексеевич Анопов служил 16 лет в Государственном банке бухгалтером
25	1900	Дочь коллежского асессора Ольга Афанасьева. Окончила С.-Петербургский Александровский институт
26	1900	Мария Матвеевна Бакина, домашняя учительница. Уроженка С.-Петербурга, дочь купца 1-й гильдии, родилась 26 июля 1872 г., православная. Получила домашнее образование, затем в частном пансионе Лебурде в С.-Петербурге. Сдала экзамены на звание домашней учительницы по французскому языку
27	1900	Паулина Юмаловна Барцевич, домашняя учительница. Окончила училище при римско-католической церкви Св. Екатерины. О ней хлопотала великая княгиня Елизавета Федоровна
29	1901	Дочь потомственного дворянина, действительного статского советника Александра Михайловна Андреева (отец – Михаил Петрович)
30	1901	Дочь отставного генерал-майора Вера Петровна Антонова. Отец просил устроить ее в Грифовальный отдел. Окончила Смольный институт в 1893 году
31	1901	Дочь коллежского советника Юлия Васильевна Атаева. Окончила гимназию

Таблица 2. Состав служащих в Женском отделе Отделения вкладов на хранение по числу лиц и по размеру окладов

Table 2. Composition of employees of the Women's department of the Deposit Division by the number of persons and salary amount

Размер оклада, руб.		Наименование должности	Число должностей	Годовой расход
В месяц	В год			
125	1 500	Заведующая	1	1 500
85	1 020	Помощница заведующей	1	1 020
75	900	Бухгалтер	1	900
62 ½	750	Старший контролер	9	6 000
60	720	Старшая резчица	1	720
50	600	Младший контролер	14	8 400
40	480	Резчица	17	8 160
<i>Всего</i>			44 чел.	26 700

Примечание. Источник: [13].

Отметим, что рабочая нагрузка на женщин в отделе была чрезвычайно высока, с тенденцией к ежегодному росту. Если в 1907 и 1908 гг. ими было отрезано 4 474 407 и 6 417 703 купонов соответственно по простому хранению вкладов и их управлению, то с введением в 1909 г. операции по вкладам на особых основаниях рост отрезанных купонов достиг 10 115 811 штук [13]. По примеру Отдела вкладов на хранение в 1912 г. был открыт Женский отдел в Учетно-ссудном отделении. В нем служили 4 барышни для производства статистических работ по вексельным операциям, которые ранее выполнялись чиновниками Отдела учета.

Положение дел с приемом на службу в банк женщин коренным образом изменилось с началом Первой мировой войны, когда служащие банка стали призываться в действующую армию. Так, с началом военных действий и до конца 1915 г. из Петроградской конторы были призваны 107 штатных чиновников, состоявшие на разных должностях с окладами от 600 до 3 000 руб. [14]. Нередко ушедших на фронт мужчин заменяли их жены, особенно в тех случаях, когда призванные в армию занимали низшие чины или вспомогательные должности. Так, в Отделении вкладов на хранение до 1914 г. работали 8 переплетчиков. С началом войны часть из них была призвана в армию. В частности, первым ушел на фронт Владимир Морозов. Его заменила жена Феодосия, которая хорошо была знакома с переплетным делом. Ранее она помогала мужу дома при выполнении частных заказов по переплетению книг. Как отмечал директор Отделения вкладов на хранение В.Э. Цеханов-

ский, Ф. Морозова была «послушлива, трудолюбива, весьма расторопна и сообразительная. Имела дома старушку мать и малолетних детей». В таблице 3 приводится состав переплетчиков Отделения и их заработная плата на 1917 год. Среди перечисленных лиц и 4 женщины, которые заменили ушедших на фронт мужчин.

Успешным оказался опыт по приглашению женщин исполнять обязанности кассиров. Так, в период Первой мировой войны контора активно сотрудничала с 1-й Петроградской женской артелью. Осенью 1915 г., когда штат кассовых сотрудников существенно поредел из-за призыва в армию мужчин, руководство конторы пригласило на работу «кассиш-артельщиц» в количестве 15 человек с оплатой по 50 руб. в месяц. Они занимались главным образом приемом и обработкой разменных марок [4]. Работа приглашенных артельщиц оказалась столь продуктивной, что управляющий Петроградской конторой, в виду усиленного притока марок, попросил разрешение у управляющего банком увеличить состав женщин кассиров с 1 февраля 1916 г. еще на 7 человек. А к началу 1917 г. из 1-й Петроградской женской артели были приглашены еще 30 дам.

Выше отмечалось, что руководство Государственного банка при приеме на службу женщин отдавало предпочтение тем, кто имел среднее или высшее образование. Так, в 1912 г. из 82 старших служащих женщин Грифовального отделения с жалованием от 480 до 1 500 руб. в год лишь 4 женщины имели домашнее образование, 2 – начальное образование, 1 – неоконченное среднее образование. Остальные окончили гимназии, реальные

Таблица 3. Состав переплетчиков Отделения вкладов на хранение в 1917 г.

Table 3. Composition of binders in the Deposit Division in 1917

Фамилия и имя	Время поступления на службу	Жалование, руб.	Добавочные вознаграждение за вечернее занятие, руб.
Кучин Петр	1886 г.	56	18
Киселев Михаил	1 июля 1900 г.	56	10
Стажков Михаил	17 июня 1902 г.	56	10
Терентьев Иван	1915 г.	46	10
Морозова Феодосия	Ноябрь 1915 г.	36	10
Гаврилова Клавдия	Июнь 1916 г.	56	–
Николаева Мария	Октябрь 1916 г.	46	–
Рогозина Варвара	Декабрь 1916 г.	46	–

Примечание. Источник: [26].

училища или институты. Весьма высок был среди женщин и социальный статус. В частности, в Грифовальном отделении служили лишь 5 женщин из мещанской среды, о чем указывалось в списке служащих. Большая часть работниц были дочерьми чиновников с чином от коллежского асессора до действительного статского советника. В отмеченном списке их сословная принадлежность не указывалась. Отцы двух служащих были генералами. В графе «сословное происхождение» лишь у 8 дам было написано, что они потомственные дворянки. Очевидно, их отцы просто не служили на государственной службе, посему вместо чина родителей была указана сословная принадлежность [24].

Результаты. Подводя итоги, отметим, что женский персонал личного состава Государственного банка относился к числу наиболее образованных служащих этого учреждения. Так, из 82 служащих Грифовального отделения Центрального управления лишь 4 человека имели домашнее образование и 2 начальное. Остальные окончили средние учебные заведения или институты. Отметим, что на протяжении почти тридцати лет приема на службу женщин в Государственный банк смягчалась практика пристрастного отбора этой категории лиц, которая предполагала наличие родственных связей с мужчинами, служившими в этом учреждении. К началу второго десятилетия XX в. таких женщин в числе личного состава Центрального управления и С.-Петербургской конторы было менее одной трети. Важно и то, что к началу Первой мировой войны это учреждение приобрело неоценимый опыт привлечения женщин к службе, благодаря чему кадровые потери в отдельных подразделениях банка, связанные с призывом мужчин в армию, быстро восстанавливались приемом на работу женщин. Примечательно и то, что замена выбывших мужчин женщинами не повлияла негативно на качество работы Государственного банка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Р. Вернандер – М.Ф. Соловьеву. 15 октября 1897 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 587. – Оп. 30. – Д. 39. – Л. 34.
2. Бовькин, В. И. Коммерческие банки Российской империи / В. И. Бовькин, А. Ю. Петров. – М. : Перспектива, 1994. – 352 с.
3. Гарбуз, Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. / Г. В. Гарбуз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 22–29.
4. Доклад Главного контроля Совету банка 10 марта 1916 г. // РГИА. – Ф. 588. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 25.
5. Докладная записка директора Отдела кредитных билетов Государственного банка. 21 февраля 1909 г. // РГИА. – Ф. 588. Оп. 4. – Д. 60. – Л. 142.
6. Еремина, Т. И. Государственная гражданская служба и «женский вопрос в Российской империи в XIX – начале XX вв. / Т. И. Еремина // Правозащитник. – 2017. – № 1. – С. 16.
7. Жаров, С. Н. Особенности кадровой политики правительства Российской империи в конце XIX – начале XX веков / С. Н. Жаров // История правопорядка. Юридическое наследие России. – 2015. – № 3 (6). – С. 83–86.
8. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б. В. Ананьич [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 667 с.
9. Крупинова, С. И. История службы женщин в Государственном банке / С. И. Крупинова // Деньги и кредит. – 2010. – № 3. – С. 56–59.
10. Литвинов-Фалинский, В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В. П. Литвинов-Фалинский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1904. – XXVI, [2], 344 с.
11. Личное дело С. И. Вильчевской // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 3. – Д. 478. – Л. 6.
12. Лунц, М. Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России : сб. ст. / М. Г. Лунц. – М. : Печ. дело, 1909. – XII, 384 с.
13. О смете на 1913 год на содержание личного состава С.-Петербургской конторы Государственного банка // РГИА. – Ф. 588. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 3.
14. О смете по содержанию личного состава Петроградской конторы Государственного банка на 1916 год // РГИА. – Ф. 588. – Оп. 2. – Д. 88. – Л. 13.
15. Полянский, А. М. Русская женщина на государственной и общественной службе : сб. постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности рус. женщин по службе, с прил. уставов и положений казен. и част. вспомогательных касс и о-в, услугами которых может пользоваться женщина / А. М. Полянский. – М. : С. Скимунт, 1901. – VI, 264, 499 с.
16. Прошение вдовы надворного советника Глафиры Александровны Адамович. 6 июля 1892 г. // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 30. – Д. 572. – Л. 10.

17. Революции не случилось: почему женщинам платят меньше // Газета.ru. – 2019. – 1 марта. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/01/12216187.shtml> (дата обращения: 25.10.2019). – Загл. с экрана.

18. Сборник циркулярных распоряжений Государственного банка, изданных за время с 1 августа 1893 г. по 1 января 1912 г. – СПб. : [б.и.], 1913. – 1200 с.

19. Сведения выбраны из дела: Прошения об определении на службу в банк // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 30. – Д. 839. – Л. 35.

20. Сердюк, В. А. Использование женского труда на железных дорогах Российской империи в 1860-е – 1880-е годы: социально-правовые аспекты / В. А. Сердюк // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодеж. науч. шк.-конф. (Новосибирск, 27–29 сент. 2018 г.). – Новосибирск : Изд.-полигр. центр Новосиб. нац. исслед. гос. ун-та, Ин-т истории СО РАН, 2018. – С. 356–361.

21. Сердюк, В. А. Первая женщина на железнодорожной службе Российской империи / В. А. Сердюк // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодеж. науч. шк.-конф. (Новосибирск, 14–16 сент. 2017 г.). – Новосибирск : Изд.-полигр. центр Новосиб. нац. исслед. гос. ун-та, Ин-т истории СО РАН, 2017. – С. 64–73.

22. Сердюк, В. А. Труд женщин на железных дорогах Сибири в период Первой мировой войны / В. А. Сердюк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (67). – С. 190–193.

23. Синова, И. В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX – XX вв. / И. В. Синова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 355–373.

24. Список женского персонала Грифовалянского отделения Отдела кредитных билетов Государственного банка // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 36. – Д. 67. – Л. 13–17 об.

25. Справка от 26 января 1917 г. // РГИА. – Ф. 588. – Оп. 2. – Д. 85. – Л. 8.

26. Справка Хозяйственного комитета конторы // РГИА. – Ф. 588. – Оп. 4. – Д. 60. – Л. 111.

27. Э.Д. Плеске – М.С. Волконскому. 29 декабря 1894 г. // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 30. – Д. 572. – Л. 1.

1897]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 30, d. 39, l. 34.

2. Bovykin V.I., Petrov A.Ju. *Kommercheskie banki Rossijskoj imperii* [Commercial Banks of the Russian Empire]. Moscow, Perspektiva, 1994. 352 p.

3. Garbuz G.V. Zhenshhiny na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v nachale XX v. [Women in Public Service in Russia in the Early 20th]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences], 2009, no. 2 (10), pp. 22-29.

4. Doklad Glavnogo kontrolja Sovetu banka 10 marta 1916 g. [Report of the Main Control to the Bank Council on March 10, 1916]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 2, d. 85, l. 25.

5. Dokladnaja zapiska direktora Otdela kreditnyh biletov Gosudarstvennogo banka. 21 fevralja 1909 g. [Report of the Director of the Credit Banking Department of the State Bank. February 21, 1909]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 4, d. 60, l. 142.

6. Eremina T.I. Gosudarstvennaja grazhdanskaja sluzhba i zhenskij vopros v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv. [The State Civil Service and the “Women’s Issue in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. *Pravozashhитnik* [Human Rights Activist], 2017, no. 1, p. 16.

7. Zharov S.N. Osobennosti kadrovoj politiki pravitel’stva Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX vekov [Features of the Personnel Policy of the Government of the Russian Empire in the Late XIX – Early XX Centuries]. *Istorija pravoporjadka. Juridicheskoe nasledie Rossii* [The History of Law and Order. The Legal Heritage of Russia], 2015, no. 3 (6), pp. 83-86.

8. Anan’ich B.V., Aref’eva M.I., Beljaev S.G. et al. *Kredit i banki v Rossii do nachala XX veka: Sankt-Peterburg i Moskva* [Credit and Banks in Russia Until the Beginning of the Twentieth Century: Saint Petersburg and Moscow]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 667 p.

9. Krupinova S.I. Istorija sluzhby zhenshhin v Gosudarstvennom banke [History of Women’s Service in the State Bank]. *Den’gi i kredit* [Money and Credit], 2010, no. 3, pp. 56-59.

10. Litvinov-Falinskij V.P. *Fabrichnoe zakonodatel’stvo i fabrichnaja inspekcija v Rossii* [Factory Legislation and Factory Inspection in Russia]. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1904. XXVI, [2], 344 p.

11. Lichnoe delo S.I. Vil’chevskoj [Personal file of S.I. Vilchevskaya]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 3, d. 478, l. 6.

REFERENCES

1. A.R. Vernander – M.F. Solov’evu. 15 oktjabrja 1897 g. [A.R. Vernander to M.F. Soloviev. October 15,

12. Lunc M.G. *Iz istorii fabrichnogo zakonodatel'stva, fabrichnoj inspekcii i rabochego dvizhenija v Rossii* [From the History of Factory Legislation, Factory Inspection and Labor Movement in Russia]. Moscow, Pechatnoe delo, 1909. XII, 384 p.

13. O smete na 1913 god na sodержanie lichnogo sostava S.-Peterburgskoj kontory Gosudarstvennogo banka [About the Estimate for 1913 for the Maintenance of Personnel of the St. Petersburg Office of the State Bank]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 2, d. 85, l. 3.

14. O smete po sodержaniju lichnogo sostava Petrogradskoj kontory Gosudarstvennogo banka na 1916 god [About the Estimate for the Maintenance of Personnel of the Petrograd office of the State Bank for 1916]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 2, d. 88. l. 13.

15. Poljanskij A.M. *Russkaja zhenshhina na gosudarstvennoj i obshhestvennoj sluzhbe: sb. postanovlenij i rasporyazhenij pravitel'stva, opredel'jajushhijh prava i objazannosti rus. zhenshhin po sluzhbe, s pril. ustavov i polozhenij kazennyh i chastnyh vspomogatel'nyh kass i o-v, uslugami kotoryh mozhet pol'zovat'sja zhenshhina* [Russian Woman in State and Public Service. A Collection of Government Decrees and Instructions Defining the Rights and Obligations of Russian Women in Service, with the Appendix of the Charters and Regulations of State and Private Auxiliary Cash Desks and Islands, the Services of Which a Woman Can Use]. Moscow, S. Skirmunt, 1901. VI, 264, 499 p.

16. Proshenie vdovy nadvornogo sovetnika Glafiry Aleksandrovny Adamovich. 6 ijulja 1892 g. [The Petition of the Widow of the Court Adviser Glafira Alexandrovna Adamovich. July 6, 1892]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 30, d. 572, l. 10.

17. Revoljucii ne sluchilos': pochemu zhenshhinam platjat men'she [The Revolution Did Not Happen: Why Women are Paid less]. *Gazeta.ru* [Gazete.ru], 2019, March 1. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/01/12216187.shtml> (accessed 25 October 2019).

18. *Sbornik cirkuljarnyh rasporyazhenij Gosudarstvennogo banka, izdannyh za vremja s 1 avgusta 1893 g. po 1 janvarja 1912 g.* [A Collection of Circular Instructions of the State Bank Published During the Period from August 1, 1893 to January 1, 1912]. Saint Petersburg, 1913. 1200 p.

19. Svedenija vybrany iz dela: Proshenija ob opredelenii na sluzhbu v bank [Information Selected from the Case: Requests for Determination to Serve in the Bank]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 30, d. 839. l. 35.

20. Serdjuk V.A. Ispol'zovanie zhenskogo truda na zheleznyh dorogah Rossijskoj imperii v 1860-e – 1880-e gody: social'no-pravovye aspekty [The Use of Female Labor on the Railways of the Russian Empire in the 1860s – 1880s: Social and Legal Aspects]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchennyh: sb. materialov Vseros. molodezh. nauch. shk.-konf. [Actual Problems of Historical Research: A View of Young Scientists. Collection of Materials of the All-Russian Youth Scientific School-Conference]. Novosibirsk, Izdatel'sko-poligraficheskij centr Novosibirskogo naci-onal'nogo issledovatel'skogo gosudarstvennogo universiteta, Institut istorii SO RAN, 2016, pp. 356-361.

21. Serdjuk V.A. Pervaja zhenshhina na zheleznodorozhnoj sluzhbe Rossijskoj imperii [The First Woman in the Railway Service of the Russian Empire]. Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchennyh: sb. materialov Vseros. molodezh. nauch. shk.-konf. [Actual Problems of Historical Research: A View of Young Scientists. Collection of Materials of the All-Russian Youth Scientific School-Conference]. Novosibirsk, Izdatel'sko-poligraficheskij centr Novosibirskogo naci-onal'nogo issledovatel'skogo gosudarstvennogo universiteta, Institut istorii SO RAN, 2017, pp. 64-73.

22. Serdjuk V.A. Trud zhenshhin na zheleznyh dorogah Sibiri v period Pervoj mirovoj vojny [Women's Labor on the Railways of Siberia During the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2016, no. 5 (67), pp. 190-193.

23. Sinova I.V. Ispol'zovanie zhenskogo truda Morskim ministerstvom Rossijskoj imperii na rubezhe XIX – XX vv. [The Use of Female Labor by the Ministry of the Sea of the Russian Empire at the Turn of the XIX – XX Centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Istorija Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 355-373.

24. Spisok zhenskogo personala Grifoval'nogo otdelenija Otdela kreditnyh biletov Gosudarstvennogo banka [List of Female Staff of the State Department of the Department of Credit Tickets of the State Bank]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 36, d. 67, l. 13-17 ob.

25. Spravka ot 26 janvarja 1917 g. [Certificate of January 26, 1917]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 2, d. 85, l. 8.

26. Spravka Hozjajstvennogo komiteta kontory [Help of the Economic Committee of the office]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 588, op. 4, d. 60, l. 111.

27. Je. D. Pleske – M. S. Volkonskomu. 29 dekabnja 1894 g. [E. D. Pleske to M.S. Volkonsky. December 29, 1894]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 587, op. 30, d. 572, l. 1.

Information About the Author

Vladimir V. Morozan, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History of CIS States Peoples, Saint Petersburg State University, Mendeleevskaya liniya, 5, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, v_moga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

Информация об авторе

Владимир Васильевич Морозан, доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ, Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, 5, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, v_moga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.8>

UDC 94(476)“1906/1914”
LBC 63.3(4Бен)

Submitted: 13.10.2020
Accepted: 07.12.2020

**ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS
ON THE STOLYPIN AGRARIAN REFORM IMPLEMENTATION
IN THE TERRITORY OF BELARUS (1906–1914)**

Svetlana A. Tolmacheva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. *Introduction.* The preparation and implementation of the Stolypin agrarian reform attracted the attention of researchers of the 20th – 21st centuries. However, the interaction of the entire system of already existing and new local government institutions in implementing the reform in Belarus has not become a subject of a special study. The purpose of the article is to prove the interaction of local government institutions within the implementation of the Stolypin agrarian reform in 1906–1914 in the territory of Belarus. *Methodology.* The sources of the article were legislative acts, as well as the information founded in the archival and published documents. The general scientific and specific historical methods were used there as well as the principles of objectivity, historicism, the value approach. *Results.* In the early 20th century, a system of local government institutions on the implementation of the government agrarian policy was formed in the Empire. It included land (zemstvo) captains, their district (uyezd) congresses and provincial (guberniya) agencies (prisutstviya). The implementation of the Stolypin agrarian reform required the creation of new institutions – land management commissions. The absence of zemstvo and noble election in the territory of Belarus caused the peculiarities of the formation of the commission staff. Land captains and members of land management commissions carried out explanatory work among the population about the benefits of the transition to farms (khutors) and cuts of lands (otrubs). Based on the information collected by land captains, land management commissions drew up land management plans for the next year, distributed and carried out the work. District congresses and provincial agencies approved land certificates. *Conclusion.* The success of the reform depended on the coordinated work and cooperation of all elements of the local government system, the prevalence of household land use. The explanatory work carried out by land captains and members of land management commissions, the promotion of sale of banking lands, allotment of land units to ownership and the transition to new household forms received support of the population. All those facts ensured the success of the implementation of the Stolypin reform in the territory of Belarus.

Key words: Belarus, Stolypin agrarian reform, land management commission, land captain, provincial agencies.

Citation. Tolmacheva S.A. Activities of Local Government Institutions on the Stolypin Agrarian Reform Implementation in the Territory of Belarus (1906–1914). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 107-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.8>

УДК 94(476)“1906/1914”
ББК 63.3(4Бен)

Дата поступления статьи: 13.10.2020
Дата принятия статьи: 07.12.2020

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1906–1914 гг.)**

Светлана Александровна Толмачева

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Подготовка и реализация Столыпинской аграрной реформы привлекали внимание исследователей XX–XXI веков. Однако совместная работа уже существовавших и новых органов местного управления по проведению в жизнь реформы на территории Беларуси не стала предметом специального исследования. Цель статьи – показать взаимодействие местных органов управления в процессе реализации Столыпинской аграрной реформы в 1906–1914 гг. на территории Беларуси с учетом региональных особенностей. *Методология.* Источниковую базу статьи составили законодательные акты, информация, извлеченная из архивных и опубликованных документов. При подготовке статьи были реализованы принципы историзма, объективности и ценностного подхода, а также общенаучные и специально-исторические методы (историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический и др.). *Результаты.* В начале XX в. в империи сложилась система местных органов государственного управления по реализации аграрной политики: земские начальники, их уездные съезды и губернские присутствия. Для проведения в жизнь столыпинской реформы были созданы новые органы управления – землеустроительные комиссии. Отсутствие земств и дворянских выборов в белорусских губерниях стало причиной особенностей формирования кадрового состава комиссий. Земские начальники и члены комиссий проводили разъяснительную работу о пользе перехода на хутора и отруба. На основании собранных земскими начальниками сведений землеустроительные комиссии составляли планы землеустройства, распределяли и выполняли землеустроительные работы. Уездные съезды земских начальников и губернские присутствия утверждали документы на землю. *Заключение.* Согласованная работа и взаимодействие всех структурных элементов системы местного государственного управления, преобладание подворного землевладения в белорусских губерниях стали причиной успешной реализации реформы. Проводимая земскими начальниками и членами землеустроительных комиссий разъяснительная работа, содействие при продаже банковских земель, выделе наделов в собственность и переходе к новым формам ведения хозяйства встречали отклик у населения. В результате основные задачи по реформированию аграрных отношений на территории Беларуси в основном были решены.

Ключевые слова: Беларусь, Столыпинская аграрная реформа, землеустроительная комиссия, земский начальник, губернское присутствие.

Цитирование. Толмачева С. А. Деятельность местных органов управления по реализации Столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси (1906–1914 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 107–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.8>

Введение. В результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) территория современной Беларуси вошла в состав Российской империи. В начале XX в. она включала 35 белорусских уездов, в состав которых входили 4 из 7 уездов Виленской губернии, 5 из 11 Витебской, 6 из 9 уездов Гродненской, вся Минская (9 уездов) и Могилевская (11 уездов) губернии. В официальных документах того времени иногда употреблялся термин «северо-западные губернии», под которым подразумевались 6 губерний: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская.

Проведение реформ во второй половине XIX – начале XX в. имело на территории Беларуси значительные отличия, связанные с политическими и экономическими особенностями региона. После восстания 1863–1864 гг. правительство настороженно относилось к представителям местного дворянства римско-католического вероисповедания, которых в западных губерниях было большинство. В связи с этим реализация земской реформы 1864 г.

была отложена на неопределенное время. Только в 1911 г. земства были введены на территории Витебской, Минской и Могилевской губерний. В Виленской и Гродненской губерниях реформа так и не была проведена. В результате некоторые функции, выполнявшиеся земствами, перекладывались на другие органы местного управления, а должностные лица, избираемые земствами, назначались администрацией.

Свои особенности имели и поземельные отношения. Так, в Виленской, Гродненской и Минской губерниях у крестьян преобладало подворное землевладение, а в Витебской и Могилевской – общинное. Это отразилось на реализации аграрной политики правительства в крае. Цель статьи – показать взаимодействие местных органов управления по реализации Столыпинской аграрной реформы в 1906–1914 гг. на территории Беларуси с учетом региональных особенностей.

Методы и материалы. Источниковую базу статьи составили законодательные акты,

информация, извлеченная из архивных и опубликованных документов. При подготовке статьи были реализованы принципы историзма, объективности и ценностного подхода, а также применены как общенаучные, так и специально-исторические методы. Так, историко-системный метод дал возможность выявить систему действовавших в начале XX в. органов управления, проводивших аграрную политику правительства на местах, и то, как новые органы (землеустроительные комиссии) включились в эту систему. Историко-сравнительный метод позволил показать общее и специфическое в формировании кадрового состава землеустроительных комиссий, а также результаты деятельности всей системы. Использование историко-генетического метода позволило проследить изменение функциональных обязанностей местных органов, реализовавших реформу, в связи с изданием новых законодательных актов и циркуляров.

Подготовка и реализация Столыпинской аграрной реформы привлекали внимание исследователей XX–XXI веков. В дореволюционной историографии реформу критиковали и справа, и слева. При этом публикации главным образом имели не аналитический, а оценочный характер, а результаты деятельности местных органов по реализации реформы раскрыты не были. Историки советского периода в целом критиковали политику царского правительства в аграрной сфере и доказывали низкую эффективность предпринимавшихся мер. При этом в советской историографии был накоплен значительный фактологический материал по реализации и основным итогам реформы, рассмотрены отдельные аспекты деятельности органов местного управления, однако механизм реализации реформы не получил должного освещения. В современной исторической науке появились новые тенденции и методологические подходы в изучении аграрной политики правительства. В научный оборот вводятся новые документы и материалы, раскрываются региональные особенности. Так, Г.П. Волгирева и О.А. Пасько не только провели анализ различных сторон механизма обеспечения реформы, но и исторические параллели между реформами начала и конца XX в. в России. Особое внимание авторы уделили проведению столыпинской ре-

формы в Томской губернии [1]. В статье Т.В. Емельяновой раскрыт механизм работы губернских и уездных землеустроительных комиссий, приводятся характеристики некоторых членов комиссий Могилевской и Витебской губерний [9]. Деятельности землеустроительных комиссий на территории Беларуси посвящена кандидатская диссертация и ряд публикаций К.Ю. Таранович [20]. Перечень подобных работ можно продолжать. Однако взаимодействие всей системы уже существовавших и новых органов местного управления по реализации Столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси не стало предметом специального исследования, что подчеркивает актуальность данной статьи.

Анализ. В начале XX в. в Российской империи обострились поземельные отношения. Крестьянское малоземелье, чересполосица при существовании крупных помещичьих латифундий требовали срочного решения аграрного вопроса. Поэтому в 1902 г. было созвано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Для обсуждения и сбора предложений на местах создавались уездные и губернские комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Комитетами белорусских губерний отмечалась необходимость оказания агрономической помощи, создания складов сельскохозяйственной техники, обучения крестьян внедрению улучшенных форм ведения хозяйства, а также ликвидации малоземелья, чересполосицы, сервитутов через упрощение приобретения, обмена и отграничения земельных участков и др. Предлагалось и создание особых местных органов, способствующих новым преобразованиям на селе [21]. Весь накопленный материал стал фундаментом для разработки аграрной реформы во главе со П.А. Столыпиным.

Процесс перехода к хуторам и отрубам на территории Беларуси зародился еще до столыпинской реформы. Так, на границе Витебской, Могилевской и Смоленской губерний такое движение началось еще во второй половине 70-х гг. XIX века. До 1904 г. только здесь были разверстаны и расселены 287 поселений общей площадью 30 235 дес., из которых были созданы 3 043 хутора. Показательно, что в соответствии с тогдашним законо-

дательством решение принималось на сельском сходе единогласно [8, с. 672–673]. Именно это требование закона препятствовало переходу к оптимальным формам хозяйствования. Например, Гродненское губернское присутствие в начале 1906 г. не разрешило крестьянам дер. Кублики Кобринского уезда Гродненской губернии расселиться на хутора, отметив, что при подворном владении крестьян переход от шнурового к хуторскому землевладению разрешен только при единогласном приговоре общины, рассмотренном и утвержденном губернским присутствием [4, л. 1–2]. Подобных примеров можно привести много, что доказывает необходимость реформирования законодательства. При этом до реформы именно крестьяне выступали инициаторами хуторского расселения, но не встречали поддержки у местной администрации.

В начале XX в. система органов местного государственного управления, реализовавших аграрную политику правительства, включала следующие элементы: земские начальники, их уездные съезды и губернские присутствия. Эта структура была создана на основе Положения о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. [17, № 6196]. С 1906 г. началось формирование новых органов – уездных и губернских землеустроительных комиссий.

Земские участковые начальники были чиновниками, обладавшими административными и судебными полномочиями на территории своего участка (обычно от 3 до 8 участков в уезде). Земские начальники уезда составляли уездный съезд. Одной из их главных задач было разрешение вопросов землепользования и землевладения, а также поземельных споров как между крестьянами, так и с представителями других сословий, проживавших в участке. Утверждались постановления этих чиновников уездными съездами земских начальников и губернскими присутствиями. Последние являлись коллегиальными органами, пришедшими на смену губернским по крестьянским делам присутствиям. Возглавляемые губернатором, они реализовывали политику правительства по отношению к сельскому населению и контролировали работу земских начальников и их уездных съездов на уровне губернии.

4 марта 1906 г. Николай II подписал указ о создании землеустроительных комиссий. П.А. Столыпин видел в них механизм осуществления аграрных преобразований и считал, что деятельность нового института должна способствовать сокращению общинного землевладения. Указом определялись две их основные задачи: 1) помощь Крестьянскому поземельному банку при приобретении земли крестьянами; 2) содействие населению в устранении недостатков существовавшего землевладения и землепользования. Для непосредственного выполнения этих обязанностей и создавались уездные и губернские землеустроительные комиссии [12, с. 2; 19, № 27478].

На основании материалов, собранных Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г., а также сведений от губернаторов Комитет по землеустроительным делам, созданный при Главном управлении землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), считал нецелесообразным открывать землеустроительные комиссии во всех уездах империи в 1906 г., так как это было бы слишком обременительно для бюджета. П.А. Столыпин полагал, что комиссии смогут выполнять свои функции только при полной укомплектованности кадровым составом. Поэтому в 1906 г. было решено открыть комиссии только там, где в них будет наибольшая потребность [24, с. 12]. В первую очередь это относилось к 32 губерниям Европейской части России, в том числе Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской [12, с. 8; 20, л. 46]. Комитет посчитал необходимым создать комиссии во всех уездах в 18 губерниях, а в 14 губерниях в некоторых уездах признавалось возможным временно отложить землеустройство крестьян либо деятельность Крестьянского поземельного банка не была значительно востребована местным населением. В результате до 1 января 1907 г. в 5 белорусских губерниях было открыто 28 уездных землеустроительных комиссий [7, л. 31–31 об.; 11, с. 131; 15; 20, л. 46, 50–51], а до конца года уездные комиссии работали на всей территории края (46 уездов). В 1907 г. комиссии были открыты еще в 190 уездах империи, а к 1912 г. действовали в 463 уездах 47 губерний России [12, с. 10–11]. Таким образом, на территории Беларуси новые органы

создавались более быстрыми темпами, чем в целом по империи.

Практически всю землеустроительную работу проводили уездные комиссии. Они состояли из уездного предводителя дворянства (председатель), председателя уездной земской управы или его заместителя, члена окружного суда, неперемного члена комиссии, земского начальника соответствующего участка, а также трех землевладельцев, избираемых уездным земским собранием, и трех представителей от крестьян, назначаемых из числа кандидатов, избранных волостными сходами (ст. 1, п. 1) [18, № 27478]. В соответствии с законом от 29 мая 1911 г. в состав уездной комиссии был введен четвертый выборный представитель от крестьян – от волости, по которой рассматривалось дело. При этом важным фактором была их дисциплинированность и политическая благонадежность. Например, минский губернатор Я.Е. Эрдели направил в уездные комиссии письма с просьбой сообщить, «какого направления будут избраны в местные землеустроительные комиссии крестьяне, то есть трудовики или благоразумные». В ответах указывалось: «Избранные кандидаты – люди благонадежные» [20, л. 74–75]. В белорусских губерниях в связи с отсутствием земств до 1911 г. землевладельцы назначались губернатором по представлению уездного предводителя дворянства. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях с 1911 г. они избирались в соответствии с законодательством для земских губерний. Включение в состав комиссий земских начальников было обусловлено тем, что эти чиновники по своим прямым обязанностям должны были знать географические особенности местности, демографическую ситуацию, а также основные сложности поземельных отношений в своем участке.

Для объединения действий уездных комиссий, наблюдения за их деятельностью и разрешения возникавших в них разногласий создавались губернские землеустроительные комиссии [18, № 27478]. Подготовка к созданию губернских комиссий началась с 1906 г., а их открытие – с 1907 года. Сначала функции губернских землеустроительных комиссий возлагались на губернские присутствия. В Витебской, Минской и Могилевской губер-

ниях губернские землеустроительные комиссии начали свою работу в мае – июне 1907 г. [20, л. 51]. В Гродненской и Виленской губерниях функции губернских землеустроительных комиссий до издания закона от 29 мая 1911 г. выполняли губернские присутствия [10, л. 11; 13, с. 25].

В заседаниях губернских комиссий в качестве председателя принимал участие губернатор. Членами были: губернский предводитель дворянства, начальник управления земледелия и государственных имуществ (или его товарищ, то есть заместитель), председатель губернской земской управы, председатель окружного суда, член окружного суда, неперемный член губернского присутствия, губернский землемер, член уездной землеустроительной комиссии, а также 6 членов по избранию губернским земским собранием (по трое от землевладельцев и от крестьян). Однако в Витебской, Минской и Могилевской губерниях из-за отсутствия земств представители от населения назначались комитетами по делам земского хозяйства, а затем кандидатуры утверждались губернатором [11, с. 131–132].

В Виленской и Гродненской губерниях при губернских присутствиях были открыты специальные отделения по делам землеустройства. В их заседаниях участвовали губернатор (председатель), члены губернского присутствия (управляющий казенной палатой, начальник управления земледелия и государственных имуществ, прокурор окружного суда, неперемные члены присутствия), а также на правах членов присутствия: управляющий отделением Крестьянского поземельного банка губернии, губернский землемер, уездные предводители дворянства и неперемные члены уездных землеустроительных комиссий. При необходимости приглашались и другие лица. В 1911 г. здесь были созданы губернские землеустроительные комиссии по общему образцу [10, л. 1–5; 16, л. 4–5]. Однако из-за отсутствия земств в названных губерниях губернатор сам «приглашал» в состав комиссии представителей от землевладельцев. Так, в состав Гродненской губернской землеустроительной комиссии, открытой 15 октября 1911 г., губернатор пригласил в качестве представителя от землевладельцев бывшего гродненского вице-губернатора А.А. Ознобишина

и волостного старшину ближайшей к г. Гродно Озерской волости И.А. Сытого [16, л. 7 об. – 8].

Работа землеустроительных комиссий была напрямую связана с деятельностью местных отделений Крестьянского поземельного банка. Закон от 4 марта 1906 г. привел к увеличению количества крестьян, которые хотели приобрести дополнительные земли для своего хозяйства при помощи банка. Например, в пяти белорусских губерниях с 1893 по 1906 г. банки приняли 1 204 заявления о желании покупки сельскохозяйственных угодий, а за один только 1907 г. – 3 260, в том числе 1 916 (58,8 %) были одобрены [11, с. 132]. Землеустроительные комиссии должны были подготовить и передать в банк ряд документов для решения вопроса о выдаче займа. Земскому начальнику поручался сбор сведений и составление заключения, передававшиеся им на рассмотрение комиссии, которая решала вопрос по ходатайству. Землеустроительные комиссии обсуждали вопросы о целесообразности приобретения банком предлагаемых для продажи имений, делали заключение по их оценке, выясняли действительную стоимость купленного Крестьянским банком поместья. При выделении участков под хутора ими проводились все необходимые землеустроительные работы, составлялись планы разделения, проводилась разбивка крупных участков на части. Комиссии осуществляли посреднические функции между продавцами и покупателями, помогали последним при подготовке документов, организовывали мелиоративные и землемерные работы и др. В результате при содействии местных органов управления в 1907–1909 гг. в пяти белорусских губерниях банк выдал крестьянам 5 148 займов для приобретения 183 310 дес. земли, а в 1910–1912 гг. – 13 394 займа на 313 549 десятин. В итоге за 1905–1914 гг. крестьяне края приобрели (за вычетом продажи) 998 961 дес. земли [2, с. 382].

В целом по Российской империи с 1 января 1907 по 1 января 1915 г. банком было продано 4 083 тыс. дес., в том числе крестьянам в единоличное владение хуторскими и отрубными участками – 3 216 тыс. дес., или 78,2 %, и сельским общинам – 682 тыс. десятин [12, с. 36–37].

11 ноября 1908 г. П.А. Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин отметили, что за два года повсеместно были достигнуты значительные результаты в развитии у крестьян стремления к личной собственности на землю. При этом, по мнению названных чиновников, в западных губерниях укрепление наделов в личную собственность, разверстание целых поселений на хутора и отруба было подготовлено условиями подворного владения и более высокой земледельческой культурой, а переход крестьян к хуторам и отрубам начался еще до реформы. Поэтому здесь новые хуторяне сравнительно быстро переходили к многопольной системе, обычной среди мелких частных владельцев. Передача опыта организации именно хуторских и отрубных хозяйств предполагалась правительством полезной для крестьян. Они могли увидеть возможности реальных соседних хозяйств, а не помещичьих имений, убедиться в возможности использования новых, улучшенных форм ведения хозяйства на их собственных угодьях [3, л. 2–4].

На местах для выяснения условий агрономической помощи собирались губернские агрономические совещания в составе всех членов губернской землеустроительной комиссии, губернской земской управы (в земских губерниях), агрономических специалистов и вообще знающих лиц по приглашению председателя. Возглавлял совещание губернатор (председатель) или назначенные им заместители. Правительство признавало, что от распространения сельскохозяйственных знаний зависело «все наше экономическое будущее» [3, л. 4–5]. Поэтому в начале июля 1908 г. губернаторам 26 губерний, где стремление крестьян к переходу на хуторские и отрубные хозяйства было более определенным, был разослан циркуляр ГУЗиЗ. В число таких губерний первыми вошли Виленская, Ковенская, Минская, Могилевская и Витебская. Затем шли Смоленская, Псковская, Киевская, Черниговская, Волынская, Херсонская, Полтавская, Самарская и др. Циркуляром предлагалось изучение существовавших в каждой губернии крепких мелких хозяйств, вне зависимости от их принадлежности. Рекомендовалось выяснить, какие изменения в хозяйстве

введены владельцами по сравнению с обычными хозяйствами крестьян определенной местности, какие новации стали выгодными и полезными, с какими трудностями столкнулись при переходе к новым формам хозяйствования и т. д. [3, л. 5–6].

На местном уровне, в губерниях, сбор таких сведений предлагалось возложить на земства. Однако на территории Беларуси подобную информацию собирали земские начальники, что стало особенностью региона, и передавали в губернские присутствия, которые обобщали ее и направляли губернским совещаниям [3, л. 6–10]. В 1908 г. такие совещания были созданы в Витебской и Могилевской губерниях [5, л. 1, 12, 23]. При этом МВД возложило на непререкаемых членов губернских присутствий обязанность «относиться с нарочитым вниманием и особой энергией к работе этих учреждений» [6, л. 21].

Для реализации реформы необходимо было разъяснять населению ее положения и условия. Эта задача в белорусских губерниях была возложена на земских начальников. Так, земский начальник 3-го участка Лидского уезда Виленской губернии. А.А. Сейферт в 1907–1908 гг. проводил разъяснительную работу среди крестьян своего участка и, в частности, подготовил к переходу на хутора две деревни Конявской волости – Рудня и Кошеты, часто беседовал с жителями участка о сельскохозяйственной культуре, знакомил с публикациями, раздавал брошюры Л. Нобеля «Полезность молочного хозяйства», А. Биндерлинга «Беседы о земледелии» и др. [14, л. 2].

На уездные съезды земских начальников были возложены обязанности по утверждению удостоверительных актов на землю. Эти институции должны были заверять акты на закрепление земли за отдельными домохозяевами, составленные земскими начальниками или волостными сходами. Недовольные могли приносить в уездный съезд жалобы на такие решения или на приговоры сельских сходов (ст. 4–5). Сами акты хранились в канцелярии уездного съезда, и каждый мог требовать сделать копию или выписку о праве собственности на свой участок. Если уездный съезд принимал решение о несоответствии закону постановления земского начальника, то

оно отправлялось последнему для исправления в соответствии со сделанными съездом замечаниями или исправлялось самим съездом (ст. 26–28) [19, № 33743]. Так, в Витебской и Могилевской губерниях в личную собственность были укреплены участки 139 420 дворов, или 63 % [2, с. 375].

В соответствии с «Правилами о землеустройстве целых сельских обществ», утвержденными 19 марта 1909 г. Комитетом по землеустроительным делам, губернские присутствия рассматривали и выносили постановления о землеустройстве целых сельских обществ, давали определения по делам о разделах многонаселенных однопланых общин, а также о выделах земли выселкам и частям поселений и др. [12, с. 20–21].

По утверждению К.Ю. Таранович, в первые годы работы землеустроительных комиссий в местностях с преобладанием малоземельных хозяйств переход на хутора и отруба не был широко распространен из-за недостаточного количества земли, которой владели домохозяева. В свою очередь, у обеспеченных владельцев не было необходимости в землеустроительных работах. Наиболее благоприятными условия для разверстания на единоличные участки были в губерниях со средней величиной наделов у большинства крестьян (8–10 дес.). Именно такие хозяйства преобладали в пяти северо-западных губерниях. Например, в 1911 г. в Витебской губернии в среднем площадь крестьянского надела составляла 9 дес., Виленской – 13,5 дес., Минской – 9,1 дес., Могилевской – 8,2 дес. [20, л. 126]. При этом комиссии отмечали, что переселившиеся на хутора и отруба крестьяне не желали возвращаться к общинной или чересполосно-подворной форме землевладения. Наоборот, в отчетах комиссий подчеркивалось: «...С выходом на хутора во всех селениях без исключения пашни значительно увеличиваются. Каждый хозяин стремится расчистить и распахать в своем участке все, что только может быть распахано: кустарники, бывшие пастбища, плохие покосы. С ростом пашни в той же степени возрастает и посевная площадь. Благодаря близости и кучности полей, обработка производится своевременно и тщательнее, пашня удобряется ровнее» [20, л. 127].

Особенностью землеустроительных работ в белорусских губерниях являлось создание хуторских и отрубных хозяйств. На их долю приходился 81 % всех земельных преобразований, а во внутренних губерниях империи – только 30 % [20, л. 133]. Комиссии рассматривали ходатайства крестьян о переходе на хутора и отруба в первую очередь. Помимо предоставляемой землеустроительными комиссиями технической и материальной поддержки, стимулировавшей такие преобразования, хуторскому расселению на территории Беларуси способствовал ряд факторов. Во-первых, крестьяне были подготовлены к такому ведению хозяйства. Во-вторых, длительное время были распространены хутора латышских и немецких колонистов, показывавших местному населению положительный пример ведения фермерского хозяйства. Кроме того, земельное устройство, укоренявшееся комиссиями, не противоречило юридически или фактически существовавшей здесь форме владения.

В результате в 1907–1916 гг. в пяти белорусских губерниях на надельной земле площадью более 1 147 тыс. дес. было создано 113,8 тыс. хуторских и отрубных хозяйств. Это составило более 18,7 % площади надельного землевладения и 10 % всех крестьянских дворов [2, с. 375]. Такое соотношение, с одной стороны, между количеством отрубных и хуторских хозяйств и, с другой, площадью земли в их собственности является свидетельством того, что с общиной в основном порывали среднеземельные крестьяне. Малоземельные составили основную массу переселенцев, продав свои земельные участки зажиточной части белорусской деревни. Наиболее быстрыми темпами разверстание надельной земли на хутора и отруба шло в Витебской и Могилевской губерниях. Это было связано с тем, что до реформы на этой территории преобладало общинное землевладение. Отметим, что среди губерний Российской империи по количеству созданных за 1906–1915 гг. единоличных владений Витебская занимала 8-е место, а Могилевская – 14-е. В среднем одно частное владение составляло чуть более 10 дес. земли [20, л. 131–132]. Таким образом, на отрубные и хуторские владения переселялись преимущественно малоземельные и среднеземельные крестьяне.

Отдельным направлением реформы было переселение крестьян из центральных и западных районов в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. Таким способом правительство рассчитывало снизить остроту земельного вопроса. В этом направлении также проводилась комплексная работа. Так, именно местные учреждения по крестьянским делам знакомили сельское население «со всеми законами, правилами и льготами по ходачеству и переселением, а также с порядком распоряжения земельным имуществом на родине» [13, с. 21]. Например, в губернские присутствия каждую неделю отправлялись данные о количестве свободных душевых долей на переселенческих участках, а затем эти сведения сообщались населению земскими начальниками. В свою очередь, землеустроительные комиссии снабжали ходочков, отправлявшихся в места предполагаемого переселения для осмотра на местности и закрепления участков, справочными книжками. В изданиях описывались губернии и области Сибири и Дальнего Востока, содержались сведения по оплате проезда и провозу багажа, о переселенческих пунктах, где можно было получить медицинскую помощь и купить продовольственные товары, прилагалась карта, а также размещалась другая полезная информация. Правительство стремилось избежать скопления людей на переселенческих пунктах, поэтому движение переселенцев было распределено на маршруты. В частности, в Сибирь и на Дальний Восток по маршруту № 4 с обустроенными переселенческими пунктами в Смоленске, Вязьме, Протопопово (г. Тула), Коршуновке (г. Моршанск), Пензе направлялся поток из Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний [20, л. 138, 141].

С этой же целью комиссии распределяли переселявшихся по очередям. Для каждой очереди было определено конкретное время посадки и район следования. Например, в первую очередь, с 10 по 25 марта ежегодно, выдвигались переселенцы из Витебской, Минской и Могилевской губерний. Они направлялись в Енисейский, Забайкальский, Иркутский, Приморский, Тургайско-Уральский районы. Вторая очередь двигалась с 26 марта по 12 апреля в Амурский район. В третью очередь (вре-

мя посадки с 14 до 29 апреля ежегодно) перевозка из указанных губерний не производилась. В Томский и Семипалатинский районы с 1 по 15 мая направлялась четвертая очередь. С 17 по 31 мая в Тобольский и Акмолинский районы следовала пятая очередь. С 1 по 20 июня могли отправляться все переселенцы, по каким-либо причинам не отправившиеся раньше [20, л. 143–144].

Динамика переселенческого движения с 1896 по 1914 г. отражена в сборниках, изданных в 1910 и 1916 гг. Переселенческим управлением. Первоначально учитывались только переселенцы, двигавшиеся через Челябинск и Сызрань. Ехавшие через Тюмень в статистику не попали [22]. В 1916 г. в статистику были уже включены переселенцы, зарегистрировавшиеся в Челябинске и Сызрани, а также следовавшие через переселенческие пункты в Тюмени по Тюмень-Омской дороге, в Полетаеве – по Троицкой дороге и в Ртищеве для переселявшихся в северо-западную часть Уральской области [23]. Переселенцы из пяти белорусских губерний регистрировались в Екатеринбурге (Тюмени), Ершове (Ртищеве), Сызрани и Челябинске.

В целом за 1906–1914 гг. из пяти белорусских губерний на Дальний Восток и в Сибирь двинулись 352 814 переселенцев. Из них по переселенческим удостоверениям от землеустроительных комиссий следовали 301 381 человек (85 %). Самостоятельно направлялись 15 %. Большинство составляли семейные переселенцы, направлявшиеся на предварительно закрепленные ходоками участки [22, с. 31–35; 23, с. 30–34].

Некоторые из переселявшихся в 1906–1914 гг. не смогли укрепиться на новом месте, 37 166 (10,5 %) человек вернулись обратно. В итоге 315 648 (89,5 %) выходцев из пяти белорусских губерний обустроились на Дальнем Востоке и в Сибири. Таким образом, это направление реформы можно считать достаточно результативным. В Витебской и Могилевской губерниях земельный голод ощущался более остро, поэтому они лидировали по количеству переселенцев [22, с. 31–35; 23, с. 30–34]. В свою очередь, в Виленской и Гродненской губерниях правительство сдерживало переселенческое движение по политическим причинам с целью предотвращения

ослабления русского элемента, поэтому масштабы переселения здесь были ниже. При этом в пяти белорусских губерниях 93 % ходоков и 85 % переселенцев направлялись в сибирские и дальневосточные губернии с официальными документами и потому пользовались льготными железнодорожными тарифами. Это означает, что крестьяне пяти белорусских губерний редко прибегали к самовольному движению при переселении и в преобладающем количестве случаев обращались за помощью в землеустроительные комиссии [20, л. 156–157].

Результаты. Реализация столыпинской реформы была невозможна без согласованных действий всех структурных элементов системы местного государственного управления, проводивших аграрную политику. Именно на территории Беларуси новые органы – землеустроительные комиссии – начали свою работу раньше, чем во многих других регионах империи, из-за их востребованности. Более быстрые темпы перехода к хуторскому и отрубному землевладению, использование новых форм ведения хозяйства на территории Беларуси – все это было обусловлено несколькими факторами. Главным являлось преобладание подворного землевладения на большей части региона. Именно эти традиции давали местному населению возможность быстрее увидеть положительные стороны преобразований. Поэтому разъяснительная работа, проводимая земскими начальниками и членами землеустроительных комиссий, деятельность по продаже банковских земель, землеустройству, выделу наделов в собственность и переходу к новым формам ведения хозяйства встречали отклик у крестьян региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгирева, Г. П. Земельные реформы начала и конца XX века в России / Г. П. Волгирева, О. А. Пасько. – Томск : Демос, 2014. – 203 с.
2. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т. – Т. 2 : Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгаўз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 552 с.
3. Дело о передаче в местные учреждения разработки вопросов по землеустройству и улучше-

нию крестьянского хозяйства // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1276. – Оп. 4, 1908 г. – Д. 511. – 13 л.

4. Дело о переходе крестьян д. Кублики Кобринского уезда от шнурового к хуторскому землевладению // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 598. – 5 л.

5. Дело об образовании особых совещаний по применению закона 9 ноября 1906 года // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 31, 1908 г. – Д. 362. – 234 л.

6. Дело об увеличении окладов содержания неперенным членам губернских и губернских по крестьянским делам присутствий // РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 2057. – 52 л.

7. Дело об учреждении уездных землеустроительных комиссий в Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 478. – 157 л.

8. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. – 1911. – № 5. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. – 1027 с.

9. Емельянова, Т. В. Деятельность губернских и уездных землеустроительных комиссий по осуществлению аграрной (стольпинской) реформы / Т. В. Емельянова // Известия СПбГАУ. – 2017. – № 1 (46). – С. 238–244.

10. Журналы Виленского губернского присутствия по землеустроительному отделу за 1908 год // Литовский государственный исторический архив (LVIA). – Ф. 386. – Оп. 1. – Д. 5. – 263 л.

11. Жытко А. П. Структура і функцыі органаў мясцовага дзяржаўнага кіравання / А. П. Жытко, С. А. Талмачова [і інш.] // Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А. У. Унучак [і інш.] ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2018. – С. 86–135.

12. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие: 1906–1916. – Петроград : Т-во Р. Годице и А. Вильборг, 1916. – 62, VII, [10] с., [15] л.

13. Краткий обзор десятилетней деятельности крестьянских учреждений Виленской губернии, преобразованных по закону 12 июля 1889 года (1 декабря 1903 – 1 декабря 1913) / сост. Виленским губернским присутствием. – Вильна : Губернская тип., 1913. – 37 с. // Научно-справочная библиотека РГИА. Печатная записка 14926.

14. О результатах ревизий крестьянских учреждений Виленской губернии // РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 31, 1908 г. – Д. 28. – 425 л.

15. Памятная книжка Минской губернии на 1908 год. – Минск : Тип. С.А. Некрасова, 1907. – 200, 163, [3] с.

16. Переписка с Главным управлением землеустройством и земледелием и др. об открытии Грод-

ненской губернской землеустроительной комиссии // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 225. – 19 л.

17. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание третье. Т. 9 (1889). – СПб. : Гос. тип., 1891. – 1490 с.

18. ПЗСРИ. Собрание третье. Т. 26 (1906). – СПб. : Гос. тип., 1909. – [2], 1141, [29] с.

19. ПСЗРИ. Собрание третье. Т. 30 (1910). – СПб. : Гос. тип., 1913. – [2], 1408, 29 с.

20. Таранович, К. Ю. Деятельность землеустроительных комиссий по реализации стольпинской аграрной реформы в Беларуси (1906–1917 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Таранович Кристина Юрьевна. – Минск, 2016. – 239, [2] л.

21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. – СПб. : Тип. Тов-ва «Народная польза», 1903–1904. – Т. 4 : Виленская губерния. – 1903. – IV, 212 с. ; Т. 5 : Витебская губерния. – 1903. – 534 с. ; Т. 11 : Гродненская губерния. – 1903. – V, 544 с. ; Т. 21 : Минская губерния. – 1903. – VIII, 435 с. ; Т. 22 : Могилевская губерния. – 1903. – V, 167 с.

22. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно) / Н. Турчанинов. – СПб. : Изд. Переселен. упр., 1910. – [2], VIII, 85 с.

23. Турчанинов, Н. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно) / Н. Турчанинов, А. Домчарев. – Петроград : Переселен. упр., 1916. – [6], 81 с.

24. Узаконения, относящиеся до землеустроительных комиссий, образованных в силу именного высочайшего указа 4 марта 1906 года. – Казань : Лито-тип. И.Н. Харитонов, 1906. – 64 с.

REFERENCES

1. Volgireva G. P., Pasko O. A. *Zemelnye reformy nachala i kontsa XX veka v Rossii* [Land reforms in Russia at the turn and end of the XX century]. Tomsk, Izd-vo Demos, 2014. 203 p.

2. Gistoryja sjaljanstva Belarusi sa starazhytnyh chasow da nashyh dzjon: u 3 t. T. 2: Gistoryja sjaljanstva Belarusi ad rjeformy 1861 g. da sakavika 1917 g. [The history of the peasantry of Belarus from ancient times to the present days: in 3 vol. Vol. 2. The history of the peasantry of Belarus from the reform of 1861 to March 1917]. Minsk, Bel. navuka, 2002. 552 p.

3. Delo o peredache v mestnye uchrezhdenija razrabotki voprosov po zemleustrojstvu i uluchsheniju krest'janskogo hozjajstva [The case of transferring to local institutions the development of issues on land management and improvement of the peasant economy]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive], f. 1276, op. 4. 1908, d. 511. 131.

4. Delo o perehode krest'jan d. Kubliki Kobrinskogo uezda ot shnurovogo k hutorskemu zemlevladieniju [The case of the transition of the peasants of the Kubliki village of the Kobrin county from the cord to the farm land tenure]. *Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi v g. Grodno* [National historical archive of Belarus in Grodno], f. 18, op. 1, d. 598. 5 l.

5. Delo ob obrazovanii osobyh soveshhanij po primeneniju zakona 9 nojabrja 1906 goda [The case of the formation of special conferences on the application of the law of the 9th of November 1906]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive], f. 1291, op. 31, 1908, d. 362. 234 l.

6. Delo ob uvelichenii okladov sodержaniya nepremennym chlenam gubernskih i gubernskih po krest'janskim delam prisutstvij [The case of an increase in the salaries of the constant members of the provincial and provincial peasant offices]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive], f. 1278, op. 2, d. 2057. 52 l.

7. Delo ob uchrezhdenii uezdnyh zemleustroitel'nyh komissij v Grodnojskoj gubernii [The case of the establishment of county land management commissions in the Grodno province]. *Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi v g. Grodno* [National historical archive of Belarus in Grodno], f. 18, op. 1, d. 478. 157 l.

8. *Ezhegodnik Glavnogo upravlenija zemleustrojstva i zemledelija po Departamentu zemledelija i Lesnomu departamentu* [Yearbook of the General Directorate of Land Management and Agriculture for the Department of Agriculture and the Forestry Department], 1911, no. 5. Saint Peterburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1912. 1027 p.

9. Emel'janova T.V. *Dejatel'nost' gubernskih i uezdnyh zemleustroitel'nyh komissij po osushhestvleniju agrarnoj (stolypinskoj) reformy* [Activity of provincial and district land management commissions for the implementation of agrarian (Stolypin) reform]. *Izvestiya SPbSAU*, 2017, no. 1 (46), pp. 238-244.

10. Zhurnaly Vilenskogo gubernskogo prisutstvija po zemleustroitel'nomu otdelu za 1908 god [Logs of the Vilna provincial office on the land management department for 1908]. *Litovskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Lithuanian state historical archive], f. 386, op. 1, d. 5. 263 l.

11. Zhytko A. P., Talmachova S. A. *Struktura i funkcyi organaw mjascovaga dzjarzhavnaga kiravannja* [Structure and functions of local government bodies // Gramadska-palitychnae zhyccjo w Belarusi, 1772–1917 gg. Social and political life in Belarus, 1772–1917]. Minsk, Belaruskaya navuka, 2018. 86-135 pp.

12. Komitet po zemleustroitel'nyh delam. Kratkij ocherk za desjatiletie: 1906–1916 [Committee on land management affairs. A brief sketch of a decade: 1906–1916]. Petrograd, T-vo R. Godike i A. Vil'borg, 1916. 62, VII, [10] p.

13. Kratkij obzor desjatiletnej dejatel'nosti krest'janskich uchrezhdenij Vilenskoj gubernii, preobrazovannyh po zakonu 12 ijulja 1889 goda (1 dekabrja 1903 – 1 dekabrja 1913) [A brief overview of the ten-year activity of institutions on peasantry of the Vilna province, transformed according to the law of the 12th of July 1889 (the 1st of December 1903 – the 1st of December 1913)]. Vil'na, Gubernskaja tip-ja, 1913. 37 p. *Nauchno-spravochnaja biblioteka RGIA. Pechatnaja zapiska 14926* [Scientific reference library of the RSHA. Printed note no. 14926].

14. O rezul'tatah revizij krest'janskich uchrezhdenij Vilenskoj gubernii [About the results of audits of peasant institutions in the Vilna province]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive], f. 1, op. 31, 1908, d. 28. 425 l.

15. Pamjatnaja knizhka Minskoj gubernii na 1908 god [Commemorative book of the Minsk province for 1908]. Minsk, Tip. S.A. Nekrasova, 1907. 200, 163, [3] p.

16. Perepiska s Glavnym upravleniem zemleustrojstvom i zemledeljem i dr. ob otkrytii Grodnojskoj gubernskoj zemleustroitel'noj komissii [Correspondence with the Main Directorate of land management and agriculture and etc. about the foundation of the Grodno provincial land management commission]. *Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi v g. Grodno* [National historical archive of Belarus in Grodno], f. 32, op. 1, d. 225. 19 l.

17. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tretje. T. 9 (1889)* [Full collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 9 (1889)]. Saint Peterburg, Gosudarstvennaia tip., 1891. 1490 p.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tretje. T. 26 (1906)* [Full collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 26 (1906)]. Saint Peterburg, Gosudarstvennaia tip., 1909. [2], 1141, [29] p.

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tretje. T. 30 (1910)* [Full collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 30 (1910)]. Saint Peterburg, Gosudarstvennaia tip., 1913. [2], 1408, 29 p.

20. Taranovich K. Ju. *Dejatel'nost' zemleustroitel'nyh komissij po realizacii stolypinskoj agrarnoj reformy v Belarusi (1906–1917 gg.): diss. ...kand. ist. nauk* [Activities of the Land Use Planning Committees Connected with Implementation of the Stolypin Agrarian Reform in Belrus (1906–1917): Cand. hist. sci. diss.]. Minsk, 2016. 239, [2] l.

21. Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah sel'skohozjajstvennoj promyshlennosti: v 58 t. [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry: in 58 vol.]. Saint Petersburg, Tip.

Tov-va «Narodnaja pol'za», 1903–1904. Vol. 4, 1903, IV, 212 p.; Vol. 5, 1903, 534 p.; Vol. 11, 1903, V, 544 p.; Vol. 21, 1903, VIII, 435 p.; Vol. 22, 1903, V, 167 p.

22. Turchaninov N. *Itogi pereselencheskogo dvizhenija za vremja s 1896 po 1909 gg. (vkljuchitel'no)* [The results of the resettlement movement for the period from 1896 to 1909 (inclusive)]. Saint Peterburg, Izd. Pereselen. upr., 1910. [2], VIII, 85 p.

23. Turchaninov N. *Itogi pereselencheskogo dvizhenija za vremja s 1900 po 1914 gg.*

(vkljuchitel'no) [The results of the resettlement movement for the period from 1900 to 1914 (inclusive)]. Petrograd, Izd. Pereselen. upr., 1916. [6], 81 p.

24. *Uzakonenija, odnosjashhiesja do zemleustroitel'nyh komissij, obrazovannyh v silu imennogo vysochajshego ukaza 4 marta 1906 goda* [Legislation relating to land management commissions formed by virtue of a nominal imperial decree of the 4th of March 1906]. Kazan', Lito-tip. I.N. Haritonova, 1906. 64 p.

Information About the Author

Svetlana A. Tolmacheva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of the History of Belarus and Slavic Nations, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Sovetskaya St, 18, 220030 Minsk, Republic of Belarus, tolmachova.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-0282>

Информация об авторе

Светлана Александровна Толмачева, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, tolmachova.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-0282>

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

В 1920-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. **=====**

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

UDC 327(470)

LBC 63.3(235)

Submitted: 14.09.2019

Accepted: 23.01.2020

**POLICY OF POSTPONED SOVETIZATION: RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE
SOCIALIST REPUBLIC AND GEORGIA IN 1920–1921 ¹**

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author presents a brief description of the situation in the South Caucasus after the establishment of the Soviet power in Azerbaijan. A brief characteristic of the international context influencing decision-making in relation to Georgia and Armenia is given. The author makes a short review of historiography. *Methods and materials.* A list of historical sources is presented. The materials of the Archive of foreign policy of the Russian Federation and the Russian state archive of social and political history, private documents and the description of Menshevik Georgia in 1920 by Soviet scientist and publicist N.L. Meshcheryakov are the base of the research. *Analysis.* Based on these sources, the author explores the Soviet-Georgian relations, which are considered as interstate, since Russian Soviet Federative Socialist Republic legally accepted the independence of the Georgian state. A comparison of the positions of the representatives of the Caucasus Bureau and the People's Commissariat for Foreign Affairs revealed the difference in approaches to politics in Georgia. Moscow was against forced Sovietization and considered the Georgian Republic as a temporary buffer between Russia, on the one hand, and the forces of the Entente and Kemalist Turkey, on the other. The main directions of the Soviet-Georgian interaction were analyzed. The author, giving examples from documents, proves that Georgia was used as a center for strengthening control over Azerbaijan, consolidating success in the North Caucasus and pursuing a policy of reintegrating the South Caucasus into the Russian statehood. One of the clauses of the Soviet-Georgian treaty signed in May 1920 was the creation of an associated commission. The article considers the features of its work and shows its inefficiency using the documents. *Results.* The author draws the conclusion that achieving independence in a wide international context was impossible for Georgia at that date. The RSFSR policy during 1920–1921 can be called the course of postponed Sovietization. It became an independent stage in the reintegration of the South Caucasus.

Key words: Caucasus Bureau, S. Kirov, Sovietization, Georgia, Russian Soviet Federative Socialist Republic, G. Chicherin, international relations, Soviet embassy.

Citation. Ambartsumyan K.R. Policy of Postponed Sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 119-132. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

УДК 327(470)

ББК 63.3(235)

Дата поступления статьи: 14.09.2019

Дата принятия статьи: 23.01.2020

**ПОЛИТИКА ОТЛОЖЕННОЙ СОВЕТИЗАЦИИ:
РСФСР И ГРУЗИЯ В 1920–1921 ГОДАХ ¹**

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье описана ситуация, сложившаяся на Южном Кавказе после установления советской власти в Азербайджане в начале 1920 года. Дается краткая характеристика международной ситуации, влиявшей на принятие решений Кавбюро и Наркомата иностранных дел в отношении Грузии и Армении. Здесь же сделан краткий историографический обзор изучаемой проблемы. *Методы и материалы.* Перечислены источники, к которым относятся документы Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории, источники личного происхождения и описание меньшевистской Грузии 1920 г., сделанное советским ученым и публицистом Н.Л. Мещеряковым. *Анализ.* На основании указанных источников автором исследуются советско-грузинские отношения, которые квалифицируются как межгосударственные, так как РСФСР юридически признала независимость грузинского государства. Сравнение позиции представителей Кавбюро и НКВД позволило выявить разницу подходов к политике в Грузии, Москва была против форсированной советизации и рассматривала кавказскую республику как временный буфер между Россией, с одной стороны, силами Антанты и кемалистской Турцией – с другой. Были проанализированы главные направления советско-грузинского взаимодействия. Автор, приводя примеры из документов, доказывает, что Грузия использовалась как центр поддержания контроля над советизированным Азербайджаном, закрепления успехов на Северном Кавказе и проведения политики реинтеграции Южного Кавказа в состав российской государственности. Одним из пунктов советско-грузинского договора, подписанного в мае 1920 г., было создание смешанной комиссии, в рамках статьи на конкретных документах рассматриваются особенности ее работы и показана ее неэффективность. *Результаты.* Сделаны выводы о невозможности достижения Грузией независимости в широком международном контексте в тот период. Политика РСФСР в течение указанного периода может быть названа курсом отложенной советизации, которая стала этапом реинтеграции Южного Кавказа в состав России.

Ключевые слова: Кавбюро, С.М. Киров, советизация, Грузия, РСФСР, Г.В. Чичерин, международные отношения, советское полпредство.

Цитирование. Амбарцумян К. Р. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 119–132. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.9>

Введение. К 1920 г. большевики оттеснили Добровольческую армию с Северного Кавказа и вышли к пределам Южного. 8 апреля 1920 г. было сформировано Кавказское Бюро Центрального Комитета РКП (б). Возглавили новый орган партийного руководства в регионе Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров. Кавбюро стало главным инструментом советского правительства для реинтеграции Южного Кавказа в состав России. Прежде всего предстояло установить советскую власть во всех трех республиках, так как находившиеся в тот момент у власти национальные правительства стояли на позициях сохранения независимости и добивались признания своей государственности в Европе.

Фон советско-турецких и советско-британских отношений повлиял на процесс и скорость советизации на территории Южного Кавказа. В первом случае ускорилась советизация Азербайджана, а затем осенью 1920 г. большевики пришли ко власти в Армении. Успехам советской власти на Кавказе благоприятствовала кемалистская революция в Турции. В ноябре 1918 г. Константинополь был занят войсками Антанты, турецкий парламент

распустили, поэтому Мустафа Кемаль созвал парламент в Ангоре, там же было сформировано правительство. И в Турции, и в России пришедшие к власти правительства столкнулись с проблемами признания и сохранения национальной независимости, на этой почве началось сотрудничество. При внешнем сближении ангорского и большевистского правительств подспудно шла борьба за преобладание на Южном Кавказе. Во втором – был отложен захват независимой Грузии, так как синхронно с советизацией Южного Кавказа большевики пытались наладить торговые отношения с Великобританией и форсированная советизация Грузии в 1920 г. могла помешать переговорам.

В научной литературе проблема взаимоотношений Грузии и советской России в период после провозглашения независимости и до советизации, безусловно, освещалась [9]. Отдельной темой для изучения стали отношения Грузии и Добровольческой Армии [7; 8; 12; 13; 19]. С необычного ракурса на советско-грузинские отношения смотрит А.В. Ганин, его статья представляет собой комплексное исследование истории советской разведки в

Грузии на материалах миссии П.П. Сытина [3]. Историки, российские и зарубежные, рассматривают советско-грузинские отношения с ракурса международного контекста установления советской власти на Южном Кавказе [2; 10; 19; 21; 22; 23]. В рамках данной статьи ставится цель изучить на архивном материале реалии советско-грузинских отношений в 1920–1921 годы. Данная хронология ограничивается двумя важными событиями: подписанием Московского договора в мае 1920 г. с признанием Россией независимости грузинского государства и вступлением XI армии в Тифлис в феврале 1921 года.

Методы и материалы. Исследование построено на неопубликованных источниках, собранных в Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Фонд секретариата Г.В. Чичерина АВП РФ представлен многочисленными донесениями, подготовленными служащими представительства РСФСР в Грузии, в том числе главными дипломатическими представителями: С.М. Кировым и А.Л. Шейнманом. Кроме того, использовались инструкции, рекомендации и указания, которые направлялись в Кавбюро заместителем наркома иностранных дел Г.В. Чичерина Л.М. Караханом. Из фонда С.М. Кирова РГАСПИ для данной статьи использовались материалы писем, адресованных непосредственно Г.В. Чичерину. Применение компаративного анализа позволило выявить различие подходов большевистских лидеров в регионе и в центре к проводимой в Грузии политике: и к ее перспективам с точки зрения международных отношений советского государства в целом, и к ее успехам в геополитическом противостоянии на Южном Кавказе в частности. Объект исследования и комплекс источников потребовали реализации междисциплинарного подхода, который выразился в проведении политического анализа. Данный метод заимствуется из политологии и предполагает изучение политической и управленческой деятельности людей в конкретных условиях, кроме того, выявление факторов, влияющих на принимаемые политические решения на макро- и микроуровнях. Под последним понимается ситуация на Южном Кавказе, мак-

роуровень обозначает широкий контекст внешней политики советского государства.

Большое значение для результативности работы имело применение такого вида исторических документов, как источники личного происхождения. Речь идет о воспоминаниях грузинского дипломата З. Авалова и дневнике одного из известных белых военачальников М.А. Фостикова. Традиционно история международных отношений основана на дипломатических источниках. Привлечение так называемых эго-документов позволило существенно расширить представления об описываемых событиях, увидеть их глазами непосредственных участников. Компаративный анализ позволил выявить различия в отражении одного и того же события официальным документом и источниками личного происхождения, что способствовало более комплексной реконструкции изучаемых событий.

Интересный и информативный источник для историка Кавказа представляет собой работа советского ученого и публициста Н.Л. Мещерякова «В меньшевистском раю». С точки зрения жанровой она может быть квалифицирована как травелог, то есть описание путешествия. В работе с ней использовались подходы интеллектуальной истории, позволяющие выявить корреляцию между личностью автора и приводимыми в тексте сведениями.

Анализ. Члены Кавбюро выражали готовность к продвижению в Тбилиси сразу же после утверждения советской власти в Азербайджане. Однако Наркомат иностранных дел категорически запретил, так как именно в этот момент шли переговоры о налаживании торговых отношений с Англией и чрезмерное увлечение региональной кавказской политикой, какие-либо перегибы в ней были недопустимы. На данную аргументацию Москвы исследователи неоднократно обращали внимание. Например, на разницу в подходах к кавказской политике в центре и на местах одним из первых указал А.В. Квашонкин. Историк проанализировал переписку большевистского руководства и выявил расхождение позиций В.И. Ленина и Г.К. Орджоникидзе, который готовил скорейшую советизацию Грузии вслед за Азербайджаном. Ленин был категорически против [9, с. 167]. Архивные документы позволяют детализировать представления исто-

риков о мотивах большевистского руководства, сознательно предотвратившего форсированную советизацию Грузии весной 1920 года. Слабым местом при захвате Грузии был бы порт Батум, большевики опасались его потерять окончательно. Заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан адресовал Г. Орджоникидзе секретное распоряжение, в котором пояснил, что устанавливать советскую власть в Грузии категорически запрещает ЦК. Москва рассчитывала на изгнание англичан из Батуми силами меньшевистской Грузии. Значение несоветизированной Грузии для широкого контекста международных связей Карахан определил следующим образом: «...нам выгоднее чтобы англичане были изгнаны из Батуми руками буржуазной Грузии, чем путем пропуска наших войск втянуться в войну с англичанами. Грузия нужна нам как временный буфер, будучи советской она не смогла бы в этой роли служить. Азербайджану следует заключить мир с Грузией, причем если имеются договоры с Азербайджаном, основанные на взаимных началах, их можно восстановить. Только получение ими нефти надо обставить так, чтобы мы всегда держали их в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан, если будет затягиваться, мы можем закрыть нефть в нефтепроводах, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьезным кнудом для них, так как они получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд» [14, л. 43].

7 мая 1920 г. был заключен советско-грузинский договор (Московский договор), по которому РСФСР признала независимость Грузинской Демократической Республики и обязывалась не вмешиваться в ее внутренние дела. Большевики были вынуждены выстраивать с ней отношения как с суверенным государством. Статья 5 договора предусматривала интернирование остатков белого движения, передачу орудий и военно-морских судов, оставшихся от Добровольческой армии, в ведение РСФСР. Грузия обязывалась не допускать пребывания лиц и создания на своей территории организаций, «претендующих на роль правительства России». Советское правительство также брало на себя обязательство не поддерживать оппозицию грузинскому правительству на своей территории [5, с. 10–12].

Для соблюдения условий договора между двумя государствами создавалась русско-грузинская комиссия (смешанная комиссия) о военных гарантиях во главе с Л.И. Рузером.

Дипломатическим представителем РСФСР в Грузии назначили С.М. Кирова, затем осенью его сменил А.Л. Шейнман. Советским военным представителем, фактически военным атташе, в Грузинской демократической республике был назначен генерал-майор П.П. Сытин, который в 1918 г. командовал Южным фронтом [3, с. 207]. Он не был большевиком, не занимался политикой, главной его задачей как военного в Грузии была разведка и сбор сведений о военном состоянии республики и ее соседей. Беспартийность П.П. Сытина позволяла ему легче контактировать с нужными людьми, невзирая на то что был советским военным атташе. Первоначально он сосредоточивался на положении интернированных белых частей и на связях Грузии с врангелевским Крымом. Одной из заслуг П.П. Сытина стало предупреждение РСФСР о подготовке белыми десанта на Кубани. Освещая ситуацию в Грузии, П.П. Сытин предупреждал об антибольшевистском движении на Северном Кавказе, которое поддерживалось из Крыма и Грузии. Таким образом, беря под контроль Грузию, большевики стали осуществлять политику в широком региональном контексте. Они закрепляли результаты, достигнутые на Северном Кавказе, и готовили почву для полной реинтеграции Южного Кавказа. Так происходила слежка за вооруженными силами Армении и Турции [3, с. 221]. Более того, в Армению была направлена группа в район действий турецкого командующего Кара-Бекира, параллельно налаживалась связь Константинополя с Тифлисом с целью получения сведений о событиях в Греции, Болгарии, Румынии, Сирии и Месопотамии. Данные П.П. Сытину поступали более чем от 40 информаторов. При этом приоритетным направлением был сбор материалов о вооруженных силах закавказских республик [3, с. 224]. Советские представители всех уровней и направлений в Грузии стремились не терять контроля над внутрорегиональными процессами.

Осенью 1920 г. в распоряжение дипломатического представительства в Тифлис был откомандирован Н.Л. Мещеряков – советский

историк литературы, публицист, по политическим взглядам и партийной принадлежности большевик. Его обобщающее сочинение, своего рода путевые зарисовки по итогам поездки, вышло в 1921 г., еще до провозглашения советской власти в Тифлисе, и называлось иронично – «В меньшевистском раю» [12]. Статус автора трудно определить, вероятнее всего, необремененный официальными полномочиями Н.Л. Мещеряков выполнял роль стороннего наблюдателя и аккумулировал максимальное количество сведений, которые помогали бы формировать комплексное представление о состоянии дел в Грузинской республике. Его политическая ангажированность, безусловно, налицо, но в то же время советская власть была заинтересована в получении достоверных сведений с мест, поэтому Н.Л. Мещеряков максимально скрупулезно отразил все происходящее в Грузии и вокруг нее. Помимо катастрофического социально-экономического и политического положения, автор зарисовок дал комплексную характеристику международного контекста, сложившегося вокруг Грузии. Республика оказалась окружена силами Антанты, Советской России и кемалистской Турции. В этих условиях грузинский нейтралитет и независимость были утопией, так как центр международного противостояния сместился на Восток и для самосохранения необходимо было ориентироваться на ту или иную силу. Официально глава грузинского правительства – Ной Жордания – пытался поддерживать курс избегания приверженности «империалистам и большевикам» [11, с. 48]. Однако это диссонирует с реальностью, так как идти на компромиссы с той же советской Россией приходилось. К тому же избежать колебаний во внешней политике грузинские меньшевики осенью 1920 г. никак не могли, так как ходили упорные слухи, что англичане снова хотят занять Батум [11, с. 50], который мыслился как неотъемлемо грузинский.

Провозглашенная независимость Грузинской демократической республики не улучшала, а даже усугубляла экономическое положение. Внутренняя ситуация республики была катастрофической и вынуждала грузинское правительство подписывать торгово-транзитные договоры с Россией и Азербайджаном.

Нарком иностранных дел Азербайджана М. Гусейнов, докладывая Г.В. Чичерину об отношениях с Грузией, передавал следующее состояние дел: «...положение Грузии таково, что вся промышленность остановилась, большая часть заводов не работает, электричество только на несколько часов, сократилось трамвайное движение. На днях было издано постановление, что автомобильная езда разрешается только военным властям и бензин отпускаться будет только им. Движение поездов сократилось до минимума, тарифы выросли в 100 раз против мирного времени. ...Под значительную партию марганца Грузиины получили в Англии заем в 200 тыс. фунтов стерлингов, на них они много не получают. Откуда получить эти стерлинги неизвестно. ...Вывезен табак в Лондон, но он не продается, так как сформировалось мнение, что он плохого качества. ...Прекратился подвоз товаров в Батум, все что там было вывезено в Константинополь, отчасти в Крым. ...В Грузии есть каменный уголь, но и он невысокого качества и с примесью песка, от него паровозы страшно портятся» [20, л. 10–11].

Второй секретарь полпредства РСФСР в Грузии И. Дивильковсковский подчеркивал схожесть с ситуацией в России: «...следует помнить, что экономически Грузия та же Советская Россия, куда лишь случайно попадают такие вещи, как медикаменты и оттуда также как из России бегут богатые специалисты доктора с европейской известностью. Объясняется все это низким курсом грузинских бонов, вызванным в значительной степени настоящей отрезанностью Грузии от Баку. Если Вы следите за грузинской прессой, то заметили, вероятно, какой глубокий интерес вызвали во всех газетах, а в частности в органе богатой торгово-промышленной армянской буржуазии “Слове”, приезд Гусейнова в Тифлис и возобновление торговых переговоров, все здесь отлично понимают, что с одним марганцем, низкопробным табаком, Боржомской водой и кахетинскими винами Грузия далеко не уедет и не остановит падения своей валюты на Константинопольском рынке, Чиатурские же копи дают ограниченное производство, чтобы их торговля отзывалась на общей сумме грузинского экспорта. Всем этим обуславливается интерес грузин к переговорам с Гусейновым, для них не так важна нужда само-

го государства в нефти, для удовлетворения которой есть запасы, как возможность вывоза нефти за границу и поднятия курса бонов» [16, л. 18].

Экономический упадок усугублялся внешнеполитическим контекстом жизни республики, грузинскому правительству фактически никто не оказывал эффективной помощи. Для иностранных миссий, например для итальянской, Грузия имела экономическую ценность. Однако Италия сама испытывала серьезные трудности, при этом была бедна полезными ископаемыми. В связи с этим в Грузии итальянцы ставили целью решить проблемы собственного дефицита ресурсов. Кроме того, судя по беседам С.М. Кирова с итальянским послом в Закавказье Мерконтейлли, позиция России имела значение для Европы. Он подчеркивал, как важно существование «грузинского мостика» для Запада в целом и Италии в частности. Ситуация показательна, так как демонстрирует, что Россия нуждалась в Грузии для налаживания сообщения с Европой. Батум С.М. Киров уже рассматривал как порт подконтрольный и поэтому гарантировал Мерконтейлли безопасность для итальянских купцов и товаров [17, л. 102].

Кризис финансовый и упадок в производстве вынуждал грузинское правительство искать помощи в Европе. Министр финансов К.П. Канделаки в Лондоне направился в Лондон за займом и с собой увез для продажи крупную партию табака. Товар в итоге пришлось отдать за бесценок, практически себе в убыток [17, л. 19]. Прибывшая в сентябре 1920 г. в Тифлис делегация Женевского Конгресса III Интернационала во главе с Каутским смогли помочь только советами, а именно в качестве средств выхода из кризиса рекомендовали усиление налогов, принудительные займы и концессии с представителями европейского капитала [15, л. 2].

14 ноября 1920 г. был подписан двусторонний транзитный договор между Россией и Грузией. В нем шла речь о транзите без пошлин, но с соблюдением таможенных формальностей. В секретных пунктах договора Грузия обязывалась отдать России и Азербайджану в арендное пользование нефтехранилища в Батуме со всеми приспособлениями слива и налива, насосные станции и налив-

ные приспособления [20], без всего этого оснащения транспортировка и экспорт нефти были невозможны. Неравноправность положения грузинской стороны усиливалась ограничением не допускать хранения нефтепродуктов кем-либо другим кроме России и Азербайджана.

В июне 1920 г. в Акстафе (Азербайджан) было заключено торгово-транзитное соглашение между Россией и Азербайджаном с одной стороны и Грузией – с другой. От России соглашение подписывал представитель Наркомата внешней торговли А. Шейнман, от Азербайджанской ССР – нарком иностранных дел М. Гусейнов, от Грузинской Демократической Республики – К. Сабахтарашвили. Согласно акстафинскому соглашению, Грузии отпускались ежемесячно нефтепродукты, а грузинская сторона соглашалась на транзит грузов через свою территорию, в том числе и нефти.

Заключение договоров было направлено не только на урегулирование советско-грузинских и азербайджано-грузинских отношений. Советское правительство стремилось всячески продемонстрировать и Грузии, и Европе умение уважать чужой суверенитет и соблюдать подписываемые соглашения. Мерконтейлли убеждал С.М. Кирова в том, что на примере отношений с закавказскими республиками Советская Россия может показать миру свои деловые качества, что будет способствовать заключению с ней соглашений о сотрудничестве. В то же время снималась напряженность в отношениях советского и грузинского правительств и появилась возможность контролировать отношения Грузии с другими кавказскими республиками. Так, силами полпредства были пресечены попытки в двустороннем порядке решить вопрос о транзите нефти и налаживании сотрудничества Грузии и Азербайджана.

Функционально полпредство РСФСР, как и миссия П.П. Сытина, стало инструментом сбора информации и контроля над ситуацией не только в Грузии, но и во всем Закавказье. Регулярные письма С.М. Кирова, адресованные Г.В. Чичерину, свидетельствуют о широте политических полномочий представительства, и они выходили далеко за пределы грузинских границ. Например, предпринимались

попытки снять остроту армяно-азербайджанского конфликта. В Тифлисе при посредничестве С.М. Кирова устраивались совещания. Суть конфликта сводилась к территориям: Шаруро-Даралагезский уезд, Нахичеванский уезд, Ордубат, Джульфа, Зангезур, Карабах. С.М. Киров пессимистически оценивал перспективы разрешения данного вопроса на месте. Он призывал Г.В. Чичерина «решить этот вопрос Москве». Прекращение территориальных споров Азербайджана и Армении с его точки зрения возможно было только путем проявления политической воли советского правительства, иначе дискредитировалась вся политика России на Кавказе, так как нейтральное отношение будет пониматься как злой умысел или беспомощность [18, л. 14–15]. И то, и другое означало репутационные издержки для России в международном контексте.

Официально для всего мира шло налаживание отношений между двумя независимыми государствами. На самом же деле, не имея возможности полностью взять под контроль территорию, советская власть через договоры пыталась пресечь поддержку Антантой Врангеля через Грузию, а также оградить от преследования властей представителей коммунистической партии. Добиться соблюдения этих пунктов было крайне трудно, в том числе по причине непрофессионализма сотрудников полпредства. Свидетельства с мест формируют картину полной дезорганизации и самостоятельности в работе советского представительства. Большевики не наработали опыта в сфере международных отношений, не имели должного кадрового обеспечения для работы в представительстве. Для соблюдения договоров создавалась смешанная русско-грузинская комиссия. Смешанная комиссия с поставленными задачами не справилась и дискредитировала себя. И. Дивильковский регулярно информировал Г.В. Чичерина о беспорядках в организации работы комиссии и бесчинствах ее главы Л.И. Рузера, который занимал должность полномочного представителя наркомвнешторга РСФСР в Грузии. Он приводит вопиющий случай, когда в Британскую миссию явился советский сотрудник и продал англичанам один из шифров. И. Дивильковский подозревал именно Л. Рузера и его любовницу [20, л. 14].

Камнем преткновения в советско-грузинских отношениях стало невыполнение договоренности об интернировании и разоружении белогвардейских частей. В донесениях П.П. Сытина зафиксировано тяжелое положение денкинцев в Поти и Тифлисе, они голодали, но в советскую Россию возвращаться боялись. Нередки были случаи, когда их обманом увозили в Крым к Врангелю, обещая помочь переправиться в Европу. П.П. Сытин разумно предлагал поддержать белогвардейцев, чтобы они не пополняли ряды врангелевского войска. Он начал сам предпринимать попытки помощи интернированным белым, однако для решения проблемы нужны были деньги, которых ни у миссии, ни у полпредства не было [3, с. 215].

В источниках неоднократно встречаются упоминания случаев нарушения пункта договора об интернировании. Так, в переписке советника полпредства в Грузии Л.Н. Старка с Г.В. Чичериным описана известная ситуация, сложившаяся вокруг генерала М.А. Фостикова. С.М. Киров в ноте, адресованной министру иностранных дел Грузии, представил следующее видение событий: «Фостиковская “армия” разбита окончательно. Часть погрузилась в Адлере на суда и перевезена в Крым. Часть перешла грузинскую границу и по заявлению грузин, интернирована ими в районе Гагр. Они предложили мне послать представителей для принятия интернирования, согласно договору. Завтра выезжает сюда товарищ Сытин с необходимыми людьми. По словам грузин, к Гаграм подходили врангелевские суда и требовали под угрозой обстрела и выдачи им интернированных, но грузины не согласились. Я думаю это комедия. Фостиковцы просачиваются небольшими партиями в Крым через Поти и Батум при полнейшем попустительстве грузинских властей» [15, л. 2]. Удивление и возмущение советских представителей вызывало то, как открыто врангелевские суды вывезли казаков Фостикова, которые по советско-грузинскому договору подлежали интернированию: «14 октября к интернированным в сопровождении также “интернированного” генерала Фостикова прибыл командующий грузинскими войсками Сухумского округа генерал Мачевариани. В это время в гагринском рейде появился врангелевский крейсер Алмаз. Грузинское прави-

тельство не отводит казаков в тыл и не усиливает охрану интернированных (20 грузинских солдат караулило 5 тысяч казаков), но наоборот грузинское правительство приказывает генералу Мачевариани выгружать с врангелевских судов муку и этим узаконивает подход врангелевских судов к берегу. ...Затем казаки погружаются на суда и уходят в море» [15, л. 54].

Данный исторический эпизод известен, однако представляется целесообразным сравнить видение ситуации советскими представителями с описаниями событий в дневнике самого М.А. Фостикова. Грузинское правительство оказалось между двух огней. Комиссия, состоявшая из большевиков и грузинских представителей, действительно выехала из Тифлиса в Гагры, и полковник Сумбатов сообщил, что правительство планирует выдать группу казаков большевикам. Более того, Сумбатов категорично обозначил М.А. Фостикову грузинскую позицию, утверждая, что ему для сохранения страны необходимо жить в мире с Россией, поэтому интернирование неизбежно [4, с. 158–159]. Приведенные архивные документы показывают ошибочность трактовки поведения грузинской стороны советской стороной, так как М.А. Фостиков довольно обстоятельно описал, какие препятствия ему чинили именно грузины, решительно настроенные сдать казаков большевикам.

Советское представительство в Тифлисе неоднократно указывало на факты снабжения Врангеля нефтепродуктами. Зачастую оно оказывалось в тупике по причине того, что доказательная база «не достаточно документальна и официальна» [6, л. 49]. Однако, когда предъявлялись неопровержимые доказательства, грузинское правительство попадало в затруднительное положение. Например, пришлось признать уступку нефтепродуктов ростовскому промышленнику и либералу Н.Е. Парамонову, который активно помогал Врангелю и играл видную роль при его правительстве [6, л. 49]. С Н.Е. Парамоновым связана конфликтная ситуация вокруг корабля «Принцип», находящегося в порту Поти. Судно считалось одним из самых крупных и фактически до революции принадлежало семье Парамоновых. Однако РСФСР в связи с проходившей национализацией объявила все российские суда в грузинских портах своей собственностью и грузинские власти обязывались их не выпускать. Когда Парамоновы с оставшимися сбережениями в ночь с 28 на 29 декабря 1920 г. эмигрировали на «Принципе» в Константинополь, советское представительство обвинило грузинские власти в допущении угона российского судна [6, л. 156–157].

Отдельным аспектом Московского договора России и Грузии в 1920 г. являлось положение коммунистической партии, которую грузинское правительство обязывалось легализовать и прекратить ее преследование. Данное положение было изложено в особом секретном дополнении к договору. Преследования прекратились, но только частично, наиболее активные коммунисты были «выловлены», в тюрьмах оказалось около 200 чел. [20, л. 22].

Урегулировать вопрос о преследованиях грузинских коммунистов никак не удавалось. Уже после заключения договора в июне 1920 г. С.М. Киров адресовал в министерство иностранных дел Грузии ноту, выдержанную в ультимативном тоне: «...в моем распоряжении список членов Коммунистической партии, находившихся в тюрьмах до заключения договора между Россией и Грузией вопреки статье X и не освобожденные до сих пор. Не могу не обратить внимание на то, что помещение Представительства РСФСР в Грузии стало источником открытого выдавливания административными властями не только членов Коммунистической партии, но и простых граждан. При выходе из помещения Представительства посетители систематически задерживаются, обыскиваются и арестовываются, высылаются за пределы Грузии. Если эти явления не будут прекращены, то моему Правительству не останется другого выхода как применить ответные репрессии в отношении грузинских граждан находящихся на территории РСФСР» [6, л. 20–21].

Однако грузинская сторона в ответ на подобные обвинения приводила свои доводы, объясняя репрессии против коммунистов необходимостью: «К величайшему огорчению нам приходится констатировать тот факт, что члены Грузинской коммунистической партии, помимо своей легальной работы, пользуясь огромными денежными средствами, получаемыми извне ведут деятельную пропаганду в

войсках, в рядах народной гвардии и широких масс крестьян с целью ниспровержения существующего в стране правопорядка» [6, л. 22–23].

Обострение ситуации вокруг коммунистов было крайне невыгодно для советского правительства, по замыслу Л.М. Карахана, чтобы грузинское правительство безбоязненно изгнало англичан из Батума, оно должно быть уверенно в лояльном к себе отношении со стороны большевиков. Возникла еще одна опасность: слишком хорошие отношения с Грузией могли навредить советской политике в Азербайджане. Таким образом, Тифлис становился центром поддержания равновесия и этнического, и политического на всем Южном Кавказе. Соответственно, такое стремительное провозглашение советской власти здесь могло бы этот баланс нарушить. Именно поэтому Наркомат иностранных дел через Л.М. Карахана поручал Г.К. Орджоникидзе сдерживать активность местных коммунистов и следить за ходом развития советско-турецких отношений: «Соглашаясь с Вами, что мир с христианскими государствами мусульмане оценят неправильно, мы с армянами не вступим в переговоры, прежде чем не завяжутся у нас сношения с Турцией, к нам едет Энвер-Паша и представители Кемал-Паши с Юга. Переговорами с Турцией мы сгладим наш мир с христианской Грузией. Укажите Тифлису, чтобы наши сразу не приступили к изданию газеты и легальной работе. Через Уратадзе (Уратадзе Г.И. – грузинский политик, посол Грузии в России. – *К. А.*) я посылаю краевому комитету много литературы. Укажите крайкому, чтобы они сносились с ними по проводу через Гегечкори, проверьте все ли наши освобождены в Тифлисе, чтобы знали, выполняют ли они свое обязательство. Информировать о положении в Азербайджане, есть ли связи с Персией и Турцией, что происходит в Армении» [14, л. 43].

Официальная нотная переписка между советскими и грузинскими представителями по вопросу положения коммунистов дополняется донесениями с мест, которые получал Г.В. Чичерин от сотрудников полпредства. В Наркоминдел РСФСР приходили следующие свидетельства: «Встреча нашей Миссии здешними коммунистами была самая благо-

желательная, какой только можно было требовать. Однако в отношении членов местного ЦК к нам чувствовалась натянутость. Легализация партии принесла большой вред и работе, и жизни ее членов (аресты, массовые облавы, чего при нелегальном положении не было), против этого нашей Миссией не было принято энергичных мер. Дело ухудшалось скандалами в Миссии на почве неорганизованности. Дебоши и кутежи. Все это отражается на Тифлисском местном мнении, в частности отношении рабочих-коммунистов. Чтобы поправить дело, мы приехавшие из центра создали коммунистическую ячейку и при ней контрольную миссию» [16, л. 5].

Непрофессионализм действий советских представителей вредил интересам России. Например, они должны были следить и гарантировать неукоснительное соблюдение грузинской стороной обещания не помогать Врангелю ни оружием, ни людьми, ни нефтепродуктами. Однако И. Дивильковский в донесениях, адресованных в НКВД, доказывал обратное. Например, один из сотрудников комиссии А.К. Бенкендорф обследовал отправляющиеся в Крым корабли, на которых были белогвардейцы. Однако им они обнаружены не были и из запрещенного выявлена только бочка с керосином [16, л. 5].

Реакция со стороны НКВД РСФСР не заставила себя долго ждать. 4 сентября 1920 г. Г.В. Чичерин Л.И. Рузера отозвал, а комиссию приказал существенно сократить. Москва ситуацию в Тифлисе контролировала плохо, что усугубляло эффект от непрофессионализма действий представителей на местах. Работала со сбоями связь, об этом часто говорится в документах. Слабая коммуникация и отсутствие квалификации приводили к казусам в «дипломатической» работе в Грузии. С.М. Киров часто брал инициативу в свои руки, вплоть до того, что начал назначать консулов в грузинские города. Такая практика была недопустима, так как подобные назначения должно было совершать центральное внешнеполитическое ведомство. Без передачи сведений центру было заключено соглашение о правилах переезда между Грузией и Россией. Г.В. Чичерин вынужден был одергивать С.М. Кирова: «У нас существуют самые строгие ограничения выезда и заезда за границу.

Грузия, несомненно является такой заграницей» [16, л. 40]. От вышеупомянутого И. Дивильковского поступали жалобы на работу С.М. Кирова: «...отправлять пакеты в центр, а не местным Северо-Кавказским учреждениям – как общее правило, я старался соблюдать с самого начала, но это оказалось практически невозможным, так как Киров – человек местный имеет больше интересов во Владикавказе или Баку, чем в Москве. Все безобразия грузин с нашим курьером начались после того, как Киров отправил во Владикавказ своему приятелю Квиркелии автомобильные покрывки, считающиеся здесь контрабандным товаром, в громадном ящике, привлечшим конечно внимание грузин...» [16, л. 5].

В сентябре 1920 г. было принято решение заменить С.М. Кирова на А.Л. Шейнмана в качестве полпреда в Грузии. Однако представленная ситуация в Грузии симптоматична, так как показывает, что договорные отношения были бессмысленны и не работали. России грозила утрата уже занятых позиций, в том числе и на Северном Кавказе. В Нагорном Дагестане с сентября 1920 г. бушевало антибольшевистское восстание. По сведениям, имеющимся у большевиков, грузинское правительство помогало оружием и посылало своих офицеров. Учитывая трудное положение Республики Грузия, советское правительство за помощью повстанцев видело влияние Антанты. Данному факту есть документальное подтверждение в виде письма генерала Туманова – врангелевского уполномоченного в Тифлисе – генералу-помощнику Батумского генерал-губернатора генералу Гедеванову. Туманов был председателем комитета изгнания большевиков из Терской области и Северного Кавказа. Суть ситуации в том, что он передавал Врангелю пакет и просил посодействовать его отправке пароходом в Крым. В обмен из Крыма обещался хлеб, правда, для продажи [6, л. 48]. В связи с этим советизация была средством закрепления в Грузии и сохранения уже достигнутых результатов, а также залогом завершения гражданской войны на Кавказе.

К концу 1920 г. советское руководство полагало, что Восток фактически находится в руках Ленина и Мустафы Кемаля [7]. Основания для уверенности в превосходстве были, западные державы отказались от военно-

политической активности на Кавказе. Грузия оказалась зажата в тиски между советскими республиками и Турцией. Еще в июне 1920 г. Англия приняла решение покинуть Батум, и получив порт в свое распоряжение, Грузия потеряла поддержку. Эту передачу З. Авалов справедливо назвал «даром данайцев» [1, с. 280]. Однако в течение продолжительного периода постоянно стояла угроза, что англичане захотят вернуть Батум, чтобы он не достался большевикам или кемалистам. Особенно данная угроза со всей очевидностью обозначилась, когда турецкие войска, занимая армянские территории, приближались к грузинской границе.

К началу ноября 1920 г. З. Авалов получил поручение начать процесс по вступлению Грузии в Лигу Наций. 16 декабря 1920 г. рассматривался вопрос об Армении, Грузии и Балтийских государствах. По всем кандидатурам голосование было отрицательным. Авалов в кулуарах беседовал с делегатом Кубы, который готовил голосование, и выяснил, что картину определили Англия и Франция. Например, южноамериканские республики однозначно смотрели на их позицию. Со всей очевидностью грузинское правительство осознало беззащитность со всех сторон. Продолжая отстаивать интересы республики в Лиге Наций, Е. Гегечкори обратился с просьбой о юридическом признании независимости и 27 января 1921 г. получил положительное извещение с подписью Аристиды Бриана.

Просчет грузинского правительства был в чрезмерной ориентации на Лигу Наций. На тот момент ситуацию на Южном Кавказе определяли Советская Россия и Кемалистская Турция. В Москву в начале ноября пришла информация от Сталина, что Грузия все-таки вошла в состав Лиги Наций и представлять ее там будет Е. Гегечкори, что расходилось с реальностью. Грузия находилась в тяжелом экономическом положении, остро нуждалась в нефти. Советское правительство требовало от своих представителей в Тифлисе использовать это положение и не допустить, чтобы доведенная до отчаяния Грузия «бросилась в объятия Англии» и передала ей Батум.

16 ноября 1920 г. Г.В. Чичерин поспешил предупредить полномочного представителя Грузии в Москве Г. Махарадзе о том, что занятие Батума будет расцениваться как попыт-

ка создания на юге нового фронта. Такого же протестного содержания нота была отправлена в Великобританию. Опасались не только Англии, вполне реальна была турецкая угроза занятия порта. Кемалистам с Англией соглашения достичь не удалось, но и советское правительство пока еще не довело дело до договора с Анкарой. В связи с этим опасения, что Батум будет утрачен, были обоснованы. От соблазна оккупировать Батум турецкую сторону сдерживала зависимость от поставок советского оружия и золота.

Получив независимость, грузинское правительство поспешило налаживать дипломатические связи с Европой, что отвлекло от главных событий дома. Согласно письмам С.М. Кирова, адресованным Г.В. Чичерину, в августе 1920 г. большая часть грузинских лидеров просто отсутствовала в Тифлисе: кто-то был в Европе, а кто-то и на отдыхе. Возлагая большие надежды на Антанту, грузинское правительство упускало возможность взять под полный контроль ситуацию на месте. Как только на западе у РСФСР с Польшей было достигнуто перемирие, у большевиков руки были развязаны окончательно. 15 февраля 1921 г. на территорию Грузии вошла XI армия, 25 февраля она была уже в Тифлисе. Достаточно трагично на фоне разворачивающегося захвата страны выглядит фигура грузинского посланника во Франции А. Чхенкели, который в этот же день в Париже торжественно ехал к резиденции президента французской республики для вручения верительных грамот.

Результаты. После провозглашения советской власти в Азербайджане в апреле 1920 г. встал вопрос о дальнейших действиях Кавбюро и IX армии. Г.К. Орджоникидзе был настроен решительно относительно Грузии и настаивал на дальнейшем продвижении в Тифлис. Политбюро ЦК выступили категорически против. Во-первых, в это время продолжалась война с Польшей, поэтому делать резкие шаги на Кавказе было опасно. Преждевременная советизация Грузии могла обострить отношения с Англией и Антантой в целом. Во-вторых, архивные источники позволили выявить еще один мотив действий ЦК. Грузия рассматривалась большевиками как временный буфер, который дает возможность бороться с английским влиянием на Южном Кавказе опосредовано, а так-

же контролировать Турцию, имевшую свои интересы в регионе.

Подписанный 7 мая 1920 г. советско-грузинский договор стал первым фактом юридического признания Грузинской Демократической Республики. Дальнейшие отношения предполагали налаживание активного межгосударственного сотрудничества, в первую очередь в сфере экономики, так как обе стороны пребывали в состоянии сильнейшего хозяйственного разорения. Советско-грузинскому взаимодействию были приданы все необходимые внешние формы: обмен представительствами, налаживание консульских связей, формирование договорной базы отношений. При этом фактически несоветизированная Грузия для советской России стала центром дальнейшего включения Южного Кавказа в сферу своего влияния. Азербайджан, хотя там и советская власть установилась раньше всего, традиционно тяготел к Турции, и, будучи советским, он оставался независимым, поэтому о полном его подчинении речи не было. Кроме того, бакинская нефть теряла свое значение без возможности ее транспортировки в Батум. По этой причине хорошие отношения с Грузией были нужны еще в связи с наличием нефтепровода Баку – Батум. Все действия советской власти в рассматриваемый период можно назвать политикой отложенной советизации Грузии. Юридическое признание большевистским правительством грузинской независимости – это был своего рода крюк по пути полного подчинения Южного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)» (№ 18-09-00444).

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “The Greater Caucasus in the context of Russia’s foreign policy (1917–1922)” (No. 18-09-00444).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авалов, З. Д. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки / З. Д. Авалов. – Париж : [б. и.], 1924. – 318 с.

2. Амбарцумян, К. Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. / К. Р. Амбарцумян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 8–15.

3. Ганин, А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина / А. В. Ганин // Государственное управление : электрон. вестник. – 2014. – Вып. 43. – С. 207–251.

4. Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / сост. П. Н. Стрелянова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 15–181.

5. Договор между РСФСР и Грузией // Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая республика. Их взаимоотношения. – М. : Гос. изд-во, 1921. – С. 8–16.

6. Закавказье, РСФСР и Грузинская демократическая республика // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54850. – 150 л.

7. Карпенко, С. В. «Россия на Кавказе останется навсегда»: Добровольческая армия и независимая Грузия (1918–1919 гг.) / С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. – 2008. – № 2. – С. 117–123.

8. Карпенко, С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.) / С. В. Карпенко. – М. : Изд-во Ипполитова, 2006. – 455 с.

9. Квашонкин, А. В. Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства, 1920–1922 гг. / А. В. Квашонкин // Cahiers du Monde Russe. – 1997. – Vol. 38, No. 1–2. – P. 163–194.

10. Ментешашвили, А. Г. Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с советской Россией и Антантой. 1918–1921 гг. / А. Г. Ментешашвили. – Тбилиси : [б. и.], 1989. – 72 с.

11. Мещеряков, Н. Л. В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию / Н. Л. Мещеряков. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 56 с.

12. Михайлов, В. В. Добровольческая армия и Грузия в 1918 г. / В. В. Михайлов, А. С. Пученков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2012. – № 1. – С. 1–9.

13. Муханов, В. М. К истории советизации Закавказья (1920–1921 гг.) / В. М. Муханов // Кавказский сборник. – 2014. – Т. 8 (40). – С. 171–228.

14. Переговоры РСФСР с Грузией и Договор // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 1. – Папка 321. – Д. 54851. – 45 л.

15. Переписка со Старком (1920) // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54845. – 37 л.

16. Переписка Чичерина с Дивильковским (1920) // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54843. – 29 л.

17. Письмо С. М. Кирова Чичерину о политическом положении в Грузии. 19 июля 1920 - 6 августа 1920 // РГАСПИ. – Ф. 80. – Оп. 4. – Д. 106–4 л.

18. Письмо С. М. Кирова из Тифлиса Чичерину Г. В. о политической обстановке Грузии (ответ

на письмо Чичерина Г.В. №1,2,3) // РГАСПИ. – Ф. 80. – Оп. 4. – Д. 11. – 22 л.

19. Пученков, А. С. Национальная политика генерала Деникина / А. С. Пученков. – М. : Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

20. Транзитный договор с Грузией // АВП РФ. – Ф. 4. – Оп. 51. – Папка 321. – Д. 54852. – 34 л.

21. Andersen, A. Georgia and the International Treaties of 1918 – 1921 / A. Andersen. – Ontario : Richmond Hill, 2018. – 480 p.

22. Baberowski, J. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus / J. Baberowski. – München ; Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. – 888 p.

23. Hasanli, J. The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920–1922 / J. Hasanli. – Salt Lake City : University of Utah Press, 2018. – 484 p.

REFERENCES

1. Avalov Z.D. *Nezavisimost' Gruzii v mezhdunarodnoi politike 1918–1921 gg.: Vospominaniya. Ocherki* [Independence of Georgia in the International Politics of 1918–1921: Memoirs. Essays]. Paris, [s. n.], 1924. 318 p.

2. Ambartsumyan K.R. *Mesto Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-turetskom sbliuzhenii v 1920–1921 gg.* [Place of the South Caucasus in the Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Law Studies], 2017, no. 3, pp. 8–15.

3. Ganin A.V. *Sovetskaya voennaya razvedka v Gruzii v 1920–1921 godakh. Missiya Pavla Sytina* [Soviet military intelligence in Georgia (1920–1921). Pavel Sytin's Mission] *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [State Management. Electronic Review], 2014, no. 43, pp. 207–251.

4. *Dnevnik generala M.A. Fostikova* [M. Fostikov's Diary] *Dnevniki kazach'ikh ofitserov* [Diaries of Cossack Officers]. Ed. by P.N. Strelyanov. Moscow, ZAO Tsentropoligraf, 2004, pp. 15–181.

5. *Dogovor mezhdru RSFSR i Gruziei* [Treaty between the RSFSR and Georgia]. *Rossiiskaya Sotsialisticheskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika i Gruzinskaya Demokraticeskaya respublika. Ikh vzaimootnosheniya* [Russian Socialist Federative Soviet Republic and Georgian Democratic Republic. Their Relationship]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921, pp. 8–16.

6. *Zakavkaz'e, RSFSR i Gruzinskaya demokraticeskaya respublika* [Transcaucasia, the RSFSR and the Georgian Democratic Republic] *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54850. 150 l.

7. Karpenko S.V. «Rossiya na Kavkaze ostanetsya navsegda»: Dobrovol'cheskaya armiya i nezavisimaya Gruzija (1918–1919 gg.) [“Russia Will Remain Forever in the Caucasus”: Volunteer Army and Independent Georgia (1918–1919)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin], 2008, no. 2, pp. 117–123.

8. Karpenko S.V. *Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917–1920 gg.)* [Essays on the History of the White Movement in Southern Russia (1917–1920)]. Moscow, Izdatel'stvo Ippolitova, 2006. 455 p.

9. Kvashonkin A.V. *Sovetizacija Zakavkaz'ja v perepiske bol'shevistskogo rukovodstva, 1920–1922 gg.* [The Sovietization of Transcaucasia in the Correspondence of the Bolshevik Leadership, 1920–1922]. *Cahiers du Monde Russe* [Russian World Papers], 1997, vol. 38, no. 1–2, pp. 163–194.

10. Menteshashvili A.G. *Iz istorii vzaimootnoshenii Gruzinskoj Demokraticheskoi Respubliki s sovetskoi Rossiei i Antantoi. 1918–1921 gg.* [From the History of Relations Between the Georgian Democratic Republic and Soviet Russia and the Entente. 1918–1921]. Tbilisi, [s. n.], 1989. 72 p.

11. Meshcheryakov N.L. *V men'shevistskom rayu. Iz vpechatlenii poezdki v Gruziju* [In a Menshevik Paradise. From a Trip's Impressions of Georgia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1921. 56 p.

12. Mikhailov V.V., Puchenkov A.S. *Dobrovol'cheskaya armiya i Gruzija v 1918 g.* [Volunteer Army and Georgia in 1918]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University], 2012, no. 1, pp. 1–9.

13. Mukhanov V.M. *K istorii sovetizatsii Zakavkaz'ya (1920–1921 gg.)* [On the History of the Sovietization of Transcaucasia (1920–1921)]. *Kavkazskii sbornik* [Caucasian Collection], 2014, vol. 8 (40), pp. 171–228.

14. *Peregovory RSFSR s Gruziei i Dogovor* [RSFSR Negotiations with Georgia and the Treaty]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 1, folder 321, d. 54851. 451.

15. *Perepiska so Starkom (1920)* [Correspondence with Stark (1920)]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54845. 371.

16. *Perepiska Chicherina s Divil'kovskim (1920)* [Chicherin's correspondence with Divilkovsky (1920)]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54843. 291.

17. *Pis'mo S.M. Kirova Chicherinu o politicheskom polozhenii v Gruzii. 19 iyulya 1920 – 6 avgusta 1920* [Kirov's Letter to Chicherin About the Political Situation in Georgia. July 19, 1920 - August 6, 1920]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 80, inv. 4, d. 106. 41.

18. *Pis'mo S.M. Kirova iz Tiflisa Chicherinu G.V. o politicheskoj obstanovke Gruzii (otvet na pis'mo Chicherina G.V. №1,2,3)* [Kirov's Letter from Tiflis to G. Chicherin About the Political Situation in Georgia (Response to a Letter from Chicherin G.V. No. 1,2,3)]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 80, inv. 4, d. 11. 22 l.

19. *Puchenkov A.S. Natsional'naya politika generala Denikina* [National Policy of General Denikin]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. 399 p.

20. *Tranzitnyi dogovor s Gruziei* [Transit Agreement with Georgia]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation], f. 4, inv. 51, folder 321, d. 54852. 341.

21. Andersen A. *Georgia and the International Treaties of 1918–1921*. Ontario, Canada, Richmond Hill, 2018. 480 p.

22. Baberowski J. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. München, Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. 888 p.

23. Hasanli, Jamil. *The Sovietization of Azerbaijan: The South Caucasus in the Triangle of Russia, Turkey, and Iran, 1920–1922*. Salt Lake City (UT), University of Utah Press, 2018. 484 p.

Information About the Author

Karine R. Ambartsumyan, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355009 Stavropol, Russian Federation, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Информация об авторе

Каринэ Размиковна Амбарцумян, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355009 г. Ставрополь, Российская Федерация, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.10>

UDC 930(23)

LBC 63.3(2)6-2

Submitted: 22.10.2019

Accepted: 01.08.2020

CONCESSION POLICY OF THE SOVIET UNION IN AGRICULTURE: A REVIEW OF THE RECENT HISTORIOGRAPHY

Ol'ga V. Erokhina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article analyzes the issues of agricultural concession presented in the works of Russian researchers Maxim Matveyevich Zagorulko, Vladimir Viktorovich Bulatov and German historian Marina Schmider. *Methods and materials.* The monographs are significantly complemented by the already known works on concession policy and practice, as the authors introduce a significant number of new sources and statistics from German and Russian archives and libraries. To provide an objective analysis of the scientific works, the author uses the historical-system and historical-comparative methods. *Analysis.* The Russian researchers analyze the economic activities of four agricultural concessions: “Druzag”, “Manych”, “Druag”, “Prikumskoye Russo-American Partnership”. They identified factors that influenced the increase or decrease in profitability of the enterprises. M. Schmider focused her attention on changing the attitude of the government and business circles of Germany to the concession policy pursued in the USSR. In addition, it reveals the role of German agricultural concessions in the development of the German economy. The author identified mechanisms of influence on the Soviet leadership, which were used to facilitate the activities of two large agricultural concessions – Manych-Krupp and Druzag. It should be noted that the memoirs of German employees of agricultural concessions helped to recreate the life and activity of Soviet and German workers and employees, compare their working conditions, describe the relationship with the local population and government officials. *Results.* The authors conclude that the effective management methods and economic activities of these concessions contributed to increasing their competitiveness in comparison with similar Soviet enterprises. However, the activities of the concessions depended not only on the interest of the Soviet leadership in them, but also on the foreign policy relations of Germany and the Soviet state.

Key words: agricultural concession, Soviet Union, Germany, trade Union, Soviet power, historiography.

Citation. Erokhina O.V. Concession Policy of the Soviet Union in Agriculture: A Review of the Recent Historiography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 133-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.10>

УДК 930(23)

ББК 63.3(2)6-2

Дата поступления статьи: 22.10.2019

Дата принятия статьи: 01.08.2020

КОНЦЕССИОННАЯ ПОЛИТИКА СССР В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ольга Викторовна Ерохина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируются вопросы концессионирования сельского хозяйства, представленные в работах российских исследователей Максима Матвеевича Загорюлько, Владимира Викторовича Булатова и германского историка Марины Шмидер. *Методы и материалы.* Монографии существенно дополняют уже известные работы по концессионной политике и практике, так как авторы вводят в научный оборот значительное количество новых источников и статистических данных из немецких и российских архивов и библиотек. Для объективного анализа научных работ нами были использованы историко-системный и историко-сравнительный методы. *Анализ.* Российские исследователи в основном анализируют хозяйственную деятельность четырех сельскохозяйственных концессий «Друзаг», «Маньч», «Друаг», «Прикумское русско-американское товарищество». Статистический анализ, проведенный ими, позволил определить фак-

торы, влиявшие на повышение или понижение рентабельности предприятий. М. Шмидер сосредоточила внимание на изменении отношения правительства и предпринимательских кругов Германии к концессионной политике, проводимой в СССР. Кроме того, раскрывается роль немецких сельскохозяйственных концессий в развитии германской экономики. Немецким историком выявлены механизмы воздействия на советское руководство, которое они использовали, чтобы облегчить деятельность двум крупным сельскохозяйственным концессиям – «Маньч-Крупп» и «Друзаг». Следует отметить, что воспоминания немецких сотрудников сельскохозяйственных концессий помогли воссоздать жизнь и быт советских и немецких рабочих и служащих, сравнить их условия труда, описать взаимоотношения с местным населением и представителями власти. *Результаты.* Авторы делают вывод, что эффективные методы управления и хозяйственная деятельность этих концессий способствовали повышению их конкурентоспособности по сравнению с аналогичными советскими предприятиями. Однако деятельность концессий зависела не только от заинтересованности в них советского руководства, но и от внешнеполитических отношений Германии и Советского государства.

Ключевые слова: сельскохозяйственная концессия, СССР, Германия, профсоюз, советская власть, историография.

Цитирование. Ерохина О. В. Концессионная политика СССР в сельском хозяйстве: обзор новейшей историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 133–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.10>

Введение. В конце XX – начале XXI в. внимание российских ученых было сосредоточено на изучении концессионной политики СССР, проводившейся в 1920–1930-е годы. Это было обусловлено рассекречиванием архивных документов и возрастанием интереса к хозяйственным механизмам периода НЭПа. Кроме того, исследователей интересовал концессионный опыт Советского государства в развитии экономики в связи с ростом численности предприятий с участием иностранного капитала в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В последнее время наблюдается спад исследовательского интереса к данной проблематике.

Обсуждение. О концессионной политике Советского государства написано немало работ. Российские исследователи в основном акцентировали внимание на изучении правового регулирования концессионной практики; выявлении особенностей концессионного законодательства; деятельности концессионных предприятий в отдельных отраслях промышленности и механизмах их функционирования; социально-экономическом положении рабочих и служащих на них; формах, причинах и способах урегулирования трудовых конфликтов между концессионерами и работниками [2–4; 7–9; 10; 12; 13; 15–17].

Незначительная часть работ посвящена деятельности иностранных сельскохозяйственных концессий. Впервые эта проблема была поднята Ю.Б. Рагером в 1994 г. на международной конференции в Москве, где он выступил с докладом о деятельности герман-

ской концессии «Друзаг» в Ванновском немецком районе Северо-Кавказского края [14]. В 1999 г. ставропольский историк Т.Н. Плехотнюк вновь обратилась к этой теме [11]. Опираясь на российские архивные материалы, они проанализировали причины и условия возникновения концессий на Северном Кавказе.

Затем в 2004 г. на материалах российских и немецких архивов Д.А. Марьиным рассмотрено экономическое сотрудничество России и Германии на примере фирмы «Фридриха Круппа» [9]. Несомненным плюсом этой работы является привлечение материалов немецких архивов и библиотек.

Также опубликованы работы, в которых исследователи охарактеризовали хозяйственно-правовую и социально-политическую деятельность германских сельскохозяйственных концессий «Маньч», «Друзаг» и «Друзаг» от момента их создания до ликвидации [2–6]. В 2012 г. Е.Г. Ширяева в своем диссертационном исследовании сравнила положение и функционирование иностранных сельскохозяйственных концессий на Северном Кавказе в 1920–1930-е и 1990–2000-е гг. [15].

Из немецких исследователей к изучению этой темы первым обратился К.Х. Шларп в 1996 г., который на основе немецких источников описал условия образования концессий «Друзаг» и «Маньч», проанализировал взаимоотношения концессионеров и советских органов власти [20]. В 2016 г. М. Шмидер опубликовала биографическую статью, посвященную Фритцу Дитлову (в работах встречаются разные варианты на-

писания фамилии: Дитглофф, Дитлоф, Дитлов), уделив внимание его деятельности в качестве директора на концессии «Друзаг» [19]. На следующий год она издала монографию по немецким сельскохозяйственным концессиям «Друзаг», «Друзаг» и «Маныч» (см.: [9]).

Методы и материалы. Для объективного анализа работ мы использовали специальные исторические методы – системный и сравнительный. С их помощью были выделены основные проблемы, на которых сконцентрировали свое внимание исследователи и определили степень их изученности.

Анализ. С начала 2000-х гг. издано значительное количество работ по концессионным отношениям в Советской России. Большое внимание уделялось концессионным предприятиям в лесной, нефтяной и рыбной промышленности, угле- и золотодобыче, но почему-то сельскохозяйственные предприятия оказались менее изученными. В основном по этой теме опубликованы статьи, но есть и несколько крупных работ.

Из российских исследований мы отметим труд волгоградских ученых М.М. Загорулько и В.В. Булатова [6]. Это была первая работа, наиболее полно раскрывающая сложный механизм взаимоотношений между государственными органами власти и иностранцами на примере наркомземовских концессий.

М.М. Загорулько и В.В. Булатов провели анализ на примере сельскохозяйственных концессий «Маныч», «Друзаг», «Друзаг», «Прикумское русско-американское товарищество», располагавшихся в южных и юго-восточных районах Советской России. Из девяти глав исследования шесть посвящены сельскохозяйственным концессиям, а оставшиеся – водным предприятиям, которые мы рассматривать не будем.

К сожалению, в работе М.М. Загорулько и В.В. Булатова отсутствует классический раздел научного исследования, где была бы отражена актуальность и новизна работы, степень изученности проблемы и обзор источников. Это помогло бы лучше оценить вклад авторов в разработку вопроса о концессионной политике в СССР.

Несомненной заслугой исследователей является включение в монографию большого объема ранее не публиковавшегося источникового материала из центральных архивов

ГА РФ и РГАЭ. Однако остались неохваченными фонды РГАСПИ и местных архивов, которые позволили бы более полно раскрыть противоречия во взаимоотношениях концессионеров с разными органами власти – от местного до центрального уровня.

В первой главе, основываясь на документах центральных органов власти и работах ученых – экономистов и юристов (Н.Д. Кондратьева, В.Н. Шретера, Д.И. Иваницкого и др.). М.М. Загорулько и В.В. Булатов аргументированно доказывают, почему выбор пал на концессионную форму хозяйствования, а не на арендную [6, с. 22–25]. Называя причины предоставления концессий в сельскохозяйственной отрасли и объясняя, почему власти выделили для них преимущественно степные районы, авторы указывали на желание восстановить сельское хозяйство за счет продолжения проведения политики колонизации, начатой еще до революции 1917 г. [6, с. 26, 28–29, 33]. Этим объясняется создание Государственного колониационного фонда в 1920 г., земли которого служили объектом концессий. На этот факт обращала внимание и Т.Н. Плохотнюк в своих статьях [11, с. 219–220; 12, с. 90].

Рассматривая субъекты концессионной деятельности иностранцев, авторы обратили внимание на то, что она осуществлялась в разных формах [5, с. 56–57]. При этом отмечено незначительное влияние на развитие аграрного сектора таких форм, как иммигрантские коммуны, религиозные и благотворительные организации [6, с. 62–66, 74–77, 80].

Среди успешных форм концессий ученые выделили земледельческие, торговые и перерабатывающие. Несмотря на то что были указаны восемь сельскохозяйственных концессионных предприятий, работавших в СССР, подробнее они остановились на анализе только четырех. Свой выбор авторы обосновали тем, что: 1) концессии вели свою деятельность на территории РСФСР; 2) располагались они в южных и юго-восточных территориях России. Соглашаясь с авторами, мы бы добавили, что эти концессии объединяла форма хозяйствования – земледельческо-скотоводческая.

Вторая глава, в которой исследуется хозяйственная деятельность германской концессии «Маныч», начинается с момента заклю-

чения концессионного договора акционерного общества «Фридриха Круппа в Эссене» с РСФСР в 1923 году. Здесь авторы в основном сосредоточились на причинах заключения фирмой Круппа концессионного договора с советскими властями и подтвердили позицию Д.А. Марьина, что фирма искала новые рынки сбыта [9, с. 238; 5, с. 87–88]. К сожалению, они не стали рассматривать процесс переговоров между фирмой и советскими властями, раскрывающий сложность взаимопонимания между ними, что было сделано нами и М. Шмидер [4; 5; 18].

Особо хочется отметить достаточно подробный анализ статистических показателей: урожайности зерновых культур, механической и живой тяговой силы, прибыли и убытков. Это дало возможность проследить путь, который прошла концессия «Маньч» от убыточности до повышения рентабельности предприятия к 1933 г., когда прибыль составила 462,5 тыс. руб. [6, с. 107]. Если предприятие развивается, то почему его ликвидировали? Развернутый ответ на этот вопрос авторами не дан.

Наиболее удачными, на наш взгляд, являются третья и четвертая главы, посвященные деятельности субконцессии «Друаг» и смешанной концессии «Прикумского русско-американского товарищества». В них на основе большого архивного материала М.М. Загорулько и В.В. Булатов сумели показать, в каких условиях прорабатывались проекты договоров, какие вопросы были наиболее значимы для концессионеров и советских властей, как разрешались конфликтные ситуации.

Авторы обратили внимание на то, что концессионное предприятие «Друаг» изначально было обречено на провал. Подтверждением тому являлось неэффективное использование земли и неустойчивое финансовое положение, сложившееся из-за несоблюдения советскими властями условий договора и из-за высокого процента по ссуде «Немволбанка» (40 %) [6, с. 124–126].

Положение «Прикумского русско-американского товарищества» было значительно лучше. Обеспеченность машинами и сельскохозяйственным оборудованием была почти 100 %. Несмотря на увеличение оборотного капитала, для развития предприятия требова-

лись дополнительные денежные вливания. Исследователи, анализируя статистические данные, пришли к выводу, что в отличие от «Друага» на этой концессии договор нарушался иностранной стороной. Невыполнение ею финансовых обязательств привело к форме концессии, известной как «вхождение иностранного капитала пайщиком в госпредприятие» [6, с. 146–147].

В пятой главе речь идет о наиболее успешно развивавшейся концессии «Друаг», которая должна была стать образцовым семеноводческим хозяйством. Многочисленные обследования концессии и отчеты представителей советской власти свидетельствовали о том, что концессия, пройдя стадию убыточности, смогла увеличить основной капитал в два раза. Кроме того, руководством были проведены работы по улучшению жилищно-бытовых условий рабочих и служащих, налаживались контакты с местным населением. Эти факты отмечали и другие авторы [4, с. 130; 16, с. 235; 17, с. 176]. Однако смена политического курса свела на нет все положительные результаты.

В шестой главе исследователи показали, в каком состоянии находилась тракторная промышленность и какую роль в ее развитии сыграли концессионные предприятия. С помощью статистических данных им удалось определить численность тракторов, купленных за границей и произведенных внутри страны, отмечался дефицит механизаторов, а также нехватка топлива и запчастей. Но именно дальнейшее развитие тракторостроения будет возможно благодаря усвоению зарубежного опыта от иностранных концессий.

В 2017 г. германский историк Марина Шмидер опубликовала работу «“Fremdkörper im Sowjet-Organismus”. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934» («Инородное тело» в советском организме. Немецкие аграрные концессии в Советском Союзе 1922–1934»), которая существенно дополнила российские исследования. Данное исследование посвящено участию германских капиталов в развитии сельского хозяйства СССР на территории Северного Кавказа и Поволжья в форме концессий.

Источниковая база монографии основана на документах 36 германских и 15 российских фондов из 13 архивов, не только центральных,

но и местных. Автором также были привлечены материалы немецкой периодической печати, статистические данные и документы личного происхождения (как немецких государственных деятелей, так и бывших работников «невозвращенцев» Берлинского торгпредства). М. Шмидер в исследовании использует не только немецкую литературу, но и широкий круг работ советских и российских исследователей.

В структурном плане монография состоит из двенадцати глав, которые разделены на подглавы, заключения. Кроме того, в ней содержатся статистические таблицы и многочисленные пояснения.

Во введении, которое обозначено как глава первая, М. Шмидер обращается к толкованию термина «концессия» с позиции советских и немецких властей, а также анализирует историографию проблемы. Она указывает на то, что в Германии и России было опубликовано много работ, которые в основном затрагивали экономико-правовые аспекты деятельности концессий. В целом исследователи стремились выявить значение концессий для развития народного хозяйства СССР, но их влияние на экономическое развитие Германии не рассматривалось. Автор ставил своей целью выяснить, как немецкие концессии помогли укрепить сотрудничество между Германией и Советским Союзом и способствовали развитию германской экономики, удалось ли внедрить капиталистические методы хозяйствования на концессиях [18, S. 23–24].

Во второй главе, анализируя условия концессионной политики, автор указывает на то, что не только СССР преследовал свои цели, проводя концессионную политику, но и Германия. При этом германские предпринимательские круги советское правительство и подчиненные ему институты считали ненадежными. Немцы скептически относились к гарантиям, заявленным советским правительством: «как долго могут быть сохранены исключительные привилегии в пользу иностранцев, в которых отказано самим русским» [18, S. 32]. Поэтому немецкие эксперты советовали соотечественникам не участвовать ни в концессиях, ни в смешанных обществах [18, S. 27]. Однако нужда в сельскохозяйственном сырье и рынках сбыта промышленной продукции вынуждала политические круги Германии занять собственную

позицию по данному вопросу. Об этом же писали российские исследователи Д.А. Марьин, М.М. Загорулько и В.В. Булатов, И.С. Блинов [1, с. 294–295; 6, с. 87; 9, с. 233]. Официальной целью германской политики в ближайшее время должно было стать экономическое восстановление России [18, S. 44].

В третьей главе рассматриваются концессионные проекты в аграрном секторе. Как и российские историки, она отмечала, что обращение советских властей к сельскохозяйственным концессиям было обусловлено ликвидацией голода и необходимостью восстановления сельского хозяйства [4–6; 11]. Ожидалось, что в этой отрасли иностранные компании помогут сократить безработицу и механизировать труд [18, S. 51].

Заинтересованность немецких машиностроительных заводов в российских концессиях объяснялась сложной финансовой ситуацией и узостью рынка сбыта в Германии. Появлялась возможность протестировать различное оборудование и тракторы в соответствии с российскими условиями. В то же время это была своеобразная реклама: «каждый произведенный в Германии продукт, который сегодня попадет в Россию, будет продолжать продвигать немецкие товары и вести к более поздним поставкам» [18, S. 55].

Сельскохозяйственные концессии были наиболее востребованы немецкими компаниями. Они экспортировали в 1925–1928 гг. от 45–50 % российского импорта семян [18, S. 58]. По этому поводу Тило фон Вильмовский писал Густаву фон Болену: «В обозримом будущем они боятся наводнения нашего зернового рынка российскими продуктами и поэтому хотят иметь свои интересы в российском сельском хозяйстве» [18, S. 59].

В четвертой главе М. Шмидер проанализировала методы управления и кадровую политику немецкой администрации на сельскохозяйственных предприятиях, а также уделила внимание условиям труда и жизни немецких рабочих и служащих. Немецким историком подтверждается точка зрения российских исследователей, что советское правительство таким образом боролось с безработицей и за привилегии рабочего класса [5; 16; 17], особенно тех, которые являлись членами партийной ячейки или профсоюза, что для концесси-

опера не имело значения. Об этом более подробно, на примерах многочисленных концессий, писала Т.В. Юдина [16, с. 275–353]. Однако предприниматели концентрировали внимание на собственных принципах отбора персонала и трудовой дисциплине [18, S. 103]. В частности, на концессии «Маньч» использовалась система Тейлора, которая позволяла рационально распределять нагрузку.

Как и российские ученые, М. Шмидер считает, что условия жизни и оплата труда немецких специалистов были значительно выше, чем советских, из-за их высокой профессиональной квалификации. Основательный анализ этих социально-трудовых аспектов представлен в работе Т.В. Юдиной [16, с. 172–238]. М. Шмидер выделены причины, по которым иностранцы приезжали на работу в СССР: финансовые проблемы, растущая безработица в Германии, а также жажда приключений и любопытство. Хотя были многочисленные жалобы в письмах на нехватку чистой воды, наличие мышей, малярию и отсутствие промышленных товаров, оставлять работу в Советском Союзе они не желали.

Несмотря на высокие инвестиции, концессии постоянно нуждались в капитале, что отмечали и российские ученые (см., например: [5; 6]). Сумма займов, взятых в Германии, превышала суммы вкладов акционеров. Исследователь, сравнивая данные российских и немецких архивов, подтверждает мнение российских ученых, что финансовые трудности концессий были вызваны слишком оптимистичными расчетами рентабельности, где не учитывались неурожай, затраты на ремонт и строительство ирригационных систем и зданий, неблагоприятные тарифы на топливо и транспорт, а также неудачным размещением акций и уходом ключевых деловых партнеров [18, S. 122]. Кроме того, к падению доходности привели управленческие ошибки, инфляция, бюрократические препоны и незнание местных условий хозяйствования [18, S. 132].

В пятой и шестой главах немецкий историк раскрывает причины, по которым германские власти согласились на санацию концессий «Друзаг» и «Маньч». Германский МИД вынужден был согласиться субсидировать концессию, чтобы улучшить советско-германские отношения. Напряженность в них возник-

ла после подписания Локарнского договора [18, S. 134]. Кроме того, успешная работа директора «Друзаг» Дитлова способствовала развитию сельского хозяйства Германии, благодаря импорту племенного скота и адаптации немецких злаков к российским условиям.

При этом концессия «Друзаг» не была поддержана германским правительством по ряду причин: из-за чрезмерной задолженности, бесперспективности получения прибыли и отсутствия помощи со стороны советского правительства.

Главы с седьмой по двенадцатую посвящены сложностям работы концессии «Друзаг» после реорганизации и обстоятельствам сворачивания ее деятельности. Автор подчеркивает, что из всех немецких концессий она была более успешной, и соглашается с российскими историками в том, что в связи с отказом от НЭПа и установлением фиксированной цены на зерно в концессионной деятельности начинается кризис.

Исключительное положение «Друзаг», конкурентоспособность предприятия, отказ директора придерживаться ценовой политики советской власти и его приверженность рыночным механизмам в экономике, а не принципам плановой системы социалистического государства вызывало негативную реакцию со стороны местных властей, что приводило к постоянному кризису. Так, до 1929 г. Дитлову удавалось продавать зерновые по рыночной стоимости – 2,35 р. вместо 1,25 р. [18, S. 196]. Для этого им была создана торговая сеть для распространения продукции со вспомогательных предприятий: кирпичного завода, мельниц. Кроме того, Дитлов проводил многочисленные махинации: покупал за границей червонец и нелегально ввозил его в СССР; часть зерна и шерсти перерабатывал внутри концессии, а не за ее пределами, согласно концессионному договору; смешивал шерсть с хлопком (в соотношении 70 / 30), продавая ее потом государственным организациям.

Немецкий историк считает, что значительный вклад в разрушение рабочей атмосферы между германской администрацией и советскими рабочими внесли партийные ячейки и профсоюзы. Это подтверждается ростом партийных членов на концессии. Например, в 1928 г. насчитывалось 14 членов, 5 кандида-

тов и 10 комсомольцев, а к 1930 г. их численность достигла 60 членов партии и кандидатов и 40 комсомольцев [18, S. 206]. В качестве орудия партии выступали профсоюзы, которые, по мнению германского консула Стефани, должны были скрыть диктатуру партии перед внешним миром. В тех случаях, когда партия не хотела появляться на публике, влияние оказывалось под нейтральным флагом профсоюзов [18, S. 204].

От противостояния концессионера и советских органов власти страдали не только советские рабочие и служащие, но и немецкие. Члены профсоюза были запуганы и послушны, а немецкие служащие должны были «действовать правильно», чтобы иметь возможность доказать свои права в суде. Высокие требования профсоюза к заработной плате и строительству помещений, подстрекательство работников, а также широкие полномочия по кадровым вопросам вызывали у концессионеров трудности, которые они не всегда могли успешно решить путем арбитража.

Как и российские исследователи, автор отметила, что советская власть искала подходящие способы ликвидации концессий. Поэтому было проведено нескольких трудовых судебных процессов против администрации концессии, инициированных советскими властями в начале 1930-х гг., с целью запугивания. Кроме того, они прибегали к излюбленной практике – штрафам [18, S. 238]. Но основной проблемой было получение разрешения на перевод валюты. Представители концессии отмечали, что попытки вести переговоры с региональными органами власти не такие приятные, как в Москве: «Горизонт здесь слишком узкий и маленький» [18, S. 261].

М. Шмидер сделала справедливое наблюдение о том, что сворачивание деятельности ряда немецких концессий в 1933 г. было обусловлено не только экономическими, но и внешнеполитическими причинами и вопросами безопасности. Директор Дитлов дискредитировал советскую власть, которая отрицала голод на юге страны, представив на суд германской общественности фотографии, сделанные во время поездок. Концессионер во время голода не только давал работу голодающим российским немцам Северного Кавказа,

но и организовывал бесплатные обеды на территории концессии и выдавал продуктовые карточки детям. К тому же помогал местному немецкому населению укрывать от властей сельскохозяйственную продукцию на своей территории.

После ликвидации концессии немецким сотрудникам разрешили вернуться в Германию, часть советских сотрудников была уволена, а более 160 человек арестованы и обвинены в национал-социалистических настроениях [18, S. 293–294]. Во время Второй мировой войны Германией были привлечены к работе на оккупированных территориях СССР бывшие сотрудники концессий: Ф. Дитлов, Х. Штал, Э. фон Богуславский, О. Шиллер и Р. Ваймерт.

Результаты. Представленный обзор двух ключевых, по нашему мнению, за последнее время работ – М.М. Загорулько, В.В. Булатова «Наркомземовские концессии. Сельское хозяйство и водные промыслы» (Волгоград, 2010) и М. Schmieder «“Fremdkörper im Sowjet-Organismus”. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934» (Stuttgart, 2017) – позволяет заключить, что изучение концессионной политики СССР в сельском хозяйстве продолжает находить своих исследователей как в России, так и за рубежом. В монографиях продемонстрирована большая работа авторов по систематизации и анализу архивного материала.

М.М. Загорулько и В.В. Булатов пришли к выводу, что, приступая к работе в России, концессионеры не всегда представляли себе реальную ситуацию – необходимые размеры оборотных средств, природно-климатические условия, сложность взаимоотношений с властями. Однако те из них, кто смог справиться с трудностями и внести коррективы в свою работу, превратились в образцово-показательные хозяйства.

М. Шмидер удалось охарактеризовать деятельность немецких концессий и их взаимоотношения с центральными и местными органами власти. Ею было акцентировано внимание на эффективных методах хозяйствования концессий и выстраивании отношений администрации концессий с рабочими и служащими. Значительный источниковый материал позволил выявить причины

заинтересованности германских властей в создании и ликвидации концессий. М. Шмидер пришла к выводу, что в основе политики Германии сначала лежали экономические, а потом уже политические факторы. Большое влияние на ход концессионного дела двух государств оказали их внешнеполитические отношения. Периоды ликвидации германских концессий и показательных судов над концессионерами приходились на время советско-германских внешнеполитических кризисов – зиму 1929/30 г. и весны – лета 1933 г. – после прихода к власти в Германии НСДАП.

Достоинствами обеих работ является не только введение в научный оборот новых источников из германских и российских архивов, но и привлечение значительного объема статистики, обработанной с применением количественных методов исследования, что, без сомнения, служит примером для дальнейшего изучения вопросов развития экономики СССР XX века. Кроме того, концессионный опыт может быть востребован в современных условиях для возрождения сельского хозяйства страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов, И. С. Сельскохозяйственная концессия германской фирмы «Фридрих Крупп» в СССР (1922–1928 гг.) / И. С. Блинов // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 4. – С. 292–301.

2. Ерохина, О. В. Германская концессия «Маньч» в Советской России (1922–1934 гг.) / О. В. Ерохина // Новый исторический вестник. – 2009. – № 22 (4). – С. 34–41.

3. Ерохина, О. В. Концессионная политика Советского государства и сельскохозяйственная концессия «Друзаг» в 20–30-е гг. XX в. / О. В. Ерохина // Федерализм. Теория. Практика. История. – 2009. – № 1 (53). – С. 93–103.

4. Ерохина, О. В. Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти / О. В. Ерохина // Экономическая история : Ежегодник. 2011/12. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. – С. 98–148.

5. Ерохина, О. В. Немецкие предприниматели в хозяйственном комплексе юга России. 1860-е – 1930-е гг. / О. В. Ерохина. – М. : МПГУ, 2018. – 332 с.

6. Загорюлько, М. М. Наркомземовские концессии. Сельское хозяйство и водные промыслы / М. М. Загорюлько, В. В. Булатов – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2010. – 480 с.

7. Курьсь, Н. В. Иностраннные инвестиции : Российская история (правовое исследование) / Н. В. Курьсь. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 219 с.

8. Леденев, А. С. Концессии периода нэпа: правовые аспекты регулирования / А. С. Леденев. – М. : РУДН, 2008. – 178 с.

9. Марьин, Д. А. Россия и Германия: опыт экономического сотрудничества : (На примере фирмы «Фридрих Крупп») / Д. А. Марьин // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения : ежегодник. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – Вып. 6. – С. 231–250.

10. Марьясова, Н. В. Иностраннный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы (концессии и концессионная политика советского государства) / Н. В. Марьясова. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. – 167 с.

11. Плохотнюк, Т. Н. Германские сельскохозяйственные концессии на Северном Кавказе (1920–1930-е гг.) / Т. Н. Плохотнюк // Немцы России и СССР : 1901–1941 гг. : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 17–19 сент. 1999 г.). – М. : Готика, 2000. – С. 217–225.

12. Плохотнюк, Т. Н. Колонизационная сельскохозяйственная концессия акционерного общества «Фридрих Крупп» в России: о причинах и обстоятельствах создания (к истории развития советско-германских отношений в 1920-е годы) / Т. Н. Плохотнюк // Международные отношения XX века в исторических судьбах стран Европы и Северной Америки. Ставрополь : Ассоц. всемир. истории ; Пятигорск : Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2004. – Вып. 1. – С. 89–103.

13. Поткина, И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. / И. В. Поткина. – М. : Норма, 2009. – 304 с.

14. Рагер, Ю. Б. О германо-советской концессии «Друзаг» в Ванновском немецком районе Северо-Кавказского края / Ю. Б. Рагер // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге : материалы Рос.-Герм. науч. конф. (Анапа, 22–26 сент. 1994 г.). – М. : Готика, 1995. – С. 73–78.

15. Ширяева, Е. Г. Сельскохозяйственные иностранные концессии на Северном Кавказе в 1920-х – 1930-х и в 1990-х – начале 2000-х гг.: историко-сравнительный анализ : дис. ... канд. ист. наук / Ширяева Елена Григорьевна. – Ростов н/Д : [б. и.], 2012. – 221 с.
16. Юдина, Т. В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы НЭПа / Т. В. Юдина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 444 с.
17. Юдина, Т. В. Рабочие на концессионных предприятиях Российской империи и СССР (1900–1940-е гг.) / Т. В. Юдина, В. В. Булатов, Е. Л. Фурман. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 210 с.
18. Schmieder, M. “Fremdkörper im Sowjet-Organismus”. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934 / M. Schmieder. – Stuttgart : Franz Steiner Verl., 2017. – 340 S.
19. Schmieder, M. Der Landwirt und Politiker Fritz Dittloff (1894–1954). Vom Direktor der landwirtschaftlichen Reichskonzession Drusag in der Sowjetunion zum Abgeordneten des Niedersächsischen Landtags / M. Schmieder // Halbjahresschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik. – 2016. – Jg. 28, H. 1-2. – S. 23–35.
20. Schlarp, K. H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft / K. H. Schlarp // Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert : Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. – Lünenburg : [s. n.], 1996. – S. 441–476.

REFERENCES

1. Blinov I.S. Sel'skohozyajstvennaya koncessiya germanskoj firmy «Fridrih Krupp» v SSSR (1922–1928 gg.) [Agricultural Concession of the German Firm “Friedrich Krupp” in the USSR (1922–1928)]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI Century], 2019, no. 4, pp. 292-301.
2. Erohina O.V. Germanskaja koncessija «Manych» v Sovetskoj Rossii (1922–1934 gg.) [The German Concession “Manych” in Soviet Russia (1922–1934 gg.)]. *Novyj istoričeskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2009, no. 22 (4), pp. 34-41.
3. Erohina O.V. Koncessionnaja politika Sovetskogo gosudarstva i sel'skohozyajstvennaja koncessija «Druzag» v 20–30-e gg. XX v. [Concession Policy of the Soviet State and Agricultural Concession “Druzag” in the 20–30s of the XX Century]. *Federalizm. Teorija. Praktika. Istorija* [Federalism. Theory. Practice. History], 2009, no. 1 (53), pp. 93-103.
4. Erohina O.V. Germanskije sel'skohozyajstvennye koncessii Severo-Kavkazskogo kraja v pervye desjatiletija sovetskoj vlasti [German Agricultural

Concessions of the North Caucasus Region in the First Decades of Soviet Power]. *Jekonomičeskaja istorija: ezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. 2011/12. Moscow, Russian political encyclopedia. 2012, pp. 98-148.

5. Erohina O.V. *Nemeckije predprinimateli v hozyajstvennom komplekse yuga Rossii. 1860-e – 1930-e gg.* [German Entrepreneurs in the Economic Complex of the South of Russia. 1860–1930s]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2018. 332 p.

6. Zagorul'ko M.M., Bulatov V.V. *Narkozemovskie koncessii. Sel'skoe hozjajstvo i vodnye promysly* [Narkozem Concession. Agriculture and Water Industries]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010. 480 p.

7. Kurys' N.V. *Inostrannye investicii: Rossijskaja istorija (pravovoe issledovanie)* [Foreign Investments: Russian History (Legal Research)]. Saint Petersburg, Publishing house “Legal center Press”, 2003. 219 p.

8. Ledenev A.S. *Koncessii perioda nepa: pravovye aspekty regulirovaniya* [Concessions of the NEP Period: Legal Aspects of Regulation]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia, 2018. 178 p.

9. Mar'in D.A. Rossiya i Germanija: opyt jekonomičeskogo sotrudničestva (Na primere firmy «Fridrih Krupp» [Russia and Germany: The Experience of Economic Cooperation (On the Example of the Firm “Friedrich Krupp”). *Jekonomičeskaja istorija Rossii: problemy, poiski, rešenija: ezhegodnik* [Economic History of Russia: Problems, Searches, Solutions. Yearbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004, iss. 6, pp. 231-250.

10. Mar'jasova N.V. *Inostrannyj kapital na Dal'nem Vostoke Rossii v 20 – 30-e gody (koncessii i koncessionnaja politika sovetskogo gosudarstva)* [Foreign Capital in the Russian far East in the 20–30s (Concessions and Concession Policy of the Soviet State)]. Vladivostok, DVSU Publishing house, 2000. 167 p.

11. Plohotnjuk T.N. Germanskije sel'skohozyajstvennye koncessii na Severnom Kavkaze (1920–1930-e gg.) [German agricultural concessions in the North Caucasus (1920–1930)]. *Nemcy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Germans of Russia and the USSR: 1901–1941. Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, “Gothic”, 2000, pp. 217–225.

12. Plohotnjuk T. N. Kolonizacionnaja sel'skohozyajstvennaja koncessija akcionernogo obščestva «Fridrih Krupp» v Rossii: o pričinah i obščestvennyh uslovyah sozdaniya (k istorii razvitiya sovetsko-germanskij otnošenij v 1920-e gody) [Colonization Agricultural Concession of the Joint-Stock Company “Friedrich Krupp” in Russia: About the Reasons and Circumstances of Creation (To the

History of the Development of Soviet-German Relations in the 1920s)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya XX veka v istoricheskikh sud'bah stran Evropy i Severnoj Ameriki* [International Relations of the Twentieth Century in the Historical Destinies of the Countries of Europe and North America]. Stavropol, Pyatigorsk, 2004, vol. 1, pp. 89–103.

13. Potkina I.V. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj dejatel'nosti v Rossii, XIX – pervaja chetvert' XX v.* [Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia, XIX – the First Quarter of the XX Century]. Moscow, Norm Publ., 2009. 304 p.

14. Rager Ju.B. O germano-sovetskoj koncessii «Druzag» v Vannovskom nemeckom rajone Severo-Kavkazskogo kraja [On the German-Soviet Concession “Druzag” in the Vannovsky German District of the North Caucasus Region]. *Rossijskie nemcy na Donu, Kavkaze i Volge: materialy Ros.-Germ. nauch. konf.* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga. Materials of the Russian-German Scientific Conference. Anapa, 22–26 September 1994]. Moscow, “Gothic”, 1995, pp. 73–78.

15. Shiryayeva E.G. *Sel'skohozyajstvennye inostrannye koncessii na Severnom Kavkaze v 1920-h – 1930-h i v 1990-h – nachale 2000-h gg.: istoriko-sravnitel'nyj analiz: dis. ... kand. ist. nauk* [Agricultural Foreign Concessions in the North Caucasus in the 1920s–1930s and in the 1990s–early 2000s: Historical and Comparative Analysis. Cand. hist. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2012. 221 p.

16. Judina T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashhie na koncessionnyh predpriyatijah SSSR v gody NJePa* [Soviet Workers and Employees at Concession Enterprises of the USSR During the NEP]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2009. 444 p.

17. Judina T.V. Bulatov V.V., Furman E.L. *Rabochie na koncessionnyh predpriyatijah Rossijskoj imperii i SSSR (1900–1940-e gg.)* [Workers at Concession Enterprises of the Russian Empire and the USSR (1900s–1940s)]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2015. 210 p.

18. Schmieder M. «*Fremdkörper im Sowjet-Organismus*». *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2017. 340 S.

19. Schmieder M. Der Landwirt und Politiker Fritz Dittloff (1894–1954). Vom Direktor der landwirtschaftlichen Reichskonzession Drusag in der Sowjetunion zum Abgeordneten des Niedersächsischen Landtags. *Halbjahresschrift für südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik*, 2016, Jg. 28, H. 1–2, S. 23–35.

20. Schlarp K.H. Deutsche Konzessionen in der Sowjetunion 1922–1933 unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaft. *Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag*. Lünenburg, 1996, S. 441–476.

Information About the Author

Ol'ga V. Erokhina, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of Russian History, Moscow Pedagogical State University, Prosp. Vernadskogo, 88, 119571 Moscow, Russian Federation, ov.erokhina@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>

Информация об авторе

Ольга Викторовна Ерохина, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Московский педагогический государственный университет, просп. Вернадского, 88, 119571 г. Москва, Российская Федерация, ov.erokhina@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.11>

UDK [94+930](47+57)
LBC 63.3

Submitted: 15.04.2020
Accepted: 05.05.2020

FINAL CHORDS OF M.N. POKROVSKY'S "BRAINCHILD": SOCIETY OF MARXIST HISTORIANS IN THE EARLY 1930s

Victor N. Danilov

N.G. Chernyshevskiy Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The Society of Marxist Historians established in 1925 went down in the history of Soviet historiography as a militant organization that did much to combat “old school” historians, assert the monopoly position of the Marxist-Leninist methodology, and draw a party line in historical science. *Methods and materials.* The research is based on traditional methods of historiographical analysis. It uses materials from historical journals of the 1920s and 1930s and archival documents. *Analysis.* The first all-Union conference of Marxist Historians (December 28, 1928 – January 4, 1929) became the apogee in the history of the Society. In the future, despite the growth in numbers and the creation of local structures, in the conditions of the “great turning point” it loses the features of an amateur organization and a number of functions of the scientific nature. The priority is to “actively participate in the socialist construction” by deploying mass propaganda of historical knowledge and fighting “distortions of Marxism-Leninism”, including in the ranks of the organization itself. The last debate and “study” of Stalin’s famous letter to “Proletarian revolution” journal had a negative impact on the internal state of the Society and strengthened the distrust of the results of his work from the government. In 1931–1932, the Society management unsuccessfully tried to make its work more popular, hold a plenum and re-registered a new charter. *Results.* However, at that time, the Central Committee of the CPSU(b) embarked on the path of reformatting the structure of societies and unions in the country and eliminating those of them that had exhausted their mobilization potential and did not meet the new ideological course. In addition to this circumstance, the rapid curtailment of the Society of Marxist historians by the end of 1932 was influenced by the position of the leadership of the Communist Academy and the death of M.N. Pokrovsky, the undisputed leader of Soviet historians.

Key words: Society of Marxist Historians, M.N. Pokrovsky, Communist Academy, early 1930s, historiography, ideology, scientific discussion, completion of activity.

Citation. Danilov V.N. Final Chords of M.N. Pokrovsky’s “Brainchild”: Society of Marxist Historians in the Early 1930s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 143-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.11>

УДК [94+930](47+57)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 15.04.2020
Дата принятия статьи: 05.05.2020

ФИНАЛЬНЫЕ АККОРДЫ «ДЕТИЩА» М.Н. ПОКРОВСКОГО: ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Виктор Николаевич Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г., вошло в историю советской историографии как организация воинствующего толка, много сделавшая для борьбы с историками «старой школы», утверждения монопольного положения марксистско-ленинской методологии и проведения партийной линии в исторической науке. Первая всесоюзная конференция историков-марксистов (28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.) стала апогеем в истории Общества. В дальнейшем, несмотря на рост численного состава и создание местных структур, в условиях «великого перелома» оно утрачивает черты самостоятельной органи-

зации и ряд функций научного характера. Приоритетной становится задача «активного участия в социалистическом строительстве» путем развертывания массовой пропаганды исторических знаний и борьбы с «искажениями марксизма-ленинизма», в том числе в рядах самой организации. Последние дискуссии и «проработка» известного письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» негативно повлияли на внутреннее состояние Общества и усилили недоверие к результатам его работы со стороны власти. В 1931–1932 гг. руководство Общества безуспешно пыталось сделать его работу более популярной, провести пленум и перерегистрировать новый устав. Однако в это время ЦК ВКП(б) встал на путь реформирования структуры обществ и союзов в стране и ликвидации тех из них, которые исчерпали свой мобилизационный потенциал и не отвечают новому идеологическому курсу. Помимо этого обстоятельства, на быстрое свертывание к концу 1932 г. деятельности Общества историков-марксистов повлияли позиция руководства Комакадемии и смерть М.Н. Покровского, безусловного лидера советских историков.

Ключевые слова: Общество историков-марксистов, М.Н. Покровский, Комакадемия, начало 1930-х гг., историография, идеология, научная дискуссия, завершение деятельности.

Цитирование. Данилов В. Н. Финальные аккорды «детища» М.Н. Покровского: общество историков-марксистов в начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 143–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.11>

Введение. Общество историков-марксистов – одно из наиболее известных научных объединений в отечественной историографии, во многом способствовавшее формированию во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. облика советской исторической науки. В конфронтации с традицией «старой школы» оно решало практические задачи внедрения марксистского метода и основанных на нем конкретно-исторических схем. В значительной мере деятельность Общества строилась вокруг фигуры М.Н. Покровского (1868–1932), который по праву считал его своим «детищем». По своей сути Общество было не только научным явлением, но и фактором политической жизни того времени, «одним из партийных отрядов на идеологическом участке классовой борьбы». Поэтому всякие изменения на этом «участке» неминуемо должны были отражаться и на состоянии Общества, приведя в конечном итоге к его упразднению.

В советской историографии прекращение деятельности Общества историков-марксистов связывали с произошедшей в середине 1930-х гг. консолидацией советских историков на единой марксистско-ленинской методологической основе [13, с. 22]. Считалось, что «проходивший в 20-х – начале 30-х гг. процесс поиска завершился утверждением единых, наиболее целесообразных форм организации научно-исследовательской работы» [18, с. 110]. Позже закрытие в это время большого числа обществ и союзов стали объяснять издержками

«культы личности Сталина» [21, с. 14]. В этой связи Т.П. Коржихина отмечала, что, признавая решающую роль в этом процессе административно-командной системы, не следует отказываться от выявления причин, приводивших к ликвидации общественных организаций в каждом конкретном случае [20, с. 265–266]. Омский историк О.В. Метель полагает, что окончание «культурной революции» привело «к постепенному закрытию особых «коммунистических» центров, на которые ранее большевиками возлагались большие надежды», но в новых условиях не способные больше работать [24, с. 217]. В свое время нами была высказана точка зрения о том, что свертывание деятельности Общества историков-марксистов было обусловлено смертью его бессменного лидера М.Н. Покровского [10, с. 103]. Отмечая и сейчас этот фактор существенным в судьбе Общества, мы вовсе не отказываемся от выяснения всех обстоятельств, приведших к подобному финалу, чему и посвящена данная статья.

Методы и материалы. Как всякое историографическое исследование, работа основывается на принципе историзма, который предполагает, что каждый историографический факт анализируется в процессе возникновения, становления и развития, а события исторической науки изучаются в тесной связи с условиями их появления. Стремление к непредвзятому анализу источников может быть рассмотрено и в координатах принципа объективности. Важнейшее значение для нас име-

ет использование сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить качественные изменения в историографических явлениях на различных этапах. На изучение отдельных историографических ситуаций ориентирован метод конкретного анализа.

Исследование базируется на материалах, отражающих историю Общества историков-марксистов, одни из них публиковались в периодических изданиях организации – журналах «Историк-марксист» и «Борьба классов», а другие – отложились в архивных фондах Общества (Ф. 377) и Комакадемии (Ф. 350), которые хранятся в Архиве Российской академии наук.

Анализ. Рубежным событием для Общества стало проведение Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.), после чего оно стало утрачивать черты самостоятельной организации и ряд функций научного характера. Неизменным остался только рост его состава. Если при создании в 1925 г. в него вошло 40 человек, то уже на 1 января 1929 г. в Обществе состояло 345 человек действительных членов и членов-корреспондентов [12, с. 218], а в середине 1932 г. оно насчитывало почти тысячу человек [9, л. 22]. К тому времени Общество включало в себя, помимо историков из Москвы (около половины всего состава), 29 местных и республиканских отделений практически по всему Союзу. При вузах, комвузах, музеях и архивах, а также некоторых предприятиях были созданы ячейки содействия. Вместе с тем Обществу не удалось выйти за узкопартийные рамки. «Думали, – говорил М.Н. Покровский, – что около небольшого, сравнительно, партийного ядра сгруппируется большое количество беспартийных историков, тяготеющих к нам» [36, с. 3]. Но получилось обратное: три четверти организации составляли члены ВКП(б). Безусловно, требование наличия печатных работ или самостоятельного преподавания в вузе для действительных членов служило способом поддержания научного уровня Общества, но оно же потом стало поводом для обвинений в корпоративной замкнутости. Не ясной была ситуация с Украинским обществом историков-марксистов. Даже в 1931 г. признавалось, что с ним «существовала только ин-

формационная связь» и «историки-марксисты-украинцы находятся на отлете» [26, с. 136]. Это, конечно, снижало реальный статус Общества, считавшегося с 1930 г. организацией всесоюзной.

Следование классово-партийному подходу неизбежно вело советских историков к ограничению проблематики исследовательской работы. «У нас не только свой метод, но и своя тематика и свои проблемы», – отмечалось в одном из программных документов Общества историков-марксистов [25, с. 15]. Главным образом разрабатывалась социально-экономическая и революционная проблематика, а основной формой работы долгое время являлось заслушивание докладов на заседаниях секций, многие из которых затем публиковались в журнале «Историк-марксист». При этом число докладов постоянно увеличивалось: если в 1925 г. было заслушано всего 4 доклада, то в 1926 г. – уже 11, в 1927 г. – 16, а в 1928 г. выросло до 31 [27, с. 203]. Рекордное число докладов было сделано в 1930 г. – 87 [19, с. 109].

Изначально приоритетной для Общества историков-марксистов считалась задача «борьбы с извращениями истории буржуазной наукой», но активное наступление на историков «старой школы» началось весной 1928 г. и связывается современными историками с необходимостью реакции на «Шахтинское дело» [3, с. 80]. Инициатива в этом деле исходила от самого М.Н. Покровского, который в статье «“Новые” течения в русской исторической литературе» поставил в вину Д.М. Петрушевскому «протаскивание идей неокантианства», а Е.В. Тарле – «затушевание объективного хода европейской истории к социалистической революции» [35]. Вскоре за ним последовали и его ученики, проведя обстоятельный диспут по книге Петрушевского [11].

Следующим этапом в этой борьбе стала реорганизация Института истории РАНИОН, в котором совместно работали историки-марксисты и историки «старой школы». В ноябре 1929 г. он был включен в Коммунистическую академию, что привело не только к кадровым изменениям, но и направленности его исследований. Свертывалась традиционная для русской исторической науки тематика по хроно-

логическим периодам, а структура Института почти полностью стала повторять структуру самого Общества историков-марксистов, функции которого подверглись корректировке. Теперь оно должно было вести «работу по координации работ отдельных исторических институтов, ...по популяризации исторических знаний, наблюдению за постановкой исторической работы на местах и т. п., перенося, однако, работу по систематической научно-исследовательской работе в Институт истории» [23, с. 429–430].

Заключительным актом наступления на историков «старой школы» стало печально знаменитое «Академическое дело». Хотя Общество историков-марксистов и не было его инициатором, оно, тем не менее, испытывало немалое удовлетворение от учиненного погрома «буржуазной науки». Выступая на общем собрании Общества 19 марта 1930 г., М.Н. Покровский заявил, что «эти люди настолько разоблачены и пригвождены, что считаться с ними как идейными противниками, кому же придет в голову сейчас» [36, с. 10].

В условиях «великого перелома» все больше происходило переориентирование Общества историков-марксистов на сопровождение текущей политики партии. В резолюции упомянутого собрания в качестве приоритетной для Общества была обозначена задача «принять самое энергичное участие в работе социалистической реконструкции, подготавливая в темпе более быстром, чем все виданные до сих пор, новые и гораздо более широкие кадры работников данного участка культурно-просветительного фронта и способствуя историческим анализом прояснению сознания всех работников этого фронта и всех масс трудящихся» [41, с. 165]. Другой задачей Общества, в духе сталинских указаний о развертывании самокритики, должна была стать борьба с «пережитками буржуазных концепций» в собственной среде [41, с. 166].

Вскоре руководство Общества рапортовало о том, что «провело успешную борьбу против оживления меньшевистских, механистических концепций Богданова и Рожкова в книге т. Дубровского об «Азиатском способе производства», искажающем учение Маркса – Ленина об общественно-экономических формациях. Энергичный отпор был дан правооп-

портунистическому выступлению т. Теодоровича, изобразившего в дискуссии о «Народной Воле» народников предшественниками большевизма и тем затушевывавшего мелкобуржуазную сущность народничества» [19, с. 108]. «Серьезные ошибки» были обнаружены также в трудах обвиненного в национально-демократическом уклоне ведущего украинского историка-марксиста М.И. Яворского.

Тем не менее в 1930 г. еще самооценка положения дел в Обществе была в целом положительной: «рядом с нашими достижениями приходится отметить некоторые дефекты», – говорил М.Н. Покровский [36, с. 11]. Но уже через год, после XVI съезда ВКП(б), в тезисах комфракции совета Общества, принятых 6 февраля 1931 г., заявлялось, что «практическая работа по своим темпам не отвечает еще тем требованиям, какие вытекают из общего положения нашей страны и задач марксистско-ленинской науки в период завершения фундамента социалистического хозяйства». Причиной этой медлительности называлось то, что «само Общество и планы его работы засорены людьми и темами, которым в боевом Обществе марксистов-ленинцев нет места» [25, с. 12, 14].

В это время меняется и партийно-государственная политика по отношению к общественным организациям. В январе 1931 г. в ЦК ВКП(б) был создан отдел культуры и пропаганды (Культпроп), на который возлагалась функция идеологического контроля в сфере науки, литературы и искусства. 15 марта 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) выносит постановление по докладу президиума Коммунистической академии, которым существенно ограничило сферу деятельности научных обществ, состоявших при Комакадемии. На них теперь возлагалась только организация «массовой работы, дело пропаганды марксизма и ленинизма в своей области, популяризация научных достижений и работа с научными кадрами, особенно в нацреспубликах и отдаленных областях» [37, с. 4].

Осложнили работу Общества историков-марксистов и факторы внутреннего порядка. В первую очередь то обстоятельство, что в 1929 г. у М.Н. Покровского диагностировали рак, и в последующем он уже не мог, как раньше, плотно заниматься делами Общества ис-

ториков-марксистов, в последние месяцы жизни вообще не имел связи с ним. Заседание комфракции 6 февраля 1931 г. было последним публичным мероприятием Общества, на котором Покровский выступал с докладом. Нарушила стабильность в работе общества и смена ученого секретаря. В конце 1930 г. ЦК ВКП(б) принял решение направить П.О. Горина (Коляда), занимавшего эту должность с момента основания Общества, в Минск в качестве Президента Белорусской академии наук. Покровский, возражая против этого перевода, направил письмо на имя секретаря ЦК В.М. Молотова, в котором указал, что «это катастрофа для Общества и риск его распада» [1, с. 4]. Только 11 мая 1931 г. президиум Комакадемии утвердил на этом посту Х.Г. Лурье [7, с. 126] – молодого историка, несомненно обладавшего организаторскими способностями, но не имевшую необходимого научного и политического авторитета. Вскоре по личным обстоятельствам она вынуждена была сделать перерыв в работе, и с июля по ноябрь 1931 г. временно исполнял должность ученого секретаря И.Л. Татаров (Каган) – известный общественный деятель, участник многих исторических дискуссий и ответственный секретарь журнала «Историк-марксист» [42, л. 9]. В начале ноября Х.Г. Лурье снова приступила к своим обязанностям, а после смерти 10 апреля 1932 г. М.Н. Покровского и до прекращения деятельности Общества была главным его должностным лицом.

В феврале – мае 1931 г. в Обществе историков-марксистов состоялась последняя дискуссия, которая была посвящена положению в области изучения истории Запада. В связи с кризисом в ведущих капиталистических странах и якобы обозначившейся революционной перспективой ей придавалось практически политическое значение. Вместе с тем дискуссия выявила и изменение нравственной атмосферы в Обществе историков-марксистов. Опасения быть обвиненными в недостаточной бдительности по отношению к классовым врагам и их пособникам, в отсутствии должной самокритики заставляли советских историков, особенно молодых, выискивать «ошибки» и всякого рода «искажения марксизма-ленинизма» в трудах своих коллег, не взирая на их заслуги. Даже руково-

дитель Культпропа ЦК ВКП(б) А.И. Стецкий был вынужден отметить явные «перегибы» в ходе этой дискуссии. «Отдельные товарищи, – говорил он на партийном собрании Комакадемии 28 марта 1931 г., – выступали с такого рода положениями, что на фронте западной истории у нас политическое неблагополучие, что неправильная генеральная линия работы О-ва историков-марксистов и т. д. и т. п., что необходимо поставить вопрос о руководстве этим самым фронтом западной истории и т. д. Пытались зачеркнуть все ценное, что было сделано на этом фронте западной истории. Совершенно естественно, что такого рода перехлестываниям необходимо давать самый решительный отпор» [45, с. 16]. 16 июня 1931 г. М.Н. Покровский, ознакомившись с проектом резолюции по итогам дискуссии, направил в Президиум Комакадемии письмо, в котором «решительным образом» протестовал против возведения «на известных и занимающих руководящие теоретические посты старых товарищей (имелись в виду Ротштейн, Лукин и Волгин. – В. Д.) чудовищных теоретических обвинений без малейшей попытки эти обвинения обосновать» [6, л. 20].

Указание ЦК ВКП(б) заниматься главным образом массовой работой ставило руководство Общества историков-марксистов в затруднительное положение относительно дальнейшей деятельности секций в столице и отделений в провинции. Лишь осенью 1931 г. оно определилось с планами постановки докладов и консультаций на предприятиях и ведущих стройках пятилетки. Новые возможности для активизации работы открывались перед Обществом в связи с решениями ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов». При президиуме совета была образована комиссия содействия написанию истории гражданской войны. Такие же комиссии были созданы в отделениях Общества на местах. Работа по изучению истории фабрик и заводов была возложена на секцию истории пролетариата, а основными исполнителями по подбору и систематизации материала для написания монографий должны были стать ячейки содействия. Как говорилось в кратком обзоре деятельности Общества историков-марксистов, «теперь не может уже быть разговоров о неопределенности содержания» их

работы, поскольку она «не является надуманным, а создается самой жизнью» [17, с. 159]. Вскоре в новом массовом журнале Общества «Борьба классов» стали публиковаться очерки, сообщения и воспоминания, касавшиеся истории гражданской войны и ряда заводов и фабрик.

Но этот настрой на реальную исследовательскую и популяризаторскую работу, хотя и по ограниченной тематике, уже в конце октября 1931 г. был прерван публикацией письма И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». Политический смысл этого письма, характер отклика на него, воздействие на науку и судьбы историков, – все это достаточно подробно рассмотрено в работах последних десятилетий [2; 14; 22]. Отметим лишь несколько важных для нашего исследования моментов. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что именно Общество историков-марксистов оказалось в центре кампании по обсуждению сталинского письма. Трижды в Москве комфракция Общества (11, 14 и 18 ноября 1931 г.) собиралась по этому вопросу на свои заседания, в которых приняло участие несколько сот человек, а местные отделения разворачивали эту работу в провинции. Совершенно очевидно также, что, расширяя в ходе «проработки» масштабы выявляемой «троцкистской контрабанды» и «фальсификации» истории партии, о чем говорилось в сталинском письме, и круг лиц в них повинных, кроме Слуцкого и Волосевича (Слепков, Рахметов, Миронов, Альтер, Бернштейн, Минц, Кин, Пионтковский и др.), советские историки давали повод власти для сомнений в своей благонадежности. Более того, неуклюжий содоклад (доклад делал член ЦК ВКП(б) В.Г. Кнорин) на первом заседании комфракции Общества его ученого секретаря Х.Г. Лурье вообще обесценивал всю предшествующую работу организации и наводил на мысль о научной несостоятельности советских историков. В частности, она заявила, что до появления письма Сталина историки вообще не имели методологии и не знали, что такое теория и практика [14, с. 290].

Весной 1932 г., когда несколько спала суета вокруг сталинского письма, возобновилась кампания по перестройке деятельности

Общества историков-марксистов, как это было определено еще на заседании комфракции 6 февраля 1931 года. Перестройка форм и методов работы, по замыслу руководства, должна была повысить ее качество, ввести плановое начало, методы соцсоревнования и ударничества в работу секций, отделений и ячеек содействия для того, «чтобы обеспечить неустанную борьбу за генеральную линию партии, против оппортунистических искажений в исторической литературе, борьбу против буржуазных теорий за большевистскую партийность в исторической науке» [17, с. 159]. С этой целью была создана специальная бригада, которая провела в апреле несколько своих заседаний, где был высказан ряд предложений по изменению структуры Общества. На заседании «бригады по перестройке работы О-ва» был поставлен также вопрос: должно ли общество в дальнейшем существовать как всесоюзная организация или должна быть организована федерация республиканских обществ? «Вопрос, – сказала Лурье, – который подлежит решению ЦК, но по которому мы должны высказать свое мнение» [38, л. 1]. Предложение о федеративном устройстве по своей сути было запоздалой реакцией на «самостийность» Украинского общества историков-марксистов. Окончательно вопрос о перестройке деятельности, как предполагалось, должен был решить пленум Общества, безуспешные попытки созвать который растянулись на целых полтора года.

Еще в начале 1931 г. прозвучало предложение провести в конце 1931 г. совещание совета, а затем Вторую всесоюзную конференцию историков-марксистов [25, с. 16]. 5 мая 1931 г. президиум совета Общества назвал в качестве даты проведения конференции декабрь 1931 г., а вместо совещания постановил созвать расширенный пленум совета с участием представителей с мест и членов московского общества, на котором заслушать доклады М.Н. Покровского о работе Общества и задачах исторической науки в реконструктивный период и Х.Г. Лурье о реорганизации Общества историков-марксистов во всесоюзную организацию [4, с. 135]. В результате согласований с Культпропом ЦК ВКП(б) решено было ограничиться проведением пленума (без слова совета. – В. Д.) в ноябре

1931 г., о чем президиум совета проинформировал отделения и членов Общества [17, с. 159]. Но появление в октябре письма Сталина и ажиотаж вокруг него нарушили эти планы. Возвратиться к вопросу о проведении пленума смогли только весной 1932 года.

27 марта 1932 г. президиум совета Общества на своем заседании определил в качестве даты проведения пленума 20 мая 1932 г., а для подготовки к нему создал организационную комиссию под председательством директора Института истории Н.М. Лукина. В постановлении президиума было также записано: «провести в апреле месяце ряд отчетных заседаний, посвященных подведению итогов работы общества с постановкой ряда сообщений президиума О-ва и отдельных местных организаций» [39, л. 7]. Таким образом, по формату подготовки пленум ничем не отличался от конференции, к тому же его планировалось провести в течение трех дней. На следующем заседании президиума 20 апреля 1932 г. была определена повестка пленума, включавшая в себя отчетный доклад президиума Общества (Х.Г. Лурье), доклады «Покровский как историк-марксист» (А.И. Стецкий, прений не предполагалось), «История гражданской войны» (А.С. Бубнов), «Ленин и большевики во II Интернационале» (В.Г. Кнорин). По требованию Культпропа выступающие должны были заранее представить тезисы своих докладов с последующим их обсуждением в оргкомитете. Кроме того, намечалось создать бригады «разоблачительной критической и самокритической работы» по историческим журналам и отдельным историкам (Ванаг, Горин, Пионтковский, Шляпников и др.), результаты которой предполагалось доложить на пленуме [16, л. 2]. Журнал «Борьба классов» опубликовал обращение ко всем отделениям Общества с просьбой прислать информационные материалы, необходимые для подготовки к пленуму [8, с. 136]. Вскоре, однако, выяснилось, что в столь короткий срок нет возможности выполнить все условия подготовки и проведения пленума, и президиум перенес его на июнь 1932 года.

Но и этот срок проведения пленума оказался не реальным. В конце мая 1932 г. ученый секретарь Ленинградского отделения Общества А.Г. Пригожин направил в президиум

письмо, в котором содержалась просьба перенести пленум теперь уже на осень, мотивируя тем, что «до сего времени на местах не известны тезисы докладчиков, не говоря уже о тезисах отчетного доклада Общества; июнь месяц, кроме того, является концом учебного года, когда все историки Ленинграда должны закончить свои обязательства по учебникам и вследствие этого не сумеют отдать подготовке пленума должного времени» [34, л. 75]. На этом же настаивали и основные докладчики. И вот на заседании президиума Общества 7 июня Лурье доложила о том, что «по согласованию с Культпропом ЦК созыв пленума историков-марксистов перенесен на 20 сентября с/года». Она также уведомила, что Культпроп внес изменения в порядок дня: «положение и задачи исторического фронта будут рассмотрены в отдельных исторических участках, при обсуждении научных докладов», число которых будет включен еще и доклад Н.М. Лукина «Основные проблемы рабочего движения эпохи империализма» [40, л. 1]. Отсутствие отчетного доклада вызвало возражение со стороны ряда членов президиума, считавших, что было бы полезным обобщить опыт деятельности общества, как бы в дальнейшем не сложилась его судьба. Но, поскольку здесь они не могли что-либо изменить, сошлись на том, чтобы «просить ЦК поставить на пленуме информационное сообщение об организационных формах работы историков-марксистов» [40, л. 2]. По результатам этого заседания в отделения и ячейки содействия Общества было направлено информационное письмо, в котором содержалось указание оперативно сообщить имена выступающих и их темы, а также «установить системы проверки, чтобы представленная отсрочка созыва пленума была бы действительно использована для подготовки к выступлению» [33, л. 15]. Поступавшие летом 1932 г. в президиум сообщения говорили о том, что значительная часть членов Общества была настроена на безусловное проведение пленума.

Тем не менее подготовка к пленуму встречала все новые препятствия. Ни один из основных докладчиков летом 1932 г. так и не представил тезисы. Более того, 29 июля В.Г. Кнорин направил в президиум Общества собственноручную записку, в которой сооб-

шал, что «целый ряд обстоятельств на международной арене сейчас требует всех моих сил для работы в КИ, поэтому я готовить доклад не могу и должен от него отказаться, тем более, что сроки Вашего пленума очень близки к срокам некоторых интернациональных совещаний» [29, л. 185]. В это же время стали приходить с мест письма с просьбами снова перенести срок проведения пленума на более позднее время. Теперь эти просьбы уже мотивировались тем, что почти весь актив отделений занят работой по подготовке к пятнадцатилетнему юбилею Октябрьской революции и «сейчас очень трудно отрывать товарищей для поездки в Москву» [32, л. 193]. Становилось все более очевидным, что пленуму так и не суждено будет состояться, поскольку на повестке дня уже стоял вопрос о дальнейшем существовании самого Общества историков-марксистов.

Впервые прямым текстом о ликвидации Общества, как «вопросе уже предрешенном», было заявлено Н.М. Лукиным на заседании президиума совета Общества 7 июня 1932 г. [40, л. 2]. Дело в том, что в это время в ЦК ВКП(б) стали пересматривать отношение к существовавшей системе общественных организаций, созданным на классово-идеологической основе. 23 апреля 1932 г. выходит знаменитое постановление Политбюро «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором говорилось об опасности превращения такого рода организаций из средства мобилизации интеллигенции «вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности» [5, с. 173]. Хотя данное постановление и не касалось непосредственно научных обществ, но оно методологически встраивало и их в эту политическую линию. Соответствующим секторам Культпропа ЦК ВКП(б) было поручено проанализировать деятельность обществ, состоящих при Комакадемии, высказать рекомендации по их перестройке. С этой целью 15 мая 1932 г. в Комакадемии было созвано совещание с участием представителей Культпропа, на котором руководители обществ выступали с анализом деятельности своих организаций и предложениями по дальнейшей их деятельности.

Выступление Х.Г. Лурье было выдержано в духе самокритики по всем трем основным направлениям деятельности Общества историков-марксистов – научной, организационной и массовой. Характеризуя в целом положение в Обществе, она констатировала, «что то резкое отставание от задач социалистического строительства, которое отмечено тов. Сталиным, нами в настоящее время не ликвидировано», и не только по причине того, что из президиума выбыло три четверти членов и существует параллелизм секций, но и потому, что в таком виде, как оно есть, Общество «не рационально, оно не выполняет тех задач, которые перед ним ставятся». Отсюда, по ее мнению, нужна более массовая организация, поскольку перед историками стоят новые задачи в связи с введением истории в среднюю школу и написанием трудов, определенных постановлениями ЦК партии [44, л. 23–24]. Примерно в таком же духе высказывались и представители других научных обществ.

Однако, похоже, партийные функционеры склонялись к более радикальным решениям, считая, что одни общества уже исчерпали свой мобилизационный потенциал, и с задачами, которые они выполняли, могут справиться государственные учреждения, а существование других – служит препятствием проведению государственной научной политики. Не случайно, что со стороны представителя Культпропа Ф.А. Горохова (до этого замдиректора института философии Комакадемии) вопрос, заданный Лурье, звучал так: «Считаете ли вы нормальным, что в обществе историков-марксистов развертывается научная работа – не в смысле параллелизма, а в смысле разработки проблем» [44, л. 24 об.]. Но не столько покушение обществ на прерогативы научных институтов волновало партийные органы в данном случае, сколько пресловутая «замкнутость». Тот же Горохов заявил на совещании, что в некоторых обществах «такое же положение, которое сложилось в РАППе... РАПП оказался довольно замкнутой организацией», «эту замкнутость, известный элемент сектантства» усилил, по его мнению, «строгий подход к определению членства в обществе» [44, л. 26–27]. А это уже был явный намек в том числе и на Общество историков-

марксистов, где сохранилась зависимость членства от наличия печатных трудов, что сдерживало его массовость.

Перспектива ликвидации научных обществ, состоявших при Комакадемии, потребовала решения ряда проблем организационно-материального характера, в частности, определения порядка финансирования массовой работы институтов, которую ранее вели общества. С этой целью 31 августа 1932 г. в президиуме Комакадемии состоялось специальное совещание, предписывавшее каждому институту оперативно определиться со сметами расходов по массовой работе (лекции, проведение конференций, издание популярной литературы, выезды на места), которую они целиком будут перенимать от обществ. В каждом институте в штат вводилась должность заведующего массовой работой. Единственное, что беспокоило в этой связи участников совещания – судьба ячеек содействия обществам. По этому поводу представитель Института советского строительства и права говорил следующее: «Если будут ликвидированы о-ва, создается некоторая трудность по части организации ячеек на местах, вне Москвы. Группы содействия институтам – само по себе будет не столь благозвучны, чтобы вокруг этого лозунга объединились местные работники. Сейчас под именем общества, и то очень туго, а когда это будет группа содействия институту, это будет еще хуже. Вопрос не только в самом названии, но здесь была форма, которая позволяла организовать ячейки вне Москвы. С точки зрения Москвы ликвидация о-в имеет плюсы, по крайней мере вся работа у нас проводилась за счет узкого круга лиц, тех же руководящих постоянных работников ин-та и поэтому привлечение к декадникам, к работе – лиц со стороны у нас не было и ликвидация обществ ничего страшного не несет. Но что касается связи с местами, – то будут некоторые осложнения» [43, л. 9].

Осенью 1932 г. деятельность Общества историков-марксистов стала сворачиваться, особенно в Москве. Хотя его члены сделали несколько докладов на собраниях и заседаниях, посвященных 15-летию Октябрьской революции, продолжалась работа по собиранию материала для «Истории гражданской войны» и монографий по истории фабрик и заводов.

По некоторым секциям было заслушано несколько докладов: А.М. Панкратовой, Н.М. Майорского, В.П. Потемкина и др. Время от времени в крайне малочисленном составе собирался на свои заседания президиум совета Общества. Последний его протокол датирован 29 декабря 1932 года.

Руководство Общества попыталось также перерегистрировать устав, что было вызвано выходом 10 июля 1932 г. нового Положения о добровольных обществах и союзах. Введение этого положения (третьего по счету) объяснялось поворотом деятельности добровольных обществ и союзов в направлении «усиления их участия в социалистическом строительстве». Тем самым власть стремилась устранить считавшимися недостатками в работе научных обществ: академизм, корпоративность и отрыв от нужд производства. В самом конце октября 1932 г. ученый секретарь Общества историков-марксистов получил письмо из Комитета по заведыванию учебными и учебными заведениями ЦИК СССР (Комакадемия находилась при ЦИК), в котором сообщалось, что представленный проект устава «не соответствует требованиям нового закона о добровольных обществах» и они ждут представителя Общества для «переговоров о дальнейшем направлении этого вопроса» [30, л. 6]. Мы не располагаем какими-либо сведениями о дальнейшей судьбе проекта устава Общества. По всей видимости, он застрял где-то в инстанциях, с которыми шло согласование, и не выносился на утверждение ВЦИК.

В этот период руководство Общества историков-марксистов фактически потеряло связь с местными отделениями, о чем говорит письмо от 28 декабря 1932 г. из Новосибирска, содержащее такие строки: «Бюро Западно-Сибирского отделения О-ва историков-марксистов с удивлением констатирует, что за последние 4–5 месяцев Совет общества историков-марксистов не чем не дает о себе знать на места. Нет никаких сведений о том, как протекает работа Совета, что делает и предполагает делать. Нет сведений и о предполагавшемся, сначала в мае, а затем в сентябре, созыве пленума Совета общества с присутствием представителей с мест. Чем объясняется это молчание совета, неизвестно».

Далее коллеги из Сибири просили прислать информацию о положении дел в обществе, о планах и намерениях дальнейшего развития деятельности общества [28, л. 29].

Никаких официальных решений о ликвидации или самоликвидации Общества историков-марксистов не принималось, и даже, по всей видимости, уведомлений о прекращении деятельности не направлялось в правительственные учреждения. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 15 января 1933 г. Комитет по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР затребовал в срочном порядке от Общества доклад о работе за период 1931–1933 гг. [31, л. 32]. Общество историков-марксистов прекращало свою работу в конце 1932 г., если можно так сказать, явочным порядком. В последнем выпуске (№ 11–12) за 1932 г. журнала «Борьба классов», подписанном 10 декабря, было снято упоминание о принадлежности его Обществу историков-марксистов, и теперь он стал просто «историческим массовым ежемесячным журналом». Однако местные отделения и ячейки содействия Обществу еще некоторое время продолжали действовать. Например, тот же журнал «Борьба классов» сообщал о том, что ячейка содействия Первого МГУ в феврале – марте 1933 г. приняла активное участие в мероприятиях, посвященных 150-летию смерти К. Маркса, с докладами выступили известные историки Бантке, Ерусалимский и др. [15, с. 119]. Педагог из Казани Р. Тагиров в 1934 г. предлагал редакции журнала для его популяризации организовать на базе «местных филиалов» Общества историков-марксистов совещания, на которых обсудить публикуемые в нем материалы [46, с. 102].

Результаты. Совершенно очевидно, что в условиях отсутствия методологического плюрализма и установления полного административного контроля в исторической науке мобилизационный потенциал Общества историков-марксистов оказывался исчерпанным. Его функции с большей эффективностью могли уже выполнять непосредственно государственные учреждения исторического профиля. Возможно, что, проживи несколько лет М.Н. Покровский, Общество историков-марксистов могло бы просуществовать еще какое-то время, как это было с Обществом пе-

дагогов-марксистов, которое возглавляла Н.К. Крупская, прекратившим деятельность в 1935 году. Но так или иначе время чрезвычайных форм и методов подготовки кадров и организации научной и пропагандистской работы, рожденных революцией, в области истории к середине 1930-х гг. закончилось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик П.О. Горин. Документы и материалы / сост. Н. В. Токарев. – Минск : Белорусская наука, 2011. – 347 с.
2. Алаторцева, А. И. Советская историческая наука на переломе 20–30-х годов / А. И. Алаторцева // История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. – М. : Политиздат, 1991. – С. 248–283.
3. Артизов, А. Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? / А. Н. Артизов // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 77–96.
4. В обществе историков-марксистов // Борьба классов. – 1931. – № 2. – С. 135.
5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов ; под ред. А. Н. Яковлева. – М. : Международный фонд «Демократия», 1999. – 868 с.
6. В президиум Коммунистической академии. Письмо М.Н. Покровского // Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 261. – Л. 20–20 об.
7. В президиуме Комакадемии // Вестник Коммунистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 126–127.
8. Всем отделениям общества историков-марксистов // Борьба классов. – 1932. – № 2–3. – С. 136.
9. Выступление Х.Г. Лурье на совещании обществ, состоящих при Комакадемии 5 мая 1932 г. // РАН. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 748. – Л. 18–22.
10. Данилов, В. Н. Общество историков-марксистов и историки «старой школы» / В. Н. Данилов // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2016. – Вып. 13/14. – С. 93–103.
11. Диспут о книге Д.М. Петрушевского : (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке) // Историк-марксист. – 1928. – № 8. – С. 79–116.
12. Доклад Горина П.О. на I Всесоюзной конференции историков-марксистов // Историк-марксист. – 1929. – № 11. – С. 218–228.
13. Дорошенко, В. А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-мар-

ксистов (1925–1932 гг.) / В. А. Дорошенко // Вестник Московского университета. Серия IX, История. – 1966. – № 3. – С. 10–22.

14. Дунаевский, В. А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействие на науку и судьбы людей / В. А. Дунаевский // История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 284–297.

15. Жемчужина, Л. Как прошел в Москве юбилей Карла Маркса / Л. Жемчужина // Борьба классов. – 1933. – № 5. – С. 119–120.

16. Заседание оргкомитета по созыву пленума О-ва историков-марксистов от 20 апреля 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 251. – Л. 1–2.

17. Захарова, М. В обществе историков-марксистов / М. В. Захарова // Борьба классов. – 1931. – № 6–7. – С. 159.

18. Историография истории СССР (эпоха социализма) / под ред. И. И. Минца. – М.: Высш. шк., 1982. – 336 с.

19. Как работает общество историков-марксистов // Борьба классов. – 1931. – № 1. – С. 108–110.

20. Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежны! / Т. П. Коржихина – М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 1997. – 372 с.

21. Куйпайгородская, А. П. Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) / А. П. Куйпайгородская, Н. Б. Лебина // Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1989. – С. 5–17.

22. Макаренко, П. В. Письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его последствия для исторической науки / П. В. Макаренко // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. И. М. Чвикалова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. лесотех. акад., 1997. – С. 45–47.

23. Метель, О. В. Институт истории Коммунистической академии в отражении документальных свидетельств / О. В. Метель // Мир историка: историограф. сб. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 419–430.

24. Метель, О. В. Создание сети региональных отделений Общества историков-марксистов в 1930–1932 гг. / О. В. Метель // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. – 2018. – № 1. – С. 213–219.

25. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период. Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов // Историк-марксист. – 1931. – № 21. – С. 8–17.

26. О работе историков-марксистов в провинции // Историк-марксист. – 1931. – № 21. – С. 136–139.

27. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. – М.: Наука, 1966. – 856 с.

28. Письмо Западно-Сибирского отделения Общества историков-марксистов от 28 декабря 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 29.

29. Письмо Кнорина в Президиум Общества историков-марксистов 29 июля 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 185.

30. Письмо Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР от 29 октября 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 6.

31. Письмо комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР от 15 января 1933 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 32.

32. Письмо от председателя Общества историков-марксистов Центрально-Черноземной области от 1 августа 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 193–194.

33. Письмо отделениям и ячейкам содействия общества историков-марксистов от 8 июня 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 225. – Л. 15–16.

34. Письмо ученого секретаря ЛОИМ Пригожина // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 75.

35. Покровский, М. Н. «Новые» течения в русской исторической литературе / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1928. – № 7. – С. 3–17.

36. Покровский, М. Н. Очередные задачи историков-марксистов (доклад на общем собрании Общества 19.03.1930 г.) / М. Н. Покровский // Историк-марксист. – 1930. – № 16. – С. 3–19.

37. Постановление ЦК ВКП(б) по докладу президиума Коммунистической академии. 15 марта 1931 г. // Вестник Коммунистической академии. – 1931. – № 2–3. – С. 3–5.

38. Протокол заседания бригады по перестройки работы Общества историков-марксистов от 19 апреля 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 252. – Л. 1–2.

39. Протокол заседания президиума Общества историков-марксистов от 27 марта 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 249. – Л. 7–10.

40. Протокол заседания Президиума Общества историков-марксистов от 7 июня 1932 г. // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 249. – Л. 1–3.

41. Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III.30 г. // Историк-марксист. – 1930. – № 15. – С. 165–167.

42. Справка о Татарове // АРАН. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 225. – Л. 9–9 об.

43. Стенограмма совещания в президиуме Коммунистической академии 31 августа 1932 г. // АРАН. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 645. – Л. 2–20.

44. Стенограмма совещания обществ, состоящих при Президиуме и институтах Коммунистической академии 15 мая 1932 г. // АРАН. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 748. – Л. 1–29.

45. Стецкий, А. О научной работе Комакадемии / А. Стецкий // Вестник Коммунистической академии. – 1931. – № 2–3. – С. 6–17.

46. Трибуна читателя // Борьба классов. – 1934. – № 9. – С. 101–102.

REFERENCES

1. Akademik P.O. Gorin. *Dokumenty i materialy* [Academician P.O. Gorin. Documents i Materialy]. Minsk, Beloruskaja navuka Publ., 2011. 347 p.

2. Alatorceva A.I. Sovetskaja istoricheskaja nauka na perelome 20–30-h godov [Soviet Historical Science at the Turning Point of the 20-30s]. *Istorija i stalinizm* [History and Stalinism]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 248–283.

3. Artizov A.N. Pokrovskij: final kar'ery – uspeh ili porazhenie? [Pokrovsky: Career Finale-Success or Failure?]. *Otechestvennaja istorija* [National History]. 1998, no. 1, pp. 77–96.

4. V obshhestve istorikov-marksistov [The Society of Historians-Marxists]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1931, no. 2, p. 135.

5. *Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija. Dokumenty CK RKP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953* [The Authority and the Artistic Intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), Cheka – OGPU-NKVD on Cultural Policy. 1917–1953]. Moscow, Mezhdunarodnyj fond «Demokratija» Publ., 1999. 868 p.

6. V prezidium Kommunisticheskoy akademii. Pis'mo M.N. Pokrovskogo [To the Presidium of the Communist Academy. Letter From M.N. Pokrovsky]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 261, l. 20–20 revs.

7. V prezidume Komakademii [The Presidium of the Communist Academy]. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of the Communist Academy], 1931, no. 5–6, pp. 126–127.

8. Vsem otdelenijam obshhestva istorikov-marksistov [All Branches of the Society of Marxist Historians]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1932, no. 2–3, p. 136.

9. Vystuplenie H.G. Lur'e na soveshhanii obshhestv, sostojashih pri Komakademii 5 maja 1932 g. [Speech by H.G. Lurie at the Meeting of the Societies, Held in the Communist Academy on 5 May]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 350, op. 1, d. 748, l. 18–22.

10. Danilov V.N. Obshhestvo istorikov-marksistov i istoriki «staroj shkoly» [The Society of Marxist Historians and of the “Old School” Historians]. *Istorija i istoricheskaja pamjat'* [History and Historical Memory]. Saratov, Sarat. gos. un-t, 2016, no. 13–14, pp. 93–103.

11. Disput o knige D.M. Petrushevskogo: (O nekotoryh predrassudkah i sueverijah v istoricheskoy nauke) [Debate About the Book of D.M. Petrushevsky (About Some Prejudices and Superstitions in Historical Science)]. *Istorik-marksist* [Marxist Historian], 1928, no. 8, pp. 79–116.

12. Doklad Gorina P.O. na I Vsesojuznoj konferencii istorikov-marksistov [Report of Gorin P.O. at the First All-Union Conference of Marxist Historians]. *Istorik-marksist* [Marxist Historian], 1929, no. 11, pp. 218–228.

13. Doroshenko V.A. Obrazovanie i osnovnye jetapy dejatel'nosti Obshhestva istorikov-marksistov (1925–1932 gg.) [Formation and Main Stages of the Society of Marxist Historians (1925–1932)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series IX. History. 1966, no. 3, pp. 10–22.

14. Dunaevskij V.A. Opis'me Stalina v redakciju zhurnala «Proletarskaja revoljucija» i ego vozdejstvie na nauku i sud'by ljudej [About Stalin's Letter to the Editor of “The Proletarian Revolution” Magazine and its Impact on Science and the Fate of People]. *Istorija i stalinizm* [History and Stalinism]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 284–297.

15. Zhemchuzhina L. Kak proshel v Moskve jubilej Karla Marksa [As was Held in Moscow on the Anniversary of Karl Marx]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1933, no. 5, pp. 119–120.

16. Zasedanie orgkomiteta po sozyvu plenuma O-va istorikov-marksistov ot 20 aprelja 1932 g. [Meeting of the Organizing Committee for the Convocation of the Plenum of the Marxist Historians On April 20, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 251, l. 1–2.

17. Zaharova M. V obshhestve istorikov-marksistov [In the Society of Marxist Historians]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1931, no. 6–7, p. 159.

18. *Istoriografija istorii SSSR (jepoha socializma)* [Historiography of the History of the USSR (the Era of Socialism)]. Moscow, Vyssh. Sh. Publ., 1982. 336 p.

19. Kak rabotaet obshhestvo istorikov-marksistov [How the Society of Marxist Historians Works]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1931, no. 1, pp. 108–110.

20. Korzhihina T.P. *Izvol'te byt' blagonadezhny!* [Please be Trustworthy!]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t Publ., 1997. 372 p.

21. Kujpajgorodskaja A.P., Lebina N.B. Dobvol'nye obshhestva Petrograda-Leningrada v 1917–1937 gg. (tendencii razvitiya) [Voluntary Societies of Petrograd-Leningrad in 1917–1937 (Development Trend)]. *Dobvol'nye obshhestva v Petrograde-Leningrade v 1917–1937 gg.* [Voluntary Societies in Petrograd-Leningrad in 1917–1937]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 5–17.

22. Makarenko P.V. Pis'mo Stalina v redakciju zhurnala «Proletarskaja revoljucija» i ego posledstviya dlja istoricheskoi nauki [Stalin's Letter to the Editor of "The Proletarian Revolution" and Its Consequences for Historical Science]. Chvikalova I.M., prof., ed. *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnykh nauk mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Actual Problems of Social and Humanitarian Sciences Intercollegiate Collection of Scientific Works. Edited by: Professor I.M. Chikalova]. Voronezh, Voronezh. gos. lesotekh. Akad., 1997, pp. 45-47.

23. Metel' O.V. Institut istorii Kommunisticheskoi Akademii v otrazhenii dokumental'nykh svidetel'stv [Institute of History of the Communist Academy in the Reflection of Documentary Evidence]. *Mir istorika: istoriogr. sb.* [The World of the Historian: A Historiographical Collection]. Omsk, Izd-vo Omsk. gosud. un-ta, 2017, pp. 419-430.

24. Metel' O.V. Sozdanie seti regional'nykh otdelenij Obshhestva istorikov-marksistov v 1930–1932 gg. [Creation of a Network of Regional Branches of the Society of Marxist Historians in 1930–1932]. *Magistra Vitae: jelektron. zhurn. po ist. naukam i arheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archaeology], 2018, no. 1, pp. 213-219.

25. O zadachah marksistskoj istoricheskoi nauki v rekonstruktivnyj period. Tezisy frakcii soveta Obshhestva istorikov-marksistov [On the Tasks of Marxist Historical Science in the Reconstructive Period. Theses of the Faction of the Council of the Society of Marxist Historians]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1931, no. 21, pp. 8-17.

26. O rabote istorikov-marksistov v provincii [On the Work of Marxist Historians in the Provinces]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1931, no. 21, pp. 136-139.

27. *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. T. IV* [Essays on the History of Historical Science in the USSR. Vol. IV]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 856 p.

28. Pis'mo Zapadno-Sibirskogo otdelenija Obshhestva istorikov-marksistov ot 28 dekabrya 1932 g. [Letter of the West Siberian Branch of the Society of Marxist Historians Dated December 28, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 75, l. 29.

29. Pis'mo Knorina v Prezidium Obshhestva istorikov-marksistov 29 ijulya 1932 g. [Knorin's Letter to the Presidium of the Society of Marxist Historians, July 29, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 74, l. 185.

30. Pis'mo Komiteta po zavedyvaniju uchenymi i uchebnymi zavedenijami CIK SSSR ot 29 oktjabrya 1932 g. [Letter of the Committee for the Management

of Scientific and Educational Institutions of the CEC of the USSR Dated October 29, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 75, l. 6.

31. Pis'mo komiteta po zavedyvaniju uchenymi i uchebnymi zavedenijami CIK SSSR ot 15 janvarja 1933 g. [Letter of the Committee for the Management of Scientific and Educational Institutions of the CEC of the USSR Dated January 15, 1933]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 75, l. 32.

32. Pis'mo ot predsedatelja Obshhestva istorikov-marksistov Central'no-Chernozemnoj oblasti ot 1 avgusta 1932 g. [Letter from the Chairman of the Society of Marxist Historians of the Central Chernozem Region Dated August 1, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 74, l. 193-194.

33. Pis'mo otdelenijam i jachejkam sodejstvija obshhestva istorikov-marksistov ot 8 ijunya 1932 g. [Letter to the Branches and Support Cells of the Society of Marxist Historians Dated June 8, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 225, l. 15-16.

34. Pis'mo uchenogo sekretarja LOIM Prigozhina [Letter from the Scientific Secretary LOIM Prigogine]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 74, l. 75.

35. Pokrovskij M.N. «Novye» techenija v russkoj istoricheskoi literature [“New” Trends in Russian Historical Literature]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1928, no. 7, pp. 3-17.

36. Pokrovskij M.N. Ocherednye zadachi istorikov-marksistov (doklad na obshhem sobranii Obshhestva 19.03.1930 g.) [The Next Tasks of Marxist Historians (Report at the General Meeting of the Society 19.03.1930)]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1930, no. 16, pp. 3-19.

37. Postanovlenie CK VKP(b) po dokladu prezidiuma Kommunisticheskoi akademii. 15 marta 1931 g. [Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) on the Report of the Presidium of the Communist Academy. March 15, 1931]. *Vestnik Kommunisticheskoi akademii* [Bulletin of the Communist Academy], 1931, no. 2-3, pp. 3-5.

38. Protokol zasedanija brigady po perestrojki raboty Obshhestva istorikov-marksistov ot 19 aprelya 1932 g. [Minutes of the Meeting of the Brigade for Perestroika of the Society of Marxist Historians, April 19, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 252, l. 1-2.

39. Protokol zasedanija prezidiuma Obshhestva istorikov-marksistov ot 27 marta 1932 g. [Minutes of the Meeting of the Presidium of the Society of Marxist Historians of March 27, 1932]. *Arhiv Rossijskoj*

akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 249, l. 7-10.

40. Protokol zasedaniya Prezidiuma Obshhestva istorikov-marksistov ot 7 iyunja 1932 g. [Minutes of the Meeting of the Presidium of the Society of Marxist Historians of June 7, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 249, l. 1-3.

41. Rezoljucii, prijatye na obshhem sobranii Obshhestva istorikov-marksistov ot 19.III.30 g. [Resolutions Adopted at the General Meeting of the Society of Marxist Historians of 19.III.30]. *Istoriik-marksist* [Marxist Historian], 1930, no. 15, pp. 165-167.

42. Spravka o Tatarove [Information About Tatarov]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 377, op. 1, d. 225, l. 9-9 revs.

43. Stenogramma soveshhanija v prezidiume Kommunisticheskoj akademii 31 avgusta 1932 g.

[Transcript of the Meeting at the Presidium of the Communist Academy on August 31, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 350, op. 1, d. 645, l. 2-20.

44. Stenogramma soveshhanija obshhestv, sostojashhih pri Prezidiume i institutah Kommunisticheskoj akademii 15 maja 1932 g. [Transcript of the Meeting of the Societies Attached to the Presidium and Institutes of the Communist Academy on May 15, 1932]. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 350, op. 1, d. 748, l. 1-29.

45. Steckij A. O nauchnoj rabote Komakademii [About the Scientific Work of the Communist Academy]. *Vestnik Kommunisticheskoj akademii* [Bulletin of the Communist Academy], 1931, no. 2-3, pp. 6-17.

46. Tribuna chitatelja [Reader's Tribune]. *Bor'ba klassov* [Class Struggle], 1934, no. 9, pp. 101-102.

Information About the Author

Victor N. Danilov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of the Russian History and Historiography, Institute of History and International Relations, N.G. Chernyshevskiy Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

Информация об авторе

Виктор Николаевич Данилов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, danilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

UDC 94(470.45)“1920/1930”:355.65.004.4
LBC 63.3(2P-4Вор)614-2

Submitted: 04.02.2021
Accepted: 24.02.2021

FOOD SUPPLY TO THE RESIDENTS OF STALINGRAD DURING THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION (LATE 1920s – MID-1930s)¹

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article examines the problem of food supply for the residents of Stalingrad in the late 1920s – mid-1930s, i.e. during the period of industrialization. *Methods and materials.* The authors use the historical-descriptive (idiographic), historical-genetic, historical-comparative methods, as well as quantitative methods in the study of statistical sources. In the course of the research, documentary materials of the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archives of Volgograd Region, and the Center for Documentation of the Contemporary History of Volgograd Region were used to illustrate the main methods and directions for resolving the food problem in the city of Stalingrad in the late 1920s – first half of the 1930s. *Analysis and results.* The first five-year plan brought to citizens a sharp deterioration in food supply. Having refused to take economic measures the city authorities were forced to introduce a standardized distribution on the ration books of workers' cooperatives. In 1931, Stalingrad as an important industrial center was included by the government in the list of the cities, which were supplied with basic products in a centralized manner. However, problems with food remained until the abolition of the card system in 1935. Interruptions in the supply of even standardized products, giant queues for them were the result not only of insufficient allocation of resources, but also of the unwillingness of the cooperative and state trade system to work effectively in the new conditions. The city's population also grew too rapidly due to the peasants fleeing from the countryside, which contributed to the food shortage. The creation of subsidiary farms at large enterprises, the organization of collective farm fairs also did not lead to a noticeable result. The goal stated in the resolution of 1931 to bring the food supply of Stalingrad workers closer to the level of Moscow and Leningrad turned out to be unattainable. Some improvements in the food situation occurred only in autumn 1934, when a good harvest allowed the government to fulfill the state supplies, but the problem was never completely solved.

Key words: industrialization in the USSR, late 1920s – mid-1930s, Stalingrad, Lower Volga, food supply, card system, famine.

Citation. Lunochkin A.V., Furman E.L. Food Supply to the Residents of Stalingrad During the Period of Industrialization (Late 1920s – Mid-1930s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 157-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

УДК 94(470.45)“1920/1930”:355.65.004.4
ББК 63.3(2P-4Вор)614-2

Дата поступления статьи: 04.02.2021
Дата принятия статьи: 24.02.2021

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СТАЛИНГРАДА В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (КОНЕЦ 1920-х – СЕРЕДИНА 1930-х гг.)¹

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема снабжения продовольствием жителей г. Сталинграда в конце 1920-х – середине 1930-х гг., то есть в период индустриализации. Первая пятилетка принесла горожанам резкое ухудшение продовольственного снабжения. Отказавшись от экономических мер, городские власти вынуждены были ввести нормированное распределение по заборным книжкам рабочих кооперативов. В 1931 г. Сталинград как важный промышленный центр был включен правительством в число городов, снабжавшихся основными продуктами в централизованном порядке. Однако проблемы с продовольствием оставались до самой отмены карточной системы в 1935 году. Перебои со снабжением даже нормированными продуктами, гигантские очереди за ними стали следствием не только недостаточного выделения ресурсов, но и неготовности системы кооперативной и государственной торговли к эффективной работе в новых условиях. Одной из причин нехватки продовольствия можно считать слишком быстрый рост населения города за счет бегущих из деревни крестьян. Создание подсобных хозяйств на крупных предприятиях, организация колхозных ярмарок также не привели к положительному результату. Заявленная в постановлении 1931 г. цель приблизить продовольственное снабжение рабочих Сталинграда к уровню Москвы и Ленинграда оказалась недостижимой. Некоторое улучшение положения с продовольствием произошло только осенью 1934 г., когда хороший урожай позволил селу выполнить государственные поставки, но полностью проблема так и не была решена.

Ключевые слова: индустриализация в СССР, конец 1920-х – середина 1930-х гг., Сталинград, Нижняя Волга, продовольственное снабжение, карточная система, голод.

Цитирование. Луночкин А. В., Фурман Е. Л. Продовольственное снабжение жителей Сталинграда в период индустриализации (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 157–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

Введение. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. население Сталинграда, как и других промышленных центров, столкнулось с серьезными проблемами в снабжении, прежде всего продовольственными товарами. Это было вызвано сворачиванием новой экономической политики, переходом к форсированной индустриализации и началом сплошной коллективизации сельского хозяйства. Львиная доля продукции сельского хозяйства, прежде всего зерна, уходила государству, минуя местные рынки. Быстрая урбанизация существенно увеличила число потребителей сельхозпродукции в городах и сократила число ее производителей. Наконец, ограничение и ликвидация частной торговли привели к тому, что кооперативная и государственная сеть просто не справлялась с новыми масштабами снабжения. С конца 1920-х гг. стал складываться новый порядок снабжения, основанный не на рыночных, а на распределительных принципах. На примере Сталинграда можно установить, насколько эффективной оказалась эта система снабжения, какие проблемы были вызваны ее коренными недостатками, а какие – просчетами исполнителей.

В научной литературе тема продовольственного кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. по понятным причинам стала привлекать внимание только в постсоветское время. В рабо-

тах Е.А. Осокиной [13], Ю.М. Иванова [6], С.П. Стеблева [24], Л.А. Дударь [5] рассмотрено немало аспектов этой темы: ликвидация частного сектора в торговле, складывание и функционирование распределительной системы в масштабах всего СССР. Интересна работа С.А. Нефедова, сопоставившего данные статистики о потреблении продуктов с калорийностью [10]. В то же время исследований, посвященных специально продовольственному снабжению и в целом социально-экономической жизни населения Сталинграда в этот период, до сих пор не появилось.

Цель данной статьи – выяснить, как осуществлялось продовольственное снабжение населения Сталинграда на этапе перехода от новой экономической политики к планово-централизованной модели экономики и насколько эффективной оказались принимавшиеся центральными и местными властями меры. Это позволит существенно дополнить наши представления о социально-экономическом развитии и повседневной жизни советских людей в период индустриализации.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный (идиографический), историко-генетический, историко-сравнительный методы, а также количественные методы при изучении статистических источников. В работе были

использованы постановления высших органов партии и государства по продовольственному снабжению, хранящиеся в фонде Политбюро ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории (ф. 17). Неопубликованные источники, использованные в данной работе, находятся в Государственном архиве Волгоградской области в фондах Сталинградского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-71), Нижне-Волжского крайисполкома (ф. Р-313), а также в Центре документации новейшей истории Волгоградской области в фондах Сталинградского городского комитета ВКП(б) (ф. 71) и городской контрольной комиссии. Это постановления органов власти, делопроизводственная документация, результаты проверок организации распределения продовольствия, переписка между различными учреждениями. Многие распоряжения и приказы властей, не сохранившиеся в архивах, критические заметки о перебоях с различными продуктами можно найти на страницах прессы. Поэтому в данной работе использовались материалы местных газет – окружной и городской «Борьбы», краевой «Поволжской (Сталинградской) правды». Большое значение для выяснения подробностей продовольственного снабжения и настроения населения Сталинграда имеют информационные сводки и обзоры, составлявшиеся ОГПУ для высшего руководства страны и опубликованные в 2000-х гг. [21], а также материалы из многотомного сборника «Голод в СССР. 1929–1934» [4].

Анализ. Продовольственное снабжение Сталинграда даже в период «классического нэпа» не отличалось стабильностью. Ближайшие окрестности города из-за засушливого климата и малоплодородной почвы были заселены слабо, и он зависел от поставок продовольствия из отдаленных местностей. Достаточно было небольшого сбоя в логистике, и продуктовый рынок начинало лихорадить. Городские власти с трудом решали проблемы экономическими методами, привлекая для закупок дополнительные средства [9].

С началом первой пятилетки проблема с продовольственным снабжением горожан резко обострилась. Кризис хлебозаготовок 1927 г. заставил местные власти широко при-

менять административные методы для выполнения плана закупок зерна. Повсеместно запрещался самостоятельный вывоз хлеба, крестьян принуждали сдавать зерно государству, несмотря на невыгодные цены. Однако план заготовок не был выполнен [13, с. 55–57]. Поступление продовольствия на рынок Сталинграда существенно сократилось. В отчете Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (далее – ОГПУ СССР) о политическом состоянии страны за февраль 1928 г. Сталинград был назван в числе городов, где «положение по хлебу» достигло особенной остроты [21, т. 6, с. 102, 110].

Чтобы хоть как-то упорядочить снабжение, уже в июне 1928 г. в Сталинграде было введено нормированное распределение хлеба. По специальным заборным книжкам право покупки имели только члены кооперативов – по 800 г в день для рабочих, 600 г для служащих. Это означало фактическое введение карточной системы [21, т. 6, с. 321]. Однако, несмотря на эти меры, перебои со снабжением хлебом в Сталинграде остались, в июле 1928 г. очереди за хлебом достигали 300–600 человек. Среди рабочих в связи с этим наблюдались «забастовочные настроения» [21, т. 6, с. 383].

В феврале 1929 г. карточная система была официально распространена на всей территории страны. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля установило жесткие нормы выдачи хлеба, которые ранее определялись местными властями. Для Сталинграда, как и для большинства промышленных городов, норма составила 600 г в день для рабочих и 300 г для членов их семей, служащих и безработных [13, с. 66]. Но хлеба даже по этим нормам все равно не хватало. По сводке ОГПУ, «в Сталинграде 1 апреля толпа человек в 250, главным образом нетрудового элемента, под руководством бывшего члена ВКП(б) – инвалида Красной армии в течение двух часов у закрытого хлебного магазина требовала выдачи хлеба» [21, т. 7, с. 176].

Хлеба не хватало и для снабжения рабочих на предприятиях. Так, 10 апреля 1929 г. председатель окружного отделения профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности Лещенко (в документе инициалы не указаны) писал в Сталинградский гор-

совет: «Дополнительный пай хлеба для рабочих заводов Электролес неожиданно без предупреждения 9.04 Центральным рабочим кооперативом (далее ЦРК. – А. Л., Е. Ф.) был прекращен, рабочие, вышедшие на работу, остались без хлеба, а в ночной смене вынуждены были обеденный перерыв отложить на полчаса, что вызвало ряд негодований со стороны рабочих и отразилось на производительности труда, то же самое произошло и в Бекетовском районе (рабочий пригород. – А. Л., Е. Ф.). Хлеба совсем не доставало, причем доставленный хлеб выдавался не на 10–15 коп, а на 5 коп., громадные очереди. Со стороны ЦРК никаких мер не принимается к устранению очередей. Настроение рабочих – комментарию излишни» [23, л. 113].

Частный сектор отреагировал на трудности со снабжением населения хлебом предсказуемо – ростом цен. Но, несмотря на высокие цены, горожане предъявляли повышенный спрос на хлеб и на рынке. В феврале 1929 г. возник ажиотажный спрос из-за публикации в окружной газете «Борьба» статьи «Экономнее расходовать хлеб», где речь шла о необходимости наведения порядка в списках получателей хлебных карточек. Кто-то пустил слух, что хлеб будет отпускаться «только трудовому элементу». В результате, как докладывал начальник милиции 2-го района, «население района бросилось усиленно запасать хлеб, отчего у хлебных магазинов и на базаре 2-й части у крестьянских возов с мукой и зерном создались огромные очереди. У крестьян на разрыв покупают муку и зерно, хватаясь по 10 и более человек за один и тот же мешок. Причем в очередях создаются всевозможные скандалы и недоразумения. Справиться с указанным явлением работники милиции не в силах» [23, л. 89].

Помимо хлеба в дефиците оказались почти все основные продовольственные товары. На них, в первую очередь на сахар, крупы, мясо, молоко, также постепенно вводилось нормирование снабжения. Напряженное положение с продовольствием продолжалось и на протяжении всего 1929 года. Местные власти, очевидно, не справлялись со снабжением своего населения, и наиболее тяжелая ситуация наблюдалась в крупных промышленных центрах, таких как Сталинград. Руководство

страны пришло к идее централизации продовольственного снабжения для индустриальных центров. Подтянув их снабжение продуктами до уровня Москвы и Ленинграда, правительство надеялось успокоить возмущение рабочих провинциальных городов. В январе 1930 г. вышло постановление Совета труда и обороны СССР (далее – СТО СССР) «О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами». В нем был определен список из 12 крупнейших индустриальных городов, начиная с Москвы и Ленинграда, а также двух промышленных районов (Урала и Донбасса), для них выделялись «твердые фонды, обеспечивающие снабжение рабочих этих городов и их семей». В этот список попал и Сталинград. Правда, централизованное снабжение распространялось только на три главных вида продуктов – хлеб, мясо и рыбу. СТО СССР пошел даже на увеличение норм выдачи хлеба. На второе полугодие 1929/30 сельскохозяйственного года (то есть на первое полугодие календарного 1930 г.) они были повышены до 800 г в день для рабочих и 400 г для членов их семей. По мясу, напротив, нормы для рабочих были снижены со 150 г в день до 100. Годовая норма по снабжению рыбой составила 21 кг [12]. К постановлению прилагалась справка с данными статистики о годовом приобретении продуктов питания семейными рабочими в 1928/29 г. и о предполагаемом потреблении в 1929/30 г. (на душу члена семьи). Приведем их по Сталинграду в сравнении с Москвой в таблице 1.

Как можно видеть, потребление основных продуктов питания рабочими Сталинграда, несмотря на нормированное снабжение, существенно уступало столице почти по всем показателям. Сталинградцы получали меньше москвичей даже рыбу, несмотря на свое жительство на берегу великой реки. Больше, чем жители Москвы, они потребляли только овощи, картофель (незначительно) и хлеб. Новый порядок не менял такое положение. Введение централизованного снабжения рыбой и мясом не ликвидировало этого отставания, а по хлебу и вовсе планировалось резкое сокращение его потребления [12].

Поступление других продовольственных товаров, не находившихся на централизованном

снабжении, происходило с большими проблемами, несмотря на их нормирование. Так, в январе 1930 г. норма отпуска сахара для служащих была сокращена до 500 г в месяц. Рабочие и дети получали по 1 кг сахара, взрослые члены семьи рабочих – 500 граммов. На пленуме торгово-кооперативной секции горсовета обращалось также внимание на «ограниченность завоза для города макаронных изделий» [23, л. 69]. 23 февраля 1930 г. заместитель председателя окружного исполкома А.Я. Гринштейн направил в краевой исполком в Саратов телеграмму, больше похожую на сигнал бедствия: «Положение снабжением Сталинграда сельхозпродуктами: масло животное потребность квартал 150 тонн 7 тире 8 молоко потребность месяц 11 тыс. центнеров получаем только 53 центнера яйцо потребность квартал 39 вагонов получаем 7 овощи имеют перебои всем видам кроме картофеля положение хлебом обеспечено пределах установленных норм крупы нормам недостает месяц 4 тире 5 вагонов растительным маслом перебои все время тчк» [8].

Было очевидно, что существующая система снабжения населения продовольствием через рабочие кооперативы не справляется со своей задачей. Выход виделся в организации распределителей, закрытых для посторонних. Осенью 1930 г. в Сталинграде были организованы 12 закрытых распределителей с охватом 207 тыс. чел. рабочих, служащих и чле-

нов их семей [8, л. 425 об.]. Однако и там наблюдались большие сложности со снабжением. Даже работники милиции жаловались на «неудовлетворительность снабжения, несмотря на наличие закрытого распределителя, который снабжается Горрабкоопом (городской рабочий кооператив. – А. Л., Е. Ф.) максимум одной десятой частью установленных норм, и то не всеми, а некоторыми видами продуктов» [16].

Декабрьский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1930 г. выдвинул в качестве главной задачи создание самостоятельных закрытых кооперативов при крупнейших предприятиях [5, с. 1061]. В соответствии с этим в январе 1931 г. Сталинградский Центральный рабочий кооператив был разукрупнен, и из него были выделены три самостоятельных закрытых рабочих кооператива (ЗРК) – группы заводов Металлопромышленности, Союзнефть и Лесобазы [15].

В январе 1931 г. вышло постановление наркомата снабжения СССР «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 г.», в соответствии с которым 20 апреля 1931 г. Президиум горсовета принял постановление «О выдаче новых заборных листков трудящимся г. Сталинграда». С 1 мая все предприятия города делились на 3 списка. В список № 1 вошли 31 наиболее крупный завод и строительная организация –

Таблица 1. Годовое потребление продуктов питания семейными рабочими на одного члена семьи

Table 1. Annual food consumption by family workers per family member

№ п/п	Наименование	г. Москва		г. Сталинград	
		1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
1	Хлеб, кг	174,0	195	226,3	171,6
2	Крупа, кг	15,9	17	9,8	15,2
3	Картофель, кг	62,8	70	70,5	Пропуск
4	Овощи, кг	38,9	43	43,8	48,3
5	Сало, мясо и колбаса	48,2	49,1	44,3	40,2
	В том числе: мясо	32,1	33,0	31,0	26,9
	колбаса, сало	16,1	16,1	13,3	13,3
6	Рыба и сельди	11,8	24	8,5	21
7	Молоко	58,6	64	41,7	41,7
8	Масло коровье	3,95	5,4	1,0	3,0
9	Яйцо	4,12	5,5	1,7	3,48
10	Масло растительное	3,46	5,0	5,6	3,2
11	Сахар	18,9	18,0	11,6	12
12	Кофе, чай и пр.	0,5	0,6	0,8	0,6

от Тракторного завода до Водоканалстроя. В списке № 2 оказалось 36 менее значительных предприятий – от городского водопровода до консервной фабрики. Остальные попали в список № 3. Население так же, как и по всей стране, делилось на группы: А (индустриальные рабочие), Б (прочие рабочие физического труда и приравненные к ним), В (служащие и прочие трудящиеся). Внутри групп выделялись сами рабочие и члены их семей. Особо стояли учащиеся и дети до 12 лет [1, 1931, 23 апр.].

Осенью 1931 г. нормы снабжения хлебом выглядели иначе (см. табл. 2) [1, 1931, 8 окт.].

Помимо распределения на списки по заводам, внутри каждого предприятия рабочие ранжировались дополнительно. В первую очередь даже нормированными товарами снабжались ударники производства, за ними шли те, кто отработал на данном предприятии более года, и в третью очередь карточки отоваривались новичкам.

Кроме хлеба по литерным талонам карточек распределялись еще 15 наименований товаров: крупа (в том числе макаронные изделия), сахар, мясо, рыба свежая и соленая, масло растительное, маргарин, коровье масло, консервы, молоко и сливки, яйца, чай, кондитерские изделия, табачные изделия, мыло хозяйственное и мыло туалетное [1, 1931, 8 окт.].

Центральное место в организации снабжения продовольствием занимала кооперация. В обращении Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и Центрального союза потребительских обществ СССР (далее – Центросоюз) «О потребительской кооперации» от 10 мая 1931 г. подчеркивалось, что доля государственной

розничной торговли не должна превышать 30–35 %. Все остальное занимала кооперативная торговля [11, с. 303]. В это же самое время сокращался и частный рынок. Городские торговцы массово закрывались вследствие очередного повышения налогов и безжалостного взыскания недоимок прошлых лет. Крестьянский привоз в связи с развернувшейся коллективизацией также значительно упал.

Тяжелым было положение и с мясом, хотя план мясного снабжения Сталинграда итак был сокращен с 8 300 до 7 200 тонн. Бюро окружкома ВКП(б) на заседании 26 февраля 1930 г. решило «срочно поставить вопрос перед краевыми органами о прекращении вывоза скота» за пределы округа, так как это ставило под угрозу снабжение Сталинграда [23, л. 93]. В июле 1930 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) по всей стране была официально введена карточная система на мясо. Но мяса в окрестностях Сталинграда почти не было. В сентябре 1930 г. заготовки мяса для города были выполнены только на 51,2 % плана, в результате «индивидуальное потребление было удовлетворено лишь частично в рабочих районах» [8, л. 425]. Цены на рынке значительно выросли, однако несмотря на это везде стояли длинные очереди, доходящие у отдельных торговцев до 200 человек [21, т. 8, ч. 2, с. 1052–1060]. Положение не изменилось и дальше. В отчете горсовета отмечалось: «На рынке острый недостаток животных жиров и молочных продуктов. Аналогичное положение создано во 2-м квартале с мясом. Чрезвычайно ограниченные фонды промтоваров, особенно по растительному маслу, кожаной обуви, мылу, макаронам, табачным изде-

Таблица 2. Нормы снабжения хлебом в Сталинграде в октябре 1931 г.

Table 2. Norms of bread supply in Stalingrad in October 1931

№ п/п	Категория карточек	Норма на день, г
1	По карточкам сезонников	1 000
2	Рабочие I-A (1-й и 2-й списки)	800
3	Рабочие I-A (3-й список)	750
4	Подсобные рабочие I-B, 1, 2 и 3-го списков	600
5	Иждивенцы рабочих II-A, 1-го, 2-го списков	400
6	Иждивенцы рабочих II-A, 3-го списка	350
7	Служащие и иждивенцы служащих II-B	300
8	Студенческие	600
9	Детские	400

лиям и т. д., которые не дают даже нормального обеспечения потребностей по установленным в порядке централизованного снабжения нормам» [8, л. 234].

Между тем население города росло быстрее, чем это предусматривалось планами. По материалам Сталинградского городского отдела статистики, миграционный прирост населения составил 13 957 чел. за полугодие с 1 апреля по 1 октября 1929 г. и 22 452 чел. за полугодие с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г., то есть 35 419 чел. за год. Это составило около 19 % механического прироста вместо 8 % по контрольным цифрам [8, л. 234].

Карточная система не избавила горожан от проблем. Даже при наличии в городе достаточных запасов узким местом оставалась торговля. В начале апреля 1930 г. у хлебных лавок ЦРК, по донесениям ОГПУ, образовывались очереди в 1 000 и 2 500 человек «благодаря головопьянству и нераспорядительности работников» [21, т. 8, ч. 2, с. 913–914].

Перебои с хлебом стали обычным явлением. Вот типичная сводка ОГПУ от 13 сентября 1930 г.: «20 августа половина рабочих-монтажников Энергостроя осталась без хлеба. 21-го хлеб вовсе не был доставлен. ... Союзнефть получает в сутки 800 кг вместо 1 350 кг. Рабочий поселок им. Рыкова и “Баррикады”. Вместо 5 часов утра хлеб доставляется в 2 часа дня и позже. Очереди у ларьков собираются с 12 час. ночи, достигая 300 чел. Беспорядок, давка приводят к обморокам женщин. Очереди за молоком у магазина № 19 простаивают круглые сутки. Продавцы не знают, будет ли доставлено молоко, и очереди часто стоят совершенно впустую. В Заполотновском рабочем районе Сталинграда очереди за картофелем достигают 200 чел. и больше. Обычно не менее трети уходит, не получив товара» [21, т. 8, ч. 2, с. 1052–1060]. 21 мая 1931 г. вышел специальный приказ Сталинградского горсовета № 59, гласивший: «Завгорторготделом т. Неймарк (в документе инициалы отсутствуют. – А. Л., Е. Ф.) под личную ответственность предлагается в 3-дневный срок окончательно ликвидировать очереди населения за хлебом во всех без исключения магазинах и ларьках г. Сталинграда, создав условия бесперебойного снабжения населения хлебом на будущее время» [1, 1931, 22 мая]. Однако даже столь

грозные решения ничего не могли исправить. 28 мая в окружной газете появилась заметка с неутешительным заголовком «Снова растут очереди за хлебом».

Причина очередей заключалась не только в нехватке зерна и муки, но и в отставании возможностей по выпечке хлеба и его продаже. Так, постановлением горсовета № 16 от 11 июня 1931 г. «в качестве временной меры и в целях создания запаса печеного хлеба» торговым организациям предписывалось на 10 дней вперед отоваривать карточки категории В (то есть служащим) «взамен печеного хлеба мукой – 50 % ржаной и 50 % пшеничной» [1, 1931, 13 июня]. Проблема с выпечкой постепенно решалась после ввода в строй новых крупных хлебозаводов в заводских районах, но давала сбои система завоза печеного хлеба в магазины. Постоянно не хватало транспорта, завоз хлеба осуществлялся без всякого графика, и люди ждали у лавок по несколько часов [1, 1931, 3 июня].

Иногда объяснения властей выглядели просто беспомощно. В августе 1931 г. Сталинградский городской отдел снабжения (далее – горснаботдел) разъяснял через прессу, что полное отсутствие белого хлеба в последние два дня «было вызвано исключительно несвоевременной высылкой дрожжей, которые Сталинград получает из Витебска» [1, 1931, 8 авг.]. Виновными в перебоях с хлебом объявлялись торговые работники. В октябре 1931 г. 20 продавцов и заведующих хлебными лавками были привлечены к суду «за расхищение хлеба, самоснабжение и “блат”» [1, 1931, 1 окт.]. Прикрепленный контингент постоянно рос, проверки и чистки давали лишь временный эффект. Секретарь горкома ВКП(б) С.О. Виксин² признавался на III городской партконференции в январе 1932 г.: «В августе мы провели перерегистрацию и обнаружили около 30 тыс. лишних карточек, сняли эти карточки, договорились, что нужно установить такой порядок, чтоб больше этого разбазаривания карточек не было. Затем в декабре этот контингент опять вырос до 380 тыс. чел. Крайком начал нас по заслугам терзать. Взялись второй раз за перерегистрацию. Обнаружили опять излишних карточек на 35 тыс., дающих перерасход хлеба в месяц 250 тонн» [1, 1932, 21 янв.].

Городские власти не были в состоянии исполнить даже указания центральных органов. Так, по постановлению ЦК ВКП(б) и СТО СССР от 28 октября 1931 г. предусматривалось улучшение снабжения учителей. Во исполнение его президиум горсовета 30 ноября принял свое постановление: всем кооперативным организациям, к сети которых были прикреплены для снабжения учителя, «снабжать их положенными нормами продуктов и промтоваров по первому списку А, а членов семьи учителя – по второму списку А» [2]. Через месяц коллегия городской рабоче-крестьянской инспекции отметила, что ничего в этом отношении не сделано, и еще раз постановила, что учителя всех местных учебных заведений должны снабжаться по нормам, «установленным для рабочих первого списка» [17, л. 3]. Из сохранившихся документов неясно, было ли выполнено это постановление. Но 28 февраля 1932 г. вышло новое – о снижении норм выдачи хлеба получателям 2-го и 3-го списков на 100–50 г в день. Наибольшее снижение произошло для студентов – с 600 до 400 г и рабочих 3-го списка – с 750 до 600 г [1, 1932, 29 февр.]. Видимо, это постановление было признано в верхах политически неправильным, и уже 8 марта оно было отменено «в связи с окончательным уточнением фондов хлеба». Правда, старые нормы вернули не всем категориям. Сезонники стали получать 800 г вместо 1 000, студенты так и остались с 400 г в день [1, 1932, 10 мар.]. Однако возможности города по-прежнему не могли удовлетворить всех прикрепленных. 23 апреля 1932 г. вышло беспрецедентное постановление горснаботдела: «В связи с большим перерасходом хлеба в I квартале, вследствие чего уже сейчас не додается часть хлеба ларькам и многие рабочие отдельных предприятий иногда по несколько дней не имеют возможность получить хлеба» – не производить 27 и 29 апреля «отпуск хлеба трудящимся 3-го списка и служащим, кроме детей, обратив экономию хлеба за эти два дня на больший отпуск лавкам в остальные дни между 26-м и 30-м апреля» [1, 1932, 23 апр.].

С целью улучшения организации снабжения рабочих по постановлению ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1932 г. «О расширении функций заводоуправлений в деле снабжения рабочих и

изменении карточной системы» вместо ЗРК на крупных предприятиях (в Сталинграде – Тракторный завод, «Баррикады» и «Красный октябрь») создавались подчиненные администрации завода Отделы рабочего снабжения (ОРС). На остальных предприятиях ЗРК также поступали в подчинение заводоуправлениям, оставаясь формально в системе кооперации. Одной из целей новой системы стало усиление контроля за выдачей заборных книжек. Теперь они должны были выдаваться в цехах табельщиками или кассирами только по платежным ведомостям. Вновь принятым на работу новые книжки выдавались только после предъявления справки с прежнего места работы или жительства о сдаче старых [19, л. 32, 34].

В конце 1932 г. в связи с голодом в сельской местности ситуация со снабжением хлебом стала критической. В ноябре перебои с выдачей хлеба по карточкам доходили до двух дней [4, т. 2, с. 161]. Положение выглядело совсем тяжелым, если учесть, что торговля хлебом и мукой на рынках была фактически запрещена. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 ноября 1932 г., до полного выполнения краем или областью плана хлебозаготовок торговля зерном, мукой или печеным хлебом на базарах в количестве свыше пуда рассматривалась как злостная спекуляция, излишки подлежали конфискации [4, т. 2, с. 224]. Секретарь Нижневолжского крайкома партии В.В. Птуха³ обратился в СТО СССР с просьбой увеличить в январе план хлебоснабжения края на 1,9 тыс. тонн. Ему было отпущено лишь 1 тыс. тонн, и то авансом в счет будущих закупок хлеба у населения [18]. В результате по постановлению Президиума Сталинградского горсовета в январе 1933 г. пришлось еще раз менять нормы снабжения хлебом (см. табл. 3).

Студенты получали по 300 г хлеба [1, 1933, 1 янв.]. Как видно из постановления, категории «прочих», «служащих» и «иждивенцев» с нормой в 200 и даже 100 г в день фактически становились на грань выживания.

Кроме созданных трудностей по поставкам хлеба и мяса, коллективизация больно ударила по снабжению овощами. Весной 1930 г., предвидя грядущие сложности со снабжением города овощами, Сталинградский окруж-

ной исполком принял решение об организации «рабочих огородов» на пригородных землях. Для этого было изъято 150 га земли из Краснослободского земельного общества на левом берегу Волги и 150 га на Сарпинском острове. Земля распределялась между предприятиями [25, л. 11]. Но проблемы с заготовкой овощей от этого не уменьшились. Так, на 18 августа по линии потребкооперации было заготовлено всего 2 % от плана. В горсовете была создана чрезвычайная комиссия по заготовке овощей, введена «разверстка по заготовке картофеля и капусты» [25, л. 42]. Несмотря на это в сентябре потребкооперацией было заготовлено для снабжения города 3 518 т овощей, или 12,4 % плана, что не решало проблему заготовок овощей на зиму [8, л. 425].

Весной 1931 г. началось создание «рабочих пригородных хозяйств» предприятий. Восемь кооперативных хозяйств обеспечили в этом году по установленным нормам 44 % потребности города по овощам и 15 % по картофелю. Впрочем, даже заготовленные овощи доходили до потребителя не в полном объеме. Так, в ЗРК завода «Красный Октябрь» сгнило 100 т картофеля, по заводам треста «Волго-Каспий-лес» из заготовленных 145 т к длительному хранению оказались пригодны только 24 т по причине несвоевременной сортировки [17, л. 5, 6]. Для увеличения производства овощей постановлением Сталинградского горкома ВКП(б) от 16 октября 1931 г. все пригородные совхозы и колхозы закреплялись за крупными городскими предприятиями. В посевную кампанию 1932 г. планировалось расширить площадь по овощам до 8 844 га – вместо 413 га в 1930 г. [20, л. 229].

В связи с невозможностью удовлетворить все продовольственные потребности горожан только из государственных фондов, в январе 1932 г. III городская Сталинградская конференция ВКП(б) приняла решение развер-

нуть работу девяти «советских базаров» и совхозно-колхозных лавок, где производители могли напрямую продавать свои продукты [20, л. 229]. Такие базары были устроены на берегу Волги у городского перевоза (для колхозов Волго-Ахтубинской поймы), а также во всех заводских районах. Правда, обремененные обязательными государственными поставками колхозы и совхозы снаряжали обозы на «совбазары» лишь под прямым административным нажимом. Так, открытие базара 28 июня в Ерманском районе Сталинграда сорвалось из-за отсутствия желающих торговать [3]. Минусом «совбазаров» для населения была их эпизодичность, а также обилие перекупщиков. Тем не менее эти ярмарки давали горожанам возможность закупить хоть какое-то количество продовольствия по ценам, чуть ниже рыночных. Осенью 1932 г. в городе работало 13 «совбазаров», в январе 1933 г. была организована краевая сельскохозяйственная ярмарка. На нее прибыло около 1 400 колхозных подвод с продуктами [14, 1933, 11 янв.].

Голод 1932–1933 гг. привел к новому массовому наплыву крестьян в города. Полномочный представитель ОГПУ по Нижне-Волжскому краю писал своему руководству: «Большинство фактов голодания в городах падает на элемент, самотеком прибывший из деревни». Кампания по «очистке основных промпредприятий от кулацких и социально чуждых элементов» также привела к появлению на улицах Сталинграда большого количества «бродячего, нищенствующего элемента». В марте 1933 г. в стройконторе при заводе «Баррикады» было сокращено 150 рабочих-сезонников. Оставшись без квартиры и карточек, они бродили по улицам и занимались нищенством [4, т. 2, с. 420]. Возросла преступность. По сведениям ОГПУ, «наряду с большим количе-

Таблица 3. Нормы снабжения хлебом в Сталинграде в январе 1933 г.

Table 3. Norms of bread supply in Stalingrad in January 1933

Категория снабжения	Рабочие	Подсобные рабочие	Прочие трудящиеся (в том числе служащие)	Иждивенцы	Дети
Заводы «Красный Октябрь», СТЗ, «Баррикады», «Электрорлес»	800 г	500 г	300 г	Не указано	400 г
Остальные предприятия списка № 1	700 г	400 г	200 г	Не указано	300 г
Список № 2	500 г	400 г	200 г	100 г	300 г
Список № 3	400 г	300 г	200 г	100 г	300 г

ством мелких краж продуктов и хлеба отмечен ряд вооруженных бандитских налетов на пекарни и продсклады, причем бандиты берут только муку и хлеб» [4, т. 2, с. 522–523].

Отчасти спрос населения на дефицитные товары удовлетворял торгующий за инвалюту, золото, серебро и антикварные ценности магазин Торгсина. Он открыл свои двери 28 июля 1932 г. и к апрелю 1933 г. имел 5 торговых точек, 5 скупных пунктов и одну межрайонную базу. В системе Торгсина можно было купить не только промышленные товары, но и продовольственные – хлебобулочные изделия, крупы, муку, винно-гастрономические товары [7, л. 93]. Для граждан, не имевших валюты и драгоценных металлов, почти единственным стабильным источником снабжения являлись государственные коммерческие магазины, число которых постоянно росло. Только осенью 1933 г. в городе было открыто 15 таких магазинов [14, 1933, 18 сент.]. Пшеничный хлеб стоил в коммерческом магазине 3,50–4 руб. за кг, ржаной – 2–2,50 руб., в то время как пайковая цена даже после резкого повышения в августе 1933 г. составляла 60 коп. за кг пшеничного и 35 коп. за кг ржаного хлеба. Количество граждан, зависевших от коммерческого хлеба, было так велико, что, когда в мае 1934 г. по городу стали распространяться слухи о скором прекращении его продажи, руководство было вынуждено опровергать их через газету [14, 1934, 27 мая].

Положение со снабжением продовольствием заметно улучшилось только в 1934 г., когда хороший урожай дал возможность колхозам выполнить государственные поставки. В сентябре 1934 г. сталинградские хлебозаводы, до того выпускавшие только хлеб, приступили к выпечке булочных изделий. Открывались специальные ларьки, где продавались почти забытые большинством населения французские булки, плюшки, булочки и баранки [14, 1934, 6 сент.]. С 1 января 1935 г. карточная система на хлеб, муку и крупы была отменена по всему СССР. Одновременно устанавливались новые цены на продукты питания, выше карточных. Так, в Сталинградском крае ржаной хлеб стал стоить 90 коп. за кг, пшеничный в зависимости от сорта муки – 1 руб. и 1 руб. 80 коп. за кг [14, 1934, 8 дек.]. Сахар, картофель, мясо, сельдь и жиры (кро-

ме растительных) по-прежнему остались нормированными и распределялись по спецталонам. Невелики были и объемы продуктов, выделявшихся для свободной продажи. Так, на I квартал 1935 г. на весь Сталинград было отпущено 3 700 кг сыра, или около 40 кг в день, для 400-тысячного населения это была капля в море [14, 1935, 10 янв.].

Демонстрацией улучшения положения с продовольствием стало открытие в 1935 г. нескольких образцово-показательных магазинов, первым из которых стал «Гастроном». В великолепном помещении с витринами из стекла и никелированного металла публике в день открытия 8 июня предлагалось 22 вида колбас, 17 видов булочных изделий и 50 кондитерских, 39 видов бакалейных товаров. Правда, праздник открытия магазина был испорчен большим количеством покупателей, съехавшихся со всего города. В бакалейно-кондитерском отделе возникла огромная очередь с давкой за обыкновенным пшеном, которое далеко не всегда имелось в обычных магазинах [22, 1935, 9 июня].

Окончательно карточная система была отменена с 1 октября 1935 г., когда началась свободная продажа последних нормированных товаров – мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. Отмена карточной системы символизировала стабилизацию продовольственного снабжения населения. Однако, как показывают современные исследования, уровень потребления в СССР даже в конце 1930-х гг. оставался ниже, чем в годы нэпа. По подсчетам С.А. Нефедова, калорийность питания рабочих в 1930-х гг. увеличилась на 5 %, но это произошло за счет увеличения потребления хлеба (на 11 %) и картофеля (на 13 %). Потребление же мяса уменьшилось на 30 %, а молока – в два раза [10, с. 77–78]. Пример Сталинграда в целом подтверждает этот вывод.

Результаты. Начало индустриализации оказалось связано с резким ухудшением продовольственного снабжения. Сломав рыночные механизмы, центральные и местные власти вынуждены были вернуться к практике «военного коммунизма» – карточной системе. Благодаря своему промышленному значению, Сталинград был включен в число городов, в значительной степени снабжавшихся основными продуктами из центральных фондов.

Однако это не избавило горожан от проблем. Перебои со снабжением даже нормированными продуктами, гигантские очереди за ними стали следствием не только недостаточного выделения ресурсов, но и неготовности всей системы кооперативной и государственной торговли к работе в условиях отсутствия частного сектора. Попытки местных властей организовать подсобные хозяйства и колхозные ярмарки также оказались малоэффективными по причине отсутствия материальных стимулов. По сути, снабжение населения Сталинграда продовольствием удавалось поддерживать лишь на минимально допустимом физиологическом уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-340003 р_а «Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project № 19-49-340003 r_a “Stalingraders at the turning point of the era (mid-1920s – end of the 1930s): socio-economic situation and cultural life”.

² Викснин Симон Оттович (1938–1968) – родился в Валкском уезде Лифляндской губернии в крестьянской семье. Прошел путь от батрака, рабочего прядильной фабрики до председателя Нижневолжской краевой контрольной комиссии ВКП(б), работал начальником краевого управления Рабоче-крестьянской инспекции (1928–1931), ответственным секретарем Сталинградского горкома ВКП(б) Нижневолжского края (1931–1934), первым секретарем Сталинградского горкома ВКП(б) Сталинградского края (1934–1935). В 1939 г. исключен из партии «за связь с врагами народа». В послевоенные годы работал механиком на заводе точной механики в Москве.

³ Птуха Владимир Васильевич (1894–1938) – родился в Черниговской губернии в семье служащего, окончил Петроградский горный институт, являлся активным участником революционного движения начала XX в., член РСДРП с 1917 года. Первый секретарь Сталинградского губкома ВКП(б) (1927–1928), ответственный секретарь Сталинградского окружного комитета ВКП(б) (1928–1930), с января 1931 г. – первый секретарь Нижневолжского краевого комитета ВКП(б), с января 1934 г. – первый секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б).

Кандидат в члены ЦК ВКП(б), входил в состав особой тройки НКВД СССР. С 1935 г. – второй секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б). Арестован в 1937 г. как «враг народа», в 1938 г. расстрелян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба : окр. газета. – Сталинград, 1931–1933.
2. Выписка из протокола № 3 Президиума Сталинградского горсовета от 30.11.1931 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 10.
3. Выписки из протоколов горсовета и райсоветов, протоколы штаба по советской торговле, общегородской конференции по ширпотребу и переписка по организации базаров и ярмарок // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 560. – Л. 1.
4. Голод в СССР, 1929–1934 гг. : в 3 т. – М. : Междунар. фонд «Демократия», 2011–2013. – Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. – 2012. – 907 с. ; Т. 3: Лето 1933–1934 гг. – 2013. – 955 с.
5. Дударь, Л. А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928–1934 гг. / Л. А. Дударь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1061–1065. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Иванов, Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 28–43.
7. Информация о предварительных результатах проверки Сталинградского универмага Торгсина // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 93–105.
8. Конъюнктурный обзор состояния народного хозяйства и культуры Сталинградского округа на 1 полугодие 1929–1930 гг. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 472. – Л. 1–466.
9. Луночкин, А. В. Продовольственные кризисы в г. Сталинграде 1926–1927 гг. и городская власть / А. В. Луночкин // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 32–36.
10. Нефедов, С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2012. – № 12. – С. 71–78.
11. Обращение СНК СССР, ЦК ВКПб и Центрсоюза «О потребительской кооперации» от 10 мая

REFERENCES

1931 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 2: 1929–1940 гг. – М. : Политиздат, 1967. – С. 301–306.

12. О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами : Постановление СТО СССР от 26.01.1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 776. – Л. 31–39.

13. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

14. Поволжская правда : газета. – Сталинград, 1933–1935.

15. Постановления ВЦИКа и Горсовета о перестройке работы рабочей кооперации и общественного питания // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 534. – Л. 37.

16. Постановления, приказы горсовета г. Сталинграда, 1930–1931 гг. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 502. – Л. 13.

17. Постановления Президиума ГорКК и коллегии РКИ по хозяйственно-политическим вопросам [1931 г.] // ЦДНИВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1–224.

18. Постановления Совета труда и обороны о хлебоснабжении Нижне-Волжского края на январь 1933 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 1–2.

19. Постановление ЦК ВКПб от 01.11.1932 г. «О расширении функций заводоуправлений в деле снабжения рабочих и изменении карточной системы» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 905. – Л. 33–44.

20. Протокол работы III городской Сталинградской конференции ВКПб Нижневолжского края, 17–21.01.1932 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 215–262.

21. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. док. : в 10 т. – М. : ИРИ РАН, 2001–2017. – Т. 6: 1928 г. – 2002. – 804 с.; Т. 7: 1929 г. – 2204. – 772 с.; Т. 8, ч. 2: 1930 г. – 2008. – 884 с.

22. Сталинградская правда : газета. – Сталинград, 1935.

23. Статистические сведения о состоянии социально-культурных учреждений г. Сталинграда, 1929–1931 // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 473. – Л. 1–142.

24. Стеблев, С. П. Экономика российской повседневности / С. П. Стеблев // Российская повседневность, 1921–1941 : Новые подходы. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 1998. – С. 116–123.

25. Циркулярное письмо горсовета об участии Советов в коллективизации // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 1–52.

1. *Bor'ba: okr. gazeta*. Stalingrad, 1931–1933.

2. Vypiska iz protokola №3 Prezidiuma Stalingradskogo gorsoveta ot 30.11.1931 g. [Extract from Protocol No. 3 of the Presidium of the Stalingrad City Council of 30.11.1931]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, op. 1, d. 601, l. 10.

3. Vypiski iz protokolov gorsoveta i rajsovetrov, protokoly shtaba po sovetskoy torgovle, obshchegorodskoy konferentsii po shirpotrebu i perepiska po organizatsii bazarov i yarmarok [Extracts from the protocols of the City Council and district councils]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 560, l. 1.

4. *Golod v SSSR, 1929–1934 gg.*: v 3 t. [Famine in the USSR. In 3 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya» Publ., 2011–2013, vol. 2, 2012, 907 p., vol. 3, 2013, 955 p.

5. Dudar' L.A. Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnyh kategorij naseleniya SSSR v 1928–1934 gg. [Card system of supply of various categories of the population of the USSR in 1928–1934]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Koncept, the electronic magazine], 2014, vol. 20, pp. 1061–1065. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (accessed 28 December 2020).

6. Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 20-h – nachale 30-h godov [The situation of the workers of Russia in the 20s – early 30s]. *Voprosy istorii*, 1998, iss. 5, pp. 28–43.

7. Informaciya o predvaritel'nyh rezul'tatah proverki stalingradskogo univermaga Torgsina [Information about the preliminary results of the inspection of the Stalingrad department store Torgsin]. *CDNIVO*, f. 71, op. 1, d. 4, l. 93–105.

8. Konyunktornyj obzor sostoyaniya narodnogo hozyajstva i kul'tury Stalingradskogo okruga na 1 polugodie 1929–1930 gg. [Conjunctural review of the state of the national economy and culture of the Stalingrad District for the 1st half of 1929–1930]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 472, l. 1–466.

9. Lunochkin A.V. Prodoval'stvennye krizisy v g. Stalingrade 1926–1927 gg. i gorodskaya vlast' [Food crises in Stalingrad 1926–1927 and the city government]. *XXII Ural'skie sociologicheskie chteniya. Nacional'nye proekty i social'no-ekonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [XXII Ural Sociological Readings: National Projects and socio-economic development of the Ural region. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2020, pp. 32–36.

10. Nefedov S.A. Prodoval'stvennoe potreblenie sovetskikh trudyashchihsya v 1930-e gg. [Food

consumption of Soviet workers in the 1930s]. *Voprosy istorii*, 2012, iss. 12, pp. 71-78.

11. Obrashchenie SNK SSSR, CK VKPb i Centrosoyuza «O potrebitel'skoj kooperacii» ot 10 maya 1931 g. [Appeal of the SNK of the USSR, the Central Committee of the VKPb and the Centrosoyuz "On consumer cooperation" of May 10, 1931]. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: sb. dok. T. 2: 1929–1940 gg.* [Decisions of the Party and the Government on economic issues. Vol. 2. 1929–1940]. Moscow, Politizdat, 1967, pp. 301-306.

12. O meropriyatiyah po organizacii snabzheniya rabochih prodovol'stvennymi produktami i promptovarami: Postanovlenie STO SSSR ot 26.01.1930 g. [On measures to organize the supply of workers with food products and manufactured goods. Resolution of the STO of the USSR of 26.01.1930]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-political History], f. 17, op. 3, d. 776, l. 31–39.

13. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii, 1927–1941.* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 271 p.

14. *Povolzhskaya pravda: gazeta.* Stalingrad, 1933–1935.

15. Postanovleniya VCIKa i Gorsoveta o perestrojke raboty rabochej kooperacii i obshchestvennogo pitaniya [Resolutions of the Central Executive Committee and the City Council on the Restructuring of the Workers' Cooperation and Public Catering]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 534, l. 37.

16. Postanovleniya, prikazy gorsoveta g. Stalingrada, 1930–1931 gg. [Resolutions, orders of the City Council of Stalingrad. 1930-1931]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 502, l. 13.

17. Postanovleniya Prezidiuma GorKK i kollegii RKI po hozyajstvenno-politicheskim voprosam [Resolutions of the Presidium of City Control

Comission and the Board of Worker-Peasant Inspection on economic and political issues]. *CDNIVO*, f. 24, op. 1, d. 27, l. 1-224.

18. Postanovleniya Soveta truda i oborony o hlebosnabzhenii Nizhne-Volzhsogo kraja na yanvar' 1933 g. [Resolutions of the Council of Labor and Defense on the grain supply of the Lower Volga Region for January 1933]. *GAVO*, f. R-313, op. 1, d. 93, l. 1-2.

19. Postanovlenie CK VKPb ot 01.11.1932 g. «O rasshirenii funkcij zavodoupravlenij v dele snabzheniya rabochih i izmenenii kartochnoj sistemy». [Resolution of the Central Committee of the VKPb of 01.11.1932 "On expanding the functions of plant management in the supply of workers and changing the card system"]. *RGASPI*, f. 17, op. 3, d. 905, l. 33-44.

20. Protokol raboty III gorodskoj Stalingradskoj konferencii VKPb Nizhnevolzhskogo kraja. 17–21.01.1932 g. [Protocol of the III City Stalingrad Conference of the CPSU b of the Lower Volga Region. 17–21. 01. 1932]. *CDNIVO*, f. 71, op. 1, d. 1, l. 215-262.

21. «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka-Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934): sb. dok.: v 10 t.* ["Top secret." Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922–1934)]. Moscow, IRI RAN Publ., 2001–2017, vol. 6, 804 p.; vol. 7, 2004, 772 p.; vol. 8, pt. 2, 2008, 884 p.

22. *Stalingradskaya pravda: gazeta.* Stalingrad, 1935.

23. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii social'no-kul'turnyh uchrezhdenij g. Stalingrada. 1929–1931 [Statistical data on the state of social and cultural institutions of Stalingrad. 1929–1931]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 473, l. 1-142.

24. Steblev S.P. *Ekonomika rossijskoj povsednevnosti* [The Economy of Russian Everyday Life]. *Rossijskaya povsednevnost'. 1921–1941: Novye podhody* [Russian everyday life. 1921–1941.: new approaches]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, 1998, pp. 116-123.

25. Cirkulyarnoe pis'mo gorsoveta ob uchastii Sovetov v kollektivizacii [Circular letter of the City Soviet on the participation of Soviets in collectivization]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 447, l. 1-52.

Information About the Authors

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторах

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13>

UDC 94[323.2:719]“1918/1920”
LBC 63.3(2)

Submitted: 24.08.2019
Accepted: 06.02.2020

PRACTICE OF MEMORIALIZATION OF THE ANTI-SOVIET MOVEMENT IN THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR¹

Anna N. Eremeeva

Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the memorialization of the anti-Soviet movement in the South of Russia, which took place during the Civil War. The author considers the approaches of Denikin and Cossack (Don and Kuban) governments to the glorification of the struggle against the Bolsheviks, the canonization of the leaders of this struggle, the creation of so-called places of memory. *Methods and materials.* The research is based on legislative acts and documentation records of anti-Soviet governments in the South of Russia. The unpublished documents are stored in central and regional archives of the Russian Federation and Hoover Institution Archives (USA). The other significant sources are periodicals, propaganda products, artistic texts of 1918–1920, and private correspondence. *Analysis and results.* The politics of memory of the “white” and Cossack governments was an important part of the official propaganda. It was aimed to legitimize and consolidate the anti-Bolshevik movement. During the Civil War, documents and other artifacts were actively collected for future archives and museums of the “liberation war”. The Military-Historical Commission under Denikin Propaganda Department played an important role in this activity. Museums of the struggle against Bolshevism in the Kuban and Don were being formed at the initiative of Cossack governments. There were monumental, toponymical and other projects to perpetuate the memory of the anti-Bolshevik movement heroes. The presence of the opposing memorial narratives in the South of Russia was the result of serious contradictions between the main actors inside the anti-Bolshevik camp.

Key words: Civil War, Kuban, Don, White movement, Cossack governments, politics of memory, museums, monumental projects.

Citation. Eremeeva A.N. Practice of Memorialization of the Anti-Soviet Movement in the South of Russia During the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 171-183. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13>

УДК 94[323.2:719]“1918/1920”
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 24.08.2019
Дата принятия статьи: 06.02.2020

ПРАКТИКИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ АНТИСОВЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Анна Натановна Еремеева

Южный филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена мемориализации антисоветского движения на Юге России, происходившей непосредственно в условиях Гражданской войны. Цель работы – на основе документов, как опубликованных, так и пока не введенных в научный оборот, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области, Архива Гуверовского института (США), данных периодики и других источников, рассмотреть действия деникинских и казачьих (донского и кубанского) правительств, направленные на героизацию борьбы с большевиками, канонизацию ее лидеров, создание «мест памяти». Политика памяти «белого» и казачьих правительств являлась важной частью официальной пропаганды и собственной легитимации. Уже в процессе Гражданской войны происходил сбор документов и других артефактов для формирования архивных коллекций, музеев. Важную роль в этом играли Военно-историческая комиссия при деникинском Отделе пропаганды, а также инициативы отдельных лиц. Разрабатывались планы увековечения героев борьбы с большевиками посредством монументальных и топонимических инициатив. Был реализован крупный пропагандистский выставочный проект – передвижная Корниловская выставка. На Дону и Кубани создавались собственные музеи борьбы с большевизмом. Несмотря на попытки посредством коммеморации объединить участников антибольшевистской борьбы, идеологические противоречия между ними приводили к наличию оппонированных мемориальных нарративов на Юге России. Мемориализация антисоветского движения, продолженная в эмиграции и в постсоветской России, на всех этапах вызывала острые дискуссии ввиду «конфликтов памяти».

Ключевые слова: Гражданская война, Кубань, Дон, Белое движение, казачьи правительства, политика памяти, музеи, монументальные проекты.

Цитирование. Еремеева А. Н. Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 171–183. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.13>

Введение. Мемориальная политика – одна из популярных тем исторических трудов последних десятилетий. Исследователи даже полагают, что можно говорить о «мемориальном повороте», развернувшемся на рубеже XX–XXI вв. в числе методологических поворотов, кардинально изменивших облик современной исторической науки [8, с. 59–60]. Мемориальные практики, учитывая сущность коммеморации, логично связываются с событиями прошлого. В представленной статье речь идет о мемориализации антисоветского движения непосредственно в процессе Гражданской войны, то есть о синхронном происходившим событиям производстве образов героев и героического. Воссоздаются, прежде всего, формирование музеев истории «освободительной войны», монументальные и топонимические проекты. Территориальные рамки исследования – Кубань и Дон, ставшие в годы Гражданской войны крупнейшими центрами антибольшевистского движения и одновременно возрождения казачьей государственности.

Для осмысления темы большое значение имеют многочисленные труды российских и зарубежных ученых по истории Граж-

данской войны на Юге России, рассматривающие организацию и сущность «белой» и казачьей пропаганды, противоречия в антибольшевистском движении, биографии его лидеров, а также теоретические работы, осмысливающие сущность коммеморации. Политолог О.В. Малинова в связи с «неудобным юбилеем» – столетием революции произвела анализ нарративов мнемонических акторов – политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого [9]. Данный анализ подтверждает сходство мемориальных нарративов современной России с текстами вековой давности. Одному из аспектов заявленной темы (истории создания музеев для увековечения истории антибольшевистской борьбы) посвящено несколько докладов на конференциях 2017–2018 гг. [4; 5; 23].

Методы, материалы. Источниковой базой исследования стали законодательные и подзаконные акты государственных образований Юга России, делопроизводственные материалы правительственных структур – военных, пропагандистских, ведомств народного просвещения. Частично они опубликованы (протоколы заседаний Кубанского краевого правительства, протоколы и стенограммы за-

седаний Кубанских краевой и Законодательной Рад и др.). Однако многие документы, хранящиеся в фондах центральных и региональных архивов Российской Федерации, архива Гуверовского института (Стэнфордский университет, США), еще не введены в научный оборот. Большой интерес представляет деловая переписка по поводу сбора музейных экспонатов, подготовки праздников, всевозможных переименований, учреждения именных стипендий и пр. Ценными источниками являются периодические издания Юга России 1918–1920 гг., особенно газета «Приазовский край» и журнал «Донская волна», разнообразная пропагандистская продукция тех лет, фотографии, источники личного происхождения.

Специфика темы и ее источниковое обеспечение обусловили использование различных методов. Историко-генетический метод необходим для воссоздания целей, логики, эволюции коммемораций в условиях гражданского противостояния и противоречий внутри антибольшевистского лагеря. Сравнительно-исторический метод позволяет осознать сходство и различие в коммеморативных практиках ключевых акторов гражданского противостояния на Юге России. Проблематика и алгоритм исследования во многом сформированы трудами теоретиков исторической памяти. Особое значение имеют идеи П. Нора, касающиеся целенаправленности, а не спонтанности формирования мест памяти («нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи...») [10, с. 26]; в представленной статье они, по сути, раскрываются на конкретных примерах.

Анализ. Начало мемориализации антисоветского движения на Юге России, как целенаправленной политики увековечения определенных лиц и событий, относится к августу – сентябрю 1918 года. К тому времени в «арсенале» Добровольческой армии, кубанцев и донцов уже было участие в походах (прежде всего, в Ледяном, сплотившем противников большевизма), значительное количество павших на начальном этапе противостояния, в том числе лидеров Добровольческой армии и казачества (Л.Г. Корнилов, С.Л. Марков, Е.А. Волошинов, М.П. Богачевский, А.М. Каледин, А.М. Назаров, В.М. Чернецов, К.Л. Бардиг и др.).

Главным символом борьбы с большевизмом как для «добровольцев», так и для казаков стал Л.Г. Корнилов, погибший вблизи Екатеринодара. Почти сразу после освобождения города от «красных» председатель Кубанского краевого правительства Л.Л. Быч на заседании поднял вопрос об увековечивании памяти генерала Корнилова путем обустройства места его гибели [18, с. 132]. Вопросы ухода за символической могилой Л.Г. Корнилова и могилой его жены, превращение прилегающей территории в памятное место регулярно поднимались на уровне официальных инстанций, Комитета по увековечению памяти генерала Л.Г. Корнилова, общественных организаций, в прессе.

Известный столичный издатель Б.А. Суворин запечатлел и опубликовал в сентябре 1918 г. в номере 15 журнала «Донская волна» серию фотографий с места гибели Корнилова: акт передачи старого георгиевского знамени одному из новых кубанских полков в присутствии кубанского атамана А.П. Филимонова, генералов А.И. Деникина и И.П. Романовского (символизировавший единение «добровольцев» и казаков); дом, где был смертельно ранен Корнилов с намеренно не заштукатуренным следом от гранаты; генерал М.В. Алексеев у места гибели Корнилова после панихиды 18 августа 1918 г.; обрыв над Кубанью, «где испустил дух Л.Г. Корнилов».

Вообще, как справедливо отмечал американский историк-славист Л. Херец, культ смерти занимал центральное место в сознании «добровольцев». Смерть Корнилова рассматривалась в качестве модели для подражания. Лучшие полки гордо несли имена погибших или умерших героев, что не только выражало верность павшим вождям, но и утверждало принцип самопожертвования [27, р. 117–118].

Сакральный статус места постоянно подтверждался. Сюда приезжало высшее армейское руководство, проводились различные церемонии. Как отмечает В.Ж. Цветков, именно в отреставрированном здании «фермы», в которой находился штаб Л.Г. Корнилова, была создана экспозиция первого мемориального музея Белого движения на Юге России. В самой комнате на месте смертельного ранения генерала был установлен крест. На внутрен-

ней стене «фермы» было сделано панно из венков, трехцветных лент, национального российского флага и оружия [23, с. 376].

Первая годовщина со дня гибели Корнилова стала, по сути, первым масштабным событием в формирующемся календаре памятных дат эпохи Гражданской войны, впоследствии включившим в себя и годовщины победных сражений, и освобождений городов, отмечавшиеся (после предварительной подготовки) в форме общенародных праздников в течение одного-двух дней. Корниловская годовщина стала поводом для целой серии коммеморативных акций: панихид, посещения места гибели, памятных текстов в газетах и журналах (как «добровольческих», так и казачьих), изданий биографических брошюр, монументальных, топонимических, музейных инициатив.

К тому времени при деникинском Осведомительном агентстве развернула деятельность Комиссия для сбора военно-исторических материалов освободительной войны от большевиков (Военно-историческая комиссия) под руководством полковника М.В. Колобова, имевшего опыт подобной работы в годы Первой мировой войны, когда он возглавлял Комиссию по описанию боевых трофеев Русского воинства. Активную помощь Колобову в организации сбора и описания экспонатов оказывал полковник Я.М. Лисовой. «Программой-максимум» Комиссии было создание музея Возрождения России, который после победы «белых» должен был открыться в столице. Предполагалось наличие в музее пропагандистского и исторического подразделений, что соответствовало его актуальным и перспективным задачам. Планировалось создать отделы денежных знаков, карт, трофейный, оружейный, художественный. Экспонаты, поступавшие в комиссию, должны были быть снабжены заметкой о том, где, когда и при каких обстоятельствах тот или иной предмет был взят [7, л. 1–1 об.].

Ввиду приближавшейся годовщины гибели Корнилова Комиссией было анонсировано создание корниловского отдела в организуемом музее Возрождения России. В качестве экспонатов приветствовалось все, касающееся Корнилова и корниловцев. Многие фронтовые офицеры передали ценные документы, в том

числе фотографический снимок ««Корнилов в гробу» с большевистской печатью и надписью на оборотной стороне» [1, с. 4].

Реальным результатом этой деятельности стала передвижная Корниловская выставка, работавшая с апреля по июнь 1919 г. в Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Таганроге, Новочеркасске. В архиве Гуверовского института в фонде одного из лидеров Белого движения на Севере России Евгения Миллера имеется конверт с 22 фотографиями выставки [26]. Репортажи, освещающие данное событие, публиковались в прессе. Воспроизведем его на примере Ростова-на-Дону.

Выставка открылась в ростовском кино театре «Солей» 12 (25) мая 1919 г. и работала там более двух недель, до 28 мая (10 июня). Открытию предшествовало торжественное заседание памяти Л.Г. Корнилова с участием представителей высшего военного и политического руководства, в том числе союзнического, корниловцев, прибывших с фронта, ректора Донского университета, профессоров, городского головы Ростова-на-Дону, начальников средних учебных заведений города, детей Л.Г. Корнилова. Председательствовал генерал В.З. Май-Маевский. Автор первого доклада Я.М. Лисовой и другие выступающие подчеркивали беззаветный патриотизм Корнилова, его роль в борьбе за восстановление государственности. Кроме торжественных речей в переполненном зале звучали стихи о России (в частности, М. Волошина «Святая Русь» и «Петроград», написанные в конце 1917 г., показывающие весь ужас междоусобицы), играл оркестр, выступали ведущие художественные силы города. Среди ценных экспонатов выставки – реликвии Л.Г. Корнилова – ордена, погоны, шинель, в которой генерал был смертельно ранен, папаха, стол, за которым он сидел в момент ранения, скамья с повреждениями от снаряда, резиновый бинт, которым был перевязан Корнилов. бинт со следами крови, осколки снаряда, найденные около фермы. Экспонировались фотографии походной жизни корниловцев, многочисленные портреты Л.Г. Корнилова, М.В. Алексева, А.И. Деникина и их сподвижников, бюст Корнилова работы скульптора Г.И. Рихи [1, с. 4].

Литературно-документальный отдел, который курировал участник Ледяного похо-

да, автор изданной под грифом Военно-исторической комиссии брошюры «Чем был Корнилов для России» журналист Б.А. Будилевич, включал приказы и автографы Корнилова, карту похода, а также большевистские документы, «по-своему» освещающие его [1, с. 4].

Главным художественным экспонатом выставки стала картина Н.В. Харитоновой «Смерть генерала Корнилова». Уже в процессе организации выставки начались переговоры о ее приобретении для будущего музея.

Газета «Приазовский край» сообщала о посещении выставки начальником Отдела пропаганды профессором К.Н. Соколовым (именно он инициировал аналогичную екатеринодарскую выставку), генералом А.И. Шкуро. Подробно освещался визит донского атамана А.П. Богаевского. Личная сопричастность атамана совместной освободительной борьбе «белых» и казачества подчеркивалась приведенной фразой Богаевского о том, что он может привести много подробностей, так как за пять минут до гибели Корнилова был у него с докладом [3, с. 2].

Выставка, вызвавшая повсеместно большой интерес посетителей и в процессе проведения пополнявшаяся все новыми экспонатами, стимулировала активизацию работы Военно-исторической комиссии. Ее члены выезжали на фронт за артефактами. Однако масштабных и резонансных проектов, подобных Корниловской выставке, организовать не удалось.

Материалы Военно-исторической комиссии (в том числе Корниловской выставки) частично были вывезены в 1920 г. Я.М. Лисовым за границу, где и устраивались выставки. В 1951 г. он сообщал Б.И. Николаевскому о передаче части коллекции в библиотеку Конгресса США, в военные музеи Великобритании, Нидерландов, Польши, о том, что «самая главная часть, более 2 тонн (5 500 фунтов) находится в Московской исторической публичной библиотеке в референс отделе... для исторических изысканий» [28]. Главная часть коллекции, о которой упоминал Я.М. Лисовой, вскоре была разделена и передана нескольким центральным архивохранилищам и книгохранилищам СССР.

Создание собственных музеев, отражавших историю Гражданской войны, было в пла-

нах донцов и кубанцев. Первым шагом стало формирование соответствующих отделов в Донском музее (Новочеркасск) и Войсковом этнографическом и естественно-историческом музее (Екатеринодар), однако уже в 1919 г. выкристаллизовалась идея специализированных учреждений.

Для кубанского музея было выделено помещение в здании войскового штаба – в доме Акулова на углу улиц Красная и Крепостная. Директором музея назначили генерал-майора П.П. Орлова – популяризатора казачьей истории, участника Ледяного похода, награжденного Крестом спасения Кубани. Куратором музея был Член Кубанского краевого правительства по военным делам: сначала генерал-майор В.Г. Науменко (в зарубежье он стал атаманом Кубанского казачьего войска и много сделал для сохранения казачьих регалий), затем его преемники – генерал-майоры С.П. Звягинцев и Л.М. Болховитинов. В марте 1920 г. С.П. Звягинцев сопровождал регалии и другие материалы Кубанского казачьего войска за границу.

Руководством музея были заготовлены шаблоны писем следующего содержания: «Милостивый государь! Озабочиваясь собрать в музей все достойное памяти потомства Кубанского казачества, все светлое по воспоминаниям переживаемых событий... просим прислать в музей Ваш портрет с автографом к нему» [20, л. 7]. Они были разосланы А.Г. Шкуро, С.Г. Улагаю, В.Л. Покровскому, С.М. Топоркову, А.П. Филимонову (как участнику Ледяного похода), П.Н. Врангелю.

Сохранилась копия с циркулярного предписания командующего Третьим конным корпусом генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро от 29 сентября 1919 г.: «Член Кубанского краевого правительства по военным делам озабочиваясь, дабы сохранить в памяти потомства Кубанского казачьего войска воспоминания о переживаемых событиях, приступил к образованию музея в городе Екатеринодаре. В каждой части надо назначить лицо, кое бы из любви к казачеству и своему родному краю России, взяло бы на себя труд создать все то, что имеет отношение к осуществлению намеченной цели» [24, л. 1]. Обратим внимание – фрагмент со словами «из любви к казачеству и своему родному краю России» подчеркива-

ет неприятие автором кубанского сепаратизма (А.И. Шкуро относился к тем, кто поддерживал «единонеделимцев»). К циркуляру приложен «Перечень желательных для музея предметов», распределенных по отделам. Например, в исторический отдел требовались научные труды, журналы военных действий, документы, очерки борьбы, списки потерь, письма, записки, дневники, биографии, стихи, песни, меткие выражения, в отдел пропаганды – «газеты, не исключая большевистских, прокламации, плакаты», в трофейный – знамена и значки, в оружейный – вооружение, отбитое оружие, снаряды, в художественный – картины, эскизы, портреты, не исключая большевистских, фотографии. Экспонатами предлагалось наполнить подотделы денежных знаков и картографический [24, л. 2].

Уполномоченным для сбора артефактов офицерам выдавались «открытые» листы. По итогам поездок писались отчеты с перечислением привезенного. Активность проявляло и население Кубани, присылавшее фотографии, письма, разнообразную печатную продукцию, в том числе изданную в первый период советской власти [20].

На Дону изначально координатором сбора экспонатов для будущего музея стал Отдел народного просвещения Всевеликого войска Донского. В циркуляре «О собирании материалов по переживаемому моменту» содержался призыв доставлять «все сведения о героях гражданской войны, рассказы очевидцев, списки предателей, фото...» [12, с. 34]. Отдел организационно и финансово поддержал инициативу приват-доцента Донского университета А.Н. Вознесенского по созданию «Архива современных событий», который должен был стать основой «музея или архива памятников и документов, касающихся истории войны и революции как в России вообще, так и на Дону в частности» [11, л. 31–31 об.].

В сентябре – октябре 1919 г. по инициативе командующего Донской армией В.И. Сидорина началась работа Комитета по устройству передвижной выставки памятников борьбы Дона с большевиками. Возглавил его атаман А.П. Богаевский. Из лаконичных телеграмм Сидорина Богаевскому, Богаевского – начальнику отделения по сбору и систематизации документов войны становится ясно, что

выставку, должную «представить возможно полно доблесть казачества», планировалось организовать в кратчайшие сроки и рекомендовалось «немедленно приступить к сбору материалов» [14, л. 21, 25]. Значительную их часть составили портреты участников антибольшевистского движения, а также плакаты: «За Великую Россию», «Зверства большевиков», «Мир и свобода в Совдепии», «В жертву Интернационалу» (переданы деникинским Отделом пропаганды), «Зверства большевиков на Дону», «Светлая тень Ермака благословляет ратные подвиги объединенного казачества, идущего на освобождение России», «Что несет народу большевизм», «Казак Кузьма Крючков» (передано Донским отделом осведомления), а также документы и плакаты из большевистского лагеря [13, л. 1–2]. Судя по данному списку, выставка должна была продемонстрировать единение донцов и «добровольцев» в борьбе против общего врага.

Скорее всего, ни кубанский Музей, ни донской Комитет так и не развернули выставочную деятельность ввиду ситуации на фронте.

Заслуживают внимания монументальные инициативы на Юге России. Самый ранний по времени проект был «запущен» на Дону. Атаман П.Н. Краснов 5 сентября 1918 г. издал приказ, предписывающий, согласно постановлению Большого Войскового круга, «в увековечение памяти героев Донской Земли, душу свою за ближних и за свободу Родного Края положивших во время настоящей гражданской войны, поставить в г. Новочеркасске на Соборной площади памятник героям освободительной войны и трем атаманам мученикам – избранникам народа в лице Войскового Круга, и за народ душу свою положившим – генералу от кавалерии Алексею Максимовичу Каледину и Генерал-майору Анатолию Михайловичу Назарову, помощнику Донского Атамана Каледина Митрофану Петровичу Богаевскому, первому ставшему на место Войскового Наказного Атамана Атаманом – по требованию народа, Войсковому старшине Волошинову, впоследствии зверски расстрелянному и замученному большевиками, и первому партизану Донскому, боровшемуся за свободу Дона, Полковнику Чернецову и другим орлам-партизанам. Памятник должен от-

вечать величию идей борьбы за родину, быть согласован с исторической правдой и олицетворять всех героев освободительной войны как в общей группе, так и в особых символах» [15, с. 282]. Средства на постройку памятника должен был дать «кружечный сбор». Все отделения Государственного банка обязывались принимать такого рода пожертвования.

Учреждался конкурс на устройство памятника: проекты в эскизах, набросках и планах или в уменьшенных моделях должны были быть представлены к 1 февраля 1920 г. на имя директора Донского музея. Три премии лучшим проектам присуждало «жюри из лучших художественных сил». Предписывалось также увековечить памятниками «места особо памятных боев, покрывших славою Донское оружие», изыскав деньги «по особой подписке в округах» [15, с. 283].

Через год, уже при новом атамане А.П. Богаевском, было произведено освящение территории под постройку памятника на месте мученической кончины его брата – М.П. Богаевского в Балабановской роще близ Нахичевани. В присутствии атамана, родственников, епископа, членов правительства и Войскового Круга, представителей городского самоуправления Ростова-на-Дону и Нахичевани были проведены торжественное богослужение и военный парад. Интересно, что епископ Гермоген в речи перед богослужением сделал акцент на том, что «павший от злодейской руки тягчайших преступников» М.П. Богаевский, равно как и атаман А.М. Каледин, «трудились для одного великого дела – воссоздания единой, великой и неделимой России», что «Тихий Дон без России, как и Россия без Дона существовать не могут» [22, с. 3]. Таким образом, в связи с «продобровольческим» курсом трансформировались представления о донских героях Гражданской войны. Теперь они должны были быть борцами не только «за свободу Родного Края» (как во времена П.Н. Краснова), но и за единую Россию.

В южнороссийской прессе печатались воззвания общественных организаций, инициативных групп о сборе денег на памятники Л.Г. Корнилову, М.В. Алексееву и другим героям Белого движения. Планировалось строительство церкви памяти павших в кровавой междоусобице. В упомянутой выше речи епис-

копа Гермогена упоминалось об освящении «в стольном граде Донской земли... места храма спасения Дона от ига и жестокостей большевизма на месте мученической кончины донских атаманов и лучших деятелей и граждан Донского казачества» [22, с. 3]. Действующие храмы стали местами упокоения героев Гражданской войны: в кафедральном соборе св. Екатерины в Екатеринодаре похоронили М.В. Алексеева, М.Г. Дроздовского, К.К. Мамантова, в Вознесенском кафедральном соборе Новочеркасска (на военном кладбище) – С.Л. Маркова.

После объявленного конкурса на проект часовни на военном кладбище Екатеринодара в память воинов Добровольческой армии, эскиз известного столичного архитектора А.А. Оля, жившего тогда на Юге, был опубликован в ростовском журнале «Орфей» (1919, № 1, с. 71). Коллега А.А. Оля – А.А. Юнгер в жизнеописании, составленном в 1919 г. для поступления на работу в Кубанский политехнический институт, указывал, что «проектировал памятник борцам за свободу для города Екатеринодара» [25, л. 15 об.]. Еще один столичный архитектор – С.С. Кричинский в июле 1919 г. представил эскизы проекта памятника-храма на могиле генерала Корнилова «в русском стиле XVIII века», «похожего на храм в Филях под Москвой», который планировалось возвести после окончания Гражданской войны «путем всероссийской подписки»; в ближайшее время было решено ограничиться часовней [19, л. 12].

Обозначенные монументальные проекты, в отличие от «ленинского плана монументальной пропаганды», остались на бумаге ввиду исхода Гражданской войны.

Имена героев антисоветского движения увековечивались в названиях многочисленных воинских подразделений. Имелись агитпоезда имени Каледина и имени Корнилова, легкий бронепоезд «Генерал Марков», корабли «Генерал Алексеев», «Генерал Корнилов», благотворительные организации – Корниловский и Алексеевский комитеты. Антибольшевистские походы отразились в наградах: Знак отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода, медаль «Похода дроздовцев», крест «За Степной поход», крест «За спасение Кубани», медаль «За освобождение Кубани».

Принимались решения о переименовании улиц и даже населенных пунктов. К первой годовщине освобождения Кубани от большевиков планировалось строительство нового городка (около места гибели Л.Г. Корнилова) с названием Корниловск, переименование главной улицы Екатеринодара – Красной в улицу Добровольческой Армии, площади у Екатерининского собора – имени М.В. Алексева [19, л. 12]. Поселок на месте гибели С.Л. Маркова у станции Торговой стал городом под названием Марков (в 1920 г. переименован в Сальск), поселок Миллерово на несколько месяцев 1919 г. превратился в город Каледин.

Укоренению в сознании молодежи представления об истинных героях Гражданской войны должно было способствовать присвоение учебным заведениям имен участников (как погибших, так и живых) антисоветского движения, назначение именных стипендий, которые получали, как правило, продолжавшие обучение участники боевых действий или их прямые потомки. Начало этому положил упомянутый выше приказ атамана П.Н. Краснова от 5 сентября 1918 г.: Донской политехнический институт стал именоваться «имени Войскового Атамана Алексея Максимовича Каледина», Донской университет (несколько лет назад эвакуированный из Варшавы) – имени М.П. Богаевского, Донской ветеринарный институт (тоже в годы Первой мировой войны эвакуированный с польских территорий) – имени А.М. Назарова, Донской учительский институт – имени «павших за освобождение родного края». Этим же именем должно было называться одно среднее учебное заведение в каждой из окружных станиц. Учреждалось несколько стипендий имени А.М. Каледина, М.П. Богаевского, А.М. Назарова, В.М. Чернецова [15, с. 283].

Тот же П.Н. Краснов, публично отзывавшийся о покойных лидерах Добровольческой армии крайне комплементарно, после смерти М.В. Алексева издал приказ об увековечении памяти «великого человека», бывшего «связующим звеном при выполнении государственных задач Донскими и Добровольческими армиями», необходимо объявить подписку для учреждения при Донском кадетском корпусе трех стипендий имени Алексева для детей героев настоящей освободительной

борьбы как Донских казаков, так и Добровольческой Армии». Имя Алексева присваивалось также лазарету № 7, «как служившему преимущественно для лечения добровольцев» [16, с. 410–411].

На рубеже 1918–1919 гг. было принято решение учредить в создаваемом Кубанском политехническом институте (правительственным) стипендии имени действующих казачьих политиков генерал-лейтенанта А.П. Филимонова, Н.С. Рябовола, Ф.А. Щербины (видного ученого, автора «Истории Кубанского казачьего войска»), Л.Л. Быча и стипендию имени убитых большевиками отца и сыновей Бардижей в Брюховецком реальном училище. Имена генералов С.Л. Маркова, Л.Г. Корнилова, М.В. Алексева и генерал-лейтенанта А.П. Филимонова присваивались учебным заведениям станицы Ильской, имя А.Г. Шкуро – училищу станицы Суворовской [17, л. 184, 317, 321, 325].

Как видим, кубанский и отчасти донской «перечни» героев войны, несмотря на явное преобладание регионального компонента, свидетельствовали о попытке достижения компромисса посредством мемориальной политики. Однако противоречия, связанные с различными взглядами на государственное устройство будущей России, неизбежно вырывались на поверхность.

Например, герои кубанского казачества Л.Л. Быч и Н.С. Рябовол были постоянной мишенью критики в проденикинских газетах. Прозвища «бычевол», «Лукавый Бык» и «Вол Рябой», с легкой руки журналистов, стали почти обиходными. Не случайно на заседании Рады 14 июня 1919 г., сразу после убийства Н.С. Рябовола, депутат Жук предложил «закрыть все газеты, травившие покойного, редакторов же выслать», а депутат Белый – «закрыть все организации, которые занимаются травлей кубанского казачества и его лучших представителей», прежде всего деникинский Осваг [21, с. 354].

В то время как Кубанское краевое правительство организовывало пышные похороны Н.С. Рябовола, объявляло трехдневный траур, учреждало новые стипендии его имени, а почти в каждом номере «Вольной Кубани» (органе Кубанского краевого правительства) печатались приговоры станичных сборов, облича-

ющих монархистов, спрятавшихся под маской борцов за единую Россию, убивших героя, патриота «родного края» и постановлявших называть в честь Н.С. Рябовола станичные учебные заведения, в «добровольческой» прессе его смерть обсуждалась без всякого пафоса, как событие криминальной хроники. Вообще печатная продукция Юга России как «место памяти», вкпе с рассмотренными выше коммеморациями, свидетельствуют о наличии оппонирующих мемориальных дискурсов.

После окончания Гражданской войны на Кубани и Дону, как и в других центрах гражданского противостояния, началась активная мемориализация и героизация жертв «контрреволюции». Советская политика памяти имела целью унифицировать коллективные представления о недавнем военно-революционном прошлом, вытеснить «вредные» исторические образы и оценки из коллективной памяти, а также насадить новый героический пантеон и нарратив, в том числе посредством музейных экспозиций [6, с. 303, 308, 393]. Мемориализация антисоветского движения в эмиграции проводилась конкурирующими политическими силами; музеи и архивы, периодические издания, коммеморативные ритуалы представляли различные версии истории гражданского противостояния. Различались и персонажи пантеонов героев.

В начале нынешнего века на официальном уровне за Гражданской войной (как и за Октябрьской революцией) был закреплен статус травмы; ее жертвами объявлены все участники и мирное население. Монументальным воплощением данного статуса стали памятники примирения и согласия, установленные в том числе в казачьих столицах – Краснодаре (бывшем Екатеринодаре) и Новочеркаске. Собственные трактовки истории Гражданской войны на Юге России представляют идеологи различных политических сил, возрожденного казачества, что воплощается в содержании научной и популярной литературы, музейных экспозиций, коммеморативных инициативах. Несмотря на появившиеся памятники С.Л. Маркову (в Сальске), Л.Г. Корнилову и Ф.А. Щербине (в Краснодаре), количественное преобладание объектов, посвященных «красным», очевидно [2]. Практически все монументальные и топонимические проекты,

связанные с мемориализацией антисоветского движения, вызывают жаркие дискуссии. Нередко это детерминировано фактором сотрудничества героизируемых лиц (таких как П.Н. Краснов или А.И. Шкуро) с нацистами. Имеет место также приверженность значительной части населения, особенно старшего поколения, советской трактовке истории Гражданской войны. Как и столетие назад, в обществе циркулируют оппонирующие нарративы, препятствующие провозглашенному властной элитой «примирению и согласию».

Результаты. Память об эпохе гражданского противостояния на Юге России активно конструировалась уже в процессе Гражданской войны. Руководство «белого» и казачьих государственных образований, равно как и большевики, видели в этом значительный пропагандистский потенциал. Мемориальная политика являлась частью собственной легитимации антисоветских правительств. Не случайно инициативы властных структур в этом направлении широко освещалась в прессе.

Важной составляющей мемориальной политики стало увековечение жертв борьбы с большевиками, создание «мест памяти». Наиболее последовательными были коммеморативные акции, посвященные Л.Г. Корнилову, воплощавшему «универсального» героя. Годовщина гибели Корнилова положила начало новым памятным датам и дала мощный толчок деятельности Военно-исторической комиссии при деникинском Отделе пропаганды в плане сбора артефактов по истории Белого движения для будущего Всероссийского музея.

Казачьи правительства, заинтересованные в определенной интерпретации событий братоубийственной войны, предприняли попытки создания собственных музеев, аккумулировавших материалы по новейшей истории.

Передвижная Корниловская выставка стала практически единственным реализованным на территории Дона и Кубани пропагандистским музейным проектом. В процессе ее подготовки и проведения была налажена координация деникинского и казачьих правительств, представителей действующей армии. Выставка представлялась в прессе как демонстрация единства антибольшевистских сил.

В ряду мемориальных практик изучаемого периода – монументальные, топоними-

ческие и иные инициативы, направленные на создание пантеона героев, включавшего военачальников и политиков Белого движения и казачества – погибших и действующих. Похороны, перезахоронения, поминовения организовывались как массовые действия. Места гибели павших героев становились сакральными. Анонсировались конкурсы на проекты памятников и храмов. Представления об истинных героях посредством присвоения их имен учебным заведениям, именных стипендий укоренялись в сознании молодежи.

Следствием серьезных противоречий между главными акторами антибольшевистского лагеря стало формирование оппонирующих мемориальных нарративов на Юге России. Мемориализация антисоветского движения, продолженная в эмиграции и в постсоветской России, на всех этапах вызвала острые дискуссии ввиду «конфликтов памяти».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти».

The article was carried out within State task of the Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev “Monumental politics as a tool for preserving cultural memory”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выставка памяти ген[ерала] Корнилова // Приазовский край. – 1919. – 14 (27) мая. – С. 4.
2. Гончаров, А. В. «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия / А. В. Гончаров // Наследие веков. – 2018. – № 2. – С. 41–47. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 28.05.2019). – Загл. с экрана.
3. Донской атаман на Корниловской выставке // Приазовский край. – 1919. – 24 мая (6 июня). – С. 2.
4. Еремеева, А. Н. «Дабы сохранить воспоминания о переживаемых событиях»: у истоков фор-

мирования музейных и архивных коллекций по истории Революции и Гражданской войны / А. Н. Еремеева // Кубань в эпоху великих потрясений. 1917–1920 гг. Фелицынские чтения – XIX : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Краснодар : Вика-принт, 2017. – С. 45–48.

5. Корсакова, Н. А. К вопросу о создании в г. Екатеринодаре музея борьбы с большевизмом / Н. А. Корсакова // Кубань в эпоху великих потрясений. 1917–1920 гг. Фелицынские чтения – XIX : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Краснодар : Вика-принт, 2017. – С. 74–75.

6. Красильникова, Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) / Е. И. Красильникова. – 2-е изд. – Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. – 404 с.

7. Краткий очерк возникновения и деятельности Военно-исторической комиссии // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-440. – Оп. 1. – Д. 79. – 2 л.

8. Леонтьева, О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О. Б. Леонтьева // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 59–96.

9. Малинова, О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 37–56. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>.

10. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 17–50.

11. Об учреждении при Донском университете архива документов, относящихся к переживаемому нами смутному времени // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 31–32.

12. О собирании материалов по переживаемому моменту // Педагогическая мысль. – 1918. – 25 сент. – С. 34.

13. Переписка Отдела осведомления Всевеликого войска Донского с Донским обществом партизан, начальником Атаманского военного училища и другими о сборе экспонатов и организации выставки // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-6053. – Оп. 1. – Д. 4. – 59 л.

14. Переписка с начальником штаба Донской армии об организации и открытии выставки и список экспонатов для выставки // ГАРФ. – Ф. Р-6053. – Оп. 1. – Д. 5. – 37 л.

15. Приказ Всевеликому Войску Донскому № 898, 5 сентября 1918 г. // Сборник узаконений правительства Всевеликого Войска Донского и важней-

ших распоряжений Донского атамана с хронологическим и алфавитным указателями. Вып. 5. – Новочеркасск : [б. и.], 1919. – С. 282–284.

16. Приказ Всевеликому Войску Донскому № 1331, 28 октября 1918 г. (по военному отделу) // Сборник узаконений правительства Всевеликого Войска Донского и важнейших распоряжений Донского атамана с хронологическим и алфавитным указателями. Вып. 5. – Новочеркасск : [б. и.], 1919. – С. 410–411.

17. Приказы ведомства народного просвещения // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-6. – Оп. 1. – Д. 179. – 356 л.

18. Протокол № 41 Заседания Совета Кубанского Краевого Правительства, 11 октября 1918 г. // Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917–1920 : сб. док. в 4 т. / под ред. А. А. Зайцева. – Краснодар : [б. и.], 2008. – Т. 1. – С. 131–133.

19. Протокол организационного собрания по поводу предстоящей годовщины освобождения Екатеринодара от большевиков // ГАКК. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 576. – Л. 8–13.

20. Прошения о высылке фотографий и копий с них // ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 5. – Д. 585. – 28 л.

21. Стенограмма заседания Кубанской Законодательной Рады от 14 июня 1919 года // Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рад: 1917–1920 гг. : сб. док. в 6 т. / под ред. А. А. Зайцева. – Краснодар : Перспективы образования, 2016. – Т. 5. – С. 352–356.

22. Увековечение памяти М.П. Богаевского // Приазовский край. – 1919. – 8 (21) сент. – С. 3.

23. Цветков, В. Ж. Мемориальные экспозиции по истории Белого движения в России в 1917–1920-е годы (проекты реализованные и разработанные) / В. Ж. Цветков // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения А.С. Макаренка. – М. : Международная академия наук педагогического образования, 2019. – С. 372–378.

24. Циркулярное предписание командира белогвардейского 3-го конного корпуса от 29 сентября 1919 г. о создании музея Кубанского казачьего войска и сборе материалов для музея // Российский государственный военный архив. – Ф. 39704. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 1–2.

25. Юнгер Александр Александрович // ГАКК. – Р-229. – Оп. 1. – Д. 660. – Л. 15–15 об.

26. 22 prints depicting the Kornilov Exhibition, 1919 // Hoover Institution Archives (HIA). – Evgenii Miller papers. – File 28007. – Photographs, 1916–1924. – Envelope C.

27. Heretz, L. Psychology of the White movement / L. Heretz // The Bolsheviks in Russian society / ed.:

V. Brovkin. – New Haven : Yale University Press, 1997. – P. 105–121.

28. Lisovoi, I. M. Letter to B. Nicolaevsky, 1951 / I. M. Lisovoi // HIA. – B.I. Nicolaevsky Collection. – Box 489. – Folder 12.

REFERENCES

1. Vystavka pamyati generala Kornilova [Exhibition in Memory of General Kornilov]. *Priazovskij kraj* [Azov Region], 1919, May 14 (27), p. 4.

2. Gorchakov A.V. «Pobediteljam i pobezhdennym»: jepoha grazhdanskogo protivostojanija na Kubani i chernomore v obektah kulturnogo nasledija [“To Winners and Losers”: the Epoch of Civil Confrontation in Kuban and in the Black Sea Region in the Objects of Cultural Heritage]. *Naslediye vekov* [Heritage of Centuries], 2018, no. 2, pp. 41–47. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (accessed 28 May 2019).

3. Donskoj ataman na Kornilovskoj vystavke [The Don Ataman for the Kornilov Exhibition]. *Priazovskij kraj* [Azov Region], 1919, May 24 (June 6), p. 2.

4. Eremeeva A.N. «Daby sohranit vospominanija o perezhivaemyh sobytijah»: u istokov formirovanija muzejnyh i arhivnyh kollekcij po istorii Revoljucii i Grazhdanskoj vojny [“In Order to Preserve the Memories of Experienced Events”: The First Steps in the Formation of Museum and Archival Collections on the History of the Revolution and the Civil War]. *Kuban v jepohu velikih potrjasenij. 1917–1920 gg. Felicynskie chtenija – XIX: materialy Mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* [Kuban in an Era of Great Upheaval. 1917–1920. Felicyn’s Readings – XIX. Proc. of the Interregional Scientific and Practical Conf.]. Krasnodar, Vika-print Publ., 2017, pp. 45–48.

5. Korsakova N.A. K voprosu o sozdanii v g. Ekaterinodare muzeja borby s bolshevizmom [To the Question of Creation of the Museum of Struggle Against Bolshevism in Ekaterinodar]. *Kuban v jepohu velikih potrjasenij. 1917–1920 gg. Felicynskie chtenija – XIX: materialy Mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* [Kuban in an Era of Great Upheaval. 1917–1920. Felicyn’s Readings – XIX. Proc. of the Interregional Scientific and Practical Conf.]. Krasnodar, Vika-print Publ., 2017, pp. 74–75.

6. Krasilnikova E.I. *Pomnit nelzja zabyt? Pamjatnye mesta i kommемorativnye praktiki v gorodah Zapadnoj Sibiri (konec 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember not to Forget? Memorable Places and Commemorative Practices in the Cities of Western Siberia (Late 1919 – Mid 1941)]. Novosibirsk, ITS NSTU «Zolotoj kolos», 2015. 404 p.

7. Kratkij ocherk vozniknovenija i dejatelnosti Voennno-istoricheskoy komissii [A Brief Outline of the Appearance and Activities of the Military History Commission]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-440, op. 1, d. 79. 21.

8. Leonteva O.B. «Memorialnyj povorot» v sovremennoj rossijskoj istoricheskoy nauke [“Memorial Turn” in the Contemporary Russian Historical Studies]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2015, no. 50, pp. 59-96.

9. Malinova O.Yu. Kommemoracija stoletija revoljucii(j) 1917 goda v RF: sravnitelnyj analiz sopernichajushhih narrativov [The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Comparative Analysis of Rival Narratives]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2018, no. 2, pp. 37-56. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.04.

10. Nora P. Problematika mest pamiaty [Problems of Sites of Memory]. *Frantsiia-pamiat* [France-Memory]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999, pp. 17-50.

11. Ob uchrezhdenii pri Donskom universitete arhiva dokumentov odnosjashhihsja k perezhivaemomu name smutnomu vremeni [About Establishment of Archive of the Documents Relating to the Current Time of Troubles at the Don University]. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* [State Archive of Rostov Region], f. 493, op. 1, d. 118, l. 31-32.

12. O sobiranii materialov po perezhivaemomu momentu [About Collecting Materials on the Experienced Moment]. *Pedagogicheskaya mysl* [Pedagogical Thought], 1918, September 25, p. 34.

13. Perepiska Otdela osvedomleniya Vsevelikogo voyska Donskogo s Donskim obshchestvom partisan, nachalnikom Atamanskogo voennogo uchilishcha i drugimi o sbore eksponatov i organizatsii vystavki [Correspondence of Department of Awareness of the All-Great Army of Don with the Don Partisan Society, the Chief of the Ataman Military School and the Other for Collection of the Exhibits, and Organization of the Exhibition]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-6053, op. 1, d. 4. 591.

14. Perepiska s nachalnikom shtaba Donskoj armii ob organizatsii i otkrytii vystavki i spisok eksponatov dlya vystavki [Correspondence with the Chief of Staff of the All-Great Army of Don on the Organization and Opening of the Exhibition and the List of Exhibits for the Exhibition]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-6053, op. 1, d. 5. 371.

15. Prikaz Vsevelikomu Voysku Donskomu № 898, 5 sentyabrya 1918 g. [Order to the All-Great Army of Don No. 898, September 5, 1918]. *Sbornik zakonenyj pravitelstva Vsevelikogo Voyska Donskogo i*

vazhneyshikh rasporyazheniy Donskogo atamana s khronologicheskimi i alfavitnymi ukazatelyami [Collection of Laws of the Government of the All-Great Army of the Don and the Most Important Orders of the Don Ataman with Chronological and Alphabetical Indexes], Novochoerkassk, 1919, iss. 5, pp. 282-284.

16. Prikaz Vsevelikomu Voysku Donskomu № 1331, 28 oktyabrya 1918 g. (po voennomu otdelu) [Order to the All-Great Army of Don No. 1331, October 28, 1918 (Military Division)]. *Sbornik zakonenyj pravitelstva Vsevelikogo Voyska Donskogo i vazhneyshikh rasporyazheniy Donskogo atamana s khronologicheskimi i alfavitnymi ukazatelyami* [Collection of Laws of the Government of the All-Great Army of the Don and the Most Important Orders of the Don Ataman with Chronological and Alphabetical Indexes], Novochoerkassk, 1919, iss. 5, pp. 410-411.

17. Prikazy vedomstva narodnogo prosveshcheniya [Orders of the Department of Public Education]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-6, op. 1, d. 179. 3561.

18. Protokol № 41 Zasedaniya Soveta Kubanskogo Kraevogo Pravitelstva 11 oktyabrya 1918 g. [Protocol No. 41 of the Meeting of the Council of the Kuban Regional Government, October 11, 1918]. Zaitsev A.A., ed. *Protokoly zasedaniy Kubanskogo kraevogo pravitelstva: 1917–1920: sb. dok. v 4 t.* [Protocols of the Meetings of the Kuban Regional Government: 1917–1920. Collection of Documents in 4 Volumes]. Krasnodar, 2008, vol. 1, pp. 131-133.

19. Protokol organizatsionnogo sobraniya po povodu predstoyashchey godovshchiny osvobodzheniya Ekaterinodara ot bolshevikov [Protocol of the Organizational Meeting on the Upcoming Anniversary of the Liberation of Ekaterinodar from the Bolsheviks]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-7, op. 1, d. 576, l. 8-13.

20. Prosheniya o vysylke fotografii i kopii s nikh [Petitions for Expulsion Photos, Groups, and Copies of Them]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Region], f. 396, op. 5, d. 585. 281.

21. Stenogramma zasedaniya Kubanskoj Zakonodatelnoj Rady ot 14 iyunya 1919 goda [Transcript of the Meeting of the Kuban Legislative Council of June 14, 1919]. Zaitsev A.A., ed. *Protokoly i stenogrammy zasedaniy Kubanskikh kraevoy i Zakonodatelnoj Rad: 1917–1920 gg.: sb. dok. v 6 t.* [Protocols and Transcripts of Meetings of the Kuban Regional and Legislative Council: 1917–1920. Collection of Documents in 6 Volumes]. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya, 2016, vol. 5, pp. 352-356.

22. Uvekovechenie pamyati M.P. Bogaevskogo [Perpetuation of the Memory of M.P. Bogaevsky],

Priazovskij kraj [Azov Region], 1919, September 8 (21), p. 3.

23. Tsvetkov V.Zh. Memorialnye ekspozitsii po istorii Belogo dvizheniya v Rossii v 1917–1920-e gody (proekty realizovannye i razrabotannye) [Memorial Expositions on the History of the White Movement in Russia in the 1917–1920s (Implemented and Developed Projects)]. *Professionalizm pedagoga: sushchnost, sodержanie, perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 130-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Makarenko* [Proc. Int. Conf. “Professionalism of the Teacher: Essence, Content, Development Prospects”, Devoted to the 130th Anniversary of A.S. Makarenko]. Moscow, Mezhdunarodnaia akademiia nauk pedagogicheskogo obrazovaniia, 2019, pp. 372-378.

24. Tsirkulyarnoe predpisanie komandira belogvardeyskogo 3-go konnogo korpusa ot 29 sentyabrya 1919 g. o sozdanii muzeya Kubanskogo kazachego voyska i sbore materialov dlya muzeya [Circular Order of the Commander of the

White Guard 3 Horse Corps of September 29, 1919 on the Creation of the Museum of the Kuban Cossack Army and the Collection of Materials for the Museum]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [Russian State Military Archive], f. 39704, op. 1, d. 9, l. 1-2.

25. Yunger Aleksandr Aleksandrovich. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-229, op. 1, d. 660, l. 15-15 rev.

26. 22 Prints Depicting the Kornilov Exhibition, 1919. *Hoover Institution Archives*, Evgenii Miller papers, File 28007, Photographs, 1916–1924, Envelope C.

27. Heretz L. Psychology of the White Movement. V. Brovkin, ed. *The Bolsheviks in Russian Society*, New Haven, Yale University Press, 1997, pp. 105-121.

28. Lisovoi I. M. Letter to B. Nicolaevsky, 1951. *Hoover Institution Archives*, B.I. Nicolaevsky Collection, Box 489, Folder 12.

Information About the Author

Anna N. Eremeeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Department for Complex Problems for Cultural Research, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Krasnaya St, 28, 350000 Krasnodar, Russian Federation, erana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1267-0074>

Информация об авторе

Анна Натановна Еремеева, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Красная, 28, 350000 г. Краснодар, Российская Федерация, erana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1267-0074>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.14>

UDC 391
LBC 63.5

Submitted: 18.08.2019
Accepted: 23.01.2020

TRADITIONAL CLOTHES OF BELARUSIAN PEASANT MIGRANTS IN SIBERIA AND THE FAR EAST: ORIGINAL FEATURES AND TRANSFORMATIONS ¹

Roman Yu. Fedorov

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the features of traditional clothes of descendants of Belarusian peasant migrants of the second half of the 19th and early 20th centuries living in Siberia and the Far East. *Methods and materials.* Basic materials of the study is oral descriptions of clothing, which were collected among descendants of migrants, who were born in the 1910s – 1950s, and also visual observation of the samples of traditional clothing which are stored in museums. On the basis of using the comparative-historical and typological methods, the transformations of the practice of making and wearing clothing have been investigated. *Analysis.* The analysis of the field materials indicates that the traditional clothing of Belarusian migrants continued to play an important role in their domestic culture from the late 19th century to the 1950s – 1960s. The traditional complex of Belarusian clothing has undergone transformations in a new place because of needs to adapt it to the different natural and climatic conditions, by borrowing from the new ethnic environment, as well as general processes of modernization of the way of life. Due to colder climate of the Asian part of Russia, transformations of winter outerwear and shoes were the most dynamic. *Results.* The features of ethno-cultural identity had an influence on the degree of preservation of the original complex of clothing of the Belarusians. Traditional types of clothing from the places of exit were most preserved in the places of homogenous residence of Belarusian migrants. In cases of dispersed residence with a high proportion of mixed marriages, the Belarusians faster adopted prototypes of clothing that were typical of their new ethnic environment.

Key words: Belarusians, peasant migrations, traditional clothing, adaptation processes, interethnic interactions, Siberia, Far East.

Citation. Fedorov R. Yu. Traditional Clothes of Belarusian Peasant Migrants in Siberia and the Far East: Original Features and Transformations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 184-193. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.14>

УДК 391
ББК 63.5

Дата поступления статьи: 18.08.2019
Дата принятия статьи: 23.01.2020

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ИСХОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ¹

Роман Юрьевич Федоров

Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены особенности традиционной одежды потомков белорусских крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока. Эмпирической основой исследования послужили устные описания одежды, которые были зафиксированы у потомков переселенцев, рожденных в 1910–1950-е гг., а также визуальный осмотр образцов традиционной одежды, хранящихся в музеях. На основе использования сравнительно-исторического и типологического методов исследованы трансформации практики изготовления и ношения одежды от исходных

традиций, привнесенных из мест выхода переселенцев, к их адаптированным вариантам, которые возникли на территории азиатской части России. Анализ полевых материалов, собранных в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока, указывает на то, что традиционные виды одежды белорусских крестьян-переселенцев продолжали играть важную роль в их бытовой культуре в период с конца XIX в. до 1950–1960-х годов. За этот отрезок времени традиционный комплекс одежды белорусов претерпел на новом месте ряд трансформаций, связанных с необходимостью адаптации переселенцев к иным природно-климатическим условиям, заимствования у нового этнического окружения, а также обусловленных общими процессами модернизации жизненного уклада. В связи с суровыми природно-климатическими условиями азиатской части России наиболее динамичным изменениям подвергались зимняя верхняя одежда и обувь, более практичные образцы которой перенимались у русских старожилов или представителей местных коренных народов. Заметное влияние на степень сохранности исходного комплекса одежды белорусских переселенцев оказывали особенности их этнокультурной идентичности. Традиционные виды одежды, привнесенные из мест выхода, наиболее стойко сохранялись на территориях гомогенного проживания переселенцев. В случаях дисперсного проживания с высокой долей смешанных браков переселенцы быстрее перенимали прототипы одежды, которые были характерными для их нового этнического окружения.

Ключевые слова: белорусы, крестьянские переселения, традиционная одежда, адаптационные процессы, межэтнические взаимодействия, Сибирь, Дальний Восток.

Цитирование. Федоров Р. Ю. Традиционная одежда белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока: исходные особенности и трансформации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 184–193. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.14>

Введение. В период массовых крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. в земледельческой зоне Сибири и Дальнего Востока сложились места компактного и дисперсного проживания выходцев с территории современной Беларуси. Проживавшие в них крестьяне первоначально стремились воспроизвести традиционный комплекс одежды, который к тому времени сложился на их родине. Однако вскоре переселенцы в той или иной степени столкнулись с необходимостью адаптации навыков изготовления одежды к новым условиям, которая была обусловлена целым комплексом природно-климатических, социально-экономических и этнокультурных факторов. Исходя из этой ситуации, можно выделить следующие основные аспекты изучения традиционной одежды белорусских крестьян-переселенцев. Первый из них связан с рассмотрением комплекса одежды в качестве одного из компонентов традиционной системы жизнеобеспечения. Другим немаловажным аспектом является изучение отдельных типологических особенностей одежды переселенцев в качестве маркеров их этнокультурной идентичности и межэтнических взаимодействий.

Начиная с 1990-х гг. в некоторых деревнях белорусских переселенцев Сибири и Дальнего Востока начал возрождаться интерес к

использованию народной одежды в деятельности фольклорных коллективов, реконструкции национальных праздников. При этом во многих поселениях местные традиции изготовления домотканой одежды оказались практически утраченными, о чем свидетельствует активное обращение воссоздающих ее людей не к их оригинальным локальным прототипам, а к популярным этнографическим описаниям, фотографиям одежды, найденным в Интернете и т. д. Эта ситуация обусловила актуальность и практическую значимость реконструкции аутентичных особенностей традиционной одежды выходцев из Белоруссии.

Систематическое изучение одежды белорусских переселенцев Сибири и Дальнего Востока началось лишь в последние десятилетия. Опираясь на результаты обследования собраний музеев, полевые и архивные материалы, Е.Ф. Фурсова не только реконструировала комплексы традиционной одежды белорусов, проживавших на территории Западной Сибири, но и исследовала процессы их трансформаций на протяжении XX в. [22–24]. М.А. Жигуновой были атрибутированы и исследованы образцы народной одежды белорусских переселенцев, хранящиеся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского [3]. В публикациях И.В. Стрельцовой была пред-

принята попытка изучения связи между особенностями одежды и вопросами этнической идентичности выходцев с белорусско-украинского пограничья, которые составляли значительную часть крестьян, заселявших территорию Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. [19].

Основной задачей настоящей статьи является введение в научный оборот полевых материалов, собранных в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока, которые были ранее не охвачены исследованиями, а также попытка установить основные тенденции трансформации традиционной одежды белорусских крестьян-переселенцев в контексте адаптационных процессов, которые происходили в их среде в конце XIX – первой половине XX века.

Методы и материалы. Главным источником, послужившим фактической основой для подготовки настоящей статьи, являются зафиксированные в ходе полевых исследований автора 2009–2019 гг. устные описания традиционной одежды, сделанные потомками белорусских крестьян-переселенцев, которые были рождены в 1910–1950-е годы. Для полевых исследований был выбран ряд типичных для Сибири и Дальнего Востока мест компактного проживания белорусских переселенцев, расположенных на территории Викуловского и Казанского районов Тюменской области, Манского и Большемуртинского районов Красноярского края, Тайшетского, Куйтунского, Баяндаевского и Братского районов Иркутской области, Свободненского района Амурской области и Муниципального района им. Лазо Хабаровского края.

Научная ценность собранных устных источников в первую очередь состоит в том, что по ним возможно исследование трансформаций как самой одежды, так и многообразия ее функциональных значений (утилитарных, семантических, эстетических и т. д.) путем их рассмотрения в контексте определенных жизненных ситуаций или исторических реалий. Однако, наряду с этим преимуществом, серьезной методологической проблемой интерпретации устных описаний традиционной одежды выступает связанная с ней терминологическая неустойчивость. Ее особенностью является то, что типологически близкие, а порой и одинаковые виды одежды разные информанты могут обо-

значать различными названиями. В некоторых, более редких случаях одно название может идентифицировать разные виды одежды. На эти ситуации, как правило, оказывали влияние региональные или локальные этнокультурные особенности мест выхода или компактного проживания переселенцев, а также эволюционные изменения в развитии технологий изготовления определенных видов одежды.

Для решения данной проблемы устные описания отдельных образцов одежды были сопоставлены с результатами визуального осмотра ее прототипов, хранящихся в ряде районных и региональных музеев Сибири и Дальнего Востока. Однако следует отметить, что в большинстве случаев собрания музеев не в состоянии дать объективное представление о трансформации традиционной одежды переселенцев. Как отмечала М.А. Жигунова, «Практически в каждом районном историко-краеведческом музее встречаются коллекции, посвященные культуре русского населения, реже – украинского. Менее всего представлена в музейных собраниях Сибири культура белорусов. Малочисленны белорусские коллекции и в крупнейших областных музеях Западной Сибири. Так, например, в Новосибирском государственном краеведческом музее белорусская этнографическая коллекция насчитывает всего 49 предметов» [4, с. 142]. Действительно, в обследованных нами собраниях музеев чаще всего были представлены лишь единичные образцы определенных видов традиционной одежды белорусских переселенцев, визуальный осмотр которых не всегда давал возможность получить представление о типичности их бытования. В небольших сельских музеях, находящихся в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев, названия одежды, как правило, совпадали с теми, которые бытовали у местных жителей. В крупных областных музеях, в собраниях которых были представлены экспонаты из разных районов, чаще наблюдалась терминологическая неустойчивость в атрибутировании некоторых элементов одежды. Эту ситуацию исследователи объясняют тем, что «в исторических документах зачастую все восточнославянское и русскоговорящее население именовалось русскими или православными. Кроме того, проживая в смешанных по этническому составу населенных пунктах, пред-

ставители различных этнических групп заимствовали друг у друга орудия труда и способы производства, орнаменту, другие элементы культуры. Это привело к тому, что в музейных собраниях Сибири можно встретить абсолютно идентичные предметы, принадлежащие различным представителям восточнославянских и других народов, но атрибутированные как русские, украинские, белорусские или казачьи» [4, с. 142].

В хронологических рамках исследования можно выделить следующие основные ориентиры. Первый из них – переселение белорусских крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (вторая половина XIX – начало XX в.) – период привнесения исходных традиций из мест их выхода на территорию Азиатской России. Второй период (конец XIX – первая половина XX в.) – этап трансформаций этих исходных традиций на новом месте. Благодаря тому, что опрошенные в ходе исследования информанты воспроизводили в рассказах особенности одежды своих родителей, бабушек и дедушек, большинство из которых принадлежали к первому и второму поколениям переселенцев, в статье удалось реконструировать трансформации традиционной одежды выходцев из Белоруссии с конца XIX до середины XX века. Верхняя граница хронологических рамок исследования обусловлена тем, что со второй половины XX в. начался период разрушения практики изготовления традиционной одежды, связанный с ее окончательным вытеснением промышленными образцами.

В качестве методологической основы исследования выступали сравнительно-исторический и типологический методы. Они дали возможность проследить трансформации практики изготовления и ношения одежды от исходных традиций, привнесенных из мест выхода, к их адаптации на новом месте, а также позволили выделить общие и особенные черты в традиционной одежде белорусских переселенцев и их нового этнического окружения. Для этого собранные полевые материалы были подвергнуты сопоставлению с этнографическими описаниями традиционного комплекса одежды белорусов, сложившегося во второй половине XIX – начале XX в. [2; 5; 7–11; 17; 18; 25], а также одежды других территориально-этнографических групп вос-

точнославянского населения Сибири и Дальнего Востока [3; 8; 9; 24; 26; 27].

Анализ. Рассматривая особенности одежды белорусских крестьян-переселенцев в контексте их традиционной культуры жизнеобеспечения, следует отметить большое значение льна для ее изготовления. Белорусские крестьянки ткали на кроснах грубое (зрэбнае) и тонкое (кужэльнае) полотно. При этом в ряде регионов Сибири у русских старожилов, проживавших в непосредственной близости от белорусских переселенцев, культура льноводства имела меньшее распространение или полностью отсутствовала. Помимо льна, в качестве традиционных материалов для изготовления одежды у белорусов также выступали конопля, овечья шерсть, кожа свиней и крупного рогатого скота.

Во многих обследованных нами деревнях в первой половине XX в. холщовую одежду красили корой лиственницы, липы, ивы и некоторых других деревьев, а также корнем калгана дикого, которые предварительно кипятили. Чаще всего подобные красители придавали одежде различные оттенки коричневого цвета. Для окраски шерстяной одежды использовали луковую шелуху. Параллельно с естественными красителями крестьяне широко использовали покупные краски, однако далеко не все семьи имели возможность их приобрести.

В типичном варианте традиционный комплекс мужской одежды белорусов состоял из длинной (почти до колен) сорочки (рубahi) из домотканого полотна с отложным или стоячим воротником. Он имел разрез-застежку по центру в отличие от рубах русских, для которых был характерен разрез сбоку [24, с. 234]. Сорочки чаще всего были белого цвета и носились навывпуск под пояс. Орнаментальные украшения имели лишь праздничные мужские сорочки. Короткие рубахи часто называли словом «кашуля». Пуговицы для рубах во многих случаях делали из грубой льняной ткани, называя их шпонками. Помимо них имели распространение деревянные пуговицы. Штаны, которые некоторые переселенцы называли портками или наговицами, шились из домотканого полотна или сукна. В Сибири мужские штаны переселенцы могли красить лиственничной корой для придания им темно-коричневого цвета. На территории Белорус-

сии штаны начали красить лишь в конце XIX века. До этого они были белыми, так же как и рубахи [10, с. 143].

Традиционный женский наряд состоял из длинной холщовой сорочки (рубахи), юбки, фартука или безрукавки [10, с. 126]. В XIX в. в Белоруссии наибольшее распространение имели сорочки с поликами. Их отличительной чертой являлись вставки на плечах между задними и передними полотнищами [10, с. 127]. Такие сорочки могли иметь отложные или стоячие воротники либо четырехугольный вырез без воротника. Сорочки, предназначенные для повседневной жизни и работы, чаще всего шили из грубого полотна. Выходные сорочки изготавливались из тонкого и хорошо отбеленного полотна и чаще всего украшались полосками геометрических узоров красного цвета или сочетания красного и черного цветов на воротниках, манжетах и верхней части рукавов. Ночные рубахи также старались шить из тонкого полотна. В зажиточных семьях верхнюю часть женской сорочки могли делать из ситца или других покупных материалов.

Упоминания о распространенных в Белоруссии безрукавках в Сибири встречались не во всех переселенческих деревнях. По сравнению с ними чаще отмечалось ношение фартуков, которые, как правило, шили из тонкого льняного полотна белого цвета и украшали орнаментом.

Среди юбок в разных деревнях наибольшее распространение имели саяны, сподницы, поневы и андараки. Часто встречавшиеся у белорусских переселенцев Сибири и Дальнего Востока сподницы, как правило, шились из тонкого домотканого холста. Андараки изготавливались из шерстяной ткани и чаще всего имели клетчатый узор. Поневы, имевшие распространение у переселенцев из Могилевской губернии, могли иметь как полотняную, так и шерстяную основу. Саяны чаще имели портяную основу, которая «подтыкалась» шерстью, однако среди выходцев из восточного Полесья встречались описания саянов из льняного полотна. Е.Ф. Фурсова отмечает уникальность упоминания саянов в Сибири, так как они имеют очень древнее происхождение и в XIX в. уже начали выходить из повседневного обихода белорусов [24, с. 231].

Многие зафиксированные нами устные рассказы указывают на то, что в первой половине XX в. женщины по возможности старались шить праздничную одежду из покупных тканей, но они часто были доступны лишь наиболее зажиточным семьям. На Дальнем Востоке переселенцы имели возможность обменивать у китайцев пушнину и другие промысловые товары на ситец и шелк. В воспоминаниях женщин, относящихся к середине XX в., нередко можно встретить рассказы о том, что в то время для молодых девушек важным показателем достатка было наличие хотя бы одного ситцевого платья. Часто их могли донашивать за старшими членами семьи или брать напрокат на праздники. Представительница потомков белорусских переселенцев во втором поколении, проживавшая в д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл., рассказывала: *«Носили все холщовое, только в праздник ситцевое. Рубаха холщовая, кофта холщовая, юбка холщовая, платья холщовые. Ситцевую одежду надевали на Троицу, на Пасху, до обеда носят, с обеда снимают, уже холщовое наденут»* [15]. Жительница д. Выезжий Лог Манского р-на Красноярского края (1939 г. р.) так описала психологические аспекты отношения подростков ее поколения к традиционной одежде: *«Помню, мама сшила мне из холста платье. У других девочек хоть какая-то одежда осталась от старших. Картошку варили на улице. Из камней такую печечку склади. Варится картошка, и там головешка. Я головешку вытащила, взяла и проткнула это платье, так не хотела в нем ходить. Мне хотелось красивое, ситцевое. После этого мама поставила мне заплату, и я с этой заплаткой его все равно носила»* [14].

К наиболее распространенным видам верхней одежды белорусов относят изготовленную из домотканого сукна свиту (свитку, сермягу и др.) и овчинный тулуп – кожих [20, с. 102]. При этом следует иметь в виду, что в разных регионах Белоруссии одинаковая по покрою и материалу верхняя одежда часто имела разные названия [10, с. 152]. По отношению к верхней межсезонной одежде, близкой по типологии к свите, потомки белорусских переселенцев чаще использовали такие характерные для русских старожилов назва-

ния, как шабур и зипун. В Викуловском р-не Тюменской обл. наиболее часто встречались шабуры с льняной основой, вытканной шерстью. На территории Сибири у белорусов со временем все чаще стали получать распространение меховые шубы, полушубки и тулупы из овчины, принципы изготовления которых заимствовались у русского старожильского населения. При этом мужская и женская верхняя одежда белорусов, как правило, не имела существенных различий. Исключение могли составлять лишь длина, цвет и наличие декоративного оформления некоторых видов верхней женской одежды. Рукавицы, носки и чулки вязали из овечьей шерсти.

Головной убор являлся важным элементом одежды, который идентифицировал возрастную группу и семейное положение женщины. Девушки часто ходили с непокрытой головой. Замужние женщины обязательно покрывали голову платком или намиткой, а также нередко носили чепцы. В разных регионах Сибири и Дальнего Востока можно встретить рассказы о том, что к середине XX в. наиболее распространенными женскими головными уборами оставались платки. Во многих переселенческих деревнях их называли белорусским словом «хустка». Особенно стойким употреблением этого названия было у выходцев из центральных и западных регионов Белоруссии, тогда как некоторые переселенцы из восточного Полесья наряду с ним изначально использовали русское слово «платок». В случае отсутствия покупных тканей, летние платки шили из тонкого домотканого полотна. Зимой женщины носили шерстяные платки и шали. В большинстве обследованных деревень меховые шапки зимой носили только мужчины. Чаще всего их делали из овечьей, реже – из собачьей шерсти. Охотники могли изготавливать шапки из меха пушных зверей.

Большой интерес представляет изучение процессов трансформации традиционной обуви белорусских переселенцев. Во многих случаях их можно рассматривать в качестве важных маркеров адаптации и межэтнических взаимодействий. Наиболее распространенным видом обуви у белорусских крестьян были лапти. Исключение составляли выходцы из отдельных районов Гродненской губернии, в которых на момент переселений широ-

кое распространение получила примитивная кожаная обувь наподобие русских поршней, имевшая названия «ходаки» или «хвилянки» [10, с. 179]. В воспоминаниях некоторых переселенцев сохранились рассказы о том, что при выборе нового места для жизни их предкам было важно наличие поблизости липы для изготовления лаптей. В случае отсутствия липового лыка переселенцы делали лапти из лозы или бересты. Веревоочные лапти из льна называли чунями. На территории Белоруссии такие виды лаптей встречались довольно редко, несмотря на их большую устойчивость к сырости. Это было связано со сложностью добывания и обработки бересты и экономией льна [10, с. 178]. Жители д. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. первоначально плели березовые лапти, которые не отличались большой надежностью: «*Батька сплетет лапти, пойдут на покос, а оттуда вечером уже идут босые. Порвутся*» [16]. Под лапти на ноги надевались онучи, представлявшие собой квадратный кусок домотканого холста.

В отличие от белорусских переселенцев, представители русского старожильского населения Сибири предпочитали носить кожаную обувь [27, с. 145]. Благодаря этому различию у старожилов по отношению к переселенцам сформировался этнокультурный стереотип, в соответствии с которым их называли «лапотниками» или «лапотонами». Более суровые природно-климатические условия, а также бытовые контакты с русским старожильским населением и местными коренными народами способствовали заимствованиям белорусами у них кожаной и меховой обуви. Динамика этих заимствований могла сильно различаться даже в соседних районах. На это указывают материалы, собранные на территории юга Тюменской области. Здесь наиболее ранние упоминания об отказе переселенцев от лаптей можно встретить в описании публициста Н.Е. Петропавловского, которые относятся к 1880-м гг. [6, с. 261]. В то же время во многих переселенческих деревнях Тюменской области и других регионов Сибири нами фиксировались рассказы о том, что их жители продолжали носить лапти вплоть до 1950-х годов.

Кожаную обувь (сапоги, чирки, бродни и др.) белорусские переселенцы, в большин-

стве случаев, заимствовали у русского старожильского населения [21, с. 150]. Валенки первоначально приобретались у старожилов или у переселенцев из северных губерний. Позднее в отдельных деревнях, основанных белорусами, начали появляться собственные пимокаты.

В некоторых случаях заимствования обуви могли происходить и у коренных народов Сибири и Дальнего Востока. По рассказам информантов, на территории Баяндаевского р-на Иркутской обл. ввиду сильных зимних морозов переселенцы стали приобретать у живших поблизости бурят меховые унты. Белорусы, основавшие свои деревни на территории Муниципального р-на им. Лазо Хабаровского края проживали в непосредственной близости от поселений удэгейцев. У последних переселенцы научились выделывать шкуры изюбра и шить из них имевшую распространение у ряда народов Сибири и Дальнего Востока обувь – ичиги. Они имели два варианта: летний (только из кожи) и зимний (с мехом внутри). В ичигах многие переселенцы ходили на охоту и покосы: «...в них тепло, и змея не укусит, и нога дышит» [12].

Пояс являлся одним из важных атрибутов традиционного комплекса одежды белорусских переселенцев. Он выполнял сразу несколько функций: практическую, символическую, магическую, апотропейную, этическую, знаковую и эстетическую [1]. Белорусские переселенцы изготавливали пояса из льняного волокна, шерсти и кожи. В рассказах потомков переселенцев сохранились воспоминания о том, что подаренный невестой жениху пояс являлся символом верности будущих супругов: «Родители только познакомились, а отца отправили с японцами воевать. Мама ему пояс подарила в зарок. Она его год ждала. После ранения его отправили обратно, и они поженились» [13]. Как и у других восточных славян, у белорусских мужчин считалось нарушением этической нормы выйти из дома неподпоясанным.

Проникновение в повседневный обиход белорусских переселенцев одежды фабричного производства происходило неравномерно и во многом зависело от достатка отдельных семей, близости крупных городов и ряда других социально-экономических факторов. Пер-

воначально переселенцы покупали не готовую одежду, а лишь ткани промышленного производства для ее изготовления. Несмотря на то что отдельные виды покупной одежды были доступны еще для первого поколения наиболее зажиточных переселенцев, сложное экономическое положение многих крестьянских семей в годы коллективизации, Великой Отечественной войны и послевоенное время существенно сдерживало возможности для ее приобретения.

Результаты. Анализ полевых материалов, собранных в разных регионах Сибири и Дальнего Востока, указывает на то, что традиционные виды одежды белорусских крестьян-переселенцев продолжали играть важную роль в их бытовой культуре в период с конца XIX в. до середины XX века. За этот отрезок времени традиционный комплекс одежды белорусов претерпел на новом месте ряд трансформаций, связанных с необходимостью адаптации переселенцев к иным природно-климатическим условиям, заимствованиями у нового этнического окружения, а также общими процессами модернизации жизненного уклада. В связи с суровыми природно-климатическими условиями азиатской части России наиболее динамичным изменениям подвергались зимняя верхняя одежда и обувь, более практичные образцы которой перенимались у русских старожилов или представителей местных коренных народов.

Заметное влияние на степень сохранности исходного комплекса одежды белорусских переселенцев в этот период оказывали особенности их этнокультурной идентичности. Традиционные виды одежды, привнесенные из мест выхода, наиболее стойко сохранялись в местах гомогенного проживания переселенцев. Примерами этого могут служить кусты деревень, основанные выходцами из Белоруссии на территории Викуловского р-на Тюменской обл., Баяндаевского и Тайшеского р-нов Иркутской обл. и др. В случаях дисперсного проживания с высокой долей смешанных браков переселенцы быстрее перенимали прототипы одежды, присущие новому этническому окружению.

Большинство информантов в своих воспоминаниях называют 1960-е гг. переломным периодом, когда домотканая одежда окончательно

но уступила свою главенствующую роль покупной. На эту ситуацию воздействовали такие факторы, как развитие сети государственной розничной торговли, повышение благосостояния, пространственной и социальной мобильности сельских жителей СССР. Также на этот процесс оказало влияние изменение ценностных ориентаций сельской молодежи, для которой все более значимыми становились бытовые стандарты, характерные для городской жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено по госзаданию ТюмНЦ СО РАН, проект № АААА-А17-117050400150-2.

The research is carried out within the state task of Tyumen Scientific Centre SB RAS, project No. АААА-А17-117050400150-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурун, А. К. Пояс (к семиотике вещей) / А. К. Байбурун // Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб. : Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1992. – С. 5–13.
2. Белявина, В. Н. Белорусский костюм / В. Н. Белявина, Л. В. Ракова. – Минск : Беларусь, 2017. – 463 с.
3. Жигунова, М. А. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского / М. А. Жигунова, И. В. Захарова. – Омск : Наука, 2009. – 266 с.
4. Жигунова, М. А., Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность / М. А. Жигунова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3 (9). – С. 136–145.
5. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
6. Каронин, С. (Н. Е. Петропавловский). По Иртышу и Тоболу (фрагмент) / С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) // Ишим и литература. Век XIX. Очерки по литературному краеведению и текстур-раритеты. – Ишим : Изд-во Ишим. гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова, 2004. – С. 261–262.
7. Маленко, Л. И. Белорусский костюм XIX–XX вв. / Л. И. Маленко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 140 с.
8. Маслова, Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. / Г. С. Маслова // Восточнославянский этнографический сборник. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – С. 543–757.
9. Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. / Г. С. Маслова. – М. : Наука, 1984. – 216 с.
10. Молчанова, Л. А. Материальная культура белорусов / Л. А. Молчанова. – Минск : Наука и техника, 1968. – 232 с.
11. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытъя в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Губерн. тип., 1895. – 458 с.
12. Полевая запись 2014 г. Р. Ю. Федорова в с. Полетное, Муниципальный район им. Лазо Хабаровского края. Инф. женщина, 1958 г. р. // Личный архив Р. Ю. Федорова.
13. Полевая запись 2016 г. Р. Ю. Федорова в д. Заган Свободненского р-на Амурской обл. Инф. женщина, 1940 г. р. // Личный архив Р. Ю. Федорова.
14. Полевая запись 2017 г. Р. Ю. Федорова в д. Выезжий Лог Манского р-на Красноярского края. Инф. женщина, 1939 г. р. // Личный архив Р. Ю. Федорова.
15. Полевая запись 2018 г. Р. Ю. Федорова в д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл. Инф. женщина, 1923 г. р. // Личный архив Р. Ю. Федорова.
16. Полевая запись 2018 г. Р. Ю. Федорова в д. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. Инф. женщина, 1929 г. р. // Личный архив Р. Ю. Федорова.
17. Романов, Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8–9. Быт белоруса. Словарь условных языков / Е. Р. Романов. – Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1912. – 723 с.
18. Романюк, М. Ф. Белорусская народная одежда / М. Ф. Романюк. – Минск : Беларусь, 1981. – 473 с.
19. Стрельцова, И. В. Пояс в системе традиционной культуры украинцев и белорусов в Приморье в конце XIX – начале XX в. / И. В. Стрельцова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4 (30). – С. 61–68.
20. Титов, В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. / В. С. Титов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 152 с.
21. Федоров, Р. Ю. Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: маркеры идентичности / Р. Ю. Федоров, Л. А. Аболина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 4 (43). – С. 147–155.
22. Фурсова, Е. Ф. Трансформации традиционной женской одежды белорусов в Сибири начала XX века / Е. Ф. Фурсова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2008. – Т. 14. – С. 375–379.

23. Фурсова, Е. Ф. Трансформация традиционной одежды белорусов в Сибири / Е. Ф. Фурсова // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 294–321.

24. Фурсова, Е. Ф. Традиционная одежда русского и других восточнославянских народов юга Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века) / Е. Ф. Фурсова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 296 с.

25. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3 / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1902. – 535 с.

26. Шелегина, О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. / О. Н. Шелегина. – Новосибирск : Наука, 1992. – 256 с.

27. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX вв. / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1981. – 270 с.

REFERENCES

1. Bajburin A.K. Poyas (k semiotike veshchej) [Belt (To Semiotics of Things)]. *Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoj Evropy* [From the Cultural Heritage of the Peoples of Eastern Europe]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 5-13.

2. Belyavina V.N., Rakova L.V. *Belorusskij kostyum* [Belarusian Suit]. Minsk, Belarus' Publ., 2017. 463 p.

3. Zhigunova M.A., Zaharova I.V. *Kul'tura vostochnyh slavyan v kollekcijah Muzeya arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo* [Culture of East Slavs in the Collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Omsk State University Named After F.M. Dostoevsky]. Omsk, Nauka, 2009. 266 p.

4. Zhigunova M.A. *Vostochnoslavyanskoe naselenie v Sibiri: etnokul'turnaya istoriya i identichnost'* [East Slavic Population in Siberia: Ethnocultural History and Identity]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies], 2015, no. 3 (9), pp. 136-145.

5. Zelenin D.K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [Ethnography of East Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p.

6. Karonin S. (N.E. Petropavlovskij). *Po Irtyshu i Tobolu (fragment)* [Across Irtysh and Tobol (Fragment)]. *Ishim i literatura. Vek XIX. Ocherki po literaturnomu kraevedeniyu i teksty-raritety* [Ishim and Literature. Century 20. Essays on Literary Local History and Text-Rarities]. Ishim, Izd-vo Ishimskogo gos. ped. instituta im. P.P. Ershova, 2004, pp. 261-262.

7. Malenko L.I. *Belorusskij kostyum XIX–XX vv.* [Belarusian Suit of the 19–20th centuries]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2006. 140 p.

8. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda russkih, ukraincev i belorusov v XIX – nachale XX vv.* [Folk Clothes of Russians, Ukrainians and Belarusian in the 19th and Early 20th Centuries]. *Vostochnoslavyanskij etnograficheskij sbornik* [East Slavic Ethnographic Collection]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956, pp. 543-757.

9. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavyanskikh tradicionnyh obychayah i obryadah XIX – nachala XX vv.* [Folk Clothing in East Slavic Traditional Customs and Rites of the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 216 p.

10. Molchanova L.A. *Material'naya kul'tura belorusov* [Material Culture of Belarusians]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1968. 232 p.

11. Nikiforovskij N.Ya. *Ocherki prostonarodnogo zhit'ya-byt'ya v Vitebskoj Belorussii i opisaniye predmetov obihodnosti* [Essays of Ordinary Living Life in Vitebsk Belarus and Description of Objects of Life]. Vitebsk, Gubernskaya tipografiya, 1895. 458 p.

12. Plevaya zapis 2014 g. R.Yu. Fedorov v s. Poletnoe, Municipal'nyj rajon im. Lazo Habarovskogo kraja. Inf. zhenshchina, 1958 g. r. [Field Record of 2014 made by R.Yu. Fedorov in Poletnoe Village of Lazo Municipal District of Khabarovsk Krai. Informant Woman, 1958]. *Lichnyy arkhiv R.Yu. Fedorova* [Personal Archive of R.Yu. Fedorov].

13. Plevaya zapis 2016 g. R.Yu. Fedorov v d. Zagan Svobodnenskogo r-na Amurskoj obl. Inf. zhenshchina, 1940 g. r. [Field Record of 2016 Made by R.Yu. Fedorov in Zagan village of Svobodnyj District of Amur Oblast. Informant Woman, 1940]. *Lichnyy arkhiv R.Yu. Fedorova* [Personal Archive of R.Yu. Fedorov].

14. Plevaya zapis 2017 g. R.Yu. Fedorov v d. Vyezzhij Log Manskogo r-na Krasnoyarskogo kraja. Inf. zhenshchina, 1939 g. r. [Field Record of 2017 Made by R.Yu. Fedorov in Vyezzhij Log Village of Mansky District of Krasnoyarsk Krai. Informant Woman, 1939]. *Lichnyy arkhiv R.Yu. Fedorova* [Personal Archive of R.Yu. Fedorov].

15. Plevaya zapis 2018 g. R.Yu. Fedorov v d. Ermaki Vikulovskogo r-na Tyumenskoj obl. Inf. zhenshchina, 1923 g. r. [Field Record of 2018 Made by R.Yu. Fedorov in Ermaki Village of Vikulovsky District of Tyumen Oblast. Informant Woman, 1923]. *Lichnyy arkhiv R.Yu. Fedorova* [Personal Archive of R.Yu. Fedorov].

16. Plevaya zapis 2018 g. R.Yu. Fedorov v d. Cherchet Tajshetskogo r-na Irkutskoj obl. Inf. zhenshchina, 1929 g. r. [Field Record of 2018 Made by R.Yu. Fedorov in Cherchet village of Taishet District of Irkutsk Oblast. Informant Woman, 1929]. *Lichnyy*

arkhiv R.Yu. Fedorova [Personal Archive of R.Yu. Fedorov].

17. Romanov E.R. *Belorusskij sbornik. Vyp. 8–9. Byt belorusa. Slovar' uslovnyh yazykov* [Belarusian collection. Iss. 8–9. Life of the Belarusian. Dictionary of Conditional Languages.]. Vil'na, Tipografiya A.G. Syrkina, 1912. 723 p.

18. Romanyuk M.F. *Belorusskaya narodnaya odezhdha* [Belarusian National Clothes]. Minsk, Belarus' Publ., 1981. 473 p.

19. Strel'cova I.V. Poyas v sisteme tradicionnoj kul'tury ukraincev i belorusov v Primor'e v konce XIX – nachale XX v. [Belt in the System of Traditional Culture of Ukrainians and Belarusians in Primorye at the End of XIX – the Beginning of the 20th century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East], 2014, no. 4 (30), pp. 61–68.

20. Titov V.S. *Istoriko-etnograficheskoe rajonirovanie material'noj kul'tury belorusov: XIX – nachalo XX v.* [Historical and Ethnographic Zoning of Belarusian Material Culture: XIX – Early XX Century]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1983. 152 p.

21. Fedorov R.Yu., Abolina L.A. Nekotorye osobennosti material'noj kul'tury belorusskih pereselencev Bratskogo rajona Irkutskoj oblasti: markery identichnosti [Material Culture of Belarusian Migrants in the Bratsk District: Identity Markers]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2018, no. 4 (43), pp. 147–155.

22. Fursova E.F. Transformacii tradicionnoj zhenskoy odezhdy belorusov v Sibiri nachala XX veka [Transformations of Traditional Women's Clothes of

Belarusian People in Siberia in the Beginning of 20 Century]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories], 2008, no. 14, pp. 375–379.

23. Fursova E.F. Transformaciya tradicionnoj odezhdy belorusov v Sibiri [Transformation of Traditional Clothing of Belarusian People in Siberia]. *Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformacii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: The Preservation and Transformation of Ethnic Culture]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2011, pp. 294–321.

24. Fursova E.F. *Tradicionnaya odezhdha russkogo i drugih vostochnoslavyanskikh narodov yuga Zapadnoj Sibiri (konec XIX — pervaya tret' XX veka)* [Traditional Clothes of Russian and Other East Slavic Peoples of Southern Western Siberia (Late 19th – First Third of 20th Century)]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2015. 296 p.

25. Shejn P.V. *Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya Severo-Zapadnogo kraja* [Materials for Studying the Life and Language of the Russian Population of the North-West Region]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1902, vol. 3. 535 p.

26. Shelegina O.N. *Oчерки material'noj kul'tury russkikh krest'yan Zapadnoj Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [Essays of the Material Culture of Russian Peasants of Western Siberia in the 18th – the First Half of the 19th Centuries.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 256 p.

27. *Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XIX vv.* [Ethnography of the Russian Peasantry of Siberia XVII – the Middle of the 19th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 270 p.

Information About the Author

Roman Yu. Fedorov, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Malygina St, 86, 625026 Tyumen, Russian Federation, r_fedorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Информация об авторе

Роман Юрьевич Федоров, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН, ул. Малыгина, 86, 625026 г. Тюмень, Российская Федерация, r_fedorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

www.volsu.ru

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

UDC 94(470+571)“1701”:327

LBC 63.3(2)511–6

Submitted: 25.08.2020

Accepted: 30.09.2020

“SEND FOR HIS GREAT SOVEREIGN AFFAIRS...”: EMBASSY OF D.M. GOLITSYN TO THE SUBLIME PORTE IN 1701

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of RAS, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In January 1701, Prince D.M. Golitsyn was sent to Sultan Mustafa II for ratification of the Peace Treaty of Constantinople (July 3, 1700). He became the first Petrine diplomat sent to the Sublime Porte with the rank of grand ambassador. *Methods and materials.* The comprehensive study of archival sources (Russian State Archive of Ancient Acts), comparison of the data they contain with published materials make it possible to analyze the mission of Golitsyn in the context of the policy of Peter I towards the Ottoman Empire in the early 18th century. *Analysis.* Due to the hostilities by Narva, the dispatch of the embassy was delayed. The ambassador delivered the ratification of the peace treaty five months later than the agreed date. Golitsyn was the first Russian diplomat to wear a French dress during ceremonies at the Ottoman court. Besides, he not only followed the established ambassadorial custom, but also took into account the experience of his Western European colleagues. In addition to the ratification, Golitsyn had other tasks, the main of which was the conclusion of a trade agreement with the Sublime Porte. The conditions on which the ambassador was supposed to sign the agreement were fixed in a special instruction. The analysis of that instruction and reports of the ambassador showed that for Peter I the priority was not the development of mutually beneficial trade with the Ottoman Empire, but the opportunity to withdraw his fleet from the Azov to the Black Sea. Delivery of goods by Turkish ships or by dry route was considered only as an addition to the Russian Black Sea shipping. The conditions set in the instruction did not give to Golitsyn the opportunity to negotiate with the Sublime Porte, which categorically prohibited the entry of European ships into the Black Sea. *Results.* The sending of a grand ambassador by the tsar to the Ottoman sultan marked the transition of relations between the two states to a new level. Besides, a precedent was created for the reception of high-ranking Peter’s diplomats by the Sublime Porte.

Key words: Russian-Turkish relations, Peter the Great, D. Golitsyn, diplomacy, ratification of the Treaty of Constantinople (1700), trade agreement.

Citation. Bazarova T.A. “Send for His Great Sovereign Affairs...”: Embassy of D.M. Golitsyn to the Sublime Porte in 1701. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 194-206. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

УДК 94(470+571)“1701”:327

ББК 63.3(2)511–6

Дата поступления статьи: 25.08.2020

Дата принятия статьи: 30.09.2020

«ПОСЛАТЬ ДЛЯ СВОИХ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ДЕЛ...»: ПОСОЛЬСТВО Д.М. ГОЛИЦЫНА К ВЫСОКОЙ ПОРТЕ В 1701 ГОДУ

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Базарова Т.А., 2021

Аннотация. *Введение.* В январе 1701 г. для ратификации Константинопольского мирного договора (3 июля 1700 г.) к султану Мустафе II был отправлен князь Д.М. Голицын (1665–1737). Он стал первым петровским дипломатом, направленным в Османскую империю в ранге посла. *Методы и материалы.* Комплексное исследование архивных источников (РГАДА), сопоставление содержащихся в них данных с опубликованными материалами дают возможность проанализировать миссию Д.М. Голицына в контексте политики Петра I по отношению к Османской империи в начале XVIII века. *Анализ.* Из-за военных действий под Нарвой отправка посольства задержалась. Д.М. Голицын во время церемоний при османском дворе первым из русских дипломатов надел французское платье. Он также не только следовал устоявшемуся посольскому обычаю, но и учитывал опыт своих западноевропейских коллег. Ратификацию мирного договора посол доставил на пять месяцев позже оговоренного срока. Помимо ратификации Д.М. Голицын имел другие задания, главным из которых было заключение договора о торговле с Высокой Портой. Условия, на которых послу надлежало подписать соглашение, были зафиксированы в особом наказе. Анализ наказа и отчетов посла показал, что для Петра I приоритетом на переговорах являлось не развитие взаимовыгодной торговли с Османской империей, а возможность вывести свой флот из Азовского в Черное море. Доставка товаров на турецких судах или сухим путем рассматривались только как дополнение к русскому черноморскому судоходству. Поставленные в наказе условия не дали Д.М. Голицыну возможности вести переговоры с Высокой Портой, которая категорически запрещала вход европейских судов в Черное море. *Результаты.* Отправка царем к османскому султану великого посла ознаменовала переход взаимоотношений двух государств на новый уровень. Также был создан прецедент приема Высокой Портой петровских дипломатов высокого ранга.

Ключевые слова: русско-турецкие отношения, Петр Великий, Д. Голицын, дипломатия, ратификация Константинопольского мира (1700), торговый договор.

Цитирование. Базарова Т. А. «Послать для своих великого государя дел...»: посольство Д.М. Голицына к Высокой Порте в 1701 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 194–206. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.15>

Введение. Константинопольский мирный договор (3 июля 1700 г.) ознаменовал не только окончание многолетней войны между Россией и Османской империей (1686–1700), но и начало нового этапа взаимоотношений двух государств. Впервые в истории русско-османских отношений царь получил возможность отправить посла на дипломатическое представительство при Высокой Порте¹. Договор зафиксировал условия мирного существования двух соседних держав: размежевание земель, разрушение старых и запрет на строительство новых крепостей близ границы, обязательное урегулирование пограничных конфликтов, возвращение пленных и т. д. [25, № 318, с. 368–378; 26, № 1804, с. 66–72]. Мирные отношения давали возможность развивать взаимовыгодную торговлю. Однако по данному вопросу чрезвычайным и полномочным посланникам Е.И. Украинцеву и И.П. Чередееву (которые вели переговоры в Стамбуле и подписали договор) не удалось прийти к согласию с османскими министрами. Заключение торгового соглашения решили отложить до прибытия в турецкую столицу «торжественного посла» с царской грамотой [25, № 318, с. 376]. В январе 1701 г. к султану Му-

стафе II был отправлен князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737).

Методы и материалы. Биографы князя, как правило, лишь упоминают о его дипломатической миссии в Османской империи². Краткие и отрывочные сведения о поездке Д.М. Голицына содержатся и в трудах исследователей российской внешней политики Петровской эпохи. Как правило, историки уделяли внимание только основной задаче посольства – ратификации мирного договора. По замечанию Н.Г. Устрялова, главный итог миссии Д.М. Голицына состоял в том, что царь окончательно уверился – обострения отношений с османами не будет – и смог уделить основное внимание войне со шведами [41, с. 320–321]. Тем не менее в ряде исследований упоминается и другая проблема, поставленная царем перед своим послом: добиться согласия у Порты на хождение русских кораблей по Черному морю. В XIX – начале XX в. ученые предпринимали попытки проанализировать переговоры князя с Высокой Портой о черноморской торговле и судоходстве в контексте предыстории Восточного вопроса и проблемы Черноморских проливов [13, с. 109–110; 30, с. 58–59; 40, с. 31–35]. После того как

Восточный вопрос потерял актуальность в российской внешней политике, угас и научный интерес к действиям Д.М. Голицына при дворе османского султана. В дальнейшем исследователи русско-турецких отношений лишь упоминали переговоры, отмечая безуспешность попыток князя добиться у Порты разрешения на пропуск русских судов в Черное море [18, с. 252; 20, с. 185; 21, с. 37]. По сути, в отечественной историографии посольство Д.М. Голицына (1701) оказалось в тени двух других русских дипломатических миссий – Е.И. Украинцева (1699–1700) и П.А. Толстого (1702–1710). Деятельность князя как дипломата еще не получила взвешенной оценки в отечественной историографии. Между тем хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва) в фонде 89 (Сношения России с Турцией) статейный список посла, его письма и делопроизводственные материалы Посольского приказа содержат малоизвестные историкам материалы. Комплексное исследование этих источников, сопоставление содержащихся в них сведений, сравнение и дополнение данными из опубликованных документов, как нам представляется, дают возможность проанализировать поездку Д.М. Голицына к Высокой Порте в контексте политики Петра I по отношению к Османской империи после подписания Константинопольского мира и процесса европеизации дипломатического церемониала.

Анализ. 2 августа 1700 г. Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев покинули османскую столицу. Согласно 14-й статье Константинопольского договора, царскую ратификацию надлежало доставить султану не позднее чем через полгода после их отъезда [5, с. 231]. Во время пребывания в Стамбуле посланники докладывали в Посольский приказ и о ходе переговоров, и о шестимесячном сроке доставки ратификации. 9 августа гонцы привезли в Москву список мирного договора [5, с. 267; 6, л. 259]. Через десять дней, 19 августа 1700 г., Петр I объявил войну Швеции и начал собирать войска для похода на Нарву. По-видимому, подготовку нового посольства он решил отложить до возвращения чрезвычайных посланников.

Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев прибыли в Москву 10 ноября и через пять дней пе-

редали в Посольский приказ грамоты султана и великого везира, а также подлинник мирного договора на турецком языке и копию на латыни в запечатанном «яшике, оклееном отласом красным». Вскоре Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев получили указ ехать в Великий Новгород, а оттуда «в полки под Ругодив для его великого государя нужных дел» [15, л. 279; 24, л. 280; 36, л. 283]. Вместе с бывшими посланниками к Петру I вызвали и Д.М. Голицына. В военном лагере государь намеревался выслушать доклад вернувшихся из Стамбула дипломатов и проинструктировать нового посла. Однако, по-видимому, эта поездка не состоялась³. Планам царя помешало поражение от шведов под Нарвой: осенью 1700 г. Петр I готовил к обороне Великий Новгород, куда отступали русские полки.

Очевидно государь вернулся к проблеме ратификации Константинопольского мира только по приезду в Москву – в декабре 1700 г. (то есть когда до истечения определенного договором срока доставки грамоты оставалось уже меньше месяца). 11 декабря в Преображенском Е.И. Украинцев торжественно вручил Петру I привезенные из османской столицы грамоты иерусалимского и константинопольского патриархов. В Стамбул с уведомлением о скором прибытии великого посла отправили старого подьячего Посольского приказа М.Р. Ларионова [2, с. 48]⁴. На следующий день, 12 декабря, после того как царь подписал указ «послать для своих великого государя дел к турскому султану в великих послех» Д.М. Голицына [32, л. 33], в Москве начали снаряжать его отъезд.

По сложившейся традиции служители Посольского приказа сделали выписки из посольских книг, касавшиеся предыдущих посольств к Высокой Порте (в том числе о жаловании послам и их свите, подарках султану, османским министрам, муфти, приграничным пашам и т. д.). Самая ранняя выписка относилась к поездке дворянина И.Г. Кондырева и дьяка Т. Бормосова 1622 г., а последняя – Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева 1699–1700 гг. [7; 8].

Для посольства выбрали опытных служителей приказов и дворян. Вместе с Д.М. Голицыным определили ехать дьяку Макару Полянскому, трем подьячим, а в дворянах – И.А. Тол-

стому, Б.И. Толстому, И.Б. Львову и др. (все-го – пятнадцати)⁵. Послу должны были помогать переводчики – с польского и латинского Семен Лаврецкий (он оставался в Стамбуле после отъезда посланников), греческого и латинского – Андрей Ботвинкин [31; 39]. В мае 1701 г. в Адрианополь (Эдирне) также направили переводчика с греческого и «волоского» Федора Константинова [42]. Переводчика турецкого языка в Посольском приказе не нашлось. В состав посольства включили толмачей Кирилла Панфилова и Ивана Волошанина. При отправлении членам посольства выплатили «подможные деньги»: послу – 3 920 рублей, дьяку – 700 рублей, дворянам – по 120 рублей и т. д. [9, л. 10].

В декабре Посольский приказ подготовил «любительную» и верительную грамоты султану о назначении Д.М. Голицына великим послом [25, № 351, с. 414–415; № 352, с. 416–417]⁶. Помимо царских грамот для посла составили два наказа – явный («большой») и тайный. Первый касался церемониальных вопросов (разъяснял, как себя вести в том или ином случае, чтобы не умалить чести государя) [43]. Статьи тайного наказа преимущественно затрагивали действия после подачи грамот султану и великому везиру [35]. Именно в нем отразились проблемы, волновавшие русское правительство. Ряд из них касался направлений внешней политики османского государства. Так, послу предписывалось проводить, намерен ли султан придерживаться условий заключенных в Карловичах мирных соглашений (1699), поддержать претензии французского короля на испанский престол, выступить походом на Персию и т. д. Другие пункты касались приграничных набегов поданных османского султана на русские земли и нападений запорожцев на греческих торговцев, а также разграничения земель. Д.М. Голицыну надлежало приложить усилия к устранению антирусского влияния на Высокую Порту шведской дипломатии, крымского хана и польских «недоброжелателей». Ему также следовало выявлять, докладывать в Посольский приказ обо всех «зловных ссорах» и наветах (а по возможности и самому противодействовать им), которые могли негативно отразиться на русско-османских отношениях и привести к разрыву мира.

По традиции отправлявшемуся за границу главе дипломатической миссии в ранге великого посла присваивали наместнический титул. Так, Д.М. Голицын стал наместником Смоленским. Князь не имел дипломатического опыта⁷. Первый посол Петра I в Османскую империю начал свою государеву службу с должности комнатного стольника (1686). Затем его зачислили в Преображенский полк; в 1694 г. он стал гвардии капитаном [11, с. 48]. В 1697 г. по государевой воле Д.М. Голицын вместе с другими стольниками покинул Россию, для того чтобы в Венеции и Перасте изучать морское дело и «присмотреться новым воинским искусствам и поведением» [25, № 139, с. 134–135]. Поездка к турецкому султану стала первым ответственным заданием, которое возложил на князя Петр I⁸.

Д.М. Голицын обладал качествами и навыками, которые требовались для главы посольства: знатное происхождение, а также владение итальянским языком и знание европейского этикета. В XVI–XVII вв. русские великие послы к иностранным дворам также не были профессиональными дипломатами (не являлись служащими Посольского приказа). Главой посольства, как правило, становился представитель аристократии (князь или боярин), которого сопровождал «товарищ» – дьяк Посольского приказа [27, с. 37; 44, S. 2]. В чрезвычайной ситуации (болезнь или гибель посла) обязанности главы миссии переходили к дьяку. Отметим, что Посольский приказ отошел от сложившейся традиции. Запасную верительную грамоту подготовили не для дьяка М. Полянского, а для посольского дворянина стольника И.А. Толстого. В случае смерти посла в дороге, к стольнику переходили все полномочия («по указу великого государя то посольство делать ему, Ивану») [12, л. 225 об.; 32, л. 1 об.].

19 января 1701 г. Д.М. Голицын выехал из российской столицы в Стамбул. До конца XVII в. почти все русские посольства следовали «донским путем»: из Москвы на Тулу к Воронежу, где на стругах и лодках спускались по Дону к Черкасскому и Азову. Азовский паша, как правило, предоставлял русским дипломатам корабли до Керчи или Кафы, откуда они продолжали путь в Стамбул [14, с. 4–14]⁹. После завоевания Азова (1696) Петр I наме-

ревался отправлять своих дипломатов и купцов по Черному морю на русских судах, которые продолжали строить на воронежских верфях. Однако появление в Босфоре военного корабля «Крепость», доставившего в Стамбул Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева, и приходившие от шпионов сведения о строительстве флота, а также пристани и крепости на мысе Таганый Рог (Таган-рог) беспокоили Высокую Порту. На переговорах с Е.И. Украинцевым османы категорически отказались принимать царских послов, если они придут по Черному морю¹⁰. Поэтому Д.М. Голицын первым из петровских дипломатов ехал в Стамбул через украинские, польские и молдавские земли (Батулин, Киев, Немиров, Сороку, Яссы) до Галаца в устье Дуная. На подводах везли дары (меха, моржовые клыки и кречетов «в наряде») султану и его матери, великому везиру, муфти, османским министрам, иерусалимскому и константинопольскому патриархам, а также вклады в монастыри – всего на 15 000 рублей [9, л. 10; 28; 32, л. 1–5; 38]. Почти на полтора месяца («за рождением и за наймом подвод») Д.М. Голицыну пришлось задержаться в Киеве [32, л. 2].

2 апреля 1701 г. в польском местечке Цыканевке (близ Сороки) Д.М. Голицына встретил пристав капыджи-баша Мегмет-ага, который имел поручение «с честью» проводить посла до Стамбула [22, л. 459; 32, л. 3 об.]. С этого дня снабжение продовольствием и предоставление транспортных средств для посла и его свиты переходило к османскому государству [3, с. 65]. На следующий день посольство переехало через Днестр. Его приветствовали стрельбой из пушек крепости Сороки, «и встреча была конная и пешая». 12 апреля пристав сообщил Д.М. Голицыну, что султан выехал в Адрианополь, где и будет дана аудиенция [10, л. 461; 32, л. 6 об.].

Торжественный въезд иностранного посольства в резиденцию монарха – важная часть дипломатического церемониала. Он становился первой демонстрацией высокого статуса посла как представителя своего государя. Торжественный въезд рассматривался и в качестве знака оказания чести монарху, отправившему посольство. В османском посольском обычае встрече и проходам посла придавалось боль-

шое значение. По тому, как встречали иностранного дипломата в резиденции султана, по размеру предоставленных покоев и денежного содержания можно было судить о характере отношений между двумя державами [1, с. 28–29; 3, с. 66]. Для того чтобы не нанести урон чести государя, указы и инструкции предписывали царским послам неукоснительно следовать сложившейся традиции въезда и последующих аудиенций у великого везира и султана.

Между тем в 1700 г. русские дипломаты в Стамбуле стали свидетелями прибытия туда посольств других держав Священной лиги, направленных для подписания или ратификации мирных договоров. В своих донесениях в Москву и статейных списках Е.И. Украинцев и С.Ф. Лаврецкий зафиксировали детали въезда в османскую столицу и прибытия на аудиенции к султану и великому везиру европейских чрезвычайных послов [2, с. 52]. Отправленному с аналогичной целью Д.М. Голицыну надлежало «провесть подлинно от верных и желательных стороне великого государя его царского величества людей», как цесарский, польский и венецианский посол «были для подтверждения перемирных своих договоров в Царегороде у салтана турецкого», чтобы настаивать на не менее торжественной церемонии [43, л. 176 об.].

На подъезде к Адрианополу Д.М. Голицын начал готовиться к въезду в резиденцию султана. 19 мая, когда посол находился в четырех станах от города, к нему прибыли переводчик С.Ф. Лаврецкий и подьячий М.Р. Ларионов. Они подтвердили, что султан и правительство находятся в Адрианополе и что «ему, послу, двор изготовлен и на нем полаты многие» [32, л. 9]. Выполняя наказ «не умалить чести» государя, Д.М. Голицын потребовал у пристава, чтобы по примеру предыдущих русских посольств «встреча ему была немалая» и лошадь доставили из султанской, а не везирской конюшни. «А если будет прислана с везирской, то поеду в корете», – пригрозил князь¹¹ [32, л. 9–10].

Торжественный въезд посольства состоялся 21 мая 1701 года. По традиции перед въездом в резиденцию османского султана иностранные послы вместе со своими сопровождающими надевали праздничные, богато украшенные одежды, пересаживались в каре-

ты или на лошадей в нарядных сбруях. Царские дипломаты обряжались в традиционные русские наряды, сшитые из дорогих тканей, отороченные мехом, расшитые золотом и драгоценными камнями. Д.М. Голицын стал первым из русских послов, кто переоделся во французское платье. Именно так для торжественных въездов и визитов в султанский дворец облачались западноевропейские послы (как об этом докладывали в Посольский приказ и Е.И. Украинцев, и С.Ф. Лаврецкий) ¹².

Участники русского посольства образовали длинную кавалькаду, к которой присоединился чауш с 300 сопровождающими и полк янычар. «И посла вели в Адрианополе разными улицами, и смотрелщиков было турок и чюжеземцев многое число» [32, л. 12 об. – 13]. Назначенный Высокой Портой значительный размер денежного содержания («корма») – 150 левков в день – также соответствовал статусу чрезвычайного и полномочного посла дружественной державы [32, л. 15]. Как сообщил в Посольский приказ Д.М. Голицын, «принят я почтением обыкновенным, как у них водитца и других государей послов принимают» [23].

21–23 мая 1701 г. поздравить русского посла с прибытием приходили переводчики английского и голландского послов, а также представитель («резидент») французского посла. 23 мая Д.М. Голицын направил к великому везиру Амджазаде Кепрюлю Хюсейнпаше посольского дворянина И.А. Толстого с официальным сообщением о своем приезде с царской «любительной» грамотой и подарками [32, л. 13–15].

29 мая на встрече С.Ф. Лаврецкого и великого драгомана Высокой Порты грека-фанариота А. Маврокордато обсуждался предстоящий прием посла у султана и великого везира. Переводчик заострил внимание на церемониальных вопросах, которые должны были подчеркнуть высокий статус царского посла (посадит ли великий везир подле себя посла «по древнему своему обычаю, и честь великому послу, как и цесарскому, учинена будет ли», пришлют ли посольским людям 50 лошадей и кафтаны). А. Маврокордато сначала заверял, что Д.М. Голицына примут с такой же честью, как прежних русских послов, а затем, что «честь царского величества по-

слу великому учинитца во всем против цесарского посла» [32, л. 16 об. – 18].

9 июня 1701 г. состоялась аудиенция у великого везира, а 17 июня – вручение грамоты Петра I султану (во время которой были переданы доставленные послом царские «поминок»). Обе церемонии прошли без заметных отклонений от сложившегося посольского обычая, не «уроня чести» государя (от традиции «вырывать» грамоты из рук послов османы давно отказались). Новым стало то, что на аудиенции у великого везира и султана посол, «дворяне и иные чиновные и посольские люди» отправлялись, «убрався ж все во французское платье» [32, л. 41].

Историки петровской дипломатии отмечали ее переходный характер, когда устоявшиеся традиции начали меняться под европейским влиянием. В Петровскую эпоху новые веяния проникали в русский посольский обычай постепенно. Вначале заимствовались внешние элементы дипломатического этикета: одежда, обмен визитами, приемы в посольстве и т. д. [45, р. 341–342; 46, р. 210–211]. Сложившийся в допетровскую эпоху посольский обычай продолжал действовать в отношениях с представителями османской власти [3, с. 26]. Однако, начиная с миссии Д.М. Голицына, русские дипломаты при Высокой Порте уже не только ориентировались на традиции, но и учитывали западноевропейский опыт.

После аудиенции у султана и передачи царских подарков его матери и женам начался процесс перевода ратификационной грамоты султана на латынь, а затем на русский язык ¹³. В те дни, когда велась проверка перевода грамоты и сверка с пунктами Константинопольского договора, Д.М. Голицын попытался выполнить и другие задачи.

Согласно наказу, ему следовало вручить султану, великому везиру и муфти царские грамоты о передаче святых мест под контроль греков, православных подданных османского государства. Еще в 1689 г., во время войны со Священной лигой, султан Сулейман II пошел на уступку дружественной ему Франции, передав значительную часть палестинских святых мест под контроль католиков [16, с. 290–299]. В 1694 г. цари Иоанн и Петр Алексеевичи пообещали иерусалимскому патриарху Досифею II содействовать возвращению святых мест грекам

[16, с. 307–308]¹⁴. По просьбе Досифея русское правительство намеревалось вынести этот вопрос на повестку дня мирных переговоров. В 1699 г. Е.И. Украинцеву были даны соответствующие указания. Однако в Стамбуле А. Маврокордато обратил внимание посланника, что проблемы святых мест и положения православных подданных касаются внутренних дел Османской империи и не имеют отношения к мирному договору, и Е.И. Украинцев не стал настаивать. А. Маврокордато также порекомендовал отправить султану особую царскую грамоту [5, с. 159–161].

Д.М. Голицын получил наказ действовать по вопросу передачи грамот о Гробе Господнем «с согласия с патриархом». Однако посол не последовал совету Досифея вручить грамоту на первой аудиенции у султана (чтобы не поставить под угрозу выполнение своей основной задачи). Вначале он решил посетить великого везира и муфти, узнать их мнение и по возможности заручиться поддержкой [32, л. 47 об. – 48].

28 июня состоялся «приватный» визит посла к великому везиру, а 5 июля – к муфти, во время которых князь затронул проблему возвращения святых мест грекам. Согласно посольскому наказу, Д.М. Голицын подчеркивал: «Великий государь мой не просит ни в державу царствия своего, ни подданным и желает, чтоб было у подданных салтанова величества у греков» [32, л. 79 об.]. Однако этот аргумент не произвел должного впечатления. Для Высокой Порты важно было сохранить доброжелательные отношения с католическими державами, в первую очередь с Францией (своим многолетним союзником). Великий везир и муфти лишь пообещали доложить султану. В августе Д.М. Голицын получил официальный ответ: Высокая Порта не намерена обсуждать этот вопрос, поскольку он является внутренним делом Османской империи [32, л. 122–122 об.].

7 августа состоялась последняя аудиенция у Мустафы II, на которой Д.М. Голицын передал царскую грамоту о Гробе Господнем и святых местах и получил «любительную» и подтвердительную грамоты. Таким образом, процесс обмена ратификациями завершился. После этого настал черед обсудить проблему торговли.

Впервые о разрешении русским торговым кораблям ходить «до Царяграда и до иных черноморских пристаней» Д.М. Голицын заговорил 16 августа на обеде у великого везира («и в бытность ево, великого посла, у него, великого везира, была потеха многая и музыка»). Однако Хюсейн-паша отказался от обсуждения, сославшись на неподходящую для такого серьезного дела ситуацию [32, л. 100–100 об.].

Через два дня посол узнал решение Дивана. Высокая Порта была «с радостию» готова заключить договор о торговле, однако морской путь для русских судов «никоими меры не отворитца». «И лутше бы салтану отворить путь видети дом свой салтанской, нежели оказать путь ходу московским кораблям на Чорном море». В случае необходимости русские торговые люди (по примеру купцов других государств) могли доставлять свои товары на османских судах. Царским послам также запрещалось «ходить кораблями в Царьград» [32, л. 107–107 об.].

Высокая Порта была готова подписать торговое соглашение с Россией, сходное с договорами, заключенными с другими державами. Однако доставку товаров по суше царь рассматривал только как дополнение к морскому пути. Д.М. Голицыну следовало настаивать на обсуждении условий русского черноморского судоходства, сулящего подданным обоих государств «немалые ис того прибитки». Послу предписывалось добиваться разрешения не только на развитие морской торговли через Азов, но и на наличие на русских судах «для обороны пушек и служилых людей от нападения разбойников» [12, л. 220 об. – 224]. Данное условие было связано с идеей Петра I использовать азовский флот для развития международной торговли [5, с. 157]. В свою очередь, османских министров встревожил отказ русского посла обсуждать торговое соглашение на условиях, которые ранее были высказаны Е.И. Украинцеву и И.П. Чередееву. Упорное стремление царя ввести свои корабли в Черное море вызывало подозрение, и османы начали сомневаться в намерении Петра I соблюдать только что ратифицированный договор.

28 августа патриарх Досифей посоветовал послу больше не поднимать вопрос о черноморском судоходстве, чтобы не создавать

угрозы мирному соглашению¹⁵. Во время личной встречи патриарх рассказал Д.М. Голицыну о намерении турок «из Азовского моря в Черное море ход пересыпать и на том месте сделать крепости многие», поскольку Высокая Порта опасалась русского военного флота [32, л. 119–119 об.]. Таким образом посол (которому инструкция предписывала следовать советам Досифея) получил предлог более не поднимать вопрос о черноморской торговле. Отказ от дальнейших попыток не по личной инициативе, а по совету патриарха мог оградить Д.М. Голицына от гнева царя за нерадивое выполнение поручения.

Итак, послу не удалось начать официальные переговоры по данному вопросу. Действия князя ограничились предварительными беседами с великим везиром и рейс-эфенди. Причиной неудачи стали не неопытность князя как дипломата или нежелание османов подписывать торговый договор. Выдвинутые Петром I условия не учитывали твердость позиции Высокой Порты, поэтому задача была изначально невыполнима. Попытка действовать «напролом», рассчитывая только на потепление отношений с южным соседом, наступившее после ратификации мира, была обречена на неудачу. Основное условие царя для заключения торгового договора – черноморское судоходство – являлось для османского правительства неприемлемым. По мнению В.А. Уляницкого, запрет европейским судам входить в Черное море основывался только на политических соображениях: Высокая Порта рассматривала его как внутреннее море Османской империи; интерес же России к морю был экономическим [40, с. 37]. Между тем анализ посольских инструкций показывает, что и для Петра I проблема черноморского судоходства также носила политический характер.

После того как османские министры убедились в том, что русский посол не намерен обсуждать договор о торговле по суше, ему предложили собираться в обратную дорогу [32, л. 123]. По-видимому, ранее Д.М. Голицын обратился к Высокой Порте с просьбой позволить посетить Стамбул. 5 сентября переводчик Н. Маврокордато сообщил послу, что султан разрешил ему ехать в османскую столицу «для осмотра мест» в сопровождении 15 osób «и жить указал инкогнито». 7 сен-

тября князь покинул Адрианополь, где провел три с половиной месяца. На следующий день он оставил продолживший путь в Россию обоз и поехал в Стамбул [32, л. 123–124].

14 сентября посол «инкогнито» прибыл в османскую столицу. Высокая Порта предоставила ему двор и назначила охрану («И поставлен был на дворе, где стоял чрезвычайной посланник Емельян Игнатьевич Украинцов»). На караул у посольского двора определили чорбаджи («чюрбачей») с сотней янычар. По прибытии князь отправил дьяка М. Полянского к каймакаму¹⁶, который был «оставлен в Цареграде вместо везира» [32, л. 125 об.]. Каймакам просил Д.М. Голицына предварительно уведомлять, какие места и когда тот собирается осматривать. «И жил великой посол инкогнито, и хадил по турции, и ездил смотреть домов салтанских и садов, и по рядам ходил, и на Галате был, где живут и европейе, и у них в домах был же». Д.М. Голицын также осмотрел Арсенал и пущечный двор [32, л. 126, 127 об.]. В Стамбуле посол встречался с константинопольским патриархом и с давним русским доброжелателем «венецианином» С.Л. Владиславичем-Рагузинским. Тот представил послу своих племянников («лет по 15»), которые владели несколькими европейскими языками, и предложил принять отроков, когда те подрастут, переводчиками на царскую службу (а пока учатся, определить из казны «корм») [32, л. 142].

Следуя наказу, Д.М. Голицын попытался установить контакты с западноевропейскими дипломатами. Он их известил, что прибыл инкогнито, поэтому возможен обмен только частными визитами. Надо полагать, что в связи с этим дипломаты решили отказаться от визитов. 30 сентября Д.М. Голицын выехал из Стамбула и отправился обратно в Москву [32, л. 129а].

Результаты. В начале XVIII в. Россия и Османская империя были заинтересованы в ратификации Константинопольского договора (хотя и не были целиком удовлетворены его условиями) и дальнейшем поддержании мирных отношений. Отправка царем к османскому султану великого посла ознаменовала переход взаимоотношений двух государств на новый уровень. Был создан прецедент приема Высокой Портой петровских дипломатов вы-

сокого ранга. Основная цель Д.М. Голицына – обмен ратификационными грамотами – была достигнута.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первым постоянным дипломатическим представителем стал Петр Андреевич Толстой (1645–1729), вручивший верительные грамоты султану Мустафе II в 1702 году.

² Время наивысшего развития карьеры Дмитрия Михайловича Голицына пришлось на вторую четверть XVIII века. В 1726–1730 гг. он был членом Верховного тайного совета и инициатором попытки ограничения самодержавия Анны Иоанновны [4, с. 74–75; 11; 17, с. 48–49].

³ Нам не удалось найти упоминаний ни в литературе, ни в источниках.

⁴ С. Лаврецкий сообщил М. Ларионову, что «о прошедшем шестимесячном сроке неприбытия в Царьгород великого посольства, и что он, гонец, на тот срок не поспел, не токмо меж народом, но и у великих и у знатных людей переговору никакого ни от кого отнюдь не бывало и не слышно» [34, л. 38 об.]. По-видимому, такие известия из Стамбула позволяли руководству Посольского приказа рассчитывать, что задержка доставки ратификации останется без негативных последствий. Д.М. Голицын привез ратификацию почти на пять месяцев позже указанного в Константинопольском договоре срока.

⁵ Список дворян несколько раз уточняли. Как оказалось, одни находилось в действующей армии в дивизии А.И. Репнина, другие, не желая ехать, скрывались. С.Т. Клокачеву, М.М. Самарину, И.П. Бунакову, Л.С. Хитрово пригрозили конфискацией вотчин и поместий [37, л. 78].

⁶ Документ опубликован без точной даты. В тексте грамоты султану упоминается, что царь получил мирный договор от Е.И. Украинцева 11 декабря 1700 г. [25, с. 414]. Вероятно, данное обстоятельство должно было объяснять задержку с отправлением великого посла.

⁷ В 1681–1682 гг. в Стамбуле побывал дьяк П.Б. Возницын. Вместе с послом И.И. Чириковым он должен был получить у султана подтверждение Бахчисарайского договора (1681), заключенного Россией и Крымским ханством. П.Б. Возницын возглавил посольство после смерти И.И. Чирикова на Дону [29, т. 2, с. 166–167].

⁸ Поездка повлияла и на дальнейшее развитие карьеры князя. В течение долгих лет служба Д.М. Голицына проходила на юге России. В 1707–1708 гг. князь (как ранее и его отец Михаил Андреевич) был управляющим Белгородским разрядом и киевским воеводой, а в 1711–1718 гг. – киевским гу-

бернатором [11]. В круг его обязанностей входила оборона рубежей и осуществление почтовой связи между Москвой и Стамбулом. Через Киев ездили русские и иноземные купцы и курьеры. Д.М. Голицын переписывался с русскими послами при Высокой Порте и Посольским приказом, передавал известия, полученные им от торговых людей и шпионов.

⁹ Н.А. Смирнов отметил, что первым через Азов проследовало посольство В.А. Коробова (1515), а последним – Е.И. Украинцева (1699) [29, т. I, с. 75].

¹⁰ Д.М. Голицын получил наказ добиваться того, чтобы следующие русские послы прибывали в Стамбул на русских судах по Черному морю [12, л. 225 об. – 226].

¹¹ Согласно османскому посольскому обычаю, въезд иноземного посла в резиденцию не верхом, а в карете был неприемлем, так как наносил урон чести султана.

¹² Отметим традиционное одевание польского посла: «кафтан суконной алой на соболях, шапка соболем суконная алая з запаную и с пером алмазным». Однако часть свиты была в западноевропейском платье [33, л. 736–737].

¹³ Перевод на латынь выполнял А. Маврокордато, а на русский язык – переводчики Д.М. Голицына.

¹⁴ В 1692 г. подьячий Василий Айтемиров, отправленный послом в Крым, предъявил требование о возвращении османами святых мест грекам [19, с. V].

¹⁵ Досифей сообщил о намерении турок засыпать керченское гирло, чтобы перегородить путь русским судам («турки зело того флота опасуютца») [32, л. 119–119 об.]. В 1702 г. разузнать об этом будет поручено П.А. Толстому.

¹⁶ Каймакам, каймакан – заместитель, временно исполняющий обязанности; здесь – государственный сановник, исполняющий обязанности великого везира в его отсутствие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева, О. Г. Дипломатический церемониал императорской России: XVIII век / О. Г. Агеева. – М. : Новый Хронограф, 2013. – 928 с.

2. Базарова, Т. А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 гг. / Т. А. Базарова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 8: История. – С. 45–56. – DOI : 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56.

3. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе : Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : (Исследование и

- тексты) / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.
4. Бантыш-Каменский, Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 2 : Г–И / Д. Н. Бантыш-Каменский. – СПб. : Тип. С. Селиванского, 1836. – 459 с.
 5. Богословский, М. М. Петр I : Материалы для биографии. Т. V : Посольство Е.И. Украинцева в Константинополь: 1699–1700 / М. М. Богословский. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2007. – 335 с.
 6. Выписка из отчета Е.И. Украинцева, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 259–261.
 7. Выписки для доклада, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 50–52 об.
 8. Выписки из посольских книг, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 1–14 об.
 9. Выписки из посольских книг, 1702 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1701. – Д. 5. – Л. 7–10.
 10. Выписки из отписок Д.М. Голицына, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 461–461 об.
 11. Д[ьяконов], М. А. [Голицын] Дмитрий Михайлович / М. А. Д[ьяконов] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб. : Типолитограф. И.А. Ефрова, 1893. – Т. IX (17): Гоа–Гравер. – С. 48–49.
 12. Дополнение к тайному наказу (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 220–226.
 13. Жигарев, С. А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи) : Историко-юридические очерки / С. А. Жигарев. – М. : Унив. тип., 1896. – Т. I. – 465 с.
 14. Забелин, И. Е. Посольские путешествия в Турцию в XVII в. / И. Е. Забелин // Русская старина. – 1877. – № 9. – С. 1–33.
 15. Запись о передаче грамот в Посольский приказ, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 279.
 16. Каптерев, Н. Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707) / Н. Ф. Каптерев. – М. : Тип. А.И. Снегиревой, 1891. – 362 с.
 17. Корсаков, Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII века / Д. А. Корсаков. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1891. – 448 с.
 18. Крылова, Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны / Т. К. Крылова // Исторические записки. – 1941. – Т. 10. – С. 250–279.
 19. Маркевич, А. И. Предисловие / А. И. Маркевич // Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым 1692–1695 гг. : (список) / под ред. А. И. Маркевича. – Одесса : «Экономическая» тип. и литограф., 1896. – С. I–XIII.
 20. Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Великого / Н. Н. Молчанов. – 3-е изд. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 448 с.
 21. Орешкова, С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1971. – 205 с.
 22. Отписка Д.М. Голицына в Посольский приказ, апрель 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 459–460.
 23. Отписка Д.М. Голицына Ф.А. Головину, май 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 470 об.
 24. Память в Ямской приказ (список), 16 ноября 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 280–281 об.
 25. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Т. 1 : (1688–1701). – СПб. : Гос. тип., 1887. – 888 с.
 26. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Т. 4 : 1700–1712. – СПб. : Тип. П Отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. – 890 с.
 27. Рогожин, Н. М. «У государевых дел быть указано...» / Н. М. Рогожин. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 285 с.
 28. Роспись мехов, 1700 // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 18–18 об.
 29. Смирнов, Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н. А. Смирнов. – М. : МГУ, 1946. – Т. I : XVI век. – 158 с.; Т. II : XVII век. – 174 с. – (Ученые записки Моск. ордена Ленина Гос. ун-та им. М.В. Ломоносова ; вып. 94).
 30. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII : История России с древнейших времен, т. 15–16 / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – 671 с.
 31. Список посольских дворян, январь 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 19–19 об.
 32. Статейный список Д.М. Голицына, 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1701. – Д. 1. – Л. 1–144.
 33. Статейный список Е.И. Украинцева и И.П. Чередыева, 1699–1700 гг. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – Кн. 27. – Л. 1–1373.
 34. Статейный список М.Р. Ларионова, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 4. – Л. 1–125.
 35. Тайный наказ Д.М. Голицыну (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 202–219 об.
 36. Указ Б.И. Прозоровскому (черновик), 17 ноября 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1699. – Д. 4. – Л. 283–284.
 37. Указ в Поместный приказ (список), 30 декабря 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 78.
 38. Указ в Преображенский приказ, декабрь 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 395.
 39. Указ в Ратушу о жалованье, 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 33–33 об.
 40. Уляницкий, В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке / В. А. Уляницкий. – М. : Тип. А. Гатцука, 1883. – VIII, 484 с.

41. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. – СПб. : Тип. II-го отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1863. – Т. 4, ч. 1. – 611 с.

42. Челобитная Ф. Константинова, 22 мая 1701 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 474–475.

43. Явный наказ Д.М. Голицыну (черновик), 1700 г. // РГАДА. – Ф. 89. – Оп. 1. – 1700. – Д. 5. – Л. 169–191 об.

44. Altbauer, D. The Diplomats of Peter the Great / D. Altbauer // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 28. – 1980. – № 1. – S. 1–16.

45. Bohlen, A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great / A. Bohlen // *Cahiers du monde russe et soviétique*. – 1966. – Vol. VII. – № 3. – P. 341–358.

46. Hennings, J. Russia and Courtly Europe : Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 / J. Hennings. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 297 p.

REFERENCES

1. Ageeva O. G. *Diplomaticeskij tseremonial imperatorskoj Rossii: XVIII vek* [Diplomatic Ceremony of Imperial Russia: The 18th Century]. Moscow, Novyj Hronograf Publ., 2013. 928 p.

2. Bazarova T.A. «Ni v kakie dela ne vstupatsia»: russkie predstaviteli v Stambule v 1700–1701 gg. [“Keep out of any business”: Russian representatives in Istanbul in 1700–1701]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologii* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2020, vol. 19, no. 8: History, pp. 45–56. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-8-45-56.

3. Bazarova T.A. *Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.: (Issledovanie i teksty)* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateynye spiski by Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Documents)]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2016. 864 p.

4. Bantysh-Kamenskii D.N. *Slovar dostopiatnykh liudei Russkoj zemli. Ch. 2: G–I*. [Dictionary of memorable people of the Russian land. Part 2: G–I]. Saint Petersburg, Printing house of S. Selivansky, 1836. 459 p.

5. Bogoslovskii M.M. *Petr I: Materialy dlia biografii. T. V: Posolstvo E.I. Ukraintseva v Konstantinopol: 1699–1700* [Peter I: Materials for biography. Vol. V: Embassy of E.I. Ukraintsev to Constantinople: 1699–1700]. Moscow, ZAO Tsentropoligraf, 2007. 335 p.

6. Vypiska iz otcheta E.I. Ukraintseva, 1700 g. [Extract from the report of E.I. Ukraintsev, 1700]. *RGADA*

[The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699, d. 4, l. 259–261.

7. Vypiski dlia doklada, 1700 g. [Extracts for report, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700, d. 5, l. 50–52 rev.

8. Vypiski iz posolskikh knig, 1700 g. [Extracts from the ambassadorial books, 1700], *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 1–14 rev.

9. Vypiski iz posolskikh knig, 1702 g. [Extracts from the ambassadorial books, 1702]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1701 g., d. 5, l. 7–10.

10. Vypiski iz otpisok D.M. Golitsyna, 1700 g. [Extracts from letters of D.M. Golitsyn, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 461–461 rev.

11. D[iakonov] M.A. [Golitsyn] Dmitrii Mikhailovich [Golitsyn Dmitry Mikhailovich]. *Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. IX (17). Goa – Graver. Saint Petersburg, I.A. Efrov' typolithography, 1893, pp. 48–49.

12. Dopolnenie k tainomu nakazu (chernovik), 1700 g. [Supplement to the secret order (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 220–226.

13. Zhigarev S.A. *Russkaia politika v vostochnom voprose (ee istoriia v XVI–XIX vekakh, kriticheskai otsenka i budushchie zadachi): Istoriko-iuridicheskie ocherki* [Russian Politic on the Eastern Question (Its History in the 16th – 19th Centuries, Critical Assessment and Future Tasks): Historical and Legal Essays]. Moscow, University Printing house, 1896, vol. I. 465 p.

14. Zabelin I.E. Posolskie puteshestviia v Turtsiiu v XVII v. [Ambassadorial travels to Turkey in the 17th century]. *Russkaia starina* [Russian antiquity], 1877, no. 9, pp. 1–33.

15. Zapis o peredache gramot v Posolskii prikaz, 1700 g. [Note about the transfer of letters to the Ambassadorial Prikaz, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 279.

16. Kapterev N.F. *Snosheniia ierusalimskogo patriarkha Dosifeia s russkim pravitelstvom (1669–1707)* [Relations of the Jerusalem Patriarch Dositheus with the Russian government (1669–1707)]. Moscow, Tipografija A.I. Snegireva, 1891. 362 p.

17. Korsakov D.A. *Iz zhizni russkikh deiatelei XVIII veka* [From the life of Russian figures of the 18th century]. Kazan, Tipografija Imp. Universiteta, 1891. 448 p.

18. Krylova T.K. Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoy voyny [The Russian-Turkish

Relations during the Great Northern War]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1941, vol. 10, pp. 250-279.

19. Markevich A.I. Predislovie [Introduction]. *Stateinyi spisok podiachego Vasiliia Aitemireva v Krym 1692–1695 gg.: (spisok)* [Article list of clerk Vasily Aitemirev in Crimea in 1692–1695: (list)]. Odessa, «Ekonomicheskaia» tipografiia i litografiia, 1896, pp. I–XIII.

20. Molchanov N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo* [Peter the Great's Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990. 448 p.

21. Oreshkova S.F. *Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v.* [Russian-Turkish Relations in the Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 205 p.

22. Otpiska D.M. Golitsyna v Posolskii prikaz, aprel 1700 g. [Letter from D.M. Golitsyn to the Ambassadorial Prikaz, April 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 459-460.

23. Otpiska D.M. Golitsyna F.A. Golovinu, mai 1700 g. [Letter from D.M. Golitsyn to F.A. Golovin, May 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 470 rev.

24. Pamiat v Iamskoi prikaz (spisok), 16 noiabria 1700 g. [Memory in Yamskaya Chancellery (copy), November 16, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 280-281 rev.

25. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*. T. 1 (1688–1701) [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. Vol. 1 (1688–1701)]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaja Tipografija, 1887. 888 p.

26. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii: Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda*. T. 4. 1700–1712 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The First Collection: From 1649 to December 12, 1825. Vol. 4: 1700–1712]. Saint Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. 890 p.

27. Rogozhin N.M. «*U gosudarevykh del byt ukazano...*» [“Ordered to be in the affairs of the sovereign...”]. Moscow, Izd-vo RAGS, 2002. 285 p.

28. Rospis' mehov, 1700 g. [List of furs, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 18-18 ob.

29. Smirnov N.A. *Rossija i Turcija v XVI–XVII vv.* [Russia and Turkey in the XVI–XVII centuries]. Moscow, MGU, 1946. Vol. I: XVI vek. – 158 p.; Vol. II: XVII vek. – 174 p. (Uchenye zapiski Mosk. ordena Lenina Gos. Un-ta im. M.V. Lomonosova; vyp. 94) [(Scientific notes of the Moscow Order of Lenin of the State University named after M.V. Lomonosov; issue 94)].

30. Soloviev S.M. *Sochineniya. V 18 kn. Kn. VIII: Istorija Rossii s drevnejshikh vremen* [Works. In 18 books. Book VIII: History of Russia since ancient times], vol. 15–16. Moscow, Mysl Publ., 1993. 671 p.

31. Spisok posol'skikh dvorjan, janvar' 1701 [List of Ambassadorial Nobles, January 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 19-19 rev.

32. Statejnyj spisok D.M. Golitsyna, 1701 g. [*Stateinyi spisok* of D.M. Golitsyn, 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1701 g., d. 1, l. 1-144.

33. Statejnyj spisok E.I. Ukraineva i I.P. Cheredeeva, 1699–1700 gg. [*Stateinyi spisok* of E.I. Ukraintsev and I.P. Cheredeev, 1699–1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, book 27, l. 1-1373.

34. Statejnyj spisok M.R. Larionova, 1700 g. [*Stateinyi spisok* of M.R. Larionov, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 4, l. 1-125.

35. Tajnyj nakaz D.M. Golicynu (chernovik), 1700 g. [Secret instruction of D.M. Golitsyn (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 202-219 rev.

36. Ukaz B.I. Prozorovskomu (chernovik), 17 nojabrja 1700 g. [Order to B.I. Prozorovsky (draft), November 17, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1699 g., d. 4, l. 283–284.

37. Ukaz v Pomestnyj prikaz (spisok), 30 dekabrja 1700 g. [Order to Domestic Prikaz (copy), December 30, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 78.

38. Ukaz v Preobrazhenskij prikaz (spisok), 30 dekabrja 1700 g. [Order to Preobrazhensky Prikaz (copy), December, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 395.

39. Ukaz v Ratushu o zhalovan'e, 1700 g. [Order to the Rathaus Hall on salary, 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 33-33 rev.

40. Uljanickij V.A. *Dardanelly, Bosfor i Chernoe more v XVIII veke* [Dardanelles, Bosphorus and Black Sea in the 18th century]. Moscow, Tipografija A. Gatsuka, 1883. VIII, 484 p.

41. Ustrjalov N.G. *Istorija carstvovanija Petra Velikogo* [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 4, part I. Saint Petersburg, Tipografija II-go otdelenija Sobstvennoj e.i.v. kanceljarii, 1863. 611 p.

42. Chelobitnaja F. Konstantinova, 22 maja 1701 g. [Petition by F. Konstantinov, May 22, 1701]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 474-475.

43. Javnyj nakaz D.M. Golitsynu (chernovik), 1700 g. [Explicit instruction of D.M. Golitsyn (draft), 1700]. *RGADA* [The Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, op. 1, 1700 g., d. 5, l. 169-191 rev.

44. Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 28, 1980, no. 1, S. 1-16.

45. Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1966, vol. VII, no. 3, pp. 341-358.

46. Hennings J. *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 297 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific and Historical Archive and the Group of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of RAS, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, заведующая научно-историческим архивом и группой источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16>

UDC 930.272
LBC 63.3(2)

Submitted: 15.06.2020
Accepted: 25.11.2020

**MILITARY-TECHNICAL COOPERATION OF THE USSR AND THE CHSR
IN THE 30s OF THE 20th CENTURY
(ACCORDING TO THE MEMOIRS OF CHIEF DESIGNER
OF ARTILLERY WEAPONS OF THE KIROV PLANT I.A. MAKHANOV) ***

Part 2

Igor O. Tyumentsev

Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexander L. Kleitman

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Memoirs of I.A. Makhanov, who in the 1930s was the chief designer of artillery weapons at the Kirov plant, contain unique data on the development of the military-technical thought and the defense sector of the USSR industry in the pre-war period. The published fragment of memoirs, first introduced into scientific circulation, supplements and corrects the ideas formed in historiography about the military-technical cooperation of the USSR and Czechoslovakia on the eve of World War II. *Methods and materials.* The preparation of the source text for publication is carried out taking into consideration the modern requirements of archaeography. The published fragment is provided with archaeographic notes which allow to reconstruct the history of creation and modification of the text by the author. The scientific commentary provides information about personalities, place names and specific terms mentioned in the text. *Analysis.* The author pointed out that despite the supply of the latest weapons from Czechoslovakia to Yugoslavia, Italy, Turkey, Latin America, the share of purchases by the USSR was 50% and had broad prospects for increasing. The German occupation of 1938 suspended and then interrupted military-technical cooperation between the countries. Nevertheless, the Czech side fulfilled all obligations to the USSR. *Result.* As the published fragment of I.A. Makhanov proves, in the 1930s Czech specialists willingly acquainted the Soviet delegation with the latest developments in artillery systems. At the same time, after the occupation of Czechoslovakia by Germany, none of these weapons were brought to a prototype. Plants “Skoda” and “Zbroevka” were engaged only in the production and modernization of old weapons. Thus, the data of I.A. Makhanova confirm the hypothesis of sabotage of work for Nazi Germany by Czech designers led by V. Gromadko.

Key words: USSR, industrialization and rearmament of the Red Army, creation of new artillery systems, military-technical cooperation with the Czechoslovak Republic.

Citation. Tyumentsev I.O., Kleitman A.L. Military-Technical Cooperation of the USSR and the CHSR in the 30s of the 20th Century (According to the Memoirs of Chief Designer of Artillery Weapons of the Kirov Plant I.A. Makhanov). Part 2. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 207-214. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16>

УДК 930.272
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 15.06.2020
Дата принятия статьи: 25.11.2020

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ЧСР
В 30-е гг. XX в. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГЛАВНОГО КОНСТРУКТОРА
Артиллерийских вооружений
ЗАВОДА ИМЕНИ КИРОВА И.А. МАХАНОВА) ***

Часть 2

Игорь Олегович Тюменцев

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Леонидович Клейтман

Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Мемуары И.А. Маханова, в 1930-х гг. занимавшего должность главного конструктора артиллерийских вооружений Кировского завода, содержат уникальные данные о развитии военно-технической мысли и оборонного сектора промышленности СССР в предвоенный период. Публикуемый фрагмент воспоминаний, впервые вводимый в научный оборот, дополняет и корректирует сформировавшиеся в историографии представления о военно-техническом сотрудничестве СССР и Чехословакии накануне Второй мировой войны. *Методы.* Подготовка текста источника к публикации выполнена с учетом современных требований археографии. Публикуемый фрагмент снабжен археографическими примечаниями, позволяющими восстановить историю создания и изменения текста автором. В научных комментариях приведены сведения о персоналиях, географических названиях и специфических терминах, упоминаемых в тексте источника. *Анализ.* Автор утверждает, что несмотря на поставки новейших образцов вооружений Чехословакии в Югославию, Италию, Турцию, Латинскую Америку, доля закупок СССР составляла 50 % и имела широкие перспективы для увеличения. Германская оккупация 1938 г. приостановила, а затем прервала военно-техническое сотрудничество между странами. Тем не менее чешская сторона выполнила все обязательства перед СССР. *Вывод.* Как показывает публикуемый фрагмент мемуаров И.А. Маханова, в 1930-х гг. чешские специалисты охотно знакомили советскую делегацию с новейшими разработками артиллерийских систем. При этом, после оккупации Чехословакии Германией, ни один из этих образцов вооружения не был доведен до опытного образца. Заводы «Шкода» и «Зброевка» занимались лишь выпуском и модернизацией старых образцов вооружений. Таким образом, данные И.А. Маханова подтверждают гипотезу о саботаже чешскими конструкторами во главе с В. Громадко работы на фашистскую Германию.

Ключевые слова: СССР, индустриализация и перевооружение РККА, создание новых артиллерийских систем, военно-техническое сотрудничество с Чехословацкой Республикой.

Цитирование. Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова). Часть 2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 207–214. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.16>

Последняя командировка в Чехословакию (окончание) **

В Чехословакии (1937 г.) (продолжение, тетрадь № 3, с. 257). После двухнедельного пребывания комиссии на заводах «Шкода» в Пльзене пан-центральный доктор [В.] Громадко предложил комиссии вернуться ¹ в Прагу на его личном авионе (самолете) серийного производства авиационного завода «Шкода». Председатель комиссии комкор т[оварищ] Николай Алексеевич Ефимов ², посоветовавшись с членами комиссии, ответил согласием. На аэродроме завода «Шкода» стоял на взлетной дорожке двухмоторный моноплан с моторами воздушного охлаждения, внешне напомилавший наш отечественный самолет А[ндрея] Н[иколаевича] Туполева ³ «АНТ-9». Около авиона (самолета) стояла группа провожающих из ³ администрации завода «Шкода» в Пльзене. Среди провожающих были: профессор [Н. Н.] Сав[в]ин, шеф-конструктор пан [Я. Й.] Грушко и др. Доктор [В.] Громадко летел вместе с нами. Расстояние от Пльзена до Праги несколько более 100 км, и наш полет был кратковременным, около 0,5 часа, но этот полет доставил нам большое удовольствие убедиться на небольшом отрезке территории Чехословакии в том, как трудолюбив этот славянский народ, использующий и обрабатывающий каждый небольшой кусочек земли.

Наряду с трудолюбием (с. 258) этот маленький славянский народ отличался артистичностью, коллективностью в труде по обработке земли. Среди крестьян Чехословакии очень распространена как потребительская, так и производственная кооперация. Доктор [В.] Громадко, утверждавший, что большинство чехословацких земледельцев объединены в производственные кооперативы, обещал нам подтвердить это официальными данными.

Вот мы уже летим над Прагой и под нами чаша ⁴ пражского стадиона, заполненная зрителями болельщиками футбола. Наш самолет делает несколько кругов на небольшой высоте над стадионом и идет на посадку на Пражском аэродроме. Весь полет прошел безукоризненно, и, выходя по трапу из самолета, мы благодарим пана летчика и жмем ему руку. На аэродроме нас уже поджидали большой лимузин «Шкода» пана центрального и «Паккард» военного атташе [Л. А.] Шнитмана. Вот и отель «Палас» – наше пражское пристанище. Уже вечер. Мы свободны и предоставлены каждый самому себе. После попытки ⁵ найти себе партнера сходить в кино и не найдя [его], я отправился «solo» ⁶. На «Вацловской намести» ⁷ кинотеатров много. Мое внимание привлекли огромные рекламы американского боевика «Тарзан от обезьян» ⁱⁱ по роману [Э. Р.] Берроуза ⁱⁱⁱ (первая серия). Я решил посмотреть экранизацию начала эпопеи Тарзана, столь оригинально и увлекательно написанную [Э.] Берроузом в первой книге ^{iv}, до того, как он в погоне за наживой, (с. 258) низвел Тарзана до пошлого героя бульварного романа. Посмотрев этот фильм, я убедился, что экранизация Тарзана не удалась.

На второй день нашего пребывания в Праге состоялось совещание комиссии с доктором [В.] Громадко в Правлении Акционерного Общества Шкодовских заводов на Вацловской Намести, где нам была предложена дальнейшая программа пребывания в Чехословакии. На очереди предстояла поездка комиссии на Главный артиллерийский полигон, расположенный близ Австрийской границы. После полигона – ознакомление с заводом «Зброевка» в Брно и его продукцией.

На артиллерийский полигон Военного ведомства кроме доктора [В.] Громадки с нами поехал начальник Артиллерийского управления Чехословацкой Армии в чине генерала ^{8v}. Поездка была совершена поездом.

До распада Австрийской империи ⁹ артиллерийский полигон был главным полигоном Австро-Венгерской Армии и перешел по наследству Чехословацкой Республике. Он был расположен в лесистой местности, хорошо укрыт, но директрисы стрельбы не превосходили дистанции 30 км. На полигоне кроме служебных помещений был хорошо оборудованный отель, где мы и расположились с большими удобствами.

В первый день нашего пребывания на полигоне мы ознакомились с парком образцов современных артиллерийских орудий и историческим музеем образцов (с. 260) Артиллерийских орудий периода Первой мировой войны. В частности, нам показали знаменитую «Толстую Бертю» 420 мм мортиру и обещали произвести из нее один выстрел. Из современных образцов по программе, утвержденной военным министром

¹ В тексте: «совершить возвращение».

² Начальник ГАУ. – Примеч. И. А. Маханова.

³ Слово вписано над строкой.

⁴ Слово вписано над строкой.

⁵ Далее одно слово зачеркнуто.

⁶ Повтор: «в кино».

⁷ Главная улица Праги. – Примеч. И. А. Маханова.

⁸ Фамилии не запомнил. – Примеч. И. А. Маханова.

⁹ До Версальского мирного договора. – Примеч. И. А. Маханова.

[Яном] Сыровы^{vi}, нам должны продемонстрировать весь диапазон артиллерийского вооружения, начиная от легкого ручного пулемета «Брно»^{vii}, прославившегося своим совершенством в Западной Европе¹⁰, до 406 мм (16 дм) мортиры современной конструкции и даже героиню Первой мировой войны «Толстую Бертю». Начиная со второго дня нашего пребывания, на полигоне начались демонстрационные стрельбы, которые продолжались три дня. Вся система артиллерийского вооружения Чехословацкой армии была, безусловно, на очень высоком уровне, в том числе и образцы, экспортируемые в другие страны: Югославию, Венгрию и Польшу. Нас же кроме 76 мм горно-вьючной пушки, как я уже говорил выше, особенно интересовал тяжелый «триплекс» 210 мм дальнобойная пушка, 305 мм гаубица и 406 мм мортира на современном модифицированном лафете с механической тягой. «Триплекс» произвел на нас очень хорошее впечатление, и наше общее мнение, что его следует у фирмы «Шкода» купить вместе с чертежами и технологическим процессом (с. 261).

С полигона мы поехали в Брно на автомашинах уже нам известных: «Шкода» и «Паккард», прибывших из Праги с некоторыми дополнительными гостями. Вот и Брно, где находится завод «Зброевка». Это конечно не «Шкодовка»¹¹, пользующаяся мировой славой, и поэтому, естественно, что до этой командировки мне было известно очень мало об этом заводе¹². У весьма импозантного здания заводоуправления «Зброевки», куда прибыли наши автомашины, нас встретили хозяева завода – директор, технический директор и пр. Тут мы познакомились с шеф-конструктором завода паном [Вацлавом] Холеком^{viii}, который оказался автором конструкции знаменитого легкого пулемета. Рядом с заводом была расположена гостиница «Славия», которая очевидно являлась собственностью фирмы. Здесь мы обрели очень хороший приют, заботу и удобства. Председатель комиссии т[оварищ Н. А.] Ефимов меня откомендовал пану [В.] Холеку шеф-конструктором Путиловского завода, и пан [В.] Холек с этого момента стал моим спутником как в экскурсиях по заводу, так и вне завода.

Первое, что мы осматривали на (с. 262) заводе «Зброевка», это отдел оружия, состоящий из цехов, изготавливающих ручное оружие: пистолеты типа «Парабеллум», ручные гранаты, винтовки системы «Манлихер»¹³, ручные автоматы, и цехов, изготавливающих легкие пулеметы «Брно» (автор [В.] Холек), станковые пехотные и авиационные пулеметы. Объяснения давал шеф-конструктор пан [В.] Холек. Тут же на заводском полигоне (на территории завода) нам продемонстрировали стрельбу из всех видов ручного оружия и пулеметов. Легкий пулемет «Брно» на нас произвел очень хорошее впечатление, и т[оварищ] Борис Львович Ванников после демонстрации стал договариваться о заказе на эти пулеметы под наш патрон. Это уже было большим достижением для шефа-конструктора пана [В.] Холека, как автора этого пулемета.

После этого пан [В.] Холек нас познакомил с отделом автоматических пушек (малокалиберной артиллерией), где изготавливались 20 мм автоматические авиационные¹⁴ пушки для авиамоторов «Испано-Суиза» и двухствольные 20 мм зенитные полевые установки (МЗА)^{ix}. На этом был закончен первый день на заводе «Зброевка».

На следующий день нас познакомили с отделом станкостроения, к которому проявил большой интерес т[оварищ] Б. Л. Ванников, как руководитель нашей отечественной оборонной промышленности. Фирма «Зброевка» изготавливала крупными сериями токарные, горизонтально-фрезерные и горизонтально-расточные станки, но не на (с. 263) полную мощность. Заказ на станки, обещанный Б. Л. Ванниковым, пришлось «по вкусу» и очень кстати фирме и ее руководителям. В тот же день нам показали массовое производство железнодорожных скатов для Советского Союза. В этом отделе нас приветствовал наш советский приемщик от НКПС¹⁵.

Затем¹⁶ директор «Зброевки» предложил, с раннего утра, поехать в экскурсию на «Мацоху»^x, на что последовало наше единодушное согласие – «принято единогласно». Это была очаровательная поездка, на автомашинах по прекрасным горным дорогам вглубь Моравских Карпат¹⁷, где под высокими вершинами¹⁸

¹⁰ Великобритания приобрела лицензию на производство этого пулемета на своем заводе Энфильд. – Примеч. И. А. Маханова.

¹¹ Так чехи любовно называют завод «Шкода». – Примеч. И. А. Маханова.

¹² Повтор: «кроме того, что на этом заводе создан очень удачный легкий пулемет «Брно». Его позаимствовала даже родина современных пулеметов Великобритания с ее всемирно известными оружейными заводами Виккерс-Максим, Энфильд и пр.»

¹³ Улучшенной Э. Холеком конструкции. – Примеч. И. А. Маханова.

¹⁴ Слово вписано над строкой.

¹⁵ Народного комиссариата путей сообщений. – Примеч. И. А. Маханова.

¹⁶ Повтор начала абзаца: «На следующий день», написанный над зачеркнутым словом: «т[оварищ]».

¹⁷ Брно – центр Моравии. – Примеч. И. А. Маханова.

¹⁸ В тексте повтор: Карпат.

расположились подземные пещеры, с ¹⁹ озерами, именуемые «Мацоха». Вначале нас привезли на одну из самых высоких вершин, где был расположен отель с рестораном на самом обрыве ²⁰. Здесь ²¹ мы позавтракали и обратили внимание, что балюстрада веранды, выходящая и повисшая на консолях над пропастью, окружена металлической сеткой. Нам пояснили, что этот обрыв называется «обрыв самоубийц». В прошлом, до постановки сетки, многие разочаровавшиеся в жизни, да еще крепко подвыпившие, кончали здесь жизнь самоубийством, падая в пропасть с высоты более 1 000 метров.

После завтрака мы спустились с вершины на автомашинах до входа в подземное царство «Мацоха». Первая пещера, (с. 264) в которую надо было спускаться по узкой лестнице, глубоко под землю, была как бы вестибюлем этого подземного лабиринта пещер и озер. Всюду было хорошее электрическое освещение, которым были оборудованы пещеры и озера, освещаемые лампочками, установленными на дне озер. Вторая пещера уже была, как сказочное царство, благодаря огромным сталактитам, сросшимся со сталагмитами и образовавшими почти прозрачные колонны огромного подземного зала. За ним следовало большое подземное озеро, освещенное разноцветными лампочками изнутри, по которому мы прокатились на лодочках, а можно было его обойти галереями. Далее за этим озером следовала одна из самых красивых подземных пещер в мире, названная чехами в честь своего недавно умершего первого президента – «Дворец Массарика»^{xi}, где колонны из сталактитов и сталагмитов были особенно прозрачными и создавали сказочный и очень величественный вид. Некоторые сталагмиты имели причудливые формы и напоминали своими формами то монаха, то медведя, то еще что-нибудь. Пройдя еще ²² несколько живописнейших озер и пещер, мы подошли к выходу из ансамбля «Мацоха», поднялись по узкой лестнице, вышли на поверхность, где нас поджидали наши автомашины.

Изрядно утомившись, мы еще раз поднялись на вершину и хорошо, с аппетитом пообедали, после чего вернулись в отель «Славия», где нас с нетерпением ожидал пан [В.] Громадко. Оказывается, (с. 265) сообщили пану-центральному из канцелярии президента [Э.] Бенеша, что председателя комиссии пана Н. А. Ефимова вызывает к телефону Москва. Это было уже 27 апреля 1937 года. После прощального ужина в отеле «Славия», устроенного фирмой «Зброевка», за которым мы сидели рядом с [В.] Холеком, которого я пригласил в удобное для него время посетить Ленинград и Путиловский завод ²³.

Мы срочно выехали на автомашинах в Прагу. Согласно, очевидно, указаниям свыше, мы приехали прямо в наше посольство, где нам объявили, что сегодня вечером в посольстве будет прием в честь нашей делегации, на котором ожидается сам президент Эдвард Бенеш. В числе гостей приглашены пан [Вацлав] Громадко, начальник Генерального штаба генерал [Людвиг] Крейчи ^{xii}, военный министр [Ян] Сыровы, инспектор артиллерии ^{xiii}, шеф-конструктор завода «Зброевка»^{xiv}, шеф-конструктор этого завода пан [Вацлав] Холек и др. Прием прошел «в теплой и дружеской обстановке», но президент на приеме не присутствовал, и его представлял пан-центральный доктор [В.] Громадко. На приеме председатель комиссии объявил, что завтра комиссия срочно возвращается в Москву. Это нас удивило, так как доктор [В.] Громадко пригласил всю компанию к себе в гости, посетить его семью. После этого доктор [В.] Громадко планировал показать нам пражскую оперу и сводить на концерты в концертный ²⁴ зал [Бэдржиха] Сметаны ^{xv}. Все это, к нашему и доктора (с. 265) [В.] Громадки сожалению, отменяется, за исключением визита комиссии к семье [В.] Громадки, который, ²⁵ после согласования ²⁵, назначен с утра до вечера на следующий день до отхода поезда. Кроме культурных развлечений, в том числе запланированного мною посещения футбольного матча «Сборная Чехословакии – Сборная Германии», отпали деловые посещения: автомобильного и авиационного заводов «Шкода», автомобильного завода «Татра»^{xvi}, сталелитейного и сталепрокатного завода в Моравской Острове и пороховых заводов в Пршибраме, а также знаменитых, пользующихся мировой славой, заводов «Бати»^{xvii} в Злыне ²⁶. Все это отменено срочным вызовом нашей делегации в Москву.

После разговора по телефону с Москвой лицо моего друга, председателя комиссии Николая Алексеевича Ефимова было взволнованным и весьма озабоченным. Я попросил его поделиться московскими новостями, предполагая, что он разговаривал с Михаилом Николаевичем Тухачевским – инициатором нашей поездки в Чехословакию. Николай Алексеевич ответил, что он добивался разговора с ним, но ничего не

¹⁹ Далее повтор: подземными.

²⁰ Далее повтор: этой вершины.

²¹ Далее повтор: на открытой вершине.

²² Слово вписано над строкой.

²³ Название Кировский ему еще не было известно. – *Примеч. И. А. Маханова.*

²⁴ Слово вписано над строкой.

²⁵⁻²⁵ Слова вписаны над строкой.

²⁶ Обуви, автопокрышек и авиационного. – *Примеч. И. А. Маханова.*

вышло. Его соединили с т[оварищем Яном Борисовичем] Гамарником^{xviii}, так как т[оварищ Клемент Ефремович] Ворошилов^{xix} был в отъезде, который сообщил ему, что надо немедленно вернуться в Москву и доложить результаты поездки Комиссии обороны. О причинах отзыва комиссии [Я. Б.] Гамарник отказывался сообщить. Что-то недоброе повисло над нами, так сказал мне (с. 266 об.)^{27 28} в заключение нашей беседы Николай Алексеевич²⁸.

Дом доктора [В.] Громадки был на окраине Праги и выглядел роскошным особняком, окруженным садом. В саду имелся теннисный корт и гараж. Внутренняя обстановка вполне соответствовала импозантности экстерьера виллы пана-центрального.

Жена его, типичная русская женщина, в возрасте за 40, культурная, образованная²⁹ и во всем старающаяся обставить домашний очаг по-русски, чтобы всё дома напоминало ей родину. У них был сын в возрасте около 20 с небольшим, заканчивавший в это время Пражский инженерный институт. Хозяйка дома нас принимала с русским радушием, гостеприимством и угощала нас, по возможности, русскими закусками, блюдами русской кухни. После обеда разговор зашел о русской классической литературе. Хозяйка показала нам издания [А. С.] Пушкина в разных странах на русском языке и особенно роскошное японское³⁰ издание [А. С.] Пушкина. Показала она нам многообразие изданий [Л. Н.] Толстого, [И. С.] Тургенева, [А. П.] Чехова, [И. А.] Бунина, [М.] Горького и др. Библиотека семьи [В.] Громадко занимала значительную часть их дома. Это, без преувеличения, храм, в котором семья [В.] Громадко поклоняется русским богам. Теплое дружеское и задушевное впечатление осталось у нас об этой семье (с. 267)³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ «Становление и развитие научно-технической мысли и военной промышленности в СССР в 1920–1950-х гг. (по воспоминаниям И.А. Маханова)» (проект № 19-49-340008).

The work was carried out within the framework of the RFBR grant “Formation and development of scientific and technical thought and military industry in the USSR in the 1920s – 1950s (according to the memoirs of I.A. Makhanov)” (project no. 19-49-340008).

** Окончание статьи. Начало см.: Тюменцев И. О., Клейтман А. Л. Военно-техническое сотрудничество СССР и ЧСР в 30-е гг. XX в. (по воспоминаниям главного конструктора артиллерийских вооружений завода имени Кирова И.А. Маханова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 201–215. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.18>.

КОММЕНТАРИИ

ⁱ *Туполев* Андрей Николаевич (29.10 [10.11].1888, с. Пустомазово Кимрского района Тверской области – 23.12.1972, г. Москва) – русский и советский авиаконструктор, академик АН СССР, генерал-полковник-инженер (1968). Герой Труда

(1926). Трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972). 21.10.1937 г. был арестован по обвинению во вредительстве, принадлежности к контрреволюционной организации. 28.05.1940 г. приговорен ВКВС СССР к 15 годам ИТЛ. В июле 1941 г. от дальнейшего отбытия наказания был освобожден со снятием судимости. Был полностью реабилитирован 09.04.1955 г.

ⁱⁱ Судя по всему, автор смотрел первую серию необычайно популярной в СССР после войны киноэпопеи о Тарзане – Тарзан. Человек-обезьяна / Tarzan the Ape Man (1932, США) режиссера В.С. Ван Дайка с Дж. Вайсмюллером в главной роли. Всего в этом самом популярном варианте Тарзаниады было 18 серий. В СССР шли только 4 из них как «трофейные фильмы».

ⁱⁱⁱ *Бёрроуз* Эдгар Райс (01.09.1875, Чикаго, США – 19.03.1950, Энцино, Калифорния, США) – американский писатель, автор серии книг о Тарзане.

^{iv} Роман Э.Р. Берроуза Tarzan of the Apes впервые был опубликован в 1912 году.

^v По данным чешских коллег, генералом-начальником артиллерийского управления был Ян Нетик (12.11.1885, Ровењ в чешской части Австро-Венгрии – 17.02.1945, Бухенвальд) – окончил гимназию и философский факультет пражского Карлова университета и до призыва на фронт 1914 г. работал преподавателем гимназии. В 1915 г. попал в плен, стал активным членом чехословацких легионов в

²⁷ На верхнем поле листа тем же почерком и чернилами написано: «вставка».

²⁸⁻²⁸ Выделенное окончание предложения находится на с. 267. После него на левом поле написано: «Вставка» и знак вставки. – *Примеч. ред.*

²⁹ Образование получила в России. – *Примеч. И. А. Маханова.*

³⁰ Слово вписано над строкой.

³¹ Здесь заканчивается рассказ о посещении семьи Громадко, который вставлен в ранее написанный текст.

России, где дослужил до командира 3-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. По возвращении в Чехословакию служил в армии на должностях командира артиллерии и чиновника артиллерии в Министерстве национальной обороны ЧР. В 1925 г. назначен командиром 1-й полевой артиллерийской бригады, в 1928 г. – генералом и начальником II артиллерийско-оружейного управления. Во время мобилизации осенью 1938 г. стал командиром артиллерии Главного командования. После оккупации Чехословакии гитлеровцами стал одним из основоположников организации сопротивления «Защита нации».

^{vi} *Сыровы* Ян (1888–1971) – генерал-майор чешской армии (08.1918). Участник Первой мировой войны: доброволец Чешской дружины в составе Русской армии, Юго-Западный фронт; 09.1914. Командир 2-го полка Чехословацкого корпуса, 03–05.1918. В Белом движении: командующий чехословацкими войсками в районе Курган – Челябинск – Омск – Екатеринбург в период мятежа 05–08.1918. Командующий Западным фронтом и чешскими войсками, а также войсками Российской армии Уфимской директории; 12.08–24.12.1918. Командир Чехословацкого корпуса в период сопротивления и войны с Красной армией (08.1918–09.1920). После эвакуации войск Чехословацкого корпуса 09.1920 из России (Владивосток) вернулся в Чехословакию. В чехословацкой армии, 1920–1938, занимал ряд высших офицерских постов (в том числе военного министра, 1938). См.: [1].

^{vii} Известен как ручной пулемет «Брэн», в основе которого был чешский 7,92-мм пулемет. Модернизация, проведенная по просьбе англичан чешскими конструкторами Вацлавом и Эмануилом Холеками и Антоном Марекком, дала модель ZB-33 (ZGB33 – Zbrojovka, Great Britain, 1933) под патрон .303 «бритиш сервис». См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/.303_British. В мае 1935 г. британское правительство и «Зброевка Брно» подписали договор о лицензионном производстве. Технологическая доводка на заводе «Ройал Смолл Армз» в г. Энфилд (Энфилд Лок, Мидлэссекс) затянулась до сентября 1937 г. Название пулемета составили по первым слогам городов Брно и Энфилд (BRno-ENfield - BREN). См.: http://vadimvswar.narod.ru/ALL_OUT/TiVOut0204/MG2W1/MG2W1034.htm.

^{viii} И. А. Маханов называет его Голэком. Здесь и далее исправлено на общепринятое Холеком. *Холек* Вацлав (24.09.1886, Мале Неподржице – 13.11.1954, Брно) – чешский инженер и выдающийся конструктор стрелкового оружия в довоенной Чехословакии. За годы своей деятельности он подал заявку на более чем 75 патентов. Брат Эмануила Холека.

^{ix} Станковый пулемет Vz.37 в положении для зенитной стрельбы. В вермахте пулемет получил

обозначение MG.37(t) и пользовался хорошей репутацией.

^x *Мацоха* – карстовый провал, пещера-пропасть в карстовом массиве Моравский карст, Чехия.

^{xi} *Мамсарук* Томаш Гамрриг (чеш. *Tomáš Garrigue Masaryk* (при рождении – Томаш Масарик), имя часто сокращается как TGM; 7 марта 1850, Гединг, Моравия, Австрийская империя – 14 сентября 1937, Ланы, Чехословакия) – чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства – первый президент республики (1918–1935).

^{xii} *Крейчи* Людвиг, генерал армии, начальник генерального штаба Чехословацкой республики, выступал за вступление ЧР в войну против Германии на стороне Австрии накануне Аншлюза. 29.09.1938 г. генерал армии Л. Крейчи решительно заявил, что если правительство примет условия Мюнхенского соглашения, то он лично и вся армия отвергнут их, границы не будут открыты врагу и Гитлер получит отпор. Тогда президент Э. Бенеш вызвал генерала Крейчи в Прагу и убедил его в необходимости принять условия Мюнхенского соглашения. 30.09.1938 г. генерал Крейчи отдал армии приказ открыть границы и отойти из пограничных районов. См.: http://modernlib.ru/books/svoboda_lyudvik_ot_buzuluka_do_pragi/read_2/.

^{xiii} Личность установить не удалось.

^{xiv} Возможно, это Милослав Рольчик.

^{xv} *Смётана* Бёдржих (02.03.1824, Литомишль – 12.05.1884, Прага) – чешский композитор, пианист и дирижер, основоположник чешской национальной композиторской школы.

¹⁶ *Tatra, a.s.* – чешская компания – производитель транспортных средств со штаб-квартирой в г. Копршивнице. Основана в 1851 г. И. Шусталой. В 1897 г. выпустила легковой автомобиль «Президент» – первый в Центральной Европе и один из первых в мире. В 1919 г. компания начала использовать значок с надписью «Tatra» – в честь горной системы Татры. В годы советской власти была национализирована и производила грузовики и легковые автомобили класса «люкс» для стран СЭВ (до 1989 г.). 15.03.2013 г. была продана на аукционе компании Truck Development М. Галваса.

^{xvii} *Ва́та* (чеш. *Батя*, канадская торговая марка – Bata Shoes) – обувная фирма, которую основал Томаш Батя в Злине, до Второй мировой войны одна из крупнейших в Европе. Ныне фирма располагается в Лозанне, филиал ее действует и в Чехии.

^{xviii} *Гамáрник* Ян Борисович (Яков Цудикович), партийная кличка товарищ Ян (02[14]. 07.1894, Житомир – 31.05.1937, Москва) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, армей-

ский комиссар 1-го ранга. Застрелился накануне возможного ареста по «делу Тухачевского». Реабилитирован 07.10.1955 г.

^{xix} *Ворошилов* Климент Ефремович (23.01 [04.02].1881, село Верхнее, Бахмутский у., Екатеринославская губ. – 02.12.1969, Москва) – советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых маршалов Советского Союза. В 1934–1940 гг. – нарком обороны СССР. В 1953–1960 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда. В Политбюро ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС), Президиуме ЦК КПСС 34,5 г. (1926–1960).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клавинг, В. Гражданская война в России: Белые армии / В. Клавинг. – М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 637 с. – (Военно-историческая библиотека).

REFERENCES

1. Clawing V. *Grazhdanskaya vojna v Rossii: Belye armii* [Civil War in Russia: White Armies]. Moscow, AST, Saint-Petersburg, Terra Fantastica, 2003. 637 p. (Voenno-istoricheskaya biblioteka [Military History Library]).

Information About the Authors

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Alexander L. Kleitman, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Director, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation; Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Volgograd Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

Информация об авторах

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Александр Леонидович Клейтман, доктор исторических наук, доцент, директор, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; доктор исторических наук, доцент, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, alexander.kleitman@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4779-0321>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.17>

UDC 327
LBC 66.49

Submitted: 20.02.2020
Accepted: 01.06.2020

FOREIGN POLICY PLANNING AND THE EFFECTIVENESS EVALUATION OF THE RUSSIAN FOREIGN MINISTRY'S BODIES

George A. Borshchevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper aims to study the features of cascading goals and requirements for the activities of the Russian Ministry of Foreign Affairs from the level of strategic documents of foreign policy planning to the duties of diplomatic servants, describe a mechanism for assessing the achievement of these priorities, identify gaps between them and work out ways to optimize. *Methods and materials.* The author applies the following methods: comparative legal, structural and logical, classification, comparison, analysis of quantitative and qualitative indicators, decomposition of goals. Regulatory legal acts and materials of law enforcement practice are studied. *Analysis.* An analytical tool was developed to assess the level of effectiveness of foreign agencies of the Ministry of Foreign Affairs. *Results.* The paper reveals the redundancy and duplication of foreign policy planning goals. It is advisable to formulate foreign policy priorities in the "Foreign Policy" Public program. Gaps between the goals of the state's foreign policy and the goals that guide diplomatic institutions are identified. The author proposes measures to optimize the control and reporting of overseas agencies. It is proposed to change the personnel paradigm of the diplomatic service from bureaucratic to active (focus on solving large-scale problems) and intermediary (search for compromises). To conduct a coordinated foreign policy, it is necessary to generalize the dynamics of the activities of all foreign agencies, objectively evaluate their contribution to the achievement of foreign policy priorities.

Key words: Russian Foreign Ministry, foreign policy, foreign policy planning, strategic planning, diplomatic service, assessment, effectiveness.

Citation. Borshchevskiy G.A. Foreign Policy Planning and the Effectiveness Evaluation of the Russian Foreign Ministry's Bodies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 215-230. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.17>

УДК 327
ББК 66.49

Дата поступления статьи: 20.02.2020
Дата принятия статьи: 01.06.2020

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ МИД РОССИИ

Георгий Александрович Борщевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель данной работы: изучить особенности каскадирования целей и требований к деятельности МИД России от уровня стратегических документов внешнеполитического планирования до должностных обязанностей дипломатических служащих, описать механизм оценки достижения названных приоритетов, выявить разрывы между ними и выработать пути оптимизации. *Методы и материалы.* При исследовании были использованы такие методы, как сравнительно-правовой и структурно-логический метод, классификация, сопоставление, анализ количественных и качественных показателей, декомпозиция целей. Изучены нормативные правовые акты и материалы правоприменительной практики. *Анализ.* Разработан аналитический инструмент для оценки уровня эффективности загранучреждений МИД. Модель оценки отражает сквозное соответствие нормативных, отчетных документов, ключевых показателей эффективности учреждений и служащих. *Результаты.* Выявлены избыточность и дублирование целей внешнеполитическо-

го планирования. Целесообразно сформулировать приоритеты внешней политики в Государственной программе «Внешнеполитическая деятельность». Выявлены разрывы между целями внешней политики государства и целями, которыми руководствуются дипломатические учреждения. Предложены меры по оптимизации контроля и отчетности заграничных учреждений. Предложено изменить кадровую парадигму дипломатической службы с бюрократической на активистскую (акцент на решении масштабных проблем) и посредническую (поиск компромиссов). Для проведения согласованной внешней политики необходимо обобщать динамику деятельности всех заграничных учреждений, объективно оценивать их вклад в достижение приоритетов внешней политики.

Ключевые слова: МИД России, внешняя политика, внешнеполитическое планирование, стратегическое планирование, дипломатия, оценка, эффективность.

Цитирование. Борщевский Г. А. Внешнеполитическое планирование и оценка эффективности учреждений МИД России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 215–230. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.17>

Введение. Международные отношения – важное направление государственной политики России, обеспечивающее мир и добрососедство между народами, отстаивание национальных интересов на мировой арене. В этом смысле внешнеполитические приоритеты неизменны, что обуславливает консерватизм деятельности Министерства иностранных дел (далее – МИД).

На протяжении своей многовековой истории дипломатия находилась на стыке науки и искусства и в ней преобладала роль человеческого фактора. Однако в условиях быстрого распространения искусственного интеллекта, больших данных и роботизации деятельность правительства претерпевает серьезные изменения и внешнеполитическое ведомство не может оставаться в стороне от них [9]. Необходима взаимная согласованность приоритетов внешней и внутренней политики страны в условиях постоянного усложнения политической власти и управления. Это требует синхронизации усилий ведомств и организаций, осуществляющих международную деятельность. Для достижения целей внешней политики требуется единство действий и подотчетность всех звеньев разветвленной системы МИД.

Природа дипломатии политическая, но МИД – это бюрократическая организация, занимающаяся преимущественно управленческой деятельностью. Рядовые дипломаты и сотрудники учреждений МИД – не политики, а чиновники, работа которых регулируется инструкциями. Цель настоящей статьи: изучить особенности каскадирования целей и требований к деятельности МИД России от

уровня стратегических документов внешнеполитического планирования до должностных обязанностей дипломатических служащих, описать механизм оценки достижения приоритетов, выявить разрывы между ними и выработать пути оптимизации.

Всякая политика предполагает не только постановку целей развития, которые будут поддержаны обществом, но и организацию их полной и своевременной практической реализации. В связи с этим объект исследования – постановка и реализация целей внешней политики в деятельности МИД. Предмет рассмотрения – взаимосвязь приоритетов внешнеполитического планирования и оценки их достижения заграничными учреждениями МИД (далее – ЗУ). Изучение ЗУ обусловлено тем, что они составляют основу системы МИД, а их работа организована по единым принципам [5]. В результате мы предлагаем аналитический инструмент для оценки уровня эффективности ЗУ по сопоставимым критериям.

Обзор литературы. Оценка результатов внешней политики в деятельности учреждений дипломатической службы нечасто становится предметом научных исследований. Гораздо чаще обсуждается публичная политика – отношения с отдельными странами, высказывания политических лидеров. Однако закрытые системы склонны к росту неэффективности, поэтому в разных странах предпринимаются меры по изменению характера работы дипломатов в соответствии с новыми реалиями. К. Лекен справедливо ставит вопрос: какую дополнительную ценность создает дипломатическая служба и в чем сегодня состоит смысл ее кадровой политики? [17, р. 138].

Скандинавский дипломат И. Ньюман выделил три парадигмы в работе дипломатов: бюрократическая акцентирована на инструкциях и процедурах, активистская – на решении масштабных проблем, а посредническая – на поиске компромиссов [18, р. 92]. Конфликт поведенческих парадигм усугубляется при смене поколений дипломатов.

К. Хилл и К. Смит [15], проанализировав структуру документов по внешней политике европейских стран, сделали вывод об их постепенной унификации и повышении открытости для общества.

Французские исследователи, например А. Базин, Ф. Пьоте, М. Лориоль и Д. Делфолли [19], скептически воспринимают способность МИД своей страны, построенного на традиционных принципах карьерной бюрократии и жесткой системе планирования и отчетности, реагировать на современные вызовы, координировать и своевременно корректировать деятельность ЗУ. Так, в МИД Франции ежемесячно поступает порядка 12,5 млн сообщений от ЗУ, что превосходит возможности по их своевременной обработке, не говоря уже об углубленном анализе и использовании при принятии решений [16].

В МИД Швейцарии был проведен аудит эффективности с применением количественных методов [12], и в настоящее время данная система приобрела гибридный характер, построенный на сочетании традиционных и новых механизмов (социальные сети, «мягкая сила», цифровизация).

В США в период реформ в духе «нового государственного управления» повысилась значимость оценки труда государственных служащих [13]. А. Стейгман, кроме того, подчеркивает значимость эффективных межведомственных коммуникаций в работе МИД [20].

В развивающихся странах, например в Малайзии, исследователи отмечают проблемы при взаимодействии ЗУ с центром, проявляющиеся, в частности, в недовольстве непрозрачностью вознаграждения, отсутствием связи между результатами деятельности и стимулированием [14].

Обобщающее исследование М.-Ф. Де ла Круа Сальседо [2] показало попытки внедрения в МИД латиноамериканских стран квалиметрических способов оценки эффективнос-

ти ЗУ, наталкивающиеся, однако, на проблемы квалификации персонала, оснащенности и укомплектованности ЗУ.

На постсоветском пространстве ряд стран предпринимает попытки оптимизации своих ЗУ. Например, Кыргызстан в условиях ограниченных финансовых ресурсов сокращает число своих ЗУ и прекращает полномочия послов при недостижении ими показателей эффективности [4].

В России переход к рыночным условиям хозяйствования поставил вопрос об изменении принципов работы торговых представительств за рубежом и установления для них релевантных показателей эффективности [6]. В настоящее время этот вопрос решается Минпромторгом России, которому в 2018 г. переданы функции управления торгпредствами.

Что касается собственно дипломатического корпуса, то вопрос оценки его деятельности наиболее сложен. По справедливому замечанию Н.В. Литвака [7, с. 170], необходимо смещение акцента в работе МИД с простой фиксации событий на осмысление международно-политических новостей. Работа дипломатов не должна измеряться только следованием предписанным алгоритмам, она должна концентрироваться на достижении национальных приоритетов в экономической, политической, социальной и иных сферах международного сотрудничества. Это ставит на повестку дня вопрос о новой системе критериев оценки эффективности внешнеполитического ведомства и его учреждений. К сожалению, пока этот вопрос удовлетворительно не решен даже в теории. Авторы делают акцент на описании внешнеполитических приоритетов и вызовов глобального и регионального плана [1; 8; 10].

Вопрос оптимизации работы российской дипломатической службы стоит на повестке дня не первый год, о чем свидетельствуют публикации о соотношении между различными категориями кадров системы МИД: оперативно-дипломатическим составом (далее – ОДС) и административно-техническим персоналом (далее – АТП) [5].

Наибольшей прикладной ценностью в контексте настоящего исследования обладают публикации профессиональных дипломатов, например Ю.В. Дубинина [3] и А.Л. Федотова [11], описывающие взаимосвязь стра-

тегических документов с внутренними актами МИД и ЗУ.

В рамках реформирования институтов власти в современной России эксперты Центра стратегических разработок [9] предлагают общие меры по совершенствованию государственной службы (увязать должностные обязанности служащих с миссией государственного органа, повысить прозрачность процедур планирования и оценки деятельности, оплачивать труд служащих в зависимости от достигнутых результатов и т. д.). В настоящее время эти приоритеты слабо отражены в нормативных документах МИД, что актуализирует необходимость адекватного каскадирования целей и требований к деятельности МИД России от уровня стратегических документов до должностных обязанностей дипломатических служащих и установления четкого алгоритма оценки их достижения.

Методы и материалы. Проанализировав действующие стратегические документы внешнеполитического планирования, мы выделили в них цели деятельности и требования к результатам работы дипломатического корпуса, предъявляемые политическим руководством страны. Данные источники носят нормативный характер и официально опубликованы, что делает их доступными для исследования.

Каскадирование целей представляет собой переход с более высокого стратегического на средний тактический и нижний оперативный уровень без потери и подмены смысла. В связи с этим на следующем этапе мы разработали структурно-логическую схему для исследования взаимосвязей внешнеполитических целей в документах различного уровня. Мы изучили особенности каскадирования целей внешней политики России от верхнего уровня, регулирующего деятельность МИД в целом, на средний уровень в установках, транслируемых МИДом руководителям ЗУ, и далее на нижний уровень – должностные обязанности работников дипломатической службы. Цель данного этапа исследования состояла в визуализации причинно-следственных связей, позволяющей выделить в циклическом процессе внешнеполитического планирования узкие (критические) места и разрывы. Расчет интенсивнос-

ти связей элементов структурно-логической схемы позволил установить включенность каждого из них в систему внешнеполитического планирования и их взаимосвязи.

На третьем этапе, изучая механизмы обратной связи во внешнеполитическом ведомстве, мы описали механизм оценки достижения целей и приоритетов с помощью системы отчетных материалов МИД. Конкретное содержание документов, направляемых из ЗУ в центр, является конфиденциальным и нами не исследуется, а структура, цели, взаимосвязи, порядок направления и использования каждого вида документов открыты и опубликованы [3; 11], их мы и исследуем. Различные виды отчетных материалов ЗУ мы соотнесли со структурой Обзоров внешнеполитической деятельности, ежегодно публикуемых МИД. Обзоры представляют собой верхний уровень публичной отчетности дипломатического ведомства [8], что позволяет считать все отражаемые в них аспекты политически значимыми. Ожидалось полное соответствие ежегодной отчетности ЗУ стандартной структуре Обзоров. Отчетные материалы, не отраженные в структуре Обзора, считались менее приоритетными и подлежащими первоочередной оптимизации.

Мы выяснили, какие из целей внешней политики отражены в существующих отчетных материалах, и проанализировали состав показателей на предмет возможности их количественной оценки. При невозможности оценки отдельных дипломатических функций в количественном виде предложено использовать фиктивные переменные (*dummy variable*), принимающие бинарные значения и используемые в эконометрических моделях для учета влияния качественных признаков.

При разработке показателей были рассмотрены предыдущие экспертные наработки. Так, в Стратегии развития РФ на 2018–2024 гг. [9] применены такие ключевые результаты внешнеэкономической деятельности, как рост несырьевого экспорта, экспорта услуг и числа экспортеров. Эти показатели отражены в предложенной нами модели в агрегированном виде.

Так как размеры стран и размещенных в них российских ЗУ сильно различаются, оценивать следует не абсолютные значения показателей, а их динамику. Для одних из них

положительно оценивался рост (позитивные показатели), для других – снижение (негативные показатели). Предложенная система показателей эффективности ЗУ далее методом декомпозиции может быть распространена на подразделения и служащих ЗУ, став для них ключевыми показателями эффективности, используемыми для целей кадрового продвижения и материального стимулирования.

Практическая польза полученных результатов состоит в фиксации разрывов между целями внешней политики государства и целями, которыми руководствуются дипломатические учреждения. Эти разрывы, а также дублирование и избыточность целей снижают эффективность реализации внешней поли-

тики, и мы предлагаем конкретные меры по их оптимизации.

Результаты. К настоящему времени сложилась многоуровневая система внешнеполитического планирования, устанавливающая цели деятельности МИД, его подразделений и должностных лиц, а также система обратных связей. Мы классифицировали и кратко охарактеризовали эту систему в таблице 1. Способ каскадирования целей отражают связи между уровнями официальных документов МИД: входящие, если документ разработан на основании актов более высокого уровня, и исходящие, если он служит основой для разработки других документов. Цифры в двух крайних правых столбцах таблицы отражают число таких связей.

Таблица 1. Система внешнеполитического планирования и отчетности

Table 1. Foreign policy planning and reporting system

№ п/п	Название документа	Характеристика	Кто утверждает	Срок действия, периодичность	Входящие связи	Исходящие связи
Нормативные правоустанавливающие документы						
1	Конституция РФ	В ст. 71 внешняя политика, международные и внешнеэкономические отношения отнесены к ведению Федерации	Граждане РФ	Постоянно	0	3
2	Федеральные законы	Устанавливают статус дипломатической службы (от 27.07.2010 № 205-ФЗ), консульской службы (от 05.07.2010 № 154-ФЗ), чрезвычайного и полномочного посла (от 23.06.2016 № 186-ФЗ) и др.	Федеральное Собрание РФ	Постоянно	1	1
3	Указы	Регулируют различные вопросы внешнеполитической деятельности (например, указ от 07.09.1999 № 1180 устанавливает права посла)	Президент РФ	Постоянно	2	5
4	Положение о МИД	Указ от 11.07.2004 № 865 регулирует статус и полномочия МИД	Президент РФ	Постоянно	1	3
5	Положение о ЗУ	Указ от 28.10.1996 № 1497 устанавливает задачи посольства, от 05.11.1998 № 1330 – консульства, от 29.09.1999 № 1316 – постоянных представительств РФ при международных организациях	Президент РФ	Постоянно	1	2
6	Приказы МИД	Регулируют основную деятельность ЗУ (так, приказ от 04.07.2017 № 11994 вводит порядок направления отчетных и иных материалов в центр) и кадровую работу (приказом от 26.12.2018 № 24947 определен порядок разработки должностных регламентов)	МИД	Постоянно	1	1
7	Распорядительные документы ЗУ	Распределение служебных обязанностей, должностные регламенты (инструкции) и иное	ЗУ	Постоянно	1	1

Примечание. Здесь и далее – составлено автором на основе текстов нормативных правовых актов.

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ п/п	Название документа	Характеристика	Кто утверждает	Срок действия, периодичность	Входящие связи	Исходящие связи
Нормативные документы целеполагания						
8	Порядок координации внешнеполитической деятельности	Разграничены задачи МИД, иных федеральных ведомств и субъектов РФ в сфере внешней политики (указ от 08.11.2011 № 1478)	Президент РФ	Постоянно	2	1
9	Концепция внешней политики РФ	Определяет основные задачи внешней политики для обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов РФ (указ от 30.11.2016 № 640)	Президент РФ	Более 6 лет	1	2
10	Меры по реализации внешнеполитического курса	Стратегические ориентиры внешней политики, поручения МИД и др. ведомствам (указ от 07.05.2012 № 605)	Президент РФ	Более 6 лет	2	4
11	Госпрограмма «Внешнеполитическая деятельность»	Направлена на выполнение обязательств РФ по международным договорам, расширение культурно-гуманитарного присутствия в мире, правовое регулирование международных отношений (постановление от 15.04.2014 № 325-10 в ред. от 29.03.2019 № 354-22)	Правительство РФ	Более 6 лет	1	1
12	Концепция укрепления ресурсного и кадрового потенциала МИД, МЭР РФ, Россотрудничества	Предусматривает повышение эффективности политико-дипломатического анализа, расширение электронного взаимодействия ЗУ с центром, внедрение ключевых показателей эффективности, объективацию оценки деятельности, оплату труда в зависимости от уровня эффективности и др. (распоряжение от 19.02.2013 № 223-р)	Правительство РФ	6 лет	1	0
13	Директивы послу, постпреду	Согласно типовой схеме (приказ от 14.05.2009 № 6423), содержат цели в отношении иностранного государства (международной организации) принципиального политико-дипломатического значения в увязке с целями РФ в регионе	МИД	5 лет	3	3
14	План мероприятий по итогам совещания послов и постпредов	Содержит поручения руководителям подразделений центрального аппарата МИД, ЗУ и терорганов. Также проводятся региональные «кустовые» совещания руководителей ЗУ под руководством курирующих заместителей министра	МИД	3–4 года	2	4
15	План работы МИД	Содержит цели всех структурных подразделений центрального аппарата МИД, ЗУ, терорганов на год	МИД	1 год	4	3
16	Задачи ЗУ	Отражают конкретные интересы РФ в стране (организации). Содержат оценку деятельности по выполнению поставленных задач в прошлом году	МИД	1 год	5	6

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ п/п	Название документа	Характеристика	Кто утверждает	Срок действия, периодичность	Входящие связи	Исходящие связи
17	Оперативные указания	Поступают из центра в форме приказов, писем, инструкций, поручений	МИД	В течение года	3	2
18	План информационно-аналитической работы	Содержит сроки и распределение ответственности ОДС за подготовку внешнеполитической информации в центр	ЗУ	1 год	3	6
Политические отчетные документы						
19	Обзор внешней политики, доклад МИД	Обобщающий публичный отчет о выполнении плана работы МИД. Периодически публикуются доклады по отдельным актуальным вопросам	МИД	1 год	6	0
20	Отчет о реализации госпрограммы	Имеет закрытый характер и не включается в Сводный доклад о ходе реализации и оценке эффективности госпрограмм РФ	МИД	1 год	1	0
21	Заключения на отчеты и материалы ЗУ	На политотчет и политписьмо направляется в течение месяца; на предложения ЗУ – 4 раза в год; на иные материалы – 2 раза в год. Могут содержать задания по корректировке плана работы ЗУ, сводки о реализации предложений ЗУ, позицию МИД по кадровым и иным изменениям в деятельности ЗУ	МИД	В течение года	4	0
22	Отчет посла, постпреда РФ	Содержит оценку изменения отношений со страной (организацией) пребывания за время командировки, причины невыполнения директив, оценку ресурсного обеспечения ЗУ, предложения. Используются для подготовки новых директив	ЗУ	5 лет	1	2
23	Отзыв-характеристика на ОДС	Содержит сведения об образовании, должностных обязанностях и отношении к ним сотрудника, профессиональном развитии, личных качествах, рекомендации по дальнейшему трудоустройству	ЗУ	5 лет	6	0
24	Политический отчет	Компактный аналитический документ, структура соответствует задачам ЗУ. Выводы и предложения доводятся до заинтересованных ведомств	ЗУ	1 год	5	3
25	Консульский отчет	Информация о социально-политической, экономической, культурной и криминальной обстановке в консульском округе; совершение консульских действий и другое	ЗУ	1 год	4	3
26	Политическое письмо	Изложение позиции по вопросам: а) отношение страны пребывания к внешнеполитической линии РФ; б) контакты с представителями политической элиты; в) важные политические мероприятия	ЗУ	1 год и чаще	2	3
27	Адресный отчет	По итогам: а) выполнения оперативного указания МИД; б) важной беседы с зарубежным деятелем	ЗУ	В течение года	3	4

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Название документа	Характеристика	Кто утверждает	Срок действия, периодичность	Входящие связи	Исходящие связи
Информационно-справочные отчетные документы						
28.1	Хроника двусторонних отношений	Обновляется постоянно и направляется в центр ежемесячно	ЗУ	В течение года	2	2
28.2	Информация	Факты по какому-либо одному частному вопросу, без глубокой аналитики	ЗУ	В течение года	2	2
28.3	Отчет о контактах	Готовится сотрудниками ЗУ ежемесячно	ЗУ	В течение года	2	2
28.4	Отчет о работе с кадрами	Основные направления кадровой работы; общая характеристика кадров ЗУ; штатное расписание, укомплектованность; замены и перемещения и другое	ЗУ	1 год	2	2
28.5	Отчет по безопасности	Направляется в центр с сопроводительным письмом руководителя ЗУ с оценкой работы помощника по безопасности	ЗУ	1 год	2	2
28.6	Отчеты о фин.-хоз. деятельности, канцелярии, работе здравпункта	Готовят уполномоченные АТП	ЗУ	1 год	2	2
29	Справки	Виды: справка по схеме; о СМИ страны; о сотрудничестве в области культуры, искусства, науки, образования, спорта и туризма; о состоянии и перспективах торгово-экономических отношений; о ситуации с правами человека; о деятельности НПО; о развитии связей субъектов РФ со страной; о позиции русского языка в стране; о кадровой ситуации в международной организации и продвижении в ней российских кандидатов; об освещении российской тематики в СМИ страны; об информационно-разъяснительной работе; о положении соотечественников в стране	ЗУ	В течение года	2	4

Зафиксируем ряд закономерностей. Большая доля документов (62 %) относится к категории нормативных; в данной группе преобладают документы целеполагания (61 %). Такая же доля нормативных документов утверждается высшими органами власти, лишь 28 % утверждает МИД и 11% утверждает ЗУ. Среди отчетных документов преобладают политические (73 %), такая же доля в дан-

ной группе исходит из ЗУ и лишь 27 % – из МИД.

Диспропорция в сторону документов целеполагания утяжеляет систему внешнеполитического планирования и дезориентирует персонал, которому трудно оценить приоритетность многочисленных целей, которые, кроме того, плохо интегрированы. Это видно на структурно-логической схеме (см. рисунок).

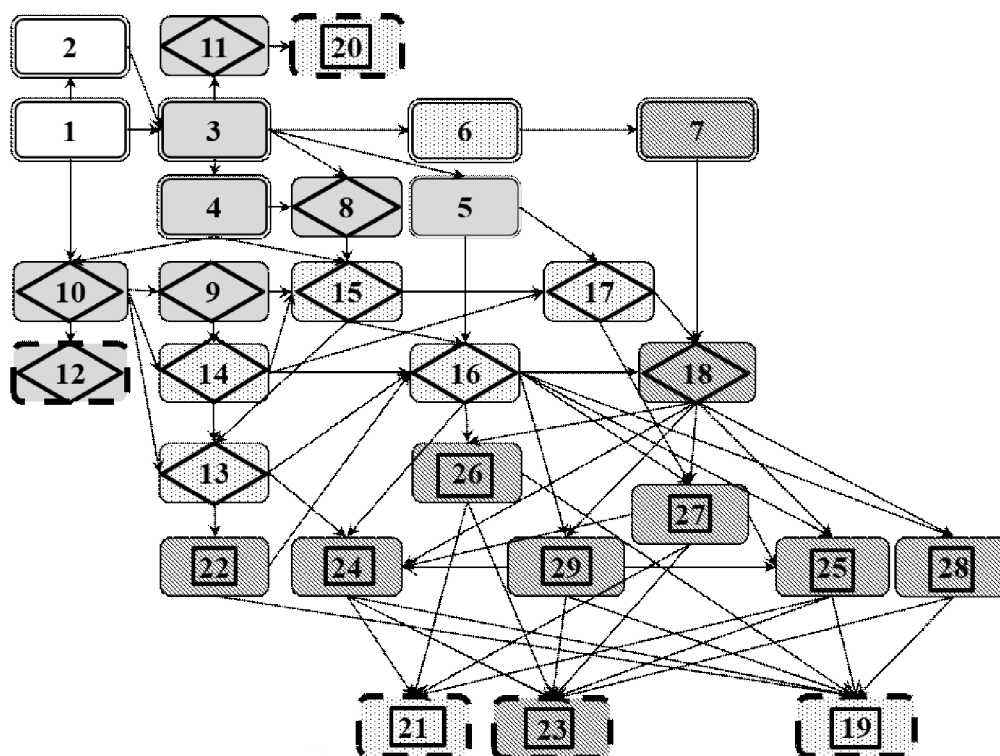
Номера элементов на схеме соответствуют порядковым номерам документов в таблице 1. Документы под номерами 28.1–28.6 для наглядности объединены в один блок 28 («технические отчеты»), по аналогии с 12 видами различных справок, объединенными в блоке 29.

По числу исходящих связей преобладают нормативные правовые акты президента и правительства РФ (5), Задачи ЗУ и План информационно-аналитической работы (по 6). Все они служат основой для разработки других нормативных и отчетных документов. Входящих связей больше всего у таких документов, как Задачи ЗУ и Политический отчет (по 5), Отзыв-характеристика на ОДС и Об-

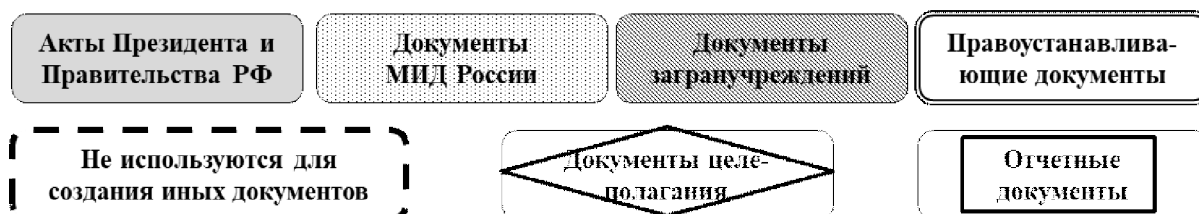
зор внешней политики (по 6). Эти документы составляются на основе большого объема других материалов.

Ядром системы внешнеполитической документации являются Задачи ЗУ, имеющие наибольшее число как входящих, так и исходящих связей. Этот документ – связующее звено между документами верхнего и нижнего уровня. Соответственно, качество и своевременность подготовки Задач ЗУ во многом определяет эффективность функционирования всей анализируемой системы.

Такие документы целеполагания, как Государственная программа РФ «Внешнеполитическая деятельность» и Концепция укрепления ресурсного и кадрового потенциала, в незначитель-

Условные обозначения:

Структурно-логическая схема внешнеполитического планирования и отчетности
Structural and logical scheme of foreign policy planning and reporting

ной степени используются в системе ЗУ. По сути, они изолированы от системы планирования, что минимизирует их полезность. Это утверждение подтверждает тот факт, что названные документы не упомянуты ни в одном из отчетных документов. Так, в отчетах ЗУ отсутствует раздел, посвященный реализации госпрограммы. В кадровом разделе Плана мероприятий по итогам совещания послов и постпредов на 2018–2020 гг. не развиваются положения Концепции укрепления ресурсного и кадрового потенциала о совершенствовании оценки и мотивации кадров.

Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» на 2019–2024 гг. не включен в систему внешнеполитического планирования, хотя развитие торгово-экономического сотрудничества – важное направление деятельности ЗУ, и соответствующие материалы отражаются как в их отчетах, так и Обзоре внешней политики. Порядок реализации нацпроекта в части, касающейся МИД, на момент написания статьи не определен.

Среди документов целеполагания минимальное число связей с другими документами имеют акты высших органов власти – Концепция внешней политики, Меры по реализации внешнеполитического курса и Порядок координации внешнеполитической деятельности. Они используются для разработки одних и тех же документов целеполагания, главным образом, – Плана работы МИД. В развитие Мер по реализации внешнеполитического курса дано

единственное поручение правительства РФ, снятое с контроля еще в 2013 году. Мониторинг реализации целей данного указа, касающихся непосредственной деятельности МИД, не проводится. Отсутствуют целевые показатели, позволяющие оценить итоги реализации: все 56 поручений указа имеют характер пожеланий («стремиться», «способствовать» и т. д.).

Среди отчетных материалов минимальная степень задействования технических отчетов. Часть этих материалов готовят ОДС, а остальные – АТП, согласно распределению обязанностей в ЗУ. Эти рутинные материалы имеют незначительный аналитический потенциал и слабо включены в систему внешнеполитического планирования. При этом они направляются регулярно каждым из сотен ЗУ, и этот поток возрастает оценочно на 12–15 % ежегодно. Это вызывает, с одной стороны, систематические ошибки ЗУ при формировании отчетной документации, что подтверждают результаты инспекционной работы, а с другой – вычислительные мощности центрального аппарата МИД не рассчитаны на обработку такого объема информации и большая ее часть обрабатывается с опозданием и неглубоко.

Для оценки вклада каждого из отчетных документов ЗУ в общую систему внешнеполитической информации сопоставим их перечень со стандартными разделами Обзоров внешней политики РФ (табл. 2).

Таблица 2. Структура Обзоров внешней политики МИД и отчетов ЗУ

Table 2. Structure of foreign policy Reviews and reports of bodies

Разделы Обзора внешней политики МИД	Отчетные документы ЗУ
1. Многосторонняя дипломатия (участие в деятельности ООН, «Группе двадцати» и объединении БРИКС, международное сотрудничество в борьбе с новыми вызовами и угрозами, контроль над вооружениями и вопросы нераспространения)	Политический отчет полпреда
	Отчет постпреда
	Справка о кадровой ситуации в международной организации и продвижении российских кандидатов
	Хроника двусторонних отношений с международной организацией
2. Региональные направления внешней политики (ближнее зарубежье; интеграционные процессы и сотрудничество на евразийском пространстве; АТР; Южная Азия; Ближний и Средний Восток и Северная Африка; Африка к югу от Сахары; Европа; США и Канада; Латинская Америка)	Политический отчет посольства
	Отчет посла
	Хроника двусторонних отношений со страной Справка по схеме Заключения на отчеты и материалы ЗУ
3. Экономическая дипломатия	Справка о состоянии и перспективах торгово-экономических отношений РФ и страны пребывания
4. Правовое обеспечение внешнеполитической деятельности	Раздел отражает деятельность РФ в международных судах и заключение международных договоров

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Разделы Обзора внешней политики МИД	Отчетные документы ЗУ
5. Гуманитарное направление внешней политики: правозащитная проблематика	Справка о ситуации с правами человека в стране
	Справка о деятельности НПО в стране пребывания
Работа с соотечественниками	Справка о позиции русского языка в стране
	Справка о положении соотечественников в стране
Консульская работа	Консульский отчет
Сотрудничество в области культуры, науки, образования и спорта	Справка о СМИ страны пребывания
	Справка о сотрудничестве РФ и страны пребывания в области культуры, искусства, науки, образования, спорта и туризма
6. Взаимодействие с Федеральным Собранием, институтами гражданского общества и научно-экспертным сообществом	Раздел формируется центральным аппаратом МИД
7. Межрегиональное и приграничное сотрудничество	Справка о развитии связей субъектов РФ со страной
8. Информационное обеспечение внешней политики	Справка об информационно-разъяснительной работе
	Справка об освещении российской тематики в СМИ
9. Историко-архивная деятельность	Раздел формируется центральным аппаратом МИД
10. Инспекционная работа (с 2010 г.)	Отчет о финансово-хозяйственной деятельности ЗУ
11. Антикоррупционная работа (с 2012 г.)	Отчет о работе с кадрами
12. Обеспечение безопасности заграничных учреждений и российских граждан за рубежом	Отчет помощника руководителя ЗУ по безопасности
13. Протокольная деятельность (с 2017 г.)	Политическое письмо
	Адресный отчет

Разделы Обзора внешней политики в основном отражают содержание отдельных отчетов ЗУ и подразделений центрального аппарата МИД. В таблице 2 не представлены такие виды информационно-справочных документов, как Отзыв-характеристика на ОДС, Отчеты о канцелярии, работе здравпункта ЗУ, Отчеты о контактах, Информации. Представляется, что указанные документы, не имеющие политического значения, должны подлежать приоритетной оптимизации.

Проведенный анализ содержания нормативных документов показал, что цели (целевые показатели) развития предусмотрены не во всех из них. Так, Порядок координации внешнеполитической деятельности и Концепция укрепления ресурсного и кадрового потенциала касаются лишь внутренней организации работы в МИД. Цели дипломатического характера выявлены в документах целеполагания и правоустанавливающих документах (см. табл. 3).

Как пример положения о ЗУ, взято Положение о посольстве РФ, утвержденное указом президента РФ от 28.10.1996 № 1497 (в ред. 18.02.2017 № 69). Ключевые приоритеты в документах целеполагания и функции в правоустанавливающих документах взаимно соответствуют. Это дает нам основание предложить целевые показатели для оценки

эффективности ЗУ, синхронизированные с целями их деятельности (см. табл. 4).

При установлении оценочных показателей следует стремиться к их максимальной объективности, поэтому часть показателей должны собираться сторонними организациями, например Росстатом (сальдо торгового баланса, турпоток), Минкультуры (изучение русского языка).

Соисполнители, отраженные в таблице 4, содействуют ЗУ в достижении ключевых показателей эффективности, но не оцениваются по ним. Так, деятельность АО «Российский экспортный центр» оценивается по видам экспорта, а не по объему торгового баланса с конкретной страной, как ЗУ.

Для разных типов ЗУ – посольств, консульств, дипломатических представительств – должны использоваться разные наборы ключевых показателей эффективности.

Обсуждение, выводы и предложения.

В соответствии с поставленной целью исследования мы изучили особенности каскадирования целей и требований к деятельности МИД от уровня стратегических документов до должностных обязанностей служащих, описали механизм оценки достижения названных приоритетов, выявили разрывы между ними и выработали предложения по оптимизации.

Таблица 3. Сопоставление целей в нормативных документах МИД РФ

Table 3. Comparison of goals in the regulatory documents of the Russian Foreign Ministry

Концепция внешней политики РФ	Меры по реализации внешне-политического курса	Госпрограмма РФ «Внешнеполитическая деятельность»	Положение о МИД	Положение о ЗУ
Формирование справедливого и устойчивого мироустройства	Создание внешних условий для долгосрочного развития РФ	–	Реализация усилий РФ по обеспечению международного мира	Внесение предложений по развитию отношений РФ с государством пребывания
Верховенство права в международных отношениях	Утверждение верховенства права в международных отношениях	Нормативно-правовое регулирование международных отношений	Заключение международных договоров по вопросам, входящим в компетенцию МИД	Участие в подготовке проектов международных договоров РФ с государством пребывания
Укрепление международной безопасности	Активизация усилий по противодействию глобальным вызовам и угрозам	–	Обеспечение безопасности пребывания граждан РФ за рубежом	Организация действий граждан РФ в государстве пребывания в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций
Международное экономическое и экологическое сотрудничество	Продвижение и защита интересов российского бизнеса на внешних рынках	Выполнение финансовых обязательств РФ, вытекающих из международных договоров	Поддержка российских участников внешнеэкономической деятельности	Развитие сотрудничества РФ с государством пребывания в торговой, экономической и научно-технической областях
Международное гуманитарное сотрудничество и права человека	Действия в сфере международных гуманитарных связей	Распространение и укрепление позиций русского языка в мире	Обеспечение прав и свобод граждан, научно-технического, культурного и иного обмена	Поддержание контактов с общественными объединениями, деловыми, научными и культурными кругами, СМИ
Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности	Участие в информационно-аналитическом мониторинге	Распространение за рубежом информации о внешней и внутренней политике РФ	Распространение в государстве пребывания официальной информации о внешней и внутренней политике РФ
Региональные приоритеты внешней политики	СНГ, ЕС, АТР, США, Латинская Америка, Африка, Арктика и др.	Развитие региональной и субрегиональной интеграции	Участие в деятельности ООН, СНГ, международных организаций	Сбор информации о государстве пребывания, изучение деятельности др. государств, организаций и союзов в регионе
–	–	–	Организация в РФ и за рубежом консульской работы	Выполнение консульских функций, развитие связей с соотечественниками
–	–	–	Участие в протокольном обеспечении межгосударственных обменов на высшем и высоком уровне	Участие в подготовке и осуществлении межгосударственных обменов на высшем и высоком уровне

Таблица 4. Показатели эффективности деятельности ЗУ МИД РФ

Table 4. KPIs for the bodies of the Russian Foreign Ministry

№ п/п	Название показателя	Характеристика показателя	Подразделение / сотрудник	Соисполнители
1	Поддержка страной пребывания позиции РФ при голосованиях в международных организациях	Позитивный. Расчет: доля от общего числа голосований, в которых принимала участие страна пребывания	Отдел внешней политики / Советник-посланник	Постпредства РФ при международных организациях
2	Качество и своевременность передаваемой в центр информации о стране пребывания	Позитивный качественный показатель, оценивается в баллах руководителем курирующего департамента	Отдел внутренней политики / Советник	–
3	Число действующих двусторонних договоров РФ с государством пребывания	Позитивный. Повышающий коэффициент – наличие двустороннего договора о дружбе	Отдел двусторонних отношений / Советник	Заинтересованные организации
4	Сальдо внешней торговли РФ со страной пребывания по всем товарам и услугам	Позитивный. Источник: Росстат	Отдел экономической работы / Советник по экон. вопросам	Минэкономразвития, АО «Российский экспортный центр»
5	Число публикаций об РФ в СМИ страны пребывания	Позитивный. Понижающий коэффициент – доля негативных публикаций	Отдел прессы и информации / Пресс-атташе	–
6	Число граждан государства пребывания, владеющих русским языком, изучающих русский язык	Позитивный. Источник: Минкультуры РФ	Отдел культуры / Советник по культуре	Россотрудничество, Фонд «Росконгресс»
7	Двусторонний туристический поток стран	Позитивный. Источник: Ростуризм	Консульский отдел / Консул	Ростуризм
8	Число граждан РФ, пострадавших на территории государства пребывания, включая находящихся в заключении	Негативный. Понижающий коэффициент – число погибших граждан РФ	Служба безопасности / Военный атташе	Органы безопасности и правопорядка
9	Число двусторонних протокольных мероприятий на высшем уровне	Позитивный. Повышающий коэффициент – визиты глав государств	Посольство в целом / Зав. протоколом	Аппараты высших органов гос. власти РФ
10	Интегральный показатель	Рассчитывается путем обобщения значений других показателей	Посол	–

В частности, выяснено, что деятельность ЗУ в настоящее время регулируется множеством нормативных документов и в центр систематически поступает большой объем отчетной документации. В связи с этим важно, чтобы отчетные материалы находились в непосредственной связи с внешнеполитическими целями, образуя систему, обеспечивающую высокое качество аналитической информации.

Обращает внимание многочисленность документов целеполагания, которые недостаточно скоординированы, и существует значительный потенциал для их оптимизации. Например, приоритеты внешней политики РФ и

руководящая роль МИД в их реализации могут быть сформулированы в одном документе – Государственной программе РФ «Внешнеполитическая деятельность», минуя дублирующиеся правовые акты (Концепция внешней политики, Меры по реализации внешнеполитического курса и Порядок координации внешнеполитической деятельности), которые могут быть признаны утратившими силу в порядке «регуляторной гильотины». Преимущество госпрограммы как документа целеполагания заключается в том, что она включена в систему стратегического планирования РФ, позволяет выстроить ясную систему внешнеполитических приоритетов и оценить

эффективность их реализации в привязке к бюджету и целевым показателям, срокам их реализации и ответственным лицам.

Разработка структурно-логической схемы позволила выявить разрывы между целями внешней политики, сформулированными в стратегических документах верхнего уровня, полномочиями и целями ЗУ, а также должностными обязанностями их работников. Некоторые внешнеполитические цели сформулированы так, что не могут быть оценены, и, следовательно, эффективность их реализации нельзя оценить. Такие цели следует дополнить средствами контроля. Ряд документов, содержащих внешнеполитические цели и приоритеты, является производным от других и по своим целям дублирует их. Президент РФ анонсировал переход с 2019 г. органов власти на проектное управление, что требует корректировки методов планирования и организации работы МИД. Неправильно, что национальный проект «Международная кооперация и экспорт» не включен в систему внешнеполитического планирования, принимая во внимание ориентацию всех ЗУ на развитие торгово-экономического сотрудничества.

Следует стремиться, используя классификацию И. Ньюмана [18], изменить кадровую парадигму российской дипломатической службы с бюрократической на активистскую, ориентированную на решение масштабных проблем, и посредническую, нацеленную на поиск компромиссов. Важную роль здесь играют оптимизация взаимодействий и проектный подход.

Сравнение отчетных материалов, регулярно направляемых ЗУ в центр, со структурой Обзоров внешней политики показало высокую степень их взаимного соответствия. В структуре Обзоров не отражаются технические отчеты, составление которых ложится бременем на персонал ЗУ, а их обработка в центре превышает вычислительные возможности, что характерно не только для РФ, но и для МИД зарубежных стран [18; 19; 20]. Решение видится в переводе несекретных технических отчетов (о хозяйственной деятельности, работе здравпункта ЗУ, разного рода информации и справок) в электронный вид, отказе от их направления дипломатической почтой и использовании искусственного интеллекта для их обработки. Это позволит разгру-

зить квалифицированный персонал для анализа политически важной информации.

Конкретно речь может идти об информационной системе «Электронная дипломатия», создание которой предусмотрено в Концепции укрепления ресурсного и кадрового потенциала, а также о развитии возможностей существующей Федеральной государственной информационной системы внешнеполитической деятельности (ФГИС ВПД МИД) и АИС «Консул ЗУ». Следует констатировать, что имеющиеся возможности информатизации ЗУ используются недостаточно. В плане информатизации на 2020–2022 гг. на развитие информационных систем ассигновано 400 млрд руб., при этом не предусмотрены меры по информатизации ЗУ и хотя бы частично переводу их отчетности в электронный вид. Это видится существенным недостатком.

При изучении механизма оценки достижения внешнеполитических приоритетов подтверждена его работоспособность. При этом не во всех нормативных документах предусмотрены ясные целевые показатели. По всем целевым показателям, каскадированным от уровня стратегических документов внешнеполитического планирования на уровень ЗУ, нами предложены показатели эффективности деятельности ЗУ. Разработанный аналитический инструмент оценки отражает сквозное соответствие приоритетов в ходе их каскадирования. Модель построена на сочетании разных видов показателей (количественных и качественных, позитивных и негативных, политических и экономических, частных и интегральных, формируемых ЗУ и сторонними организациями), что обеспечивает ее сбалансированность и универсальность. Учитывая, что персонал российских ЗУ крайне невелик, а ОДС и АТП выполняют большой спектр задач, важно оценивать личный вклад каждого в конечный результат по набору ясных показателей. При этом диппредставительства, посольства, консульства следует оценивать по различным наборам показателей.

Политический и управленческий смысл предлагаемых изменений состоит в том, что для проведения согласованной внешней политики во всех регионах мира МИД необходимо иметь полную картину деятельности ЗУ в ди-

намике, объективно оценивая вклад каждого из них в достижение приоритетов внешней политики страны. Оценка станет более эффективной при сочетании традиционных качественных методов (записок, отчетов) и количественных данных (предлагаемой модели ключевых показателей). Это позволит принимать выверенные политические и организационно-кадровые решения. По итогам оценки возможно разделение ЗУ на группы по уровню эффективности, отражение этих данных в Обзорах внешней политики и обсуждение на совещании послов и постпредов в Москве с участием министра. На уровне ЗУ итогом этих мер станет эффективная ротация ОДС и материальное стимулирование с учетом достигнутых результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грибин, Н. П. Стратегическое планирование и прогнозирование во внешней политике России в условиях возрастания угроз и вызовов / Н. П. Грибин // *Дипломатическая служба*. – 2020. – № 1. – С. 13–26.
2. Де ла Крус Сальседо, М.-Ф. Организационные аспекты кадрового менеджмента на примере посольств Латинской Америки / М.-Ф. Де ла Крус Сальседо // *Управленец*. – 2011. – № 7–8. – С. 70–73.
3. Дубинин, Ю. В. Информационно-аналитическая функция дипломатических представительств за рубежом / Ю. В. Дубинин // *Право и управление*. 21 век. – 2011. – № 4. – С. 107–119.
4. Жолдошев, К. МИД Кыргызстана закрывает неэффективные подразделения за рубежом (пер. с кыр.) / К. Жолдошев // *Азаттык*. – 2016. – 22 авг. – С. 7–8.
5. Занко, Т. А. Соотношение государственной гражданской службы в системе загранучреждений минэкономразвития России и МИД России / Т. А. Занко // *Публичное и частное право*. – 2016. – № 1 (29). – С. 69–71.
6. Комарова, А. В. Использование инструментов управления проектами в деятельности торговых представительств России за рубежом / А. В. Комарова // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2017. – № 2. – С. 111–118.
7. Литвак, Н. В. Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт / Н. В. Литвак // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 2. – С. 163–172.
8. Павлюк, А. В. Нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие формирование, содержание и реализацию внешней полити-

ки государства / А. В. Павлюк // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2018. – № 5. – С. 258–261.

9. Стратегии развития Российской Федерации на 2018–2024 гг. – М. : Центр стратегических разработок, 2018. – 184 с.
10. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография / под ред. А. И. Подберезкина. – М. : МГИМО–Университет, 2015. – 722 с.
11. Федотов, А. Л. Кадровое обеспечение дипломатической службы / А. Л. Федотов // *Право и управление*. XXI век. – 2013. – № 1. – С. 54–65.
12. Evaluation zum Personal im diplomatischen Dienst Bericht der Parlamentarischen Verwaltungskontrolle zuhanden der Geschäftsprüfungskommission des Ständerates. – Geneva : [s. l.], 2015. – 120 p.
13. Foreign Service Employee Evaluation Report. – Washington : US Department of State, 2017. – 156 p.
14. Haslinda, A. Perception on the Performance Appraisal System among Malaysian Diplomatic Officers / A. Haslinda, G. A. Karen // *The Social Sciences*. – 2012. – Vol. 7, № 3. – P. 486–495.
15. Hill, C. European Foreign Policy: Key Documents / C. Hill, K. E. Smith. – London : Routledge, 2002. – 96 p.
16. La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008–2020. – Paris : La Documentation française, 2008. – 556 p.
17. Lequesne, C. States and Their Foreign Services / C. Lequesne. – Palgrave Macmillan, Cham, 2020. – 138 p.
18. Neumann, I. B. To be a Diplomat / I. B. Neumann // *International Studies Perspectives*. – 2005. – Vol. 6, № 1. – P. 72–93.
19. Splendeurs et misères du travail des diplomates / A. Bazin [et al.] // *Revue européenne des sciences sociales*. – 2015. – Vol. 53, № 1. – P. 323–326.
20. Steigman, A. L. The Foreign Service of the United States: First Line of Defense / A. L. Steigman. – N.Y. : Routledge, 2019. – 158 p.

REFERENCES

1. Gribin N.P. Strategicheskoe planirovanie i prognozirovaniye vo vneshnikh ugrozakh Rossii [Strategic Planning and Forecasting in Russia's Foreign Policy in the Face of Increasing Threats and Challenges]. *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic Service], 2020, no. 1, pp. 13–26.
2. De la Krus Sal'sedo M.-F. Organizatsionnyye aspekty kadrovogo menedzhmenta na primere posol'stv Latinskoy Ameriki [Organizational Aspects of Personnel Management on the Example of the Embassies of Latin America]. *Upravlenets* [Manager], 2011, no. 7–8, pp. 70–73.

3. Dubinin Y.V. Informatcionno-analiticheskaya funktsiya diplomaticheskikh predstavitel'stv za rubezhom [Information and Analytical Function of Diplomatic Missions Abroad]. *Pravo i upravleniye. XXI vek* [Law and Management. 21st Century], 2011, no. 4, pp. 107-119.

4. Zholdoshev K. MID Kyrgyzstana zakryvayet neeffektivnyye podrazdeleniya za rubezhom [The Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyzstan Closes Inefficient Units Abroad]. *Azattyk*, 2016, Aug. 22, pp. 7-8.

5. Zanko T.A. Sootnosheniye gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby v sisteme zagranuchrezhdeniy minekonomrazvitiya Rossii i MID Rossii [The Ratio of State Civil Service in the System of Overseas Institutions of the Ministry of Economic Development of Russia and the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Publichnoye i chastnoye pravo* [Public and Private Law], 2016, no. 1, pp. 69-71.

6. Komarova A.V. Ispol'zovaniye instrumentov upravleniya proyektami v deyatel'nosti torgovykh predstavitel'stv Rossii za rubezhom [The Use of Project Management Tools in the Activities of Trade Missions of Russia Abroad]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2017, no. 2, pp. 111-118.

7. Litvak N.V. Sovremennaya diplomaticheskaya sluzhba kak reflektivnyy institut [The Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Policy. Political research], 2018, no. 2, pp. 163-172.

8. Pavlyuk A.V. Normativnyye pravovyye akty Rossiyskoy Federatsii, reguliruyushchiye formirovaniye, sodержaniye i realizatsiyu vneshney politiki gosudarstva [Normative Legal Acts of the Russian Federation Regulating the Formation, Content and Implementation of the State's Foreign Policy]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Law], 2018, no. 5, pp. 258-261.

9. *Strategii razvitiya Rossiyskoy Federatsii na 2018–2024 gg.* [Development Strategies of the Russian

Federation for 2018–2024]. Moscow, Center for Strategic Research, 2018. 184 p.

10. Podberezkin A.I., ed. *Strategicheskoye prognozirovaniye i planirovaniye vneshney i oboronnoy politiki* [Strategic Forecasting and Planning of Foreign and Defense Policy]. Moscow, MGIMO – University, 2015. 722 p.

11. Fedotov A.L. Kadrovoye obespecheniye diplomaticheskoy sluzhby [Staffing of the Diplomatic Service]. *Pravo i upravleniye. XXI vek* [Law and Management. 21st Century], 2013, no. 1, pp. 54-65.

12. *Evaluation zum Personal im diplomatischen Dienst Bericht der Parlamentarischen Verwaltungskontrolle zuhanden der Geschäftsprüfungskommission des Ständerates*. Geneva, [s. n.], 2015. 322 p.

13. *Foreign Service Employee Evaluation Report*. Washington, US Department of State, 2017. 156 p.

14. Haslinda A., Karen G.A. Perception on the Performance Appraisal System Among Malaysian Diplomatic Officers. *The Social Sciences*, 2012, vol. 7, no. 3, pp. 486-495.

15. Hill C., Smith K.E. *European Foreign Policy: Key Documents*. London, Routledge, 2002. 96 p.

16. *La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France 2008–2020*. Paris, La Documentation française, 2008. 556 p.

17. Lequesne C. *States and Their Foreign Services*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. 138 p.

18. Neumann I.B. To Be a Diplomat. *International Studies Perspectives*, 2005, vol. 6, no. 1, pp. 72-93.

19. Bazin A., Pietet F., Lorio M., Delfolie D. Splendeurs et misères du travail des diplomates. *Revue européenne des sciences sociales*, 2015, vol. 53, no. 1, pp. 323-326.

20. Steigman A.L. *The Foreign Service of the United States: First Line of Defense*. New York, Routledge, 2019. 158 p.

Information About the Author

George A. Borschhevskiy, Doctor of Sciences (Politics), State Counselor of the Russian Federation, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, ga.borschhevskiy@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9099-9847>

Информация об авторе

Георгий Александрович Борщевский, доктор политических наук, государственный советник Российской Федерации 3 класса, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, ga.borschhevskiy@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9099-9847>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

UDC 327

LBC 63.3(0)64+63.3(0)6+66.4

Submitted: 18.02.2020

Accepted: 13.07.2020

**RUSSIA – CHINA: A DIFFICULT WAY TO STRATEGIC PARTNERSHIP
(TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT
OF DIPLOMATIC RELATIONS)**

Sergey V. Biryukov

Center for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China;
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the features and historical evolution of the Soviet-Chinese (later Russian-Chinese) relations from the moment of the proclamation of the People's Republic of China in 1949 to the present. The analysis of the complex of factors that determined the complex dynamics of the relations between the two countries was carried out by the author of the article. It is shown that the Soviet-Chinese (later – Russian-Chinese) relations developed from close alliance to alienation and confrontation – with reaching a level of strategic partnership in the second decade of the 21st century. *Methods and materials.* The authors seek a combination of general theoretical and special methods, focusing on the historical, socio-cultural and political analysis. They are based on the analysis of periodicals, as well as using books, articles and materials of researchers on the problems of the political development of China and the USSR (Russia) and on the transformation of the nature of their bilateral relations. The author analyzes the current situation in the relations between the two countries, according to which the nature of the development of the general situation in international relations and the objective foreign policy interests of China and Russia encourage them to build and deepen bilateral partnership. *Results.* According to the author, many of the reasons that gave rise to a conflict of interests and confrontation between the two countries in previous years are exhausted today. At the same time, the joint participation of China and Russia in the formation and adoption of a new, more equitable and sustainable world order, in the settlement of conflicts and crises, in the arrangement of the Greater Eurasia space seems to the author justified and promising. Among the factors defining the nature of the Sino-Soviet relations the author identifies the relationship between the leaders of the two countries, the difference of geopolitical concepts and approaches, ideological disputes and differences in the views on strategy and prospects of the communist movement, the logic of the socio-political and socio-economic development in the context of modernization. The changing and contradictory correlation of these factors determined the development of the Soviet-Chinese (later Russian-Chinese) relations from a close alliance to mutual distancing and confrontation – with the subsequent entry into strategic partnership.

Key words: China, Russia, national and state self-determination, political dynamics, diplomacy, world communist movement, “Second” and “Third” worlds, Non-Aligned Movement, modernization, strategic partnership.

Citation. Biryukov S.V. Russia – China: A Difficult Way to Strategic Partnership (To the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 231-245. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

**РОССИЯ – КИТАЙ:
НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ
(К 70-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

Сергей Владимирович Бирюков

Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет,
г. Шанхай, Китайская Народная Республика;
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена особенностям и исторической эволюции советско-китайских (позднее – российско-китайских) взаимоотношений с момента провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. до настоящего времени. Автором статьи осуществлен анализ совокупности факторов, определивших сложную динамику взаимоотношений двух стран. Показано, что советско-китайские (позднее – российско-китайские) отношения развивались от тесного союзничества до отчуждения и конфронтации – с выходом на уровень стратегического партнерства во второй декаде XXI века. В качестве причин трансформации характера двусторонних взаимоотношений автор рассматривает происходившие общественно-политические изменения в обеих странах в период после Второй мировой войны, особенности их позиционирования на международной арене и в составе мирового коммунистического движения, особенности политического стиля и направленность политики лидеров обеих стран. Анализ современной ситуации во взаимоотношениях двух стран осуществлен автором, по заключению которого характер развития общей ситуации в международных отношениях и объективные внешнеполитические интересы Китая и России побуждают их к выстраиванию и углублению двустороннего партнерства. По мнению автора, многие причины, порождавшие в прежние годы конфликт интересов и противостояние двух стран, на сегодняшний день исчерпаны. Вместе с тем совместное участие Китая и России в формировании и утверждении нового, более справедливого и устойчивого миропорядка, в урегулировании возникающих конфликтов и кризисов, в обустройстве пространства «Большой Евразии» представляется автору обоснованным и перспективным.

Ключевые слова: Китай, Россия, национально-государственное самоопределение, политическая динамика, дипломатия, мировое коммунистическое движение, «Второй» и «Третий» миры, Движение неприсоединения, модернизация, стратегическое партнерство.

Цитирование. Бирюков С. В. Россия – Китай: непростой путь к стратегическому партнерству (к 70-летию установления дипломатических отношений) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 231–245. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.18>

Введение. Россия и Китай – две сверхдержавы, прошедшие в XX в. сложный и нередко драматичный путь развития, от молодых и «нежеланных» (прежде всего для западного сообщества) государств до статуса мировых держав, активно влияющих на глобальную «повестку дня». Их сотрудничество и соревнование в различных сферах предопределили сложную динамику в двусторонних взаимоотношениях в прошедшем столетии. Именно тогда обе страны утвердились в качестве мировых держав, реализовали собственные стратегии развития и масштабные политико-идеологические

проекты, продвигали собственные подходы к пониманию социалистической модели, которые в определенный момент пришли в состояние соперничества друг с другом. Отношения двух стран никогда не были простыми и беспроблемными. Были периоды «вечной дружбы», противостояния, «стратегических пауз» в отношениях и поэтапного сближения – вылившегося затем в стратегическое партнерство. Однако логика геополитического и общемирового развития [13] побудили стороны к нормализации отношений, а потом и к «беспрецедентному сближению» в первые десятилетия XXI века.

В течение всего периода выстраивания собственных дипломатических стратегий обе страны неизменно стремились адаптироваться к внешним вызовам и открывающимся возможностям, изменяли подходы к выстраиванию взаимоотношений друг с другом, делали акцент на различные факторы влияния – и стремились согласовать текущие внешнеполитические решения с более долгосрочной стратегией, выражающей их долгосрочные интересы и идеологические приоритеты [30].

Автор сознательно посвятил вводную часть работы уточнению методологии исследования – поскольку без такого уточнения не представляется возможным сформировать и обосновать системный взгляд на изучение российско-китайских взаимоотношений, проанализировать и обобщить представляющиеся значимыми подходы к их изучению китайскими и российскими исследователями (и в том числе содержащие в себе элементы системного и факторного анализа). Вторая часть статьи посвящена рассмотрению известных фактов и обстоятельств развития отношений двух стран с позиций системно-синерго-деятельностной методологии, в соответствии с которой СССР (Россия) и Китай рассматриваются как две взаимодействующие нелинейные системы, стремящиеся совместить решение задач внутреннего развития с адаптацией к изменениям во внешнем окружении. При этом дальнейшее развертывание автором заявленной им методологии исследования требует написания отдельной статьи.

Методы. На взгляд автора, для описания оптимальной стратегии поведения для мировых держав (включая Китай и Россию) больше подходит модель «государства-системы» (термин российского политолога и экономиста-международника А.И. Неклессы [12]) – то есть страны, которая стремится консолидировать имеющиеся у них ресурсы для обретения полноценной субъектности на международной арене – включая (на определенной стадии) продвижение собственной версии мирового порядка и мироустройства.

По мнению автора, наиболее способствует созданию комплексной картины изменений, происходивших и происходящих в российско-китайских взаимоотношениях, системно-синерго-деятельностная парадигма [6].

Она предполагает рассмотрение взаимоотношений СССР (России) и Китая как сложной системы, развивающейся в результате действия различных факторов (политических, экономических, социальных) в соответствии с нелинейными закономерностями (предполагающими многообразие вариантов развития ситуации в зависимости от комбинации этих факторов).

В чем заключаются преимущества системно-синерго-деятельностного подхода применительно к изучению советско-китайских, а потом и российско-китайских отношений в их историческом развитии? На наш взгляд, использование данного подхода предполагает следующие преимущества:

1. Позволяет выявить совокупность факторов (личностных, системных, формальных, неформальных и др.), определяющих характер и направленность развития двусторонних политических, экономических, военных и культурных отношений.

2. Позволяет определить совокупность проблем и противоречий, от успешного разрешения либо неразрешенности которых зависит не только текущее развитие, но и перспективы изменения двусторонних отношений.

3. Позволяет дать комплексную характеристику внешнеполитическим стратегиям, взятым на вооружение политическим руководством КНР и СССР.

4. Позволяет оценить совокупную эффективность внешнеполитических стратегий и моделей взаимодействия, используемых советской (российской) и китайской сторонами в разные периоды их взаимоотношений.

Рассматривая тему развития отношений двух стран, можно выделить несколько уровней проявления актуальных противоречий по следующим линиям:

Взаимоотношения лидеров – их политический стиль и подходы к формированию практической политики и внешнеполитического курса, политические приоритеты и амбиции.

Взаимоотношения стран по вопросам текущей политики – их позиции по вопросу о политических целях и средствах их достижения как на внутренней, так и внешнеполитической аренах.

Взаимоотношения в идеологической сфере – идеологические дискуссии, динамика

ческое соотношение стратегий «развитого социализма» и «мирного сосуществования с капиталистическими странами» (СССР) с идеологическими приоритетами времен правления Мао Цзэдуна и его преемников во главе КНР.

Позиции сторон по проблемам геополитики – соотношение взглядов на оптимальную структуру и характер желательного мирового порядка.

Общее и различное в подходах стран и их лидеров к целям и задачам международного коммунистического движения – вопрос о судьбах коммунизма и мировой антикапиталистической революции в XX в., подходы сторон к возможному изменению соотношения сил в мировой политике, о перспективных моделях мирового порядка.

Различия в циклах внутреннего развития и подходах к модернизации – конкуренция и спор между мобилизационным и эволюционным вариантами социально-экономического развития.

Расхождения относительно подходов к выстраиванию взаимоотношений СССР (России) и Китая с Западом (Европой и США) – своеобразное «чередование» подходов, основанных на противостоянии и приверженности к «мирному сосуществованию», к которым в разное время прибегало политическое руководство обеих стран.

Обсуждение. Значительная часть исследователей делают акцент на определенный комплекс факторов, определявших характер и особенности взаимоотношений СССР (затем России) и КНР начиная с 1949 г. – личностные (лидерские) (Д. Флойд [23], П. Шорт [36], А.Д. Богатуров [1], Ю.М. Галенович [3]), политические (Шен Жихуа и Яфенг Сиа [41], Ю. Песков [34], К. Менерт [32] и др.), политико-идеологические (М.С. Капица и др. [7; 8]), экономические (Дж. Фридман [24], А. Джершилд [29]), геополитические (Д. Хайнциг [27, р. 27], Б. Крозье [19, р. 142–149], Я. Трофимов [37], Дж. Уилсон [39] и др.) и военные (Э. Харрисон [26], Шен Жихуа [40] и др.). При этом имеет место известный дефицит работ, пытающихся проанализировать изменчивое соотношение перечисленных и иных факторов в конкретные периоды развития двусторонних отношений – что делает актуальными дальнейшие исследования этой темы.

Какая из теорий международных отношений наиболее подходит для описания истории взаимоотношений Китая и России в XX и XXI вв. – двух стран, опирающихся на многовековое и самобытное культурное наследие и имеющих собственные многовековые дипломатические традиции? Неореализм изначально рекомендовал рассматривать взаимоотношения двух государств в качестве самостоятельных (автономных) субъектов, руководствующихся факторами силы и интереса [33], что делало конкуренцию постоянной, а любые пакты – временными. Эту нехватку доверия, основанную на неопределенности, принято называть «дилеммой безопасности»; это означает, что увеличение безопасности великой державы неизбежно уменьшает безопасность других держав [38, р. 93]. Государства могут уменьшать для себя риски и негативные эффекты: внутреннее балансирование (последовательное наращивание внутренних возможностей и потенциала) и внешнее балансирование (вступление в союзы) [38, р. 99].

Однако мировой политический процесс куда сложнее любых теоретических схем – предсказывающих «упразднение государств», раздел мира между членами «клуба сверхдержав» [31] либо безальтернативность глобализации как процесса [25]. Современный миропорядок является «многослойным», и в его рамках государства не «преодолеваются» [22, s. 69], но сосуществуют на международной арене с другими акторами мировой политики – международными организациями, межгосударственными союзами, НПО, транснациональными корпорациями и другими негосударственными международно-политическими субъектами. Поэтому, как представляется автору, описанная выше неореалистическая схема не отражает всей полноты противоречий и возможностей, которые возникают во взаимоотношениях таких значимых мировых игроков, какими являются современные Китай и Россия.

Принятая в сегодняшней китайской историографии периодизация внешней политики данного периода в развитии Китая [16] немного отличается от традиционно используемой советскими и российскими учеными [4; 13]. Хотя внешняя политика КНР времен Мао Цзэдуна в китайской историографии делится на

три периода, водоразделом между первым и вторым периодами считается не 1960-й, а 1956 г. (это же касается и внутренней политики). Нужно признать, что подобная периодизация имеет под собой, по крайней мере, не меньше оснований, чем принятая в СССР и нынешней России и усматривающая рубеж в отношениях двух стран, приходящийся именно на 1960-е годы [4; 9]. Используя заявленный ранее системно-синерго-деятельностный подход, автор предпочитает взять за основу периодизацию, сформулированную исследователями из КНР, и рассматривать выделяемые ими периоды в развитии политики социалистического Китая (внутренней и внешней) как стадии единого политико-идеологического цикла, логика которого начиная с известного периода не совпадала с логикой политического процесса в СССР – что вело к росту напряжения и конфликтности в отношениях двух стран.

Использование в качестве исходного принятого в китайской историографии подхода к периодизации двусторонних отношений позволяет соотнести «китайский взгляд» с утвердившимся в советской (и позднее – российской) историографии подходом к их периодизации, соотнести динамику двусторонних отношений с логикой внутривнутриполитического процесса в обеих странах – а также с общей логикой процесса модернизации внешней политики СССР и КНР в ответ на изменения в мировой политике.

Попытаемся более подробно рассмотреть содержание основных периодов в развитии отношений СССР (России) и Китая, используя заявленный нами ранее системно-синерго-деятельностный подход, дополненный историческим и политическим анализом. При этом мы не будем предлагать собственной периодизации истории этих взаимоотношений, но возьмем за основу их подразделение на периоды, принятое в китайской историографии.

1949–1956 гг. – период «склонения в одну сторону». Первые восемь лет существования КНР, которые в советской и российской историографии чаще всего называют периодом «братской дружбы народов СССР и Китая», в Китае именуют «ибяньдао» – периодом «склонения в одну сторону» [17].

В начальный период с момента установления дипломатических отношений между

КНР и СССР в них преобладала позитивная динамика. Так, после провозглашения на площади Тяньаньмэнь Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г., СССР 2 октября этого же года установил с ней дипломатические отношения, одним из первых признав новую историческую форму китайского государства, обладающего многотысячелетней историей. В итоге сталинский СССР сделал ставку на оказание КНР масштабной помощи как государству некапиталистической ориентации и своему перспективному союзнику в международном коммунистическом движении и деле установления послевоенного мирового порядка. Китаю, в свою очередь, были интересны опыт и возможности социалистической модернизации («великий перелом»), реализованной (при всех известных издержках) в СССР в 1920–1930-е годы. Следуя взятым на себя обязательствам, Советское правительство оказало китайской стороне немалую помощь – экономическую, кадровую, производственно-технологическую и военно-техническую, которая была с благодарностью принята в КНР и использовалась для реализации собственных планов развития. Ставка СССР на поддержку КПК и НОАК во главе с ярким и сильным лидером Мао Цзэдуном осталась неизменной, несмотря на сложившиеся ранее взаимоотношения Москвы с Гоминьданом. В то же время первоначальные сомнения Москвы в возможности победы Мао Цзэдуна и сил КПК и НОАК вылились в итоге в идею создания на территории Китая (по аналогии с послевоенной Германией) двух государств с различной политико-идеологической ориентацией: коммунистической и гоминьдановской. Однако после победы Мао и возглавляемых сил в этом противостоянии последний обрел безусловное доверие Москвы и верного союзника в лице СССР – что знаменовало начало периода тесных союзнических отношений. Как результат этого политического выбора обеих сторон, 14 февраля 1950 г. был заключен Договор о дружбе, союзе, взаимной помощи между КНР и СССР. Воспроизведение во многих чертах советской модели социально-экономического развития принесло неоднозначные результаты, хотя определенный прорыв в развитии Китая был действительно совершен; ознаменованный договором период «вечной дружбы» продлился в итоге чуть

более 10 лет. Практическим воплощением этого тесного сотрудничества стали постройка 300 крупнейших заводов и их технологическое оснащение, передача Порт-Артура и Дальнего КНР, наращивание двусторонней торговли, строительство объектов производственной и транспортной инфраструктуры.

При этом китайские исследователи неоднократно подчеркивали вынужденный характер стратегии, предполагающей «наклон в одну сторону» (СССР). Китайские историки подчеркивают, что в условиях холодной войны и жесткой поляризации мира (с разделением его на военно-политические блоки во главе с Советским Союзом и США) новый Китай был так или иначе вынужден примкнуть к одному из этих лагерей – не отказываясь при этом от поиска возможностей для геополитического маневра (что выглядело естественным для страны, утверждающейся в статусе мировой державы) [18, p. 327].

1956–1966 гг. – «удар двумя кулаками». Период с 1956 по 1966 г., сопровождающийся существенными изменениями в китайской внешнеполитической стратегии, по-разному оценивается и определяется китайскими экспертами и исследователями. Например, в книге «60 лет китайской внешней политики», изданной к 60-летию образования КНР (2009 г.), это десятилетие называется «периодом упорядочивания внешней политики». При этом, обобщенно определяя суть данного периода, китайские историки чаще всего используют термин из боевых искусств – «лянгэ цюаньтоу дажэнь» («удар двумя кулаками»), который по своему смыслу означает «борьбу на два фронта», что в тогдашней политической ситуации одновременно означало противостояние «американскому империализму» и «советскому ревизионизму». В переходе к этой по-новому ориентированной политике и состоял основной смысл перестройки (или «упорядочивания» – «тяочжэн») китайской внешней политики. Последнее означало поэтапный отказ от «склонения в одну сторону» с расширением контактов со странами Азии, Африки и Латинской Америки, с намерением возглавить их коалицию, одновременно противостоящую двум глобальным полюсам – «международному империализму» во главе с США и «международному ревизионизму» во главе с

Советским Союзом. По мнению китайских исследователей, политика КНР, нацеленная на создание альтернативного двум упомянутым «полюсам» третьего «глобального полюса», благодаря такому изменению действительно освободилась от «крайностей» предшествующего периода и стала по-настоящему независимой и самостоятельной [35].

Характерно при этом, что в советской и российской историографии различные этапы этого периода в отношениях между СССР и КНР описываются как «разногласия», «начало полемики» и только затем – «разрыва отношений». Следует признать, что расхождение интересов и мнений создавало предпосылки для подобного «разрыва» постепенно [5, с. 165–167, 175].

Моментом начала существенных изменений в советско-китайских отношениях стала смерть И.В. Сталина. Последовавшее за этим публичное разоблачение первым секретарем ЦК Н.С. Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. способствовало отчуждению в отношениях двух некогда очень близких друг другу государств. Подобное действие, затрагивающее совокупный символический капитал сообщества социалистических стран, было воспринято в Пекине как односторонняя акция Советского Союза, провоцирующая раскол в международном коммунистическом движении и подрывающая его совокупный авторитет. Другая причина – лидеры КПК, желая дальнейшего самоутверждения на международной арене, все чаще призывали СССР к более жесткой политике в отношении Запада, допуская мировую войну как средство разрешения противоречий в отношениях с империалистическими державами – что не устраивало Москву, стремящуюся к смягчению своих отношений с Западом.

Советское руководство, в свою очередь, упрекало руководство КНР за реализуемую стратегию «Большого скачка» – поскольку СССР после 1953 г. начал процесс перехода из мобилизационной фазы развития в эволюционную. Возникший «маленький спор», по мнению китайской стороны, не нарушил большое единство – но эпоха «великой дружбы» постепенно подходила к концу в связи с новыми политическими обстоятельствами. Поми-

мо этого, Китай нуждался во внешнеполитической самостоятельности в эффективном позиционировании на мировой арене.

В начале 1957 г. Мао Цзэдун изложил учение о месте и роли «трех сил» на международной арене, акцентировав принадлежность Китая к «третьей силе» – освободительному движению угнетенных наций и национальных государств, стремящихся укрепить свою внешнеполитическую субъектность. Именно их следует Китаю в первую очередь поддерживать на мировой арене, подчеркивая общность интересов с ними. В отношениях с СССР необходимо «методом убеждения разрешать противоречия», в то время как по отношению к капиталистическим государствам (исключая США) – бороться за мирное сосуществование, одновременно нейтрализуя «со всей решительностью» любые военные угрозы и возможные попытки «воздействия силой» на Китай.

Следует также помнить, что Н.С. Хрущев – последний идеологически мотивированный руководитель СССР, с масштабными планами переустройства внутренней и внешней политики Советского Союза и претензиями на лидерство в коммунистическом движении (в контексте инициированной им десталинизации) – что не всегда встречало одобрение руководителей других социалистических стран, вызывая напряжение [3].

Официальный разрыв советско-китайских отношений случился в 1960 г., когда Н.С. Хрущев, недовольный критикой китайской стороны и не просчитавший все возможные последствия своего решения, отозвал из КНР советских технических специалистов, что вызвало остановку ряда значимых производств. Это положило начало двадцатилетней эпохе прогностования, в основе которого лежали не только расхождения в подходах лидеров стран, но и объективные политические (несовпадение политических циклов и подходов к формированию практической политики), идеологические (расхождения в толковании марксистского учения – СССР стремился к сравнительно умеренным его интерпретациям, Китай при Мао Цзэдуне – к несколько более радикальным в целях более быстрого и успешного решения внутри- и внешнеполитических задач развития), экономические (спор между мобилизационной (в Китае) и

эволюционной экономической (восторжествовавшей в СССР) моделями), геополитические (спор о желательной структуре миропорядка и о роли в нем каждой из держав – который породил в итоге взаимные обвинения в гегемонистских устремлениях) противоречия. Характерно, что политические расхождения стали проецироваться практически на любые события, связанные с участием обеих держав (и прежде всего СССР) на мировой арене – будь то Карибский кризис 1962 г. или конфликт Китая с Индией в 1963 году.

И не случайно, что уже в 1963 г. произошел обмен между сторонами официальными посланиями с выражением своих позиций, подтверждающий наличие расхождений во взятых на вооружение внешнеполитических стратегиях двух стран.

1966–1976 гг. – «одна линия, один массив». Значительное влияние на взаимоотношения Москвы и Пекина, безусловно, оказывали и социально-политические процессы в самом Китае. Радикальный разворот отношений (инверсия) пришелся на время «культурной революции в Китае» (1966–1976). Период «культурной революции» определяется как китайскими, так и некоторыми зарубежными исследователями как «период, когда верх одерживала ультра-левая линия» [28, р. 163]. Данная оценка в значительной степени совпадает с принятой в российской историографии [10, с. 100–101; 11, с. 678–681]. При этом содержательные характеристики этого периода и его политическое значение оцениваются китайскими и российскими исследователями различным образом. Китайские исследователи акцентируют значение целенаправленных усилий (начиная с 1970 г.) председателя Мао Цзэдуна по консолидации сил для противодействия «ревизионистскому» курсу тогдашнего советского руководства [17]. Для этого китайскими историками используются понятия «итясянь, идапьянь» («одна линия, один массив»), означающие консолидацию общественно-политических сил.

Само начало «культурной революции» ознаменовалось декларацией КПК от августа 1966 г. о том, что «наступила новая эра в развитии мировой революции», в условиях которой «борьба против советского ревизионизма и американского империализма» стано-

вится центром всей внешней политики КНР. При этом главным является борьба против «современного ревизионизма», источником которого объявлялось руководство КПСС.

Ухудшение отношений распространялось не только на политическую сферу. В 1968 г. впервые после образования КНР не было подписано торговое соглашение с СССР, хотя продолжали действовать лишь контракты на отдельные виды товаров. В 1970 г. товарооборот упал до самой низкой отметки за всю историю отношений (41,9 млн руб.).

Значимые внешнеполитические события в мире также способствовали взаимному дистанцированию Китая и СССР. События 1968 г. в Чехословакии были использованы Мао Цзэдуном как подтверждение существующей возможности вмешательства Москвы во внутренние дела КНР (эту позицию подтвердил на официальном приеме 30 октября 1968 г. глава МИД Китая Чжоу Эньлай).

В сложившейся обстановке актуализировались пограничные споры. В декабре 1967 г. и январе 1968 г. произошли серьезные столкновения на о. Киркинском, а 26 января 1968 г. имело место первое столкновение на о. Даманском (ставшее прелюдией последующего вооруженного противостояния). В июне 1967 г. в КНР прошло первое испытание водородной бомбы, которое было диаметрально противоположным образом интерпретировано Москвой и Пекином, что лишь способствовало ухудшению двусторонних отношений.

Самым масштабным стал конфликт в 1969 г. на острове Даманском, унесший жизни десятков людей. Официального разрыва дипломатических отношений тогда не произошло, хотя контакты во всех основных сферах были свернуты. Непредсказуемость официального Пекина беспокоило правительство СССР, де-факто проводившего политику «мирного сосуществования» с Западом и сознательно инициировавшего политику «разрядки»; очаг напряженности на восточных рубежах Москве был тогда не нужен.

Между тем созыв 5 июня 1969 г. Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве подтвердил твердость намерений советского руководства консолидировать международное коммунистическое движение на выгодных для себя позициях, уменьшив нега-

тивные последствия кризиса в своих отношениях с Китаем. При этом во избежание новой эскалации стороны не прекращали попытки наладить двусторонний диалог, используя для этого имеющиеся (пусть и ограниченные на тот момент) возможности.

Параллельно с этим китайское руководство стало развивать американское направление своей внешней политики, стремясь компенсировать таким образом произошедшее ухудшение взаимоотношений с Советским Союзом и прекращение союзнических отношений с ним. Китай, который с 1969 г. находился в состоянии серьезного ухудшения отношений с СССР, рассчитывал использовать сближение с США для усиления своих позиций. Подобное сближение позволяло успешнее решать вопросы дипломатического признания КНР и восстановления ее представительства в ООН (против чего не возражал и СССР), а также привлечения дополнительных ресурсов извне для социально-экономического развития Китая. Однако главным фактором сближения являлось все же «сдерживание» Советского Союза [20] и отстаивание собственных позиций и интересов КНР на международной арене и в рамках «Движения неприсоединения».

Подобный дипломатический прорыв позволил Китаю, по мнению китайских историков, уже в течение 1970-х гг. не только установить дипломатические отношения со 110 (из тогдашних 130) признанными международным сообществом государствами, но и качественно улучшить отношения с США, Японией и ведущими странами Западной Европы, что означало «второе упорядочение» внешней политики страны – чему не помешал внутренний процесс «культурной революции». Теоретическим обоснованием внешней политики КНР в начале 1970-х гг. стала «теория трех миров» председателя Мао Цзэдуна, являющаяся модификацией его прежней концепции «промежуточных зон» и публично заявленной в речи Дэн Сяопина (заменившего в последний момент ранее ангажированного свое выступление Чжоу Эньлая) на заседании Генассамблеи ООН в апреле 1974 года.

Указанная теория «трех миров» Мао Цзэдуна отличалась от традиционных западных подходов к делению мира на три услов-

ных «полюса» (капиталистические страны – социалистические страны – развивающиеся страны), напротив, предполагала подразделение мирового сообщества на две сверхдержавы – СССР и США, стремящиеся к гегемонии и навязыванию остальному миру своей воли; страны «второго мира», включая развитые капиталистические и восточноевропейские страны, так или иначе испытывающие давление со стороны тех или иных сверхдержав; развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, ведущие борьбу за внешнеполитическую субъектность и независимость против любых проявлений «империалистического диктата».

В этой ситуации задача Китая, статусно принадлежащего тогда ко «второму миру», состояла в консолидации народов «третьего» и «второго» миров в борьбе против «имперского гегемонизма» СССР и США; при этом особо подчеркивалась агрессивность политики Москвы и ее «небезопасность» для окружающего мира – а также необходимость противостоять ей «объединенными силами» стран «второго мира» с возможным участием США.

На период 1978–1979 гг. приходится новое обострение ситуации в двусторонних отношениях, вызванное вводом советских войск в Афганистан. Руководство КНР в ответ призвало к «созданию международной структуры сопротивления гегемонизму» – в итоге нормализация в двусторонних отношениях снова была отложена на «неопределенное время». В 1979 г. КНР отказался продлить Договор о Дружбе (1950), действие которого продолжалось до 1980 года.

Новая внешнеполитическая стратегия Китая, предполагавшая «сдерживание» СССР, оказалась вполне успешной, трансформировав биполярную структуру мира в фактически трехполярную, превратившись в независимый и самостоятельный мировой полюс. Эта политика вынудила СССР предпринимать дополнительные огромные усилия для обеспечения внешнеполитического баланса и поддержания паритета в сфере вооружений с НАТО, но также с Китаем и Японией.

Тем не менее успешная реализация КНР задуманных планов по репозиционированию страны на международной арене вкупе с сохраняющейся установкой руководства СССР

на избежание конфликтов способствовали постепенному отказу сторон от противостояния и развитию диалога. В итоге период с 1980 по 1991 г. стал временем постепенной нормализации отношений в контексте произошедших в Китае перемен – а также вследствие постепенного исчерпания обеими сторонами «конфронтационной повестки». С октября 1982 г. возобновились советско-китайские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел (прерванные за несколько лет до этого). Как результат, в 1983 г. происходит возрождение приграничной торговли, налаживается обмен студентами и специалистами, начинается создание обществ дружбы. На основе проведенной представителями обеих стран работы в 1984 г. началась подготовка к заключению долгосрочного советско-китайского соглашения по внешней торговле на 1986–1990 гг., что стало признаком устойчивой нормализации двусторонних отношений.

После смерти председателя Мао Цзэдуна начался процесс медленного сближения и восстановления контактов двух стран. Политика перестройки в СССР, заявленная новым советским лидером М.С. Горбачевым, позволила советскому руководству освободиться от старых политических клише, обид и претензий. 10 июля 1985 г. подписано Соглашение о платежах и товарообмене на 1986–1990 годы. Для восстановления сотрудничества использовалась «стратегия малых шагов»: были инициированы проекты в таких сферах, как строительство, реконструкция объектов в Китае, обмен специалистами, торговые контракты. В 1989 г. после широко освещавшегося в мировых СМИ визита Михаила Горбачева в Китай были восстановлены межпартийные отношения – однако намерение Горбачева предложить Китаю подходы к преобразованиям в русле «нового мышления» не встретили (да и не могли встретить) большого интереса у китайского руководства, стремящегося сохранить управляемость общественно-политическими процессами и принципиально сохранявшего идеологические основания собственной политической системы; падение власти КПСС в 1991 г. приостановило сближение по партийной линии. Вместе с тем переход России к рыночной экономике открывал для Китая потенциально огромные

возможности советского и далее российского рынка, а также доступ к российскому рынку энергоресурсов. Происходящие изменения в отношениях набирающего международный геополитический и геоэкономический вес Китая с мировым сообществом делал актуальным укрепление связей с Россией, стремящейся заявлять и реализовывать самостоятельные подходы во внешней политике. Распад СССР и последовавшие за ним масштабные изменения ознаменовали новый виток во взаимоотношениях двух стран от официальных и сугубо прагматических к добрососедским, которые во второй четверти XXI в. трансформировались во взаимоотношения тесного и стратегического партнерства.

Посткоммунистический период развития двусторонних отношений ознаменовался новой масштабной трансформацией и ревизией содержания и характера теперь уже российско-китайских взаимоотношений. С одной стороны, дал новой России выстраивать свои отношения с Китаем «с чистого листа», особенно в экономической сфере (в связи с переходом России к рыночной экономике). В то же время декоммунизация в России начала 1990-х гг. создавала определенный диссонанс в отношениях с Китаем, который сохранил идеологический стержень своей политической системы; ситуация изменилась лишь в 2000-е гг., когда активная антисоветская риторика была вытеснена на периферию публичной политики. Между тем опыт экономических реформ Китая мог быть интересен для новой прореформистской и реформируемой России – однако тот факт, что Москва перешла к стратегии радикальных реформ, отбросив более мягкие и эволюционные стратегии и пути преобразований, затруднил восприятие китайской модели, где главным менеджером процесса общественно-экономических преобразований было и остается государство. При этом Россия Бориса Ельцина, сделав ставку на интеграцию в западное сообщество путем уступок, использовала потенциал партнерства с Китаем сугубо конъюнктурно – для давления на тогдашних западных партнеров Москвы с целью добиться от них уступок и льгот. В этой ситуации возможности для выстраивания двусторонних партнерских отношений были ограниченными.

Возвращение России к более самостоятельной и прагматической внешней политике в 2000-е гг., отказ от идеологического доктринерства и возвращение «сильного государства» при В. Путине создали предпосылки для более глубокого сближения – причем не конъюнктурного и одностороннего, а взаимовыгодного и выстраиваемого с ориентацией на долгосрочную перспективу. Юридическим закреплением результатов происходящего сближения позиций сторон явился Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 г. в Москве Президентом России В.В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином, рассчитанный на 20 лет (с предполагаемым продлением каждые 5 лет). Договор также определил возможные направления развития отношений между двумя странами на ближайшую перспективу. Заключение договора означало завершение периода длительного отчуждения, и хотя в нем и не говорилось о возвращении к «Великой Дружбе» 1950-х гг., он был силен своей конкретикой и адекватностью ситуации.

После 2014 г. расширяющееся партнерство с Китаем позволило России компенсировать давление «консолидированного Запада» – однако, если бы российская система не продемонстрировала должной степени устойчивости, Китай вряд ли был бы столь заинтересован в партнерстве с Россией в складывающихся условиях. Китайское государство, посредством осуществления нескольких этапов внутренней модернизации и укрепления внешнеполитических позиций последовательно превращающееся в самодостаточную «государство-систему» (что означает не просто «внутреннюю самодостаточность», но внешнеполитическую субъектность страны и ее способность реализовывать комплексные внешнеполитические стратегии, формируя объединяющую «повестку дня» для других стран мира), последовательно продвигает собственную стратегию глобализации (проект «Великого Единения») и масштабный геоэкономический проект «Один пояс – один путь» [14; 15]. России еще предстоит решить ряд внутренних модернизационных задач и трансформировать свою внешнюю политику, преодолевая кризис в отношениях с частью

международного сообщества. В то же время, если Китай стремится соединить собственную политическую и цивилизационную модель («социализм с китайской спецификой») с видением глобальной общечеловеческой перспективы («Великое единение»), то в России, совершающей сегодня «восточный разворот» во внешней политике, дискуссии о цивилизационной и геополитической идентичности пока не завершены.

Предложение России к китайской стороне по поводу «разделения ответственности» за «Большую Евразию» (которую еще предстоит выстроить) не получило положительного ответа из Пекина, который четко увязывает свою внешнеполитическую и внешнеэкономическую активность с задачами внутренней модернизации. Между тем «беспрецедентное сближение» Китая с Россией в политической сфере – последовательно распространяющееся на экономическую, научно-техническую и культурную сферы – начинает приносить свои плоды обеим сторонам. Близкие и сближающиеся интересы сторон в ряде значимых и переживающих кризисы в мировых регионах (Ближний Восток, Северная Африка, Латинская Америка), заинтересованность в сохранении безопасности в Центральной Азии и Афганистане, в функционировании базовых международных институтов и поддержке баланса сил в современном трансформирующемся мире – более чем достаточные предпосылки для развития партнерских отношений. К укреплению партнерства китайскую и российскую стороны побуждает потребность в более эффективном управлении протекающими в мире глобальными процессами и в управляемой реструктуризации мировой экономической системы [21]. Стремление как китайской, так и российской сторон принимать во внимание общую логику протекающих в современном глобальном мире процессов, адаптируясь к ним с учетом национальных интересов и задач национального развития, создает фундамент для долгосрочного партнерства.

Таким образом, взаимоотношения СССР (и его правопреемницы России) и Китая, пережив глубокие трансформации (зачастую болезненные и сопровождавшиеся конфликтами), периоды жесткого репозиционирования

(вплоть до прямого противостояния) и переосмысления, в итоге пришли к состоянию тесного партнерства в начале XXI в., от которого многие ожидают эффективного содействия процессу глубоких качественных трансформаций современного мироустройства [4; 34]. Подобная диалектика в развитии отношений двух стран представляется автору вполне закономерной.

Результаты. Проведенный автором статьи анализ позволяет утверждать, что советско-китайские (позже российско-китайские) отношения после 1949 г. развивались по сложной амплитуде, когда стороны постепенно перешли от тесного союза («вечной дружбы») к охлаждению отношений и даже к прямой конфронтации (на сравнительно короткий период) [2] – с последующим выходом на «стратегическое партнерство» в начале XXI века. Комплексный и непростой характер этих взаимоотношений был предопределен тем, что СССР и КНР являются двумя государствами-системами в статусе мировых держав, вынужденными соединять решение задач внутренней социально-экономической модернизации с адаптацией внешнеполитического курса к изменениям, происходящим в мировой политике, – что требовало от них системного ответа на возникающие вызовы, с продвижением собственных политико-идеологических и геополитических проектов, что создавало потенциал как для кооперации, так и для конкуренции. Сотрудничество и соревнование двух стран в различных сферах предопределили сложную динамику в двусторонних взаимоотношениях в прошедшем столетии. Отношения двух стран развивались от стадии «вечной дружбы» (1949–1956 гг.), противостояния (вплоть до отдельных военных эпизодов), «стратегических пауз» в отношениях (1990–2000 гг.) и поэтапного сближения – вылившегося затем в стратегическое партнерство (2010 – вплоть до сегодняшнего дня). Однако логика геополитического и общемирового развития [13] побудила их к нормализации отношений, а потом и к «беспрецедентному сближению» в первые десятилетия XXI века. Среди факторов, повлиявших на взаимоотношения двух стран в исследуемый период, автор соответственно выделяет: 1) взаимоотношения лидеров стран (особенности их политического

стиля и характер внутри- и внешнеполитического курса); 2) взаимоотношения стран по вопросам политической повестки дня (как на внутренней, так и внешнеполитической аренах); 3) идеологическая конкуренция и дискуссии (споры о содержании коммунистической модели и ее перспективах в мировом масштабе, о перспективных стратегиях социалистического строительства); 4) позиции сторон по проблемам геополитики (соотношение взглядов на оптимальную структуру и характер желательного мирового порядка); 5) совпадение и различие в подходах стран и их лидеров к целям и задачам международного коммунистического движения (спор о стратегии мировой революции и о возможном изменении соотношения сил мировых держав, о перспективных моделях мирового порядка); 6) различия в циклах внутреннего развития и возможное несовпадение характера модернизационных стратегий (конкуренция и спор между мобилизационной и эволюционной стратегиями социально-экономического развития); 7) различие в подходах к выстраиванию взаимоотношений СССР (России) и Китая с Западом (Европой и США) – своеобразный «треугольник интересов», баланс сил в рамках которого был достаточно изменчивым, включая в себя элементы конкуренции и компромисса, к которым в разное время были привержены политические руководители обеих стран. В течение всего периода выстраивания собственных дипломатических стратегий обе страны неизменно стремились адаптироваться к внешним вызовам и открывающимся возможностям, изменяли подходы к выстраиванию взаимоотношений друг с другом, делали акцент на различные факторы влияния – и стремились согласовать текущие внешнеполитические решения с более долгосрочной стратегией. По мнению автора, многие причины, порождавшие в прежние годы конфликт интересов и противостояние двух стран, на сегодняшний день исчерпаны. Вместе с тем совместное участие Китая и России в формировании и утверждении нового, более справедливого и устойчивого миропорядка, урегулировании возникающих конфликтов и кризисов, обустройстве пространства «Большой Евразии» представляется автору обоснованным и перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров, А. Д. Мао Цзэдун и Н. С. Хрущев / А. Д. Богатуров. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.Newsru.com> (дата обращения: 08.07.2020). – Загл. с экрана.
2. Борисов, О. Б. Советско-китайские отношения. 1945–1970. Краткий очерк / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. – М. : Мысль, 1972. – 476 с.
3. Галенович, Ю. М. Два «первых лица»: Хрущев и Мао Цзэдун / Ю. М. Галенович. – М. : ИДВ РАН, 2012. – 321 с.
4. Галенович, Ю. М. История взаимоотношений России и Китая : [в 4 кн.] / Ю. М. Галенович. – М. : Русская панорама, 2011. – Кн. 3. – 464 с.
5. Галенович, Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений / Ю. М. Галенович. – М. : Восточная книга, 2011. – 412 с.
6. Гомеров, И. Н. Парадигма политологии : лекция / И. Н. Гомеров. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. – 55 с.
7. Капица, М. С. КНР: два десятилетия – две политики / М. С. Капица. – М. : Политиздат, 1969. – 352 с.
8. Кручинин, А. Пролетарский интернационализм – основа ленинской политики СССР в отношении Китая / А. Кручинин // Ленин и проблемы современного Китая : сб. ст. – М. : Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1971. – С. 261–281.
9. Ленинская политика в отношении Китая (1917–1967 гг.). – М. : Наука, 1968. – 257 с.
10. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : ФСТ, 2003. – 632 с.
11. Меликсетов, А. В. История Китая / А. В. Меликсетов, А. А. Писарев. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 736 с.
12. Неклесса, А. И. Государство и корпорация / А. И. Неклесса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2675> (дата обращения: 08.07.2020). – Загл. с экрана.
13. Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 : учеб. пособие для вузов / А. Д. Богатуров [и др.] ; под ред. А. Д. Богатунова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 362 с.
14. Тавровский, Ю. Н. Новый Шелковый путь. Главный проект XXI века / Ю. Н. Тавровский. – М. : ЭКСМО, 2017. – 368 с.
15. Тавровский, Ю. Н. Си Цзиньпин. Новая эпоха / Ю. Н. Тавровский. – М. : ЭКСМО, 2018. – 400 с.
16. Чжунго вайцзяо люшинянь (1949–2009) : [Международные отношения Китая за 60 лет (1949–2009)]. – Пекин : Изд-во Академии общественных наук КНР, 2009. – 320 с.

17. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао : [История Китайской Народной Республики (в 4 т.)]. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2012. – 365 с.
18. Bruce, E. Elleman. *Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations* / E. Elleman Bruce. – Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1997. – 342 p.
19. Crozier, B. *The Rise and Fall of the Soviet Empire* / B. Crozier. – Roseville : Prima Publishing, 1999. – 830 p.
20. China, the United States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War / ed. R. S. Ross. – London : M.E. Sharpe, 1993. – 204 p.
21. Chinese Politics in the Xi Jinping Era. By Cheng Li. – Washington : Brookings Institution Press, 2016. – 512 p.
22. Cziempel, E.-O. *Kluge Macht – Außenpolitik für das 21. Jahrhundert* / E.-O. Cziempel. – München : C. H. Beck, 1999. – 274 s.
23. Floyd, D. *Mao against Khrushchev: A Short History of the Sino-Soviet Conflict* / D. Floyd. – New York ; London : Praeger, 1964. – 456 p.
24. Friedman, J. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World* / J. Friedman. – Chapel Hill (NC) : University of North Carolina Press, 2015. – 304 p.
25. Globalization: the “Westernization” and alternative forms of global strategies // Center for strategic assessment and forecast. – 2014, January 18. – Electronic text data. – Mode of access: <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/globalizacziya-vesternizacziya-i-alternativnye-formy-globalnyh-strategij-5063> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
26. Harrison, E. *Salisbury. The War between Russian and China* / E. Harrison. – New York : Norton, 1969. – 224 p.
27. Heinzig, D. *The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance* / D. Heinzig. – London : Routledge, 2015. – 488 p.
28. Joel, A. *Rise of the Red Engineers: The Cultural Revolution and the Origins of China’s New Class* / A. Joel. – Redwood City : Stanford University Press, 2009. – 344 p.
29. Jersild, A. *Sino-Soviet Rivalry in Guinea-Conakry, 1956–1965: The Second World in the Third World* // *Socialist Internationalism in the Cold War* / A. Jersild. – London : Palgrave Macmillan, Cham, 2016. – P. 303–325.
30. Kortunov, A. V. *Between Polycentrism and Bipolarity* / A. V. Kortunov // *Russia in Global Affairs*. – 2019. – № 1 (January/March). – Electronic text data. – Mode of access: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/between-polycentrism-and-bipolarity> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
31. Kwang, Ho Chun. *The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis* / Ho Chun Kwang. – Burlington, VT : Ashgate Publishing Ltd., 2013. – 242 p.
32. Mehnert, K. *Soviet-Chinese Relations* / K. Mehnert // *International Affairs*. – 1959. – № 35 (4). – P. 417–426.
33. Morgenthau, H. J. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace* / H. J. Morgenthau. – New York : Alfred A. Knopf, 1948. – 489 p.
34. Peskov, Yu. *Sixty Years of the Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance Between the U.S.S.R. and the PRC, February 14, 1950* / Yu. Peskov // *Far Eastern Affairs*. – 2010. – № 38 (1). – P. 100–115.
35. *Shi nian lunzhan, 1956–1966, Zhong Su guanxi huiyilu (Ten-Year War of Words, 1956–1966, a Memoir of Sino-Soviet Relations)*. By Wu Lengxi. – Beijing : Zhongyang wenxian chubanshe, 1999. Two volumes. – 940 p.
36. Short, P. *Mao: A Life* / P. Short. – Great Britain : Hodder & Stoughton, 1999. – 782 p.
37. Trofimov, Y. *The New Beijing-Moscow Axis* / Y. Trofimov // *Wall Street Journal*. – 2019. – February 2. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/the-new-beijing-moscow-axis-11549036661> (date of access: 08.07.2020). – Title from screen.
38. Waltz, K. *Theory of International Politics* / K. Waltz. – Boston : Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
39. Wilson, J. *Strategic partners: Russian-Chinese relations in the post-Soviet era* / J. Wilson. – London : Routledge, 2015. – 296 p.
40. Zhihua, Sh. *Sino-Soviet relations and the origins of the Korean War: Stalin’s strategic goals in the Far East* / Sh. Zhihua // *Journal of Cold War Studies*. – 2000. – № 2 (2). – P. 44–68.
41. Zhihua, Sh. *The Great Leap Forward, the People’s Commune and the Sino-Soviet Split* / Sh. Zhihua, Xia Yafeng // *Journal of Contemporary China*. – 2011. – № 20 (72). – P. 861–880.

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. *Mao Czedun i N.S. Hrushchev* [Mao Zedong and N.S. Khrushchev]. URL: <http://www.Newsru.com> (accessed 8 July 2020).
2. Borisov O.B., Koloskov B.T. *Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1970. Kratkiy ocherk* [Soviet-Chinese Relations. 1945–1970. Short Essay]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 476 p.
3. Galenovich Yu.M. *Dva «pervyh lica»: Hrushchev i Mao Czedun* [Two “First Persons”: Khrushchev and Mao Zedong]. Moscow, IDV RAN, 2012. 321 p.

4. Galenovich Yu.M. *Istoriya vzaimootnoshenij Rossii i Kitaya* [The History of Relations Between Russia and China]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. Book 3. 464 p.
5. Galenovich Yu.M. *Rossiya v «kitajskom zerkale». Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i russko-kitajskih otnoshenij* [Russia in the Chinese Mirror. Interpretation of the History of Russia and Russian-Chinese Relations in the PRC at the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Vostochnaya kniga Publ., 2011. 412 p.
6. Gomerov I.N. *Paradigma politologii: Lekciya* [Political Science Paradigm: Lecture]. Novosibirsk, NGU, 2011. 55 p.
7. Kapica M.S. *KNR: dva desyatiletija – dve politiki* [China: Two Decades – Two Politics]. Moscow, Politizdat, 1969. 352 p.
8. Kruchinin A. Proletarskij internacionalizm – osnova leninskoj politiki SSSR v otnoshenii Kitaya [Proletarian Internationalism – the Basis of the Leninist Policy of the USSR in Relation to China]. *Lenin i problemy sovremennogo Kitaya: sb. st.* [Proceedings “Lenin and Problems of Modern China”]. Moscow, Institute of the Far East, Academy of Sciences of the USSR, 1971, pp. 261-281.
9. *Leninskaya politika v otnoshenii Kitaya (1917–1967)* [Leninist Policy Towards China (1917–1967)]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 257 p.
10. Malyavin V.V. *Kitajskaya civilizaciya* [Chinese Civilization]. Moscow, FST, 2003. 632 p.
11. Meliksetov A.V., Pisarev A.A. *Istoriya Kitaya* [Chinese History]. Moscow, MGU, 2004. 736 p.
12. Neklessa A.I. *Gosudarstvo i korporaciya* [State and Corporation]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2675> (accessed 8 July 2020).
13. Bogaturov A.D., ed. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij. Opyat' razdelennyj mir. 1980–2018: ucheb. posobie dlya vuzov* [System History of International Relations. Again a Divided World]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 362 p.
14. Tavrovskij Yu.N. *Novyj Shelkovyj put'. Glavnyj proekt XXI veka* [New Silk Road. The Main Project of the 21st Century]. Moscow, EKSMO Publ., 2017. 368 p.
15. Tavrovskij Yu.N. *Si Czin'pin. Novaya epoha* [Xi Jinping. The New Era]. Moscow, EKSMO Publ., 2018. 400 p.
16. *Zhongguo waijiao lushinyan (1949–2009)* [China International Relations for 60 Years (1949–2009)]. Pekin, Publishing House of the Academy of Social Sciences of China, 2009. 320 p.
17. *Zhonghua Renmin Gunhego Shigao* [History of the People's Republic of China (in 4 volumes)]. Pekin, Renmin Chubanshe, 2012. 365 p.
18. Bruce E. Elleman. *Diplomacy and Deception: The Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations*. Armonk, New York, M.E. Sharpe, 1997. 342 p.
19. Crozier B. *The Rise and Fall of the Soviet Empire*. Roseville, Prima Publishing, 1999. 830 p.
20. Ross R.S., ed. *China, the United States, and the Soviet Union: Tripolarity and Policy Making in the Cold War*. London, M.E. Sharpe, 1993. 204 p.
21. *Chinese Politics in the Xi Jinping Era*. By Cheng Li. Washington, Brookings Institution Press, 2016. 512 p.
22. Cziempel E.-O. *Kluge Macht – Außenpolitik für das 21. Jahrhundert*. München, C.H. Beck 1999. 274 p.
23. Floyd D. *Mao against Khrushchev: A Short History of the Sino-Soviet Conflict*. New York, London, Praeger, 1964. 456 p.
24. Friedman J. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World*. Chapel Hill (NC), University of North Carolina Press, 2015. 304 p.
25. Globalization: the “Westernization” and alternative forms of global strategies. *Center for strategic assessment and forecast*, 2014, January 18. URL: <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/326/globalizaciya-vesternizaciya-i-alternativnye-formy-globalnyh-strategij-5063> (accessed 8 July 2020).
26. Harrison E. Salisbury. *The War between Russian and China*. New York, Norton, 1969. 224 p.
27. Heinzig D. *The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance*. London, Routledge, 2015. 488 p.
28. Joel A. *Rise of the Red Engineers: The Cultural Revolution and the Origins of China's New Class*. Redwood City, Stanford University Press, 2009. 344 p.
29. Jersild A. Sino-Soviet Rivalry in Guinea-Conakry, 1956–1965: The Second World in the Third World. *Socialist Internationalism in the Cold War*. London, Palgrave Macmillan, Cham, 2016, pp. 303-325.
30. Kortunov A.V. Between Polycentrism and Bipolarity. *Russia in Global Affairs*, 2019, no. 1, January/March. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/between-polycentrism-and-bipolarity> (accessed 8 July 2020).
31. Kwang Ho Chun. *The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis*. Burlington, VT, Ashgate Publishing Ltd., 2013. 242 p.
32. Mehnert K. Soviet-Chinese Relations. *International Affairs*, 1959, no. 35 (4), pp. 417-426.
33. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: the Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.
34. Peskov Yu. Sixty Years of the Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance Between the U.S.S.R. and the PRC, February 14, 1950. *Far Eastern Affairs*, 2010, no. 38 (1), pp. 100-115.
35. *Shi nian lunzhan, 1956–1966, Zhong Su guanxi huiyilu* [Ten-Year War of Words, 1956–1966, a

Memoir of Sino-Soviet Relations]. By Wu Lengxi. Beijing, Zhongyang wenxian chubanshe, 1999. Two volumes. 940 p.

36. Short P. *Mao: A Life*. Great Britain, Hodder & Stoughton, 1999. 782 p.

37. Trofimov Y. The New Beijing-Moscow Axis. *Wall Street Journal*, 2019, February 2. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-new-beijing-moscow-axis-11549036661> (accessed 8 July 2020).

38. Waltz K. *Theory of International Politics*. Boston, Addison-Wesley, 1979. 251 p.

39. Wilson J. *Strategic partners: Russian-Chinese relations in the Post-Soviet Era*. London, Routledge, 2015. 296 p.

40. Zhihua Sh. Sino-Soviet relations and the origins of the Korean War: Stalin's strategic goals in the Far East. *Journal of Cold War Studies*, 2000, no. 2 (2), pp. 44-68.

41. Zhihua Sh., Yafeng Xia. The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split. *Journal of Contemporary China*, 2011, no. 20 (72), pp. 861-880.

Information About the Author

Sergey V. Biryukov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Researcher, Center for Russian Studies, East China Normal University, North Zhongshan Road, 3663, 200062 Shanghai, China; Professor, Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhegorodskaya St, 6, 630102 Novosibirsk, Russian Federation, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4071-0464>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Бирюков, доктор политических наук, профессор, научный сотрудник, Центр изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет, ул. Северный Джонгшан, 3663, 200062 г. Шанхай, Китайская Народная Республика; профессор кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Нижегородская, 6, 630102 г. Новосибирск, Российская Федерация, birs.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4071-0464>

www.volsu.ru

СОВРЕМЕННАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.19>

UDC 321
LBC 66.3(0)

Submitted: 21.03.2020
Accepted: 26.05.2020

COMMUNICATION MODELS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A SUBJECT OF MODERN RUSSIAN POLICY (BASED ON LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Galina V. Morozova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Diana R. Fatikhova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Elmira M. Ziatdinova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of a study of communication in the system of local self-government of the Republic of Tatarstan as a subject of the Russian Federation conducted by the authors in November – December 2019. The study included a survey of representatives of regional media and press services of local authorities of the Republic of Tatarstan in order to determine the model of communication in the local government system and the role of PR-activities in the regulation of social interaction in the region. *Methods and materials.* The main method of studying was the method of expert survey. The authors developed a questionnaire, which was used during an interview with experts. When choosing an expert – a media representative for the interview – the authors took into account three factors: the rating of the represented media, the experience of the respondent in the regional media (at least five years) and the authority to make a key decision on the publication of the material. In order to identify the experts who are representatives of local self-government bodies, the authors of the article determined the following criteria: implementation of information and analytical activities in the structure of local self-government bodies, at least 5 years of experience as a head of a structural unit (public relations / media relations department) of local self-government bodies. *Analysis.* The analysis showed that the development of social media accelerates the process of establishing a two-way model of communication between the government and the public. Social media have become a full-fledged source of information both for the journalistic community and for the press services of local governments. Moreover, with the help of the content posted in posts on official accounts on social networks, local governments can attract residents of the municipal territory to participate in solving local issues. Constant monitoring, responding to comments, tracking negative content on social media are becoming everyday practices in the work of press services. *Results.* The results of the study indicate that over the past decade in the Russian Federation the necessary prerequisites have been formed for the formation of a bilateral symmetrical model of communication between local authorities and the population. This model is aimed at providing effective feedback that allows the local government to quickly respond to the aspirations and needs of the population, monitor their dynamics, constantly monitor the attitude and assessments of citizens of decisions made on the development of the city or region.

© Морозова Г.В., Фатыхова Д.Р., Зиятдинова Э.М., 2021

Key words: local government, local authorities, communication models, political communication, press service, PR-activity of local authorities.

Citation. Morozova G.V., Fatikhova D.R., Ziatdinova E.M. Communication Models of Local Self-Government as a Subject of Modern Russian Policy (Based on Local Self-Government Bodies of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 246-254. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.19>

УДК 321
ББК 66.3(0)

Дата поступления статьи: 21.03.2020
Дата принятия статьи: 26.05.2020

МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Галина Викторовна Морозова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Диана Рустэмовна Фатыхова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Эльмира Мансуровна Зиятдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования коммуникационной связи в системе местного самоуправления Республики Татарстан как субъекта Российской Федерации, проведенного авторами в ноябре – декабре 2019 года. Исследование включало опрос представителей региональных СМИ и сотрудников пресс-служб органов местного самоуправления Республики Татарстан с целью определения модели коммуникации в системе местного самоуправления региона. Результаты исследования свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие в Российской Федерации определились необходимые предпосылки для формирования двусторонней симметричной модели коммуникации органов местного самоуправления с населением. Данная модель ориентирована на обеспечение эффективной обратной связи, позволяющей местным органам власти оперативно реагировать на чаяния и потребности населения, отслеживать их динамику, осуществлять постоянный мониторинг отношения и оценок гражданами принимаемых решений по вопросам развития города или района. Анализ показал, что развитие социальных медиа ускоряет процесс становления двусторонней модели коммуникации органов власти с населением. Социальные сети стали полноправным источником информации как для журналистского сообщества, так для пресс-служб органов местного самоуправления. Более того, с помощью контента, размещенного в постах на официальных аккаунтах в социальных сетях, органы местного самоуправления могут привлекать жителей муниципальной территории к участию в решении вопросов местного значения. Постоянный мониторинг, реагирование на комментарии, отслеживание негативного контента в социальных медиа становятся каждодневной практикой в работе пресс-служб. Изложенные в статье результаты исследования могут быть востребованы для совершенствования системы связей с общественностью и подготовки программы коммуникативной политики органов местного самоуправления. *Вклад авторов.* Э.М. Зиятдиновой была разработана программа исследования коммуникативной модели взаимодействия органов местного самоуправления Республики Татарстан. Д.Р. Фатыховой и Э.М. Зиятдиновой было проведено само социологическое исследование. Г.В. Морозовой был сделан анализ соответствия программы исследования и его результатов общим концепциям социологической науки. Д.Р. Фатыхова, Э.М. Зиятдинова, Г.В. Морозова осуществили работу над результатами исследования и текстом статьи.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, модели коммуникации, политическая коммуникация, пресс-служба, PR-деятельность органов местного самоуправления.

Цитирование. Морозова Г. В., Фатыхова Д. Р., Зиятдинова Э. М. Модели коммуникации органов местного самоуправления как субъекта современной российской политики (на примере органов местного самоуправления Республики Татарстан) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 246–254. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.19>

Введение. Актуальность исследования определяется рядом обстоятельств. Местное самоуправление прочно закрепилось в качестве неотъемлемого атрибута правового демократического государства. Оно стало важным элементом устройства и управления современным обществом, формой организации власти на местах. Органы местного самоуправления, обладая большими полномочиями, решают практически все вопросы, связанные с функционированием и развитием территории. На этом уровне власти реализуются как политические, социальные, экономические (хозяйственные), так и административные задачи, обеспечивающие жизнедеятельность населения региона.

Деятельность органов местного самоуправления осуществляется в соответствии с международными нормами, строится на демократических принципах открытости, прозрачности, информированности общественности об основных вопросах жизнедеятельности в городе или другом населенном пункте (транспортное обслуживание, благоустройство, ЖКХ, культурно-массовые, спортивные мероприятия, о системе дошкольного и школьного образования) – обычная практика для современного общества [6].

С принятием в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации в России было введено местное самоуправление, призванное самостоятельно решать вопросы местного значения. С этого периода в Российской Федерации осуществляется реформа местного самоуправления, ориентированная на реконструкцию прошлой модели коммуникации местной власти и общественности и формирование принципиально новой модели взаимодействия с населением.

В 1985 г. разработан концептуальный международный документ – Европейская Хартия местного самоуправления. В нем определены общие правовые принципы организации местного самоуправления. Хартию подписали представители 43 государств – членов

международной организации Совета Европы. Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» [5, с. 65]. Положения хартии обязывали государства следовать указанным в данном документе принципам организации местного самоуправления, закрепляя их во внутреннем законодательстве. Вследствие этого в 2003 г. в РФ был принят федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления», вносящий существенные изменения в систему местного самоуправления.

В настоящее время муниципальная власть в нашей стране является наиболее социально ориентированной формой публичной власти, так как максимально приближена к среде, где аккумулируются общественные интересы, зреют гражданские инициативы, формируется общественное мнение.

В этой непосредственной близости к местному сообществу органы местного самоуправления имеют возможность влиять на привлечение граждан к участию в политике и управлении [2, с. 3]. В связи с этим возможность доступа к информации на муниципальном уровне приобретает особую актуальность, учитывая, что право получения информации об органах местного самоуправления и их деятельности является важнейшим из политических прав граждан [8, с. 256]. Формирование демократического государства требует на практике реализации принципа гласности, который заключается в прозрачности публичных отношений [7, с. 419].

Методы и материалы. Сбор эмпирических данных для характеристики модели взаимодействия муниципальной власти и населения на примере Республики Татарстан осуществлялся с помощью метода опроса, интервью с экспертами и последующего сравнительного анализа полученных результатов для выявления ее особенностей. В качестве

экспертов выступили представители редакций региональных средств массовой информации, сотрудники пресс-служб органов местного самоуправления трех крупных городов Республики Татарстан (г. Казань, г. Набережные Челны, г. Нижнекамск).

Главными критериями отбора экспертов стали их компетентность и авторитетность. При выборе эксперта – представителя СМИ для интервью исследователи учитывали три фактора: рейтинг представляемого СМИ, стаж работы респондента в региональных средствах массовой информации (не менее пяти лет) и обладание полномочиями принятия ключевого решения о выходе материала в свет (опубликовании в СМИ).

С целью определения экспертов – представителей органов местного самоуправления авторы статьи установили следующие критерии: реализация информационно-аналитической деятельности в структуре органов МСУ, стаж не менее 5 лет на должности руководителя структурного подразделения (отдела по связям с общественностью / взаимодействию со СМИ) органов МСУ.

В ноябре – декабре 2019 г. было проведено 10 интервью. Среди экспертов – главные редакторы / продюсеры / шеф-редакторы телевизионных каналов «Татарстан-24» и «Эфир», газет «Казанские ведомости», «Республика Татарстан», сетевого издания «Вечерняя Казань», деловой электронной газеты «Бизнес Online», информационно-новостного сайта «Kazan First», сотрудники, занимающие руководящие позиции в информационно-аналитических отделах (пресс-службы) органов МСУ трех крупных муниципальных образований Республики Татарстан.

В ходе исследования была выдвинута следующая рабочая гипотеза: существующая модель коммуникации органов местного самоуправления в Республике Татарстан представляет собой переходный вариант от двусторонней асимметричной модели коммуникации к двусторонней симметричной модели.

Обсуждение. Модель коммуникации представляет способ связи между коммуникатором и реципиентом. Коммуникация субъектов современной политики осуществляется специально созданными структурными подразделениями. Они управляют массо-

выми коммуникациями, формируют собственный информационный поток преимущественно через каналы средств массовой информации. Специалисты этих служб структурируют внутренние информационные потоки, собирают, обобщают, фильтруют информацию, транслируют ее в публичную сферу, контролируют сообщения из внешней среды. В органах власти именно пресс-службам принадлежит роль архитектора коммуникативной модели.

В исследовании органы местного самоуправления рассматриваются в качестве базисного субъекта PR, пресс-службы (структурные подразделения органов МСУ, осуществляющие функции взаимодействия со СМИ и общественностью), выполняющих функции технологического субъекта PR.

Впервые комплексная концептуализация моделей коммуникации в связях с общественностью была проведена в 1984 г. исследователями Дж. Грюнингом и Т. Хантом. Теоретики на основе анализа практики PR в бизнесе определили четыре модели коммуникации: модель пресс-посредничества или «паблисити», имеющая только лишь пропагандистские цели, модель информирования общественности, двусторонняя асимметричная модель ставит задачу согласиться с точкой зрения организации и двусторонняя симметричная модель предполагает переход от монолога к диалогу, симметрия достигается сбалансированностью отношений между получателем и отправителем информации [4, с. 197–198]. При описании данных моделей коммуникации исследователи руководствовались совокупностью характеристик: цель и сущность коммуникации, роль исследования в коммуникативной деятельности субъекта, наличие «обратной связи» при взаимодействии субъекта с его общественностью. Данные «контурные» модели коммуникации позволяют описать и современные процессы коммуникации субъектов современной российской политики, но требуют корректировки с учетом специфики взаимодействия участников коммуникации в условиях повсеместного распространения интернет-технологий.

Российский исследователь М.Г. Шилина подчеркивает, что изучение современных моделей коммуникации требует учета виртуального характера взаимодействия акторов в

интернет-среде, гипертекстуальности сообщений, что определяет, по ее мнению, необходимость выделения помимо четырех моделей коммуникации, определенных Дж. Грюнингом и Т. Хантом, двух дополнительных – мультисубъектной (человек – компьютер/среда) и субъект-субъектной (горизонтальная, формат многие-с-многими) [3].

По мнению авторов статьи, теоретическая матрица современной модели коммуникации органов местного самоуправления включает следующие характеристики: адресант коммуникации (субъект коммуникации), цель коммуникации, выстраивание взаимодействия на основе проведенных исследований, наличие «обратной связи», возможность влияния объекта с помощью коммуникативных инструментов на процесс принятия решений по вопросам жизнедеятельности граждан муниципальной территории. При этом представляется, что такие характеристики интернет-среды, как виртуальность, гипертекстуальность, интерактивность, мультимедийность, лишь обуславливают специфику взаимодействия акторов, являясь инструментальными проявлениями акта коммуникации.

В ходе исследования эксперты были едины во мнении, что модель коммуникации современных органов МСУ и населения должна быть двусторонней симметричной. Эксперты отмечают: «Модель коммуникации должна быть двусторонняя, чтобы обе стороны имели возможность донесения информации друг для друга. Развитие информационных технологий позволяет реализовать этот механизм в разных формах и в разных форматах...»; «...власти должны оповещать население об изменениях в законах, обустройстве территорий, финансировании приоритетных для общества направлений и т. д. В то же время власти должны слышать население, об их проблемах, о ходе реализации тех или иных решений властей. Отсюда к властям появляется требование – умение работать с негативной информацией, адекватно реагировать на проблемы людей и их критику».

Так, например, функции пресс-службы выполняет отдел по связям с общественностью и средствами массовой информации аппарата Казанской городской Думы. Подобные структуры, отвечающие за коммуникацию с общественностью (внешней средой), в соот-

ветствии с законодательством функционируют и в других муниципальных образованиях республики.

Данные структуры являются персонифицированным выразителем коммуникативной функции органов местного самоуправления. Именно через них осуществляется коммуникация со СМИ и общественностью в целом. При этом эксперты, участвующие в исследовании, указывали на ряд особенностей ее деятельности. Пресс-службу от других подразделений отличает то, что она должна быть на «дистанции как от журналиста, так и от своих же структурных подразделений, потому что это звено, через которое проходит вся информация, и эта информация должна быть, насколько это возможно, объективна». В то же время на практике часто происходит ситуация, когда пресс-службы всячески препятствуют выходу негатива в медийное пространство, выступая в качестве некоего «фильтра, заградительного барьера, через который в СМИ должна выходить только положительная информация». С одной стороны, такая реакция пресс-службы объяснима, такова ее природа: «им выгодно говорить о позитивных информационных поводах, подавать муниципалитет в благоприятном свете, при этом подавлять и умалчивать какие-то негативные ситуации». С другой стороны, как отмечают эксперты, во взаимодействии со СМИ это очень мешает сотрудничеству с пресс-службами: «Когда происходит конфликтная ситуация и ты выходишь на связь с пресс-службой, бывает так, что они могут подавить твой запрос или отвечать в течение длительного времени. Поэтому здесь важно находить баланс и не подавлять негативные инфоповоды, идти на компромисс и научиться грамотно работать с негативом, который есть всегда».

Все опрошенные эксперты были едины во мнении о высокой роли СМИ во взаимодействии современных органов местного самоуправления и населения. «СМИ еще в советские времена получили титул так называемой “четвертой власти”. То есть и простые люди до сих пор в своей массе видят в нас, в журналистах, неких общественных защитников, людей, которые способны донести волнующие их проблемы», – отмечает эксперт –

представитель СМИ. Одновременно многие респонденты указывали на то, что сегодня акцент переносится от традиционных СМИ к социальным медиа.

В то же время представители самих пресс-служб муниципалитетов, участвующих в исследовании, подчеркивают наличие множества профессиональных компетенций, которые сегодня необходимы для эффективной деятельности ее работников. Функции пресс-службы не ограничиваются только написанием пресс-релизов и наполнением официального сайта муниципалитетов. «Это и организация различных встреч, пресс-конференций, брифингов, мониторинг всего медиапространства, работа в системе инцидент-менеджмента; подготовка различных докладов. Мы делаем и разрабатываем различные афиши, альбомы и презентации», – отмечают работники пресс-служб. «Пресс-службы сейчас занимаются социальными сетями, ведут в них официальные сообщества города, занимаются комментариями в том числе», – указывают эксперты. Кроме того, в ряде городов и районов республики нет сторонних организаций, которые могли бы взять на аутсорсинг часть функций пресс-службы (от заказа макетов и работ копирайтера, до проведения глубоких социологических исследований настроений горожан).

По мнению большинства опрошенных экспертов, коммуникативная функция является одной из важнейших для органов местного самоуправления. Один из экспертов подчеркивает: «Органы МСУ несут ответственность за коммуникацию с населением. Это их обязанность». «Способы этой коммуникации совершенно разнообразны: кто-то по старинке записывается на прием, кто-то даже на самом низовом уровне власти и в органах МСУ обращается через онлайн-приемы, кто-то с помощью телефонных звонков... В принципе, используются как традиционные способы коммуникации, так и современные, с учетом цифровой эры, которая проникла уже во все сферы жизнедеятельности нашего общества», – указывает один из экспертов. Так, например, в городе Нижнекамске осуществляется личный прием граждан главой города, работает телефон-автоответчик, пользующийся большой популярностью у горожан, организуется прямая связь с главой, которая идет в прямом

эфире на телевидении и одновременно транслируется в Интернете.

Эксперты выделили следующие принципиальные черты коммуникативной деятельности органов местного самоуправления Республики Татарстан:

– осуществляется регулярное, оперативное информирование о принятых и планируемых решениях, программах и мероприятиях, разъясняются сложные вопросы по направлениям своей деятельности;

– коммуникация осуществляется по различным каналам: личные встречи муниципальных служащих с гражданами, путем рассмотрения письменных обращений, в том числе через интернет-приемную, размещение информации на официальном интернет-сайте, в социальных сетях, посредством публичных обсуждений;

– поддерживается функционирование каналов «обратной связи» (интернет-приемная, социальные сети, прием граждан, прием писем), которые позволяют доставлять информацию о проблемных вопросах населения, считывать реакцию граждан на проводимую политику;

– органы местного самоуправления осуществляют информирование о своей деятельности преимущественно в положительной коннотации, есть примеры замалчивания информации, способной негативно отразиться на имидже муниципалитета;

– органы МСУ используют в повседневной практике информационные технологии с целью обсуждения с горожанами принятых управленческих решений, связанных с вопросами жизнедеятельности в муниципальном образовании;

– ответы органов МСУ на запросы СМИ осуществляются оперативно, однако их содержание может быть неполным, или иметь формальный характер;

– все перечисленные выше характеристики применимы в большей степени к муниципалитетам больших городов; в небольших по территории и численности населения муниципальных образованиях коммуникация с гражданами менее налажена.

Официальные сайты органов МСУ также не могут заменить пресс-службу. На это указывали все опрошенные эксперты. Сайт может

служить вспомогательным инструментом для СМИ, но никогда не заменит полноценные пресс-службы. «Коммуникация предполагает прямую связь по возникающим постоянно тем или иным событиям и появляющимся информационным поводам. На сегодня на сайтах МСУ (особенно небольших городов и поселков) размещают мало актуальной информации, и редко обновляют новостную ленту», – считает эксперт – представитель независимых СМИ. Кроме того, если ориентироваться только на сайт, «форма обратной связи будет обезчеловечена». Обязательно нужно человеческое лицо, в том числе и у пресс-службы.

Кроме того, как на федеральном уровне, так и на региональном внедряется система инцидент-менеджмента (программа, разработанная компанией «Медialogия», призванная отслеживать в социальных сетях негативный контент), позволяющая оперативно реагировать на жалобы жителей республики [1].

К тому же, у СМИ возникают вопросы к профессионализму работников пресс-служб. «Работники пресс-службы должны обладать высокими компетенциями, должны разбираться в деятельности муниципального образования, ведомства, которое они представляют, быть в курсе насущных проблем. Зачастую они не разбираются: получают от журналиста запрос и передают его специалисту в отдел, а тот уже пишет ответ. Фактически, этим могла бы заниматься канцелярия. Поэтому роль многих пресс-служб мне непонятна», – отмечают эксперты – представители независимых СМИ.

Что касается технических сторон взаимодействия СМИ и пресс-служб органов МСУ, эксперты указали на отсутствие коренных проблем в такой работе. Так, большинство экспертов считают, что нет необходимости внедрения специальной информационной системы (программного обеспечения) с целью организации информационного обмена между органами МСУ и редакциями СМИ. С этой функцией справляется портал pravtatar.ru, где «все очень структурировано по отделам, по ссылкам, удобно с навигацией». Кроме того, на помощь приходят современные средства коммуникации: почти у каждой пресс-службы есть своя группа в мессенджерах (например, WhatsApp), через которую происходит информирование журналистов.

Результаты. Важным результатом проведенного исследования стало подтверждение данных о том, что в практике органов МСУ Республики Татарстан сформирована двусторонняя модель коммуникации. Однако она имеет признаки и асимметричного коммуникативного процесса.

Интерес к социальным сетям, как полноценному источнику информации, к тем возможностям, которые содержат социальные сети по отношению к органам МСУ, сегодня огромен как со стороны журналистского сообщества, так и со стороны самих пресс-служб, которые на сегодняшний день уже не мыслят своей деятельности без этого направления работы.

Эксперты были единогласны во мнении, что целенаправленно СМИ не могут исказить информацию, полученную от органов МСУ. Подобные ситуации происходят из-за человеческого фактора (недопонимания специалистов пресс-служб и журналистов на местах, некомпетентности самих журналистов, технических ошибок и т. д.).

Вместе с тем следует отметить, что значительная часть экспертов указывают на следующие недостатки во взаимодействии редакций СМИ с представителями пресс-служб МСУ: отсутствие оперативности в предоставлении информации для СМИ (уточнение информации, запросы комментариев); отсутствие актуальной и интересной информации на сайтах МСУ; предоставление информации о каких-либо событиях пост-фактум (во избежание острых вопросов со стороны журналистов); слабая работа с социальными сетями; недостаточная компетентность самих работников пресс-службы (непонимание сути журналистской работы, понятия «информационный повод» и т. д.), а иногда и ее полное отсутствие.

Заключение. Взаимодействие со средствами массовой информации является не только важным направлением деятельности по связям с общественностью органов местного самоуправления в России, но и фактором, обеспечивающим оптимизацию управления территорией. В этом процессе пресс-службы выполняют функцию управления информационными потоками, обеспечивая информационную прозрачность деятельности местной вла-

сти. Однако развитие социальных сетей меняет схему коммуникации технологического субъекта PR, позволяя взаимодействовать с общественностью напрямую, без посредников в форме средств массовой информации.

В то же время цель коммуникативной деятельности органов местного самоуправления Республики Татарстан состоит в обеспечении информационной открытости муниципальной власти. Развитие интернет-технологий способствует развитию института «обратной связи» на местном уровне власти. Как свидетельствуют полученные результаты, степень открытости деятельности органов местного самоуправления будет зависеть от величины и статуса субъекта МСУ: так, «пресс-службы Казани и Набережных Челнов, а также других крупных городов Республики Татарстан работают относительно оперативно, чего не скажешь о МСУ средних и малых городов».

Обеспечивая информационную открытость деятельности муниципальной власти, средства массовой информации, специалисты по связям с общественностью не только развивают механизм взаимодействия населения с управляющей элитой, но формируют атмосферу соучастия граждан в принятии решений, утверждая отношения толерантности, легитимности власти, взаимной ответственности за территорию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власти Татарстана отслеживают негатив в соцсетях // Коммерсант. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3821181> (дата обращения: 20.01.20). – Загл. с экрана.
2. Зиятдинова, Э. М. Связи с общественностью как инструмент взаимодействия субъектов современной российской политики (на примере органов местного самоуправления Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Зиятдинова Эльмира Мансуровна. – Казань, 2010. – 21 с.
3. Шилина, М. Г. Связи с общественностью: новый структурно-функциональный тип моделей в Интернете / М. Г. Шилина // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2014. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazi-s-obschestvennostyu-novyy-strukturno-funktsionalnyy-tip-modeley-v-internete> (дата обращения: 01.05.2020). – Загл. с экрана.

4. Шойверс, Л. PR сегодня: новые подходы, исследования, международная практика / Л. Шойверс, А. Гомис, Т. Траверс-Хили; пер. с англ. О. В. Дубицкая. – М.: Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт»: ИНФРА-М, 2002. – 514 с.

5. Шугрина, Е. С. Муниципальное право: учебник / Е. С. Шугрина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 563 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://znanium.com/bookread2.php?book=444790&spec=1> (дата обращения: 20.12.2019). – Загл. с экрана.

6. Fatykhova, D. R. Modernization of public administration in Russia: issues and judgment / D. R. Fatykhova, A. I. Ostroumov, O. F. Ostroumova // Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. – 2017 (April). – P. 766–771.

7. Kudryavtsev, V. V. Publicity at the formation of municipal authorities of European states (Article) / V. V. Kudryavtsev, T. N. Mikheeva // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6, iss. 3. – P. 419–424.

8. Starshinov, A. N. Self-government bodies in Russia by the example of Kazan city / A. N. Starshinov, E. M. Ziatdinova // Revista San Gregorio. – 2019. – № 34. – P. 255–262.

REFERENCES

1. Vlasti Tatarstana otsledyat negativ v sotssetyakh [The Authorities of Tatarstan Will Track the Negative in Social Networks]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3821181> (accessed 20 January 2020).
2. Ziatdinova E.M. *Svyazi s obshchestvennostju kak instrument vzaimodejstviya subektov sovremennoj rossijskoj politiki (na primere organov mestnogo samoupravlenija Respubliki Tatarstan): avtoref. dis. kand. polit. nauk* [Public Relations as an Instrument of Interaction Between the Subjects of Modern Russian Politics (for Example of Local Authorities of the Republic of Tatarstan): Cand. polit. sci. diss.]. Kazan, Delovaya poligrafija [Business Printing], 2010. 21 p.
3. Shilina M.G. *Svyazi s obshchestvennostju: noviy strukturno-funktsionalnyy tip modeley v Internete* [Public Relations: A New Structural-Functional Type of Models on the Internet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2014, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazi-s-obschestvennostyu-novyy-strukturno-funktsionalnyy-tip-modeley-v-internete> (accessed 1 May 2020).
4. Scheuvers L., Gomis A., Traverse-Healy T. *PR segodnya: novyye podkhody, issledovaniya, mezhdunarodnaya praktika* [PR Today: New Approaches, Research, International Practice].

Moscow, Konsaltingovaya gruppa «IMIDZH-Kontakt»; INFRA-M, 2002. 514 p.

5. Shurigina E.S. *Municipalnoe pravo: uchebnik* [Municipal Law: Textbook]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2014. 563 p. URL: <https://znanium.com/bookread2.php?book=444790&spec=1> (accessed 20 December 2019).

6. Fatikhova D.R., Ostroumov A.I., Ostroumova O.F. Modernization of Public Administration in Russia: Issues

and Judgments. *Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*, 2017 (April), pp. 766-771.

7. Kudryavtsev V.V., Mikheeva T.N. Publicity at the Formation of Municipal Authorities of European States (Article). *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, iss. 3, pp. 419-424.

8. Starshinov A.N., Ziatdinova E.M. Self-Government Bodies in Russia by the Example of Kazan City. *Revista San Gregorio*, 2019, no. 34, pp. 254-262.

Information About the Authors

Galina V. Morozova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Public Relations and Applied Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Professora Nuzhina St, 1/37, 420111 Kazan, Russian Federation, Galina.Morozova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7833-0283>

Diana R. Fatikhova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Public Relations and Applied Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Professora Nuzhina St, 1/37, 420111 Kazan, Russian Federation, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Elmira M. Ziatdinova, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Public Relations and Applied Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University, Professora Nuzhina St, 1/37, 420111 Kazan, Russian Federation, ELMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

Информация об авторах

Галина Викторовна Морозова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Профессора Нужи́на, 1/37, 420111 г. Казань, Российская Федерация, Galina.Morozova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7833-0283>

Диана Рустэмовна Фатыхова, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Профессора Нужи́на, 1/37, 420111 г. Казань, Российская Федерация, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Эльмира Мансуровна Зиятдинова, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Профессора Нужи́на, 1/37, 420111 г. Казань, Российская Федерация, ELMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20>

UDC 32.019.51
LBC 66.3(2Рос)

Submitted: 17.01.2021
Accepted: 01.02.2021

**DEMOGRAPHIC THREATS TO NATIONAL SECURITY
IN THE POLITICAL DISCOURSE
OF THE RUSSIAN FEDERATION (1992–2019)¹**

Ekaterina N. Vasilieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ebulfez Süleymanly

Üsküdar University, Istanbul, Turkey

Abstract. Introduction. Population growth in the world is uneven: while in some countries the population has been growing for a long time (China, India), in Russia and in many EU and BRIC countries, the birth rate has been declining in recent years; and if this does not affect the population, then only by increasing life expectancy and migration. Abrupt changes – both growth and decline – in the population are a threat to the national security of the state. The purpose of this work is to evaluate the effectiveness of political management (strategies and tools) aimed at solving demographic problems and increasing the birth rate in the Russian Federation, as well as to identify the stages of the formation of demographic policy in the Russian Federation in 1992–2019. *Methods and materials.* Based on the qualitative analysis of normative documents, the frame analysis of speeches of political leaders the main factors that influenced the coverage of demographic problems are revealed (the authors used official electronic versions of the following publications: “Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii” (Collection of Legislation of the Russian Federation) and “Byulleten normativnykh aktov federalnykh organov ispolnitelnoy vlasti” (Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Authorities). *Analysis.* The proposed research strategy allowed identifying demographic threats to national security articulated by political actors and presented in official documents, statements of officials, as well as to compare the political decisions taken in the Russian Federation with the decisions taken in some European countries. Strategic documents that ensure national security of the Russian Federation by including the demographic agenda in political discourse are considered as a tool of political management. *Results.* The article assesses the effectiveness of political management in solving demographic problems and increasing the birth rate in the Russian Federation, identifies the stages of the formation of demographic policy in the Russian Federation in 1992–2019, as well as the features of the articulation of demographic problems in the political discourse of Russia, and describes demographic threats. The analysis of the regulatory framework as a tool for political management, demographic threats prevention, as well as the basis of the state strategy for increasing the birth rate in the Russian Federation allowed identifying policy decisions that can be used to develop new measures within the framework of programs to increase the birth rate in the Russian Federation.

Key words: national security, demographic threats, political management, political decisions, strategy, social policy, demographic policy, birth rate, migration, measures of social support of the population.

Citation. Vasilieva E.N., Rostovskaya T.K., Süleymanly E. Demographic Threats to National Security in the Political Discourse of the Russian Federation (1992–2019). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 255-272. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20>

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РФ (1992–2019) ¹

Екатерина Николаевна Васильева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Тамара Керимовна Ростовская

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Абульфаз Сулейманлы

Ускюдарский университет, г. Стамбул, Турция

Аннотация. *Введение.* Распределение народонаселения в мире неравномерно: если в одних странах численность населения на протяжении длительного времени растет (Китай, Индия), то в России и во многих странах ЕС и БРИКС на протяжении последних лет рождаемость снижается, а если это не отражается на численности населения, то только за счет увеличения продолжительности жизни и миграции. Резкие изменения – как рост, так и снижение численности населения – становятся угрозой национальной безопасности государства. Целью данной работы является оценка эффективности политического управления (стратегии и инструментов), направленного на решение демографических проблем и увеличение рождаемости в РФ, а также выделение этапов формирования демографической политики в РФ в 1992–2019 годы. *Методы и материалы.* В работе использован качественный анализ нормативных документов, в частности фрейм-анализ текстов выступлений политических лидеров, что позволило выявить основные факторы, повлиявшие на политические решения в области демографической политики (для работы использовались официальные электронные версии следующих изданий: издание «Собрание Законодательства Российской Федерации» и издание «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти»). *Анализ.* Предложенная исследовательская стратегия позволила выделить демографические угрозы национальной безопасности, артикулированные политическими субъектами и представленные в официальных документах, заявлениях официальных лиц, а также сравнить политические решения, принимаемые в РФ и некоторых европейских странах. Стратегические документы, обеспечивающие национальную безопасность РФ посредством включения демографической повестки в политический дискурс, рассматриваются как инструмент политического управления. *Результаты.* В работе дана оценка эффективности политического управления в области решения демографических проблем и увеличения рождаемости в РФ, выделены этапы формирования демографической политики в РФ в 1992–2019 гг., а также особенности артикуляции демографических проблем в политическом дискурсе России, охарактеризованы демографические угрозы. Анализ нормативной базы как инструмента политического управления, предотвращения демографических угроз, а также основы государственной стратегии повышения рождаемости в РФ позволил определить политические решения, которые могут быть использованы для разработки новых мер в рамках программ увеличения рождаемости в Российской Федерации. *Вклад авторов.* Е.Н. Васильева сделала выборку нормативных документов за 1992–2019 гг. и провела их анализ на предмет выстраивания стратегии принятия управленческих решений в области национальной безопасности и противодействия демографическим угрозам, представила данные европейских исследований. Т.К. Ростовская выстроила теоретическую схему исследования национальной безопасности, социальной и демографической политики в РФ, охарактеризовала демографические исследования, проведенные в РФ в 1992–2019 годы. А. Сулейманлы разработал методику проведения анализа документов, уточнил прочтение нормативных документов.

Ключевые слова: национальная безопасность, демографические угрозы, политическое управление, политические решения, стратегия, социальная политика, демографическая политика, рождаемость, миграция, меры социальной поддержки населения.

Цитирование. Васильева Е. Н., Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 255–272. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.20>

Введение. Одним из самых актуальных в рамках политики и экономики является вопрос об эффективности политического управления для решения стоящих перед государством задач. Последние можно структурировать, выделив макро-, мезо- и микроуровни, но на каждом из них функция обеспечения национальной безопасности является одной из приоритетных, базовых, как и функция распределения общественных благ.

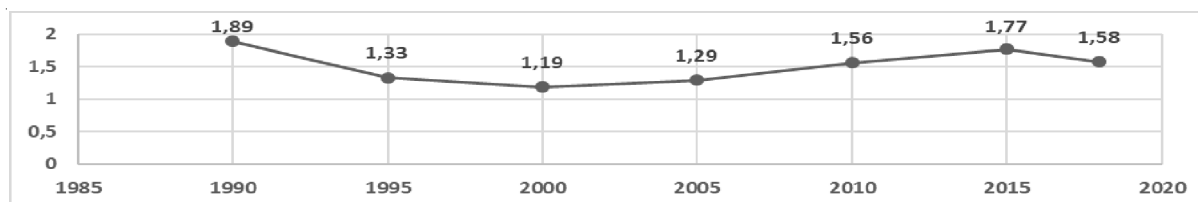
Национальная безопасность Российской Федерации (согласно Указу Президента РФ от 31.12.2015 № 683) – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации [41]. Формулировка понятия национальной безопасности в современных нормативных документах существенно не меняется с 1992 г. [6]. Однако достаточно серьезно трансформировались и расширились представления об угрозах национальной безопасности и задачах, стоящих перед Советом безопасности Российской Федерации, межведомственными комиссиями и аппаратом Совета безопасности Российской Федерации, в целом перед Правительством РФ.

Угрозы безопасности на разных уровнях будут серьезно отличаться по масштабу последствий. В начале XX в. было проведено несколько исследований эффективности политического управления в области решения демографических проблем [1; 10; 44]. Задачи, стоящие перед государством в период депопуляции, должны решаться комплексно, так как убыль населения напрямую сказывается на ситуации. Во-первых, сокращается призыв в армию, что несет серьезную опасность защиты государственных границ. Во-вторых, возможны смещения национального состава на-

селения, что может привести к межнациональной напряженности. В-третьих, снижается плотность населения в отдаленных от центральной России регионах, что влечет экономические потери, связанные с неэффективным использованием территорий. В-четвертых, наблюдается уменьшение бюджета страны за счет снижения доли экономически активного населения, а вытекающая проблема – недофинансирование пенсионной системы РФ. Можно привести и другие примеры угроз как внешней, так и внутренней безопасности, которые являются последствием стремительного сокращения населения.

В Российской Федерации существенное сокращение населения началось с 1992 года. Предыдущие периоды депопуляции были обусловлены Первой мировой войной, гражданской войной, голодом и репрессиями 1930-х гг., Второй мировой войной – историческими процессами, результаты которых стали основой негативных демографических прогнозов и обусловили убыль населения. Положительный естественный прирост некоторое время сохранялся в СССР за счет коэффициента суммарной рождаемости условного поколения женщин (2,8 в 1950 г.), однако уже к концу 70-х гг. показатель опустился до 1,9 рождений на одну женщину. А в 1979–1980 гг. продолжительность жизни в нашей стране достигла минимума – 61,5 года у мужчин, 73 года у женщин. [4, с. 105–108]. Далее ситуация только усугублялась (см. рисунок).

В 2019 г. в России демографический кризис все еще не преодолен, именно поэтому необходимо проанализировать исторические предпосылки формирования современной социально-демографической политики, расширить представления о международном опыте формирования демографической политики как основы

Изменение коэффициента суммарной рождаемости условного поколения женщин в 1985–2020 гг.

Change in the total birth rate of the conditional generation of women in 1985–2020

Примечание. Составлено авторами на основе: [5, с. 13].

безопасности государства, уточнить на основе анализа официальных нормативных документов как источника фактологической информации причины сложившейся ситуации, что позволит систематизировать актуальные данные для дальнейшего изучения важнейших этапов новейшей истории Российской Федерации.

Методы и материалы. В работе по-ступательно рассматриваются этапы артикуляции демографических проблем в политическом дискурсе России. Основным методом исследования является качественный анализ контента нормативных документов, а также фрейм-анализ текстов выступлений политических лидеров Российской Федерации [3]. Основными источниками информации являются электронные версии официального издания «Собрание Законодательства Российской Федерации» и официального издания «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» [21]. Предварительно выделены базовые показатели ухудшающихся демографических прогнозов (смысловые оси исследования) – коэффициент суммарной рождаемости; смертность населения; миграционный прирост. Анализ нормативных документов начинался с поиска следующих ключевых слов: «семья», «дети», «молодежь», «женщины», «материнство», «рождаемость», «смертность», «миграция», «демография», «здоровье», «депопуляция», «безопасность». Фиксировался контекст нормативных документов – финансовые документы, декларативные, стратегические. Использовался фрейм-анализ текста, то есть в тексте приводятся цитаты, позволяющие делать выводы об устойчивых риторических практиках, связанных с демографическими проблемами и безопасностью государства. Предложенная исследовательская стратегия позволяет выделить этапы формирования демографической политики в РФ в 1992–2019 годы. Полученная информация сопоставляется с демографической политикой некоторых стран ЕС, что позволяет наметить перспективные направления артикуляции политическими субъектами демографической проблематики, а также оптимизировать государственное управление в области стабилизации демографической ситуации в контексте безопасности Российской Федерации.

Анализ. Несмотря на поступательно ухудшающуюся с 1960–1970-х гг. демографическую ситуацию, депопуляционные проблемы практически не обсуждались в политическом дискурсе до 1993 г., так как негативные тенденции были скрыты позитивными итогами введения в начале 80-х гг. мер помощи семьям с детьми. Коэффициент суммарной рождаемости вырос не только за счет календарных сдвигов в сроках рождения детей, но и за счет увеличения детности. О.Д. Захарова отмечает, что изменения рождаемости носили кратковременный характер, с 1987–1988 гг. началось новое снижение рождаемости [7, с. 46]. Не менее остро стояли вопросы здоровья и смертности населения. А.Е. Иванова отмечает, что к концу 80-х гг. объемы оказания медицинских услуг значительно выросли, но экстенсивный рост при отсутствии должного финансирования привел к снижению качества медицинского обслуживания, а экономическая структура стала неблагоприятной [8, с. 53]. Е. Красинец, Н. Барина, Е. Тюрюканова приводят следующие статистические данные – в 1991 г. естественный прирост населения составил всего 0,7 чел. в расчете на 1 тыс. населения (в 1990 г. – 2,2 чел.) [9, с. 35]. В.Н. Архангельский в публикациях 1993–1994 гг. говорит о кризисном состоянии института семьи, который перестал выполнять свою основную функцию, сформировавшаяся малодетность российской семьи стала началом депопуляции населения [2, с. 115]. Таким образом, важным этапом в постановке демографических вопросов на правительственном уровне стало обсуждение демографических проблем в научном сообществе, большое значение сыграл сформированный в 1988 г. на базе Академии Наук СССР Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Контент-анализ электронных версий официального издания «Собрание Законодательства Российской Федерации» и официального издания «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти» показывает, что одним из первых документов, подготовленных к работе в 1992–1993 гг., является Постановление Правительства РФ об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по социально-демографическим

вопросам [22]. Еще через несколько месяцев Указом Президента Российской Федерации была создана Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации [38], в состав которой вошел руководитель центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук А.Г. Вишнеvский и другие научные и административные работники. Целью работы комиссии стало содействие проведению научных исследований в области демографии и формирование необходимой информационной базы для принятия управленческих решений.

К 1994 г. сложилось понимание, что повысить суммарный коэффициент рождаемости в короткие сроки не удастся, а перед Правительством РФ стоят задачи регулирования миграции: «Предполагается миграция примерно 400 тыс. россиян из Закавказья и 2,9 млн из Средней Азии, переселенцев с Северного Кавказа ожидается около 600 тыс. чел., из государств Балтии может выехать 120–150 тыс. человек», – выводы, вошедшие в Федеральную миграционную программу [33]. Миграционный прирост беженцев и переселенцев из стран бывшего СССР позволил немного отложить негативные статистические тенденции, снижение численности населения.

Демографическая риторика, включенная в нормативные документы, имеет негативные коннотации: «Депопуляция охватывает все большее количество территорий, усиливается процесс старения населения, увеличивается смертность детей и мужчин трудоспособного возраста», – декларируется в документе «Основные направления социальной политики Правительства Российской Федерации на 1994 год» в негативных фрейм-рамках [22]. Финансирование поставленных задач осуществлялось за счет федеральных программ «Молодежь России» [31], «Дети России» (подпрограммы «Дети – инвалиды», «Дети – сироты», «Дети Севера», «Дети Чернобыля», «Планирование семьи», «Развитие индустрии детского питания в РСФСР на 1991–1995 годы») [43].

В начале 1996 г. руководство страны было вынуждено признать ухудшение ситуации: «...приостановлены строительство и реконструкция ряда специализированных

предприятий по производству детского питания», – было официально заявлено в Указе Президента Российской Федерации от 19.02.1996 № 210 «О продлении действия президентской программы “Дети России”» [39].

«Кризис» – основной фрейм нормативных документов данного периода: «Несмотря на мизерный размер ежемесячного пособия на ребенка, принимаемые Правительством Российской Федерации меры кардинально не меняют сложившегося положения, что способствует обострению социально-политической напряженности в стране», – обозначено в Постановлении от 16.02.1996 № 90-П ГД [11].

В 1996 г. начата управленческая работа по формированию механизмов помощи семьям в обеспечении жильем: «Острота жилищной проблемы не снизилась. Насущно необходимым стали повышение социальной направленности жилищной реформы, разработка дополнительных мер государственной поддержки определенных социальных групп населения. Это касается, прежде всего, малоимущих граждан, молодых и многодетных семей...», – отмечено в Указе Президента Российской Федерации от 29.03.1996 № 431 [40].

Артикуляция демографических проблем в этот период не ведется в публичном пространстве (в это время на повестке экономические новости и обсуждение локальных военных конфликтов), но постепенно включается в повестку заседаний Правительства РФ, формулируется в нормативных документах. В Указе Президента Российской Федерации от 14.05.1996 № 712 [37] ставится задача изучения проблем российских семей с финансированием соответствующих научных исследований.

Управление демографическими вопросами переходит на региональный уровень [32], а также на уровень органов местного самоуправления [19]. Для уточнения положений Федеральной миграционной программы теперь привлекаются эксперты из числа специалистов Центра социальной демографии Института социологии Российской академии наук, Института проблем занятости Российской академии наук и Центрального института труда, общественные объединения, занимающиеся проблемами миграции [17].

Обсуждение доклада председателя Комитета Государственной Думы по делам женщин, семьи и молодежи А.В. Апаринной фиксируется в нормативных документах: *«Существенно ухудшается здоровье граждан, растет материнская и детская смертность, увеличивается число больных детей, детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»* [12]. Активный поиск механизмов решения демографических проблем лежит в основе роста числа финансируемых социальных программ, укреплении системы социального обслуживания семьи и детей и программы переселения российских немцев.

Насыщение политического дискурса новым контентом происходит постепенно, и к 1997 г. начинает формироваться общая повестка, в которую включены проблемы детей, молодежи, молодой семьи и российской семьи: *«Эффективная реализация основных направлений в области государственной молодежной политики должна привести к выравниванию демографической ситуации в стране, улучшению жилищных и социальных условий молодежи и молодых семей, повышению уровня доходов...»*, – заявлено в программе Правительства Российской Федерации «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах» [20]. Начинают использоваться новые инструменты – продлеваются целевые программы поддержки российских детей, детей-беженцев и вынужденных переселенцев. Утверждается план мероприятий Правительства Российской Федерации по реализации Программы социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг., в котором ставится задача разработать концепцию программы действий по выводу Российской Федерации из демографического кризиса [18].

Впервые демографическая проблема заявлена как проблема национальной безопасности государства в обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации в связи с принятием Всемирной декларации по здравоохранению: *«Население России сокращается. Демографическая проблема переросла из проблемы региональной и этнической в проблему нацио-*

нальной безопасности государства» [13], – в этом же документе констатируется, что проблема откладывалась, перспективы ее решения связывались со стабилизацией экономического положения в стране, но стабилизация экономического положения не сказалась позитивно на рождаемости.

В то же время миграционные проблемы решаются неэффективно, негативный фрейм можно зафиксировать, обратившись к тексту документа «О деятельности Федеральной миграционной службы России по реализации миграционной политики»: *«Факты свидетельствуют, что большинство российских соотечественников, возвратившихся в Россию, находятся в отчаянном положении: без жилья, работы, средств к существованию. <...> Они вынуждены повторно терпеть унижения на своей исторической родине»* [14]. Негативные тенденции отражены и в иных документах: *«Не удастся добиться существенного повышения рождаемости. Остается высокой материнская и младенческая смертность»* [15].

Качественный анализ нормативных документов 1992–1999 гг. позволяет определить данный временной промежуток как первый этап формирования демографической политики в контексте стратегии государственного управления и обеспечения безопасности российского государства, основным фреймом можно назвать артикуляцию угроз, которые спровоцированы снижением числа населения. С 2000 г. начинается новый этап формирования смыслов – популяризация демографических угроз национальной безопасности РФ. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечено: *«Последствиями глубокого социального кризиса являются резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформация демографического и социального состава общества»* [36].

Впервые в 2000 г. В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации открыто говорит о том, что «численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. <...> Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. <...> Сегодня демографическая ситуа-

ция – одна из тревожных» [23]. Таким образом, демографическая повестка становится основной политической задачей, выходит за рамки экспертных докладов. Стратегическая задача поставлена – Правительство Российской Федерации начинает разработку концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2015 г. [27], принимается Концепция охраны здоровья населения Российской Федерации на период до 2005 г. [29], продолжается финансирование федеральных целевых программ по улучшению положения детей в Российской Федерации на 2001–2002 годы.

С этого момента растет плотность, насыщенность текста демографическими понятиями, а к 2005 г. меняется фрейм нормативных документов – это не констатация демографических угроз, а выстраивание жестких механизмов государственного управления по реализации поставленных задач, что, с одной стороны, своевременно, с другой – меры реализуются с опозданием, решения разрабатываются с опорой на опыт европейских стран.

Сложность и противоречивость демографической ситуации в регионах мира актуализируют проведение исследований, направленных на поиск эффективных механизмов регулирования демографической политики. Значимый вклад в теорию демографического поведения привнесли концепции гендерного равенства, позволяющие связать воедино стратегии социально-экономической и демографической политики. М. Чжоу и М. Кан (M. Zhou, M.-Y. Kan) [54] сопоставляют уровень рождаемости и трудовую занятость мужчин и женщин с 1991 по 2017 г. в Великобритании (периоды с 1991 по 2000 г., с 2001 по 2008 г., с 2009 по 2017 г.). С 1992 по 2000 г. в России не было возможности проводить столь значимые эмпирические замеры, поэтому для построения прогнозных моделей использовались в основном статистические данные. Выводы, сделанные британскими социологами о положительном влиянии модели эгалитарной семьи на рождаемость, способствовали тому, что в сентябре 2010 г. Министерство образования Великобритании приняло нормативные документы, чтобы высвободить матерям время на работу. Для матерей, чьим детям от 3 до 4 лет, оно предоставило 570 часов в год бесплатного

ухода за детьми, а с 2013 г. – и для 2-летних детей из неблагополучных семей [52].

Е. Божуан и К. Бергаммер (E. Beaujouan, C. Berghammer) исследуют «разрыв рождаемости» – разницу между желаемым и фактическим числом детей у женщин 40 лет в 19 европейских странах и США [46]. Результаты проведенного ими исследования показывают, что женщины имеют в среднем меньше детей, чем планировали, и чаще, чем предполагалось, остаются бездетными (чем выше уровень образования женщины, тем выше разрыв между желаемым и фактическим числом детей). Если на фактическую рождаемость влияют «конкурирующие цели», занятость женщины, совместимость работы и семьи, то в представлениях об оптимальном количестве детей отражаются ценностные ориентации, складывающиеся под влиянием культуры региона проживания, семейного опыта женщины и т. д. Е. Божуан и К. Бергаммер выявили существенные различия в планировании семьи между женщинами Южной и Западной Европы, что определяется качеством инфраструктуры, позволяющей облегчить заботу о детях (доступность детских садов, хорошо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком оптимальный по продолжительности, то есть такой, который не позволит женщине потерять профессиональные навыки).

Э. Божуан и А. Солаз (E. Beaujouan, A. Solaz) [47] исследуют влияние родительской семьи на поведение детей, вступивших в фертильный возраст, то есть речь о преемственности демографического поведения, механизмах передачи фертильности (на эмпирических данных Франции в XX в.). И приходят к выводу, что во Франции в XX в. размер родительской семьи, количество братьев и сестер по-прежнему являются определяющими факторами принятия решения о количестве детей в семье. Важен для государственного управления по вопросам формирования демографической политики вывод авторов о позитивном влиянии трехдетных семей на число рождений в следующем поколении, в этом случае уменьшение количества рождений или не происходит, или рождается двое детей, то есть сохраняется замещение населения.

А. Лебано и Л. Джеймисон (A. Lebano, L. Jamieson) [51] исследуют рождаемость в

Италии и Испании, странах с наименьшим коэффициентом рождаемости в ЕС (1,34 против среднего по ЕС 1,6), которая снижается в течение 40 лет за счет трансформации демографического поведения поколений с 1935 по 1975 г. рождения. Авторы связывают это с отложенными рождениями – 31 год в Италии и 30,8 года в Испании против среднего показателя по ЕС – 29 лет, а также с увеличением доли матерей, чьи первые роды приходятся на возраст 40 лет и старше. Отложенное рождение приводит к снижению вероятности иметь более одного ребенка и к биологически обусловленной (недобровольной) бездетности. По результатам обработки текстов качественных глубинных интервью А. Лебано и Л. Джеймисон делают вывод о неуверенности молодежи в завтрашнем дне, обусловленной недостатком финансовых средств, недоверием работодателей к женщинам фертильного возраста, непростой ситуацией на рынке труда, невозможностью совмещать семейные обязанности и работу при ориентации на ответственное родительство или неуверенностью в собственных способностях воспитать ребенка.

А.-З. Дувандер и М. Йоханссон (A.-Z. Duvander, M. Johansson) [49] концептуализируют результаты социологических исследований, проведенных в северных странах ЕС (Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции), проверяя гипотезы, сформулированные на основе теории гендерного равенства. Включение в решение демографических проблем политики гендерного равенства привела к законодательным реформам и привлечению отцов к уходу за детьми (часть отпуска предоставляется только отцам и если данная часть не будет отцом востребована, то и мать им воспользоваться не сможет). Резервируют отпуск для отцов также в США и Канаде [53].

А.-З. Дувандер, Т. Лаппегард и М. Йоханссон (A.-Z. Duvander, T. Larpegard, M. Johansson) сравнивают интенсивность рождения в семьях, где отцы брали и не брали отпуск по уходу за ребенком [48], исследование лонгитюдное (семьи наблюдались более 10 лет) и продолжается в настоящее время. Актуальные выводы: вероятность рождения третьего ребенка в семьях, где отцом использовался отпуск, выше (в Швеции статистичес-

ки подтверждено для отцов с невысоким уровнем доходов, в Норвегии – для отцов с высоким уровнем доходов), однако эффект может быть временным, если и далее семьями будет откладываться рождение первого ребенка, поэтому поиск инструментов управления данными процессами становится в данных странах приоритетным.

Обращение к исследовательским проектам других стран показывает несопоставимость начавшейся в РФ с 2000 г. демографической политики с общемировыми тенденциями. Многомерность факторов, исследуемых в разных странах [30], и их влияние на государственное управление в области семейной политики не учитываются в российском политическом поле. Тем не менее ведется поиск механизмов стабилизации экономического положения российской, в том числе молодой семьи. Во-первых, утверждена Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. [27]. Во-вторых, институализирован процесс обеспечения жильем молодых семей. В-третьих, начата работа по оптимизации демографических процессов в селах РФ. В-четвертых, расширяются меры социальной поддержки детей: *«По результатам всероссийской диспансеризации детей лишь около 25 процентов детей являются здоровыми. <...> Одной из причин такого состояния здоровья детей является отсутствие во многих семьях полноценного питания»* [16]. В-пятых, разрабатываются программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу с целью стабилизации демографической ситуации. Наконец, вносятся изменения в государственный статистический учет.

К 2008 г. фреймы официальных нормативных документов окончательно изменяются, вместо констатации негативных тенденций в программы закладываются индикаторы достижения (что повышает эффективность работы): *«В связи с реализацией Концепции демографической политики Российской Федерации... .. ожидается улучшение демографической ситуации в 2008–2010 годах. <...> По среднесрочному прогнозу в 2010 году численность граждан трудоспособного возраста составит 87,6 млн человек, что на 2,6 млн человек*

(на 2,9 процента) меньше, чем в 2006 году» [25].

В официальные документы вводятся новые структурные компоненты «Демографическая политика и политика народосбережения», уточняются целевые показатели: «Необходимо обеспечить стабилизацию численности населения на уровне не ниже 142–143 млн человек к 2015 году и создание условий для повышения к 2025 году численности населения до 145 млн человек и средней продолжительности жизни до 75 лет» [26].

В целом Правительство работает в рамках Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [34]. Окончательная популяризация демографической политики – это объявление 2007 г. Годом семьи [42]. Позитивные изменения в демографической политике длились до 2015 г., в котором начался новый спад суммарного коэффициента рождаемости. С этого года начинается новый этап артикуляции демографических угроз национальной безопасности России, определяются риски, «обусловленные увеличением продолжительности жизни, изменением образа жизни, и старением населения, что приводит к новым социальным и медицинским проблемам, в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций» [35], утвержден План мероприятий по реализации в 2016–2020 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [24].

Угрозы демографической безопасности России зафиксированы в Бюджетном прогнозе Российской Федерации на период до 2036 г.: «Серьезный вызов демографические изменения представляют и для государственных финансов: с одной стороны, замедление темпов экономического роста сдерживает рост налогооблагаемой базы, а с другой стороны, опережающий рост количества экономически неактивных людей старшего поколения увеличивает нагрузку на системы пенсионного и медицинского обеспечения» [28].

Результаты. Проведенный качественный анализ документов позволил выделить три этапа формирования политической повестки обсуждения демографических угроз и

их влияние на безопасность Российской Федерации: 1992–1999 (период депопуляции), 2000–2014 (период демографической стабилизации), 2015–2019 (новый период демографического спада).

Разные страны используют специфические комплексы инструментов стимулирования рождаемости, так как используемые модели учитывают культуру, социально-экономические особенности региона. Обзор теоретических концепций и результаты исследований, проведенных в разных странах, показывают, что нормы демографического поведения заметно различаются на территории одной страны, в разных ее частях или в разных странах, в семьях с разным материальным положением.

Г. Эспин-Андерсен (G. Esping-Andersen) предлагает классифицировать подходы к реализации мер демографической политики и поддержки семьи и соотнести концептуальные модели социальной политики с мерами помощи семьям в разных странах. Анализируя социальную политику в государствах всеобщего благосостояния, он выделяет следующие типы: фамилистический, либеральный, консервативный, социал-демократический [50]. Суть подхода Г. Эспин-Андерсена в том, что механизмы поддержки семей в разных странах соответствуют одной из четырех выделенных им моделей социальной политики.

При реализации социальной политики стран либерального типа (Великобритания, Ирландия) осуществляется минимальное вмешательство государства в регулирование социальных вопросов. Фактически в этом случае семья должна действовать предельно рационально, так как социальные гарантии зависят от индивидуального вклада членов семьи в систему государственного страхования, то есть учитывается трудовой стаж, размер заработной платы, страховых отчислений. Конечно, на помощь могут рассчитывать и особенно нуждающиеся граждане, однако в этом случае помощь будет минимальной.

Консервативный тип социальной политики (Бельгия, Германия, Франция, Швейцария) предлагает иные масштабы участия государства в реализации мер социальной поддержки семей. Хорошо проработанные механизмы регулирования оказания социальной помощи ориентированы не только на воспроизводство

существующего социального порядка, но и на существенную поддержку института семьи. Размер социальных выплат также зависит от персонального «вклада» в бюджет государства (от суммы уплаченных налогов и стажа работы), но широко используются и опосредованно экономические модели помощи (инфраструктура, гибкие отпуска по уходу за ребенком и т. д.).

Наиболее благоприятной для решения демографических проблем можно назвать социал-демократическую модель социальной политики, которая осуществляется в скандинавских странах (Дания, Финляндия, Нидерланды, Норвегия, Швеция). В этих государствах обязательства по социальному обеспечению и поддержке семьи не одно десятилетие совершенствуются. В странах с социал-демократическим типом социальной политики под надзором государства наиболее оптимально осуществляется перераспределение ресурсов, что позволяет аккумулировать значительные средства на социальную политику, следовательно снимается вопрос об индивидуальном вкладе граждан в социальное обеспечение и страхование, расширяется доступ к социальным услугам.

Среди стран Западной Европы Франция имеет самый высокий коэффициент рождаемости. Сегодня в этой стране комплекс мер демографической политики один из самых прогрессивных в Европе [45]. Это, во-первых, пропаганда зарегистрированных браков. Во-вторых, ограничение доступа к абортам и к контрацепции, что неоднозначно воспринимается в социуме. В-третьих, хорошо продуманная система пособий всем категориям семей и в зависимости от уровня дохода. В-четвертых, меры, позволяющие поддерживать совмещение карьеры и материнства – ежемесячная выплата родителям, если они вынуждены взять после рождения третьего ребенка неоплачиваемый годовой отпуск; скидки, льготы и освобождение многодетных родителей от налогов; развитая инфраструктура помощи по уходу за детьми (воспитатели, врачи, психологи). В-пятых, жилищные льготы.

Не только во Франции и в современной России власти использовали жилищную политику для увеличения рождаемости. Доступные кредиты на улучшение жилищных усло-

вий для молодежи (погашение 20 % кредита при рождении первого ребенка; 30 % – при рождении второго; оставшихся 50 % – при рождении третьего) – стратегия поддержки родителей, которая позволила повысить рождаемость в ГДР в конце 1970-х годов.

Таким образом, можно сделать вывод, что политический дискурс способствует эффективному управлению в области социальной и демографической политики и детерминирует меры поддержки семей с детьми. На современном этапе развития РФ государственное управление ориентировано на формирование консервативной модели семейной политики, об этом можно судить, опираясь на поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации (ч. 1 ст. 72), основные положения посланий Президента РФ, принимаемые в интересах российской семьи законы, направленные на расширение мер социальной поддержки.

Подводя итог, можно констатировать, что эффективное управление позволяет обеспечить определенный рост уровня рождаемости (в РФ фиксировался до 2015 г.). Фактором роста рождаемости является «качество» жизни семьи, уверенность молодежи в будущем. Рождаемость выше в тех странах, например во Франции и в скандинавских государствах, где государственное управление в области семейной политики – это последовательно выстроенная система социальной поддержки родителей и детей, долговременная семейная политика государства, учитывающая, что современные родители пытаются совместить «конкурирующие цели»: образование, карьеру, досуг и семью, так как чувствуют потребность быть полноценными участниками жизни общества, на это направлена их система ценностей. В связи с этим в демографическую политику необходимо включать меры поддержки, позволяющие женщинам совмещать карьеру и рождение детей, что способствует гендерному равенству, а также общению мужчин к уходу за ребенком. Эффективность политического управления семейной политики в РФ обеспечивается следующими инструментами – материальной поддержкой семьи с детьми, ипотечным кредитованием, жилищными субсидиями, а также механизмами возврата соотечественников

и стимулирования миграции. В современной ситуации этого недостаточно, необходимы новые инструменты решения демографических проблем и увеличения рождаемости в РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation project no. 20-18-00256 “Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабин, Д. В. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе Российской Федерации: концептуальное обеспечение и технологический инструментарий : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Алабин Дмитрий Викторович. – Н. Новгород, 2009. – 22 с.

2. Архангельский, В. Н. К вопросу о семейной политике и социальной поддержке семей в Российской Федерации / В. Н. Архангельский // Семья в России. – 1994. – № 1. – С. 112–130.

3. Биткеева, А. Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

4. Вишневский, А. Г. Демографический потенциал России / А. Г. Вишневский // Вопросы экономики. – 1998. – № 5. – С. 103–122.

5. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-кор. РАН, д-ра экон. наук С. В. Рязанцева. – М. : Эко-Информ, 2019. – 79 с.

6. Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-I (с изм. от 25 декабря 1992 г., 24 декабря 1993 г., 25 июля 2002 г., 7 марта 2005 г., 25 июля 2006 г., 2 марта 2007 г., 26 июня 2008 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.belgkh.ru/media/site_platform_media/2018/2/24/zakon-rf-2446.pdf (дата обращения: 21.12.2020). – Загл. с экрана.

7. Захарова, О. Д. Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы / О. Д. Захарова // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 43–52.

8. Иванова, А. Е. Прогноз здоровья взросло-го населения России / А. Е. Иванова // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 50–59.

9. Красинец, Е. Демографическая ситуация в России / Е. Красинец, Н. Барина, Е. Тюрюканова // Экономист. – 1991. – № 2. – С. 35–44.

10. Кузнецова, Е. Д. Демографическая политика Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Кузнецова Елена Дмитриевна. – Краснодар, 2012. – 27 с.

11. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16.02.1996 № 90-II ГД «О мерах по обеспечению своевременности выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 26 февр. (№ 9). – Ст. 793.

12. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 05.12.1996 № 881-II ГД «О социальной защите и поддержке семьи, детей и молодежи» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 16 дек. (№ 51). – Ст. 5754.

13. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 05.11.1998 № 3203-II ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “К Президенту Российской Федерации в связи с принятием Всемирной декларации по здравоохранению”» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1998. – 30 нояб. (№ 48). – Ст. 5871.

14. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 02.12.1998 № 3294-II ГД «О деятельности Федеральной миграционной службы России по реализации миграционной политики» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1998. – 14 дек. (№ 50). – Ст. 6118.

15. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.10.1999 № 4442-II ГД «О неотложных мерах по улучшению здоровья женщин и детей в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1999. – 8 нояб. (№ 45). – Ст. 5399.

16. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18.04.2003 № 3901-III ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “К Председателю Правительства Российской Федерации М. М. Касьянову о необходимости повышения государственных пособий гражданам, имеющим детей, и компенсационных выплат на питание обучающихся в государственных, муниципаль-

ципальных общеобразовательных учреждениях, учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2003. – 5 мая (№ 18). – Ст. 1680.

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.08.1996 № 935 «Об уточнении Федеральной миграционной программы» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 26 авг. (№ 35). – Ст. 4177.

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.1997 № 222 «О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 годов» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1997. – 10 марта (№ 10). – Ст. 1173.

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.1996 № 762 «Об утверждении Федеральной комплексной программы развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 9 сент. (№ 37).

20. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.1997 № 360 «Об утверждении программы Правительства Российской Федерации “Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах”» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1997. – 12 мая (№ 19). – Ст. 2230.

21. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.1994 № 474 «Об утверждении Основных направлений социальной политики Правительства Российской Федерации на 1994 год» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1994. – 23 мая (№ 4). – Ст. 363.

22. Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23.07.1993 № 697 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по социально-демографическим вопросам» // Собрание Актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – 2 авг. (№ 31). – Ст. 2846.

23. Путин, В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. / В. В. Путин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/#dst0 (дата обращения: 08.08.2020). – Загл. с экрана.

24. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.04.2016 № 669-р «Об Утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2016. – 25 апр. (№ 17). – Ст. 2426.

25. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.08.2008 № 1193-р «Об одобрении

Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2008. – 25 авг. (№ 34). – Ст. 3964.

26. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2008. – 24 нояб. (№ 47). – Ст. 5489.

27. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2001 № 1270-р «Об одобрении Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001. – 1 окт. (№ 40). – Ст. 3873.

28. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 558-р «Об утверждении Бюджетного прогноза Российской Федерации на период до 2036 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2019. – 8 апр. (№ 14, ч. I–IV). – Ст. 1602.

29. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.08.2000 № 1193-р «Об утверждении Концепции охраны здоровья населения Российской Федерации на период до 2005 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2000. – 11 сент. (№ 37). – Ст. 3734.

30. Сулейманлы, А. Оценка уровня счастья в Евразийских странах в контексте результатов Всемирного Индекса Счастья / А. Сулейманлы // Международные отношения и диалог культур. – 2020. – № 8. – С. 181–195.

31. Указ Президента Российской Федерации № 1922 от 15.09.1994 «О федеральной программе “Молодежь России”» // Гарант. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1548736> (дата обращения: 25.08.2020). – Загл. с экрана.

32. Указ Президента Российской Федерации от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 3 июня (№ 23). – Ст. 2756.

33. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.1994 № 1668 «О Федеральной миграционной программе» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1994. – 29 авг. (№ 18). – Ст. 2065.

34. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2007. – 15 окт. (№ 42). – Ст. 5009.

35. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «Об Утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Феде-

рации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2016. – 5 дек. (№ 49). – Ст. 6887.

36. Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2000. – 10 янв. (№ 2). – Ст. 170.

37. Указ Президента Российской Федерации от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 20 мая (№ 21). – Ст. 2460.

38. Указ Президента Российской Федерации от 15.11.1993 № 1908 «О Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. – 1993. – 22 нояб. (№ 47). – Ст. 4524.

39. Указ Президента Российской Федерации от 19.02.1996 № 210 «О продлении действия президентской программы “Дети России”» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 26 февр. (№ 9). – Ст. 799.

40. Указ Президента Российской Федерации от 29.03.1996 № 431 «О новом этапе реализации Государственной целевой программы “Жилище”» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 1996. – 1 апр. (№ 14). – Ст. 1431.

41. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.

42. Указ Президента Российской Федерации от 14.06.2007 № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2007. – 18 июня (№ 25). – Ст. 3009.

43. Федеральный Закон «О федеральном бюджете на 1994 год» (в редакции федеральных законов от 23.12.94 № 75-ФЗ; от 31.03.95 № 39-ФЗ). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102031896&backlink=1&&nd=102030996> (дата обращения: 25.08.2020). – Загл. с экрана.

44. Харченко, М. А. Демографические процессы как угроза и условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Харченко Максим Александрович. – Ставрополь, 2008.

45. Чистякова, А. Франции нужны дети. Политика пронатализма во Франции / А. Чистякова // Демоскоп Weekly. – 2009. – № 377–378. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/>

student03.php (дата обращения: 11.08. 2020). – Загл. с экрана.

46. Beaujouan, E. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach / E. Beaujouan, C. Berghammer // Population Research and Policy Review. – 2019. – № 38. – P. 507–535. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.

47. Beaujouan, E. Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century / E. Beaujouan, A. Solaz // Demography. – 2019. – № 56. – P. 595–619. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>.

48. Duvander, A. Impact of a Reform Towards Shared Parental Leave on Continued Fertility in Norway and Sweden / A. Duvander, T. Lappegard, M. Johansson // Population Research and Policy Review. – 2020. – № 39. – P. 1205–1229. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09574-y>.

49. Duvander, A.-Z. Does Fathers’ Care Spill Over? Evaluating Reforms in the Swedish Parental Leave Program / A.-Z. Duvander, M. Johansson // Feminist Economics. – 2019. – № 25:2. – P. 67–89. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13545701.2018.1474240>.

50. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. – Cambridge : Polity Press, 1990. – P. 9–54.

51. Lebano, A. Childbearing in Italy and Spain: Postponement Narratives / A. Lebano, L. Jamieson // Population and Development Review. – 2020. – № 46 (1). – P. 121–144.

52. National Audit Office. Entitlement to free early education and childcare. London: Department for Education (Report HC 853), 2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2016/03/Entitlement-to-free-early-education-and-childcare.pdf> (дата обращения: 19.08. 2020). – Загл. с экрана.

53. Rehel, Erin M. When Dad Stays Home Too: Paternity Leave, Gender, and Parenting / Erin M. Rehel // Gender & Society. – 2014. – № 28 (1). – P. 110–132.

54. Zhou, M. A New Family Equilibrium? Changing Dynamics Between the Gender Division of Labor and Fertility in Great Britain, 1991–2017 / M. Zhou, M. Y. Kan // Demographic Research. – 2019. – № 40:50. – P. 1455–1500.

REFERENCES

1. Alabin D.V. *Prioritetnyye natsionalnyye proyekty v politicheskom protsesse Rossiyskoy Federatsii: kontseptualnoye obespecheniye i tekhnologicheskiiy instrumentariy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Priority National Projects in the Political Process of the Russian Federation: Conceptual

Support and Technological tools. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Nizhny Novgorod, 2009. 22 p.

2. Arhangel'skij V.N. K voprosu o semejnoy politike i social'noj podderzhke semej v Rossijskoj Federacii [On the Issue of Family Policy and Social Support for Families in the Russian Federation]. *Sem'ya v Rossii* [Family in Russia], 1994, no. 1, pp. 112-130.

3. Bitkeeva A.N., Wingender M., Mikhailchenko V.Yu. Prognozirovaniye i yazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: sociolingvisticheskiy aspekt [Language Prognosis and Language Diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>

4. Vishnevskij A.G. Demograficheskiy potencial Rossii [Demographic Potential of Russia]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 1998, no. 5, pp. 103-122.

5. *Demograficheskaya situatsiya v Rossii: novye vyzovy i puti optimizatsii: nacional'nyy demograficheskij doklad* [Demographic Situation in Russia: New Challenges and Ways of Optimization: National Demographic Report]. Moscow, Iz-vo Eko-Inform, 2019. 79 p.

6. *Zakon RF «O bezopasnosti» ot 5 marta 1992 g. № 2446-I (s izmeneniyami)* [Law of the Russian Federation "On Security" of March 5, 1992, no. 2446-I (As Amended)]. URL: http://www.belgkh.ru/media/site_platform_media/2018/2/24/zakon-rf-2446.pdf (accessed 21 December 2020).

7. Zaharova O.D. Demograficheskaya situatsiya v SSSR v 80-e gody [Demographic Situation in the USSR in the 80s]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1991, no. 4, pp. 43-52.

8. Ivanova A.E. Prognoz zdorov'ya vzroslogo naseleniya Rossii [Prognosis of Health of the Adult Population of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1992, no. 9, pp. 50-59.

9. Krasinec E., Barinova N., Tyuryukanova E. Demograficheskaya situatsiya v Rossii [Demographic Situation in Russia]. *Ekonomist* [Economist], 1991, no. 2, pp. 35-44.

10. Kuznetsova E.D. *Demograficheskaya politika Rossiyskoy Federatsii v kontekste obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Demographic Policy of the Russian Federation in the Context of Ensuring National Security. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2012. 27 p.

11. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 16.02.1996 g. № 90-II GD «O merah po obespecheniyu svoevremennosti vyplaty gosudarstvennykh posobij grazhdanam, imeyushchim detej» [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 16.02.1996 No. 90-II of the State Duma

“On Measures to Ensure the Timely Payment of State Benefits to Citizens with Children”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Feb. 26 (no. 9), art. 793.

12. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 05.12.1996 g. № 881-II GD «O social'noj zashchite i podderzhke sem'i, detej i molodezhi» [The Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 05.12.1996 No. 881-II GD “On Social Security and Family Support, Children and Young People”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Dec. 16 (no. 51), art. 5754.

13. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 05.11.1998 g. №3203-II GD «Ob obrashchenii Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii “K Prezidentu Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Vsemirnoj deklaracii po zdavoohraneniyu”» [The Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 05.11.1998, №3203-II GD “On Circulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation ‘To the President of the Russian Federation in Connection with Adoption of the World Declaration on Public Health’ ”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, Nov. 30 (no. 48), art. 5871.

14. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 02.12.1998 g. №3294-II GD «O deyatel'nosti Federal'noj migracionnoj sluzhby Rossii po realizacii migracionnoj politiki» [The Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Dated 02.12.1998, No. 3294-II GD “On the Activities of the Federal Migration Service of Russia on Realization of Migration Policy”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection Legislation of the Russian Federation], 1998, Dec. 14 (no. 50), art. 6118.

15. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 22.10.1999 g. № 4442-II GD «O neotlozhnykh merah po uluchsheniyu zdorov'ya zhenshchin i detej v Rossijskoj Federacii» [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 4442-II of the State Duma of 22.10.1999 “On Urgent Measures to Improve the Health of Women and Children in the Russian Federation”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, Nov. 8 (no. 45), art. 5399.

16. Postanovlenie Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 18.04.2003 g. № 3901-III GD «Ob obrashchenii Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya

Rossijskoj Federacii “K Predsedatelyu Pravitel’stva Rossijskoj Federacii M.M. Kas’yanovu o neobходимosti povysheniya gosudarstvennyh posobij grazhdanam, imeyushchim detej, i kompensacionnyh vyplat na pitanie obuchayushchih v gosudarstvennyh, municipal’nyh obshcheobrazovatel’nyh uchrezhdeniyah, uchrezhdeniyah nachal’nogo professional’nogo i srednego professional’nogo obrazovaniya”» [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 18.04.2003 No. 3901-III GD “On Circulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation ‘The Chairman of the Government of the Russian Federation M.M. Kasyanov on the Need to Increase State Allowances to Citizens with Children, and Compensation for Meals of Students of State, Municipal General Educational Institutions, Institutions of Primary Vocational and Secondary Vocational Education’”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2003, May 5 (no. 18), art. 1680.

17. Postanovlenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 03.08.1996 g. № 935 «Ob utochnenii Federal’noj migracionnoj programmy» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 935 of 03.08.1996 “On the Clarification of the Federal Migration Program”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1996, Aug. 26 (no. 35), art. 4177.

18. Postanovlenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 26.02.1997 g. № 222 «O Programme social’nyh reform v Rossijskoj Federacii na period 1996–2000 godov» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 222 of 26.02.1997 “On the Program of Social Reforms in the Russian Federation for the Period 1996–2000”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, Mar. 10 (no. 10), art. 1173.

19. Postanovlenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 1996 g. № 762 «Ob utverzhdenii Federal’noj kompleksnoj programmy razvitiya malyh i srednih gorodov Rossijskoj Federacii v usloviyah ekonomicheskoy reformy» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 762 of June 28, 1996 “On the Approval of the Federal Comprehensive Program for the Development of Small and Medium-Sized Cities of the Russian Federation in the Context of Economic Reform”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Sept. 9 (no. 37).

20. Postanovlenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 31.03.1997 g. № 360 «Ob utverzhdenii programmy Pravitel’stva Rossijskoj Federacii

“Strukturnaya perestrojka i ekonomicheskij rost v 1997–2000 godah”» [Resolution of the Government of the Russian Federation, No. 360 of 31.03.1997 “On the Approval of the Program of the Government of the Russian Federation ‘Structural Restructuring and Economic Growth in 1997–2000’ ”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, May 12 (no. 19), art. 2230.

21. Postanovlenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 6 maya 1994 g. № 474 «Ob utverzhdenii Osnovnyh napravlenij social’noj politiki Pravitel’stva Rossijskoj Federacii na 1994 god» [Resolution of the Government of the Russian Federation of May 6, 1994 N 474 “On Approval of the Main Directions of the Social Policy of the Government of the Russian Federation for 1994”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, May 23 (no. 4), art. 363.

22. Postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel’stva RF ot 23 iyulya 1993 g. № 697 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Mezhdedomstvennoj komissii po social’no-demograficheskim voprosam» [Resolution of the Council of Ministers-Government of the Russian Federation of July 23, 1993 No. 697 “On Approval of the Regulations on the Interdepartmental Commission on Socio-Demographic Issues”]. *Sobranie Aktov Prezidenta i Pravitel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation], 1993, Aug. 2 (no. 31), art. 2846.

23. Putin V.V. *Poslanie Federal’nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii. 8 iyulya 2000 g.* [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/#dst0 (accessed 8 August 2020).

24. Rasporyazhenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 14 aprelya 2016 g. № 669-r «Ob Utverzhdenii Plana meropriyatij po realizacii v 2016–2020 godah Koncepcii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of April 14, 2016 N 669-r “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2016–2020 of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, Apr. 25 (no. 17), art. 2426.

25. Rasporyazhenie Pravitel’stva Rossijskoj Federacii ot 15 avgusta 2008 g. № 1193-r «Ob odobrenii Koncepcii dejstvij na rynke truda na 2008–2010 gody» [Order of the Government of the Russian Federation of August 15, 2008 No. 1193-r “On Approval of the Concept of Actions on the Labor Market for 2008–2010”]. *Sobranie Zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii*

[Collection of Legislation of the Russian Federation], 2008, Aug. 25 (no. 34), art. 3964.

26. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r «Ob utverzhdenii Konceptii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r "On Approval of the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2008, Nov. 24 (no. 47), art. 5489.

27. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.09.2001 g. № 1270-r «Ob odobrenii Konceptii demograficheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2015 goda» [Order of the Government of the Russian Federation No. 1270-r of 24.09.2001 "On Approval of the Concept of Demographic Development of the Russian Federation for the Period up to 2015"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, Oct. 1 (no. 40), art. 3873.

28. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 marta 2019 g. № 558-r «Ob utverzhdenii Byudzhethnogo prognoza Rossijskoj Federacii na period do 2036 goda» [Order of the Government of the Russian Federation No. 558-r of March 29, 2019 "On Approval of the Budget Forecast of the Russian Federation for the Period up to 2036"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2019, Apr. 8 (no. 14, pt. I-IV), art. 1602.

29. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29.08.2000 g. № 1193-r «Ob utverzhdenii Konceptii ohrany zdorov'ya naseleniya Rossijskoj Federacii na period do 2005 goda» [Order of the Government of the Russian Federation No. 1193-r of 29.08.2000 "On the Approval of the Concept of Public Health Protection of the Russian Federation for the Period up to 2005"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, Sept. 11 (no. 37), art. 3734.

30. Suleymanlı E. Ocenka urovnya schast'ya v Evrazijskih stranah v kontekste rezul'tatov Vsemirnogo Indeksa Schast'ya [The Happiness Level Assessment in the Eurasian Countries in the Context of the World Happiness Index Results]. *International Relations and Dialogue of Cultures*, 2020, no. 8, pp.181-195.

31. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 1922 ot 15 sentyabrya 1994 goda O federal'noj programme «Molodezh' Rossii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 1922 of September 15, 1994 on the Federal Program "Youth of Russia"]. *Garant*

[Garant]. URL: <http://base.garant.ru/1548736/> (accessed 25 August 2020).

32. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 03.06.1996 g. № 803 Ob Osnovnyh polozheniyah regional'noj politiki v Rossijskoj Federacii [Decree of the President of the Russian Federation No. 803 of 03.06.1996 "On the Main Provisions of Regional Policy in the Russian Federation"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, June 3 (no. 23), art. 2756.

33. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.08.1994 g. № 1668 «O Federal'noj migracionnoj programme» [Decree of the President of the Russian Federation No. 1668 of 09.08.1994 "On the Federal Migration Program"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, Aug. 29 (no. 18), art. 2065.

34. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.10.2007 g. № 1351 Ob utverzhdenii Konceptii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 of 09.10.2007 "On the Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, Oct. 15 (no. 42), art. 5009.

35. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2016 g. № 642 «Ob Utverzhdenii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 642 of December 1, 2016 "On the Approval of the Strategy of scientific and Technological Development of the Russian Federation"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, Dec. 5 (no. 49), art. 6887.

36. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10.01.2000 g. № 24 «O Konceptii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 24 of 10.01.2000 "On the Concept of National Security of the Russian Federation"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, Jan. 10 (no. 2), art. 170.

37. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14.05.1996 g. № 712 «Ob Osnovnyh napravleniyah gosudarstvennoj semejnoy politiki» [Decree of the President of the Russian Federation No. 712 of 14.05.1996 "On the Main Directions of the State Family Policy"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, May 20 (no. 21), art. 2460.

38. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15.11.1993 g. № 1908 «O Komissii po voprosam zhenshchin, sem'i i demografii pri Prezidente Rossijskoj

Federacii [Decree of the President of the Russian Federation No. 1908 of 15.11.1993 “On the Commission on Women, Family and Demography Under the President of the Russian Federation”]. *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Acts of the President and the Government of the Russian Federation], 1993, Nov. 22 (no. 47), art. 4524.

39. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.02.1996 g. № 210 «O prodlenii dejstviya prezidentskoj programmy “Deti Rossii”» [Decree of the President of the Russian Federation No. 210 of 19.02.1996 “On the Extension of the Presidential Program ‘Children of Russia’ ”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Feb. 26 (no. 9), art. 799.

40. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 29.03.1996 g. № 431 «O novom etape realizacii Gosudarstvennoj celevoj programmy “ZHilishche”» [Decree of the President of the Russian Federation No. 431 of 29.03.1996 “On the New Stage of Implementation of the State Target Program ‘Housing’ ”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Apr. 1 (no. 14), art. 1431.

41. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda № 683 «O Strategii natsionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of December 31, 2015 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed 22 December 2020).

42. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 iyunya 2007 g. № 761 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda sem'ia» [Decree of the President of the Russian Federation of June 14, 2007 No. 761 “On holding the Year of the Family in the Russian Federation”]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, June 18 (no. 25), art. 3009.

43. *Federal'nyj Zakon O federal'nom byudzhetе na 1994 god Prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 24 iyunya 1994 goda Odboren Sovetom Federacii 24 iyunya 1994 goda. V redakcii federal'nyh zakonov ot 23.12.94 g. N 75-FZ; ot 31.03.95 g. N 39-FZ* [The Federal Law on the Federal Budget for 1994 Was Adopted by the State Duma on June 24, 1994 and Approved by the Federation Council on June 24, 1994 as Amended by Federal Laws No. 75-FZ of 23.12.94; No. 39-FZ of 31.03.95. As amended by Federal Laws No. 75-FZ of 23.12.94; No. 39-FZ of 31.03.95]. URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102031896&backlink=1&&nd=102030996)

102031896&backlink=1&&nd=102030996 (accessed 25 August 2020).

44. Kharchenko M.A. *Demograficheskiye protsessy kak ugroza i usloviye obespecheniya natsionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Demographic Processes as a Threat and Condition for Ensuring the National Security of the Russian Federation. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Stavropol, 2008.

45. Chistyakova A. Francii nuzhny deti. Politika pronatalizma vo Francii [France Needs Children. The Politics of Pronatalism in France]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2009, no. 377-378. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0377/student03.php> (accessed 11 August 2020).

46. Beaujouan E., Berghammer C. The Gap Between Lifetime Fertility Intentions and Completed Fertility in Europe and the United States: A Cohort Approach. *Population Research and Policy Review*, 2019, no. 38, pp. 507-535. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>.

47. Beaujouan E., Solaz A. Is the Family Size of Parents and Children Still Related? Revisiting the Cross-Generational Relationship Over the Last Century. *Demography*, 2019, no. 56, pp. 595-619. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00767-5>.

48. Duvander A., Lappegard T., Johansson M. Impact of a Reform Towards Shared Parental Leave on Continued Fertility in Norway and Sweden. *Population Research and Policy Review*, 2020, no. 39, pp. 1205-1229. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09574-y>.

49. Duvander A.-Z., Johansson M. Does Fathers' Care Spill Over? Evaluating Reforms in the Swedish Parental Leave Program. *Feminist Economics*, 2019, № 25:2, pp. 67-89. DOI: <https://doi.org/10.1080/13545701.2018.1474240>.

50. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare*. Cambridge, Polity Press, 1990, pp. 9-54.

51. Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: Postponement Narratives. *Population and Development Review*, 2020, no. 46 (1), pp. 121-144.

52. *National Audit Office. Entitlement to Free Early Education and Childcare*. Department for Education. Report HC 853, 2016, London. URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2016/03/Entitlement-to-free-early-education-and-childcare.pdf> (accessed 19 August 2020).

53. Rehel, Erin M. When Dad Stays Home Too: Paternity Leave, Gender, and Parenting. *Gender & Society*, 2014, no. 28 (1), pp. 110-132.

54. Zhou M., Kan M.Y. A New Family Equilibrium? Changing Dynamics Between the Gender Division of Labor and Fertility in Great Britain, 1991–2017. *Demographic research*, 2019, no. 40:50, pp. 1455-1500.

Information About the Authors

Ekaterina N. Vasilieva, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Fotievoy St, 6, Bld. 1, 119333 Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Ebulfez Süleymanly, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Üsküdar University, Haluk Türksoy St, 14, 34662 Istanbul, Turkey, ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0003-1894-5232>

Информация об авторах

Екатерина Николаевна Васильева, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasilevaen@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0460-5539>

Тамара Керимовна Ростовская, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333 г. Москва, Российская Федерация, rostovskaya.tamara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1629-7780>

Абульфаз Сулейманлы, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Ускюдарский университет, ул. Халук Тюрксой, 14, 34662 г. Стамбул, Турция, ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0003-1894-5232>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 2 503 руб. 83 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
 - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
 - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
 - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 2503.83 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

